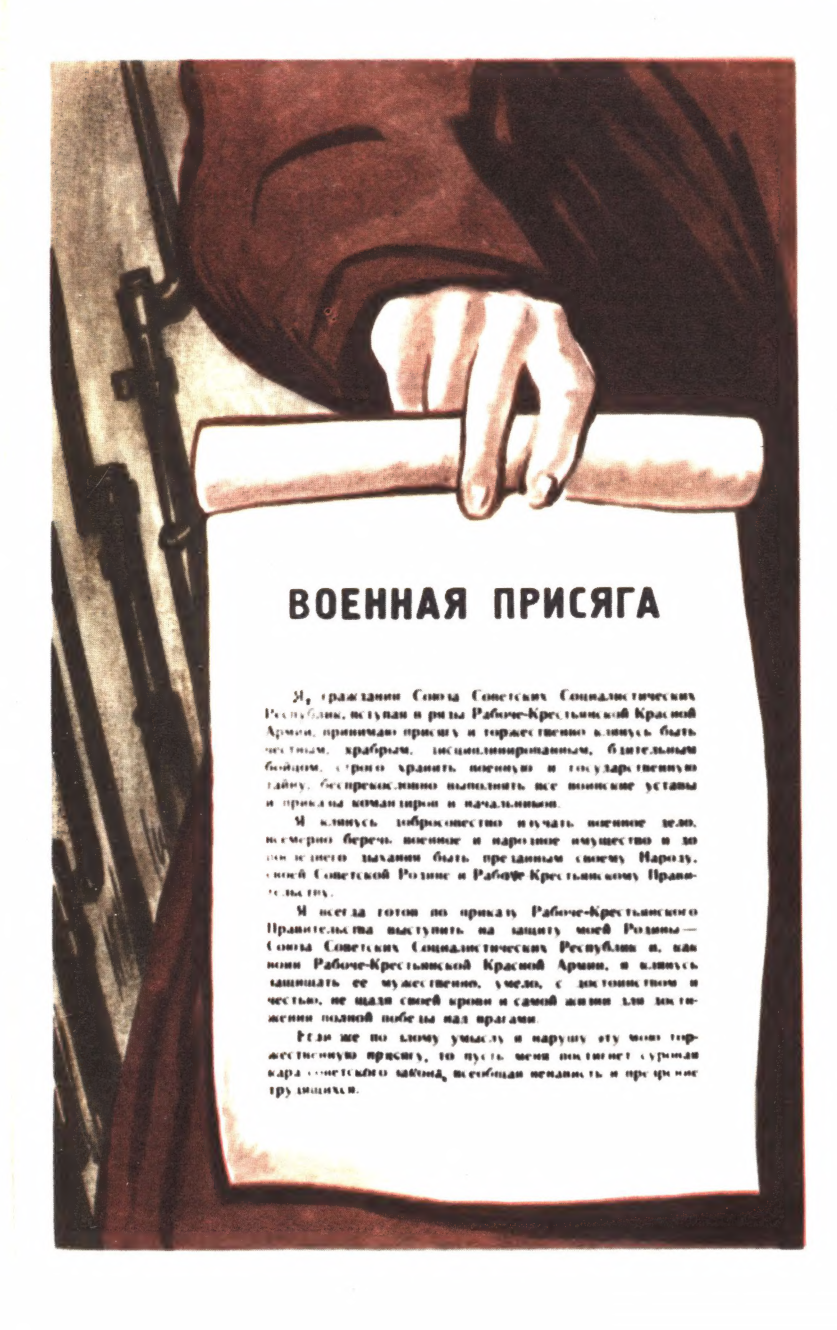

В СОЛДАТСКОЙ
ШИНЕЛИ

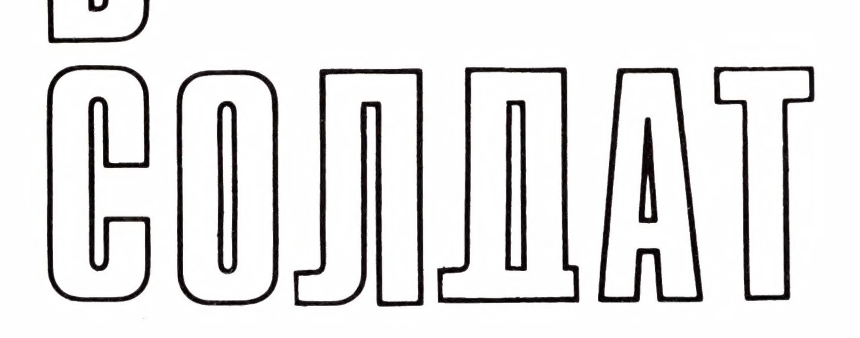

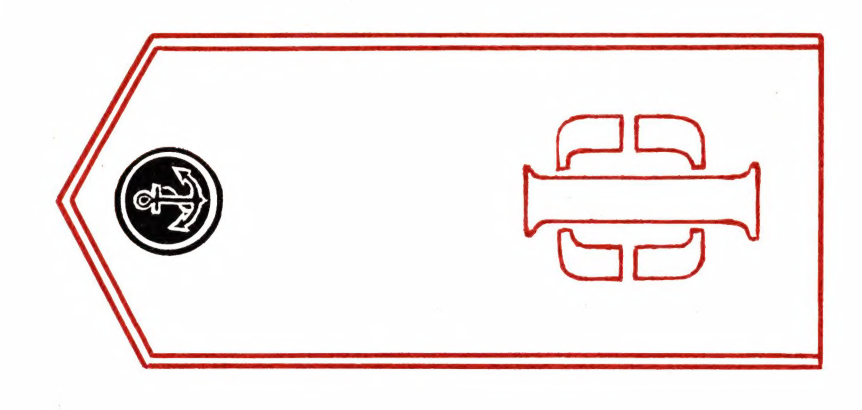

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА
Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.
Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.
Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.
Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

В

1 НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

2 СЛАВЫ ОТЦОВ – ДОСТОЙНЫ

СКОЙ ШИНЕЛИ

Москва • Издательство политической литературы • 1985

68.49(2)
В11

Составитель
Т. А. ГАЙДАР

В11 **В солдатской шинели** /Сост. Т. А. Гайдар.— М.: Политиздат, 1985.— 575 с., ил.

Подвиги воинов Советской Армии в годы Великой Отечественной войны и в мирное время — таково содержание книги, представляющей собой сборник очерков советских писателей и журналистов.
Книга рассчитана на массового читателя.

В $\frac{\textbf{0505030202—040}}{\textbf{079(02)—85}}$ **146—85** **68.49(2)** **355С**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

У книги «В солдатской шинели» много авторов. Среди них те, кто прошел трудными дорогами Великой Отечественной войны, и те, кто родился, когда уже отгремели ее последние залпы. Писателей и журналистов разных поколений объединяет верность теме воинского подвига Страны Советов, которая четыре огненных года вела смертный бой с фашизмом.

Память о подвиге советского народа, отстоявшего свободу и независимость своей социалистической Родины и спасшего мир от фашистского рабства, живет и будет жить вечно; рассказы о нем, передаваясь от отца к сыну, уйдут в даль грядущих веков.

Живет этот великий подвиг и в славных боевых традициях Вооруженных Сил СССР, стоящих ныне на страже мирного труда советских людей, на страже мира во всем мире. За четыре десятилетия, которые отделяют нас от незабываемого дня 9 мая 1945 года, многое изменилось в Советской Армии и Военно-Морском Флоте. Неизмеримо возросла их мощь, иным, куда более грозным и сложным, стало оружие, изменился сам характер ратного труда. Но те же, овеянные славой победных сражений, боевые знамена реют над полками и кораблями, та же пламенная любовь к Родине, верность делу Коммунистической партии наполняет сердца советских воинов, и так же, как прежде, в любую минуту они готовы на подвиг.

О сражениях и героях Великой Отечественной войны, о жизни, боевой учебе и напряженном ратном труде сегодняшних защитников Родины повествует книга «В солдатской шинели», составленная сотрудниками военного отдела «Правды» из очерков, впервые увидевших свет на страницах этой газеты.

В солдатской шинели

1

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Павел БАРАШЕВ
Виктор БЕЛОУСОВ
Николай ЧЕРКАШИН
Давид НОВОПЛЯНСКИЙ
Владимир РУДНЫЙ
Вера ДОРОФЕЕВА
Виль ДОРОФЕЕВ
Иван СТАДНЮК
Георгий ХОЛОПОВ
Константин СИМОНОВ
Михаил КОРШУНОВ
Григорий ЩЕДРИН
Евгений ДВОРНИКОВ
Петр СТУДЕНИКИН
Май ПОДКЛЮЧНИКОВ
Иван ПАДЕРИН
Михаил АЛЕКСЕЕВ
Василь БЫКОВ
Анатолий АНАНЬЕВ
Борис СТРЕЛЬНИКОВ
Вадим ДАНИЛОВ
Александр МУРЗИН
Владимир ЧЕРТКОВ
Александр ЯКОВЕНКО
Григорий БАКЛАНОВ
Кузьма ХМЕЛЕВСКИЙ
Давид РОДИНСКИЙ
Николай ЦАРЬКОВ
Акрам ШАРИПОВ
Николай ДЕНИСОВ
Анатолий ХОРОБРЫХ
Леонид ЕВТУХОВ
Сергей СМИРНОВ
Алексей СМОЛЬНИКОВ
Михаил БРАГИН
Олег МОСКОВСКИЙ
Михаил ОДИНЕЦ
Илья ШАТУНОВСКИЙ
Юрий ВОРОНОВ
Георгий КУБЛИЦКИЙ
Олег СМИРНОВ
Валерий КАЛИНКИН
Валерий ОСИПОВ

Павел БАРАШЕВ

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Он горит всегда.

Горит и днем, и ночью. И в проливной дождь, и в лютую стужу.

Горит, как боль в материнском сердце, не знающем, что такое забвение.

Будто вспыхнул он от самого первого залпа той великой войны, которая опалила каждого из нас ярым огнем ненависти к врагу и ярким пламенем веры в Победу. Теперь он горит вечно и в горении своем улетает отсюда, от подножия стены Кремля, в небо нашей планеты.

К нему идут и идут люди.

Идут те, кто не дождался с кровавых полей войны отцов и сыновей, сестер и братьев. Идут, чтобы в обжигающем, как горькая слеза, пламени еще раз увидеть родные черты Солдата, ушедшего от нас в скорбное и великое бессмертие.

Рядом с Вечным огнем замерли в почетном карауле солдаты. Молодые. В парадной форме. Отбив чеканным шагом путь к огню, они застывают по стойке «смирно».

Каждому из них сегодня всего по двадцать. По две их жизни уже прошло с того сорок первого, от которого зажегся Вечный огонь. На лицах их временами еще проглядывает что-то мальчишеское, детское. Но их руки крепко, по-мужски сжимают стволы карабинов, а в глазах отчетливо проступает железная воля солдата.

Стоит солдат у Вечного огня. Застыл по стойке «смирно», а перед ним бесконечной чередой проходят

и москвичи, и люди, приехавшие в Москву со всей страны, со всего света.

Пожалуй, не найдется на земле такой страны, представители которой не приходили бы сюда, чтобы, в молчании склонив голову, почтить светлую память тех, кто погиб в борьбе с фашизмом, ценой своей жизни добыв миру мир.

Сюда, по традиции, приходят космонавты, перед тем как отправиться в свой звездный путь, зимой и летом мелькает здесь белая фата невесты. Видит здесь солдат и слезы, и улыбки...

Огонь полощется на ветру, рвется в небо, в бессмертие, отсветы его падают на лица людей и цветы, которых всегда много на могиле Неизвестного солдата.

Синие ели и красная стена Кремля в глубоком молчании застыли за спиной солдатского караула. По розовому граниту беззвучно шагают люди, и пламя огня высвечивает слова, отчеканенные бронзой на граните: «ИМЯ ТВОЕ НЕИЗВЕСТНО, ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН»...

Май, 1981 г.

Виктор БЕЛОУСОВ

ГРЯНУЛ ЧАС

Этой горкой кончается город. И Десна под нею, напоив и обстирав Трубчевск, поворачивает в луга, к синеватому шву леса на сходе с землей. Горку назвали Полковницкой. А площадь, что вела к ней,— Казармецкой. Хотя полковников забыли когда и видели на ней, а караульная рота квартировала тут только в гражданскую войну. А после в тех двух домах, стоящих в старом саду, помещались военкомат и Осоавиахим. Но на пороге сорок первого старые названия ожили, зазвучали с прежним смыслом. Однажды пришедшие помыться в баню трубчане увидели бумажку: «Полковой день». Да, в городе появился полк. Он и стал хозяином Казармецкой площади. А военкомату с Осоавиахимом, где работал отец, пришлось искать другую крышу.

И тихую Казармецкую встревожили непреклонные голоса командиров: «Длинным с выпадом — коли!», «Газы!» И в застарелую дернину Полковницкой вгрызались саперные лопатки. И пылили роты, унося в поля песни про Украину золотую и махорочку-махорку. И чаще забились сердца трубчевских девчат.

Помню вечер с летучими мышами. В нашем дворе негаданная гостья выкладывает отцу свою заботушку: Тонька ее гуляет с приезжим лейтенантом. А что тут хорошего? Военные сегодня здесь, а завтра один бог ведает, куда их перекинут. «Говорю негоднице: «Мало тебе своих парней? Тут я и детишек тебе вскохаю и чем могу, подмогну. А за лейтенантом твоим по свету пятки бить на меня не рассчитывай». А Тонька слушать

не хочет. К тому ж, говорит, они тут капитально обживаются, никто их никуда не перекинет. Но много ли Тонька смыслит в этих делах? А ты, Васильич, человек военный». Она выжидательно смотрит на отца. Он хоть и военный, но свой, трубчевский, не должен допустить, чтобы первых красавиц поувозили.

Папа отвечает уклончиво. Зачем тут поставили полк и когда его передвинут, справляться надо не у него, а у Генштаба, у генерала Жукова, который все равно ничего не скажет. Но если полк взялся отделывать Дом культуры, интересы у него тут, надо полагать, долгосрочные. «Во-во,— подхватывает гостья,— слух идет, бархатный занавес они повесили». Папа подтверждает, и она уходит успокоенной: кто потратится на богатый занавес, если, как поется в песне, «завтра в поход».

А завтра воскресенье. На неделе папе ехать в Орел за значками ПВХО, «Ворошиловский стрелок», ГТО, ГСО. Папа похвалился, что в последний раз полковой комиссар сказал там ему: «На вас не напасешься». На что мама заметила: «Конечно, если выходного ты не можешь прожить без тира или противогаза». Это — преувеличение, хотя и небольшое. Как раз завтра в городе — ни стрелковых, ни других оборонных соревнований.

Утром мы идем «подмолодиться». Единственную парикмахерскую, что против рынка, шутливо зовут клубом. Здесь тебе и встречи, и последние городские новости. Посидишь полчасика и уже будешь знать, почем мерка картошки, кто нынче вынес первый огурец, где и какого сома поймал со «смыкалкой» старик Седнев, когда станут делить городской луг и правда ли, что сам доктор Евлампий Николаевич подтвердил целебность воды в парковом потайнике.

Папу брил Коля Верещетин, по прозвищу Борщ, который все делал основательно и аккуратно: и руками в парикмахерской, и ногами на футбольном поле, когда выступал за сборную города. Он прошелся бритвой раз, и только взболтал пену под второй, как над белой салфеткой, откуда ни возьмись, навис рыжеусый военкоматовский конюх Андреич: «Полковник велели тихо и пулей». «Тихо» у него прозвучало на всю парикмахерскую.

Папа отвел мыльную кисть и салфеткой промокнул щеки. И уже в дверях настиг его Коля Борщ с резиновой грушей. Он не мог видеть свою работу незавершенной.

Я было тоже сорвался вслед, но папа вернул меня стричься. В парикмахерской беспокойно поговорили, с чего бы выхватывать человека прямо из кресла. Наконец кто-то высказал предположение: «Никак лес задымил?» На большие пожары мужчин собирали через военкомат. Тут же носы начали втягивать воздух, но вместо дальнего дыма уловили запах одеколона «Цветной горошек». Разговор снова вернулся к житейским делам, однако в паузы прислушивались, не бухнет ли колокол на каланче.

Всего ждали. Только не того, что услышали из черного и гнутого круга на стенке: «Сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу...»

Всю речь наркома иностранных дел Борщ простоял с резиновой грушей, надетой на флакон с «Цветным горошком». И еще с полминуты в наступившей тишине. Потом поставил одеколон, взял машинку-нулевку: «Ну, солдатики, кто первый?» И тот, что сидел у него в кресле с почти законченным «фокстротом», махнул из-под накидки рукой: «А, Коля, давай зараз!»

Потом я много слышал рассказов о первом дне войны. Разных. Но перед моими глазами стоит парикмахерская, полная всякого люда по случаю выходного. Здесь были сатиновые рубашки и вышитые льняные косоворотки, плисовая толстовка и шнурованные футболки. Но это им сказал Николай Борщ: «Ну, солдатики...» Первой мыслью при страшном известии была мысль об извечном мужском долге.

В кино часто показывали этот день солнечным. Для контраста с черной бедой, что свалилась на всех. А у нас день был хмарный. И только-только стало распогоживаться. Но с дальнего базара бежали, точно ждали ливня.

Дома я застал маму в слезах и с ножницами. Перед нею стоял открытый чемодан. Нет, никакого сигнала

папа не давал. Но разве она не понимает? И мама резала и резала белые полоски на подворотнички: «Когда там ему стирать?!»

Однако чемодан в тот день не понадобился. Папу назначили председателем комиссии по мобилизации транспорта. А с ним и я переместился на площадку МТС.

Редкие кони не шарахались тогда от машин — мало их было. Но стянутые сейчас со всего района к одной лужайке машины гляделись внушительно. Даже папа на минуту отвлекся от своих бумаг и удовлетворенно заметил: «А что, не спал рабочий класс».

Машины проверял молодой, красивый механик Дурнев. В новеньком комбинезоне, весь преисполненный важностью задачи, он гонял их по кругу, забирался под брюхо, пружинил на крыле и наконец выносил заключение. Число забракованных машин росло. Когда отобрали бесспорно годные, папа попросил механика вернуться к забракованным:

— Алексей Никитич, а если не так строго?

— Вы что, не верите? Она же дребезжит!

Папа ответил не сразу:

— Верю. И если бы завтра добрый дядя прислал нам отбирать из другой партии, и речи бы не вел. Но других не будет. А ты представляешь, Алеша, что такое фронт от Балтийского до Черного моря? Какую прорву машин надо?

Он дает нам время представить эту уже полыхающую в огне войны ширь и добавляет:

— А машина-то из Выползова пришла. Не на веревочке ж ее привели оттуда, как бычка. Так можно на ней хлеб на позиции доставить?

Он подзывает шофера и повторяет вопрос.

— Это глядя кто поведет,— начинает тот.

— Ты поведешь.

Зажурившийся шофер преображается. Он торопливо, как для строя, застегивает бесчисленные пуговки на рубашке и частит:

— Товарищ капитан. Да я... Зачем хлеб? Надо для мортиры — для мортиры будет. Надо до Бе́рлина,— он ударяет на «е», — до Бе́рлина будет. Я всякую ее

капризу знаю. Уж вы только нас не разлучайте.— И он хлопает ладонью по капоту, как хлопают по шее доброго коня.

— Подписываем? — обращается папа к механику.

Теперь тот не противится.

А папу и здесь разыскал Коля Борщ. Недолго же пришлось ему стричь «под солдатика», пришел и его черед. Не привыкший, видно, ни о чем просить, он искал теперь заступничества. Пусть отец напишет записку военкому, чтоб в бумагах тот не отмечал его парикмахерского занятия. А то узнают там и поставят брить. «Не подходит?» — спрашивает папа. «Да уж нет. Воевать так воевать».

Больше я никогда не увижу нашего парикмахера. Так привычно представляю его поливающим голову одеколоном из флакона с резиновой грушей. Так трудно — поливающим огнем из автомата. Но у него, поди, и не было автомата. Не дождался. Упал где-нибудь с трехлинеечкой. Как известит скупая похоронка, «верный присяге и воинскому долгу».

Как похожи эти похоронки. Как непохожи были те, о ком они. И носившие гимнастерки с петлицами. И надевшие их лишь в грозный час. Оставив рубанок и школьный мелок, конторские счеты и разводной ключ, плуг и рейсфедер...

Идет с котомкой на плече директор нашей Первой образцовой школы Б. В. Лозов.

— Борис Васильевич, и вы?!

— А что — туда не берут таких?

Задор не изменил ему. Сколько жизни в этом человеке! Третьеклассник, я даже толком не знаю, что он преподает. Кажется, преподавать он может все. Футбольную команду непременно выводит на поле он, и не уйдет, не забив гол. Ему ничего не стоит поставить на школьной сцене оперетту. И нарисовать смешной календарь природы, где солнце подмигивает тебе: «Не унывай, школяр!»

— Борис Васильевич, и вы?!

— Нил Матвеевич, кто ж нам теперь серпики отобьет?

А это уже кузнецу Бессчастному.

— Ничего, бабоньки, серпов моего закала хватит вам на две пятилетки.

Хорошо, этот вернется...

А полк все стоит. Уже в касках, с гранатами на поясе. Теперь и без Генштаба ясно, зачем его сюда ввели. Войска стягивали к западу. Чувствовали. Готовились. Не ожидали одного: что так скоро.

Но почему теперь мешкает полк? Когда наши отступают, когда там не хватает сил?! «Доукомплектовывают»,— объясняет папа.

Но вот и полк снялся. И папа с начальником милиции Савкиным формирует истребительный батальон. Уже поговаривают о немецких десантах. А войне всего третья неделя. А винтовки делить ой как трудно! Пирамидка на всех.

Замотанный, с подсушенным на солнце лицом, поздним вечером папа размечает объекты для охраны: электростанция, радиоузел, Дом Советов, почта, типография, хлебозавод, керосиновая лавка...

— Ничего не пропустил?

— Музей,— подсказываю я.

— Правильно!

Только разное видим мы. Я — чучела медведя и цапли. Отец, наверное,— рассыпанную по бумагам, сложенную из тысячелетних черепков, из ржавой кольчуги, из тканого крепостными холста и повязки красногвардейца нашу историю. На которую теперь замахнулся фашизм. В бычьем раже все сокрушить и растоптать. Из спесивой мысли о превосходстве одного народа над другим. Из грабительской наклонности зариться на чужое. Он многих смял. Вконец охмелев, вломился в наш дом. И мало было вышвырнуть его. На нас пало очистить от этой мрази землю. Чего бы это ни стоило.

И садились в теплушки батальоны. И записывались в истребительный те, кто постарше, или не набравшие призывных лет.

Следующей ночью отец обходит посты. Возвращается возбужденный, с винтовкой:

— Дрыхнет. На посту! Бери голыми руками.

— Человек после работы,— заступается мама.

— А кто теперь не после работы!

Но доброе папино сердце берет верх над командирской обязанностью примерно наказать часового. Он снова натягивает сапоги и уходит с винтовкой: «Но в следующий раз...»

«Следующего» не будет. Утро принесет телеграмму: «Прибыть в распоряжение...»

Скоро мы будем писать: «Действующая армия... командиру третьего стрелкового батальона...» До эвакуации. И папа будет отвечать сразу в несколько адресов. Наугад. По возможному нашему маршруту.

Я ждал от него описания боев, подвигов. А письма были короткие. С непременным советом: «Далеко не забирайтесь». Лишь позднее я оценю эти строчки. Когда узнаю, что писались они на продырявленном пулей планшете. Что после одного из боев,— а папин батальон защищал подступы к Сещинскому аэродрому, известному нынче многим по фильму «Вызываем огонь на себя»,— так вот, после одного из боев из офицеров остался он один. Что было все на пределе. И все-таки: «Далеко не забирайтесь». Потому что верил. Вопреки всем поражениям и неудачам того горького лета верил: остановят, иначе не может быть! Как верой кончалось страшное сообщение первого дня: «Наше дело правое. Враг будет разбит».

...А на Полковницкой горке стоит солдат. Один из тех обелисков, что взошли на горьком посеве. Высаженные около маленькие березки давно вымахали и заслонили памятник. Как будто в секрете стоит солдат.

Зла он не держит. Но он и не терпит зла. За лучшее будет всем помнить крепко: после 22 июня было 9 мая.

Июнь, 1981 г.

Николай ЧЕРКАШИН

«ИЗ ДОТОВ НЕ ВЫХОДИТЬ!»

По обе стороны от Брестской крепости — на юг и на север — вдоль пограничного Буга на десятки километров разбросаны врытые в землю бетонные коробки. Одни из них проломлены и исковерканы, другие все еще щурят свои амбразуры в заросшие секторы обстрела. Это доты БУРа — долговременные огневые точки Брестского укрепленного района.

Строить их начали на 150-километровом участке западной границы летом 1940 года. Рыли котлованы и бетонировали стены под не столь отдаленный гул танковых колонн с той, западной, стороны. Каждый дот прикрывал либо мост, либо перекресток дорог, либо господствующую в округе высоту, а все вместе, сведенные в три батальонных опорных района,— БУР.

Наиболее распространенными в тех местах были двухорудийные доты. Восьми-, десятигранные толстостенные железобетонные коробки, внедренные в землю по самые амбразуры, строились двухэтажными. Верхний каземат делился перегородкой на два орудийных капонира — правый и левый. В центре — командирская рубка с перископом. Галерея, специальный тамбур, отводящий от главной броневой двери взрывную волну, газовый шлюз, из которого можно пройти в оба капонира... Нижний этаж повторял планировку верхнего. Здесь находились хранилища снарядов и пулеметных лент, казарма на 30—40 коек, выгородки для рации, артезианского колодца, туалета. В одном из отсеков

располагались энергоагрегаты и фильтрационные установки.

Наверху, в капонирах, стояли 76-(иногда 45-)миллиметровые казематные пушки с укороченными стволами.

Так выглядел дот в проекте. К началу войны успели построить около половины намеченных по плану укреплений. Но чаще это были только бетонные коробки без электричества, воды, связи. С апреля — мая 41-го в некоторых дотах, замаскированных под скирды, сараи, избы, жили гарнизоны. Жили скрытно, ничем не обнаруживая себя. Обеды, завтраки и ужины доставляли им в термосах не сразу: вначале — в ложные доты, которые сооружались почти на глазах местных жителей, затем по ходам сообщения — в боевые укрепления. Неделями и месяцами изучали артиллеристы и пулеметчики вид из своей амбразуры. Каждый знал свое поле боя как собственную ладонь.

С первых минут войны бойцы укрепрайона открыли прицельный огонь по врагу, заставили залечь в секторах обстрела цепи штурмовых отрядов, остановили на железнодорожных мостах через Буг бронепоезда с черными крестами, заставили свернуть на бездорожье вражеские бронемашины.

Сейчас невозможно восстановить в деталях и хронологии панораму боев в укрепрайоне, развернувшихся тогда на полтораста километров южнее и северо-западнее Бреста. (Кстати, несколько дотов находились и на территории самой Брестской крепости.)

Артиллеристы из дота «Светлана» в первые же часы войны подбили на железнодорожном мосту через Буг фашистский бронепоезд. Второй бронепоезд, из которого фашисты пытались высадить десант, был поврежден огнем из дотов на мосту под самым Брестом.

Из дота под деревней Слож (им командовал младший лейтенант А. Еськов) была совершена дерзкая вылазка. Старшина С. Горелов и старший сержант Жир подбили штабную машину, принесли в дот портфель с документами, радиостанцию, автоматы, консервы. Самому же Еськову удалось подстрелить из засады на шоссе гитлеровского генерала, ехавшего в открытой легковой машине.

Восемь танков горели перед амбразурами четырех дотов под деревней Минчево. Гарнизон дота на околице деревни Речица (командиры младшие лейтенанты П. Селезнев, Н. Зимин и старшина И. Рёхин) много раз срывал метким огнем переправу гитлеровцев через Буг.

На подступах к долговременным укрепленным точкам, где секторы обстрелов накануне войны тщательно выверялись, фашисты несли большие потери.

Шестьсот бойцов БУРа сумели задержать на границе 293-ю пехотную дивизию до 30 июня, а 167-ю пехотную дивизию в опорном районе южнее Бреста — до 24 июня.

Большая часть боеприпасов в дотах была израсходована в первый же день войны. Все реже огрызались огнем наши казематы, все ближе подкатывались к ним вражеские пушки.

В дотах было темно — от попадания снарядов в стены погасли фонари. Легкие забивали густая цементная пыль и пороховые газы. От россыпи на полу горячих стреляных гильз в казематах, и без того разогретых июньским солнцем, стояла немыслимая жара.

При прямых попаданиях вражеских снарядов в бетон воздух сотрясался так, что из ушей текла кровь. Люди теряли сознание. Но гарнизоны держались сутки... двое... неделю... вторую...

На рассвете 22 июня они успели получить приказ: «Из дотов не выходить!» Но они не ушли бы и без этого приказа, потому что перед каждым из них открывался в секторе обстрела участок границы, за неприступность которого несли ответственность поименно. Они не ушли бы по той причине, по какой не ушли из своей траншеи 28 панфиловцев: за их спинами легла самая короткая от западной границы дорога на Москву.

Не выходили они и тогда, когда на пол выскакивал из замка орудия последний снарядный стакан и по бетонной крыше их дота начинали топать сапоги фашистских саперов-подрывников.

Вот свидетельство инженеров вермахта: «Защитная труба перископа имеет на верхнем конце запорную крышку, которая закрывается при помощи вспомогательной штанги изнутри сооружения. Если разбить

крышки одиночной ручной гранатой, то труба остается незащищенной. Через трубу внутрь сооружения вливался бензин, во всех случаях уничтожавший гарнизоны».

В отверстия кабельных вводов фашисты вставляли стволы огнеметов...

Вспоминает бывший комендант дота «Быстрый» младший лейтенант запаса И. Шибаков:

— 25 июня во второй половине дня левый каземат был пробит снарядом. Люди, оставшиеся в живых, перебрались в правый каземат. Дот был блокирован. Мы отбивались гранатами. Гитлеровцы затопили нижний этаж. Отверстия мы заткнули шинелями и одеялами... Потянуло лекарственным запахом. Газы! Все надели маски... Стало тошнить. У меня пробита трубка. Снял противогазный шлем с убитого товарища и надел... Уцелевшие бойцы спускались в подземный этаж, закрывая люки. Но газ проходил по переговорным трубам, в которые не успели вставить газонепроницаемые мембраны.

«150-килограммовый заряд, опущенный через перископное отверстие,— делились позже опытом фашистские саперы,— разворачивал стены сооружения. Бетон растрескивался по слоям трамбования. Междуэтажные перекрытия разрушались во всех случаях и погребали находящийся в нижних казематах гарнизон».

Подрывники, поджигавшие бикфордовы шнуры, слышали, как из-под задраенных люков доносилось пение. Обнявшись, бойцы пели «Интернационал». И часто — «Катюшу».

Из донесения политотдела 65-й армии Военному совету 1-го Белорусского фронта:

«В июле 1944 г. соединения армии с боями вышли на государственную границу СССР. Возле села Анусин на изрытом воронками бугре советские бойцы и офицеры увидели старый дот. С помощью саперов удалось проникнуть в один из отсеков. На усыпанном гильзами полу, у пулемета лежали тела двух человек. На одном из них — в форме младшего политрука — никаких документов не имелось. В кармане гимнастерки другого — комсомольский билет № 11183470 на имя красноармейца Кузьмы Иосифовича Бутенко. Взносы уплачены по июнь 1941 года...»

Имя еще одного героя удалось узнать из документов 293-й немецкой пехотной дивизии: «У дота в лесу западнее р. Каменка взят в плен политрук и согласно приказу расстрелян. Этот политрук принял на себя командование ротой, в том числе и управление подчиненными ей дотами... Этот политрук (позже установлено, что им был политрук Василий Локтев) был душой сопротивления противника в этом районе».

Десятки имен защитников БУРа — в их числе А. Шаньков, И. Шибаков, А. Гришечкин, бывшие бойцы и командиры И. Швейкин, И. Змейкин — известны нам теперь благодаря многолетним поискам начальника отдела Центрального музея Вооруженных Сил СССР полковника А. Крупенникова, участника тех событий, бывшего политработника БУРа Ф. Кокина, жены погибшего командира 17-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона И. Постоваловой и других энтузиастов.

Апрель, 1975 г.

Давид НОВОПЛЯНСКИЙ

41-я В СОРОК ПЕРВОМ

Вечером 21 июня 1941 года командир 41-й Криворожской стрелковой дивизии — она несла это почетное звание с 1931 года — комдив Георгий Николаевич Микушев созвал комсостав. Комдив назвал положение на границе тревожным. Он объявил, что начальник штаба Н. Еремин и все командиры частей остаются в лагерях на ночь, что отпуска начсоставу сокращаются — пусть командиры и политработники находятся в своих подразделениях...

Такой приказ не был здесь неожиданным. Ветераны 41-й рассказывают, что еще в середине июня Георгий Николаевич Микушев отозвал подразделения со сборов и тыловых полигонов, вернул личный состав со строительных работ и собрал всех в лагере Седлиска. Регулярно проводились учебно-боевые тревоги. Передовые подразделения стрелковых полков были выдвинуты к границе. 19 июня он приказал установить прямую телефонную связь с комендатурой пограничного отряда. Микушев, один из старейших командиров Красной Армии и один из первых ее генералов, видел обстановку на границе, чувствовал величайшую свою ответственность и делал все, что мог. Спустя 26 лет генерал Н. Антипенко в книге «На главном направлении» высоко оценил пример 41-й стрелковой дивизии. Он пишет, что генерал-майор Микушев, погибший смертью храбрых в боях за Киев в 1941 году, тогда, в июне, благодаря своей прозорливости и решительности принял ряд мер, повысивших боеготовность дивизии, что имело немаловажные последствия.

41-я Криворожская стрелковая дивизия — в ее рядах было много потомственных рабочих, горняков Кривого Рога — стояла у Равы-Русской. Через этот приграничный городок гитлеровская 17-я полевая армия наносила удар по Львову. Враг сосредоточил тут пять пехотных дивизий, танки, авиацию, он рассчитывал захватить Раву-Русскую в первый же день. Страшной для гитлеровцев неожиданностью, как показали пленные — их 22 июня было захвачено около пятидесяти,— явилось жесточайшее сопротивление пограничных застав 91-го пограничного отряда майора Я. Малого.

Враг жег заставы, перепахивал землю снарядами и бомбами, а пограничники держались. Заставу № 17 лейтенанта Ф. Морина противник окружил. Когда во двор под прикрытием танков ворвалась гитлеровская пехота, Морин и девять раненых бойцов — остальные были убиты — вышли из пылающего здания и с пением «Интернационала» бросились в штыковую атаку.

Стойкость пограничников во многом способствовала первому успеху частей 41-й дивизии — стремительным броском ее полки выдвинулись на основной оборонительный рубеж, с ходу — в нескольких местах уже с боем — заняли подготовленные и заранее оборудованные сооружения. Пулеметчики завладели новым дотом «Комсомолец» у шоссе, идущего к Раве-Русской. Гарнизон «Комсомольца», которым командовал старший лейтенант И. Мартынчик, а также гарнизоны недостроенных дотов «Медведь», «Незабудка» наносили врагу серьезные потери.

«В ходе боев первого дня войны,— пишет в своих воспоминаниях бывший начальник штаба дивизии Н. Еремин,— мы сумели удержать при сравнительно небольших потерях решающий оборонительный рубеж, с которого не только нанесли весьма значительное поражение противнику, но и на всем своем фронте остановили его дальнейшее продвижение... Главные усилия обороны сосредоточивались на прикрытии основного оперативного направления Томашув — Рава-Русская — Львов. Как правило, задачи обороны решались смелым маневрированием, заканчивавшимся решительными

контратаками во фланг и тыл вклинившимся подразделениям противника».

К часу дня была установлена проводная связь штаба дивизии с частями. Бесперебойно действовала связь со штабом 6-й армии. Ночью полки получили вдоволь патронов, гранат, снаряжения — все по новым нормам, нормам военного времени.

Вспоминая те дни, маршал Г. К. Жуков писал: «23 июня немцы возобновили атаки, особенно сильные на Рава-Русском направлении. Кое-где вражеским частям удалось вклиниться в оборону 41-й дивизии, но благодаря твердому руководству генерала Г. Н. Микушева противник контратакой был вновь отброшен в исходное положение». Сводка Главного Командования Красной Армии за 23 июня сообщала, что на Рава-Русском направлении противник «во второй половине дня контратакой наших войск был разбит и отброшен за госграницу». Контратаку эту 41-я начала после удара полковой, дивизионной артиллерии и корпусного артполка. После огневого налета бросились вперед стрелковые полки — 102-й подполковника Чумарина и 244-й майора Еченко. Вот что рассказывают бывший младший сержант 102-го полка Николай Пинчук и бывший пулеметчик того же полка Михаил Крикун:

«Наша контратака была стремительной и настолько неожиданной для врага, что он дрогнул, побежал. Мы прошли без отдыха километров восемь, преследуя отступающих и не заметив, как пересекли границу. Между Любыча-Крулевской и Махнувом вся земля была изрыта воронками наших снарядов. Мы видели много брошенных минометов, грузовиков — ошеломленные немецкие солдаты в панике бежали. С нами в бою находились командир полка Гатта Гарифович Чумарин и батальонный комиссар Василий Григорьевич Кацаев. Они объявили, что полк уже на три километра углубился во вражескую территорию, и приказали окопаться: «Мы не захватчики». Появились «юнкерсы», они больше двух часов бомбили нашу оборону, но часть бомб легла туда, откуда мы отошли...»

Пленные показали, что гитлеровское командование точно знает место расположения командного пункта

дивизии, и Микушев приказал немедленно перенести его. Прерванная связь со штабом корпуса была восстановлена, и оттуда сообщили, что положение за левым флангом дивизии осложнилось — противник теснил соседнюю 97-ю дивизию. Тяжелые испытания выпали на долю левофлангового 139-го стрелкового полка 41-й дивизии, отражавшего непрерывные атаки у селения Верхрата. Противник захватил это село и овладел важной высотой, угрожая нашему флангу, тылам. Под ураганным огнем бойцы стали отходить. В этот момент прибыл в полк батальонный комиссар Михаил Архипович Власовец.

Перед нами письма, рассказывающие, как он поднял в контратаку коммунистов и комсомольцев. С мощным красноармейским «ура!» пошли вперед батальоны. Полк вернул прежние рубежи. В этом бою комиссар был убит. В архиве Министерства обороны СССР хранится наградной лист на М. А. Власовца. Комдив и его заместитель по политической части полковой комиссар А. М. Антонов писали о нем, словно о живом: «Тов. Власовец является искренним большевиком, настоящим руководителем армейских масс».

...Около полуночи в штаб пришел крестьянин из Любычи-Крулевской. Он рассказал, что противник, захватив 24 июня село, ввел туда с наступлением темноты свежие моторизованные войска — улицы буквально забиты машинами, пушками. Разведчики это подтвердили. Глубокой ночью массированный артиллерийский огонь обрушился на фашистскую технику. Моторизованный полк противника ввиду тяжелых потерь тотчас отошел. Наше командование это предвидело и еще до артналета высвободило батальон 244-го полка, занимавший оборону. Он скрытно пробрался в тыл гитлеровцев и перед рассветом атаковал. Одновременно частью сил перешел в контратаку 139-й полк. Вот что рассказывает об этом бое бывший начальник штаба дивизии:

«Удар с двух направлений был настолько внезапен и ошеломляющ для немцев, что они в панике бежали, бросая оружие и технику. В этой контратаке было уничтожено свыше батальона пехоты, разгромлено до двух

дивизионов тяжелой полевой артиллерии на огневых позициях и захвачено много трофеев... В результате четкого осуществления принятого решения, умелых и отважных действий личного состава наших частей противник в течение всего последующего дня перед фронтом дивизии не проявлял особой активности».

С первых часов войны в Раве-Русской был сформирован истребительный батальон из партийного и советского актива, рабочих. Он вылавливал вражеских диверсантов, поддерживал в городе строгий порядок. Женщины создали добровольные дружины по разгрузке леса, кирпича — они готовили товарные вагоны к перевозке раненых. Бойцам помогали подростки, школьники, помогал весь город. Жители окрестных сел снарядили для нужд дивизии восемьсот подвод...

Дивизия побеждала мужеством, выучкой, беззаветной верностью Родине. Когда враг сбросил листовки «41-я, сдавайся!», красноармейцы двух батальонов 102-го полка проткнули штыками эти фашистские бумажки и так пошли в атаку. Маршал И. Х. Баграмян, тогдашний начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, в книге «В начале войны» свидетельствует: «Противнику так и не удалось пройти через боевые порядки 41-й дивизии. Но он нащупал слабое место — стык между войсками 5-й и 6-й армий — и сейчас же направил туда крупные силы». 41-я дивизия удерживала Раву-Русскую до 27 июня и отошла лишь по приказу командования фронтом.

Как-то так случилось, что нам в редакцию написали сразу несколько защитников Равы-Русской. В обстоятельном письме — 28 страниц — полковник в отставке А. Чеснок, бывший помощник начальника политотдела дивизии по работе среди комсомольцев, приводит данные, присланные Министерством национальной обороны ГДР. Согласно этим данным, на Рава-Русском направлении перед нашей 41-й дивизией кроме пяти пехотных дивизий находился еще и 14-й моторизованный корпус.

Другие письма позволяют подробнее рассказать о пограничниках, принявших первый удар.

Из Златоуста пишет Леонид Георгиевич Круглов. Он работает на заводе имени Ленина 47 лет, «с одним

перерывом — граница, война». Завод рекомендовал его в училище, а потом — Рава-Русская, 91-й пограничный отряд.

«Меня назначили начальником 4-й заставы в селе Прусино. Участок небольшой — пять погранстолбов №№ 103—107. Но много мелких оврагов, ям, траншей от торфоразработок. Здесь мы все чаще ловили фашистских разведчиков. В ночь на 15 июня границу перешла банда, снаряженная командованием гитлеровской воинской части, в бою были ранены политрук Махин, боец Комаров. В тылу первой комендатуры наши летчики принудили к посадке два немецких самолета-разведчика, якобы заблудившихся в ясный июньский полдень. Их пришлось отпустить — ведь мы избегали малейшего повода к инциденту, столкновению. Единственное, что могли предпринять наши командиры,— усилить охрану границы. Это сделали. Например, на 4-ю заставу дополнительно прибыли подразделение маневренной группы, взвод 4-го оперативного полка, отделение резервной заставы, группа бойцов, проходивших снайперские сборы».

Лейтенант Круглов встретил 22 июня в должности начальника одного из подразделений маневренной группы. Ему было приказано отправиться с бойцами в Пархач на помощь штабу первой комендатуры.

«В пути к нам присоединились два танка, заранее выдвинутых к границе. В начало войны все еще не верилось, и меня предупредили, что на участке — нарушители: «Действуй осторожно — не поддавайся на провокацию». Под сильным пулеметным и минометным огнем мы достигли села. Противник бомбил склады — они горели. Кирпичное строение комендатуры — бывший фольварк — было блокировано батальоном гитлеровцев. Руководили обороной комендант участка капитан Строков, младший политрук Кузнецов, старший лейтенант Беляев. Сначала бой шел во дворе, потом на первом этаже, на лестницах. Вместе с бойцами находился в окружении тринадцатилетний Шура, сын командира. Он подавал пограничникам патроны, гранаты, воду, принес гимнастерки тем, кто не успел одеться, а двух гитлеровцев застрелил из нагана». Умелые действия 1-й комендатуры отметил тогда начальник погранотря-

да майор Малый, ставший теперь генерал-майором. Мы с ним встретились, перечитали воспоминания бывшего начальника заставы. «Все изложено правильно,— сказал генерал.— Действительно, капитан Строков со своими бойцами продержался весь день, окружение было прорвано. Подросток, о котором здесь говорится,— Шура Голубев, сын помощника начальника штаба комендатуры. Люди защищали границу до последнего дыхания, а знаем мы о них, к сожалению, мало, иногда — ничего. Совершенно неизвестными остались, например, подробности гибели личного состава трех линейных застав — 9-й, 12-й, 18-й, двух застав маневренной группы — 5-й и 7-й. Знаем только, что они вели упорные бои, сдерживали противника до последней возможности и ни один пограничник там в живых не остался. Спустя месяц-полтора я подписал 560 извещений родным о погибших и пропавших без вести — эти потери мы понесли главным образом в первые часы. Должен сказать, что стрелковые полки 41-й дивизии в то утро очень быстро вышли к границе и некоторые подразделения уже через час сражались вместе с пограничниками. Генерал Микушев решил, что до прихода подкреплений с тыла необходимо создать резерв. Туда вошли пограничники».

С их помощью было ликвидировано несколько вражеских десантов в районе Равы-Русской. На рассвете крестьянин заметил приземлившихся парашютистов, одетых в красноармейскую форму,— они были схвачены. А враг засылал все новых диверсантов. Бывший старший сержант А. Ткач пишет из Белой Церкви: «Наш пулеметчик Иван Сербин пошел в 38-й медсанбат навестить тяжелораненого лейтенанта и с ужасом увидел, что все раненые, а также медсестры, санитарки зарезаны. Палач, одетый в форму медицинского работника Красной Армии, был вскоре пойман, при нем был радиопередатчик. Он хладнокровно заявил, что выполняет задание своего командования». Так узнавали бойцы, что такое фашизм.

На третий день обороны позвонил пограничникам генерал Микушев. Противник теснил 139-й полк, занял Веркрату и рвался в тыл дивизии. Немедленно туда,

на левый фланг, отправились три группы пограничников во главе со штабными офицерами Мирошниченко, Шудрой и помощником начальника политотдела погранотряда по комсомолу Марком Степаняном. Они помогли восстановить положение. В этом бою Степанян был убит. В тот трудный и горький день сложили комсомольцы песню о своем вожаке, песню, что вот уже 37 лет живет в сердцах пограничников и которую знают их внуки: «Давайте споем, товарищи, песню, пусть песня летит по степям, над Равою-Русской, землей украинской, где храбрый погиб Степанян...»

Вечером 25 июня вражеская мотомехгруппа прорвалась в юго-западную часть Равы-Русской. Два батальона 41-й дивизии и отряд пограничников ударили ей во фланг, автоматчики — в тыл. Гитлеровцы бежали, бросив исправные танки, и утром их моторы завели наши красноармейцы. А красный флаг «над Равою-Русской, землей украинской» реял по-прежнему.

Благодаря письмам мы узнали и о бойцах 6-го укрепленного района, которым командовал полковник Сысоев.

Правда, уже не так подробно. Потому что многие гарнизоны дотов разделили судьбу тех пограничных застав, которые долг свой исполнили с честью, до конца, и о которых больше уже ничего не узнать. Полковник в отставке М. Карполуц пишет:

«Гарнизон дота на высоте 390 был 22 июня блокирован и сражался в полном окружении до контрудара наших войск. Тот же гарнизон, вновь оставшись в тылу врага, продолжал сражаться. Он не сложил оружия, даже когда противник стал автогеном резать амбразурные устройства...»

Наступило 30 июня, а западнее Равы-Русской 296-я немецкая дивизия все еще несла тяжелые потери — там яростно сопротивлялись гарнизоны «Комсомольца», «Незабудки» и других дотов. Их выкуривали — они не прекращали огня и погибали непобежденными.

В письмах называются имена многих бойцов, отличившихся в первые часы Великой Отечественной войны.

Бывший командир взвода 1-й роты 139-го стрелкового полка Сергей Тимофеевич Демянец пишет о красно-

армейце Супрунове — в первом же бою он связкой гранат подорвал вражеский танк. В этот день красноармеец Султанов уничтожил в рукопашном бою двух гитлеровцев, а троих взял в плен. Особенно жарким был вторник 24 июня. «После сильной артподготовки командир полка майор Коркин и замполит Рогулин подняли нас в контратаку. Дошло до штыков. Мы продвинулись километров на пять. 24 июня много погибло наших бойцов, рота поредела...»

В тот самый вторник, 24 июня, «Нью-Йорк пост» писала: «Понадобится самое большое с библейских времен чудо, чтобы спасти красных от полного поражения в кратчайший срок».

Но в тот же вторник 24 июня был издан приказ № 1 единого командования защитников Брестской крепости, которую потом почти месяц оборонял бессмертный гарнизон. И в те же дни гитлеровцы впервые в истории второй мировой войны вынуждены были оставить город — наши полки мощным контрударом освободили Перемышль; 99-я стрелковая дивизия Красной Армии отбросила противника за реку Сан и до 29-го удерживала здесь государственную границу. Тогда же пылали немецкие танки под Лиепаей — латвийским городом, где наша 67-я стрелковая дивизия вместе с рабочими отрядами отражала атаки гитлеровских войск. В те же дни начиналась и оборона военно-морской базы Краснознаменного Балтийского флота на полуострове Ханко. Гитлеровцы без конца атаковали его гарнизон, обрушили на него полмиллиона снарядов и мин, но Ханко не сдался, оборона продолжалась до декабря, она вдохновляла героических защитников Москвы. Вот в ряду каких фактов — оборона Равы-Русской в июньские дни сорок первого.

Июнь, 1977 г.

Владимир РУДНЫЙ

ГОТОВНОСТЬ № 1

«Готовность № 1 (боевая тревога). Весь личный состав на своих местах по боевому расписанию. Средства корабля полностью изготовлены к немедленному действию».

(Из Корабельного устава
Рабоче-Крестьянского
Военно-Морского Флота
Союза ССР
1939 г.)

Сигнал, адресованный командующим флотами западных направлений, «готовность № 1» был передан народным комиссаром ВМФ СССР адмиралом Н. Г. Кузнецовым в субботу 21 июня 1941 года. Опережая телеграмму, он тут же позвонил в Таллин, Полярное, Севастополь и приказал переводить флоты на высшую степень готовности немедленно. Командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц спросил: «Разрешено ли открывать огонь в случае явного нападения на базы или корабли?» — «Можно и нужно»,— ответил нарком, сознавая, что вопрос вызван предупреждениями о том, что нельзя поддаваться на провокации. Командующему Северным флотом контр-адмиралу А. Г. Головко приказал открывать огонь по нарушителям воздушного пространства. На Черноморском флоте дежурил начальник штаба контр-адмирал И. Д. Елисеев. Шифровка еще не дошла. Нарком приказал: «Действуйте без промедления...»

...С первого утра войны и на долгие годы жизнь связала меня с флотом, с его людьми разных поколений, с его летописью.

В ночь на 22 июня, еще штатским, я выехал из Риги в Таллин, в главную базу Краснознаменного Балтийского флота, который стоял ближе всех к фашистской Германии. В Риге за несколько дней до этого по учебной тревоге затемняли город. Предусмотрительные жители толпились в очереди за черной бумагой. В Таллине у театра Балтфлота стояли часовые-актеры, но уже не в штатском, а в форме и с винтовками в руках. Кроме них и охраны у штаба флота, я в то утро не видел матросов на берегу. А ведь настало воскресенье — день увольнения личного состава. Все стало понятным, когда услышал по радио: «Война!»

Через час я уже сидел в одной из комнат Пубалта[1] и срочно писал свою первую листовку. Над городом на большой высоте гудели «юнкерсы».

С кем бы потом я ни разговаривал на Балтике, на Севере и на Черном море, каждый возвращался к кануну войны и к ее началу. Особенно после катастрофы в Пирл-Харборе, когда японская авиация внезапным ударом разгромила беспечно сосредоточенный в главной базе тихоокеанский флот США. Нам было тяжко, очень трудно, но с нашим флотом этого не случилось. Он во всеоружии, в пределах того, что ему было дано в довоенные годы, встретил первый удар, не случайно обращенный не только на главные жизненные центры нашего государства, но и на военно-морские базы — передовые и отдаленные. Все корабли и все части флота 22 июня 1941 года в 2.40 были приведены в полную боевую готовность, ни один из действующих кораблей в этот день потерян не был. Ни один вражеский десант на наше побережье высадиться не смог.

На полуострове Среднем у семидесятой параллели лейтенант Ф. М. Поночевный показал мне однажды свою первую запись о войне. Он сделал ее, когда был еще помощником командира правофланговой морской батареи П. Ф. Космачева, которая всю войну действовала

[1] Политуправление Балтийского флота.

на том месте, где ее построили, и вела огонь по морскому противнику. В субботу накануне войны Поночевный посмотрел потрепанную киноленту «Три подруги» и пошел на каменистый берег Варангер-фьорда, где провел ночь при свете негаснущего полярного солнца. Он поглядывал на черный хребет Муста-Тунтури на той стороне, на чужие бухты в Петсамовуоно, откуда часто выходили большие транспорты, предельно загруженные никелевой рудой, а с мая то и дело маячил на глазах юркий фашистский тральщик. Тральщик этот порядком надоел батарейцам: он лез в наши воды, дразня, понуждая бить в колокол и объявлять тревогу, но, едва завидев бегущих к пушкам матросов, убирался восвояси. В ночь с субботы на воскресенье в заливе было пустынно. Лейтенант не знал, что происходило на флоте, не знал об усилении по приказу командующего дозоров подводных лодок, о дежурстве летчиков у самолетов, о том, что комфлот получил и передал по всему флоту сигнал боевой тревоги. Он дошел в назначенный срок и до батареи. Лейтенант записал в журнал боевых действий: «Все входящее и выходящее из Петсамо уничтожать». Когда снова появился фашистский тральщик, батарея открыла огонь сразу на поражение. В журнале боевых действий записано, что тральщик тонул одну минуту. Неповторимо торжество, с каким сигнальщик Михаил Трегубов выпалил после первого боя: «Добегался, гад!», а командир орудия Александр Покатаев басом выдохнул: «Разговелись...»

Подводная лодка «С-7» возвращалась ночью из дозора. Еще в апреле она встретила в Средней Балтике германский линкор «Бисмарк», о чем ее командир капитан-лейтенант С. П. Лисин, будущий Герой Советского Союза, тотчас известил базу. В последнюю мирную ночь Лисин не встретил ни одного чужого корабля. Затишье. Но его насторожило, когда чужие шхуны, всегда назойливые, шарахнулись, засуетились, завидев его перископ. Лисин уже был близок к базе, когда пришел сигнал — вернуться на позицию, продолжать дозор...

Сигнал, принятый в эти же часы старшиной М. Н. Гущаниновым на маленьком островке в Финском заливе

Вайндло, был лаконичен: «Война!» Все, что положено посту СНиС[1] делать, старшина знал наизусть: девять человек, составляющих маленький гарнизон, должны изготовиться для круговой обороны на каменной гряде длиною в 512 метров и продолжать наблюдение за морем и воздухом. Фиксировать все: идущий мимо корабль, чужой и свой, летящий самолет, плавающие мины, перископ, любой предмет на воде и над нею...

На крейсере «Киров», флагмане отряда легких сил Краснознаменного Балтийского флота, командир отряда контр-адмирал В. П. Дрозд собрал в ту полночь командиров всех кораблей боевого ядра. О чем шел разговор, лейтенант А. Ф. Александровский, командир зенитной батареи правого борта, не мог знать. Он безмятежно спал, довольный удачей — раздобыл на берегу дефицитный ложечковый шток для своих пушек, за что ему был обещан командиром артдивизиона съезд на берег в воскресенье. Колокола громкого боя подняли его по тревоге, и он получил непривычное приказание: «Убрать с батарей весь учебный и практический боезапас и поднять из погребов боевые дистанционные гранаты...» В этот день крейсер «Киров», как и другие корабли на Усть-Двинском рейде, отбил налет «юнкерсов», не понеся потерь.

На Черном море 22 июня около трех часов ночи посты из районов Евпатории и мыса Сарыч донесли о шуме моторов авиации. Самолеты шли к Севастополю на малой высоте. Над затемненной базой зажглись лучи прожекторов. Открыли огонь батареи ПВО, универсальные пушки береговой обороны, зенитные калибры корабельной артиллерии.

Младший боцман Иван Дибров дежурил в своем баркасе у борта крейсера. Корабль был назначен в ремонт, тревога вроде бы Диброва не касалась, мало ли учений... Но вот он услышал грохот зениток, увидел в скрещении лучей прожекторов самолет, сбрасывающий какие-то комочки. Над комочками раскрылись парашюты.

[1] Служба наблюдения и связи.

Это были магнитные мины, беспорядочно сброшенные куда попало. На фарватер у боковых ворот упало несколько мин. Остальные рвались на мелководье и на берегу, разрушили жилой дом, повредили школу, санаторий и памятник затопленным кораблям. Но закупорить выход из базы врагу не удалось.

В ту ночь над Севастополем были сбиты два фашистских самолета.

Готовность — это не только вовремя переданный сигнал. Флот разрабатывал ее годами. Еще в 1938 году, когда на Дальнем Востоке обострилась обстановка, в разгар боев у озера Хасан поступило предупреждение, что возможен налет на Владивосток. В достоверности предупреждения комфлот не был уверен. Но «лучше сыграть три ложные тревоги, чем прозевать одну действительную». Тревога во Владивостоке оказалась поучительной репетицией будущих ступенчатых готовностей. Затемнили город, рассредоточили корабли по разным бухтам, подтянули части противовоздушной обороны, провели срочное погружение подводных лодок и во время этих действий обнаружили много прорех.

Штабы засели за работу. На каждом корабле составляли перечни того, что необходимо сделать, чтобы люди, оружие, механизмы привести в нужную степень готовности. На эту работу уходили дни и ночи: по часам, по минутам подсчитывали, рассчитывали, кто и что должен по тревоге сделать на боевом посту, в боевой части, на корабле, в подразделении, в соединении и во всех береговых службах.

Много лет минуло с того времени. Наш океанский флот стал другим: иные люди, иная техника, иное оружие. Но была и осталась основа основ его жизни, единая для всех Вооруженных Сил, боевая подготовка и постоянная высокая боеготовность. Она имеет и свою предысторию. «Мы начали с боевой готовности флота» — так писал один из руководителей штурма Зимнего дворца Н. И. Подвойский, вспоминая об Октябрьском вооруженном восстании и той роли, которую сыграли в нем военные моряки: балтийцы заранее определили, какие корабли должны быть готовы выйти

из Кронштадта и Гельсингфорса в помощь Петрограду в решающий для восстания час.

...Чем дальше отходит от нас тот злой день — 22 июня 1941 года, тем глубже задумываемся: ради чего зажжен Вечный огонь? Память о жертвах, которые не были напрасны? Да. Но огонь зажжен и ради неповторения. День начала войны — не только дата. Это — сегодня и всегда — день предостережения.

Июль, 1981 г.

Вера ДОРОФЕЕВА,
Виль ДОРОФЕЕВ

СОЛДАТЫ 41-го

В прибалтийских полях июнь был пропитан жарой и терпким запахом зреющих хлебов. Лишь короткие ночи приносили недолгую прохладу.

На командном пункте 636-го артиллерийского противотанкового полка при свете керосиновой лампы заместитель командира по политчасти Кузьма Григорьевич Попов просматривал московские газеты, доставленные в район учений.

Командир полка подполковник Борис Никанорович Прокудин колдовал над картой, выверяя схему огня, подсчитывая снаряды и чертыхаясь, что автомашин в полку мало, мало даже для учений.

Три дня назад в летние лагеря прибыл связной из штаба бригады. Когда Прокудин вскрыл пакет, на плотном листе бумаги бросились слова: «Боевой приказ № 1... 18.6.41 г. 24.00. ...Противник сосредоточивает свои части на границе... Не допустить прорвавшиеся мотомехчасти в р-н г. Шяуляй... Готовность обороны 9.00. 19.6.

...Выход в район в полном боевом снаряжении...»

Это был приказ на учения, к которым готовилась 9-я противотанковая бригада. Его ждали. И все же что-то дрогнуло в душе Бориса Никаноровича, когда вчитался в эти строчки. Потому что за двадцать два года армейской службы, пройдя путь от юноши-добровольца в гражданскую до командира полка, кавалера ордена Красной Звезды, участника боев с белофиннами, Прокудин чутьем бывалого военного человека понял:

этот учебный приказ каждую минуту может стать приказом боевым.

Объезжая позиции, Прокудин обнаружил, что орудия одного из дивизионов расположены почти у самой дороги на открытой местности.

— Почему? Здесь, где вы поставили орудия,— ни маскировки, ни обстрела.

— Но ведь там, где удобно,— хлеба...

— Оборудовать позиции там, где намечено. За все отвечаю я.

Оставшиеся сутки прошли в изнурительных земляных работах. Полк строил глубоко эшелонированную оборону, перекрыв шоссе на Шяуляй. И вот самая короткая ночь...

22.6.41 г. 04.05. Молоденький вестовой с трудом добудился Прокудина.

— Товарищ комполка! К телефону вас. Из бригады!

Поднявшись в кузове штабной полуторки, где он спал, Прокудин увидел, что на юго-западе, в стороне границы, за десятки километров от позиций полка непрерывно вспыхивали зарницы, грохотал гром. И вестовой с беспечностью заметил: «Гроза! Может, жара полегчает».

Но Прокудин жестко сказал: «Это — война».

Звонил командир бригады полковник Н. И. Полянский:

— Товарищ Прокудин! Полк к бою готов?

— Готов!

— Фашисты переходят нашу границу. Приказываю: при появлении противника уничтожить! — Затем комбриг, выдержав короткую паузу, добавил: — Успеха тебе, Борис Никанорович!

Вечером поступило донесение из боевого охранения: «По дороге движется большая колонна войск». Напряженное ожидание готового вспыхнуть боя. Но это оказались два полка 125-й стрелковой дивизии, отходящие от границы. Прокудин по телефону попросил командира бригады связаться с командованием корпуса и придать эти части для усиления рубежа обороны артполка. Добро было получено.

Ночью пехота рыла окопы.

23.6.41 г. 06.00. Пятьдесят вражеских мотоциклистов, по три в ряд, с треском и стрельбой из автоматов в никуда, в назидание и устрашение, нагло, без опаски перли по шоссе меж пшеничных полей и редкого ельника. Вот они поравнялись с крайним орудием 2-го дивизиона. В окуляры стереотрубы Прокудин отчетливо разглядел пулеметчика в коляске первой машины. Запорошенный пылью, расстегнутый на груди мундир с нашивками, надвинутая на глаза каска и руки, привычно лежащие на гашетке пулемета. Хватит ли выдержки у командира дивизиона капитана Штоколова, не откроет ли он преждевременный огонь? До края обороны дивизиона 100 метров, 50...

И тотчас ударили орудия. Кто-то из фашистов еще пытался развернуть машины, выбраться из зоны огня. Но их достал пулеметный огонь.

06.35. Три танка уже не по дороге, а полем выползли к позициям 2-го дивизиона. Машины безжалостно вминали в землю пшеницу. Эти зловещие кресты на башнях артиллеристы так близко видели впервые. Снаряд ударил точно между башней и бортом крайней машины — огненно-черный факел вспыхнул на хлебном поле.

Прокудин вдруг почувствовал, что ему жгуче хочется пойти и посмотреть вблизи на окутанный маслянистым пламенем танк. Первый танк, подбитый его полком. Но он одернул себя, понимая: это всего лишь разведка. И тотчас же мощный сосредоточенный огонь гитлеровской артиллерии ударил по линии нашей обороны.

Теперь уже 40 вражеских машин ползли по пшеничному полю. Целью гитлеровских атак стало шоссе Тильзит — Шяуляй. Именно здесь группа армий «Север» рассчитывала нанести удар, молниеносно прорваться, смять тылы, выйти на оперативный простор.

Это был долгий и трудный день. Артиллерийский налет, когда земля дрожит от разрывов, словно в ознобе, и струйки песка в тесном укрытии с шуршанием ползут за воротник, за голенища сапог. Потом танковая атака — новая волна свинца, грохота, гари, накатывающаяся на позиции. И работа орудийных расчетов, торопливая, но без суеты. Страх зажат, запрятан в самую глубь. Есть только цель — неотвратимо идущее на тебя

бронированное чудовище — и отчаянная злость. Полная сосредоточенность на том, чтобы точно прицелиться. И выстрел с 400—500 метров, почти в упор. И вспыхнувший танк. И облегчение: ты успел раньше. После первой массированной танковой атаки вдоль переднего края на хлебном поле горели уже десять вражеских машин.

Еще в первую атаку Прокудин обратил внимание на точный огонь одного из орудий 8-й батареи. На небольшом пятачке ее обороны уже пылали четыре машины. В одну из коротких передышек Прокудин по телефону спросил командира дивизиона: «Чье орудие?» — «Серова, Александра». И Прокудин вспомнил этого сдержанного сержанта-сибиряка, четко работавшего на недавних учениях. Тогда Серов одним снарядом сбил телефонную катушку, поставленную на пустую бочку из-под горючего. Сейчас была иная цель, иной счет, иная проба солдатской выучки. Смертельная проба. И как ни труден был весь тот день, Прокудин после каждой атаки бросал взгляд на тот малый овражек, за которым стояло орудие Серова. К сумеркам восемнадцать машин застыли в том секторе обороны. Ночью комполка узнал, что одиннадцать из них — на счету Серова.

Прокудин обходил позиции, стараясь в сумеречном свете июньской ночи увидеть лица людей, выдержавших первый в своей жизни бой. Тяжелый бой. Артиллеристы работали, меняя огневые позиции, отрывая новые укрытия. И трудно было понять по ответам людей, мимолетным репликам, чего же больше в них: усталости, злости или гордости за то, что выстояли. Только Саша Золотухин, наводчик, подбивший пятью выстрелами четыре танка и бронетранспортер, с мальчишеской восторженностью повторял: «Я смотрю, он бортом ко мне. Ну, я и влепил. А тут второй... Так я по гусеницам...»

Старшина Тимофей Левченко все тер и тер пучком травы ладони, словно стараясь смыть с них что-то... Прокудин уже знал, как после одной из танковых атак противник бросил на батарею пехоту. Это наступление поддерживал фланкирующим огнем из-за озерца станковый пулемет, не давая расчетам выкатить орудие на стрельбу картечью. Как он скрытно переплыл озерцо, подобрался к огневой точке и задушил гитлеровца,

старшина не рассказывал. И на все вопросы угрюмо отвечал: «Из орудия — одно дело, а здесь...» И все тер и тер ладони пучком росной травы.

На командном пункте Прокудин узнал: пехотные полки получили приказ срочно двигаться в Шяуляй. В недолгие часы до рассвета пришлось формировать прикрытие из артиллеристов. На каждый дивизион хоть 20 человек. Перед рассветом командиры докладывали о новых позициях, и на карте-схеме огня уже значились новые ориентиры. «Подбитый танк у холма... Сгоревший бронетранспортер...» Всего на поле перед позициями полка чернело девяносто восемь подбитых немецких машин.

24.6.41 г. И снова — насыщенный огнем, дымом, грохотом день. Только теперь гитлеровцы уже не бросали в атаку танки так бездумно. Теперь они действовали по всем правилам, введя в бой немалые силы пехоты, артиллерии. И работа солдатская была тяжелей, и смерти чаще. Восемь часов подряд наши артиллеристы вели огонь прямой наводкой по пехоте противника.

В тот день их прозвали «соседями» — наводчика 4-й батареи Шубина и командира орудия 5-й батареи Кучерука. На них все восемь часов был нацелен клин наступающей пехоты, танков. И весь длинный день Прокудин с тревогой следил за действиями этих орудийных расчетов. Здесь был ключ к обороне. В одну из особо упорных атак был момент, когда комполка показалось: случится худшее. Бронемашины противника почти вплотную подошли к позициям, а орудия молчали. Но грохнул один выстрел, второй. Свечкой вспыхнули бронетранспортеры. «Соседи» стояли прочно и зло. Ночью они, смертельно уставшие люди, говорили о минувшем дне скупо, заканчивая рассказ неизменным: «Были бы снаряды да патроны...» Но снарядов оставалось мало.

25.6.41 г. Третий день подряд гитлеровцы вели артподготовку, бросали в атаку танки, пехоту — и откатывались назад. Но наш огонь слабел: из строя вышло десять орудий, приходилось экономить снаряды. В середине дня был момент, когда враг глубоко вклинился в позиции артиллеристов. Бой шел почти в ста метрах

от КП полка. И Прокудин, взяв винтовку убитого вестового, сам залег вместе с поредевшей группой прикрытия. И эта атака была отбита. Докладывая по телефону в бригаду о потерях, нехватке снарядов, Прокудин услышал: «Держаться во что бы то ни стало. До вечера...» А солнце чуть скатилось с зенита...

Все последующие часы Прокудин и себе, и другим повторял: «До вечера». А к вечеру стало ясно, что 3-й дивизион ведет бой уже в окружении. И тогда замполит К. Г. Попов, собрав всех, кто мог держать винтовку, пошел выручать 3-й дивизион. В сумерках Прокудин не видел тот прорыв в подробностях. Да и Попов сообщил кратко: «Дивизион вывел...»

В это время центральные газеты набирали сводку Информбюро: «Все атаки противника на Шяуляйском направлении были отбиты...»

26 июня ночью согласно приказу артиллеристы скрытно покинули холмы, обгорелое пшеничное поле, на котором безжизненно застыли грозные еще два дня назад машины врага.

Июнь, 1979 г.

Владимир РУДНЫЙ

СЛАВНОЕ ИМЯ — ОЧАКОВ

«На самом острие полуострова, омываемом с востока широким устьем Днепра и с запада Березанским лиманом, стоит крепость Очаков с гаванью, построенной еще при турках. Вместе с лежащей напротив Кинбурнской косой она своими тяжелыми орудиями преграждает путь к судоходным рекам Буг и Днепр...» Цитата из путеводителя? Нет, это слова из документов штаба 50-й дивизии вермахта начала августа 41-го года, когда пришел приказ взять под контроль берег Одессы до Крыма, открыть путь от портов Румынии в Николаев и Херсон, для чего с ходу захватить Очаков.

Мой давний друг Степан Томилов, комиссар десантов на Гангуте и морских артиллеристов на Невской Дубровке, уйдя капитаном 1-го ранга в отставку, увлекся Очаковом 41-го года. В газете «Моряк», где когда-то работали Бабель, Олеша, Багрицкий и Паустовский, Томилов вел поиск о боях морского гарнизона Очакова и добровольцев коммунистических отрядов. Построив по всему фронту противотанковый ров и огневые точки, они с начала войны и до глубокой осени отбивали штурмы с воздуха, с суши, держали острова Березань, Первомайский, косы Кинбурн и Тендровскую и не позволили врагу создать здесь базу военно-морских сил и снабжения своих войск, рвущихся в Крым. Продолжение поиска Томилов перед смертью завещал другим.

Обветшалые вырезки его статей я увидел на столе в комнате коммунальной квартиры старого одесского особняка близ памятника дюку Ришелье среди вороха

других бумаг, повествующих о том жарком лете. Приказы, депеши, желтый том дневника начальника немецкого генштаба сухопутных войск Гальдера, с закладками меж страниц, где назван Очаков, листки документов дивизии, которой не удалось взять Очаков с ходу,— их прислал из Потсдама архив ГДР.

У стола собрались ветераны: побратимы по Кинбурну, Тендре, Керчи, Севастополю, Новороссийску, но для всех Очаков — начало. Каждый принес свою фотографию 41-го года. Полковник Н. М. Воронцов, ныне моряк торгового флота, в его письмах нередки упоминания о заграничных портах: «Три недели как пришли из Венеции, дождемся разгрузки, пойдем в Марсель»,— а на давней карточке — сущий птенец, лейтенант, попавший из севастопольского училища в очаковское пекло, на насыпной остров Первомайский, командиром огневого взвода береговой батареи. Майор В. А. Моисеев теперь тощ, болеет, а когда командовал отдельным дивизионом шести зенитных батарей, был статен и красив. И лейтенант-техник Сергей Крайний, очаковец по рождению, ныне бухгалтер Госбанка, с возрастом разительно изменился: высох, ссутулился, а в краснофлотской фланелевке был плечистый богатырь.

Старик с седым ежиком редеющих волос, теперь любитель-дирижер детских духовых оркестров, а в войну электрик тяжелой батареи на материке И. П. Решетняк чувствовал себя за столом старшим. Кроме прочих бумаг на столе лежал фирменный бланк: главный редактор Военной энциклопедии извещал И. П. Решетняка, что указанная им ошибка в дате оставления Очакова «июль 1941 г.» будет исправлена на «август».

Естественно, что ветераны ревностно отстаивают то, что ценою крови отстаивали в тяжкое время нашествия. Ошибку исправили. А Решетняка и всех его однополчан и это не устраивает. Они-то знают: очаковцы держались на островах и косах и в сентябре, а потом на Тендре и в октябре, сковывая силы противника на берегу и на море, содействуя блестящей операции флота — переброске нашей армии из Одессы в Крым.

Бывает, что славные в прошлом крепости утрачивают былое значение, оказываясь где-то на периферии

стратегических расчетов военных штабов, но в силу обстоятельств вдруг выступают если не на главное, то на вспомогательное направление, становясь, вопреки всему, камнем преткновения.

Да, Очаков, которому противник поначалу не придавал особого значения, доставил врагу много хлопот. Сосредоточенные в нем торпедные катера выходили на задание далеко в море, воевали в устье Дуная и под Одессой, ставили минные заграждения. По заданию командования катера ночью подкрадывались к занятому противником под Одессой берегу, внезапно включали прожекторы, имитировали высадку десанта, вызывая огонь на себя. Так они установили позиции береговых батарей врага и направили на них точный огонь наших кораблей.

Г. К. Третьяк, старшина мотористов одного из этих катеров и парторг дивизиона, которым командовал старейший черноморец А. П. Тууль, показал мне в Очакове, на сколько кварталов растянулась очередь добровольцев в военкомат в первые дни войны. Третьяк помнит все походы, людей: все же парторг. Первым получил орден Красного Знамени Максим Хорец, водолаз дивизиона. Когда надо было обезопасить выход из Николаева отрядов недостроенных и ремонтируемых кораблей через Очаков в Севастополь, Максим Хорец спустился на дно лимана, бесстрашно застропил найденную им полутонную магнитную мину и повел ее под водой с фарватера к берегу, где специалисты должны были разгадать ее секрет.

Третьяк рассказал мне о своем дружке по экипажу бывшем радисте Михаиле Божаткине. Возвращаясь из походов, катера укрывались возле Первомайского, им не дозволяли обнаруживать себя и вступать в бой. А «мессеры» и «юнкерсы», особенно в августе, настойчиво бомбили маленький и сильный остров-форт. Пыль и гарь плотно держались над ним. Выходя из пике, «юнкерсы» подставляли катерам брюхо, а бить, по инструкции, было не положено. Но вот радист Божаткин сорвался с поста к пулемету и всадил в «юнкерса» очередь. Тотчас замолотили все катера, еще двух пикировщиков срезали. Из Очакова примчался катерок с пред-

ставителем: «Кто стрелял?» Божаткина увезли. А час спустя вернулся, прибыл и начальник политотдела бригады, приказал: впредь так и действовать, инструкция устарела!

И взгляд на роль Очакова быстро устаревал. Командующий флотом передал приказ наркома ВМФ: держать Очаков до последней возможности, несмотря на отсутствие армейских частей. Из стрелковой и саперной рот очаковского сектора береговой обороны, из пограничников очаковской комендатуры, из краснофлотцев береговых баз учреждений и за счет сокращения личного состава береговых зенитных батарей сформировали ударный батальон под командой капитана Бондаренко. 87-я зенитная батарея дала на передний край 20 бойцов во главе с комсоргом Николаем Земцовым, потом севастопольским разведчиком, Героем Советского Союза; с 15-й тяжелой береговой ушел корректировщиком огня лейтенант Николай Юрасов. Десятки судов и кораблей, недостроенные крейсеры «Фрунзе», «Куйбышев», ледокол «Микоян», эсминцы, подводные лодки, плавучие доки, груженные заводским оборудованием, тысячами эвакуируемых людей, вышли очаковским фарватером из Буга и Днепра к Севастополю. Силы противника многократно превосходили гарнизон Очакова, но пусть враг сам скажет, какая шла битва:

«17.8. Наступление приостановилось из-за массированного огня крепости... 19.8. Наши надежды, что защитники крепости будут окончательно сломлены, не оправдались. Снова бесконечно длинный день в ямах на солнцепеке под огнем русской артиллерии. Только когда село солнце, смогли доставить еду, воду и вынести раненых. 20.8. Это не был штурм крепости, а медленное продвижение. Русские упорно сопротивлялись. Штурмовать позиции решили на следующий день. Сильно потрепанные войска выдохлись. Каждому ясно, что окончательный бой будет кровавым... 22.8. Очаков пал! Дивизии даны два дня отдыха — сон, баня, еда при свете дня, без обстрела и бомбежек. Молодые пехотинцы стали озорничать: повернули тяжелые орудия к морю и дали победный салют по волнам. Ответа нет. Скалистый островок Березань и остров, на котором

стоит маяк, молчат. Можно их игнорировать. Они отпадут сами по себе...»

Речь шла о Первомайском, где маяком служила фок-мачта с броненосца «Потемкин». Березань и Первомайский сами по себе не отпали, «игнорировать» их не удалось.

Вот наша хроника тех дней:

«27.8. Канлодки «Днепр» и «Буг» обстреляли войска противника и плавсредства у Очаковского мыса. Противник выпустил по о. Первомайскому 150 снарядов... 11, 12, 13, 14.9. Фашисты бомбили Первомайский... 17, 18.9. 50 бомб на Первомайский. 22-я батарея вела огонь по противнику... 19.9 — 22-я батарея бьет по противнику, ее бомбят... 21.9 — 22-я бьет по противнику. По ней огонь из минометов».

За месяц до этого на батарее оставалось 16 снарядов. Две шхуны доставили боезапас из Крыма. Одна шхуна затонула поблизости, другая дошла полузатопленной. Водолазы и весь личный состав батареи извлекали 8-дюймовые снаряды из воды под огнем, этим боепринасом 22-я воевала весь сентябрь...

В Суворовском музее Очакова накапливаются материалы о 1941 — 44 годах, от многостраничных фолиантов до сердечных писем матерей, сыновей, дочерей погибших,— рассказы тех, кто дошел отсюда до Берлина или Вены, но не забыл свое лихо у стен Очакова. Каждый год из-под Киева сюда приезжает полковник Р. Н. Дерягин, бывший командир зенитной батареи, он видел лица атакующих его пушки асов: так низко они летали, штурмуя...

Перед входом в музей — один из лучших памятников Суворову: зажав одной рукой рану в груди, другой указывает на Кинбурн. На постаменте написано: «Доброе имя должно быть у каждого человека. Лично я видел доброе имя в славе своего Отечества»... Доброе имя Очакова и очаковцев — в их ратных делах. Есть в Очакове не только музей Суворова, площадь П. П. Шмидта, но и улица корректировщика Николая Юрасова,— продолжая борьбу за Очаков уже не на материке, а рядом, на Первомайском, он погиб от осколка мины в конце сентября 1941 года.

Октябрь, 1982 г.

Иван СТАДНЮК

В ТО ГРОЗНОЕ ЛЕТО

В конце июня и начале июля 1941 года всем нам, кто в составе главных сил Западного фронта сражался в окружении западнее уже захваченного врагом Минска, казалось, что стоит выиграть хоть немного времени — и подоспеют резервы, линия фронта стабилизируется. Мы ощущали трагизм происходящего, но не знали тогда главного: ведя свыше двух недель упорные бои в больших и малых «котлах», наши части сковали около 25 нацеленных на Москву вражеских дивизий — почти половину состава группы армий «Центр».

Смоленск казался тогда далеким тылом, нам и в голову не могло прийти, что на тех самых высотах, где мы, курсанты Смоленского военно-политического училища, всего лишь месяц назад постигали азы управления взводами и ротами, скоро развернутся кровавые бои с врагом.

А Смоленск, 29 июня превращенный жестокой бомбежкой в развалины и пожарища, уже воевал. В который раз в своей истории он вставал преградой захватчикам на пути к Москве!

Ставка принимала меры по непрерывному усилению Западного фронта. Но достигнуть равновесия сил не удавалось: господствовавшая в воздухе авиация врага поражала наши коммуникации, и подходившие из глубины страны эшелоны опаздывали. Противник нависал над районами их разгрузки, расчеты и графики рушились, прибывавшие полки и дивизии вводились в бой разрозненно. В них вливались подразделения и группы,

которым удалось вырваться из вражеского кольца. Пробились в район Могилева остатки и нашей 209-й моторизованной дивизии. Ее командир полковник Муравьев был тяжело ранен, начальник политотдела полковой комиссар Маслов — убит. Нас, группу командиров и политработников, распределили в части, дравшиеся на Смоленской возвышенности.

10 июля немецко-фашистские войска, имея двукратное превосходство в живой силе, самолетах, артиллерии и четырехкратное — в танках, начали наступление на Смоленск. В августе фашистское командование рассчитывало захватить Москву, к началу сентября выйти на Волгу, достичь Казани и Сталинграда.

Младший политрук, я тогда не мог постичь события во всей их масштабности. Но спустя десятилетия, с той поры как начал писать роман «Война», вновь, но по-иному переживаю это сражение, сопоставляю то, что видел сам, и почерпнутое в беседах с военачальниками, с рядовыми участниками боев, в архивных документах. Большое впечатление произвела на меня карта за 12 июля 1941 года командующего Западным фронтом маршала С. К. Тимошенко. На карте видно, как он маневрировал не очень богатыми резервами, как перенацеливал ведшие бой соединения.

Сгруппировав в ударный кулак часть подоспевших сил 19-й армии И. С. Конева и силы правого крыла 20-й армии П. А. Курочкина, командующий фронтом обрушил в районе Витебска неожиданный контрудар на выдвинутый из резерва вермахта для развития наступления моторизованный корпус. В тот же день части 22-й армии Ф. А. Ершакова внезапным контрударом из Полоцкого укрепрайона разгромили фашистскую моторизованную дивизию. Части 21-й армии Ф. И. Кузнецова и 13-й армии Ф. Н. Ремезова остановили фашистов на Рославльском направлении.

Но, несмотря на величайшие усилия наших войск, обстановка все-таки складывалась в пользу противника.

Против трех армий Западного фронта, оборонявшихся в полосе от Витебска до Быхова, противник в середине июля перешел в наступление главными силами

своих 3-й и 2-й танковых групп при поддержке большей части сил 2-го воздушного флота. Наша 19-я армия вынуждена была отойти на северо- и юго-восток, и противник устремил в образовавшуюся брешь две танковые дивизии. К вечеру 15 июля они прорвались в район севернее Ярцева, охватывая с северо-востока тылы советских войск.

Над Смоленском нависла реальная угроза. Командующий 16-й армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин получил 14 июля приказ возглавить оборону города. Но он уже был не в силах предпринять действенные меры. В мои руки попали неопубликованные воспоминания командарма. В них он рассказывает, какие трудности пришлось испытать 16-й армии в первые недели войны. Армия прибыла под Смоленск разрозненно. Часть ее сил, в том числе и все танковые соединения, была передана 20-й армии. У Лукина остались лишь две дивизии, растянутые по фронту и действовавшие ударными подвижными отрядами.

Непосредственно Смоленск защищала ополченческая бригада полковника П. Ф. Малышева. Когда вечером 15 июля после тяжелых боев немцы с трех направлений ворвались в город, батальоны Малышева и подразделения, отошедшие за крепостные стены, вступили в бой, защищая каждый дом, квартал, каждую улицу. Короткая июльская ночь прошла в жесточайших схватках. К утру южная часть Смоленска была захвачена врагом. Мосты через Днепр были взорваны полковником Малышевым; не самовольно, как ошибочно утверждается в некоторых мемуарах, а согласно приказу командования 16-й армии — это мне удалось установить по архивным документам.

Но и после взрыва мостов сражение за Смоленск продолжалось. Соединения и части несколько пополнившейся 16-й армии неустанно контратаковали врага, пытаясь выбить его из города, и одновременно отражали попытки фашистских войск перехватить дороги между Смоленском и Дорогобужем. В этот район 21 июля начала отходить 20-я армия. Как и 19-я, она уже находилась в окружении. С 21 июля по 7 августа, согласно приказу Ставки, была нанесена серия

контрударов по сходящимся на Смоленск направлениям. В них участвовали оперативные группы армий Резервного фронта и группа генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. Контрудар поддерживала авиация: к имевшимся на Западном фронте 370 самолетам Ставка нашла возможным выделить еще 270.

Эти удары помогли 20-й и 16-й армиям вырваться из кольца, отойти за Днепр.

В захваченных противником районах Смоленской области к середине июля действовали 32 подпольных райкома партии, 31 подпольный райком комсомола, 19 партизанских отрядов.

Вражеская группа «Центр» была сильно ослаблена. За первые три с половиной недели Смоленского сражения ее моторизованные и танковые дивизии потеряли до 50 процентов личного состава. До их пополнения и ликвидации угрозы флангам группы армий «Центр» гитлеровское командование вынуждено было отложить наступление на Москву. Впервые в ходе второй мировой войны немецко-фашистским войскам пришлось на главном стратегическом направлении перейти к обороне.

Развернувшееся по фронту на 650 километров и в глубину на 250 километров, Смоленское сражение не утихало все лето и первую декаду сентября 1941 года. Оно складывалось из многих больших и малых наступательных и оборонительных операций.

В тех боях мне наиболее запомнилось наше наступление в направлении Духовщины с рубежей рек Царевич и Вопь, в котором участвовала 64-я стрелковая дивизия полковника А. С. Грязнова. Я тогда работал в газете «Ворошиловский залп». Как и многих работников политотдела, меня по существовавшему тогда обычаю послали в один из стрелковых батальонов «личным примером обеспечивать успех атаки».

Штаб 64-й дивизии раскинул землянки в овражистом лесу северо-западнее деревни Рядыни. К командным пунктам полков добираться оттуда было более или менее безопасно, но подступы к речке Царевич, вдоль которой тянулся рубеж нашей обороны, простреливались противником. Поэтому в батальоны нам было

приказано идти с наступлением сумерек. А пока была середина дня, и я заторопился к землянке разведотделения штаба, куда только что доставили трех пленных. Их допрашивал начальник отделения майор Селезнев. Запомнился он мне высоким, крупнотелым и неприветливым. На просьбу разрешить присутствовать на допросе в качестве работника газеты майор довольно резко приказал убираться и не мешать работать. Возмутившись, я пошел искать комиссара дивизии, чтобы пожаловаться. В это время налетели «юнкерсы»...

После бомбежки, когда проходил близ землянки майора Селезнева, увидел такое, что вспоминать страшно. От прямого попадания бомбы погибли все — и майор, и переводчик, и пленные, и бойцы-конвоиры... С тяжким сердцем вышел я из леса и напрямик, через поле неубранной ржи, побрел в сторону передовой, усыпая путь золотыми слезами зерна. Они падали на серую кочковатую землю, как только рука прикасалась к колоскам. Это плачущее поле еще больше усиливало лежавшую на душе тяжесть от всего, что довелось пережить с первого часа войны. Думал я и о том, что майор Селезнев спас меня сегодня от гибели.

В штабе полка, замаскировавшемся в заросшем мелколесьем овражке, узнал, что прибыло пополнение — несколько маршевых рот московских ополченцев и что сейчас перед ними выступает полковой комиссар А. Я. Гулидов. Через минуту я уже был в недалеком перелеске, где ждали ночи ополченцы. Гулидов тут же приказал мне с наступлением темноты отвести две роты ополченцев в батальон и «отвечать за них головой». Вид ополченцев меня несколько смутил: многие были с бородами, в очках; все они казались мне, 20-летнему, стариками.

Но когда на второй день на рассвете (это было 1 сентября) после короткой артподготовки мы устремились к задернутой туманом речке, ополченцы показали себя молодцами. Они вплавь и вброд перебирались через реку Царевич, четко выполняли команды и обходили оживавшие пулеметные немецкие гнезда. В атаку поднимались дружно и бесстрашно... В тех боях каждый бросок вперед начинался атакой, которую возглавляли

политработники, командиры взводов, рот, батальонов и даже подчас командиры полков. Это приводило к большим потерям среди командного состава. Уже на четвертый день боев в батальоне я остался единственным кадровым политработником, а среди командного состава — несколько сержантов. Положение усугублялось еще и тем, что начались ливневые дожди, затруднявшие подвоз боеприпасов и продуктов, а также эвакуацию раненых.

Не могу не вернуться к тем чувствам, которые вызвал первый услышанный нами залп «катюш». Помню, когда поднялись в очередную атаку, вдруг сзади что-то могуче и оглушающе загрохотало, и над нашими головами к вражеским позициям, исторгая пламя, с ревом устремились невиданные снаряды. От неожиданности мы упали на землю.

Так вступило в бой новое, мощное оружие — знаменитые реактивные минометы.

В ходе Смоленского сражения, в сложностях его оперативно-тактических ситуаций проявился и окреп военный талант многих советских командиров. Как символ военного мастерства, мужества, решительности и поныне звучат фамилии Рокоссовского, Конева, Курочкина, Лукина, Маландина, Соколовского, Захарова, Масленникова, Руссиянова, Галицкого, Крейзера, Лизюкова, С. П. Иванова, Плиева и других.

Особо хотелось бы сказать о Г. К. Жукове. С конца июля до середины сентября 1941 года он командовал Резервным фронтом и успешно провел одну из важных в Смоленском сражении операций по разгрому ударной группировки немецко-фашистских сил на ельнинском выступе. В ходе этой операции войска 24-й армии Резервного фронта нанесли поражение двум танковым, одной моторизованной и семи пехотным дивизиям врага и ликвидировали самый удобный плацдарм для рывка фашистских войск на Москву. Отличившимся в боях 100-й и 127-й стрелковым дивизиям 24-й армии было присвоено звание гвардейских. Скоро стала 7-й гвардейской и наша 64-я стрелковая дивизия.

Изучая сейчас полководческое искусство Г. К. Жукова, размышляя над особенностями его непростого ха-

рактера, я, как военный писатель, снова утвердился в мысли, что он, в обход правил оперативного искусства (на что и обижались немецкие генералы), иногда дерзко и с умыслом пренебрегал некоторыми «формальными необходимостями» при выработке того или иного оперативного решения. Будучи высокоодаренным полководцем и следуя строгой логике своего разума, Жуков искал такие неожиданные решения, которые, исходя из тех же «формальных необходимостей», противник не смог бы разгадать. Не склонная к шаблону мысль Жукова раскованно диктовала ему нужный план действий, предусматривавший и некоторые запасные «ходы» — например, дополнительный маневр артиллерийским огнем, резервами и даже главными силами.

10 сентября войска Западного, Резервного и Брянского фронтов по приказу Ставки прекратили наступательные операции.

Так закончилось Смоленское сражение, ставшее символом мужества и стойкости Советских Вооруженных Сил. На смоленской земле нашли гибель многие полки и дивизии агрессора, собиравшиеся вступить в Москву.

Август, 1981 г.

Георгий ХОЛОПОВ

РАЗОРВАННОЕ КОЛЬЦО

Бетонные столбы отсчитывают от Финляндского вокзала километры. Едем к Ладоге. На каждом столбике начертано: «Дорога жизни».

По этой железной дороге в декабре 1941 года круглосуточно двигались поезда: пригородные вагоны, теплушки, платформы. А по проходящему рядом с насыпью шоссе — полуторки, сани, запряженные полуживыми лошадьми, и группы людей — женщины, дети. Электричка проносится мимо знакомых станций — Бернгардовки, Мельничьего Ручья, Борисовой Гривы...

...12 ноября 1941 года я приехал в устье Свири, где находился штаб 2-го батальона 3-й балтийской морской бригады. Река была уже почти скована льдом. Катера, баркасы, самоходные баржи, застигнутые внезапно ударившими морозами, с трудом пробирались на зимние стоянки.

Вечером вместе с начальником штаба батальона Петром Стибелем на дровнях выехали в роту Кирилла Дороша. Рота занимала «пятачок» на берегу Ладоги. Далеко в озеро вдавался ледяной припай. А за ним, даже сквозь вой ветра, было слышно, как грохотали вспененные волны.

Зарывшись в сено, мы молча ехали по ладожскому льду. Прислушиваясь к шуму волн, думал: «Скоро ли замерзнет озеро в глубинной части? Сумеют ли дорожники быстро подготовить трассу для машин?» Судьба Ленинграда беспокоила всех, особенно после падения Тихвина. Стоило посмотреть на карту, как становилось

ясно: гитлеровские войска надеются от Тихвина — по прямой, через Еремину Гору и Алеховщину — выйти на соединение с финскими войсками на правый берег Свири, замкнуть вокруг Ленинграда второе кольцо блокады уже по эту сторону Ладожского озера, задушить город голодной смертью.

Один из путей эвакуации ленинградцев проходил через Алеховщину, где помещалась редакция нашей армейской газеты «Во славу Родины». От эвакуированных мы узнавали о героической обороне Ленинграда, о работе заводов, об обстрелах и последних нормах выдачи хлеба. Они сокращались уже трижды.

Поеживаясь от холода, думал и о своем задании, и о предстоящей встрече с Дорошем, бывшим главстаршиной из школы оружия в Кронштадте. Рота моряков, которой он командовал, отличилась в недавних боях на Ладоге. Командующий армией К. А. Мерецков присвоил Дорошу звание старшего лейтенанта и наградил орденом Красного Знамени.

...Кирилл Дорош неожиданно преграждает нам путь, возникнув из-за сугроба. Светит под ноги синим светом фонаря. В ватнике, в сапогах. За поясом гранаты, на груди — автомат.

— Зачем же я вам, чертям, посылал полушубки, раз вы тут в ватниках ходите? — вылезая из дровней, бурчит замерзший Стибель.

Слышу рокочущий голос Дороша с хрипотцой:

— В ватнике сподручней воевать!

Когда ночью возвращались в Нижнюю Свирицу, лед под копытами лошади во многих местах уже звенел, как металл.

22 ноября узнал радостную весть: по ледовой дороге прошла первая автоколонна с грузами для Ленинграда.

После падения Тихвина ближайшей станцией, куда могли доставлять продукты для Ленинграда, была Заборье. Она находилась в 80 километрах восточнее Тихвина, в 200 километрах от берега Ладоги. Надо было строить объездную дорогу для автомобильного транспорта. Строили ее воинские части и жители окрестных деревень. Работа кипела круглосуточно.

24 декабря мне разрешили поездку в Ленинград. В редакции надавали много всяких поручений. Ехал со мной и наш сотрудник Михаил Новиков. Устроились с ним меж двух бочек бензина в кузове полуторки. Остальное пространство занимали продовольственные посылки.

В одиннадцать вечера мы выехали из Алеховщины в Кобону. Было морозно и ветрено. Кобона, Кобона... Рыбацкая деревня на берегу Ладоги, ставшая знаменитой на весь свет как перевалочный пункт грузов для блокадного Ленинграда. Проезжая через хмурые леса, мурлычу про себя стихи Александра Прокофьева, уроженца Кобоны:

А ветер от Олонца
И от больших морей,
И опускалось солнце
На тридцать якорей.

Среди ночи мы наконец оказались на окраине Кобоны. Незнакомая женщина повела нас в жарко натопленную избу с горячим самоваром на столе. Принесла стаканы и солонку:

— Чаевничайте!

После пятого стакана, распаренные, словно после бани, мы пересели на лавку у заиндевелого окна.

За окном раздался шум машины, послышались голоса. Вскоре дверь распахнулась, и вошли измученные, продрогшие люди. Это были только что переехавшие озеро ленинградцы.

Вслед вошла и хозяйка дома. Она энергично размотала пуховую шаль, сбросила шубенку, поставила посреди стола миску капусты и чугунок горячей картошки, перед детьми — по кружке молока и по куску черного хлеба.

И до сих пор мне не забыть, как за столом раздалось, точно стон:

— Квашеная капуста!

— Картошка!

— А вы чувствуете запах?.. Это же настоящий ржаной хлеб! — прослезившись, сказал старик...

В шесть утра, еще в полном мраке, наша полуторка въехала на лед и осторожно двинулась в сторону Ленин-

града. Дорога была широкая, хорошо накатана, а потому шофер сразу же взял вправо, чтобы не слепили фарами машины встречных автоколонн.

Мелькали справа и слева снежные крепости, из которых выглядывали стволы зенитных орудий и пулеметов. Иногда высовывалась печная труба, и оттуда вырывались снопы искр, виднелся конусообразный верх медицинской палатки.

Попадались и перекрестки — вдруг сходились и расходились несколько дорог, и тут можно было увидеть указатели, регулировщика в маскировочном халате. Встречались они и у трещин на льду, порой двухметровых, через которые были перекинуты мостки, угрожающе скрипевшие, когда машина переезжала через них. У разбитых машин с продуктами можно было увидеть охрану, ремонтную «летучку».

Удивительной жизнью жила «Дорога жизни»!

Уже после войны Евгений Петрович Чуров, известный военный гидрограф, который в ночь на 15 ноября вышел на обследование состояния льда на трассе Осиновец — Кобона, рассказал мне, как его группа двигалась в метельную ночь через озеро, пробивая лунки, измеряя толщину и прочность льда, ставя двухметровые шесты-вехи. Трое суток гидрографы шли или, вернее, ползли по льду, нанося трассу на карту...

19 ноября разведотряд 88-го отдельного мостостроительного батальона, в котором взводом командовал И. Смирнов, вернулся с аналогичного задания — проложить трассу автомобильной дороги по льду озера. На основе полученных данных Военный совет Ленинградского фронта принял постановление об открытии дороги. Три дня воины 64-го дорожного полка расчищали трассу. Связисты тянули линию связи, саперы возводили оборонительный пояс с окопами и дзотами, зенитные дивизионы занимали позиции.

Нам с Новиковым не сиделось меж бочек с бензином. Хорошо, что недавно была снята светомаскировка — для ускорения движения транспорта. Навалившись грудью на кабину, мы следили за встречными огнями и радовались тому, как много машин идет из Ленинграда. Но еще большую радость вызывали полуторки,

которые мы нагоняли, ехали они намного медленнее, в них — мешки с мукой и крупой, мороженые туши мяса, ящики с боеприпасами. Иногда навстречу попадалась пешая колонна. Вот идет колонна вся в черном. Ремесленники? Курсанты?..

К счастью, той ночью не было ни артобстрелов, ни авиационных налетов, и можно было спокойно ехать. Кажется, мы уже благополучно миновали особенно опасный участок между 9-м и 12-м километрами, куда долетали немецкие снаряды.

Время от времени под колесами раздавался сильный треск, и мы с Новиковым вздрагивали: были наслышаны, как машины проваливались в майны, затянутые тонким ледком.

Только поздним зимним рассветом, около девяти утра, 25 декабря наша полуторка въехала на западный берег Ладоги, в деревню Кокорево. Зашли в какой-то барак, полный людей, отогреться. Поразили нас шум, радостные возгласы Что же могло случиться? Нам отвечали:

— Разве не слышали радио?.. С сегодняшнего дня в Ленинграде хлебная прибавка. Первой категории — на сто граммов, второй — на семьдесят пять!

Тяжело сейчас вспоминать Ленинград времен блокады. Много было смертей, много разрушений. Но день 25 декабря 1941 года никогда не забудется. Он вселил в людей большую надежду! Каждый понимал, что удалось пробить брешь в блокаде, что время работает на нас, что недалек час полного освобождения.

...Мерно стучит на стыках электричка. А за окном все мелькает, мелькает на километровых столбах: «Дорога жизни»...

Из динамика доносится простуженный голос машиниста:

— Станция Ваганово!

Пора выходить... От Ваганова до деревни Кокорево — три километра. Можно доехать на автобусе, но лучше пройтись пешком, что я и делаю.

Еще издали на фоне угрюмого декабрьского неба вижу на берегу Ладожского озера высоко взметнувшийся мемориал «Разорванное кольцо». Он установлен на

том месте, куда приходили полуторки с продуктами из Кобоны и откуда вывозили ленинградцев в эвакуацию.

Кладу к основанию мемориала цветы, низко склоняю голову. Поклонись и всяк проходящий мимо! Поклонись и этому удивительному по своей простоте памятнику, символизирующему рассеченные половинки блокадного кольца, и его стражу — одинокой, старенькой зенитке, стоящей рядом, и камышовым зарослям у самого берега, и закованному в лед Ладожскому озеру. Прочти и прими душой выбитые на граните слова: «Потомок, знай! В суровые года, верны народу, долгу и Отчизне, через торосы ладожского льда отсюда мы вели Дорогу жизни, чтоб жизнь не умирала никогда»...

Декабрь, 1981 г.

Виктор БЕЛОУСОВ

ЗА НАМИ МОСКВА

Секретарем райкома в Залегощи оказался наш земляк. Он-то и сказал маме: «Не надоело кочевать? Становитесь-ка на якорь. Дело найдем. И ребятам пора в школу».

Мы уходили от войны второй месяц. Вначале спешно. Потом остановки делались все продолжительнее, а дневные переходы все короче. Не потому, что притомилась старая лошадь. Забуксовали преследователи. Когда ночью, сонных, мать сунула нас на эту подводу, немцы были в семидесяти километрах. Была середина августа. Теперь кончался сентябрь. А газеты писали о боях между Почепом и Трубчевском. Выходит, не взяли наш городок.

А как затоптались они под Смоленском! И уж вовсе откатились от Ельни под ударом наших войск. Правда, следом случилась беда под Киевом. Но об этом сообщалось глухо и скупо. Зато «Крокодил» во всю страницу дал карикатуру: похожий на кощея Гитлер скулил над картой: «Не вытанцовывается блицкриг!» Художник не измышлял. Пусть не все, но многое говорило: худшие для нас времена на фронте вроде миновали, остальное дорисовывало воображение. И, конечно, надежда, что вот-вот их вовсе погонят. Потому мама сразу согласилась.

Однако не прошло и недели, мы увидели того секретаря на взмыленном коне. Он заскочил, чтобы бросить торопливое: «Они в Орле. Оттуда чудом вырвался эшелон. Садиться будете на ходу». Он очень спешил. И все

же не мог удержаться, чтобы еще раз не взглянуть на дымное зарево у горизонта. Там был Орел, столь внезапно захваченный ими.

— Теперь впереди только Тула,— тяжело вздохнул секретарь.

— Почему только? — спросила ошеломленная известием мама.

— Потому, что дальше о н а — Москва.

Он ускакал. А холод его сообщения смешался с холодом октябрьского рассвета.

Дальше Москва. Неужели этот удар нацелен на нее?

Мы не знали, что календарь отсчитывал уже третий день обороны столицы. С того часа, как 30 сентября танки Гудериана прорвали фронт. Лишь когда 2 октября немцы перешли в наступление и в районе Вязьмы, сомнений не осталось: они прут на Москву. Отпор у Смоленска вынудил их перестраиваться. Но даже когда гитлеровцы двинулись на нашу киевскую группировку, в мыслях у них была Москва. И теперь, обезопасив свои фланги и переведя дух, они вернулись к самой ненавистной им точке на карте.

После падения Орла начальник генштаба германских сухопутных войск генерал Гальдер занес в свой дневник ликующую строку: «Операция «Тайфун» развивается почти классически». Не просто от влечения к словам пострашнее так окрестили свою главную операцию гитлеровцы. Таким им виделся этот решающий удар: мощным, стремительным, неукротимым.

Но почему же Гальдер обронил слово «почти»? Почти... Видимо, что-то все же смущало генерала.

Минуло еще два дня, и Гальдер написал: «2-я танковая армия Гудериана, наступающая от Орла на Тулу, испытала мощный контрудар противника с северо-востока...»

Еще через три о том же Гудериане: «...медленно и с трудом продвигаясь...»

«Тайфун» и вдруг — «медленно продвигаясь». Как же это, генерал?

Не у него надо искать ответа. Битые наши враги издавна ссылались на каверзы природы. Гитлеровские

вояки заиграли в ту же дуду: мол, все их несчастья начались от русских дождей и русских дорог.

Конечно, наши дожди были им не помощники. Только почему-то о дождях они не заикались, когда в те дни удалась им операция по окружению четырех наших армий под Вязьмой. А вот где сорвалось, они предъявили иск тучам небесным. Врага можно понять: слабость перед силами природы признать легче, чем слабость перед силами противника. Начиная натиск на Москву, фашисты знали: у русских сил куда меньше. На этом и закручивался «Тайфун».

Они не ошиблись в предположениях. На Московском направлении в боевой технике у них было полуторное, двойное превосходство. Солдат больше на четверть миллиона. Тысяча семьсот танков — три четверти всех, что действовали тогда на советско-германском фронте. А на отдельных участках превосходство оказывалось двадцатикратным.

Да что там двадцатикратным! Генерал Лелюшенко выступил против армады Гудериана с единственным танком.

В день прорыва Гудериана генералу Д. Д. Лелюшенко объявили в Ставке о новом назначении: командиром корпуса. Тут же корпус получил задачу. В устах маршала Б. М. Шапошникова она прозвучала так: «Голубчик, дальше Зуши — ни шагу!» Обращение «голубчик» подчеркивало не только известную старомодную манеру маршала. Приказ он облекал как бы в личную просьбу. Крупный военный теоретик, маршал, может, лучше других понимал, что приказывает невозможное. Танки Гудериана были на ходу. А у генерала Лелюшенко не было еще никакого корпуса. Пока корпус существовал на бумаге. 1-й гвардейский. Сразу гвардейский, так как ему передавали две гвардейские дивизии и батареи «катюш». Но где те дивизии и танковые бригады? Та под Ленинградом, та еще на Дону. А брешь надо было закрыть немедля. Рука Сталина уже прочертила на карте красным карандашом линию по речке Зуша у Мценска. И, может, умышленно, может, случайно карандаш он отложил так, что один конец уперся в эту линию, а другой доставал Москву. На большой карте всего-то один

карандашик разделял столицу и отведенный корпусу рубеж обороны. Смотри, генерал. И действуй соответственно.

А ему на первую минуту хотя бы полк под рукой. Хотя бы батальон...

Но по оси карандаша войск не было. Разве что в Туле, в артучилище. Да мотоциклисты в Ногинске.

Ему дали их. Тут же из Ставки он позвонил командиру мотоциклетного полка Т. Танасчишину. Разговор был короток. На сборы — два часа.

В Тульском артучилище осведомились:

— А учебные орудия брать?

— Берите все, что стреляет.

С этим генерал Лелюшенко выступил навстречу врагу. Надеясь пополниться по дороге отступающими.

У мотоциклистов и был тот единственный танк. С ним столкнулся головной дозор гитлеровцев: пять танков, бронетранспортер, мотоциклисты. Кто кому уступает дорогу при таком соотношении, у фашистов сомнений не было. Но русский танк ринулся на них. Хотя не мог командир не знать, что за дозорными следуют другие. На что он тогда рассчитывал?

В том-то и дело, что лейтенант Новичков, командир «тридцатьчетверки», не рассчитывал. Знал: не на кого. За ним нет второго танка. Вся броня на этой длинной дороге пока — он один, его экипаж...

Когда «тридцатьчетверка» подбила два танка, остальные поспешили убраться. Вышколенный мозг гудериановских танкистов не допускал, что за дерзостью и упорством русского не стоят новые танки со звездами. Должно быть, они так и доложили начальству, и то не решилось соваться дальше без разведки авиацией.

Были выиграны драгоценнейшие часы. Тем временем к Мценску подошел состав с первой партией танков. Это были воины 4-й танковой бригады М. Е. Катукова. Сразу с платформ они отправились в разведку к Орлу.

Лишь беззвездная ночь прикрывала семь танков капитана В. Гусева, когда они вошли в город. Нет, пронеслись по городу, круша гусеницами и сметая огнем машины, орудия и полусонных вояк, уже угревшихся в чужом гнезде. То-то был переполох!

Запомните: их было семь. А в Орле целая танковая дивизия. Она не только поредела от гусевского налета. В ее штабе окончательно запутались, какая же сила противостоит им. Это еще оттянуло выступление гитлеровцев из Орла.

Тем часом собирался корпус генерала Лелюшенко. Вот уж комкор созвал на совет своих командиров и комиссаров: как задержать врага на Зуше? Комдив 6-й гвардейской Константин Иванович Петров предложил: не ждать здесь, идти навстречу и выматывать их, выматывать на промежуточных рубежах.

Да, ошибся залегощенский секретарь. До Тулы был еще Мценск. Кто палил костры из книг, тот вряд ли читал «Леди Макбет Мценского уезда». Но страшные мценские истории будут помниться ему. Уже не по Лескову. По изрытой воронками дороге, где «Тайфун» угасал, «медленно и с трудом продвигаясь».

Хотя, как азартные игроки, всю свою наличность бросили они на эту дорогу. Волнами накатывали «юнкерсы». Не было видно хвоста у колонны танков. Как рогатые черти, неслись мотоциклы. Хлестали с брони автоматчики. Лезли, перли, прорубались...

И умывались кровью.

Здесь сполна узнали они, что такое танковая засада. И каковы преимущества Т-34 перед их хваленым T-IV. И что есть русская «катюша». И каков «русс Иван», когда за спиной у него — Москва. Его Москва.

У стрелка-радиста Дуванова оторвало ногу. А он все делал свое. Выдать его могла смертельная бледность. Но разве за копотью разглядишь?! «Ты почему молчал?» — схватятся после боя. «Так бой был».

Лейтенант Дмитрий Лавриненко накатал на позицию бревен и установил их как орудийные стволы. Пусть примут их за стволы танков.

«Лейтенант, на тебя же больше двинут».— «Что ж, будет больше мишеней».

Нет, невозможно приводить здесь примеры. Как из массы героев выбрать одного, особого? Как приписать корпусу Дмитрия Даниловича Лелюшенко исключительную стойкость? Прославленный генерал, дважды Герой, первый запротестует.

Держу его книгу. А он достает другую. И читает:

«Обессиленная и кровоточащая от многочисленных ран, она цеплялась за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор; отойдя на шаг, она вновь была готова отвечать ударом на удар...»

— Это Рокоссовский. О своей армии.

Да, отходить пришлось. И на девятый день оставил генерал Лелюшенко пол-Мценска. А на другой день полностью оставил его. И уже без своего командира корпус еще две недели будет удерживать рубеж по Зуше. А там выступить заслоном выпадет рабочей Туле.

Самому же Лелюшенко придется срочно ставить заслон на Можайской линии обороны. Уже в роли командарма. С дальневосточной дивизией полковника В. И. Полосухина. И с ополченцами-москвичами. Дальневосточники уже имели своих Героев. Еще с Хасана. А на что способны ополченцы?

Генерал проходил среди не очень стройных рядов. «Есть механики?», «Есть электрики?» Выходили. «А вы кто?» — «Астроном».— «По звездам, значит, ходить умеете? В разведку».— «А вот вы?» — «У меня, собственно, тоже вечерняя работа».— «Точнее».— «Я, видите ли, смотрел спектакли. Потом писал рецензии».— «В стрелки. Другого не могу вам предложить».— «Сочту за честь...»

Этим бы женщинам пироги стряпать. Они же ворочают, ворочают землю. Окопы, ходы сообщения, эскарпы да контрэскарпы создают. Под открытым небом. Незащищенные. Если бы от дождя и снега. От бомб. Пусть простят они нашу авиацию. Не хватало крыльев прикрыть всех...

А сама Москва ковала оружие. Хотя многие оборонные заводы были вывезены. Троллейбусный парк поставлял гранаты. Второй часовой — взрыватели для мин. «Трехгорка» — подумайте! — автоматы. В каком гитлеровском разведуправлении предвидели автоматы «Трехгорки»?!

Они многого не предвидели. Слишком надежным посчитали кольцо окружения под Вязьмой. А окруженные затеяли отчаянные бои. Двадцать восемь дивизий отвлекли на себя, треть всех войск, предназначенных для сокрушения Москвы.

Гул канонады со стороны окруженных достигал знаменитого Бородинского поля. Здесь еще не сформированная до конца 5-я армия Лелюшенко вступила в жестокие бои.

В те критические дни собрался партактив столицы. Секретарь ЦК и МК партии А. С. Щербаков, как клятву, произнес: «За Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови».

И, приложив листок к заиндевевшему прикладу, писали бойцы: «Хочу идти в бой коммунистом».

Они и стояли до последнего. Последний резерв армии ввел в сражение генерал Лелюшенко. А у противника еще были свежие силы. И вместо выбитых он посылал новые. Истончалась нить обороны. Вот уже тридцать танков с пехотой устремились на НП армии. И командарм со штабом потянулся к винтовке и бутылке с горючей смесью.

Когда он пришел в сознание после ранения, ему сказали: через Бородино они не прошли.

В госпитале в Казани узнает он, что в Москве введено осадное положение. И дойдут сюда слухи о дне, когда жители штурмовали вокзалы. О последнем до сих пор не принято распространяться. А мы не должны стыдиться всплеска страха безоружных людей, когда у ворот оказался разбойник. Мы вправе гордиться, что сумели быстро совладать с этим.

Не мы выдохлись. На октябрьском этапе битвы за Москву выдохся враг. Хотя так и не уравнялись с ним в силах, тех, статистических. Значит, сильнее были в другом.

Командующий Западным фронтом Георгий Константинович Жуков был тогда еще генералом армии. О его вкладе в оборону Москвы надо бы не в двух словах говорить.

Но представьте себе командующего, который оказался в десяти верстах от своей деревни Стрелковки. Там мать, сестра с ребятишками. И на подходе немцы. Заскочить бы. Что десять верст при лихом шофере!

Но не позволил себе Жуков урвать эти полчаса. Лишь ниже склонился в машине над картой, подсвечивая себе фонариком. Слишком великая ноша

лежала на нем. Спасать Москву. Всем растянувшимся фронтом.

...Есть карты обороны столицы. Не доверяя всем изгибам на них, генерал армии Лелюшенко много лет спустя после окончания войны встал на лыжи и пошел от деревни к деревне. «Отец, были у вас немцы?»

Свою карту, в добрую классную доску, он передал комсомолии Подмосковья.

Его попросили отметить особо рубежи Славы.

— Я все там изобразил.

Молодые глаза, однако, никак не могли углядеть ожидаемых помет.

Тогда генерал взял карандаш и нетерпеливой рукой провел вдоль всей линии шестисоткилометрового фронта.

— Вот он, этот рубеж!

Сентябрь, 1981 г.

Давид НОВОПЛЯНСКИЙ

ПАРАД, ИЗУМИВШИЙ МИР

Перед нами светло-серая папка управления коменданта Москвы — сорок восемь листов. На обложке потускневшие от времени строки: «О праздновании 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». Здесь списки и донесения воинских частей. Маршруты следования колонн по улицам Москвы. На листе ватмана с планом Красной площади и прилегающих улиц обозначены многоцветными квадратами пехота, конница, артиллерия, танки. Все было тщательно, до мелочей предусмотрено, четко организовано, хотя фронт находился рядом. Сохранился даже список линейных на Красной площади — среди них комсомольцы Иван Каланин из деревни Борки Орловской области, Виктор Мартынов из Подмосковья, Владимир Черемушкин из Горького...

Кроме этой папки имеются в Центральном архиве Министерства обороны и другие документы: записи в исторических формулярах дивизий, бригад, в журналах боевых действий частей, ушедших тогда с Красной площади на фронт. Они позволяют уточнить, какие части прошли 7 ноября 1941 года мимо Ленинского Мавзолея, и полнее рассказать о параде, который никогда не забудут советские люди всех поколений.

«1 ноября 1941 года,— писал в своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков,— я был вызван в Ставку. И. В. Сталин сказал: «Мы хотим провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября, и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?»

Я ответил: «В ближайшие дни враг не начнет большого наступления. Он понес в предыдущих сражениях серьезные потери и вынужден пополнять и перегруппировывать войска. Против авиации, которая наверняка будет действовать, необходимо усилить ПВО и подтянуть к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов».

Подготовкой к параду руководили командующий войсками Московского военного округа и Московской зоны обороны П. А. Артемьев, член Военного совета округа и зоны К. Ф. Телегин.

Много лет спустя генерал-лейтенант в отставке Константин Федорович Телегин вспоминал:

«Решение провести парад казалось тогда неожиданным, необычным. Центральный Комитет партии и Советское правительство проявили большое мужество, прозорливость, уловив в еще незначительных переменах на фронте возможность заявить миру, что Москва выстоит и победит. Мы тогда еще не знали, что за тысячи километров — на Дальнем Востоке, в Сибири, Средней Азии — свежие дивизии готовятся к отправке на фронт, что в ноябре под Москву прибудет 373 воинских эшелона. А пока для парада мало было артиллерии — приходилось ее выпрашивать, не было танков — их ждали не раньше 4 ноября. Готовили мы парад в глубокой тайне. Поодиночке вызывали командиров частей и говорили им, что москвичи хотят увидеть войска, уходящие на фронт, поэтому в районе Крымского моста где-то в первой половине ноября предполагается небольшой смотр войск. Словом, внимание строевой подготовке. «Уж вы постарайтесь, товарищи»,— говорил командирам А. С. Щербаков. И лишь 6 ноября в 23.00, после торжественного заседания, мы объявили командирам и комиссарам частей: парад завтра утром на Красной площади. Эта весть была встречена с удивлением и восторгом. Обрадованные, глубоко взволнованные, помчались командиры в свои части — до начала парада оставались считанные часы. В пять утра от горкома и райкомов партии во все концы отправились на автомашинах посыльные с пригласительными билетами — их вручали за час-полтора до парада...»

Участник парада Иосиф Владимирович Орлов, бывший сержант мотострелкового полка дивизии имени Ф. Э. Дзержинского рассказывал:

— Мы, красноармейцы и сержанты, догадывались, что будет парад на Красной площади. Наши бойцы в свободные часы, как правило, ночью, подгоняли новые шинели, пришивали к ним петлицы, до блеска начищали обувь. В образцовый порядок мы привели походное снаряжение. Строевые занятия проводились на площади возле Устьинского моста от зари до зари с перерывами на время воздушных тревог. В каждой шеренге было двадцать бойцов, а в каждом сводном батальоне — десять таких шеренг. 3 или 4 ноября прорвался немецкий самолет, но его бомбы упали рядом со сводными батальонами в Москву-реку, подняв большие фонтаны. Рано утром 7 ноября по пути на Красную площадь нас приветствовали тысячи рабочих и работниц. Нигде ничего не было объявлено, но люди ждали парада, как чуда. И оно происходило у всех на глазах. На нас смотрели с гордостью и надеждой. Нас бросались обнимать, целовать. Многие плакали. Со мной в одном батальоне были Константин Родионов, Петр Матвеев, Иван Кулаков, Василий Макаров... Полк прибыл на площадь к зданию ГУМА в 7.25. Другие части прибывали в 7.35, в 7.45 — точно по расписанию. Гостевые трибуны были заполнены».

Среди гостей был один из старейших металлургов завода «Серп и молот», старший мастер стана «750» Иван Ильич Туртанов. Он вспоминал:

— Мы, приглашенные на Красную площадь, находились в то утро под глубоким впечатлением торжественного заседания Московского Совета, проходившего накануне в подземном вестибюле станции метро «Маяковская». Запомнились цветы у бюста Владимира Ильича. Ряды кресел, взятых из театров на площади Маяковского,— две тысячи мест. Слева, в голубых вагонах,— буфеты, где, как в былые мирные времена,— чай с бутербродами. И яркий свет — давно мы такого не видели. В семь часов вечера справа тихо подошел поезд, и из первого вагона вышли члены Политбюро ЦК ВКП(б), наркомы. Председатель Моссовета Василий Прохоро-

вич Пронин предоставил слово И. В. Сталину. Его слушала вся страна, а утром 7-го с таким же напряженным вниманием слушала страна Красную площадь. Чтобы оценить, чем был для народа и армии этот парад, надо представить себе те дни смертельной опасности, нависшей над страной, над нашей столицей, опоясанной баррикадами и танковыми рвами. Фронт был рядом. Люди, находившиеся на трибунах, работали по 12—18 часов в сутки, посылали фронту теплые вещи, давали раненым кровь и готовы были жизнь отдать за родную Москву. Мы, заводские коммунисты, жили тогда на казарменном положении, прямо в цехах стояли койки, рядом — винтовки. Нам дали мешок со взрывчаткой, показали, как в случае необходимости подорвать важнейшие агрегаты и куда в последний момент выводить рабочих, чтобы присоединиться к бойцам Красной Армии. Паники не было, но слухи ползли тревожные, горькие. Парад словно камень снимал с души. Идею парада наша партия тогда взяла из самой гущи народа, из наших сердец. Сам по себе парад — это был крутой перелом в настроениях людей, эмоциональный заряд огромной силы. А подробности? Запомнился мне снег, снег над Москвой,— намело сугробы у Спасских ворот, у самого Мавзолея. Прибывали к Кремлю все новые колонны войск — свежих, великолепно обученных...»

В 8.00 из ворот Спасской башни выехал на добром горячем коне заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Он принял рапорт командующего парадом генерал-лейтенанта П. А. Артемьева и объехал с ним выстроенные на заснеженной площади войска. «В колоннах,— писал потом С. М. Буденный,— стояли рядовые воины. Но в те минуты они казались мне чудо-богатырями». После речи И. В. Сталина грянул орудийный салют. Сводный оркестр исполнил «Интернационал». Начался торжественный марш.

Парад открыл сводный курсантский батальон 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища имени Л. Б. Красина. Один из дивизионов этого училища сражался на Волоколамском направлении вместе с полком имени Верховного Совета РСФСР, а курсанты, шагавшие по Красной площади, осваивали тогда гроз-

ное для врага оружие — «катюши». Эти курсанты, открывшие парад, стали впоследствии отличными командирами подразделений реактивных установок — их можно было встретить на всех фронтах. Прошли по площади отряды моряков, полки дивизии имени Ф. Э. Дзержинского, рабочие батальоны, готовые к возможным уличным боям. С Манежной площади шагали к трибунам батальоны 1115-го полка и сводная рота автоматчиков 332-й Ивановской стрелковой дивизии имени М. В. Фрунзе. Дивизия прибыла в Москву 24 октября и заняла боевые позиции на юго-западной окраине города. После битвы за Москву фрунзенцы участвовали в боях за освобождение Белоруссии, Прибалтики. Дивизия была удостоена почетного наименования Полоцкой, награждена орденом Суворова II степени.

Трибуны дружно приветствовали 2-ю Московскую стрелковую дивизию. Она была сформирована в октябре как дивизия народного ополчения и в январе 1942 года переименована в 129-ю стрелковую. Дивизия прошла с боями от Клина до Берлина. Она награждена орденами Красного Знамени и орденом Кутузова II степени, удостоена почетного наименования Орловской и закончила войну 8 мая 1945 года на Эльбе... По Красной площади вслед за кавалерийскими эскадронами, за пулеметными тачанками прошли моторизованные части, артиллерийские полки. В небе должны были появиться парадным строем триста наших боевых самолетов — им помешали сильная пурга, снегопад.

И завершили парад — он продолжался 1 час 2 минуты — грозные танковые колонны, двинувшиеся с Манежной площади, с улиц Горького и Герцена. 31-я танковая бригада прибыла из Владимира в Москву 5 ноября, а на фронт, проходивший за Химками,— 7-го, сразу после парада. Ушла с Красной площади на фронт и 33-я танковая бригада, сформированная в сентябре 1941-го рабочими Харькова. К концу войны она стала 57-й гвардейской танковой Нежинской, ордена Кутузова II степени бригадой. Бригада отличилась в боях за Берлин, за Прагу. Севернее Берлина закончила войну 31-я танковая Кировоградская дважды Краснознаменная, ордена Суворова II степени бригада. Вот куда

дошли с боями части Красной Армии, начавшие свой ратный путь в битве за Москву!

Эти части наносили сокрушительные удары по врагу на Северо-Западном, Брянском, Центральном, 1-м Украинском, на 1-м и 2-м Белорусских, Прибалтийском фронтах. Но уже тогда, 7 ноября 1941 года, перед решающим сражением за Москву, парад нанес по престижу гитлеровской верхушки сильнейший удар, значение которого она не сразу сумела оценить. Проходившие по Красной площади наши орудия и танки попутно раздавили свору лжецов, кричавших на весь мир об очередной молниеносной победе фюрера, о том, что Красная Армия уничтожена, гитлеровцы уже в Москве, а советские руководители бежали за Урал. Развеяны были в прах бредовые планы Гитлера устроить 7 ноября на Красной площади церемониальный марш-парад своих войск. Он прислал уже под Москву парадные мундиры, привез своих кинолетописцев, запечатлевших вступление в Амстердам, Афины, Брюссель, Копенгаген, Осло, Париж. Им было приказано снимать покоренную, растерзанную Москву. Но гитлеровцы, как известно, прошли по улицам нашей столицы лишь в понедельник 17 июля 1944 года — именно в этот день через Москву проконвоировали 57 600 пленных фашистских солдат, офицеров, генералов.

Тогда же, в сорок первом, обнаглевший и сильный враг не сомневался в успехе. Вслед за Берлином, 6 ноября итальянское фашистское агентство «Стефани» сообщало: «Русским в нынешнюю годовщину придется обойтись без военного парада на Красной площади вследствие продвижения немецких войск, находящихся близ советской столицы». На другой день предки сегодняшних суперлжецов, разинув рты, слушали праздничную Москву. Не было, пожалуй, на земном шаре уголка, куда не докатилась бы весть о праздновании в Москве. Английская «Дейли мейл» писала: «Русские устроили на знаменитой Красной площади одну из самых блестящих демонстраций мужества и уверенности, какая только имела место за время войны». А английская же «Ньюс кроникл» заявила: «Организация в Москве обычного традиционного парада в момент, когда на

подступах к городу идут жаркие бои, представляет собой великолепный пример мужества и отваги». Шведские газеты отмечали, что московский парад свидетельствует об изумительной силе сопротивления России, которая отмечала свой праздник, «несмотря на яростные попытки германской авиации разбомбить в этот день советскую столицу».

Действительно, чтобы сорвать праздник, гитлеровское командование бросило 6 ноября на Москву 250 самолетов. Наши зенитчики и истребители отразили попытки врага пробиться к городу, и 34 стервятника было сбито в воздушных боях. «Правда» сообщала, что летчики подразделения Пруцкова сбили тогда под Москвой 8 немецких самолетов, а на других участках отличились в воздушных боях младшие лейтенанты Супрун, Митюшин, Заболотный, Катрич...

Ноябрь, 1981 г.

Иван СТАДНЮК

ПЕРЕД ЛИЦОМ ВРЕМЕНИ

Работая над документами, связанными с битвой под Москвой, прочитал слова маршала Г. К. Жукова, которые меня, участника тех событий, политрука 7-й гвардейской стрелковой дивизии, особенно взволновали. «25 ноября,— писал Жуков,— 16-я армия отошла от Солнечногорска. Здесь создалось катастрофическое положение. Военный совет фронта перебрасывал сюда все, что мог, с других участков фронта. Отдельные группы танков, группы солдат с противотанковыми ружьями, артиллерийские батареи и зенитные дивизионы, взятые у командующего Московской зоны ПВО генерала М. С. Громадина, были переброшены в этот район. Необходимо было во что бы то ни стало задержать противника на этом опасном участке до прибытия сюда 7-й гвардейской стрелковой дивизии из района Серпухова...»

Надо вспомнить, что те войска, которые, отступая от границы, вели бои в Белоруссии, понесли тяжелейшие потери. Под Могилевом, Витебском, Смоленском вступали в действие войска, выдвинутые из глубины страны. И вот теперь под Москвой в тяжкие ноябрьские дни надо было сдержать врага до тех пор, пока не подойдут новые резервы и изъятые с других участков фронта силы.

Мы, рядовые воины, в ходе ошеломляющих событий не успевали задаться вопросом, как и почему случилось такое, что за несколько месяцев враг достиг Москвы. Эти вопросы, а тем более ответы на них пришли позже, на последующих этапах войны и после нее.

Помню, в первые дни войны, буквально в самые первые, нам, недавним курсантам военного училища, даже не верилось, что это воистину война. Все хотелось спросить у кого-то: чего они лезут? Что им тут надо?.. Мы не хотим их убивать, сами не хотим умирать, зачем все это?

Ощущение войны как непоправимой трагедии пришло ко мне в день, когда после очередной бомбежки увидел в высокой траве при дороге молодую мертвую беженку с узелком вещей и возле — ее малого ребенка, который молча теребил грудь матери. Ветер трепал ее разметанные волосы... Этого ребенка я отдал шоферам, едущим в тыл. Брали с неохотой, упирались: «Грудной ведь. Что мы с ним делать будем? Лучше куда-нибудь в медсанбат...» Но я, помню, упрямо и зло твердил: «Людям отдайте, людям... Ведь живое дитя! Люди возьмут».

Долгими были пути-дороги войны. Недаром один день войны считается за три. Были, конечно, рядом со смертью и смех, и любовь, но главное — ненависть. А та лежавшая в траве убитая мать с живым младенцем на груди навсегда останется в памяти символом несправедливости грабительских войн...

Сегодня хочется вспомнить хотя бы некоторые образы, назвать некоторые имена.

В мою жизнь сотрудника дивизионной газеты «Ворошиловский залп» события Московской битвы вошли по-рабочему, буднично, но остро и драматично — с переброски нашей дивизии из-под Серпухова под Москву, на Ленинградское шоссе. Во время этой переброски было промозгло, студено, сине. Помнится, на дорогах был сплошной гололед — бич даже опытных шоферов. А нашей редакции предстояло вести машины из-под Серпухова через Москву в Химки... Перед этим при бомбежках у нас погибли почти все шоферы. И мне (правда, еще под Ярцевом чуть-чуть научившемуся держаться за руль) предстояло вести автобус с наборными типографскими кассами и прочим оборудованием. Теперь понимаю, что только от отчаяния и безвыходности можно было решиться на такое. Но в переднем грузовике был наш весельчак и заводила, москвич с замашками одес-

сита Аркаша Марголин — прекрасный водитель и, по его словам, знаток Москвы. До сих пор светло и с улыбкой вспоминаю о нем.

Из-под Серпухова мы выехали рано. От напряжения и старания я весь взмок и так держал руль, что побелевшие пальцы порой сводило. Москва запомнилась сосредоточенной, пустоватой. Там и тут улицы пересекали баррикадные нагромождения из мешков с песком, железных противотанковых ежей. Окна домов сплошь были перечеркнуты бумажными крестами.

Пересекли мост через Москву-реку. Начались Химки. Это был, конечно, не тот многоэтажный город, каким видим его сейчас. Это была деревня — Химки сорок первого года. На перекрестках стояли регулировщики с флажками, на обочинах — указатели... Мы остановились в деревне Бутаково, разместились в нескольких ее избах.

Редактор газеты старший политрук Михаил Каган, с которым мы уже, как говорится, пуд соли съели, приказал мне садиться в полуторку, которую водил курянин, красноармеец Захаров, ехать на розыски политотдела дивизии, доложить начальству, что редакция на месте и что газета к завтрашнему дню будет выпущена и доставлена на полевую почту.

Нелегко было вновь завести истрепанную полуторку шоферу Захарову. Навсегда запомнился каторжный труд шоферов в лютую зиму подмосковной битвы. Для того чтобы завелись машины, надо было разводить под картерами костры, греть для радиаторов воду. А как все это удавалось шоферам самого переднего края, которые, например, доставляли пушкарям снаряды?.. Костры под фронтовыми грузовиками в морозно-синем предутреннем тумане, в стылой дымке перелесков, полян, во дворах и на обочинах, на передовых позициях и в обозах — эти пылающие костры возле темных силуэтов еще холодных машин так и светятся в памяти. Они сопровождали нас всю войну. Не забыты и имена водителей: Губанов, Залетный, Поберецкий, Исайченко...

Ехали по Ленинградскому шоссе в поисках штаба и политотдела 7-й гвардейской дивизии. На коленях развернул топографическую карту. Вот они, названия

деревень и местечек, ставших прифронтовой полосой: Черная Грязь, Дурыкино, Ложки, Пешки, Ржавки, Крюково, Сходня... Помню, смеялись мы с Захаровым (он яркий мужик, постарше меня был, свекольно-румяный, в нахлобученной по брови серой ушанке с вдавленной в мех красной эмалевой звездочкой: очень нравилась мне эта ушанка), шутили: «Ничего, пробьемся как-нибудь в Ржавки через Ложки-Пешки по Черной Грязи...»

Именно там, у Черной Грязи, произошел с нами курьезный случай, впрочем, такой, какие в то время приключались довольно часто. Мы пристроились к колонне грузовиков, везших снаряды, и вдруг справа из-за придорожной лесной полосы неожиданно, страшно, пронзительно загрохотало, завыло: казалось, в ушах тотчас лопнут перепонки. Мы с Захаровым непроизвольно схватились за головы. Через мгновение я осознал, что это был залп «катюш», я уже слышал их раньше. Но было поздно. Машина, потеряв управление, слетела в кювет и ткнулась в сугроб. Такое же случилось еще с несколькими грузовиками. А над головами все выло и выло. Когда наконец стихло, мы выбрались из кабины и, поняв, что с машиной все в порядке, вдруг начали хохотать, показывая пальцами друг на друга. Вот, мол, отмочили!..

Но в общем-то было не до смеха. Надо спешить. По дороге уже шли мощные бензовозы, они-то с легкостью и вытащили из кювета нашу полуторку. Помню, разыскивая штаб дивизии, проскочили Дурыкино, где нас вдруг остановили «маяки» с флажками — дальше нельзя (линия фронта опять приблизилась), дальше — враг. Пришлось возвращаться. Штаб и командный пункт нашей дивизии нашли в Больших Ржавках, у церкви. Доложил полковому комиссару Гулидову, что редакция дивизионной газеты прибыла, что приступили к работе и что «Ворошиловский залп» к утру будет готов и доставлен в первый эшелон.

Сейчас мне трудно вспомнить, тогда ли, на обратном пути в редакцию, или когда в очередной раз ехал за материалом на передовую, куда было рукой подать, но точно знаю, мы ехали в той же нашей обшарпанной

полуторке, все с тем же милым моему сердцу румяным курянином Захаровым, приближаясь все к той же Черной Грязи. Как же все-таки его имя? В памяти только звучит его голос: «Красноармеец Захаров прибыл по вашему вызову».

Дорога шла перелесками, по кривой влево и чуть под уклон. За нами и впереди еще шли машины. Авдали у редколесья, не доезжая села, вереницей выстроились грузовики, бензовозы. И тут в небе послышался гул, обложной, тягучий. «Юнкерсы» шли бомбить Черную Грязь. И вот впереди заухало, загрохотало. Потом «юнкерсы» стали пикировать на нас, вырастая в размерах, словно в кино — крупным планом. Выскочив из кабины, я скатился вправо под откос, а Захаров кинулся влево, куда-то подальше от машины. Я лежал в снегу темным кулем, словно придавленный грохотом. И каждый самолет, казалось, пикировал прямо на меня (потом проверял: это мнилось тогда почти каждому). Непроизвольно хотелось вжаться в снег, в неподатливую твердую землю.

Смотрю: горит, полыхает Черная Грязь — стена пожарища, пылает бензовоз, черные шлейфы дыма тянутся в белесое небо, где-то в стороне Химок бухают наши зенитки. Было, правда, тогда у меня еще одно острое чувство — как бы не загорелась и наша машина, открыто темневшая на дороге: ведь в ней два рулона бумаги — бесценный груз! Молил, только бы уцелела, только бы пронесло. Но не пронесло. Очередной самолет с пике врезал по ней очередью зажигательных пуль, и она вспыхнула. Пожалуй, самое горькое чувство на войне, когда нельзя ничего поделать, невозможно помочь... Потом все стихло, только трещали в огне дома и дымили на дороге горящие машины. Пошел искать Захарова. И то, что увидел по ту сторону дороги, ближе к горящим домам, кажется, не должно бы поддаться описанию. На белом снегу среди черных воронок лежали тела убитых. Только три цвета были перед глазами — белый, черный и кроваво-красный. Трупа Захарова не нашел. Захаров погиб не от пули, а от взрыва. В стороне от воронки поднял его серую окровавленную ушанку со звездочкой: был уверен, точно — его...

Знаю, что в могилу Неизвестного солдата у Кремлевской стены были перезахоронены останки советского воина, погибшего на 41-м километре от столицы, близ Ленинградского шоссе. Может, кто-то из нашей 7-й гвардейской?..

На следующий день утром мы все-таки сделали очередной номер газеты, напечатали на бумаге, взятой в Химкинской районной типографии, и Михаил Каган, наш редактор, решил сам доставить часть тиража газеты на передовую. Помню, мы прощались с ним во дворе дома, того самого старого дома, что единственным остался сейчас. Лицо, побитое оспинами, не румяное, а, скорее, обветренное. На прощание он дал мне распоряжение пополнить запасы бензина и, улыбнувшись, по-штатски взмахнул рукой, хлопнул дверцей кабины. Провожая старшего политрука, не думал, что вижу его в это синее бессолнечное утро в последний раз...

Как многократно уже мысленно повторено это словосочетание: «Не думал, что вижу в последний раз» — так оно, к несчастью, и случалось. И не однажды. Миша Каган ни в этот день, ни позже в редакцию не вернулся.

При очередном моем выходе на передовую «за материалом» саперы, охранявшие минное поле на Ленинградском шоссе и по его обочинам, рассказали мне о виденном: наша машина где-то за Ржавками проскочила передний край, не заметив «маяков» (линия фронта за ночь опять придвинулась), въехала в расположение противника. Не сразу гитлеровцы ударили по полуторке из противотанковой пушки: дали ей углубиться, приблизиться. Затем было два выстрела. Миша Каган и шофер Залетнов успели, очевидно, понять, что попали к врагу. О чем они подумали в последнюю минуту? Какие слова произнесли? Или их жизни оборвались с первым залпом, со взрывом? Не знаю. И ответа на это не будет.

Декабрь, 1981 г.

Константин СИМОНОВ

СОРОК ВТОРОЙ

На этот раз передо мной на столе ничего не лежит: ни писем того времени, которые помогли бы вспомнить подробности, ни справочников с датами и цифрами, ни книг. На этот раз, когда — столько лет спустя — снова пишу о сорок втором годе, самое главное, на что я опираюсь,— это прочность чувств, все еще продолжающих жить в душе, и неизменяемость, несгибаемость некоторых, самых главных воспоминаний о том годе. Эти главные воспоминания не обременены подробностями, и живут они сейчас, пожалуй, не столько в клетках памяти, сколько тоже в душе, в соседстве с чувствами.

Если попробовать вспомнить самое главное, то самым главным, записанным в душе словом сорок второго года, окажется слово «Сталинград». Самым главным глаголом — глагол «выстоять». Самым главным зрительным впечатлением, застрявшим в сетчатке глаз,— дымное зарево в десятки километров длиной на той стороне Волги. Самым главным звуком, так и оставшимся до сих пор в ушах,— хруст начавшей ломаться гитлеровской военной машины.

Если вспомнить самое главное личное — именно личное для каждого из нас — потрясение, это до сих пор стоящие в глазах строки июльского приказа № 227 народного комиссара обороны И. В. Сталина: «Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад!»

Если вспомнить самую главную личную — тоже именно личную для каждого из нас — радость сорок второго

года, это ноябрьская сводка, говорившая, что в районе Калача, взяв в кольцо врага, соединились наши фронты!

Помню, что я слушал эту сводку где-то под Мурманском, где именно, как, с кем вместе — все это начисто вышибло из памяти, но что я был безмерно счастлив — помню, этого не вышибло.

Сорок второй год был только одним из четырех лет войны. Но он, этот год, как бы вместил в себя всю остроту чувств людских, связанных с радостью и горем, с возникновением и крушением надежд, и с новым их возникновением. Он вобрал в себя такое количество моментов тяжелейшего положения, из которых, казалось, не было выхода и все-таки находился выход; такое количество решительных — то драматических, то счастливых для нас — перемен в положении на фронте, что все пережитое тогда до сих пор остается в душе, как память о непрерывном нравственном напряжении, закончившемся не только военной победой, но и политической, нравственной победой армии, народа, Коммунистической партии, Советской власти.

Для того, чтобы люди, жившие за тысячи километров от наших государственных границ, в дальних от нас странах, называли свои улицы и свои площади именем Сталинграда,— одной, даже самой сокрушительной военной победы было бы мало. Это было признанием необратимой нравственной победы сил добра, олицетворяемых нашей страной, над силами зла, олицетворенными в тот исторический момент фашистской Германией.

А путь к этой победе из трагического и героического сорок первого пролег через одиннадцать месяцев сорок второго. И каждый из этих одиннадцати месяцев был полон испытаний.

Последним главным событием сорок первого года был разгром гитлеровцев под Москвой, внезапный для них, и от этого вдвойне сокрушительный. В самых последних предновогодних сводках говорилось уже об освобождении Калуги и о высадке наших десантов в Керчи и Феодосии.

Год сорок второй начинался с больших ожиданий. Из декабря в январь перешагнуло наше продолжавшееся наступление на Западном фронте. Оно шло со все

возраставшим напряжением, все медленней и медленней, но все-таки шло! И остановилось только где-то на рубеже марта и апреля.

Блестящий десант в Феодосии и Керчи на многие месяцы облегчил положение Севастополя. И хотя Феодосию врагу все-таки в конце концов удалось взять обратно, но Керченский полуостров оставался в наших руках, и мы не оставляли надежд на близкое освобождение всего Крыма.

Первые неудачи сорок второй год принес нам именно там, в Крыму,— попытка прорыва в глубь полуострова на помощь Севастополю захлебнулась.

Но те же самые месяцы того же самого сорок второго года были, наверное, самыми героическими месяцами голодного блокадного Ленинграда.

Прорыв блокады нам пока не удался, но и фашисты не смогли преодолеть здесь нашу оборону. И «Дорога жизни» все-таки протянулась через Ладогу, протянулась и выстояла под фашистскими бомбами.

Впереди было второе лето войны. Его ждали с тревогой не только потому, что хорошо помнили пылающее лето сорок первого, но и потому, что знали — несмотря на поистине героические усилия рабочего класса, наши эвакуированные на восток военные заводы, начинавшие заново работать прямо с колес в недостроенных цехах, в морозы, порой под открытым небом, уже широко развернувшие производство, все же еще не успеют из-за недостатка времени дать армии к началу лета всю ту технику, которая нужна ей, как хлеб, чтобы продолжать начатое зимой наступление, чтобы не только выстоять, но и пойти дальше, вперед.

Первым грозным предупреждением о предстоявших нам летом испытаниях и утратах было майское поражение на Керченском полуострове. А само лето началось для нас словом «Харьков».

Наше наступление, остановившееся у самых окраин Харькова, когда казалось уже — вот-вот освободим его, окончилось неудачей и окружением части наших войск. Добавлю: последним за войну окружением такого масштаба, потому что потом — и в июле, и в августе, несмотря на всю опасность продвижения противника к

Волге и к предгорьям Кавказа, повторить то, что у них вышло в июне под Харьковом, фашистам уже не удалось.

На обоих флангах вражеского наступления и Воронеж, и Новороссийск оказались теми городами, куда фашистам удалось ворваться, но которых им так и не удалось взять до конца. А на острие главного гитлеровского удара, на пути к Волге, где, казалось, уже и раз, и два, и три было разрублено на куски тело наших фронтов,— оно снова и снова срасталось на все новых кровавых и дымных рубежах войны.

Вспоминая об этом, я вспоминаю русские сказки моего детства, оживавших в них, окропленных живой и мертвой водой, богатырей. Да в сущности так оно и было! Что, как не живая вода народной стойкости, терпения, неподатливости, веры в победу, что, как не героизм бойцов и выдержка командиров, бессонная, лихорадочная работа штабов, сращивало и сращивало тогда заново разрубленные вражескими танковыми клиньями фронты?

Будущая слава Сталинграда рождалась в жаркое, пыльное, невероятно трудное лето сорок второго года на севастопольских высотах, в предгорьях Кавказа, в Донских степях, в междуречье Волги и Дона. Там, именно там начиналось то, что потом навсегда связалось в нашем понятии с волжской твердыней!

Не уходят из памяти опаленные боями, израненные и все-таки выжившие, отступавшие с одного смертельного рубежа на другой, разгневанные, полные решимости выстоять до конца люди лета сорок второго года. Дух Сталинграда, как и его слава, брали свое начало в их душах, в их сжимавших оружие руках!

А потом был сам Сталинград, с которым связано в нашей душе так много, и связано с такою нерасторжимой прочностью. Я просто-напросто не нахожу слов, чтобы добавлять сейчас еще что-то ко всему, уже сказанному об этом, ко всему, уже навеки записанному в память народа.

Думая об этом, не испытываешь желания говорить; испытываешь другое, более сильное желание — еще раз

стащить с головы шапку и еще раз в молчании поклониться людям, означенным в истории незабываемым словом «сталинградцы».

Самые тяжелые месяцы сорок второго года были месяцами высочайшего духовного подъема и самоотречения. Будучи всеобщим, оно выражалось по-разному: и тараном в воздухе, и броском под вражеский танк на земле, и бессонными, в грохоте взрывов ночами в партизанском тылу у противника, и бессонными и — добавлю — полуголодными ночами, в неумолчном гуле станков на заводах, делавших танки и пушки, самолеты и «катюши».

Погибали не только в бою.

Умирали за рулем, вывозя детей из Ленинграда.

Умирали огненной смертью в сожженных дотла белорусских деревнях.

Умирали, сцепив зубы, не проронив ни слова, на допросах в гестапо.

Жертвовали всем, чем могли: сбережениями, сделанными за целую жизнь и отданными без раздумий и колебаний на постройку танка; здоровьем и собственной кровью, отданной раненым. Сколько ни думай, не придумаешь такой жертвы, которая не была бы принесена тогда советскими людьми — и не была бы вписана в историю сорок второго года.

Это было время, требовавшее крепости духа от всех, в том числе и от той малой части народа, которую принято называть художниками. Литература сорок второго года стала неотъемлемой частью той же самой газетной страницы, на которой печаталась очередная сводка с фронта. Там, рядом с ней, с этой сводкой, читали «Науку ненависти» Шолохова, и «Фронт» Корнейчука, и статьи Эренбурга, и «Письма товарищу» Горбатова, и «Февральский дневник» Ольги Берггольц, пришедший из блокадного Ленинграда.

Время требовало прямой, суровой — и только такой! — правды от всех: и от командира, доносившего о тяжести или сложности положения, и от художника.

Накануне своей гибели, в последней, так и недоконченной севастопольской корреспонденции Евгений Петров писал: «Пошел 21-й день штурма. Держаться

становится все труднее. Возможно, что город все-таки удержится. Я уже привык верить в чудеса, потому что семь с половиной месяцев обороны Севастополя — военное чудо...»

Художник не имеет права скрывать правду ни от себя, ни от других. Безбоязненная оценка всей сложности положения была не только предпосылкой веры в победу, но и неотъемлемой частью самой этой веры. Именно с этих позиций и было написано в сорок втором году все то, о чем я сейчас с уважением вспомнил. Сказать про войну и про свои собственные чувства на ней: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага», могли себе позволить только люди, действительно верившие в победу. И так оно и было. Та малая частица народа, которую называют художниками, неискоренимо вместе со всем народом верила в победу.

Эта победа пришла в ноябре сорок второго года. Впереди были еще сорок третий, сорок четвертый, сорок пятый — два с половиной года войны. Впереди было еще множество испытаний — два с половиной года ни с чем не сравнимого напряжения и на фронте, и в тылу. Но победа под Сталинградом приобрела такие масштабы и носила такой необратимый характер, что имя города на Волге врезалось в сознание и в память всего человечества. И сорок второй год, вобравший в себя множество жертв и испытаний,— все-таки закономерно остался в нашем сознании прежде всего годом Сталинградской победы!

В первый день сорок третьего года, 1 января, на страницах всех наших газет были напечатаны «Итоги 6-недельного наступления наших войск на подступах Сталинграда». Этим ликующим сообщением завершился великий и трудный сорок второй год — год Сталинграда.

Начинался год сорок третий — год Курской дуги.

Апрель, 1975 г.

Михаил КОРШУНОВ

СВЕТЛА АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ИГЛА

Рассвет в Ленинграде в январе — это долгая утренняя ночь. Ленинград — «полнощных стран краса и диво», я положу тебе на плечо голову. Постоим, Ленинград, помолчим. Вспомним, все вспомним: опущены, наведены мосты в прошлое. «Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем, так их много под вечной охраной гранита». Иневый, январский Пискаревский гранит, иневые январские Пискаревские венки, иневая январская Пискаревская музыка над гранитом и венками. Звучит слышно и неслышно из тихих зимних динамиков. Опущены, наведены мосты в прошлое... Пытаюсь представить себе, как все начиналось.

Прежде всего натянули маскировочный чехол на Адмиралтейскую иглу. Сделать это было нелегко: две недели на нее пытались с аэростата накинуть петлю из троса. Наконец накинули, и по тросу альпинисты «совершили восхождение». Игла не должна была обозначать центр города — великолепный ориентир для вражеских артиллеристов. Инженер Жуковский — любитель и знаток старинных построек — руководил маскировкой шпиля Петропавловского собора. Закрашен был купол Исаакиевского собора. Сняты дымовые трубы. Замаскированы железные дороги и созданы ложные. Созданы ложные аэродромы: взлетные дорожки наездили автомашинами. Штаб борьбы Смольный декорирован огромной пятнистой сетью, над которой трудились мастера театральных декораций. Они говорили, что прежде старались «преподносимое со сцены сделать похожим на

настоящее», теперь надо было «настоящее сделать совершенно на себя не похожим». В трамваях, автобусах, троллейбусах были вкручены синие лампочки. Знаменитые своей огнистой красотой ленинградские уличные фонари погашены. К маскировочным работам были привлечены тысячи ленинградцев, людей самых разнообразных профессий и возрастов.

Города не стало — сплошная Нева, будто самый большой ее разлив.

Чтобы окончательно убедиться в хорошо выполненной технической маскировке, главный архитектор города и начальник противовоздушной обороны поднялись на самолете. Да, город принял цвет реки, цвет Невы, которая плотно обняла его своей тридцатикилометровой дугой.

В оперативном документе немецкого генерального штаба значилось: «Блокируем Ленинград герметически. Разрушим всеми видами артиллерии и беспрерывной бомбежкой». Был назначен комендант города, выпущены указатели, путевые листы, намечен банкет в гостинице «Астория». Напечатаны пригласительные билеты.

...Старший вахтер Палаты мер и весов Иван Федотович Федотов на рассвете, шатаясь от голода, часто под орудийным обстрелом, от которого сотрясалась старинная городская башня, поднимался на седьмой этаж и поворачивал огромный ворот, подтягивал многопудовую гирю — заводил городские часы. Их привез и установил здесь еще Дмитрий Иванович Менделеев. А Федотов говорил: «Пока бьется мое сердце, будут жить и часы».

На рассвете лучше всего слышны — собственное сердце и городские часы...

Фашистам удалась «герметизация». Их пушки посылали на город осадные снаряды. Их самолеты сбрасывали на город осадные бомбы. В кронах старых лип взрывались их осадные мины.

Начались пожары. Сгорели Бадаевские склады с продовольствием, сгорели склады хлебозавода. Сгорели торговый порт, Гостиный двор.

Повреждены мосты, дороги. В домах высыпались стекла, и теперь только занавески странно хрупко

прикрывали наготу окон. Хлопали от взрывных волн двери. По улицам летели вихри кирпича, булыжника, стекла; летели балконы, чугунные решетки, кровельное железо, куски асфальта. Город все больше «казался островом печальным».

Укрыт памятник Владимиру Ильичу Ленину у Финляндского вокзала. Памятники Кутузову и Барклаю де Толли на Невском проспекте закопаны в сквере. Убраны скульптуры из Летнего сада. В глубину на три метра спрятаны кони с Аничкова моста. Укрыты деревянными стойками «сфинксы из древних Фив». Разобраны и спрятаны стоявшие около сфинксов бронзовые светильники. Спрятан памятник Петру I — обнесен опалубкой и засыпан песком. Первоначально памятник предполагали спустить на дно Невы, но побоялись повредить.

Детей нельзя было так надежно спрятать. Живых...

...Пять маленьких девочек играли во дворе в мяч: детство пока еще оставалось детством. Разорвался снаряд... И девочки остались лежать во дворе «полукругом, в том же порядке, как стояли тут до смерти». У Александра Решетова есть такие строки: «Погиб маленький мальчик... Василий, Вася, Васенька, сынок!.. Откликнись мне. О боже!»

Плакали ленинградские матери, плели своим детям венки из довоенных лент и бантов. Летом детей везли хоронить на детских колясках, зимой — на их же детских санях. На могиле, в которой похоронены блокадные дети, я увидел детский воздушный шарик. И мне показалось, шарик тоже плачет.

Маленький мальчик Юра Степанов два дня один, в темноте и холоде провел возле мертвой матери. Когда его забирали от нее, он плакал, прощался: «Мама, что с тобой сделали...»

От пушечного пламени прогорело небо, от бомбового пламени прогорела земля. А в городе кончились дрова (первыми на топливо разобрали киоски), кончились уголь, мазут, солярка. Вещи в домах замерзали — не дотронешься. Можно было что-то делать, «непрерывно дуя себе на пальцы». Не работал телефон, водопровод (в госпиталях нечем было разбавить капли). Свернулась работа бань, прачечных. Вместо электриче-

ства — коптилки из аптечных пузырьков, ручные механические фонарики «жиу-жиу», свечки-гномы, светящиеся броши.

Наступил голод. Ели минеральное масло, столярный клей («Прошу разрешения на выдачу мне клея ввиду слабого здоровья»), хвойные иглы — эти крошечные частицы жизни. Варили корни одуванчиков. Ели землю, взятую с места, где сгорели Бадаевские склады: в земле был сахар. Получали на день ломтик «целлюлозного» хлеба. В Государственном музее истории Ленинграда я видел этот ломтик — до сих пор лежит на весах: на одной чаше весов — он, на другой — гирьки в 100, 20 и 5 граммов. Он там же, где стоит скульптура Тани Савичевой «Осталась одна Таня», сделанная художником из Чехословакии. Возможно, вы помните дневник 10-летней ленинградской девочки: «Савичевы умерли... Умерли все... Осталась одна Таня». Эти слова читали на Нюрнбергском процессе. Они обошли мир. Смотрю и смотрю на Таню — стоит она передо мной, поднесла ко рту руки, мужественно сдерживает слезы: но все же по щеке сползает одна — одинокая одинокой девочки.

Будете в Ленинграде, в музее, подойдите к скульптуре. Обязательно. Таня умерла потом. Спасти ее не удалось: сказалась блокада.

Блокада.

У людей выработалась особая, экономная походка — люди начали ходить тише, но во что бы то ни стало надо было ходить, двигаться. И умываться, хотя бы снегом. Не снимали пальто — стеснялись своей худобы, которая без пальто была не просто явной, а страшной — «слишком заметно было жуткое состояние людей». Номерок от пальто... Нужна была на него определенная смелость! Снять и сдать пальто на вешалку. Хотя бы в театре. Театры работали. «От начала и до конца блокады проработали три театра. Были открыты 20 кинотеатров, ежедневно издавались три газеты, без перерыва велись радиопередачи».

В день смерти Пушкина пусть и немногие, но добирались до занесенной снегом набережной реки Мойки и стояли у дома любимого поэта, сами почти занесенные снегом. Всякое русское сердце 10 февраля «бывает

растерзано». Так было всегда, со дня смерти поэта. Так было и в блокаду, когда люди были растерзаны еще и блокадой. В самый тяжелый заледенелый 1942 год у заледенелой квартиры Пушкина — мороз под тридцать градусов! — стоял и литературовед Виктор Андроникович Мануйлов. Мне удалось связаться с Виктором Андрониковичем по телефону (в Ленинграде его не было, я отыскал его в Комарове), и он мне рассказал, что вместе с другими пришедшими он поклонился памятному месту и вместе с другими прочитал: «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия».

...Без Государственного Эрмитажа Ленинград немыслим! С директором Эрмитажа академиком Борисом Борисовичем Пиотровским спускаемся в подвал Зимнего дворца, туда, где в бомбоубежищах во время блокады была сосредоточена вся жизнь Эрмитажа: работали научные сотрудники, художники. Подвал был оборудован под жилые комнаты — койки, необходимая мебель, печки. Все было сделано руками тех же научных сотрудников, художников, студентов, аспирантов. Мы идем по давно нехоженым глубоким лестницам, отворяем давно не отворявшиеся двери (есть одна памятная, на которой даже сохранились военные надписи), и Борис Борисович вспоминает, как все тогда здесь было. Вспоминает прежнего директора академика Иосифа Абгаровича Орбели, его строгие приказы, в которых Иосиф Абгарович объявлял выговор сотрудникам за опоздание на работу на пять минут, на три минуты, на две минуты, на одну минуту! В архиве Эрмитажа я поглядел на эти приказы, отыскал их по «Описи для постоянного хранения за 1935—1948 годы».

Для чего Орбели это делал? Чтобы люди не теряли себя, свой облик, свою силу. Между прочим, было запрещено говорить о еде. Категорически.

Наверху, в нарядных залах, шел праздник искусств, а мы с Борисом Борисовичем ушли в 1941—1942 годы. В отсеке, где Б. Б. Пиотровский непосредственно находился как заместитель начальника противопожарной команды гражданской обороны Эрмитажа, прикреплена сейчас обычная рабочая табличка учета помещений.

Жил, трудился Государственный Эрмитаж. За него боролись все: зенитчики сняли с Эрмитажа зенитные орудия, чтобы не привлекать к нему внимания противника. Юные ленинградцы, молодежь и сотрудники натаскали на чердак песку, а в залах поставили ванны с водой, чтобы уберечь Эрмитаж от зажигательных бомб. Моряки с корабля, который стоял напротив, у берега Невы, протянули кабель и дали Эрмитажу электрический ток.

В Эрмитаж поступили на хранение рукописи Ломоносова, библиотека Пушкина, экспонаты из пригородных музеев, многие частные коллекции. В Эрмитаже было организовано убежище для детей-сирот. В Эрмитаж приносили упавших от слабости на улице людей.

Известный ленинградский архитектор Александр Никольский разрабатывал детали будущей арки Победы! Я видел эти и другие рисунки на тему города. Они хранятся в Эрмитаже рядом с великими картинами прошлого. На титульном листе в «папке Никольского» его рукой написано, что рисунки сделаны во время осады Ленинграда.

Гитлер, выступая в Мюнхене, заявил: «Ленинград сам подымет руки». По ледяной военно-автомобильной дороге через Ладожское озеро шофер вез на грузовике в Ленинград муку. Заглох мотор. Водитель начал его заводить. На морозе. Искалечил руки, но мотор завел и снова двинулся в путь. Машину вел локтями, потому что израненные ладони «пылали». В Ленинграде родилась легенда, что водитель облил руки бензином, поджег их, обнял мотор и только тогда грузовик двинулся в путь. И чтобы такой человек поднял руки, сдался сам и сдал свой город?!

Город все глубже вмерзал в Неву. Вмерзали в лед корабли, и фашисты по ним пристрелялись. Вмерзали в занесенные пургой железнодорожные пути паровозы. Ночью застуживала небо Полярная звезда, а днем всходило морозное красное солнце. Морозы рвали стволы вековых лип в вековых парках Ленинграда.

Я видел блокадные рисунки старейшей художницы Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой. Тюбики с краской она согревала собственным дыханием. Пальцы

теряли чувствительность, опухали от мороза и дистрофии, страдало от мороза и дистрофии зрение. Силы были на исходе, но она, как и архитектор Никольский, создавала документы «высот трагизма и мужества».

Работали в блокадном Ленинграде композиторы, писатели, поэты: конечно же, Дмитрий Шостакович («9 августа, 1942 г. Большой зал филармонии. Начало в 7 ч. веч. Седьмая симфония. В первый раз»). Конечно же, Ольга Берггольц («Февральский дневник», 1942 г. «Скинь шапку, гражданин! Провозят ленинградца, погибшего на боевом посту»). Работала Академия наук. Работали заводы — делали пушки, снаряды, автоматы. Если не было электрического тока, рабочие приспосабливали к станкам велосипедные передачи и вращали станки ногами. Собирали танки при «камельковом отоплении» и при жаровнях. Сражалась и маленькая артель «Примус» — производила гранаты. А фабрика «Светоч» делала ребятам-школьникам тетради, чтобы ребята могли продолжать учиться.

77 миллионов 760 тысяч секунд обороны отсчитали часы города, к которым ходил старший вахтер Федотов. Ивана Федотова нет в живых. В Институте метрологии (бывшая Палата мер и весов) сберегают его фотографию. На фотографии он — в кепке, в жилете, в пиджаке. К пиджаку приколоты четыре медали. Поставлена дата 3.11.1945 г. А старые часы на старой башне идут. Механизм у них новый, электрический. И, как прежде, светла Адмиралтейская игла.

Январь, 1983 г.

Григорий ЩЕДРИН

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ

В сентябре 1942 года было принято решение об усилении Северного флота за счет подводных лодок и надводных кораблей, базировавшихся на Тихом океане. Эсминцы и лидер должны были пройти из Владивостока Северным морским путем. Дивизиону же подводных лодок предстояло совершить почти кругосветное путешествие.

Отрывки из дневника командира одной из подводных лодок Г. И. Щедрина — ныне вице-адмирала в отставке — дают представление об этом походе.

20.9.42 г. Владивосток. Нас, командиров и комиссаров подводных лодок «С-51», «С-54», «С-55», «С-56», и командира дивизиона Героя Советского Союза А. Трипольского срочно вызвали в штаб.

Только вошли и расселись — дверь на ключ. На столе пакет за многими печатями. Капитан 2-го ранга А. Родионов вынул из него и зачитал шифротелеграмму: нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов приказывал наш дивизион перебазировать на Северный флот. Задача: в кратчайший срок, с максимальной скрытностью перейти в Полярный Тихим, Атлантическим и Северным Ледовитым океанами. Пункты снабжения, ремонта и отдыха: залив Чихачева, Петропавловск-Камчатский, Датч-Харбор, Сан-Франциско, Панама, Куба, Галифакс, Рейкьявик. До Камчатки подчиняемся Военному совету ТОФ, на переходе в Исландию — наркому ВМФ, с выходом из Рейкьявика — Военному совету СФ.

Приказ выслушали не дыша, и звучал он для нас слаще музыки. Может же так повезти! На действующий флот, да еще и на своих лодках!

6.10.42 г. Японское море. Вчера вышла первая пара — Сушкин и Братишко («С-55» и «С-54»), сегодня — Кучеренко («С-51») под брейд-вымпелом командира дивизиона и мы («С-56»). Проводило нас командование бригады и флота. Вице-адмирал И. Юмашев пожелал счастливого плавания и образцового выполнения задания, но в чем оно заключается, поручил объявить экипажам после выхода с Камчатки.

19.10.42 г. Берингово море. Только на пороге суток в 00.30 прощальным приветом Родины в последний раз мигнул за кормой огонек маяка на Камчатском мысу и скрылся за горизонтом. По выходе из Петропавловска объявил личному составу цель и маршрут перехода. Энтузиазм неописуемый! А люди-то отлично знают, какие трудности ожидают нас в тропиках и Северной Атлантике. Из-за каждого облачка можно ждать бомбу на палубу, из-за каждой волны — торпеду в борт. Получили сообщение: из порта Хакодате в неизвестном направлении ушла немецкая подводная лодка.

«С-55» и «С-54» на сутки впереди нас. В Петропавловске узнали, что 20 сутками раньше нас тем же маршрутом вышли «Л-15» и «Л-16».

22.10.42 г. Берингово море. Радисты приняли радиограмму с известием о гибели «Л-16» на переходе Датч-Харбор — Сан-Франциско. Потоплена неизвестной подводной лодкой. Подробностей нет. Погибли наши друзья-товарищи — Митя Гусаров, его комиссар Ваня Смышляков и пять десятков отличных ребят... Вечная память!

Завтра Датч-Харбор, 3500 миль от Владивостока. Готовимся к встрече с союзниками, чистимся, драимся. Свежо...

29.10.42 г. Тихий океан. ...Идем в надводном положении ночью кильватером, днем — строем фронта. Охраняют нас два американских миноносца «Фокс» и «Сэнес».

В Датч-Харборе (военно-морская база США) встретили нас хорошо. К стоянке буквально паломничество. Американцы через нас «открывают» Россию.

В связи с гибелью «Л-16» нас сопровождают теперь до Сан-Франциско эсминцами в одной группе.

12.11.42 г. Тихий океан. 15 часов. Разошлись встречными курсами с авианосцем «Саратога» и его эскортом. Он следует в Сан-Франциско, а мы оттуда на Панаму. Мы — это «С-51», «С-56» и американский эсминец под бортовым номером 138.

Запасы топлива полные, отсеки забиты фруктами... Плохо с обмундированием: нет у нас для тропиков подходящей формы, будем мучиться, знаю это по опыту плавания в торговом флоте.

Октябрьские праздники провели превосходно. Спасибо нашему генеральному консулу и всей советской колонии. Они постарались, чтобы мы чувствовали себя, как дома.

24.11.42 г. Панамский залив. Жара, духота... А настроение прекрасное. Только и разговоров о нашем наступлении под Сталинградом.

Температура забортной воды 28 градусов, в отсеках — 50 градусов. У сигнальщиков, вахтенных офицеров и у меня самого острый конъюнктивит: столько солнечного света, что темные очки не защищают. А смотреть надо. Именно хорошее наблюдение спасло от чьих-то торпед, выпущенных в наш борт 17-го у побережья Мексики и сегодня утром у пуэрто-риканского островка Кокос.

Люди измучились в жаре, тем более что, наученные горьким опытом «Л-16», переборки между отсеками держим задраенными. Пресную воду жестоко экономим, ее запасов только-только хватает для питья.

3.12.42 г. Карибское море. Кончилась стоянка в Коко-Соло — военно-морской базе США в бухте Лимон. Это рядом с городами Кристобаль и Колон в зоне Панамского канала. Цель стоянки — регламентные работы на дизелях — притирка клапанов цилиндров. Как-никак 9400 миль от Владивостока прошли, а это около 17 тысяч километров. Хорошо показали себя наши коломенские трудяги! Надежные машины...

На этот раз первой вышла наша тактическая группа. «С-55» и «С-54» должны выйти сегодня тем же маршрутом. Мы следуем в Галифакс. Через Карибское море нас проведет эскортный корабль, а Атлантикой

пойдем без «няньки». В штабе базы и у командующего противолодочной обороной контр-адмирала Ван-Хука нас познакомили с оперативной обстановкой на театре. Вся карта моря и Мексиканского залива испещрена точками обнаружения германских «У-ботов» и потопления союзных судов, есть среди них и советское — «Туапсе».

Сегодня наш эскортер дважды поднимал на мачте сигнал подводной опасности.

5.12.42 г. Наветренный пролив. Погода засвежела. Спустился с мостика промокшим до нитки. Впечатлений за сутки много. Ночью «С-51» была безуспешно атакована «немкой» в районе между Ямайкой и Кубой. Утром зашли в Гуантанамо.

Приветливо отнеслись к нам рабочие-кубинцы. Говорят, что на острове идет сбор средств на подарки детям в СССР. Знают о наших успехах под Сталинградом, с гордостью говорят об установлении дипломатических отношений между Кубой и Советской Россией.

12.12.42 г. Атлантический океан. С 12 часов 40 минут идем в эскорте трех союзных эсминцев по «гнилому углу Атлантики». Сколько здесь покоится кораблей! Названия на карте — мысы и рифы — Смерти, Дьявола, Страдания, Ошибки, Мучения, Мертвого моряка... Ладно, мы не из пугливых.

Штормить начало с 5-го на 6-е, а 7-го в Саргассовом море настиг такой антильский «хурикан», что уже через десять минут в диком реве ветра, непроглядном ливне мы потеряли из виду флагман. Сгорела гидросфера у гирокомпаса. Через люк и шахту подачи воздуха к дизелям отсеки заливало так, что помпы не успевали откачивать.

За сутки температура воды понизилась на 18 градусов, а воздуха — на 30 градусов.

31.12.42 г. Атлантический океан. Новый год собираемся отметить под водой, специально погрузившись для этого на час-другой. Сегодня, в последний день года, пережили необычное приключение. На широте мыса Рейс канадского острова Ньюфаундленд, идя под водой на глубине 65 метров, коснулись мачт «утопленника». Но выпутались благополучно.

В Галифаксе пробыли больше двух недель: на «С-54», «С-55» и у нас изношенные до предела аккумуляторные батареи. Их по нашей технологии изготовляют в Англии и должны были доставить в Рейкьявик. Теперь договорились, что мы сами пойдем за ними в военно-морскую базу Розайт.

Командующий флотом контр-адмирал Муррей выразил восхищение порядком на корабле и примерным поведением советских моряков в городе.

В Атлантике действует несколько «волчьих стай» немецких лодок. Следует смотреть в оба.

11.1.43 г. Северное море. Ну и погодка! В новом году еще ни один день сила ветра не опускалась ниже 11 баллов. Лодку крепко разбило. Цистерны главного балласта пропускают воду. Чтобы держаться на плаву, приходится время от времени поддувать их воздухом высокого давления и почти непрерывно работать одним из компрессоров. Личный состав измотан до предела.

Чего только не повидали за последние десять суток! И волны до небес, и ураганный ветер, и даже айсберг у пролива Дэвиса. А тут еще Геббельс со своим враньем. Он уже один раз «потопил» нас на переходе из Панамы в Канаду. После безрезультатной атаки фашистской субмарины на «С-54» и «С-55» объявил о потоплении советских лодок. А теперь новые радиопередачи на московской волне и русском языке несколько дней подряд. Говорит, что пять советских лодок вышли из Галифакса (число называют точно), три из них «потоплены нашими силами в Северной Атлантике, преследование продолжается». Наверняка врет, а все же червь сомнения точит. Как-то наши товарищи...

5.3.43 г. Норвежское море. В 00 часов 35 минут должны были пересечь параллель 66°33′, то есть Северный Полярный круг, и окунуться в заполярные воды. Об этом только что хотели объявить личному составу, но десятью минутами раньше пришлось играть боевую тревогу. Встретили немецкую подводную лодку, собрались атаковать, но в шторме взаимно потеряли друг друга.

8.3.43 г. Кольский залив. 9 часов 10 минут. Родная земля! Мы ее видим впервые с 19 октября прошлого года. Встречает нас эсминец «Куйбышев».

15 часов 30 минут. Стоп дизели! Вошли в Екатерининскую гавань. Прошли около 17,5 тысячи миль.

На пирсе нас встретили командующий Северным флотом вице-адмирал А. Головко, член Военного совета А. Николаев. Что же нас ждет впереди?..

А впереди моряков-тихоокеанцев ждали суровые бои на Северном театре военных действий, жестокие испытания, радость трудных побед над ненавистным врагом.

Экипажи лодок «С-54» и «С-55», потопив пять и повредив два вражеских корабля, погибли у берегов Скандинавии. Командир лодки «С-51», которая потопила семь кораблей, И. Кучеренко стал Героем Советского Союза. «Л-15» потопила пять и повредила столько же кораблей противника. «С-56», которой командовал автор дневника, стала гвардейской, награждена орденом Красного Знамени — на ее счету 14 потопленных кораблей.

Апрель, 1975 г.

Виктор БЕЛОУСОВ

НА СТАЛИНГРАДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

В конце июня 1942 года гитлеровцы начали крупное наступление на юге. В июле и августе на Дону и в междуречье Дона и Волги завязались ожесточенные бои, ставшие первым этапом Сталинградского сражения...

День генерала Гальдера мог складываться так и этак. Но в двух пунктах он неизменно повторялся: доклад у фюрера и запись в своем «Кригстагебухе» (военном дневнике). 10 июля 1942 года генерал отметил, что фюрер поручил полковнику Шерфу «написание военной истории». Ну, поручил и поручил. Однако спросим: почему именно теперь? У ног фашистской Германии лежало пол-Европы — Гитлер медлил. Взял последние города перед Москвой — чего-то ждал. А тут решил: пора! Откуда эта уверенность, что ключи от истории наконец-то в его кармане?

Вернемся к апрельской записи гитлеровского генерала: «На всем фронте поразительное затишье».

То было затишье перед бурей. Об этом знали в Берлине. И знали в Москве. Приближалось лето. Еще в марте обе стороны определили свои планы. Мы наметили продолжить начатое под Москвой изгнание фашистских захватчиков. Они — покончить с нами. «Предстоящим летом Советы будут полностью уничтожены. Для них нет больше спасения»,— возгласил Гитлер перед картой летней кампании. Потому и послал за историографом.

Против нас он выставил сил еще больше, чем в июне сорок первого. Ведь второй фронт не предвиделся.

Гитлер раскусил игру наших союзников. Но и с этими силами наступать на всю ширь Восточного фронта не решился.

Операция называлась «Блау» — «Синяя». Под синим небом юга к синеватым вершинам Кавказа, а по возможности — и до синей Волги. Главное — «наложить руку на нефтепромыслы», сформулирует мысль фюрера его начальник генштаба. И тогда... «Экономический крах!» — как приговор нам объявил Гитлер свой расчет.

Мы начали в мае. В Крыму и под Харьковом.

«Глубокий прорыв. Южнее Харькова положение весьма критическое»,— встревоженно писал Гальдер.

Увы, обещающее начало закончилось для нас трагически. В сводки Совинформбюро снова ворвался гул отступления.

Враг шел на запах нефти. Но чтоб мы не отрезали его крыло сил, нацеленных на Кавказ, из армий «Юг» выделяется группа «Б»: 6-я полевая армия Паулюса и 4-я танковая Гота. Ее задача — ударить по Дону, завладеть этим богатым сельскохозяйственным районом и двигаться к Волге.

На пятый день операции «Блау», 2 июля, у Гальдера появляется недовольная запись: «...наступление 6-й армии замедлилось в результате... упорного сопротивления противника». А эта уже полна раздражения: русские «в отчаянии наступают куда попало». В отчаянии разбегаются — это бы он понял. Но с отчаяния наступать?!

Пока Гальдер успокаивает себя: все это — эпизоды, русские выдыхаются, Паулюс, конечно, оправдает слова фюрера: «С вашей армией можно штурмовать небо». Он даже согласен с фюрером: отобрать у Паулюса два корпуса, изъять из группы «Б» армию Гота для усиления кавказского направления. А здесь справятся и без них.

Вскоре они убедятся: не справляются. Из-под Воронежа Паулюсу спешно подбрасывают новые дивизии. С Кавказа возвращают Гота. Но уж теперь с твердым заданием: взять Сталинград. Назначен и срок: 25 июля. И приготовлен литографский камень, на котором можно

прочитать: «Сталинград пал». По камню дан рисунок. Железнодорожная колея, бегущая с юга на север. Как позвоночный столб. И река в параллель с железной дорогой. Как аорта. Позвоночник разбит германской бомбой. Аорта перерезана германским клинком. Организм Советской России парализован. Вот он, «экономический крах»!

Литографский камень станет надгробным не нам, а наглой самонадеянности фашистских главарей и послушной им военщины. «Как это случилось?» — в сотый раз будут спрашивать они себя позже.

Вглядимся в цифры. За пятидневку, с 12 по 17 июля, темп продвижения Паулюса — 30 километров в сутки. С 17 июля по 17 августа враг прошел около 80 километров. За месяц!

12 июля как раз был создан пятисоткилометровый Сталинградский фронт. 17 июля передовые отряды фронта на реке Чир столкнулись с противником. За ним стояло 250 тысяч солдат, 7500 орудий и минометов, 740 танков, 1200 самолетов. За нами — 7900 орудий и минометов. Но здесь превосходство и кончалось. Дальше у нас во всем недостача: солдат — 187 тысяч, танков — 360, самолетов — 337. Но под Сталинградом решал не арифмометр.

Все говорят: лето сорок второго на Дону было особенно жарким.

— У меня боец от сухости во рту не мог проглотить слюну,— вспоминает сталинградский лейтенант П. И. Соловьев.— Хорошо, бывалый солдат подсказал: «А ты пожуй кузнечика».

И все равно не верится, что в донских степях температура доходила до пятидесяти пяти градусов.

— Откуда вы взяли? — недоумевает Петр Иванович.— Не Африка все же.

Показываю запись Гальдера: «Большая жара (до 55 °С), очень много пыли».

Соловьев усмехается:

— Про пыль точно. Не угадать было, сколько на тебя прет. Как в дымовой завесе. А насчет температуры прибрехнул Гальдер. Или его обманули? Под сорок доходила. А пятьдесят пять... Это мы им жару подба-

вили. Но и сами не только пóтом обливались... Нет карандаша?

Так он спрашивает и в школах. Ему не надо очиненный. Писать Соловьев не собирается. Карандаш будет за ствол минометa. Все круче задирается ствол, вот он становится почти вертикально. Ребята настораживаются: мины над собой?! Да они же рядом и разорвутся...

Правильно, рядом. Значит, и враг рядом. Сейчас он ворвется на твои позиции. И комиссар батальона Василий Шубин вскинет карабин с примкнутым штыком: «За мной!» Это повторялось не раз и не два, и гитлеровцы никак не могли попасть в крупного телом комиссара. Видно, от страха перед его сметающей все вокруг фигурой.

А между атаками бойцам вручали партбилеты. Тут же, на выжженных высотках, которые они держали, и в сырых окопах по берегу Дона, за который они держались. Пряча стального цвета книжечку в карман добела выгоревшей гимнастерки, отделенный Иван Григорьев скажет: «С места, где я получил партбилет, я не уйду». Минет несколько дней, и «не уйду» сержанта вернется в окопы приказом наркома обороны: «Ни шагу назад!» Номера приказов обычно помнят лишь канцелярии. 227-й вам и сегодня назовет каждый фронтовик.

...«У нас стало намного меньше территории,— стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас уже сейчас нет преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину.

...Пора кончить отступление. Ни шагу назад!»

В августе мы еще отступали, сдали Серафимовичи. Но, эвакуируясь из этой станицы — бывшей Усть-Медведицкой, переименованной в его честь, старый писатель убежденно сказал: «Натиск немецких орд разобьется о две грозные для них линии — донскую и волжскую». И уже в августе 21-я армия вернула Серафимовичи и

на правом берегу Дона отвоевала один из тех пятачков, что на войне порой дороже обширной территории. Отталкиваясь от таких плацдармов, солдат потом уходит в наступление.

...В Серафимовичах снова жарынь. Но во дворике с перезревшей вишней мой собеседник кричит жене: «Нюша, принеси пиджак!»

Он накидывает его на плечи, и при этом звенят боевые медали. Ему хочется показать награды, как только что он показывал ногу, всю в отметинах пуль. Смотришь на эти медали и думаешь: «Какая ж ты долгая была, война». Евгений Попов кончил ее воздушным стрелком. А когда в сорок втором здесь, в Серафимовичах, фашисты вели его на расстрел, у него в кармане еще лежала мальчишечья рогатка. Их расстреляли в Птахином буераке, двадцать мирных жителей. В устрашение другим. Он уцелел чудом, приполз к родному порогу. И потом каждый день видел фашистов.

Его уже не удивлял ни этот расстрел, ни то, что они сразу рассовали по карманам всю нехитрую парфюмерию матери, ни то, что за три недели успели слопать бычка Борьку и коз. Но, приходя, один из них всякий раз наставлял парабеллум на его сестренку и делал вид, что сейчас спустит курок. А остальные гоготали. Сама Джемма Петрова, серафимовичский врач, смутно помнит это: она была тогда ростом со стол.

Вот с кем мы имели дело и от чего спасали мир, сражаясь между Доном и Волгой.

У него не было костылей, у недострелянного оккупантами Жени Попова. Услышав «наши!», он припрыгал к окну на рогачах от бабушкиной печки. И заплакал.

От радости?

— И от радости. Но честно: сжалось сердце, когда увидел своих. «Господи, отчего они такие заросшие?»

Да, спасители мало походили на плакатных героев. Им было не до того, чтобы взглянуть на себя в осколок зеркала. Зеркало истории простит им эту небритость. Когда командующий фронтом генерал Еременко попросил у Верховного подкрепления, тот смог ответить только советом-приказом: «Деритесь и ночью».

И они дрались. И падали на сухую землю и на бегучую воду полковники, не успевшие стать генералами, рядовые, не дождавшиеся учреждения заслуженной медали «За оборону Сталинграда», курсанты, не успевшие прикрутить к петлицам свои первые кубики, мальчики, не дожившие до первого поцелуя.

Их было восемь, курсантских полков. Еще вчера это были военные училища — Винницкое, Житомирское, два Орджоникидзевских, Грозненское, Краснодарское... Их вывезли, сохранили, как кузницу лейтенантов. А теперь вынуждены были бросить навстречу танкам врага. Восемь полков, и каждому там — около двадцати лет, чуть больше, чуть меньше. Когда они вышли из боев, из них с трудом собрали один полк и тот половинного состава.

Одним из курсантских батальонов командовал Александр Данилович Овсянников. Однажды на его проводе оказался командующий 64-й армией генерал М. С. Шумилов.

— Ты что делаешь? — спросил командарм.

— Обороняюсь,— доложил комбат.

Командарм уже был наслышан об этой обороне и захотел сам увидеть героя. И, увидев, Михаил Степанович не сдержал удивления:

— А я-то представлял — богатырь.

Такое было лето, что сделанное самими даже в собственных глазах представлялось посильным только богатырям, а не человеку в шинели первого роста.

Генерала Овсянникова с группой однополчан я встретил в волгоградской гостинице. Сейчас он возглавляет совет ветеранов 64-й армии.

Да, не верили порой своим глазам и своим ушам, сколько может принять на себя и выдержать солдат.

Живет в Калаче-на-Дону страстный кинолюбитель Петр Григорьевич Гудзенко. Он снимает отгремевшую войну. Здесь, в Калаче, его 20-я мотобригада держала переправу. Держала в самой невыгодной позиции: фашисты располагались по высокому берегу, бригада занимала низину, перед врагом — как на ладошке. Гудзенко был радистом. И эта единственная рация вышла из строя. Лишь через несколько дней ее наладили, и он

поспешил выйти на связь. Но радист штаба армии ответил так, что Петр Григорьевич не решается приводить те слова в кругу женщин и детей. Радист штаба по-своему объяснил появление в эфире вдруг ожившей рации: захвачен врагами, и Гудзенко работает под их контролем. Гудзенко пошел на крайность: открытую радиосвязь. К счастью, подошедший офицер штаба хорошо знал голос комбрига 20-й полковника Ильина. Последовал диалог:

— Откуда ты?

— Из Калача.

— Но ведь Калач у немцев!

— Калач наш.

— А переправа?

— Удерживаем.

Оказалось, посланный неделей раньше с приказом об отходе офицер связи погиб. А без приказа они свято держались. «Ни шагу назад!»

У каждого был свой Калач, свое Абганерово, своя река Аксай, свой Чепелев курган, своя высота 145,5... Здесь каждый пункт достоин особого рассказа. И поросший полынком Чепелев курган, где и сегодня уцелевшие ветераны спорят, сколько же раз переходил он из рук в руки. И переправа через Дон с безрассудной контратакой наших танковых армий, 1-й и 4-й. Безрассудной по обычным канонам войны: кто же армию в стадии формирования бросает в наступление? Мы бросили, и противник остановился, считая, что за этой первой волной пойдут другие, иначе бы русские не начали. Мы пренебрегали азбукой, создавая грамматику победы. Так отыгрывалось драгоценное время. Дерзостью, стойкостью, великими жертвами. «Отражено шесть атак... Нас осталось двое. Продолжаю вести огонь. Муратов». Батальон в две души продолжал держать рубеж.

Постарайтесь представить... Даже сказать нам «прощайте» у них нет секунды. Потому что нужно выиграть время для Родины.

К Волге уже подтягивались резервы. В Сталинграде ковалось все больше оружия. А за Волгой негромкий тыл создавал чудо, в которое отказался поверить Гитлер, когда на стол его легло разведдонесение. «Я в поте

лица произвожу 600 танков в месяц. А вы осмеливаетесь сказать мне, что Сталин производит в месяц 1000!» — бушевал он. Разведчики действительно обманули его. Мы создавали уже две тысячи. Только они еще не подошли. Сталинграду надо было еще продержаться. Выстоять. Выдюжить. И особенно 62-й и 64-й армиям, на которые пришелся главный удар.

...Как-то за домашним чаем сын спросил отца:

— Пап, а что для тебя из всего самое-самое?..

Отец понял. Думал с минуту. Но ответил твердо:

— Сталинград.

На спинках стульев висели китель одного и штатский пиджак другого. На генеральском кителе светилась медаль «Золотая Звезда». И на пиджаке тоже золотая медаль — только «Серп и Молот». Шумилов-младший и не ждал иного ответа от Шумилова-старшего. Ибо разговоры в доме о войне неизменно выходили на Волгу.

И москвичка, выросшая на Донской улице и вторично крещенная на Дону, Галина Алексеевна Шелехова скажет про свой Сталинград: «Не будет сил, я приползу сюда по-пластунски. Еще не разучилась!» Она была тут комсоргом полка. А после войны пришла геологом искать крупнозернистый песок для фильтров Волжской ГЭС. Она черпала песок пригоршнями и застывала над ним. Опять осколки, опять кости...

— Ну что ты там нашла?! — кричали ей.

Советские люди знают, что мы нашли в Сталинграде. И знает всемирная история. И что нашли там фашисты — тоже известно. И почему незадачливый историограф фюрера полковник Шерф так и не завершил свой «труд».

Но для того чтобы все это свершилось, надо было еще устоять. Выдюжить. 23 августа гитлеровцы прорвались к Волге. Дни и ночи Сталинграда только начинались...

Август, 1982 г.

Евгений ДВОРНИКОВ

РОКАДА

О решении Государственного Комитета Обороны первый секретарь Сталинградского обкома партии А. С. Чуянов узнал практически сразу. Было январское утро 42-го, когда в его кабинете зазвонил телефон. Привычное дело — вызывала Москва. На этот раз в трубке послышался незнакомый голос. Собеседник представился: Федор Алексеевич Гвоздевский, заместитель начальника Главного управления железнодорожного строительства. В ближайшее время направляется в Сталинград.

Тогда-то Алексей Семенович и услышал это нерусское слово — «рокада». Было в нем что-то грозовое.

Из энциклопедии: «Рокада — железнодорожные и грунтовые пути сообщения в прифронтовой полосе, проходящие параллельно линии фронта. Служит для маневра войсками и материальными средствами».

Чуянов встал из-за стола, прошел по кабинету, глянул в окно. За ночь мягкий снег запорошил деревья, вобрал в себя все шумы городской площади. Казалось, природа улучила мгновение, чтобы напомнить людям о своем существовании. Хотя бы тишиной. И в эту нечаянную тишину так вот сразу ворвалось — «рокада». Одно слово, а в нем слышалась дробь колес, возникала бесконечная череда зачехленных платформ.

Так эта история начиналась.

В те зимние дни сталинградцы были заняты пока еще сугубо тыловыми вопросами. О фронтовой Волге — ни слова. Бои на волжских кручах? Это невероятно, такое может только привидеться. Рокада? Стратегиче-

ская дорога. Непосредственного отношения к Сталинграду она иметь не будет. Фашисты задохнутся на дальних подступах к Волге. Тут им не бывать.

Тогда так — и только так — думалось, верилось.

Гвоздевский выехал из Москвы. Среди его деловых бумаг лежала аккуратно сложенная карта-миллионка. Сталинград и Камышин были соединены на ней прямой линией — бесхитростной, как винтовочный штык. Исполнителю эта прямизна давала понять: иные варианты трассы исключаются. Только кратчайшим путем.

Взяв «эмку», Гвоздевский отправился берегом Волги. До Дубовки местность была еще ничего, а потом потянулись холмистые гряды. Овраги и изломанные балки рассекали степь. И так почти до Камышина.

— Разве в нашем деле миллионкой обойдешься? — досадовал Гвоздевский.

Федор Алексеевич сидел на заднем сиденье мрачный. Понимал, что в положенный срок никакой дороге тут не бывать. А не в срок... О таких вещах на войне не думают.

И хотя схема трассы была утверждена Центром, вскоре в Москву был отправлен пакет. По новому плану рокада «отодвигалась» на десятки километров к западу от волжского берега — туда, где простиралась пологая степь. Смена профиля сулила выигрыш во времени. Этот довод был главным в донесении инженера.

Москва ответила скоро: поправка принимается, трассу вести между станциями Иловля и Петров Вал. Федору Алексеевичу стало легче на душе. Тридцать батальонов саперной армии получали свой фронт работ. Фронт вблизи фронта.

Техники Гвоздевский не просил — обходился малым: тачками, грабарками, подводами. На всей трассе можно было увидеть лишь несколько старых экскаваторов и малосильных тракторов. Но если б не было и их, полотно, наверное, отсыпали бы пригоршнями. Маленькие речушки форсировали земляными плотинами или ставили деревянные мосты на сосновых сваях. Спешили, и потому нередко пренебрегали классическими правилами стройки: кое-где рельсы должны были лечь прямо на голую степь.

Должны были... Вот и наступил пиковый момент в этой истории.

Нужен металл. Тридцать восемь килограммов стали на каждый погонный метр... Где их взять? Заводы «катали» другую продукцию — пушки, танковую броню. Кто посмел бы урезать поставки фронту? Тридцать восемь килограммов на погонный метр... Нитка в сотню верст...

А рокада ждала...

И решение последовало — вынужденное, поразительное по своей неожиданности: взять рельсы с БАМа!

Из железнодорожного справочника: «Станция Бам находится на 7273-м километре Транссибирской магистрали».

Из «Сталинградского дневника» А. С. Чуянова: «Хорошую весть сообщил мне начальник строительства т. Гвоздевский... Дорога растет не по дням, а по часам. Давно ли мы на самолете производили осмотр выбранной трассы. А через несколько дней будет открыто движение... Да, строительство ведется действительно по-фронтовому! А главное, гитлеровцы и не догадываются об этом».

...Вторая магистраль к океану начала строиться еще в тридцатых. Перед войной пошли рабочие поезда по ветке Бам — Тында. В Забайкалье раскололась таежная тишина, призывно огласило округу паровозное эхо. Но гром войны перекрыл те первые бамовские гудки. Грянуло: «Вставай, страна огромная!» И люди встали.

Рельсы снимали с полотна звеньями, укладывали на платформы, катили по Транссибирской — к Волге, в самое пекло. Молодая, необъезженная сталь ложилась на опаленную степь, подставляя себя военным колесам. Шпала — к шпале, звено — к звену. Так БАМ состыковался с фронтом.

Из воспоминаний Александра Дмитриевича Жигина, бывшего изыскателя Байкало-Амурской магистрали, главного инженера экспедиции Камышин — Сталинград: «Как только началась война, все подразделения конторы «БАМпроект» были упразднены, а специалисты отозваны для работы на объектах оборонного значения. В Москве создали так называемое

Полевое строительство № 13, которое возглавил бамовец Ф. А. Гвоздевский. А когда ГКО принял решение о строительстве волжской рокады, многие первопроходцы магистрали отправились под Сталинград... БАМ — удивительная дорога. Она целиком разделила судьбу военного поколения».

В тот августовский день 1942 года, когда рокада вступила в строй, по ней прошло около полсотни фронтовых эшелонов. За одни сутки. И так на протяжении недель, месяцев. Прямо на перегонах по копнам соломы, снеговым щитам или подставленным шпалам с платформ сходили танки. Нередко сразу разворачивались в цепь, наполняя гулом оглохшую от боев землю. К огневым позициям спешили пушки и артустановки. А в глубь страны уходили составы с ранеными.

Так жила и работала эта дорога.

Из рассказа Надежды Федоровны Федоровой, старшего нарядчика локомотивного депо Петров Вал: «Мой отец, Федор Савин, был машинистом паровоза «ОВ». Маленькие такие паровозы, в шутку их называли то «овечка», то «Ольга Васильевна». Однажды на станции Солодча стоял эшелон с нашими ранеными. Вдруг появились вражеские самолеты. Отец тут же тронул состав, пытаясь вывести его из опасной зоны. Фашисты погнались следом. То набирая, то сбрасывая скорость, эшелон ускользал от прямого бомбового удара. Одна бомба разорвалась рядом с паровозом. Осколок вонзился в ногу. Кровь заливала сапог. Но реверс оставался в руках отца. На ближайшей станции он потерял сознание. Все же раненые были спасены. А тот кусочек железа до сих пор хранится в нашем доме».

Из письма командующего Сталинградским фронтом А. И. Еременко: «Я очень высоко оцениваю самоотверженный труд железнодорожников. Железнодорожная линия была для защитников города поистине дорогой жизни».

Сентябрь, 1977 г.

Петр СТУДЕНИКИН

ТАК ЛЕЧИЛИ ТАНКИ

Второй танковой индустрией страны была в годы Великой Отечественной войны ремонтно-восстановительная служба автобронетанковой техники. По данным военной статистики, каждый наш танк прожил три, четыре, а то и пять жизней. Всего в боевой строй было возвращено 429 тысяч танков — десятки танковых корпусов возрождались к боевой деятельности...

Они встретились в Москве на квартире у бывшего военного инженера Андрея Марковича Городецкого. Генерал-лейтенант-инженер в отставке Александр Андреевич Сосенков в 30-е годы строил первый в стране танкоремонтный завод, руководил им до и в начале войны, а затем, с 42-го года, возглавлял управление ремонта и эксплуатации автобронетанковой техники Наркомата обороны. Хозяин квартиры — Андрей Маркович в 40-м в финскую кампанию командовал танкоремонтной группой, которая обеспечивала боевые действия первых образцов тяжелого танка КВ, Великую Отечественную встретил на Ладоге, был ранен, лишился руки, перешел в ремонтно-восстановительную службу.

Встреча наша должна была бы произойти раньше. Не получилось. И теперь не удалось встретиться с двоими из легендарной «сталинградской семерки» — слесарями-монтажниками высокой квалификации И. П. Мовчаном и И. А. Белецким. Только во время Сталинградской битвы эта ремонтная бригада — семь слесарей — под огнем противника у стен «Красного

Октября» из подбитых машин «сформировала» и вернула на поле боя два танковых полка. Умер полковник Б. Л. Соломятинский — один из видных специалистов авторемонтной службы 1-го Белорусского фронта...

За окнами — метельный вечер. Уютная московская квартира как бы превратилась вдруг в прифронтовую мастерскую: на столе, диване — фотографии военной поры, плакаты, пожелтевшие от времени вырезки из газет, на стене — схема структуры ремонтно-восстановительной службы «В зоне боевых действий». И я вижу работу войны: поднимается в атаку рота, чтобы дать возможность ремонтникам вытащить с «нейтралки» подбитую машину... У рабочих зачастую не оказывалось под рукой необходимого оборудования, инструментов, запасных частей. Противогазная сумка через плечо, а в ней — гаечный ключ, зубило и молоток... На опушках леса, в оврагах они научились снимать без лебедки или талей танковые двигатели весом в полтонны, за одну ночь превращать обыкновенный амбар или мельницу в производственный цех, паровоз — в котельную, из десятка растерзанных машин собирать две-три боеспособных... Потому что существовало жесткое правило: «Все, что можно вернуть в строй на месте,— восстанавливать на месте!»

И все же: 429 тысяч возвращенных в строй танков! Трудно поверить даже, если знаешь, что каждый танк восстанавливали по 4—5 раз.

Генерал смеется: «Не вы первый». И рассказал:

— В конце июня 45-го мне было дано указание принять группу американских и английских журналистов. Встреча состоялась в Наркомате обороны. На меня обрушились вопросы, смысл которых был один: «Как удалось?..» Один из американцев даже спросил: «Мне рассказывали, что большую часть танков вы восстанавливали в зоне боевых действий. Если это так, то, очевидно, ваши ремонтные отряды комплектовались суперменами, как «командос»?» И очень удивился, когда узнал, что среди ремонтников было немало добровольцев, давным-давно перешагнувших призывной возраст. А «секрет» был прост: мужество

и самоотверженность нашего рабочего плюс созданная еще до войны четкая система ремонтно-восстановительной службы. Какой, кстати, не было ни в одной из армий воюющих стран.

Вермахт, как известно, тоже не располагал такой разветвленной и четко организованной танкоремонтной службой, хотя Гитлер и отводил танкам роль всесокрушающего тарана на пути к мировому господству. Подвела самоуверенность: делая ставку на блицкриг, он полагал, что те танки, которые пересекут советскую границу, в своей основной массе достигнут рубежей победы. Но уже 4 августа 41-го в Борисове в штабе группы армий «Центр», говоря о том, что «второй танковой армии для продолжения операции требуется 70 процентов новых моторов», Гитлер вынужден был признать: «Требуемого количества моторов предоставить сейчас нет возможности». А ведь все подбитые танки оставались у них в руках.

И все-таки на первом этапе войны нам было тяжко: вермахт пополнял свой танковый парк и за счет оккупированных стран Западной Европы, у нас же часть танковых заводов оказалась на колесах по пути на Урал и в Сибирь. На счету был буквально каждый танк. И нам, ремонтникам, приходилось драться за каждую машину. Потому что, если мы не брали ее с поля боя, она доставалась врагу,— продолжал вспоминать А. А. Сосенков.

В архивах Н-ского танкоремонтного завода, которым руководил Александр Андреевич, собрано немало документов. Они свидетельствуют о тех лишениях, которые пришлось пережить рабочим-ремонтникам, и о тех больших делах, что они сделали. Вот некоторые выписки из них:

«24.06.— 20.07.41 г. Завод отремонтировал 180 танков. Десятки машин возвратили в строй экспериментальные бригады полевого ремонта... 1942 г. Второе место базирования. Отремонтировано и направлено на фронт 300 танков, в основном — под Сталинград... Май — август 1943 г. Один из заводских отрядов в Москве на Монетном дворе отремонтировал и направил на Курский плацдарм 100 тяжелых и средних

танков»... 1944 г. Из справки 1-го Украинского фронта: с 3 мая по октябрь 1944 г. заводские бригады на полях фронта вернули в строй 647 танков и самоходных артиллерийских установок. Эвакуировано в тыл страны на переплавку более 700 машин... И, наконец, итоговые данные: в сорок втором в полевых условиях восстановлено 75 процентов поврежденных при выполнении боевых заданий танков, в сорок третьем — 81,7, в сорок четвертом — 84,5, а в сорок пятом (по данным за четыре месяца) — 91,8 процента...

Документы, повествующие о подвигах рабочих-ремонтников,— в особом ряду. В заводском музее хранится снимок партийного билета Павла Мартыновича Дембицкого. Отчетливо видны пробоины от осколка, следы крови, текст: партийный билет 3288350... Год рождения — 1906... Время вступления в партию — апрель 1940 года. И наискосок — четкая запись: «Убит 1.6.44 г.». В бою под Кременцом под огнем противника Павел Мартынович срастил перебитую снарядом гусеницу: танк ушел в бой, а рабочий-ремонтник сражен был осколком снаряда...

— Эвакуаторам танков,— вспоминает Андрей Маркович Городецкий,— приходилось особенно тяжело. Непросто с поля боя вынести раненого человека. А каково вытащить из-под огня тяжелую машину! Подбитые танки находились порой в нескольких десятках метров от позиций противника, и тот всей силой огня прикрывал подступы к ним... Все эвакуаторы — люди бесстрашные. Мне запомнился Иван Гончаров. На своем тягаче он вытащил с поля боя 211 танков.

Ветераны вспоминали о походе через Карпаты и Трансильванские Альпы (жара 40°, большая высота, крутые подъемы и спуски, резкие повороты часто выводили машины из строя); Заполярье (гитлеровцы считали, что применение танков в арктических условиях исключено, но наши КВ прошли здесь с боями по скалистому бездорожью более 150 километров); знаменитый рейд двух наших танковых армий от Берлина до Праги (у значительной части машин моторесурсы были выработаны, но все они дошли до места); беспримерный марш 6-й гвардейской танковой армии

через пустыню Гоби и горный хребет Большой Хинган (безводные пески, 45-градусная жара, пыль во все небо — через три-четыре часа надо было менять фильтры, ходовые части) — для ремонтников, безусловно, очень трудные километры. Но в их рассказах все-таки чаще звучало: «А помнишь 15-ю ОПРБ в Туле?.. А помнишь, это случилось на втором месте базирования (это под Сталинградом)? А помнишь, как работал ПТРЗ в Кантемировке?..»

15-я ОПРБ (отдельная подвижная рембаза) сформировалась из воронежских слесарей, кантемировских трактористов и россошанских шоферов летом 41-го в совхозе «Отрадное» под Воронежем. Трудные дни пережили ремонтники в Туле, куда они перебазировались в тот момент, когда танки Гудериана зажали город в полукольцо. Мороз и голод (продовольственные карточки отоваривать было негде, а солдатских продаттестатов ремонтники не имели), бомбы и снаряды... Но круглосуточно на рембазу доставлялись искалеченные и уходили прямо на передовую восстановленные боевые машины. Сколько же через руки рабочих прошло танковых полков?

Один ПТРЗ (полевой танкоремонтный завод) — завод без крыши и стен, но с цехами: механическим, хромировочным, термосварочным, с походной лабораторией, электросиловыми установками, подъемными кранами, испытательными стендами — вооружал ежемесячно восстановленной техникой один-два танковых полка. Только в Кантемировке подвижным танкоремонтным заводом было восстановлено и передано войскам 3-го Украинского фронта 350 танков...

Но случалось, наверное, у каждого рабочего-ремонтника, когда он откладывал в сторону противогазную сумку с инструментом и брал в руки автомат. Или садился за рычаги восстановленного им танка и вел его в бой.

— Кто из «сталинградцев» не помнит знойного лета 42-го? — снова вступает в разговор Сосенков.— Нещадный полуденный зной заставлял наших рабочих на час-два прерывать работу. Но сильнее солнца обжигали нас тревожные вести с фронта: фашистские

войска рвались к Сталинграду. Поток искалеченных танков все увеличивался. Работали сутками. И вот в такой момент пришел приказ: «Работ не прекращать! Восстановить дополнительно 20—25 танков, экипажи укомплектовать из числа рабочих, занять оборону...»

Через прокаленную степь двинулась колонна рабочего танкового полка — двадцать пять Т-34 и три КВ. Жара в степи достигала 40 градусов. А главная беда — тучи пыли, мельчайшей, въедливой, проникающей всюду. Машины стали останавливаться — надо было срочно заменить забитые пылью воздухоочистители. Вскоре танки продолжили свой трудный марш. Появление их на поле боя было неожиданным для гитлеровцев. Враг отступил и уже не предпринимал больше попыток прорваться в этом месте.

...Вышли на улицу, но все еще слышалось: «А помнишь? А помнишь?..»

Март, 1982 г.

Май ПОДКЛЮЧНИКОВ

ОГНЕННЫЕ СТРЕЛЫ НА ВОЛГЕ

Какого цвета был песок в Сталинграде? Отрывая аппарели и землянки, мы перебросали его горы. И запомнилось: он зеленоватый. А потом, возвращаясь мыслями к Сталинградской битве, я не раз удивлялся: разве такое бывает? Но память не подвела. Приехав на встречу ветеранов гвардейских минометных частей, принимавших участие в сражении на Волге, я много ходил по улицам города, поднявшегося за четыре десятилетия так, словно и не лежал он никогда в руинах. Рассматривал береговые откосы речки Царицы. Останавливался возле куч песка там, где строится метро. Цвет песка действительно зеленоватый, напоминает выгоревшие солдатские гимнастерки нашей юности...

Наш полк, 91-й гвардейский минометный, формировался летом 1942 года в Москве. Отбор в такие части шел строгий, направляли в них коммунистов и комсомольцев. Полк был укомплектован едва наполовину, когда 18 августа поступил приказ — на фронт. Всю ночь по дивизионам и батареям расписывали пополнение. Принимали ящики с карабинами, гранатами, противогазами, буссолями, прицелами. Под утро мы уже шли по улицам столицы к воинской погрузочной площадке. Там отправлялся эшелон 89-го гвардейского минометного полка. На его платформах, закрытые брезентовыми чехлами, стояли, вызывая наше любопытство, орудия — легендарные «катюши». Вскоре прямо с завода пришли и наши боевые машины —

такие же реактивные установки, смонтированные на легких танках. Ночью наш эшелон тоже тронулся в путь. Не без удивления бойцы примечали, что идет он не на запад, а на юго-восток. Рязань, Тамбов, Саратов... Вот и Волга. За ней станция Красный Кут, железнодорожные пути на которой были засыпаны горелым зерном — только что вражеские самолеты разбомбили здешний элеватор. Начались охваченные знойным маревом степи. Поезд шел быстро, горячий ветер надувал чехлы на орудиях тугими горбами. Казалось, что фронта в этом направлении быть не может. А тем временем железная дорога на Сталинград, идущая по правому берегу, уже была перерезана врагом...

В конце августа 1942 года четыре гвардейских минометных полка — 2-й, 19-й, 47-й и 51-й — вместе с частями 62-й армии, ведя тяжелые оборонительные бои, под натиском противника отходили к Волге.

На помощь 62-й армии в Сталинград спешили еще пять гвардейских минометных полков — 80-й, 83-й, 89-й, 91-й и 92-й. Узловая станция была разбита «юнкерсами». Полки покидали эшелоны на разъездах в степи и шли дальше своим ходом, поднимая горькую полынную пыль.

В первой половине сентября положение в городе стало особенно тяжелым. Враг прорвался к центру. Ослабленным в оборонительных боях советским частям с трудом удавалось сдерживать натиск превосходящих сил противника. Тут-то и сыграли огромную роль подоспевшие полки «катюш». Была создана оперативная группа гвардейских минометных частей 62-й армии. Дивизионы гвардейских минометов стали, как их тогда называли в штабах, «пожарными командами» — они стремительно перемещались с одного угрожаемого участка на другой, обрушивая на гитлеровцев шквал огня.

В ту пору батареи нашего полка давали по пятнадцать и больше залпов в день. Сейчас, вспоминая нелегкую боевую страду, удивляешься: а как же при такой интенсивности огня могло хватать снарядов? Ведь каждая батарея выпускала их за один залп, длящийся 8—10 секунд, почти сотню! У полка оста-

лись на левом берегу тылы, даже кухни, солдаты ели одни сухари, но снаряды у нас были. Как же самоотверженно работали речники на волжской переправе, если, несмотря на непрекращавшиеся с рассвета до заката бомбежки, поток боеприпасов не прерывался!

Когда бои шли уже в городе, гитлеровцы полагали, что до падения Сталинграда остались считанные часы. По случаю взятия волжской твердыни был намечен парад. На него «хозяева» пригласили «гостей» — представителей фашистского сброда из разных западноевропейских стран. Они ехали специальным поездом, захватив с собой знамена, с которыми намеревались пройти по сталинградским улицам. Наша разведка узнала о фашистских приготовлениях. В тот момент, когда поезд с «гостями» пришел на станцию Разгуляевка, по ней был дан залп «катюш».

Постепенно положение на Сталинградском фронте начало меняться. Попытки гитлеровцев взять город с ходу провалились. На правый берег прибыли свежие советские части. Для гвардейских минометных полков время «пожарных команд» миновало. Каждый из них получил свой участок, знал, какие дивизии поддерживает. Особая задача была поставлена перед 19-м гвардейским минометным полком. Его оставили в городе на правом берегу. На узкой полосе земли, которую держали воины дивизии Родимцева, боевым машинам вроде бы и места для огневых позиций не хватало. Они разместились под берегом, прикрытые от врага крутым склоном. При залпах возникала необычная сложность. Даже при наибольшем прицеле снаряды зацепляли бы за край склона. Чтобы увеличить угол подъема направляющих, танки с установками задом загоняли в волжскую воду. Полк терял технику, людей, но стоял до конца.

Побывали ветераны гвардейских минометных частей на местах, памятных для каждого в отдельности. Время изменило ландшафт, улицы, ориентиры. Но все-таки с глубоким волнением мы узнавали: вот здесь наш полк высаживался на сталинградский берег. Мемориальная доска в честь переправы установлена выше по

течению, но наши орудия спускались с баржи именно тут. Натужно воя моторами, танки поднимались по склону мимо кирпичных лабазов, которые стоят и поныне. На улицах мы увидели тогда мешанину из битого кирпича, стекла, поваленных телеграфных столбов. Первый залп наши дивизионы давали возле станции Садовая. Найдем ли эту огневую позицию? Нашли. Та же роща, та же балка впереди — они врезались в память прочно.

Один из товарищей поднял с перепаханной земли короткую ржавую трубу с рваными краями.

— Да это же наш снаряд после разрыва! Потом, значит, пришлось стрелять и сюда...

Несколько дней мы стояли на Дар-горе. Как нас тут жестоко бомбили! Кругом пылали окраинные домики, и запах гари, запах народной беды, постоянно висел в воздухе. От прямого попадания бомбы погиб весь взвод полковой разведки. Отсюда мы давали залп за залпом, едва успевая заряжать установки заново. Потом полк перебросили за реку Царицу. Мы расположились в развалинах. Когда под вечер затихала бомбежка, бегали за водой на Волгу. Где это место? Сейчас кругом высятся современные жилые дома. Экскаватор роет траншею для труб. А по срезу-то не земля, а битый кирпич... Не здесь ли и были запомнившиеся развалины? Следующее место нашей стоянки — крытый рынок в центре города близ переправы. Тут погиб командир нашего, первого, дивизиона Архипов. В третьем дивизионе взорвали две установки — они могли оказаться во вражеских руках. Из крытого рынка, через проломы в стенах, мы прямой наводкой дали залп по длинному белому дому неподалеку от волжского берега — его захватили гитлеровцы.

В октябре и начале ноября полк, поддерживая 64-ю армию, базировался в Бекетовке. Огневые позиции находились у балки Купоросной. Неподалеку от нас стояла электростанция. Она продолжала работать. Гитлеровцы сбрасывали листовки с призывом ее беречь. Она, мол, «пригодится вам при новой свободной жизни». Вот, кстати, кто и когда уже твердил нам

слова о «свободе» — как не вспомнить тут иные заокеанские голоса! Только убедившись, что Сталинград держится, фашисты совершили на ГРЭС воздушный налет.

После ноябрьских праздников в землянке мы с волнением читали слова Сталина о том, что «будет и на нашей улице праздник». В том, что он непременно будет, сомнений не было и прежде. Но когда? Он пришел 19 ноября — недаром ныне это День Ракетных войск и артиллерии.

Перед рассветом дивизион стоял на огневой позиции. Полагали, что дадим обычный залп. Но когда по всему фронту загрохотала ствольная артиллерия, почувствовали: происходит необычное. Мы и не подозревали, что тут уже собрана такая мощь. И чем сильнее становился орудийный грохот, тем больше нарастало радостное изумление: вот оно! Наконец и у нас прозвучала команда: «Огонь!» Едва прекратился рев залпа, как со стороны вражеских позиций стали слышны разрывы наших снарядов, словно кто-то часто и крепко бил в гигантский гулкий барабан. Потом связист закричал: «С наблюдательного пункта сообщают: пехота поднялась в атаку! Пошла... Пошли, ребятки! Первый рубеж взяли!» Сразу и нам — вперед. Полк двинулся по степным просторам, где только что лютовала яростная схватка. Снова и снова давали залпы, сами попадая под артиллерийский и минометный огонь противника. Останавливались в балках, размещая орудия в аппарелях, отрытых и брошенных гитлеровцами. Лег снег, задули ледяные ветры — не укроешься. Гибли товарищи. Под станцией Воропоново мы похоронили механика-водителя нашего танка узбека Ходжамкулова.

Наступление не останавливалось. Потом стало очевидно: именно с этих дней и начался коренной поворот в ходе всей войны.

Дома я бережно храню редкие документы — две листовки из тех, которые наши самолеты сбрасывали под Сталинградом окруженным гитлеровским войскам. Я подобрал их в снегу, сунул в вещевой мешок. Они изрядно истерлись, но уцелели, немецкий текст можно

прочесть. Тон листовок суровый и веский. И тем не менее они проникнуты подлинным гуманизмом. Одна содержит ультиматум, адресованный командующему 6-й германской армией генерал-полковнику Паулюсу. Другая — обращение к солдатам и офицерам вермахта. «Командование Красной Армии,— говорится в ней,— гарантирует всем солдатам и офицерам, которые сдадутся в плен, жизнь и полную безопасность, врачебную помощь раненым и больным, возвращение домой после окончания войны». Листовки делали свое дело: нам навстречу тянулись колонны пленных...

Поддерживая 57-ю армию, наш полк вошел в Сталинград с юго-запада. Свои последние залпы по узлам сопротивления противника он давал там же, где начинал,— у станции Садовая, на Дар-горе.

Ноябрь, 1982 г.

Иван ПАДЕРИН

ДНИ И НОЧИ СТАЛИНГРАДА

Я — участник Сталинградской битвы, был сначала комиссаром стрелкового батальона, затем инструктором политотдела 62-й армии. И вот я вновь на местах боев. Поднимаюсь на южное плечо Мамаева кургана — в сентябре 42-го здесь размещался первый эшелон штаба 62-й армии.

Небо над Сталинградом напоминало тогда рваную рубаху в кровавых подтеках. Город, распластанный вдоль берега Волги на десятки километров, извергал тучи дыма и пепла с рыжими космами пламени. Взрывы фугасных бомб сотрясали землю и будто стряхивали с нее целые кварталы. Лишь каким-то чудом устояли трубы, много труб. Они были похожи на штыки...

К полудню 13 сентября оборона города теряла устойчивость. Это можно было понять по оперативной карте начальника штаба армии Н. И. Крылова. Синие стрелы во многих местах проткнули красную линию: Гумрак, Городище, высота Садовая, Дар-гора... Прорвана оборона и на подступах к центру с юга. Там много красных кружков — изолированные очаги обороны. На Тракторный завод нацелены стрелы с синими ромбами — пехота и танки... Вдоль балки Купоросная гитлеровцы прорвались к Волге — город разорван на две части. Не ясна обстановка в районе вокзала... Все, как говорится, на волоске.

Вечером штаб переместился в штольни под берег Царицы. Стало известно, что на усиление обороны центра города идет 13-я гвардейская дивизия Родим-

цева. Но она еще где-то за Волгой, прибудет к причалам в Красной Слободе через сутки. Передо мной и капитаном Иваном Семиным — бывшим учителем Бутурлиновской средней школы — поставлена задача: навести порядок на причалах Центральной пристани и выяснить обстановку в районе вокзала.

На площадке перед набережной, возле зенитной батареи, нас застала очередная бомбежка.

Выручила вырытая зенитчиками щель. Взрывные волны перевертывали и крутили меня в ней. Затем стенки щели сжались. Плечи сдавило, дышать стало нечем... Открыл глаза: надо мной склонились люди, что-то говорят, шевелят губами, а я не слышу. Иван Семин написал на коробке спичек: «Ушел выполнять задание».

Когда пришел в себя, отправился к речному вокзалу. Под ногами — битые кирпичи. Из красноты кирпичной пыли вырос передо мной человек: губы сжаты, на плечи наброшена шинель, руки спрятаны за спину. По движению губ разобрал: «Дай докурить». Подал ему самокрутку, он нагнулся, выхватил дымящийся окурок губами. Шинель слетела с плеч, и я увидел, что он без левой руки. Точнее, руку, оторванную выше локтя, он держал за спиной правой рукой.

Морские пехотинцы — их было более сотни — сидели на откосе перед лодочным причалом. С автоматами, в бушлатах. Похоже, маршевая рота или резерв командира морской бригады, которая вела бой в южной части города.

Объясняю, что необходимо выяснить обстановку в районе вокзала:

— Кто готов пойти в атаку?

В вокзал ворвались без задержки. Вскочив в кассовый зал, я увидел у сейфа фашиста. Нажал на спусковой крючок автомата, но выстрела не последовало: не осталось ни одного патрона, израсходовал в атаке и не помню как. Из-за спины треснула короткая очередь: за мной следовал морячок. Он срезал немца. В руке убитого была связка ключей от сейфа. Я взял эти ключи. Они пригодились как вещественное доказательство к докладу, что вокзал — наш.

Утром 15 сентября, когда переправившиеся через Волгу батальоны гвардейской дивизии Родимцева отбросили гитлеровцев от привокзальных путей за бугры, центр города остался за нами. Тогда же узнал, что моего напарника капитана Ивана Семина отправили за Волгу — взрывом снаряда ему оторвало ногу...

Решительные действия гвардейцев Родимцева в центре города вызвали ярость гитлеровских генералов. Авиация, танки, пехота обрушили удары на гвардейские батальоны. Так продолжалось четверо суток. Вокзал переходил из рук в руки тринадцать раз. К исходу 20 сентября линия обороны 13-й гвардейской пролегала вдоль берега от Центральной пристани до завода металлических изделий. Центр города остался за передним краем. И снова, казалось, все повисло на волоске. Контратаки, проводимые на разных участках, не давали ожидаемых результатов: перевес сил на стороне противника. Ночами гитлеровцы кричали в рупоры:

— Рус, завтра буль-буль...

В те дни, точнее, ночи наше дело, дело политработников всех звеньев — от роты до политотдела армии — заключалось в том, чтобы довести до сознания каждого защитника Сталинграда: отступать некуда!

Утром 21 сентября на переправе встретил батальоны родной мне 284-й дивизии Батюка, из которой меня забрали в политотдел армии.

Один из батальонов этой дивизии был сформирован из комсомольцев района, где до войны я был секретарем райкома комсомола. Хорошие, сильные ребята. Они уже обстреляны в боях под Касторной и теперь прибыли в Сталинград. В Красноуфимске дивизия получила пополнение — более трех тысяч моряков Тихоокеанского флота. Все увереннее думалось: выстоим, победим.

Рубеж обороны батальона сибиряков и морских пехотинцев 1047-го полка проходил от южного плеча Мамаева кургана до котельной метизного завода. Косогорный участок. Иду вдоль него и как бы снова вижу, что тут было в те дни.

Авиация — ударная сила врага — вываливала на этот рубеж все виды бомб — осколочные, фугасные, термитные.

— Чем вы там дышите? — спрашивает корреспондент с той стороны Волги.

— Легкими,— отвечает радист нашего батальона Петя Белов и, чуть повременив, уточняет: — Дышим воздухом с огнем и дымом. И верой в победу... Так и пишите...

Сколько их — героев — довелось увидеть в те дни! И сейчас они передо мной: снайперы — Василий Зайцев, Галифан Абзалов и Виктор Медведев; пулеметчики — Николай Демьянов, Курбан Ибрагимов и Александр Цыганцов; бронебойщики — Геннадий Степанов и Федор Горобец; минометчики — Василий Дупленко, Иван Умников и Александр Кисельман; оружейник Георгий Кузнецов и его односельчанин Николай Масалов, ныне почетный гражданин Берлина...

Бойцы и командиры искали новые тактические приемы: сократили нейтральные полосы до броска гранаты — бомба не пуля, пусть гитлеровская авиация глушит своих. Тогда же был издан приказ: подтянуть штабы полков, бригад и дивизий вплотную к переднему краю. Главный козырь врага — массированные удары авиации — потерял былую силу. Оборона подступов к Волге в черте города обрела упругость — за каждой атакой противника следовала наша контратака.

В начале октября Паулюс нацелил большие силы пехоты и танков на заводской район. Там их встречали полки дивизий Смехотворова, Гурьева, Гуртьева, Горишнего. 4 октября на усиление обороны района прибыла 37-я гвардейская дивизия Жолудева. То были «спешенные» десантники. Еще не успели сменить голубые петлицы на общеармейские. На гимнастерках — значки парашютистов, на поясах — десантные ножи. Полки и батальоны формировались в основном из коммунистов и комсомольцев Москвы и Московской области. Они с ходу вступили в бой, вышибли гитлеровцев с позиций перед Тракторным заводом. В те дни часто приходилось встречаться с опытным разведчиком капитаном Василием Графчиковым. Записи запестрели тревожными

строками: «Выдвигаются штурмовые батальоны», «Подтягиваются орудия большой мощности», «Рихтгофен получил приказ фюрера готовить решающий удар всеми силами четвертого воздушного флота», «Танки накапливаются для ударов по Тракторному заводу». Когда же, в какой день и час будет нанесен этот удар?

Наступило утро 14 октября. Задымленный над городом воздух наполнился нудным гудением тяжелых бомбардировщиков: «везу-везу». Земля под ногами задергалась, зазвенела гончарным звоном — перекаленная, обожженная во всю ширь заводского района. Бомбы рвались на узком участке фронта перед Тракторным заводом. К полудню было зарегистрировано две тысячи самолето-вылетов на позиции дивизии Жолудева.

Во второй половине дня оборону завода — всего лишь пять километров по фронту — атаковали три дивизии пехоты с таранным кулаком в 180 танков.

Командиры частей, действующих в районе Мамаева кургана, узнав, что гитлеровцы прорвались на территорию Тракторного завода, стали просить командарма бросить их на выручку гвардейцев-десантников и вооруженных рабочих. Но делать этого было нельзя. Последовал приказ:

— Стоять!.. Паулюс только этого и ждет, чтобы овладеть ключевой позицией обороны города — Мамаевым курганом.

А там, на Тракторном, сорок восемь часов подряд без единой паузы не умолкали взрывы снарядов, мин и гранат. Сколько потеряли там наступающие дивизии Паулюса за те сорок восемь часов? Легче, наверное, было подсчитать оставшихся в строю солдат и офицеров. Но и такой подсчет, как потом выяснилось, был неточен. Уцелевшие в бою захватчики не вышли из него. В цехах завода с ними расправлялись мелкие штурмовые группы.

— Паулюс выдохся. Ему не собрать больше сил для повторного удара такой мощности,— сказал Чуйков.

Город все еще напоминал цепь из раскаленных звеньев. Ночами звенья искрились частыми взрывами гранат и густыми очередями пулеметов. Это штурмовые группы, проникая в расположение противника, истребляли

его живую силу и технику. Теперь каждый бой обретал иное значение — сковать как можно больше сил врага в руинах города. Так понимали свою задачу штурмовые группы. Такое понимание отвечало замыслам Ставки Верховного Главнокомандования. Потому уже тогда командиров штурмовых групп — старшин и сержантов — прозвали «главкомами».

Ярость от неудач, как видно, толкала гитлеровских стратегов любой ценой овладеть Сталинградом до наступления зимы. 11 ноября Паулюс бросил в атаку пять дивизий на прорыв обороны между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады». Ценою огромных потерь они прорвались к Волге, отрезали дивизию Людникова от соседней дивизии, но так и застряли тут.

Вот запись последнего эпизода боевых действий в Сталинграде. «Во дворе универмага стоит четырехствольная немецкая зенитная пушка. Наши солдаты прозвали ее «дардонел». На этот раз она напоминала поднятую руку с растопыренными пальцами: отвоевалась, сдаюсь. Возле пушки — солдат в полушубке, на шапке красная звездочка, с лица падают капли крови. Много капель на снегу, но солдат улыбается. Чему же? Из подвала универмага выходит фельдмаршал Паулюс с поднятыми над головой руками...»

...Мамаев курган. Город и теперь просматривается отсюда во всю ширь, только не такой, какой он был тогда, в дни боев. Он вырос, поднялся из руин и пепла и красуется над Волгой белокаменными ансамблями жилых кварталов и заводских корпусов, обрамленных зеленеющими парками и скверами. И пусть никогда небо над этим городом не будет похожим на рваную рубаху в кровавых подтеках.

Сентябрь, 1982 г.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

О ПОЛЕ, ПОЛЕ!

Сталинградское сражение называют величайшим. Иногда — не сражением, а битвой. И не битвой даже, а побоищем. Так было сказано однажды в победном приказе Верховного. Если можно было бы придумать эпитет более внушительный, более впечатляющий, мы бы, несомненно, употребили его, потому что где-где, но тут преувеличения не будет. Разве военные историки могут указать нам на другое сражение, в котором на определенных его этапах участвовало бы одновременно с обеих сторон свыше двух миллионов человек?!

Каким битвам прошлого сравниться с этой, если вспомнить, что только в боях за «Дом Павлова» гитлеровские войска, заметьте, самые что ни на есть отборные, понесли значительно большие потери, чем при взятии Парижа!

Что же касается исторических последствий Сталинградской эпопеи, то и они не имеют себе равных. Лишь после того как вышел из подвала универмага плененный фельдмаршал Паулюс и двумя днями позже поднял руки последний гитлеровец из его 330-тысячной армии, люди почувствовали: «Мир спасен!» — ощутили это душой задолго до того, как обагренные кровью миллионов окаянные руки фашистского фюрера потянутся к ампуле с ядом.

Двести дней и двести ночей!..

О них вспоминают бойцы, съезжающиеся отовсюду к берегам матушки-Волги по случаю сперва десятилетнего, потом двадцатилетнего, затем тридцатилетнего,

а теперь вот — уже и сорокалетнего юбилея легендарной битвы. Бойцы, которых, увы, оставалось после 2 февраля 1943 года не так-то уж много, а теперь и того меньше.

Двадцать лет спустя

Во фронтовом моем блокноте среди множества коротеньких записей есть и такая:

«Удивительное дело! Здесь, у самой Праги, в День Победы, все мы почему-то вдруг вспомнили Сталинград, а ведь после Сталинграда были Курская дуга, Днепр, Карпаты, Дунай... А мне подумалось: «А что там, на Волге, будет через двадцать, скажем, лет? Останутся ли какие-нибудь следы сражения?»

9 мая 1945 года. Село Косова Гора, Чехословакия».

...Поздней ночью отправлялся из столицы экспресс. В последних числах декабря 1962 года пассажиры его были необычны: не обременены ношей, вместо чемоданов все больше портфели да сумки, с какими спортсмены ходят на тренировки. Люди ехали, что называется, налегке.

Куда же?

Об этом нетрудно было догадаться, потому что все время слышалось: Чуйков! Шумилов! Еременко! Родимцев! Людников! Павлов! Ветераны входили в вагон не сразу, не вдруг: встретившись тут, на хорошо освещенном перроне, они подолгу трясли руки, всматривались в лица, узнавая и не узнавая друг друга. И немудрено: за время, прошедшее с тех памятных дней, воины не стали моложе. Сейчас лица их были строги и торжественны.

Из школьных учебников географии мы знаем, что островом называется часть суши, окруженная со всех сторон водой. Вот только не знаем: как бы в тех учебниках называли клочок сталинградской земли, окруженной со всех сторон не водой, а вооруженными до зубов врагами, поливаемой денно и нощно опять же не водой, а ливнем пуль, осколков от бомб, снарядов и мин? И она была не необитаемой, часть суши, о которой мы говорим,— на ней были люди, тысячи наших солдат во

главе с их комдивом, именем которого и наречена была на долгую жизнь и память та крохотная частица земли — «Остров Людникова».

На протяжении всей битвы «островитяне» полковника Людникова сражались изолированные, отторгнутые от основных сил ныне уже легендарной 62-й армии с ее прославленным командующим. Для фронтовика нет более тяжких минут, чем те, когда он не чувствует локтя, плеча товарища. А тут были не минуты, а множество дней.

И вот мы сидим с генерал-полковником Людниковым в одном купе, сидим в окружении незнакомых для меня офицеров, которые называют генерала Иваном Ильичом. И он, вспоминая боевых побратимов, называет их по имени-отчеству. И поскольку имен этих было названо так много и произносились они с такой любовью, то сразу же стало ясно, почему выдержал, почему устоял «Остров Людникова», где, казалось бы, устоять было нельзя.

...Его по-прежнему звали сержант Павлов, хотя он давно уж не служил в армии и занимался какими-то сугубо гражданскими, хозяйственными делами. Странное чувство испытывал я, когда сидел рядом с этим не шибко разговорчивым человеком перед телевизором в гостинице «Интурист». Сидел и слушал, как молоденькая девушка-теледиктор бойко, словно на уроке истории, рассказывала о подвиге бессмертного гарнизона «Дома Павлова». Как бы она смутилась, как сорвался бы ее звонкий и уверенный голосок, если б вдруг увидела, что прямо перед ней сидит и смотрит из сумрака чуть затемненного фойе живой, всамделишный, натуральный Яков Павлов! А она и не ведает о том, что прямо перед ней сидят также какой-то дедушка с тяжелыми, вислыми усищами и бабушка, повязанная по-крестьянски ситцевым платком, и что это вовсе не дедушка, а гвардии ефрейтор Василий Сергеевич Глущенко, сподвижник Якова Павлова, а бабушка — это жинка Василия Сергеевича. Они не ждали официального приглашения на празднование, а сами собрались да и приехали, потому что в Глущенко, как и в каждом фронтовике, жило, ныло нетерпеливое желание побывать

в тех местах, через которые провела его однажды война.

Властное это чувство сняло с насиженных гнезд не одного Василия Глущенко. Тут же, перед телевизором, сидел пулеметчик Дорохов, может быть, в «Доме Павлова» этому человеку досталось больше всех из того самого солдатского лиха...

Не усидел в своей Амвросиевке на Донбассе и Николай Петрович Макаренко — бывший наводчик артиллерийского истребительно-противотанкового полка 62-й армии. Он опоздал к главным торжествам. Выручила, однако, солдатская находчивость, как выручала она его не раз в боях за этот город на Волге. Николай вышел на площадь Павших борцов, встал у памятника, где накануне был зажжен Вечный огонь, встал рядом с часовыми, точно, по-артиллерийски, рассчитав, что где-где, а здесь-то он встретит однополчанина.

И вот они уже обнимаются с «односумом» Сашей Цыганковым, впрочем, уже не Сашей, а Александром Васильевичем, кандидатом технических наук, начальником лаборатории по газу и нефти. Вот тебе и гвардии рядовой Сашка Цыганков!..

Теперь они стали ждать вдвоем, озябли на морозном ветру, крутоватом от остуженной Волги. Согрелись в ресторане, благо он тут рядышком, и, еще более оживленные, перебивая друг друга знакомым всему бывалому люду «а помнишь?», принялись вновь терпеливо ждать. И солдатское многотерпие было вознаграждено с лихвой: в глухую полночь — видно, еще раз захотелось поклониться праху павших — к памятнику вышли маршалы Чуйков, Руденко, Казаков, генералы Шумилов, Жадов, Родимцев, Вайнруб. Один за другим оказывались они в объятиях дюжих однополчан. Не умевшие плакать в грозную военную годину, сейчас они плакали...

Тридцать лет спустя

Осенью 1972 года в мой гостиничный номер шумною ватагой не вошли, а прямо-таки ворвались пионеры — знаменитые (да, да, именно знаменитые!) сталинград-

ские следопыты. Видимо, прознав, что я собираю материалы к новому своему военному роману, они с помощью какого-то незнакомого мне дяди притащили необычную посылку: деревянный, точнее фанерный ящик был битком набит ржавыми и оттого еще более зловещими, с острыми краями осколками от бомб, снарядов и мин; были там и смятые патроны, и сплюснутые гильзы, и исковерканные стабилизаторы и прочие атрибуты давно уже отгремевшей войны.

Спрашиваю с удивлением:

— Где вы их набрали, ребята? Спустя тридцать-то лет? Не из музея же?

Ребята улыбнулись:

— Скажете же! Мы сами пополняем тот музей!

— Ну а все-таки — где?

— А засуха-то в нынешнем году была страшеннейшая. И пыльные бури — страсть. Содрали верхний слой земли — вот железяки сызнова и появились...

Этому уж я не удивился, поскольку доподлинно знал, каким густым и многослойным был тут страшный посев войны: уже десятки лет паломники со всего бела света находят тут эти «сувениры» и увозят на память к себе домой, а их, тех «железяк», не убывает. Сколько же нужно было металла, чтобы так нашпиговать ими землю!

После некоторого замешательства, не зная, спрашивать об этом ребятишек и девчонок или нет, я все-таки решился:

— Ну, это так. А где вы находите останки павших воинов? Я слышал, что вы и сейчас производите эти скорбные раскопки?

— Как где? — отозвался все тот же малыш, видимо, главный красный следопыт.— В степи, за городом, где трава растет погуще.

Дыхание у меня перехватило. «Вон оно что! — подумалось.— Хоронили-то мы павших не с оркестрами, не с почестями. Упадет солдатик на бегу, а иногда и много их упадет, а времени-то нет. Наспех выберешь яму — воронку ли от бомбы или тяжелого снаряда, обвалившийся ли окоп, блиндаж, там и предаешь земле побратимов...»

Сообщив это, ребята и сами делаются строгими, сосредоточенными. А мне еще подумалось: «Нас, ветеранов, становится все меньше и меньше, а участников войны не убывает. Ведь эти тысячи, десятки тысяч юных следопытов, которые совершают свои поиски, они сами становятся как бы участниками боев, мужают, становятся и граждански более зрелыми. Какою же мерою измерить их ежедневный, десятилетиями продолжающийся патриотический подвиг!»

Сорок лет спустя

Я уже сказал, что в каждом солдате живет властное и нетерпеливое желание вновь побывать в тех местах, по которым провела его когда-то война. На этот раз, в конце мая 1982 года, я дал себе железную установку: не просто побывать в городе, где завершилась нашим великим триумфом Сталинградская битва, а пройти или хотя бы проехать от Дона до Волги по тем дорогам. по которым сорок лет назад прошла наша 29-я стрелковая дивизия, которая затем стала 72-й гвардейской и которую, ни разу не сменяемую, к концу войны солдаты нарекли Непросыхаемой и Непромокаемой. На этот раз мне удалось исполнить давнишнюю мечту.

Перво-наперво отправился в казачий хутор Нижне-Яблочный, где моя полковая минометная рота получила боевое крещение. Увы, хутора не оказалось: над ним величаво разливалось созданное человеком Цимлянское море. К счастью моему, уцелели хутора Верхне-Яблочный, Генераловский, Чиков, через которые дивизия отходила на новые рубежи с жестокими, кровопролитными боями.

Тут я должен сказать, что у каждого защитника волжской твердыни, помимо общего для всех, был еще свой, личный Сталинградский фронт. Тот капилляр Сталинградской битвы, который сливался в горячий поток ненависти и любви, бушевавший в крови всех защитников бессмертного города.

Другому, скажем, хуторок Чиков на Аксае мало что скажет, а для меня очень даже многое: там моя рота в течение только одного дня минометными веерами

накрыла и уничтожила около сотни вражеских солдат. И там же, у хутора этого, я потерял, может быть, самого близкого на ту пору для меня человека: младшего политрука Петра Ахтырко, с которым служили в одном полку со дня его формирования. Мы возвращались пополудни из штаба полка в свои подразделения: он — в артиллерийскую батарею, я — в минометную роту. Теперь должен признаться, завидовал тогда Петру: его должность позволяла ему называться комиссаром, а моя — лишь политруком. Шли по просеке, когда увидели высоко над нами вражеский истребитель. «Давай укроемся на всякий случай!» — предложил я другу, высматривая какую-нибудь яминку или хотя бы бороздку поблизости, что с того дня делал до конца войны. Петька засмеялся: «Будет он за двумя гоняться!» Я все-таки плюхнулся в неглубокий кюветик. Короткая пулеметная строчка не обошла моего беспечного друга.

Долго не мог я покинуть того места. Вот и теперь, спустя сорок лет, все стоял и стоял там, мучая в руках шляпу...

С особенным же душевным волнением приближался к станции Абганерово, где наша дивизия свыше двух недель, с 12 по 30 августа, вела, может быть, самые кровавые в ее боевой биографии бои с прорвавшимся от Котельникова врагом. Там-то и моя рота, до этого не потерявшая ни единого бойца, хоронила своих первых убитых товарищей. И неглубокая балка, в которой находились огневые позиции роты, была целью моего одинокого паломничества к Абганерово, к совхозу Юркина. Я боялся, что не успею найти: приближались сумерки. Однако ж нашел, а выйдя из балки, увидел такого же одинокого, как я, и уже совсем седого, сухого в кости высокого человека. Приблизясь ко мне, он сказал:

— Увидел вас, вот и пришел. Думал, может, помогу в чем. Воевали, чай, тут?

— Воевал.

— Ну, я так и подумал. А вы знаете, как местные жители называют это поле?

— Откуда ж мне знать?

— Белым, потому как оно сплошь было усеяно костями человеческими. Мне и самому в сорок седьмом пришлось собирать те кости и складывать в братскую могилу. Видали, может, обелиск там стоит?

У обелиска этого я потом долго стоял и среди множества имен, выбитых на граните, находил и знакомые имена.

А после этого я вновь, в который уж раз, ехал на свидание с яблонькой, под которой находился мой блиндаж во время завершающих боев за Сталинград. Тридцать лет спустя я выковырнул из-под ее коры большой ржавый осколок и привез своим дочерям: осколок-то был предназначен не только для меня, их отца, но и для них — у войны был далекий прицел... Яблонька приняла его на себя, заслонила меня своим тогда еще совсем юным телом. И теперь еще стоит все на том же месте, раздвоившись на два толстых ствола. Жива, родимая! Быстро опускаюсь в небольшую ямку — это все, что осталось от моего блиндажа. И на дне этой ямы обнаруживаю... яблоки!

Я собрал их, набил ими карманы, снял шляпу и в нее насыпал. И с этим-то драгоценным грузом — уже не по балке, по которой шел сюда, а прямо степью, через гору — медленно пошел к Волге. Далеко внизу, вытянувшись вдоль великой реки чуть ли не на сотню километров, виднелся город, прекраснее которого нет на всем белом свете.

Сталинградский поэт Л. Кривошеенко и композитор А. Климов сочинили про мою яблоню песню. В ней есть такие строчки:

Кто знал суровых лет ровесницу,
Кто слышал шум ее ветвей,
Тот думал, что осталось деревцу
Стоять в степи не много дней...

А она стоит. Стоит сорок лет. Глядишь, простоит и все сто. Низкий поклон, дикая степная дочь, тебе и твоим вечно юным побегам! Удивляюсь и радуюсь твоему бессмертию, которое сродни великому солдатскому подвигу, совершенному тут.

Февраль, 1983 г.

Василь БЫКОВ

СОРОК ТРЕТИЙ

Он начался для нас в счастливой атмосфере сталинградской победы. Казалось, самое трудное уже позади, и, хотя еще не минуло и половины этой большой войны, советские люди с надеждой и упованием вступили в год сорок третий. После всего пережитого в труднейшую предыдущую осень стала еще ясней вся несгибаемость нашей силы и наша способность окончательно разгромить врага. Теперь речь шла лишь о сроках. Но верили многие, сорок третий принесет, наконец, открытие второго фронта и объединенными усилиями антигитлеровской коалиции фашистская Германия будет быстро раздавлена.

Однако, как показали события, открытие второго фронта по-прежнему откладывалось, и, как прежде, нам следовало полагаться на свои собственные силы.

Тем не менее военный успех решительно склонился в нашу сторону. 10 января войска Донского фронта принялись доколачивать остатки окруженной армии Паулюса, вовсю развивалось наступление на Северном Кавказе и в районе Воронежа. В середине января была прорвана многомесячная блокада города Ленина.

Наступил год, о котором мечтали, который принес твердую уверенность в нашем всестороннем военном превосходстве. И хотя все знали, что война потребует еще множества жертв, на солдатской душе стало светлее. Конечно, физическая смерть однозначна, умирать всегда страшно, но теперь смерть уже не казалась такой устрашающей, потому что намного ближе, реальнее была

видна цель всех ратных трудов, всех самопожертвований — изгнание оккупантов, окончательный разгром фашизма. Советский солдат твердо убедился в своей ратной силе, которой он мог помериться с силой отборных фашистских войск и — победить.

Впрочем, побеждать по-прежнему было нелегко. Последовавшие вскоре после Нового года события на фронтах еще раз подтвердили, что и теперь, когда ясно обозначилось наше военное превосходство, настоятельно важно кропотливо, всесторонне готовить каждую операцию, без чего невозможно рассчитывать на успех.

Изрядно побитый враг все еще располагал колоссальной военной мощью, сила его танковых армий была по-прежнему велика.

Хотя задуманное Гитлером как «реванш за Сталинград» контрнаступление в феврале — марте 1943 года под Харьковом и Белгородом и не достигло своей цели, оно давало наглядное представление о том, на что еще способен фашизм. К чести нашей следует сказать, что урок был учтен полностью.

В течение весны Советское Верховное Главнокомандование вело всестороннюю подготовку к предстоящим операциям, накапливало резервы. В свете развернувшихся затем летних событий стала ясна вся прозорливость этой работы: впереди вызревало одно из самых грандиозных сражений второй мировой войны, потребовавшее максимальной выдержки, организованности, больших материальных ресурсов. Впереди была Курская битва.

Гитлеровское командование тщательно готовило наступательную операцию «Цитадель», стремясь все же повернуть ход войны в свою пользу. Именно к Курскому выступу в это лето были скрытно подтянуты главные танковые силы вермахта, щедро оснащенные тяжелыми танками «пантера» и «тигр» с невиданной доселе броней и мощными крупнокалиберными пушками. К июлю сорок третьего года здесь фашистами было сосредоточено более двух тысяч танков. С такой силой Гитлер намеревался разгромить наши войска на Курском выступе и обойти Москву с востока.

Весь июль сорок третьего года внимание мира было приковано к пылающим и грохочущим, политым кровью и мазутом курским полям. 12 июля под Прохоровкой произошло знаменитое, для нас победоносное сражение, когда войска 5-й гвардейской танковой армии встретились с двумя танковыми корпусами фашистов. Около 1200 танков и самоходных орудий с обеих сторон столкнулись здесь во встречном наступательном бою. Мир тогда еще не знал подобной картины — две противоборствующие гигантские лавины танков стальным морем залили степной простор.

В сражении на Курской дуге мы не только выстояли. Такое бывало и раньше. Здесь, заблаговременно подготовившись к отражению вражеского наступления, ведя бои трудные и опасные, но ни на мгновение не теряя контроля над ходом событий, мы на выбранных нами рубежах перемололи фашистскую ударную силу и в предусмотренный нами заранее срок нанесли ответные удары. Это был триумф выдержки, мастерства и силы Красной Армии, ее руководства.

Ход грандиозной битвы засвидетельствовал превосходство советской пехоты, артиллерии и особенно танковых войск и авиации.

И все же сказать только о войсках — мало. Битва была выиграна благодаря усилиям всего ведомого Коммунистической партией воюющего советского народа, начиная от бойцов передового охранения где-то под Белгородом и кончая подростком-учеником на каком-нибудь из оборонных заводов Сибири. Замечательную победу под Курском ковали все сообща: и те, о героизм которых разбилась бронированная мощь вермахта, и те, кто в глубоком тылу создал все необходимое для достижения победы.

Заблаговременно был создан и в нужный момент введен в сражение резервный Степной фронт. Началось широкое наступление четырех фронтов. В середине сентября наши войска подошли к серьезнейшей водной преграде — к седому Днепру.

Гитлеровское командование после потери Левобережной Украины намеревалось стабилизировать фронт именно здесь, по линии «Восточного вала». Важно было

не дать вражеским соединениям вцепиться в Днепр, сбить фашистов с предмостных укреплений и форсировать реку.

Уже два с лишним года пылала на нашей земле война. Мы уже были свидетелями многих подвигов солдат и офицеров Красной Армии. И все же тот порыв, та массовая самоотверженность наших войск, какие наблюдались осенью сорок третьего при форсировании Днепра, снова потрясли сердца. Передовые подразделения пехоты и артиллерии, не дожидаясь подхода саперных частей и наведения табельных переправ, используя подручные средства — бревна, доски, деревья, а то и просто набитые соломой палатки, под ураганным огнем противника переправлялись на правый берег. Многие из смельчаков так и не достигли желанного берега, найдя свою смерть в холодной днепровской воде, а на тех, кто его достиг, обрушились ожесточенные атаки противника. Стремительность, боевое мастерство воинов первого броска обеспечили нашим частям так необходимые им плацдармы, куда незамедлительно были переправлены главные силы армий. В жестоких боях 6 ноября сорок третьего года Родине была возвращена столица Украины — Киев.

Форсирование Днепра на всем его протяжении — блестящая страница в истории Великой Отечественной войны, страница доблести и геройства нашей армии. Свыше 2400 самых отважных воинов были удостоены за эту операцию звания Героя Советского Союза, многие тысячи награждены орденами и медалями.

Со второй половины лета сорок третьего года весь огромнейший, двухтысячекилометровый советско-германский фронт неудержимо пошел на Запад. Велось наступление на юге. Совместными усилиями частей Красной Армии и кораблей Военно-Морского Флота в сентябре освобожден Новороссийск и снова высажен десант в районе Керчи... Взломана оборона врага на реке Миус и сокрушена «Голубая линия» на Тамани. Красная Армия начала освобождение восточных районов Белоруссии.

Небывалый размах приобрело партизанское движение. Партизанские соединения, действовавшие во вра-

жеском тылу, контролировали пространные территории. Главными задачами партизан в это время стали срыв железнодорожных перевозок и дезорганизация связи и путей сообщения в тылу фашистских войск. В августе сорок третьего года началась скоординированная Центральным штабом партизанского движения знаменитая «рельсовая война», в которой приняли участие партизаны Украины, Белоруссии, Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской областей. За время этой операции, длившейся до середины сентября, было произведено около 215 тысяч подрывов железнодорожных путей. Затем на железнодорожных магистралях противника была проведена еще одна такая операция.

Советский тыл продолжал наращивать свои усилия. Во всю свою исполинскую мощь работали на войну индустриальные центры Урала и Сибири. Не было дня, чтобы советская печать наряду с информацией о подвигах на фронтах не сообщала о трудовых победах. В истории войны засвидетельствован трудовой подвиг шахтеров Исфаринских копей, которые в ознаменование освобождения Харькова к 23 августа сорок третьего года выполнили годовой план добычи угля.

Решающие победы сорок третьего года имели большое международное значение.

Активизировалась освободительная борьба народов Европы. Мужественно сражались с фашистскими захватчиками партизанские армии Югославии. Росло сопротивление гитлеризму всех антифашистских сил мира.

Победа под Курском сорвала проведение в жизнь одной из новых агрессивных операций Гитлера, которой предусматривался захват нейтральной Швеции. Она осталась свободной, и в этом заслуга тех советских бойцов, павших и живых, которые разгромили фашистов на Курской дуге.

Наши союзники полностью овладели Северной Африкой и заняли южную часть Италии.

Сорок третий год навсегда похоронил упования фашизма на победу вермахта. Красная Армия, обретя колоссальную силу в жестокой борьбе, стала самой могучей воинской силой мира. Плечом к плечу с ней ста-

новились соединения и части народно-освободительных армий оккупированных фашистами стран. В труднейший момент зимней кампании 1942/43 года в окрестностях деревни Соколово вступил в бой с гитлеровцами сформированный на территории СССР чехословацкий батальон под командованием полковника Л. Свободы. Под деревней Ленино на белорусской земле приняла боевое крещение польская дивизия имени Тадеуша Костюшко. В первых же боях солдаты и офицеры дивизии проявили высокий героизм. Трое самых отважных из них стали Героями Советского Союза.

К концу сорок третьего года Красная Армия в кровопролитных боях на всем фронте от Балтийского до Черного моря освободила от захватчиков огромные территории Родины и вышла на линию Нарва — Псков — Витебск — Мозырь — Фастов — Знаменка — Запорожье — Херсон.

Советский народ и его армию ждали новые трудные бои и новые победы.

Апрель, 1975 г.

Анатолий АНАНЬЕВ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Помню, как вставало солнце над зелеными полями хлопчатника, когда мы, учащиеся сельскохозяйственного техникума, кетменями рыхлили сырую, нами же накануне политую землю, и первые лучи падали на наши согнутые, черные от загара мальчишеские спины. И ощущение тепла, ласки и свежести, и вид потных лоснившихся спин, и зеленые шапки тутовых насаждений впереди, где кончались ряды хлопчатника и где можно было остановиться и отдохнуть,— все-все до сих пор живет во мне, как неповторимое воспоминание военных лет. Помню, как солнце всходило над казармами военного училища, над широким плацем, куда мы, курсанты-артиллеристы, вчерашние школьники, выбегали по утрам в галифе и обмотках и под команду старшины делали зарядку. Иногда дивизион поднимали до восхода солнца, и мы побатарейно, строем бежали по булыжным мостовым. Старые ферганцы помнят ту весну сорок третьего года, когда жара начиналась еще на рассвете. Нам только казалось, что город спал. Топот сотен армейских ног заставлял людей выходить за калитки, и я помню озабоченные лица; они смотрели на нас с тревогою и надеждой. Помню я, как вставало солнце, когда мы получали первые уроки военной науки — раз за разом штурмовали заранее обозначенные цели, брали их с ходу, лобовой атакой, обходили справа, слева, накрывали огнем и снова, пригнувшись, бросались вперед, били прямой наводкой по наползавшим на нас фанерным макетам танков. Они разлетались в щепки, и мы ликовали, глядя на огненные фейерверки.

А на фронтах царило затишье.

Тогда мы не знали еще, что гитлеровцы готовили операцию «Цитадель», что назревало одно из самых грандиозных сражений войны — Курская битва, что на два фаса Курского выступа, южный и северный, фашисты стягивали отборные дивизии и что вся промышленность порабощенной ими Европы уже работала на предстоящую битву. Здесь, под Орлом и Белгородом, на древней русской земле было затем взорвано столько металла, что и теперь, тридцать лет спустя, встречаются на полях осколки и пули. Под Понырями и Ольховаткой, где мне пришлось принять боевое крещение, в каждой горсти зачерпнутой с поля земли непременно отыщется осколок — шершавый, поржавевший, маленький или большой, одинаково несший смерть.

Мы, я имею в виду курсантов военного училища, не знали тогда, что назревала Курская битва, и с утра до ночи то сидели в аудиториях, познавая теорию стрельбы, то выезжали на тактические занятия. Мы слышали, что на вооружении у гитлеровцев появились «тигры», «пантеры» и «фердинанды», и изучали их уязвимые места.

Однажды наш дивизион отозвали с занятий раньше обычного, выстроили на плацу перед казармами, и командир сказал, что те, кто хочет досрочно окончить училище, пусть сделают два шага вперед. Все мы тогда жили одним желанием — попасть на фронт. Дивизион шагнул вперед. Отобрали отличников. Через две недели ряды курсантов снова стояли на плацу, и начальник училища зачитывал приказ о присвоении звания младших лейтенантов. Несколько часов спустя поезд вез нас через пески на запад.

Когда началась Курская битва, 20-я отдельная Сталинградская истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, в которой нам предстояло служить, 8 июля погрузилась в эшелоны, а 12-го под Понырями вступила в схватку с врагом. Мы, младшие лейтенанты, выпускники военного училища, прибыли на Центральный фронт, когда бои были уже в разгаре. Авраменко получил направление в 206-й полк, а я и Александров — в 1184-й. Ехали через Курск. Город бомбили, он лежал

в руинах. Неподалеку от путей находились последние окопы, куда враг дошел в своем предыдущем наступлении, и мы отправились посмотреть их. Стояли молча, никто не произносил клятв. За несколько часов до своего первого боя мы смотрели на вражеский след, оставленный в родной земле, и еще не знали, что отсюда начинался наш победный солдатский путь, через годы и через пространства, до тех фашистских окопов под маленьким австрийским городком Пургшталь, где последний оборонявшийся гитлеровец бросил автомат и поднял вверх руки.

В этих заметках я не стану рассказывать, как начиналась и протекала Курская битва, как были спланированы и осуществлены удары артиллерийской контрподготовки, как наши части, обороняя каждый метр земли, изматывали, истощали противника и затем перешли в решительное наступление, которое в конце концов завершилось штурмом рейхстага... Все это описано в трудах по военной истории, в мемуарах прославленных советских полководцев. Как командир огневого взвода 3-й истребительной противотанковой батареи, которой командовал старший лейтенант Аноприенко, я видел только то, что делалось вокруг меня: сто метров впереди, сто метров влево и сто вправо, видел вражеские танки, как они волна за волной надвигались на батарею и как стреляли по ним орудия взвода. Я не вел дневников, потому что нам на переднем крае не разрешалось вести их; не вел еще и потому (если бы разрешалось), что не думал стать писателем и что со временем записи пригодятся. Все, о чем сейчас пишу, пишу только по памяти. Как все бойцы во взводе и на батарее, я жил лишь минутой боя, поединком, вернее, поединками с вражескими танками. Первым орудием командовал старший сержант Приходченко, а наводчиком у него был двадцатилетний младший сержант Мальцев. Вторым орудием командовал старший сержант Ляпин. Они были уже испытанными бойцами-сталинградцами и бесстрашно встречали танки врага. Я хорошо помню, что перед нами простиралось полувыжженное, изрытое воронками гречишное поле и виднелась роща, из которой как раз и выползали танки. Это была

отчаянная атака гитлеровцев, все еще надеявшихся прорваться к Курску. Она началась под вечер, и надвигавшиеся танки сливались с черной и дымившейся землей, так что их нельзя было сосчитать. Собственно, считать было некогда. Я видел только те «тигры», которые направлялись на позиции взвода. На них смотрели Приходченко и Ляпин, застывшие у орудий. В поединке с танками иногда решает мгновение — кто первый сделает выстрел. Мгновение это определить трудно, почти невозможно, но какое-то десятое чувство помогает тебе в минуту опасности. С «тигром», который двигался на нас, будто что-то случилось: неожиданно он как бы клюнул носом; теперь-то я знаю: он просто-напросто попал в воронку и затем, выползая, обнажил днище. Приходченко не упустил мгновения. «Огонь!» — и вот уже вскинулась желтая трасса, и почти тут же вспыхнул сперва маленький, еле заметный огонек под днищем танка, а затем весь танк схватился огнем и черным дымом. Но за этим, подбитым, показался второй, третий... Слева от нашей батареи еще более ожесточенно дралась батарея старшего лейтенанта Радиловского, а дальше — батарея старшего лейтенанта Казакевича, попавшая в особенно тяжелое положение. Ее почти окружили фашистские машины. Когда Казакевич был ранен, командование батареей принял лейтенант Гончаренко, и фашисты не прошли в тот вечер через оборону полка. Атака их захлебнулась, как захлебнулась вся операция «Цитадель»...

Довелось мне снова побывать на курской земле, у последних окопов. Перед нами расстилались хлеба.

Что-то святое, особое возникает в душе, когда человек стоит перед хлебным полем; такое чувство, будто перед тобою нерукотворный памятник труда и жизни. Но есть хлеб насущный, и есть хлеб духовный — наша героическая история, в которой отразились величие народа, его путь к светлой, прекрасной цели.

Хлебное поле, перед которым мы стояли, виделось мне в двойном измерении, и я снова и снова, уже мысленно, склоняю перед ним голову.

Июль, 1973 г.

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

С ПРЕДВИДЕНИЕМ ВСТРЕЧНОГО БОЯ...

Танковая часть формировалась у деревни Кузьминки. Сейчас это Москва — многоэтажные дома, парк вокруг пруда. А тогда здесь начинался глухой лес, тянувшийся чуть ли не до самого Мурома. В первые послевоенные годы он часто снился мне, этот лес, и однажды я вернулся туда. Бревенчатые накаты к тому времени уже разобрали, но сами землянки еще не осыпались. Землянку нашей роты найти было легко: крайняя у пруда. Нашел я и место, где когда-то стояли танки. Сейчас, конечно, от всего этого не осталось и следа.

Зимой 1943 года огромный заснеженный пустырь, отделявший лес от ближайшей железнодорожной станции, служил танковым полигоном. Поднимая снежную пыль, грозно покачивая стволами орудий, Т-34 разворачивались на пустыре «в атаку». И вдруг от их лобовой брони отделялся язык жаркого пламени. Становясь все шире и плотнее, огненная лента летела на десятки метров впереди танка, сжигая и плавя все на своем пути. Это стрелял мощный огнемет, которым были вооружены наши танки.

На башнях «тридцатьчетверок» можно было прочитать надпись: «Хабаровский комсомолец».

Хабаровские комсомольцы первыми среди комсомольских организаций страны выступили с инициативой сбора средств на вооружение Красной Армии. 4 ноября 1941 года в Хабаровской конторе Госбанка, во всех областных, городских, районных отделениях был открыт специальный счет № 160/9085.

Это был массовый подвиг молодежи тыла, но тогда это казалось делом естественным. Недоедали, недосыпали, мерзли, сутками не покидали рабочих мест, но вместо того чтобы купить семье ведро картошки или вязанку дров, отдавали часть зарплаты, а то и всю ее в фонд помощи фронту.

— Никто не стоял в стороне,— вспоминают сейчас хабаровцы.— Рыбаки ульчи и нанайцы передавали в фонд лучшие уловы. Охотники эвены сдавали пушнину. Немалые суммы перечисляли молодые оленеводы. Только комсомольцы Нижнего Амура и Охотского побережья внесли около полумиллиона рублей, за что получили благодарность Верховного Главнокомандующего.

Свыше 50 миллионов рублей собрали хабаровские комсомольцы.

Вот из каких танков формировался батальон в подмосковном лесу у деревни Кузьминки!

Зачисленный в резерв Верховного Главнокомандования, 516-й Отдельный огнеметный танковый батальон ждал своего часа. И этот час наступил летом 1943 года, когда Южный фронт перешел в наступление на реке Миус в Донбассе. Это было тяжелое, кровопролитное сражение. Дважды атаковали наши войска вражеские укрепления, названные оккупантами «Миус-фронтом», и дважды отходили назад. «Миус-фронт» колоссаль,— хвастались фашисты.— Здесь Ивану капут!»

«Миус-фронт» обороняла 6-я армия Манштейна. Гитлер создал ее взамен 6-й армии Паулюса, погибшей в Сталинградском кольце. Манштейну было приказано отомстить за Сталинград.

Ударной силой 6-й армии были танковые дивизии СС «Райх» и «Мертвая голова». Их радисты, настроившись на нашу волну, кричали: «Сталинградцы, на этот раз мы вас прикончим». Они адресовали свои угрозы 4-му гвардейскому Сталинградскому мехкорпусу, в который влился наш батальон огнеметных танков.

Душным августовским вечером офицер связи привез из штаба корпуса приказ о рейде в тыл врага. Начальник штаба батальона капитан Осипов светил на карту фонариком. Красный карандаш офицера связи скользнул по карте на запад и неожиданно круто опустил крас-

ную стрелу на юг, до самого Азовского моря, западнее оккупированного Таганрога. «С предвидением встречного боя...» — говорилось в приказе.

В полночь, сбив заслоны противника, батальон прорвался в тыл «Миус-фронту». На броне танков сидели десантники. Следом спешили машины с мотопехотой. Где-то левее, невидимые в темноте, переводили на рысь своих коней кубанские казаки генерала Кириченко. Расширяя прорыв, на степные просторы Приазовья выходили два гвардейских корпуса — механизированный и кавалерийский.

О прорыве доложили Гитлеру. Обеспокоенный, он в тот же день прилетел из Берлина в Винницу и вызвал на совещание Манштейна. Фельдмаршал просил у фюрера 12 свежих дивизий. Гитлер обещал перебросить их из Европы.

Красной разящей стрелой падало возмездие на голову оккупантов. И на самом острие этой стрелы шли огнеметные танки с надписью на броне: «Хабаровский комсомолец».

Майор Литвиненко стремительно вел батальон все дальше и дальше в тыл врага. Это был нелегкий рейд. Немецкие самолеты тучами висели над прорвавшимися войсками. Горели танки. Горела степь. Солнце вставало в дыму и садилось в дым.

Август стоял на редкость жаркий. Танковые гусеницы, бомбы и снаряды поднимали пыль до самых небес. Не видно было даже сигнальных ракет. Пыль и соленый пот разъедали глаза. От зноя и жажды до крови трескались губы. И не было времени остановиться попить. И давно уже отстали полевые кухни...

В бою за Покрово-Киреевку отличился командир взвода лейтенант Валиуллин — худощавый, подтянутый, быстрый, как ртуть, татарин из Оренбургской области. Он загнал в балку и раздавил своим танком шесть автомашин противника. Одна из них оказалась штабной. Из-под ее обломков извлекли знамя фашистской части. На другой день в бою за хутор Сердюк танк Валиуллина был подбит...

Я там был недавно. Хутора уже нет. На его месте вырыт большой водоем. Рыбаки на берегу сидят, цапли

бродят. Тишина. Полынью пахнет. А я закрыл глаза и снова увидел и услышал, как раненый танк Валиуллина огнем отгоняет фашистских автоматчиков, прикрывает собой некстати оказавшийся здесь штаб какой-то нашей мотострелковой части.

...И снова рывок на юг, снова встречный бой, яростный и короткий, как удар молнии. Екатериновка... Григорьевка... Федоровка... Это уже Ростовская область.

Руки женщин и стариков, протянутые навстречу танкам: «Сынки! Родные! Наши! Наши пришли!» — и то ли пот, то ли слезы на впалых щеках танкистов.

И уже близко Азовское море.

Приморское село Весело-Вознесенку тоже атаковали с марша. Было это на заходе солнца. Майор Литвиненко флажками просигналил командирам рот: «Делай, как я!» Он знал, что они не подведут. Он учил их под Москвой, с боями довел до Азовского моря и сейчас снова подавал им пример отваги и воинского мастерства.

Навстречу мчались вражеские танки. На сельской площади лоб в лоб встретились Т-34 и танк со свастикой. Одновременно выстрелили. Немецкий танк загорелся. Но выпущенный им снаряд пробил лобовую броню нашего танка и смертельно ранил механика-водителя Николая Дернового.

«Танковый бой много раз и описывался, и снимался в кино. И все же передать весь накал и всю ярость его, думаю,— дело почти невозможное». Эти слова принадлежат маршалу бронетанковых войск Герою Советского Союза П. П. Полубоярову.

Как же мне рассказать о 20-минутном бое за Весело-Вознесенку?

Перед взором моим встают уже размытые временем лица однополчан. Я скажу о них теми же словами, которые сказал выше о хабаровских комсомольцах: это был массовый подвиг, но тогда это казалось делом естественным.

Майор Литвиненко в этом последнем для него бою меткими выстрелами поджег немецкий танк, самоходное орудие «фердинанд», уничтожил противотанковую и зенитную пушки, но сам попал под огонь вражеской батареи. Раненый механик-водитель И. Боженков не оста-

вил истекающего кровью, обожженного командира батальона. Они отстреливались из пистолетов, пока не подоспели свои. Два члена экипажа — лейтенант Василий Герасименко и сержант Василий Андреев погибли в сгоревшем танке.

Раненые командиры рот Василий Ружечко и Василий Хорощенко не покинули свои боевые машины. Не оставил танка и лейтенант Алексей Григорьев. Умирая, он продолжал вести огонь из подбитой машины...

Умер, но не подпустил фашистов к своему танку огнеметчик Иван Вахминцев. Если бы не его мужество, плохо было бы экипажу, под огнем менявшему траки на порванной снарядом гусенице. «Ваня! Готово! Лезь в люк!» — крикнул, наконец, командир машины. Но Ваня не откликнулся, не поднял с земли головы...

По-южному быстро опустившаяся темнота прервала бой. Под ее покровом вражеские танки бежали из села. Пехота противника отошла на южную окраину. Ее еще предстояло выбивать оттуда на рассвете. Но главное было сделано: последняя дорога на запад перерезана. Таганрогская группировка врага оказалась в ловушке.

Удиравшие из Таганрога фашисты на полном ходу въезжали в Весело-Вознесенку, не зная, что село уже занято советскими танками. Их тут же разоружали. К полудню враги поняли, что путь на запад закрыт, как горлышко бутылки пробкой. И они решили эту пробку выбить во что бы то ни стало. Так батальон попал в окружение. Да и не батальон уже, а то, что осталось от него и полуроты смертельно уставших десантников.

В танках не осталось ни одной исправной рации. Четверо получили приказ пробиться сквозь кольцо окружения и доложить командованию корпуса обстановку. Один был убит. Двое, раненные, контуженные, едва не попавшие в плен, вернулись и доложили: «Пройти невозможно». Техник-лейтенант Н. В. Зерницкий, бывший учитель черчения из Москвы, скромный, тихий, неразговорчивый человек, отказался вернуться. «Безумец! Пропадешь!» — говорили ему те двое. Он молча махнул рукой и, сутулясь, ушел в темноту. И он прошел. Начальник штаба корпуса генерал Жданов долго не мог

поверить, что перед ним «человек оттуда, с побережья». А потом расцеловал рано поседевшего техника-лейтенанта и тяжело задумался. «Жалко ребят,— сказал он наконец со вздохом,— но сегодня мне им нечем помочь».

А тем временем батальон отбивал уже восьмую или девятую атаку. Он как бы обрел второе дыхание. Пленные рассказывали: их офицеры не могут понять, откуда у русских свежие силы. А секрет был прост. За оружие взялись жители села. В первую же ночь после освобождения свыше двухсот мужчин и женщин Весело-Вознесенки стали ополченцами. Руководил ими 22-летний комсомолец Александр Дорофеенко. Вскоре он погиб, как и многие его земляки...

Однажды вдруг смолкла стрельба, и в наступившей тишине стало слышно, как в саду заворковала горлица. А потом донеслись бабий вой, как по мертвым, и рыдания детей. Страшная картина открылась танкистам: эсэсовцы гнали на наши танки толпу женщин, детей и стариков. Сзади три верблюда волокли противотанковые пушки.

У многих в эту минуту дрогнули сердца. Но овладели собой танкисты. Ведомые капитаном П. Дратованым, стремительно и умело зашли фашистам во фланги, отсекли их от толпы и сожгли огнеметами вместе с пушками.

...Помощь пришла на четвертые сутки, и шесть танков — все, что осталось от батальона,— вместе с 36-й гвардейской танковой бригадой ринулись вдогонку противнику.

А Весело-Вознесенку, красивое, хлебосольное, героическое село, которое после войны снилось мне так же часто, как и тот подмосковный лес, где формировался наш батальон, я узнал и не узнал. Но дрогнуло и гулко застучало сердце, когда до слуха донеслось воркование горлицы. Она ворковала где-то рядом с памятником лейтенанту Григорьеву. И странный вихрь чувств обрушился на меня, подхватил и понес в прошлое, чтобы снова изведал я боль утрат, горькую печаль и пронзительную радость тех далеких дней.

Октябрь, 1978 г.

Виктор БЕЛОУСОВ

ГРОМЫ КУРСКОЙ ДУГИ

Не в каждом языке есть буква «ы». Тогда наборные машины мира ищут нечто созвучное. В латинском шрифте, в арабской вязи, в японских иероглифах и не узнаешь наши Поныри — поселок и станцию под Курском. Местные жители говорят, будто Поныри оттого, что некогда по топкой ныри пробиралась тут в Таврию карета Екатерины. Но не тихоходная царская карета ввезла Поныри в историю. Они вошли в нее под рев моторов, лязг гусениц, оглушительные взрывы и всепожирающий огонь в дни Курской битвы.

Тогда нашему собеседнику было девятнадцать. Спрашивать его о нынешнем роде занятий не требуется: свисающий с плеча длиннющий кнут говорит сам за себя. Николай Федорович Лепин пасет колхозных коров.

— У, лежебоки! — ворчит он в их сторону.— По такой траве могли бы давать и поболе. Вот я вас...

Он берется за кнут, но лишь для того, чтобы показать черенком на поляну:

— А тут-то я воевал.

Все у него сошлось под Понырями. Его дом. Луг, где он пасет. Его поле боя. И какого боя!

Он просит задавать вопросы погромче: плоховато слышит. Годы берут свое? Нет. Тогда оглушило, молоденьким. Пастуху не привыкать быть под грозой. Захватит в открытом поле, засверкает, загрохочет, ухнет в полнеба. Но куда тем раскатам природы до грома, что сотрясал тут землю в третье лето войны.

— Думал, и не отойду,— вспоминает Николай Федорович.— Не услышу уж нашего курского соловья. Во

гром был. Он же хотел поквитаться за Сталинград. Все сюда стянул, чтоб уж наверняка.

Вряд ли пастух обращается к учебникам истории. Он объясняет, как старый солдат. Но у солдата, видать, были хорошие политработники. Готовя окоп, он знал его место не только на трехверстке комбата. Он знал его место на карте мира. Сражение под Курском обещало стать не просто очередным крупным столкновением воюющих сторон. За несколько часов до битвы немецким солдатам объявили приказ фюрера. В нем говорилось: «И вы должны знать, что от успеха этого сражения может зависеть все». Фашистские заправилы любили преувеличивать. Но тогда Гитлер сказал, что думал. Под Сталинградом он потерял не только ударную армию. Вермахт потерял стратегическую инициативу. Упал дух немецких войск. Еще мрачнее стало в германском тылу. Союзники фашистской Германии уже откровенно косили глаза на спасительные кусты. А наши дивизии продолжали теснить противника на юго-западном крыле огромного фронта. После Сталинграда в феврале сорок третьего мы освободили Белгород и Харьков.

Однако в марте и Белгород, и Харьков снова оказались в руках фашистов. Лихорадочный контрудар в самое неподходящее время, когда поле покрыто водянистым снегом, выдал нетерпение врага восстановить меркнущую славу германского оружия. Но для решающей схватки надо было собрать силы. Зуд реванша пришлось сдерживать до лета.

Место предстоящего удара определилось еще весной. Его подсказывал сам контур линии фронта. От Ладоги до Черного моря она шла чуть ли не по линейке и лишь между Орлом и Белгородом резко выдавалась вперед. Эдакий кулак у самой груди армий рейха. Еще нажим — и затрещат ребра.

Однако фашистское командование видело не только выгодность позиций нашей стороны, но и их уязвимость. Ведь это готовый мешок, в который сами вошли советские армии. Теперь надо лишь перехватить горловину. Так в гитлеровской ставке возник замысел двух концентрических ударов: вниз от Орла и вверх от Белгорода до встречи наступающих группировок под Кур-

ском. Тем самым, считал Гитлер, свершится невиданное в истории войн окружение, и тогда весь мир окончательно поймет, что «оказывать какое бы то ни было сопротивление немецкой армии в конечном итоге бесполезно». Цель операции «Цитадель» была сформулирована. С орудий сбрасывали чехлы.

Для советского командования план противника не был неожиданностью. Его разгадали точно и своевременно. Оставался вопрос: как ответить? Упредить врага собственным наступлением? Или противопоставить его наступлению мощную оборону? На укрепленных рубежах хорошенько потрепать его, выбить побольше танков, самолетов и уже тогда самим рвануться вперед... Так было и решено. Войска готовились к трудному лету. А крестьяне прифронтового Прохоровского района сеяли хлеб. И все надежды на женщин да подростков. Тягловая сила — корова. Мешки с семенами пришлось нести на загорбке за девяносто верст. Председатель райисполкома Игнат Николаевич Ефименко ободрял сельщиков словами, услышанными от члена Военного совета фронта генерала Л. Корнийца: «Передайте селянам, що груши будем исты на Украине». Такое настроение армии придало новые силы, которые нужны были и на сев, и на рытье окопов.

На переднем крае рыли землю солдаты. А за передним в глубь на 250—300 километров шло еще семь оборонительных поясов, чтобы, пробив одну брешь, враг наткнулся на новый заслон. Уже после битвы подсчитают все километры этих траншей, ходов сообщения и ахнут: «Ого!» Получилось — от Москвы до Владивостока.

Солдаты готовились встретить наступление врага. Их окопы утюжили свои танки, и, не успев отряхнуть осыпь земли, солдат швырял вслед им деревянные болванки. Солдаты читали инструкции, куда лучше метить, чтобы подбить еще ни разу не виданный ими новый фашистский танк «тигр». А за спиной войск росло бессонное рукоделие сотен тысяч крестьянок и горожанок — траншеи, эскарпы, окопы...

Масштабы надвигающихся событий трудно было охватить даже человеку осведомленному. Рассказывают,

секретарю Курского обкома партии позвонил маршал. Он просил помочь с подвозом для армии, так как тылы ее не поспели за передовыми частями. Секретарь обещал выставить несколько сот подвод. Собрать столько в разоренной области да еще в посевную было нелегко. Но маршал воскликнул: «Это же капля в море!»

Теперь, когда известны цифры, видишь: действительно, капля. Как выразился старый фронтовик, под Курск «выскочило» три фронта. В этом глаголе вся спешность переброски на Курскую дугу Донского фронта Рокоссовского, ставшего Центральным, и Воронежского — генерала Ватутина, и сосредоточенного у них за спиной резервного Степного фронта генерала Конева. Более 1 300 000 солдат, свыше 19 000 орудийных и минометных стволов, без малого 3500 танков и самоходок, 2172 самолета — все это надо снабдить, прокормить... Что тут сотня-другая подвод! А поезда, что сегодня провожаем мы на Курском вокзале, не могли дойти сюда: у немцев был Орел. Донбасская же дорога пролегала в тылах. Государственный Комитет Обороны решает срочно сделать от нее перемычку Старый Оскол — Ржава. Военные железнодорожники понимали важность задания. Они запросили два месяца. ГКО согласился.

А железнодорожный участок был готов в месяц. Никто не открыл дополнительного резерва. Казалось, подсчитали, учли все: и число жителей, которые колоннами придут на стройку во главе с секретарями райкомов, и опыт испытанных железнодорожных солдат. Но кто мог предсказать костистого старика, что явится на стройку сам по себе? Командир роты лейтенант Сидоренко грешным делом заподозрил: не иначе, решил старый, что армия взяла помощников на свою кашу. Зря тогда плелся дед, здесь каждый жует свое. Но старик скинул тряпицу с ящика в руке и стал выкладывать инструменты: «Вот, не гони. Кто тебе лопаты повострит? Бабы?»

Еще помнит лейтенант девочку, что бродила среди людей, не разжимая кулачка, и все спрашивала: «А мамка моя где?» Наконец нашла. «Ну, умница,— разогнула спину мать.— Поесть мне принесла?» И тут девочка

разжала пальцы. Там лежал не сухарь и не остывшая картофелина. Похоронка. Женщина уцепилась за лопату, и та оседала все глубже под тяжестью свалившегося на нее горя. Но вот она сняла с себя фартук, вытерла им глаза и протянула фартук девочке: «Будешь землю в нем таскать. Для насыпи. А выплачемся, дочка, дома».

В тот день Сидоренко подал заявление в партию.

И уж не уйдут из памяти лейтенанта свои солдаты, забывшие о сне. Но сон все же настигал их. И тогда командир распорядился: кто работает на мосту — привяжись, чтобы не сорваться, забывшись на минуту. Где ты была, камера кинооператора? Спит на мосту привязанный солдат, его топор упал на настил, а руки и во сне все ходят в пустом воздухе, все строят дорогу, которую ждет фронт.

Истории эти я услышал в Прохоровке от бывшего лейтенанта 19-й железнодорожной бригады Макара Андреевича Сидоренко.

С дорогой спешили к началу битвы. А когда оно, начало,— никто не знал. Даже генералы Гитлера. Фюрер переносил сроки. Ждал, когда под Курск уйдет трехсотый «тигр», когда прояснится, что союзники русских опять притормаживают со вторым фронтом, и можно безбоязненно перебросить туда еще несколько соединений. Хотя и без того на каждые четыре километра Курской дуги уже стояло по танковой дивизии.

Но когда эта мощь придет в движение?! Хорошо, что разгадан замысел врага, направление его удара. Теперь нужно узнать день и час. Каждую ночь разведчики получали задание — свежий «язык»!

Ребятам капитана Савинова долго не везло. Вместо «языка» они приносили на плащ-палатке тела товарищей. Та, ощерившаяся сторона не собиралась дарить свои секреты. В ночь на 5 июля в поиск ушла группа лейтенанта Мелешникова. Снова перестрелка в ничейной зоне, и до траншеи боевого охранения долетело: «Есть фриц!» Не кричать бы разведчикам. Но вырвалось. Чтоб прикрыли, дали выползти. Ведь попался из фрицев фриц. Ему еще не успели зажать рот, как он выпалил: «Фрю морген» — рано утром! О, с какой бы-

стротой вели его по ходам сообщения в штаб. И капитаны будили ночным звонком полковников, а те поднимали генералов. «Фрю морген!» Откуда он знает? Говорит, вечером им огласили приказ Гитлера. И выдали сухой паек на пять суток. Понимай так: на шестые они рассчитывают на горячее в курском ресторане.

Горячее им доставили «на дом». На рассвете. Наша артиллерия. Генералы Рокоссовский и Ватутин решили упредить артподготовку противника огнем своих батарей. Представитель Ставки маршал Жуков согласился. Есть на войне особое мужество полководца — принять решение при минимуме известных. Если новых сведений ждать некогда. Никто не гарантировал, что пленный не подставлен специально.

Снаряды накрыли позиции, с которых вот-вот должна была сорваться лавина фашистского наступления.

Продолжить начатое артиллерией поднялась авиация. И так неожиданно прозвучало в сегодняшнем Белгороде признание:

— Мы не выполнили задачу.

За окном давно высыпали звезды. Город отходил ко сну. А здесь, у диспетчерского пульта, человек нес вахту. Комплектация строек КМА не может обходиться одной сменой. На пиджаке диспетчера поблескивала Золотая Звезда Героя Советского Союза.

— Вернее, не полностью выполнили,— уточняет Григорий Тимофеевич Лёвин.— После артиллерии все было в огне и дыму, цели не видно. Стали снижаться — чуть не задохнулись: нечем дышать от гари. Это в воздухе. Представьте, что творилось на земле.

На земле было смятение. Тщательно спланированное наступление началось с опозданием на два с половиной часа и с сознанием, что тайна его раскрыта.

Но тем яростнее был их натиск. Среди командующих мы видим того Манштейна, что не смог выручить Паулюса под Сталинградом, того Гота, который едва унес ноги оттуда. Как известно, за поражение под Москвой Гитлер отстранил кучу генералов. Теперь он давал им шанс оправдаться. Фельдмаршал Манштейн знал: под Курском те же маршалы Жуков и Василевский, которые переиграли его под Сталинградом. Что ж, они переигра-

ли его по снегу. Он покажет, что такое искусство полководца на зеленом просторе земли. Еще не было в войну такого лета, чтобы немецкая машина не продвинулась на сотни верст.

Лето пришло. Западные историки, и особенно битые вояки, давно делают упор на наше численное превосходство под Курском. «В семь раз!» — причитает Манштейн. Воистину, у страха глаза велики. Да, у нас было всего больше, но даже не вдвое. Только это превосходство не упало к нам с неба и не поступило в заморской посылке. Его выковал сам народ в неимоверно тяжких условиях, от измотанного наркома до фэзэушника, который, работая на станке, подставлял под ноги ящик.

И второе надо помнить, чтобы лучше уяснить картину битвы. Надежда решить задачу в пять-шесть дней — тот же вывих на блицмолниеносности — заставила Гитлера пустить в дело сразу все наличные силы. Наши соединения были рассредоточены, многое до поры стояло в резерве. И в первое утро наступления одной нашей дивизии порой приходилось отбиваться от четырех, вооруженных «тиграми», «пантерами», «фердинандами».

Кто стоял против «тигров», говорит: «Мощный зверюга». И солдат вермахта топал за стальными чудищами, все еще веруя в свое право сильного повелевать другими и в заклинания Геббельса: «Победа близка. Остается ухватить ее за хвост».

Да, у фашистов была грозная сила. Тем выше подвиг советского воина.

Кого выделить, какую нашу дивизию отметить особо? Нет такой единственной дивизии, нет такого единственного солдата. Человек сбил в одном воздушном бою девять самолетов — чего не было прежде и не повторится потом, но портрет лейтенанта Александра Горовца не обошел тогда газеты. О нем заговорили уже после войны, когда обнаружили обломки самолета героя. За подвигами в пылу битвы не успевали следить. Здесь донесения о прошедшем дне похожи на клятвы. Вот комбриг радирует командарму: «1-я и 7-я батареи мужественно погибли, но не отступили ни на шаг. Уничтожено 40 танков...»

Две раздавленные батареи, а перед ними сорок битых танков. И темп продвижения — шесть километров в день. Враг задергался. А если взять левее? А попробовать правее? Он ищет слабое место, молотит армадой новых «хеншелей» с воздуха, таранит эсэсовским танковым клином на земле. На исходе отпущенное на окружение время, а со стороны Белгорода одолено лишь 35 километров, со стороны Орла — 12.

Колосились так трудно сеянные хлеба под Прохоровкой. Не ведая, что обмолачивать их будут гусеницами танков.

Жителям деревни Прелестное полдень 12 июля помнится в тумане. Только это был не тихий молочный туман луговых низин. Июльский туман грохотал. Его породили взрывы. Не прорвавшись на Обоянь, Манштейн все танки и самоходки повернул на поле между Прохоровкой и Прелестным. Их было более семисот. А полю помнится — тысяча двести. Генерал Ротмистров привел сюда свою армию. Завязалось крупнейшее в истории войн встречное танковое сражение.

Перебираю записи с рассказами танкистов. Одни из них — о северном фасе дуги, о Понырях, у Рокоссовского, другие — о южном фасе, о Прохоровке, у Ватутина. Рассказы похожи.

Не думал, что в Курске встречу человека, знакомого еще по довоенному отрывному календарю. Там на одном из листков был снимок танкистов — братьев Михеевых из одного экипажа.

Под Понырями Владимир Дмитриевич Михеев был заместителем командира танкового полка. Послушаем его:

— Снаряды брали насыпом. В таком бою нормой не обойдешься. Орудия раскалялись до того, что ребята теряли сознание.

Герой Советского Союза Анатолий Григорьевич Ачкасов был на Прохоровском поле:

— Он горит, и ты горишь. Выскочили из машины: на тебе языки пламени, и он в пламени. И к ручью, кто кого перегонит. Плюхнулись в воду, обернулись друг к дружке лицом. И сцепились. Тут же, в ручье. «Врешь, гад, захлебнешься!»

Захлебнулся не только этот в ручье. На исходе недели захлебнулось фашистское наступление. И без паузы в наступление перешли наши. На Орел. На Белгород.

А на Прохоровское поле председатель райисполкома Ефименко привел женщин. Здесь нечего было тогда делать серпу. На поле собирали партийные и комсомольские билеты.

— Знаешь, что такое чувал? — спрашивает этот старый коммунист.— Чувал — не просто мешок. Это очень большой мешок. Так вот... Пять чувалов собрали. Я их тогда в политотдел сдал. Вот об это он лоб расшиб. Уж потом о броню и прочее...

А у входа в маленький музей в Понырях терпеливо ждал конца экскурсии голубоглазый мальчонка в испачканной майке. Мне он объяснил: это не грязь, это от снаряда. Брат вчера выпахал. И первоклассник Саша Ампилогов показал на огромную, ростом с него, гильзу, которую он притащил из деревни в музей.

Недавно вот так принесли ордена Красной Звезды со сколотой эмалью. Пока они лежат под стеклом с таким пояснением: «Награды неустановленных героев Курской битвы». Но прочитаны номера орденов: 1085142, 728934, 547300.

Выходят экскурсанты, московские школьники. У кого-то магнитофон. И над боярышником Понырей летит знакомый, с хрипотцой голос: «В сорок третьем под Курском я был старшиной, за моею спиною такое...»

Трудно передать, что за этой спиной. И старшины, и рядового, и генерала с Курской дуги. Но хорошо известно, что было впереди, куда повела дорога от Понырей и где и чем она завершилась.

Под Понырями стреляет сегодня в руках солдата кнут пастуха. Мы — за такую стрельбу на земле. И не устанем повторять это. И готовы поклясться и своим Сталинградом, и своим Курском. Но и напомнить Сталинградом и Курском, чем кончает тот, кто ставит на силу, а не на разум. А разум внушает: истребимы боеголовки, неистребим курский соловей.

Июль, 1983 г.

Вадим ДАНИЛОВ,
Александр МУРЗИН

КОМАНДИР, СЫН КОМАНДИРА

Солнце вставало за спиной, поэтому с рассветом на высоте 123,6 отчетливо виднелись каждая из воронок, повороты траншей, обломки сбитого еще летом самолета и наполовину ушедший в землю комбайн. Командир отделения автоматчиков Георгий Григоров, приподнявшись над бруствером, смотрел туда, где вчера залег второй батальон. Сегодня предстояло продолжить атаку.

— Каску надень! — услышал Георгий за спиной голос командира роты и едва успел выполнить приказ, как в траншее появился начальник штаба полка. Остановился возле Григорова.

— Все уяснил?

— Так точно, товарищ майор!

— Пригнись, командир! — глухо прикрикнул начальник штаба.— Взвод ваш первым пойдет. Смотри, чтоб без лишнего нахальства... Главное — миновать рубеж, где комбайн, а там полегче будет.

Он встал и, взяв Георгия за локоть, устало поглядел в его глаза.

— В общем, действуй и с умом, и лихо. Парень ты неглупый...

...От артиллерийского удара дрогнула земля. Взвилась ракета. Командир роты поднял пистолет:

— Вперед!

Вот уже и тот комбайн. Из-под него навстречу атакующим ударил крупнокалиберный пулемет. Георгий будто знал, что так случится,— разом швырнул гранату. Пулемет умолк. Радостный Георгий обернулся

на бегущее отделение и почти рядом, в нескольких шагах, увидел распластавшееся тело начальника штаба.

— Папа! — крикнул командир отделения, взметнулся с земли, подбежал к отцу, уткнулся в глину возле его головы. И ощутил запах крови.

— Папа...

Вечером Георгий лежал на дощатой койке в захваченном у фашистов блиндаже. Только что прогремел прощальный салют над могилой начальника штаба 168-го стрелкового полка 24-й Самаро-Ульяновской Железной дивизии майора Василия Григорова. Речи были короткими. Сказали только, что свой боевой путь Василий Семенович начал еще в гражданскую, а закончил вот здесь, под Сталинградом, на высоте 123,6. И что прошел он этот путь, как положено советскому солдату, храбро, достойно и честно.

Война застала их в Вологде. Мать была в отъезде в Средней Азии. Отец добился назначения на фронт. Сын заявил:

— Поеду с тобой.

— Не дури,— отрубил отец.— В пятнадцать лет не воюют. Поживешь пока один, а там — к маме переберешься. Я договорюсь.

И уехал на станцию, в часть. Через неделю Георгий отправился туда же. И был изгнан с категорическим приказом больше не показываться. Но он, конечно, снова приехал и опять получил нагоняй. Поехал в третий раз, уже ни на что не надеясь.

Как и раньше, его задержали часовые, отправили к начальнику штаба. А тот вдруг не рассердился. Посмотрел пристально на сына, помолчал и, тяжело вздохнув, бросил:

— Ладно, пойдем к командиру...

Так 15-летний Георгий Григоров стал солдатом. Стрелял без промаха. Автомат и пулемет разбирал и собирал с закрытыми глазами, в походах оказался на удивление вынослив. И все же оставался мальчишкой.

Послали его как-то в штаб полка. Поручение он выполнил, но, уходя, увидел группу командиров, склонившихся над картой. И отца среди них, похудевшего, с воспаленными глазами. Подошел, тихонько тронул за

плечи и прильнул к его гимнастерке. Майор резко повернулся:

— Боец Григоров! Вы что, порядка не знаете? Как надо обращаться к старшему?

Георгий, ошеломленный, выскочил за дверь пулей. И снова вошел. И доложился четко, как на строевых занятиях. Только сердце его учащенно билось: «Так и надо. Так и надо... На фронте пап нет. На фронте есть только командиры».

...Георгий так и не уснул в ту ночь. А утром его вызвали в штаб полка. Там сидел невысокий, худощавый генерал с такими же, как у отца, спокойными, усталыми глазами. Командующий армией Павел Иванович Батов.

— Вот ты каков... Молодец! — произнес он, оглядывая вытянувшегося в струнку Георгия, и протянул руку.— К награде тебя представим. За отвоеванную высоту. И вот что: поезжай-ка учиться. Малость подрастешь, подучишься, тогда и довоюешь...

Через несколько месяцев Георгий уже стоял в строю курсантов артиллерийского училища, успешно закончивших ускоренный курс подготовки: офицерского звания ему не присвоили — не позволял возраст. Однако в документе записали, что в учебе он преуспел, командовать может.

В истребительно-противотанковой артиллерийской бригаде, куда Георгий прибыл в мае сорок третьего, ему дали взвод 57-миллиметровых пушек. И он еще больше года прошагал по дорогам войны.

Под Яссами завязалось одно из тяжелых сражений...

Снова изрытая разрывами, исполосованная танковыми гусеницами высота. Снова бой за высоту. Только на этот раз занимали ее советские артиллеристы, а фашисты контратаковали, бросая в наступление десятки танков. Бросали непрерывно — с рассвета дотемна. И с рассвета дотемна била по ним наша артиллерия.

Но уцелевшие танки скрывались в лощине, а немного погодя опять осторожно выползали и занимали позиции за своими же подбитыми «тиграми».

...Один из танков выполз из-за укрытия и ринулся вперед.

Георгий, распластавшись в глубокой воронке, уставился биноклем туда, где едва виднелся срез орудия этого танка. Ждал: вот-вот должен атаковать. Солнце теперь смотрело не в спину, а в лицо, отражаясь в объективах бинокля, отсвечивая ярким, далеко видимым блеском.

Выстрела танка Георгий не услышал, разрыва — тоже. Только ударило в лицо что-то нестерпимо жгучее. И мгновенно погас мир, и смолкло все вокруг...

В госпитале сначала подумали, что он мертв. Грудь, плечи, руки переломаны. Вместо лица — темно-багровая маска из запекшейся крови и мельчайших стальных осколков.

1944—1946 годы. Его возили из госпиталя в госпиталь. В прифронтовом сделали все, чтобы хоть немного продлить существование особо тяжело раненного. И отправили в Конотоп. Там вторично оперировали и доставили в Москву. Медицинские документы Григорова в ту пору пестрели специальными терминами. Однако общедоступный их смысл был один: полная потеря зрения, слуха, а лицо, руки, плечи разорваны в клочья. В Москве известный профессор, осмотрев Григорова, сказал:

— Дальше оперировать пока невозможно. Слишком слаб. Пусть окрепнет, а там организм сам за себя скажет...

Георгия увезли в Иркутск, потом — в Казань. Госпиталь там был специальный, для тех, кто до конца уже никогда не выздоровеет...

А сердце его работало. Легкие дышали. Он разговаривал. И хранил в себе могучую волю к жизни. Только не видел, не слышал и не понимал, чего хотят от него и что делают с ним врачи. А они хотели того же: чтобы он жил.

Так прошли еще восемь операций. И после каждой он по месяцу и более лежал без движения, закованный в гипс.

И чудо свершилось: к нему постепенно вернулись слух, а затем и зрение.

1946—1951 годы. Между тем он и до этого считался ходячим: ведь ноги его были целы. Можно бы с няней выйти в госпитальный двор. Но в редкие периоды между операциями он продолжал лежать — куда пойдешь, если от груди до макушки загипсован, как статуя, и болит все под гипсом, жжет нестерпимо?

А теперь, одолевая боль, он вышел. Серенький двор госпиталя показался раем. Он слушал голоса, видел деревья, небо, облака, товарищей по госпитальной судьбе... Вот только лицо еще у него сплошь забинтовано. И руки тоже.

Георгия между тем продолжали обследовать. Решали, как быть: то ли выписать инвалидом на покой, то ли попытаться вернуть трудоспособность? Попытка не пытка — так обычно говорят. Однако для Георгия тогда это означало пытку. И все же он согласился и дальше оперироваться. И выдержал-таки новую длинную серию операций. В итоге почувствовал, что может, пожалуй, и поработать.

— Глядишь, и без тебя обойдусь,— озорно заявил он однажды, повертев в ожившей руке пенсионную книжку.

И взялся за школьные учебники. Ведь десятилетку он не кончил. Но, находясь в госпитале, проштудировал учебники так, что в Казанском финансово-экономическом институте для него сделали исключение: приняли в студенты без школьного аттестата, но с экзаменом.

— Тебе же еще на койках лежать — конца не видно,— изумлялся его сосед по палате сержант Костя.

— То-то и оно, что лежать. Лежишь, а время идет. И не воротишь его...

1951—1954 годы. Послеоперационные периоды у Георгия действительно были долгими. Порой хотелось лежать, лежать, не двигаясь и не раскрывая глаз. Но он вставал и, взяв книгу, садился к столу, поближе придвинув лампу. Долго светилась лампа, до тех пор, пока яростная боль не сжимала в один острый комок мышцы и руки сами собой, помимо воли, не опускались плетьми...

Но вот и кончился госпитальный срок. И одновременно кончилась его учеба в институте. Он получил

диплом. Выполнено то, что казалось невыполнимым. И не только сержанту Косте, но и многим-многим другим и — чего греха таить — самому себе.

Будь жив отец, наверняка сказал бы: «Молодец, сынок».

Георгий получил назначение в Свердловск. Приехал сюда с женой Софьей Матвеевной.

Приехал и вскоре — опять на целый ряд операций... Надо было завершить лечение, провести коррекцию лица, как сказали ему врачи.

Наконец наступила последняя, а если считать их все с самого начала, то сорок седьмая операция. После нее он вышел на улицу без единой повязки — впервые за десять лет.

...В квартире Георгия Васильевича Григорова на почетном месте стоит портрет генерала армии П. И. Батова. На портрете надпись: «Славной семье советских патриотов — Георгию Васильевичу, Софье Матвеевне, Васильку-суворовцу, Игорьку — в знак глубокого уважения. П. И. Батов».

Снимок и надпись давние. Сыновья давно взрослые. А родители по-прежнему живут в Свердловске. Работают по своей, приобретенной когда-то в Казани, специальности. Георгий Васильевич служит в торговле, возглавляет контрольно-ревизионный отдел. Поэтому много времени проводит в разъездах.

— Конечно, не первая, как говорится, линия атаки, но опять же и не самый глубокий тыл,— замечает он.

О том, как честно и строго несет свою контрольно-ревизионную службу Григоров, можно бы рассказывать долго. Но сегодня речь о том, что было в военной судьбе этого человека.

— Переписываемся мы, фронтовики, и видим друг друга молодыми. И не можем видеть иными. Не в наших это силах.

Григоров протянул нам письмо от бывшего командира полка М. М. Исаева. Начиналось оно словами: «Здравствуй, Жорка-пацан...»

Март, 1975 г.

Владимир ЧЕРТКОВ

БЕЛЫЕ СЛЕЗЫ ЧЕРЕМУХ

Они, парашютисты-минеры, разведчики десятого отдельного гвардейского батальона, входившего в состав 1-го Прибалтийского фронта, начинали знаменитую рельсовую войну в тылу врага.

Эти небольшие группы, заброшенные в 1942 и 1943 годах в леса Смоленщины и Белоруссии, были необычайно подвижны. Они наносили чувствительные удары по коммуникациям фашистов, передавали на Большую землю ценные сведения.

В военных архивах хранятся документы тех лет. Нередко после сообщений о проведенных операциях стоят два слова: «Связи нет». Не всегда это значило, что группа больше не существует. Но потери в десятом батальоне были ощутимы — тысячи карателей занимались проческой лесов. Разведчики старались не обнаруживать себя. А если уж принимали вынужденный бой, то дрались, как эти шестеро, о которых наш рассказ,— до последнего патрона, до последнего вздоха.

...Свернув с автомагистрали Смоленск — Витебск, въезжаем в деревню Микулино. Разбежавшись по равнине, дорога тут будто застывает — на крутом холме перед рядами изб стоит памятник.

Немного найдется на нашей земле таких могил, как эта, в Руднянском районе на Смоленщине. В ней покоятся шесть Героев Советского Союза: Иван Базалев, Михаил Мягкий, Филипп Безруков, Николай Колосов, Владимир Горячев, Вячеслав Ефимов. Всем им в мае сорок третьего едва минуло двадцать...

Матрена Константиновна Шукаёва закрыла им глаза. Сколько лет прошло, сколько лиха на ее долю выпало, а вот не забыла черемуховой опади на простреленных гимнастерках, на майской земле. Белые слезы черемух. Запомнила, хотя сама с тремя детишками такого натерпелась, что только бы о своем горе и думать. Через Освенцим прошла, сына там потеряла, и лагерный номер на руке — 66073 — постоянно об этом напоминает.

Мы сидим в доме Шукаёвых, по-крестьянски обставленном, с бросающимся в глаза большим телевизором в углу. Антенны, как и морозные дымы из труб, торчат над крышами изб. Еще за заиндевелым оконцем виден кусочек улицы-боковушки — два санных полоза в глубоком снегу, а дальше, сразу за околицей Дубровки — лес и сугробы. По ним километра два нам добираться до того места, где дали свой последний бой шестеро минеров-разведчиков.

Их забросили во вражеский тыл самолетами в ночь на 22 апреля 1943 года. Тридцать человек. Командовал отрядом гвардии старший лейтенант Дубовицкий. Он не знал еще, что ждут их почти 150 дней скитаний по лесам. И, конечно, не мог знать, что в батальон после выполнения этого задания вернутся только 11 человек, что семеро из его отряда станут Героями Советского Союза.

Незадолго до вылета Дубовицкий знакомился с задачей отряда:

«Вменяется: разрушение коммуникаций противника на железнодорожной магистрали Витебск — Смоленск, проведение инженерной, войсковой и санитарно-эпидемиологической разведок».

Отряд должен был собраться в глухом лесном урочище на Витебщине. Это место значилось только в документах особой секретности. Отсюда, разбившись на маленькие группы по пять-шесть человек, они уйдут на диверсии, в разведку.

Из архива Министерства обороны СССР:

«...10-м отдельным гвардейским батальоном минеров (ОГБМ) уничтожено 4 бронепоезда, 70 эшелонов, 78 паровозов, 292 вагона».

8 мая 1943 года группа старшего лейтенанта Колосова получила очередное боевое задание: на перегоне Голынки — Лелеквинская линии Витебск — Смоленск подорвать эшелон противника, разведать движение на автостраде Витебск — Смоленск и взорвать мост.

Из отчета о боевой деятельности в тылу противника отряда Дубовицкого:

«На каждый километр полотна выставляются в ночное время патрули — 2—4 человека. На протяжении всей магистрали устроены вышки, где имеются два станковых и ручных пулемета и фара для освещения железной дороги. В ночное время при любом шорохе бросаются ракеты и тут же высылаются наряды с собаками...»

Покинув лагерь, группа Колосова трое суток шла к месту операции. Передвигались только по ночам. 12 мая около пяти часов утра шестеро минеров-разведчиков остановились на последнюю дневку. Но спать не пришлось. Уже через несколько минут все разом пружинисто поднялись, чутко прислушались.

Они сразу поняли: сегодня железной дороги не достать. Там, где обрывался зыбкий, как паутина, туман, за бежавшим по ложбине орешником сухо и как-то нервно залаяли собаки. Колосов определил: не деревенские, не бродячие, а служебные. Их обкладывали каратели с овчарками. Может быть, и не их, а вышли на партизан, но сейчас, он был в этом уверен, в густом подлеске, примыкавшем к железной дороге, находились только они.

— Уходим, надо оторваться от цепи.— Колосов прикинул: шли они чуть больше часа после последнего привала, и силы у ребят есть. Быстрые, хорошо тренированные, они могли пройти не один десяток километров.

Роса... Она сейчас хуже всяких собак. Следы на сырой траве любой мальчишка увидит. А лес прочесывали специально обученные части. Цепь движется густо, незамеченными их следы, очевидно, не останутся.

— Идти гуськом,— приказал Колосов.

Лай отдалился, но уйти из оцепляемой зоны не удалось. Хотя они загнули круто влево. Метаться было

бесполезно — справа проходила железная дорога и перебраться через нее можно лишь затемно. Одна надежда, что цепь уйдет в сторону, но едва ли каратели не заметили росяной их след.

Там, за спиной группы, были тоже хорошо тренированные люди. Колосов отдал им должное, когда присел на минуту отдышаться и услышал все тот же лай. Понял, что боя не избежать. А это им было ни к чему. Приказ командования: уходить от соприкосновения с противником, бой принимать лишь в самом крайнем случае.

Колосов понимал: как бы дорого ни отдали свои жизни, они бы сделали в десять, а может быть, и в сто раз больше, если бы остались незамеченными. Каждый взорванный ими эшелон — это тысячи спасенных советских солдат, это прореха в группе армий «Центр».

Лес расступился, охватывая со всех сторон взгорок, на котором был когда-то хутор. Следы сожженных построек забрала высокая трава, и спутник пожарищ — иван-чай — гулял по поляне. Но Колосов задержал свой взгляд на другом: несколько больших валунов были сейчас им как нельзя кстати.

— Минировать подходы к поляне.— Колосов рванул из-за плеч вещмешок, достал толовые шашки.

— Может, оторвемся, запутаем? — предложил Мягкий, надеясь еще на что-то...

— Нет, ребята, они нас зацепили здорово.— Колосов окинул взглядом товарищей, на их лицах проступили белые пятна — признак большой усталости, гимнастерки — хоть выжимай.— Мины, скорее,— и, выхватив финский нож, чтобы резать дерн, бросился к ближним кустам.— Замаскируйте — и окапываться!..

Поставили мины, залегли за валунами, щупали глазами осинник, откуда должна была появиться цепь. Лай послышался совсем рядом.

Шесть автоматов ударили разом. Цепь, показавшаяся из леса, сломалась, перекосилась. Отползая за деревья, каратели яростно хлестнули по валунам огнем. А через минуту снова поднялись в атаку. В камень, за которым лежал Слава Ефимов, самый молодой в группе, врезалось сразу несколько очередей.

— Думаете, гады, головы не подниму! — крикнул он и, поднявшись во весь рост, резко повел автоматом слева направо. Спасаясь от пуль, каратели лезли в кусты на опушке и подрывались на минах.

Бой длился два часа. Ранены были Базалев и Мягкий. Убили Безрукова. Фашисты, понеся большие потери, подтянули минометы и пушки. Колосов приказал отходить к маленькому болотцу, что лежало под взгорком в окружении черемух. Возле оставленных щелей заложили фугасы, и, когда каратели бросились в новую атаку, Ефимов включил контакт. Тяжело ухнуло по лесу, оборвало волной черемуховый цвет...

Шестеро гвардейцев уничтожили сто двадцать шесть карателей. Весть эта еще не скоро дойдет до командующего 1-м Прибалтийским фронтом генерала армии И. Х. Баграмяна, и только осенью вернется на Большую землю Дубовицкий с уцелевшими товарищами, которые подробно расскажут об этом неравном бое.

Приказ командующего 1-м Прибалтийским фронтом от 4.12.43 г.:

«...Представить героев-гвардейцев к высшей правительственной награде — званию Героев Советского Союза посмертно».

Шесть Героев Советского Союза... Подкатывает к горлу комок, когда видишь тщательно заправленные, с алыми гвоздиками на подушках шесть кроватей. На вечерней поверке под сводами казармы каждый день четко и торжественно звучит: «Пали смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины...»

И дальше — имена шестерых героев, навечно зачисленных в списки первой роты гвардейского батальона.

Седьмой герой, о котором мы не упоминали и который был удостоен этого звания вместе с колосовцами 4 июня 1944 года, это — Дмитрий Михайлович Яблочкин. Разыскал его в городе Боброве Воронежской области бывший разведчик, майор запаса Василий Иванович Репин, ведущий поиск тех, кто был с Дубовицким в том памятном рейде.

Разыскал, когда вышел Яблочкин на пенсию, а прежде работал в леспромхозе. О его прошлом нам помогут

рассказать выписки из старой тетради, найденной в архиве Министерства обороны СССР:

«Рапорт от 16.9.43 г. командиру 10 ОГБМ от гвардии старшего сержанта Яблочкина.

Работал в тылу врага с 22 апреля по 22 августа 1943 г. в отряде гвардии старшего лейтенанта Дубовицкого старшим группы, в которую входили Фокин, Подчупов, Сулимулин.

За это время проделана следующая работа:

8 мая в районе станции Крынки подорван вражеский эшелон.

13 мая установили: в районе станции Лиозно формируется строевая дивизия.

16 мая в 24.00 был подорван эшелон с боеприпасами и продуктами.

20 мая на нашей мине подорвался резервный паровоз.

23 мая в 23 часа на линии Витебск — Смоленск был подорван воинский эшелон.

24 мая в 24 часа подорвали 2 телефонно-телеграфных линии, идущие вдоль Смоленской дороги.

...14 июня вечером наш лес окружили немцы, и началась погоня.

Вечером 17 июня нас забрали в кольцо. Приняли бой. Меня ранило в ногу и живот и у меня отнялись ноги.

Ко мне подполз наш радист Хватик, который был ранен в голову, и попросил его перевязать. Я начал перевязывать, в это время нас окружили. Мы притворились убитыми. Немцы начали нас пристреливать. Первым пристрелили Хватика, потом выстрелили мне в голову... После этого я потерял сознание. Это было в шесть утра. Пришел в себя вечером.

Около меня оказались убитыми четверо моих товарищей: Хватик, Фокин, Лифшиц, Музарьянов. Два дня я лежал с убитыми без перевязки и голодный. На третий день собрал последние силы и пополз в наш лагерь.

21 июня снова нас начали гонять, но я двигаться не мог, и Сулимулин тоже. Нас спрятали в болоте, где пролежали 8 дней...»

Яблочкин вернулся в батальон и, едва залечив раны, снова пошел по дорогам войны. Гвардейцы разминировали освобожденные города, ходили по тылам врага, круша его коммуникации, умножая славу своего батальона, о героях которого народ не забудет никогда.

...По Красной площади шел высокий, худощавый майор. Это был Василий Васильевич Кузнецов, командир 10-го ОГБМ. Направляясь к Кремлю, он думал о старшем лейтенанте Дубовицком, погибшем под Шяуляем, о совсем юном Володе Горячеве, пустившем под откос эшелон с «тиграми», он думал о всех тех своих боевых товарищах, за вечную память которых поднимет сегодня тост.

Перед Спасскими воротами Василий Васильевич достал из тяжелого от орденов кителя пригласительный билет № 0183:

«Тов. Кузнецов В. В.

Правительство Союза ССР приглашает Вас на прием в честь участников Парада Победы. Прием состоится в Большом Кремлевском дворце 25 июня 1945 г. в 20 час.».

Март, 1975 г.

Александр ЯКОВЕНКО

КОМАНДИР ПУЛЕМЕТНОЙ РОТЫ

В шестнадцать лет — первый котелок солдатских щей, в восемнадцать — командир роты. Сражения под Старой Руссой, Смоленском, Новгородом, на Ржевско-Вяземском плацдарме, Висле. Пять ранений, четыре боевых ордена. Что еще? Да, рота та особая, пулеметная... Мне, невоевавшему, трудно понять, что стоит за этим названием — прошу помощи у знакомого фронтовика.

— О, это штука серьезная. Пулеметная рота всегда в самом пекле. По ее точкам в первую очередь били орудия, минометы, на ее позиции шли танки. Туда подбирался отчаянный народ... А зачем тебе?

— Пулеметной ротой командовала восемнадцатилетняя девушка.

— Тебя не разыграли? По-моему, на эту должность даже в трудные времена назначали кадровых офицеров.

Мой собеседник начал войну под Москвой, а закончил в Порт-Артуре. Он многое видел и знает, но тут ошибся.

Валентина Васильевна Чудакова, бывший командир пулеметной роты, жила в Ленинграде, а в тот памятный день ненадолго приехала в Москву. С нетерпением жду встречи. Старая фронтовая фотография, с которой смотрит задорная девчонка в пилотке, офицерских погонах, с двумя орденами Красной Звезды на груди, скоро оживет. Да, именно оживет...

В войну взрослели рано, особенно те, кому было доверено посылать людей в бой. Поэтому пусть минули годы и годы, и Валентина Васильевна успела вырастить

троих детей, написать несколько книг — она член Союза писателей,— все равно в ней, наверное, многое сохранилось от той, прежней. Должно сохраниться. И тогда, может быть, удастся понять, как она умела подчинять своей воле самолюбивых двадцатилетних парней, кряжистых сибиряков из глухих таежных деревень...

Вошла легко, стремительно. Быстро освоилась в незнакомой обстановке редакционного кабинета. Взгляд голубых глаз открыт, доверчив: так смотрят люди, которых мало обижали. Веселая дробь скороговорки — это не только манера говорить. Когда Валентина Васильевна перебирала в памяти события далеких военных лет, чувствовалось, овладевает ею особое душевное настроение. Воспоминания ярки, свежи, они и радуют и ранят, будто не существует огромной временно́й дистанции.

— Валентина Васильевна, ваша фронтовая судьба удивительна даже для той необыкновенной поры. Что тут сказалось: ваш характер или стечение обстоятельств?

— И то, и другое. А еще — мне в войну везло на людей. Нет, нет, передо мной никто не рассыпался в комплиментах: ах, юная патриотка, ах, Анка-пулеметчица! Наоборот, гнали в тыл, пытались оставить в медсанбате, перевести в штаб. А все-таки всегда понимали. Вы знаете, это самое главное — понять человека. Сама поражаюсь, как серьезные, страшно занятые люди находили время, терпение возиться с девчонкой, которая крутилась у них под ногами и, чего греха таить, поначалу просто мешала.

К началу войны у меня не было ни отца, ни матери. Жили с бабушкой на станции Дно. Когда фашисты подошли близко, бабушка сказала: «Тебе надо уходить, комсомолка. Свет не без добрых людей, не пропадешь». Самыми добрыми оказались солдаты. Ну, меня, конечно, и тянуло неудержимо к ним, к фронту, как всех моих сверстников. Приютили в 183-й стрелковой дивизии. Нашлось и дело — стала санинструктором. В одном бою ранило нашего комсорга Диму Яковлева, а я рядом была. Заменила его у пулемета. Как уж я одна управилась с «максимом» — просто чудо. Немцев боюсь — они в психическую атаку прут, боюсь, что ленту перекосит,

вода в кожухе закипает, а ни малой лужи поблизости... Потом выяснилось: не так плохо стреляла. К Красной Звезде представили.

Ранило меня в том бою, попала в госпиталь и захандрила. Мою дивизию отправили куда-то на переформирование. Выходит, потеряла я свои знамена — так у нас на фронте говорили, если солдат отстанет от родной части. В палате двадцать человек и я, в уголке, за занавесочкой. Скоро про мою беду узнали все. Успокаивают: «Ты теперь человек обстрелянный, в любой медсанбат с руками-ногами заберут». «Не хочу,— говорю им,— мотать бинты, хочу в свою дивизию». Смеются: «Как в тебе, такой махонькой, столько упрямства вмещается?!»

А перед выпиской сделали они сюрприз. Под мужской фамилией записали на курсы младших лейтенантов — командиров пулеметных взводов. Ошалели мужики, ни о чем таком я не мечтала! «Хоть и ревешь ты иногда не по делу,— объясняют,— а характерец есть, чем черт не шутит, может, и примут, будут у тебя знамена».

Поехала. Командир учебной роты со мной даже разговаривать не пожелал. «До свидания» — и точка. Я ему про равноправие, про психическую атаку, которую отбивала. Выслушал — и: «Передавай привет тому юмористу, что тебя сюда направил». «Хорошо,— отвечаю,— этот юморист — командующий армией генерал Поленов. Он меня и рекомендовал. Звоните ему». Наврала, конечно, я этого генерала как огня боялась: встретит — пулей в тыл вылечу. Но звонить-то ему не решились, приняли.

Языки на мне мужской пол оттачивал — будьте здоровы. В роте сорок курсантов, старшина подает команду: «Сорок с недоразумением, выходи на построение». «Недоразумение» — это я. Мало того, при расчете мне строго было указано отвечать: «Сорок первый неполный»... Но, между прочим, тот же старшина возился со мной больше всех. Уже луна на небе, а мы с ним вдвоем ружейные приемы отрабатываем. Не ради издевки. Он, усатый ворчун, готовил меня к настоящей, боевой работе. «Ты,— кричит,— винтовку не заваливай. Не баба!»

С офицерскими погонами тоже не легче было. Но я кое-что поняла, наловчилась сердитых командиров осаживать. Одного, например, успокоила таким приемом. Костерит на чем свет стоит штаб, направивший меня к нему, костерит заодно всех сопливых девчонок, а я ему: «Товарищ капитан, вы, как женщина, впадаете в истерику. Чего вы, собственно говоря, испугались?» У него от такого нахальства глаза на лоб полезли. «Ладно, но если меня твои пулеметы хоть раз подведут... Сама понимаешь». «Теперь,— рапортую,— ясно».

Ну, а дальше бои: оборона, наступления, разведка. Адская работа, человека оценивали по конкретным делам, а не по росту и тембру голоса.

— Одна из ваших книг называется «Когда я была мужчиной». Заголовок неожиданный, в чем-то оправданный, а только...

— Разумеется, я всегда оставалась женщиной. На переднем крае насчет бани, постирушек всем не сладко, а если к тому же ты одна среди сотен мужчин... Ну, это мелочи. Главное — ладить с бойцами. У женщин в этом отношении, считаю, есть преимущество. Мы лучше улавливаем сбои в человеческом настроении, легче, целебнее прикасаемся к больному месту. Плохие вести из дому, нелады с товарищами, несправедливая обида от начальства — на лицах все написано, умей прочитать. «Подлечишь» — приободрится солдат, команду полным ухом ловит, в трудной обстановке одним занят: дать огоньку погуще, поточнее.

Правда, иногда, когда собирались в свободную минуту для вольного разговора, донимали вопросами: «Зачем тебе такая тяжесть? Ладно — мы. А тебе бы в медсанбат, там кругом свой брат, женщина, а тут и душу по-настоящему отвести не с кем...» Поддразнивали, слегка свой форс показывали. Как же — мужчины. После победы при демобилизации я подписывала многие солдатские книжки. Многие мнутся, просят: «Не ставили бы свою подпись, дома неудобно будет показать, у кого под началом ходил». Хорошо, говорю, рыцари, и писала: «Командир роты старший лейтенант В. Чудаков».

Март, 1975 г.

Давид НОВОПЛЯНСКИЙ

ЗАПИСКА ИЗ 1943 ГОДА

«Правда» получила несколько писем из села Стецовки Чигиринского района Черкасской области: «Дорогая редакция! Напечатайте, пожалуйста, статью о летчике Бабайлове — сумел ли он пробиться к своим...»

Почему старинное украинское село интересуется судьбой этого летчика? Может, он там родился? Нет. Может, воевал в тех местах? Никогда. Но житель Стецовки, инвалид Великой Отечественной войны Дмитрий Аксентьевич Гажва много лет хранил металлическую табакерку, подобранную на истерзанной боями крымской земле. А в ней — четыре исписанных тетрадных листка, скрепленных подписью: «Бабайлов».

В конце пятидесятых годов Гажва посылал эти странички в Москву. Их вернули с просьбой уточнить некоторые подробности. Однако старый солдат долго болел и не смог ответить. Но вот он наконец откликнулся на просьбу сельского музея, принес заветную табакерку.

Музей был создан в Стецовке по инициативе Александра Прокофьева — отставного военного инженера. Он с волнением перечитал обыкновенную записку из необыкновенного грозного времени:

«Друг, брат, советский человек, если ты наш, а не враг, пошли это в мой полк, тебя за это отблагодарят. Войди в мою обстановку, я почти в безвыходном окружении фашистов. За отправку письма тебе отдадут все мое, что там осталось, деньги, часы, новую форму... Ой, как прошу послать, дорогой товарищ. Адрес такой — П/П 21237 «К». Командиру. А сделать это просит совет-

ский летчик Павел Б. В полку меня все знают. Пошли, браток, не откажи в просьбе. Прощай.

А если попало это в руки фашисту, так не радуйся, все равно тебе скоро капут будет полный в Крыму и на всей нашей Советской земле. Смерть гадам врагам!»

В архиве Министерства обороны СССР хранятся документы 790-го истребительного авиаполка, чья полевая почта носила номер 21237. Из донесений видно, что 21 ноября 1943 года не вернулся на свой аэродром лейтенант П. Бабайлов. На истребителе ЛаГГ-3, в паре с ведомым, он выполнял задание по воздушной разведке. Северо-западнее Керчи Бабайлов встретил вражеские самолеты...

И вот записка советского летчика, оказавшегося «в безвыходном окружении фашистов». Записка-отчет. Записка-исповедь. В ней боль и ненависть. И любовь к Родине. И стремление жить, бороться. Он докладывал командиру полка, не разглашая, понятно, его фамилии:

«Дорогой т...! По мне полк уже, наверное, справил панихиду. А я еще совсем живой и даже свободный. Когда сбили меня, я не разбился, а вывел машину из штопора и сел на пузо, крепко стукнулся головой о прицел, без памяти взяли меня фашисты. Когда пришел в память, не было у меня ни пистолета, ни летной книжки. Сняли меня возле разбитой машины, причем так, что за моей спиной на фюзеляже были видны все звездочки. Я им от злости сказал, что они все мои, чтобы они быстрей прикончили. А они, сволочи, радовались, называли меня гросс-асом, связались со своим начальством, и то приказало отправить меня живым экспонатом на их трофейную выставку в Берлин. Все допытывались про нашу технику, а я им ни слова про это, только матом все крою, гнидами называю... Ночью посадили в легковушку и повезли. Сопровождал офицер и говорил, что в Берлине мне все равно язык развяжут. Я ж думал, что туда они меня ни за что не довезут, что если повезут самолетом, то выпрыгну из него, а если по морю, так брошусь в воду. А теперь, когда на свободе, опять жить хочется. Спасли меня крымские партизаны, их здесь в Крыму много. И документы мои забрали у убитого конвоира, вернули мне. Только уйти

далеко от места не успели, как началась облава. Меня трое затянули хромого в воронку и прикрыли кураем. Обещали прийти за мной, когда все утихомирится, чтобы там ждал. Видно, побили тех трех, потому что второй день их нет. Сам буду ночью лезть, только фашисты кругом ходят. Хоть одного еще уложу, хоть руками... А попал к партизанам — и у немцев не все наши враги, есть и наши друзья. Фриц Мутер или Мюнтер передал партизанам, как и когда меня повезут. Вот как. Фамилию партизан знаю одну — Удальцов Степан, моряк-севастополец, остальные — Гриша и Федор — тоже, наверно, моряки. Если уцелеют до конца войны, найдите их, и если их не наградит правительство, так повесьте им мои ордена. Отчаянно они действуют, даже не то, что мы, хоть и летчики. Партбилет мой целый. Планшет у моего механика Коли М. Там партбилет, пусть заберет парторг. Моим на Урал пошлите письмо, что я не так просто погиб...»

Тут обрывается записанное в первый день. И прежде чем перейти к следующей страничке, попытаемся узнать, кто такой Бабайлов. Сохранилось в архиве его «Личное дело» — 55 листов. Эти документы да еще воспоминания друзей рассказывают, каким он был и каким было его время.

Родился Павел в 1919 году в деревне Неустроеве Ирбитского района Свердловской области. Отец, крестьянин-бедняк, после разгрома Колчака был членом совдепа, заведовал избой-читальней. Мать рано умерла. Павел постоянно вспоминал о ней с нежностью. Летчикам, получавшим материнские письма, он откровенно завидовал...

По комсомольской путевке Павел поступил в Пермский аэроклуб, потом — в военно-авиационную школу летчиков. Уплотненную программу Бабайлов одолевал, как говаривали в школе, на характере, на умении, стиснув зубы, добиваться своего. В выпускной аттестации: «Теория полета — отлично, самолет И-16 — отлично, штурмовка — хорошо, воздушная стрельба — отлично».

И вот — Кубань. Северо-Кавказский фронт. 790-й полк. Его летчиков называли рыкачевцами — полком

командовал Герой Советского Союза Юрий Рыкачев. Я поинтересовался — не помнит ли он Бабайлова?

— Павлика? Прекрасно помню,— ответил генерал и, открыв «семейный» альбом, показал несколько фотографий летчика.

Над Крымом развернулись ожесточенные воздушные бои. 20 ноября 1943 года — накануне горького дня, о котором говорится в записке,— западнее Керчи, у всех на виду рухнул на землю Ме-109. Это был двенадцатый самолет противника, уничтоженный Бабайловым.

В записке сказано: «Партбилет мой целый. Планшет у моего механика Коли М.». Его механика Николая Макласова, инвалида Великой Отечественной войны, я встретил в Херсоне. Он рассказал:

— Бабайлов не возвращался, и горевал весь полк. Мы его любили. Он бывал резким, иногда чересчур горячился, но всегда оставался душевным товарищем...

Расположенный тогда у станицы Фанталовской на Тамани полк запрашивал Крым, но в частях Отдельной Приморской ничего не знали о Бабайлове.

Все меньше оставалось надежд и у летчика, писавшего прощальное письмо:

«Еще день прошел, и я живой. Правильно немцев бьете, всю ночь бомбы сыпали, не знаю, как меня не задели. Крепко думаю за того немца, который наш. Скажу вам, чтоб знали про него, что мне сказали партизаны. Он подпольный немецкий коммунист. Вроде и еще есть такие между их солдат. Когда победите, вам партизаны про них скажут. А мы ж думали так, что все немцы нам враги. Правильно говорил замполит, что враги не немцы, а фашисты. Так, выходит, и есть. Вы фамилию у партизан узнайте, чтобы найти и поблагодарить.

Мои пусть не плачут, скажите, что не один ведь я погибаю за наше правое дело, за нашу Советскую власть и коммунизм. А майору К. передайте, что зря он на меня, что, мол, крутил мозги Гальке из БАО, просто жалел ее, что она одна, потому и ходил с нею, а верный всегда одной законной. Их обеих успокойте

насчет меня, а то сами знаете, что бабы без слез не могут. Спорного фрица, которого сбил с С. Б. над Керчью, причислите всего ему, пусть ему накрасят звездочку, чего тут делить пополам. Он сбил, а не я. И Миша С. пусть на меня не дуется за такую жадность. Вольфсона предупредите еще раз насчет спецслужбистов, барахлил у меня высотомер. А Ваське Подольскому за пушки спасибо, стреляли, как часы. Эх, хоть бы раз еще так пострелять. Вот и все. Прощайте. Спойте мою любимую про «Варяга». Обнимаю всех. А кто передаст вам это, отдайте ему мою новую форму, все, что причитается за прошлый месяц и премию за последние 100 безаварийных, пусть там начфин не крутит — доверяю расписаться за них своему механику. Вот и все. Прощайте. И еще крепче бейте врагов. Да здравствует Советский Крым».

Вечером 23 ноября Бабайлов, собрав силы, вылез из воронки. Прислушался к редким выстрелам. Пополз на север — к берегам Азовского моря... О дальнейшем в донесении: «Ночью на лодке лейтенант Бабайлов переплыл линию фронта в открытом море, 24.11.43 г. он возвратился в свою часть». И подпись тогдашнего командира полка — «Кулякин».

Федор Кулякин жил в Армавире, работал на заводе. Подробностей он не помнил:

— Знаю только, что ночью Бабайлов заметил на берегу Азовского моря лодку, из которой вышли два немецких солдата. Выждал, пока они ушли, спустил лодку и поплыл на восток, стараясь держаться от берега подальше...

В Киеве на радиозаводе кабинетом политпросвещения заведовал подполковник запаса Агафон Санников, командовавший в полку первой эскадрильей. Близкий друг Бабайлова.

— Его возвращение было чудом,— говорит Агафон Кузьмич.— Мы бросились обнимать своего Пашу — потемневшего, в изодранной гимнастерке...

Друзья помогли расшифровать в записке инициалы, уточнить должности. Так «спорный фриц» над Керчью был сбит вместе с «С. Б.» — командиром третьей эскадрильи Сергеем Бесединым. А дулся «за такую жадность»

Миша С.— штурман полка Сибикеев. Эти отважные летчики прошли фронт и закончили войну в Восточной Пруссии. Туда дошли также инженер Вольфсон, оружейник эскадрильи Подольский. Своей «законной» Бабайлов называл девушку-однополчанку, которую преданно любил,— они хотели пожениться...

Механик Макласов, которому так доверял Бабайлов, написал небольшую повесть о летчиках-истребителях — «Крутой взлет», изданную в Крыму. Один из героев повести попадает в плен, а немецкий коммунист-подпольщик сообщает партизанам, когда и куда повезут русского летчика.

Павел Бабайлов вернулся в строй, участвовал во многих боях и в одном лишь январе 1944 года сбил западнее Керчи семь вражеских самолетов. После освобождения Крыма Павел Бабайлов — в 163-м гвардейском истребительном авиаполку. Он воевал на 2-м Белорусском, освоил Ла-5, потом Ла-7. В боевой характеристике от 10 сентября 1944 года сказано, что на счету гвардии капитана Бабайлова П. К. 417 боевых вылетов. В 75 воздушных боях он лично сбил 27 самолетов, а в составе групп — 4. Бабайлов был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени и Александра Невского.

23 февраля 1945 года Павлу Константиновичу Бабайлову присвоено звание Героя Советского Союза. Он не дожил до этого дня. За четыре месяца до Указа — 14 октября 1944 года — при возвращении с боевого задания его самолет попал в зону зенитного огня противника и загорелся. Летчик сумел дотянуть горящую машину на свою территорию, но при посадке потерял сознание, и самолет врезался в землю.

Вот, собственно, ответ на запросы из села Стецовки. Никогда Павел Бабайлов там не жил, никогда в тех местах не воевал. Но всем одинаково дорог советский воин, погибший за Родину. И перед нами как штрих к его портрету — записка из 1943 года.

Ноябрь, 1974 г.

Григорий БАКЛАНОВ

СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

Первый день Нового, 1944 года был 924-м днем войны.

Для мирных дней сложена эта поговорка: «Жизнь прожить — не поле перейти». Поля войны... Бой вновь гремел на них, там, где бои отгремели. По старым воронкам ложились разрывы снарядов. Но фронт отодвигался на запад.

Уже и величайшее сражение минувшей войны, Сталинградская битва, и Курская дуга — все это было позади. А ведь именно тогда, когда шла битва на Волге, именно в те дни производство артиллерийских стволов на наших заводах впервые превысило германское производство.

Ни в одной еще войне фронт так не зависел от тыла, как в этой. Грандиозные сражения навечно остаются в памяти людей, ими путь истории означен, как верстовыми столбами. Но бою предшествовал труд.

Нам так хорошо знакомы эти фотографии и кинокадры: женщины у станков, пареньки у станков. А под ноги, чтоб до станка дотянуться, подставлена скамейка или ящик. Это не роста не хватало парнишкам, это им не хватало лет.

Двадцать пять тысяч самолетов получила германская армия. Почти тридцать тысяч самолетов выпустили наши заводы. Так начинался год сорок четвертый.

А фронт все еще разрезал страну от Белого до Черного моря. В Карелии он как стал осенью сорок первого, так и стоял неподвижно. И под Ленинградом, хотя прорвали блокаду, фронт все еще был на расстоянии

выстрела, гитлеровская артиллерия разрушала город. И Псков, и Новгород, Орша, Могилев, большая часть Белоруссии, Латвия, Эстония, Литва, вся Правобережная Украина, Молдавия, Крым — все это было еще за линией фронта. Пятимиллионная фашистская армия отрезала их от страны. Эту армию нужно было сокрушить.

К новым грядущим боям долечивались в госпиталях раненые. Из тысяч городов и деревень нашей Родины, иные прибавив себе год-другой, шли на призывные пункты те, кто встретил войну мальчишкой. Они подросли. И вновь матери провожали на фронт сыновей. Беря в руки оружие, они брали на себя ответственность за судьбу Родины и уходили в свой первый бой, который, случалось, бывал и последним.

«Здравствуй, мамочка! Сегодня день моего рождения. С сегодняшнего дня я уже 19-летний гражданин,— писал с фронта парашютист-десантник Анатолий Зубов.— Сейчас стоим в трех километрах от линии фронта. Сильная ружейно-пулеметная перестрелка и артиллерийская канонада. Ну, мамочка, в бой я пойду с чистым сердцем...

Твой сын Толя».

Обыкновенные люди, воспитанные нашим советским образом жизни, нашей ленинской партией, они жили в суровое время и оказались достойны его. Ни на чьи плечи не переложив своей судьбы, они стали солдатами и делали главное дело, которое тогда должен был делать человек.

В январе 1944 года на Ленинградском фронте капитан Масловский, коммунист, оставив своему сыну письмо-завещание, пошел в тыл врага взорвать крупный склад снарядов и авиабомб.

«Ну вот, мой милый сын, мы больше не увидимся. Час назад я получил задание, выполняя которое живым не вернусь. Этого ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с какой идет твой папа на смерть: не каждому доверено умирать за Родину... Я знаю, что там, в глубоком тылу, живет и растет наследник моего духа, сердца, чувства. Я умираю и вижу свое продолжение. Сын, ты в каждом письме про-

сил и ждал моего возвращения с фронта. Без обмана: больше не жди и не огорчайся, ты не один».

Не вся война зависела от капитана Масловского, как и от каждого солдата зависит не вся война. Но потому-то и выстояли мы в этой войне, что в грозный для Родины час у нее оказались миллионы верных сыновей, готовых заслонить ее собою. Их мужество в характере народа, оно и в характере тех поколений, которые живут сегодня и нас сменят.

Мы говорим о трудовом подвиге тыла. Он был велик. Но и на фронте бою предшествовал труд. Кто помнит год сорок четвертый, помнит, какая ранняя весна была тогда. Это в мирное время хорошо, если жизнь рано начинает свой круг, раньше выезжают сеять в поля. А на фронте пелось: «Теплый ветер дует, развезло дороги...» Уже к концу января таял снег на Украине, шли дожди, вздулись реки, аэродромы пришли в негодность.

Проиграв битву за Днепр, фашистское командование надеялось, что «по крайней мере, на южном участке Восточного фронта можно в связи с началом распутицы пока не опасаться наступления русских».

Но именно здесь решено было силами четырех Украинских фронтов разгромить крупнейшую группировку врага, освободить всю Правобережную Украину, выйти к государственной границе и одновременно — во фланг и в тыл группе фашистских армий «Центр».

После наступления сорок третьего года тылы фронтов растянулись на полтысячи километров. Бывало, в дивизиях оставалось по заправке горючего на машину, нередко — и того меньше, на батареях — не всегда было даже по боевому комплекту снарядов. А предстояло сражение огромных масштабов. Скрытно передвигались тысячные массы войск, танки, артиллерия. По раскисшим дорогам, по лежневке, по гатям, увязая в грязи, везли к фронту снаряды, продовольствие, горючее, снаряжение. И там, где по ступицу тонула артиллерия, где, надрываясь, глохли моторы тягачей, все так же толкал плечом солдат. А сколько снарядов, мин перенесено на себе, сколько кубометров земли перерыто саперной лопаткой по всем полям войны! Не измерен и не сочтен этот солдатский труд, который предшествовал бою.

Одной из блистательных, с точки зрения военного искусства, операций минувшей войны стала Корсунь-Шевченковская операция. Смелость полководческой мысли сочеталась в ней с доблестью солдат и офицеров. Стремительными ударами 1-го и 2-го Украинских фронтов были окружены, разгромлены и пленены десять фашистских дивизий и одна бригада.

К середине апреля почти вся Правобережная Украина была освобождена. Войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии во взаимодействии с силами Черноморского флота и Азовской военной флотилии освобождали Крым. За 35 дней нашими войсками были прорваны все укрепления и разгромлена двухсоттысячная группировка противника в Крыму. 9 мая был освобожден Севастополь.

Настало лето. По-прежнему основная масса войск врага была сосредоточена на советско-германском фронте. И высшей точкой развития германской военной промышленности стал июль. Мы знаем, что авиация наших союзников все активней бомбила Германию. И все-таки военное производство здесь не только не упало, но именно в первой половине 1944 года и танков, и самолетов было выпущено врагом больше всего.

Там, за линией фронта, где дымили трубы германских заводов, по-прежнему дымили и трубы фашистских лагерей уничтожения, и транспорты со всей Европы везли людей в газовые камеры, в топки печей. Они погасли только тогда, когда приблизилась Советская Армия!

В июне, в третью годовщину войны, началась Белорусская операция. На огромном тысячекилометровом фронте развернулось наше наступление. Несмотря на потери всех минувших лет, мы к этому времени превосходили гитлеровскую армию по количеству танков и орудий в полтора-два раза, по боевым самолетам — почти в пять раз. Воздух был наш.

Все мы, и молодые солдаты, и ветераны боев, наступали теперь по тем местам, где в сорок первом наступал враг. Здесь, на берегах больших и малых рек, в лесах, в окружениях, до последнего патрона сражались наши бойцы и командиры, на которых обрушился первый, внезапный удар войны. Над могилами героев

катилась война на запад. Не жертвы, а воины, они уничтожили в неравных боях сотни тысяч фашистских солдат и офицеров. И танки, сожженные ими, не дошли до Москвы. Без тех подвигов не было бы и побед года сорок четвертого.

Шел бой святой и правый. Под Бобруйском, где ровно три года назад наступала танковая дивизия генерал-лейтенанта Моделя, теперь добивали окруженные войска фельдмаршала Моделя. Окружения под Витебском, под Вильнюсом, свыше ста тысяч окруженных западнее Минска. К сентябрю фронт стал под Варшавой. Шестьсот километров было пройдено с востока на запад. Шестьсот километров оставалось до Берлина.

А на юге уже развернулась Ясско-Кишиневская операция. Таково свойство памяти, что особенно значительной кажется та битва, участником которой ты был. Все лето, пока наступали фронты севернее нас, 3-й Украинский оборонял плацдармы за Днестром. Не раз враг пытался сбросить нас в Днестр, и, бывало,— что уж греха таить! — думалось даже: «Сколько ее тут, всей этой земли, что мы вцепились и держим?»

20 августа наш 3-й Украинский фронт после мощной артиллерийской подготовки начал наступление с заднестровских плацдармов. Севернее взламывал оборону противника 2-й Украинский фронт.

За всю войну не пришлось мне больше видеть такого разгрома фашистских армий. Они еще сражались, они еще пытались удерживать позиции, а танковые корпуса обоих фронтов уже замкнули огромное кольцо в тылу у них. Из двадцати четырех дивизий, составлявших группу армий «Южная Украина», восемнадцать было окружено.

Когда закончилась Сталинградская битва и остатки 6-й армии вместе с ее командующим фельдмаршалом Паулюсом сдались в плен, в Германии был объявлен трехдневный траур, и была создана тогда же новая 6-я армия как некий символ бессмертия. На нее возлагались особые надежды. Вот эту вновь созданную 6-ю армию мы окружили в ходе Ясско-Кишиневской операции. «Никакой надежды более нет, что какие-либо окруженные соединения вырвутся,— признало вскоре

гитлеровское командование.— Это представляет самую большую катастрофу, какую когда-либо переживала группа армий».

Сражение еще длилось, а в Бухаресте уже вспыхнуло антифашистское восстание и было свергнуто правительство Антонеску.

Вооруженное восстание против фашистских оккупантов запылало в центре шахтерского района в горах Словакии. Войска 3-го Украинского фронта встретились с частями Народно-освободительной армии Югославии. Движение Сопротивления, в котором участвовали лучшие сыны народов, росло и ширилось. Изгнав фашистов из пределов своей Родины, наша армия несла народам Европы избавление от фашизма, несла мир и свободу.

6 сентября мы стояли на границе Болгарии. Небывалое затишье распространилось по фронту. Кажется, впервые за всю войну ни вблизи, ни в отдалении не было слышно канонады. Тишина. Зной.

Мы вырыли орудийные окопы, наблюдательные пункты, а болгарские пограничники кричали и махали нам: «Братушки, идите сюда!» Так начался поход по Болгарии, где Советскую Армию встречали цветами, хлебом и солью.

Завершался год сорок четвертый. Мы начинали его на Днепре, под Ленинградом. Теперь бои шли под Будапештом, под Варшавой, освобожден был Белград. Вышла из войны Финляндия, освобождены Болгария, Румыния, большая часть Югославии, Венгрии. В июне, когда основные фашистские войска были сосредоточены против наступавшей Советской Армии, союзники наши с моря и воздуха высадились в Нормандии. Второй фронт, которого ждали все эти годы, был наконец открыт.

Завершался предпоследний год войны. Еще предстояло освобождать Прагу, Вену, брать Берлин. Мы все еще были вместе; и те, кому в последних боях суждено навечно остаться на войне, и те, кому доведется прийти домой.

...Последний день 1944 года был 1289-м днем войны. До победного конца оставалось еще 129 ночей и дней.

Апрель, 1975 г.

Петр СТУДЕНИКИН,
Кузьма ХМЕЛЕВСКИЙ

ОНИ ДЕЛАЛИ ПОРОХА́

30 января 1944 года в «Правде» был опубликован рапорт председателю Государственного Комитета Обороны СССР об окончании строительства крупного порохового завода Наркомата боеприпасов.

Приоткроем эту страницу из героической летописи Великой Отечественной войны — расскажем о тех, кто делал пороха, об их мужестве и героизме.

1941-й, декабрь. Н-ский завод Наркомата боеприпасов. Тот, кто попадал сюда впервые, с недоумением — «где же пороховой гигант?» — смотрел на огромное снежное поле, исполосованное высокими «крепостными» валами. Предприятие, занявшее поле в 1600 гектаров, открывалось как на ладони с пожарной вышки, куда приводил гостей из Москвы директор генерал-майор Д. Г. Бидинский. Завод напоминал пчелиные соты: цехи, мастерские, склады — сотни производственных построек, образуя ячейки, были в целях безопасности изолированы друг от друга, обвалованы землей.

Да, этот завод далеко отстоял от театра военных действий. Но память о сорок первом и сейчас живет тут в каждом доме — на заводе шла битва за новые, более мощные пороха, и выиграть эту битву без жертв, без потерь было невозможно. Гибель рабочих здесь расценивалась как гибель солдат на поле боя.

— Положение в пороховой промышленности в первые месяцы войны сложилось тяжелое,— вспоминает уполномоченный ГКО на Н-ском пороховом заводе М. Ю. Рагинский.— Заводы — основные производители

пороха были эвакуированы на восток. В глухой тайге предстояло в кратчайшие сроки создать пороховой гигант...

Возводила завод 20-тысячная армия строителей, которую возглавлял полковник Ионна Саввич Кузьмич — человек редкой судьбы, которого дважды белогвардейцы приговаривали к расстрелу. Строители совершили невозможное: за четыре месяца (на две недели раньше установленного правительством срока) в жестокие морозы была сооружена первая, а еще через полгода — вторая и третья очереди.

Известно: построить предприятие — одно дело, а пустить его — другое. Дважды пуск Н-ского порохового завода — единственного в течение первого года войны, где было налажено производство минометных, артиллерийских зарядов и зарядов для реактивной артиллерии, а также одного из главных на протяжении всей войны поставщика зарядов для крупнокалиберной морской артиллерии — был под угрозой. Вот что об этом рассказывает бывший главный инженер завода, лауреат Государственных премий профессор Д. И. Гальперин:

— Война остро поставила вопрос о переходе с пироксилиновых порохов на более мощные — нитроглицериновые, баллиститные. Надо было разработать и внедрить новую технологию. А времени в обрез — враг подкатывался к Москве. Чтобы избежать всяких «бюрократических проволочек», решено было создать при заводе ОКБ — особое конструкторское бюро, в которое вошли крупнейшие специалисты в области пороховой промышленности — доктор технических наук А. С. Бакаев (руководитель), отличный экспериментатор А. Э. Спориус, инженеры-химики А. Д. Артющенко, Д. М. Равич и другие.

...Завод строился, одновременно бюро разрабатывало технологию. И вдруг — сообщение: американский транспорт, который вез для нас центролит (необходимый компонент для производства баллиститных порохов), потоплен. Что делать? Ученым удалось создать заменитель центролита, который по многим показателям его превосходил. Удалось также наладить на заводе производство коллоксилина. Острая проблема производства мощных порохов таким образом была решена.

...Как делают порох? Технология сложная: изготавливается вначале пороховая масса — полуфабрикат. Компоненты пороха измельчаются, расплавляются, дозируются, перемешиваются в специальных аппаратах. Прежде чем стать порохом, полуфабрикат пройдет через сотни рук, станки, аппараты, прессы, совершит многокилометровый путь по десяткам цехов и спецмастерским, где всюду — предостерегающие таблички: «Осторожно. Опасно для жизни!» Одни компоненты опасны «на взрыв», другие — ядовиты, третьи — легко воспламеняются. На пороховом заводе, где работали десятки тысяч людей, всевозможные машины и механизмы, стояла удивительная тишина. Здесь трудились с исключительной осторожностью: остерегались стуков и ударов, разговаривали больше шепотом, ходили в цехах в мягких войлочных тапочках. Каждый знал: малейшая неосторожность может привести к беде, расслабленность, невнимательность — к катастрофе.

Но пусть лучше расскажут те, кто пережил это.

Гарпина Решетняк, вальцовщица: «Наш завод эвакуировали с юга в город, о котором мы до этого никогда не слышали. Приехали на место в декабре — никакого города нет. Его еще надо было построить. Тайга бесконечная. Мороз — до 50 градусов. Одеты кто во что. На мне — резиновые сапоги. Утром пошли на работу. До завода 10 километров. Поставили на вальцовку. Не женская, конечно, работа, да где мужчин возьмешь?

...Стоишь на вальцах, а душа болит: как бы смену отработать без вспышки. Причины тут разные. Ударишь полотно — вспышка, остыло — вспышка. Перекос в вальцах — вспышка... Ой, страшно! Однако работали, понимали: фронту порох нужен больше хлеба. Вместо 4,5 тонны прокатывала я по 9 тонн пороха. Не одна я, все так работали — и стар, и мал. Помощницей у меня была Маша Карелина. Ей 16 лет, росточком с ноготочек, а она подставит под ноги ящик и всю смену подает на вальцы горячие рулоны весом по 50 килограммов. Настоящая героиня!»

Вера Петрова, прессовщица: «Мы на «катюшу» работали. Взрывов, конечно, боялись. Не заметишь, как стрелка манометра дрогнет, тут он может и произойти.

А в глазах-то темно от усталости. Паек у нас неплохой был: 800 граммов хлеба и 40 граммов крупы в день, а на месяц — полкило песку и 2 килограмма мяса. Но мы решили часть пайка фронту отдавать.

Стоишь смену: рядом — Валя Иванова и Андрей Миронов. «Как спать хочется»,— не выдерживает Валя. А ты, говорю, не думай про сон-то. И запою тихонько».

...1943 год. Красная Армия готовилась перейти к решительному наступлению. Назревала Курская битва. В связи с этим заводу дали задание увеличить производство пороха в три раза.

Из Государственного Комитета Обороны поступила телеграмма: «Невыполнение правительственного задания приведет к срыву большой операции на фронте...»

Парторг ЦК ВКП(б) А. Е. Гусев и директор Д. Г. Бидинский собрали коммунистов. Начальник строительства старый большевик Ионна Саввич Кузьмич сказал:

— Задание это — как на бой, когда соотношение сил один к десяти в пользу врага. Но победа наша в этом бою обязательна... Надо искать резервы!

Резервы нашлись. Сотрудникам конструкторского бюро удалось в кратчайшие сроки закончить разработку новой технологии, внедрение которой позволило резко поднять производительность труда.

— Задание ГКО,— вспоминает ветеран завода В. В. Иванов,— было выполнено досрочно благодаря массовому трудовому героизму. Один мартовский день 1943 года запомнился мне на всю жизнь. Бешеный ветер срывал крыши бараков, валил людей с ног. Неожиданно с утра завод облетела весть: коммунисты вальцовщики Ахмет Сабирьянов, Сергей Божьяволя, Семен Стомин и Алексей Дьяговец при норме 216 прокатали по 1200 килограммов пороха. Собрали митинг...

— Поздравил нас директор с победой,— продолжил Ахмет Сабирьянович Сабирьянов,— и тут же парторг подарки вручил — по две пачки махорки. Так началось у нас на заводе движение «тысячников»...

Чем, какой мерой измерить то, что изо дня в день совершали эти люди, как измерить их ненависть

к врагу, любовь к Родине? Нет такой меры. Ненависть была беспредельна, беспредельной была и любовь.

В заводском архиве бережно хранятся подшивки многотиражной заводской газеты военной поры.

В каждом номере — отчеты соревнующихся, трудовые рапорты, обязательства и клятвы. «...Я сообщила мужу на фронт, что детей наших не забыли: завком выдал им по паре обуви, 2 кубометра дров и 10 кг картофеля. Муж ответил, что он еще с большей энергией будет уничтожать фашистских мерзавцев. Я давала полторы нормы, а теперь буду давать две. Жена красноармейца Вельнина». Здесь же: «...Токарю Лопатинскому 15 лет, но он не отстает в работе от взрослых — выполняет норму не ниже 145 %»; «...27 июня Ираида Южанинова выполнила сменную норму на 538 %...»; «...Вступила в ряды партии. Хочу сполна отомстить немецким фашистам за гибель брата, за убийство отца, за пытки, перенесенные моей матерью. Бригадир Кулишова».

Объявления: «Во всех цехах продолжается сбор средств на постройку 16 артиллерийских батарей»; «При заводском спортивном обществе организуются: секция рукопашного боя и секция шахматно-шашечная, а в цехе тов. Бондаря — кружок минометчиков»... И последнее, от 9 мая 1945 года: «Завтра завод не работает — война кончилась».

...Нет, годы не заслонили от нас героического прошлого. И сегодня, спустя десятилетия, мы открываем все новые имена героев, с восхищением, великой благодарностью думаем о тех, кто вынес на своих плечах жесточайшую войну, кто подвигом, жизнью своей приближал долгожданный час Победы.

Август, 1974 г.

Давид РОДИНСКИЙ,
Николай ЦАРЬКОВ

УЛИЦА ТРЕХ БРАТЬЕВ

Имя Героя Советского Союза Александра Ильича Лизюкова стало широко известным с первых месяцев Великой Отечественной войны. Его младший брат Петр, командир артиллерийского полка, встретил врага на границе. Он тоже стал Героем Советского Союза. Оба брата: Александр — генерал и Петр — полковник погибли в боях за Родину.

В память о знатных земляках одна из улиц в Гомеле была названа именем братьев Лизюковых. А вскоре после этого в областной краеведческий музей пришла Лидия Афанасьевна Горюнова — двоюродная сестра героев. Она рассказала, что у гомельского учителя Ильи Устиновича Лизюкова было три сына. Однако о судьбе старшего — Евгения Ильича — даже в семье ничего не знали. Поиск длился долго...

Для Александра Лизюкова и его шестнадцатилетнего сына Юрия война началась под Борисовом. Лизюков возвращался из Москвы в штаб Западного особого военного округа. Поезда до Минска уже не шли — фашистский десант перерезал дорогу. В лесу на берегу Березины полковник Александр Лизюков буквально за несколько часов организовал таких же, как он, отпускников, возвращавшихся в свои подразделения. Под непрерывным артиллерийским огнем и бомбовыми ударами они удерживали переправу.

Где-то неподалеку вел бой артиллерийский полк майора Петра Лизюкова.

Лизюковы помнили наказ отца:

— За нашу Советскую власть стойте крепко!

Так сказал Илья Устинович в ту пору, когда Евгений — первым в семье — уходил добровольцем в Красную Армию. Через два года провожали Александра. Илья Устинович мог гордиться сыновьями. Евгений два года воевал, потом его послали учиться, и он стал красным командиром. Саша тоже воевал, с отличием окончил Ленинградскую высшую автоброневую школу. В одно из писем он вложил газету со своей статьей: «Чтобы стать хорошим командиром, человек должен знать все, с чем на войне придется встретиться: пехоту, артиллерию, бронесилы, авиацию, прожекторные части». А внизу — приписка от руки: «Буду учиться дальше».

Петр тянулся за старшими братьями, не расставался с книгой, написанной Александром,— «Беседа о танках и борьбе с ними». Он тоже мечтал о военной службе и в 1929 году стал курсантом 1-й Ленинградской артиллерийской школы имени Красного Октября. Здесь же в Ленинграде после участия в боях на КВЖД служил в штабе округа Евгений. В 1932 году ему пришлось по болезни уволиться в запас.

Александр командовал отдельной танковой бригадой. В составе советской военной делегации он побывал на маневрах французской армии. Ему доверили провести на первомайском параде по Красной площади головной танк «Киров». В газетах и журналах печатались его статьи.

В 1936 году у Лизюковых был семейный праздник: одновременно были награждены: Александр — орденом Ленина, Петр — орденом «Знак Почета». В 1940 году семья Лизюковых снова собралась вместе.

Илья Устинович глядел на сыновей и сравнивал. Как всегда, уверен, напорист и жизнерадостен Саша. У Петра тоже жизнь идет вперед полным ходом: майор, орденоносец, отец двух дочерей. И Евгений как будто поправился, снова мечтает о службе в армии. Такой была последняя встреча.

...Оборона на Березине задержала вражеское наступление на этом участке фронта — группа Лизюкова выполнила боевую задачу. Александра Лизюкова направили под Смоленск. Снова переправа, знаменитая Соловьевская переправа...

«Среди опасных неожиданностей, то и дело возникавших на этом ответственном участке, Лизюков чувствовал себя, как рыба в воде. Личная смелость его была безукоризненной, умение маневрировать малыми силами — на высоте»,— так говорил об Александре Лизюкове Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

«Я на фронте, добросовестно и честно служу любимой Родине, родной партии. Мне присвоено звание Героя Советского Союза. Обязуюсь это звание оправдывать до последних дней жизни»,— писал Александр Ильич жене.

Указ был опубликован 6 августа 1941 года. Евгений написал брату большое письмо с поздравлениями и просьбой «походатайствовать о зачислении на настоящую боевую работу, поскольку меня считают нестроевиком». Письмо попало к Александру, когда он командовал 1-й Московской мотострелковой дивизией.

Непоколебимо стояла эта дивизия на подмосковном рубеже. И снова, как привет и напутствие, получили братья газеты со снимком: комдив А. Лизюков принимает гвардейское знамя.

«Мы истребляем фашистскую нечисть упорно, решительно и безжалостно. И нет сомнения, что победим. С каждым днем приближается час расплаты» — это письмо написано в начале 1942 года. Александр Ильич был уже генерал-майором, командиром 2-го гвардейского стрелкового корпуса.

В то время вышли две брошюры А. Лизюкова — «Что надо знать воину Красной Армии о боевых приемах врага» и «Что надо знать бойцам при наступлении».

«Получил от тебя сразу два привета. Во-первых, дошли к нам твои книги, а, во-вторых, принесли мне листовку, которую сбросили фашисты. Крепко ты им насолил, если они тебя так честят»,— писал Петр брату.

Летом 1942 года советское командование начало создавать крупные танковые соединения. Командующим 5-й танковой армией стал генерал Александр Лизюков. Армию направили под Воронеж. Это были тяжелые дни.

У деревни Большая Верейка Александр Лизюков повел в очередную атаку своих танкистов. Рядом сражался 1-й гвардейский танковый корпус генерала М. Катукова, позже маршала бронетанковых войск.

«Среди боя мне доложили: подбит танк Лизюкова. Он остался на территории, занятой противником,— вспоминал маршал.— Я немедленно приказал прорваться туда и любой ценой эвакуировать танк. Мои гвардейцы предприняли атаку и выхватили машину Лизюкова, можно сказать, из пекла. В танке все были мертвы...»

О гибели брата Петр узнал, когда его полк сражался под Сталинградом. Погиб Александр, брат, друг, учитель. Не известно, где Евгений...

На рассвете, после атаки фашистов, на поле боя осталось 12 вражеских танков, бронетранспортеров, множество трупов. 651-й артиллерийский полк мстил теперь врагу и за брата командира.

«Жив, здоров,— писал Петр Ильич жене.— Вышлю новый адрес. Еду на отдых». Формирование и обучение 46-й истребительно-противотанковой бригады — таким был «отдых» Петра Лизюкова.

Боевое крещение бригада получила на Карельском перешейке. Вскоре ее перебросили в Прибалтику. В составе 11-й армии она участвует в разгроме тильзитской группировки врага и выходит на кенигсбергское направление.

«30 января 1945 года юго-восточнее Кенигсберга противник контратаковал танками и пехотой наши передовые части, и Петр Лизюков, будучи непосредственно в боевых порядках, пал смертью храбрых. За исключительно умелое управление частями бригады, личную храбрость и геройство, в результате чего противнику нанесены большие потери, полковник Лизюков Петр Ильич достоин присвоения звания Героя Советского Союза посмертно» (из наградного листа).

А как же сложилась судьба Евгения Лизюкова? В первый день войны он принес в военкомат заявление с просьбой направить его в действующую армию. Уже в июне — на фронте. В июле — ранен. После выхода из госпиталя признан негодным к строевой службе... Проследить дальнейший путь Евгения помогла короткая строчка в указе о награждении орденами и медалями белорусских партизан. В Минске в архивах мы перелистали множество документов. И наконец...

«Приказ № 6 по партизанскому отряду имени Фрунзе. Назначить командиром 2-й роты старшего лейтенанта Лизюкова Е. И.»

...После долгих и настойчивых просьб Евгений был направлен в распоряжение Центрального штаба партизанского движения. Архивные документы и воспоминания ветеранов помогают воссоздать портрет партизана Евгения Лизюкова.

«27.10.42 г. разгромлен гарнизон гитлеровцев в количестве 70 человек. За отличное выполнение боевого задания и проявленную отвагу награждаю Лизюкова Е. И. пистолетом».

«Мною было отдано приказание командиру 2-й роты Лизюкову Е. И. взорвать мост на дороге Слуцк — Минск. Задание выполнено. Отмечаю исключительно умелую и инициативную работу тов. Лизюкова по организации диверсий» (из приказов по партизанскому отряду имени Фрунзе).

«При разгроме Перышевского гарнизона противника тов. Лизюков со своей ротой с успехом разрешил самую сложную и трудную задачу этой операции. Он штурмом взял дзот противника и дважды отразил силами роты атаки прибывшего подкрепления.

В бою за дер. Осовец Стародорожского района ст. лейтенант Лизюков со своей ротой оказал противнику упорное сопротивление. Проявив смелую инициативу, он значительно меньшими силами выбил фашистов из деревни» (из наградного листа).

В июле 1943 года Евгений Лизюков был назначен командиром отряда имени Дзержинского.

7 июля 1944 года отряду Лизюкова было приказано следовать в Минск, освобожденный накануне, на партизанский парад. В лесу у дер. Гребень отряд столкнулся с окруженной группировкой врага. Партизаны смелым ударом рассекли эту группировку на две части. Ожесточенный бой перешел в рукопашную схватку. Пример мужества и отваги показывал командир. В этом бою он погиб смертью героя.

...Новая улица в Гомеле обрела свое полное имя — улица Евгения, Александра и Петра Лизюковых.

Январь, 1973 г.

Акрам ШАРИПОВ

НАД ШЕШУПОЙ

На рассвете 22 июня 1941 года внезапный выстрел подкосил бойца-пограничника, охранявшего мост через реку Шешупу. На противоположной стороне реки лежала Восточная Пруссия, в утреннем тумане чуть просматривались кирхи немецкого городка Ширвиндта.

Уже под грохот разрывов снарядов и мин командир заставы старший лейтенант Василий Губкин выбежал из дома, на ходу крикнул жене Алевтине, чтобы немедленно уезжала с детьми в тыл.

Алевтина растерялась. Как и все на границе, она чувствовала близость войны, и все же война обрушилась неожиданно. Алевтина никак не могла взять себя в руки, не могла сообразить, что уложить в чемодан. Тут в дом вбежал боец и сказал, что машина уже во дворе.

...Грузовик с семьями пограничников проехал по шоссе на Каунас километров семьдесят, когда завыла сирена. Алевтина увидела повисшую над машиной красную ленту трассирующих пуль. Грузовик резко затормозил, люди стали выпрыгивать. В кузове осталась лишь Алевтина с детьми. Самолет снова с воем пронесся над грузовиком. Какая-то женщина звала из кювета: «Беги! Спасай детей!» В ответ раздался крик, от которого вздрогнули все. Когда люди подбежали к машине и заглянули в кузов, то увидели, что Алевтина сидит, закрывая рукой рану на голове мальчика. Прильнув к матери, испуганно плакала дочь. Женщины помогли Алевтине вместе с дочкой выбраться из машины и вынести мертвого сына. Едва они отбежали, как грузовик охватило

пламя. Бомба взорвалась где-то невдалеке, их обдало взрывной волной. Послышались крики: «Немцы, немцы!» На гребне ближайшего холма показались солдаты с автоматами, в незнакомой форме. Алевтина с дочкой кинулась к проходившей мимо машине наших отступающих тыловых подразделений. Передав ребенка в кузов, хотела вернуться за телом сына, но чьи-то руки втащили ее в грузовик...

На станции красноармейцы помогли Алевтине сесть в поезд. Вечером состав попал под бомбежку.

Грохот взрывов смешался с людскими криками. Вагоны окутались клубами черного дыма. Алевтина, подхватив дочку, спрыгнула с подножки.

Через какое-то время поезд потихоньку двинулся, все с криком бросились его догонять. Каким-то чудом Алевтина вместе с ребенком успела взобраться в один из последних вагонов. Он был переполнен, но люди потеснились, и здесь Алевтина чуть не потеряла рассудок, увидев, что держит за руку чужого ребенка. Она не могла уже ни кричать, ни плакать. Лишь в отчаянии повторяла: «Вася, Вася...»

...Брат командира заставы Василия Губкина лейтенант Георгий Губкин боевое крещение принял под Сталинградом, командуя взводом. На Курской дуге командовал ротой. Освобождая Белоруссию, принял батальон. О брате знал — погиб на своей заставе, не отступив.

Война неумолимо приближалась к тем рубежам, где заполыхала она в 1941-м. Вперед, к границе с Восточной Пруссией, в направлении на Шталлупенен вырвались соединения левого крыла 3-го Белорусского фронта. Утром 14 августа 1944 года офицеры 184-й Краснознаменной дивизии генерал-майора В. Городовикова, в которой воевал комбат Георгий Губкин, сверили карты с местностью: до границы оставалось пятнадцать километров. Но какими были они, эти километры! Танкам предстояло преодолевать минные поля и противотанковые рвы, пехоте — по три ряда колючей проволоки и по четыре линии траншей на каждой позиции.

И снова бой, снова атака. Батальон Губкина шаг за шагом приближался к реке.

За 15 августа батальон Губкина продвинулся вперед

на пять километров. Вечером в батальон позвонил командир дивизии Городовиков:

— Где комбат?

— С солдатами на передовой, товарищ одиннадцатый,— отрапортовал заместитель командира батальона по политчасти Костин.

— Что же не дадите ему отдохнуть? Он у вас завтра на ходу заснет!

— Так разве его удержишь!

— Как солдаты?

— Рвутся в бой!

— Найдите Губкина. Передайте, чтобы срочно прибыл ко мне.

Губкин вернулся от комдива поздно, в двадцать два часа.

— С какими вестями, Георгий Никитович? — нетерпеливо спросил замполит Костин.

— С добрыми,— улыбнулся Губкин и развернул карту,— вот высотка, видишь? Три года назад на ней стоял наш пограничный столб. Мы должны его восстановить. Первый погранзнак, понимаешь?!

— Дождались! — выдохнул Костин.— Я пошел в роты — задача-то какая!..

Лишь перед самым рассветом на какие-то короткие десять минут заснул комбат. Привиделось ему: будто уже приехал он домой. Мать плачет, обнимает, а он передает ей горсть земли, политую кровью брата Василия...

А когда забрезжил рассвет, необычно прозвучали слова приказа: «...первыми проложить путь к границе фашистской Германии». Загрохотали орудия. Наступление началось. Гитлеровцы пытались любой ценой отбросить батальон Губкина от подступов к Науместису и неоднократно переходили в контратаки.

Одна из них пришлась на шестую роту. Лейтенант Ахметов докладывал:

— Около двадцати вражеских танков обходят с фланга.

— Держись! — крикнул Губкин.

Когда комбат добрался до роты Акимова, вражеские танки уже заходили в тыл позиций Ахметова. Два из них горели, подбитые артиллеристами. Сквозь гул кано-

нады Губкин уловил ружейно-пулеметную стрельбу, доносившуюся с участка роты Ахметова.

Быстро оценил обстановку. Приказал приданному артдивизиону подавить фашистские минометы на восточной окраине Науместиса. Сам же с ротой Акимова контратаковал с фланга наступавшую за танками немецкую пехоту. Гитлеровцы, попав под внезапный огонь, залегли. Танки, боясь оторваться от пехоты, остановились, ведя огонь с места.

О контратаке немецких танков и мотопехоты успели доложить в дивизию. Городовиков попросил командарма помочь авиацией. С неба по вражеским танкам ударили наши «илы» и подожгли несколько машин. Гитлеровцы не выдержали сосредоточенного удара с воздуха, стали отходить.

И все же к вечеру роты передового батальона так и не смогли достичь границы. Гул боя затих. Уставшие солдаты засыпали кто где мог. Догорал закат. Георгий Губкин, взобравшись на высокий тополь, увидел вдалеке черепичные крыши домов и островерхие кирхи. Это был немецкий город Ширвиндт. Чуть левее виднелся Науместис. В центре его возвышался белый костел, освещенный багрянцем заката. Поблескивала вдали лента реки Шешупы — государственная граница, до которой оставалось меньше двух километров.

С рассветом на следующий день вновь заговорили дивизионные гаубицы. Ширвиндт окутало дымом пожарищ. Минометы врага умолкли. Наша артиллерия перенесла огонь в глубь обороны противника. Дробь пулеметов и автоматов, крики «ура» слились с гулом штурмовиков. Батальон Губкина стремительно поднялся в атаку.

За батальоном неотступно следовал капитан Михайлов — командир приданного минометного дивизиона. Когда отдельные огневые точки врага оживали и пулеметные очереди прижимали наступающих, Михайлов засекал их и накрывал огнем минометов. Путь батальону прокладывали танки Турчака, противотанковые батареи Щербакова.

На окраине Михнайце бойцы попали под сильный пулеметно-автоматный огонь. Солдаты залегли. Тогда

замполит Костин с криком: «Вперед, за Родину!» бросился в атаку, увлекая за собой роту Зайцева. Поле боя вздрогнуло от многоголосого «ура». Чаще застучали наши пулеметы и автоматы. Левее дороги на Науместис бежала в атаку группа солдат во главе с комсоргом батальона. Плотность вражеского огня здесь настолько возросла, что бойцы вынуждены были залечь и окопаться.

Губкин не поверил своим глазам. Впереди батальона раскинулось море полевых цветов в сине-розовых оттенках. Как будто кто-то специально застелил путь к границе живым ковром. Лишь зияющие черные ямы на клеверном лугу, выхваченные разрывами снарядов и мин, напоминали о поле боя. До Шешупы оставалось несколько сот метров.

Впереди наступающих оказалось отделение сержанта Закаблука. Бойцы по-пластунски просочились в оборону противника. Перед ними змейкой тянулась лощина, углубляясь в сторону долины реки. По ней вырвались Чернобаев и Жубатырев. Осколки вражеских снарядов и пуль теперь визжали над их головами. Закаблук чуть не заплакал от радости, когда показалась наконец гладь Шешупы. Отсюда хорошо просматривались траншеи немцев, блестевшие на солнце каски гитлеровцев. Закаблук прицелился...

Вскоре сюда прорвался с группой солдат замполит Костин. Он первым заметил спины фашистов, уходивших на резиновых лодках на ту сторону пограничной реки. Костин возглавил последний бросок к реке.

— Приказ выполнен! Граница восстановлена. Флаг! Флаг сюда, хлопцы! — восторженно закричал он.

Сержант Закаблук протянул ему красное полотнище на древке. И Костин со всей силы вогнал древко в землю на советском берегу Шешупы.

В семь часов тридцать минут 17 августа первой достигла государственной границы Советского Союза рота Зайцева. Чуть позже сюда выдвинулась рота Евдокимова, в сопровождении связных подошел комбат Губкин. Комбат раскрыл карту, потом приник к окулярам бинокля. Сомнений не было. Лицо Георгия Никитовича сияло.

— Дорогие мои, свершилось! — воскликнул он.— Поздравляю вас с выходом на Государственную границу СССР! — И троекратно поцеловал сержанта Закаблука, стоявшего рядом, затем заключил в объятия Костина.

...Коротко фронтовое затишье. Вскоре противник контратаковал батальон со стороны Науместиса. Вражеская контратака захлебнулась. Возвращаясь на свой КНП, у станкового пулемета Губкин увидел носилки, прикрытые плащ-палаткой. Приоткрыл край плащ-палатки и оцепенел — на носилках лежал убитый сержант Закаблук. Комбат вытащил из кармана гимнастерки комсомольский билет, залитый кровью. Кандидатскую карточку Закаблук так и не успел получить: непрерывно находился в бою. Комбат достал из планшетки сержанта еще какие-то бумаги и среди них неотправленное письмо к отцу...

А через несколько дней в «Правде» был опубликован очерк «Граница». С газетного листа смотрели усталые, счастливые, веселые лица воинов: капитан Губкин, капитан Юрган, рядовой Ушков, сержант Закаблук...

В далеком Благовещенске, вернувшись с завода после ночной смены, Алевтина Губкина развернула газету и замерла. Перед глазами замелькали слова: Науместис, Губкин, граница...

«Васенька, это ты?» — вскрикнула Алевтина. Газета выпала из ее рук, и женщина бессильно опустилась на кровать. Уткнувшись в подушку, она зарыдала.

— Мамочка, что с тобой? — бросилась к ней приемная дочь Галя.

Алевтина привстала, погладила девочку по голове, подняла с пола газету и вновь вгляделась в фотографию.

— Это твой дядя Георгий...

Апрель 1980 г.

Николай ДЕНИСОВ,
Анатолий ХОРОБРЫХ

ПАРТИЗАНСКИЙ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

Почти шестьсот военных суток в старинном двухэтажном здании неподалеку от Кремля напряженно трудились десятки людей: партийные и советские работники, связисты, разведчики, минеры, армейские специалисты различного профиля. В ту сложную пору Великой Отечественной, когда шли бои на Дону и Северном Кавказе, гремела Сталинградская битва, когда в сражении на Курской дуге советские воины ломали бронированный хребет гитлеровской военной машины, отсюда, из дома на тихой московской улочке, тянулись крепкие нити связи с советскими патриотами, поднявшими по зову Коммунистической партии знамя всенародной борьбы в тылу врага.

«Наше партизанское движение,— отмечал М. И. Калинин,— вылилось во всеобщую народную борьбу, нараставшую с каждым месяцем. Громадную роль сыграла в этом движении наша партия. Коммунисты стали инициаторами и организаторами первых партизанских групп. Большую долю успеха следует отнести за счет централизованного и целеустремленного руководства партизанским движением».

— Мысль о создании единого центра, координирующего ход этой борьбы, зрела еще с лета сорок первого года,— рассказывал на беседе в «Правде» бывший начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко.— Ее высказывали руководители партизанских формирований и подпольных организаций. Выдвигались разные проекты. Не все оказались жизнен-

ными, отвечавшими смыслу и характеру партизанской войны — движения добровольного, массового, рожденного великими идеями защиты социалистической Отчизны. В основу работы образованного в конце мая 1942 года Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, а также республиканских и областных штабов был положен главный принцип: партийное руководство всенародным сопротивлением в тылу врага, которое к тому времени возглавляли более 65 000 коммунистов. Вся деятельность штаба проходила в соответствии с решениями Центрального Комитета партии, постановлениями Государственного Комитета Обороны, указаниями Ставки Верховного Главнокомандования и, разумеется, в тесном контакте с руководящими партийными органами республик и областей, Военными советами фронтов и армий. Некоторое время по поручению ЦК партии вопросами партизанского движения непосредственно занимался Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

Первое, с чего пришлось начинать работникам Центрального штаба,— установление прочной связи с крупными партизанскими формированиями и подпольными центрами — по радио, самолетами, с приземлением на партизанских посадочных площадках; и, конечно, личной: посланцы из-за линии фронта — в Центральном штабе, его представители — среди партизан, в подполье.

— Всего месяц был дан для организации радиоцентров,— вспоминает И. Н. Артемьев, опытный командир-связист, прибывший в штаб с Брянского фронта.— Собрали мастеров-коротковолновиков. Изучили портативную рацию «Север», на которой можно было достаточно надежно работать в радиусе более полутысячи километров. Освоили правила приема и передачи депеш. За три дня до срока я доложил начальнику штаба: узлы связи к работе готовы, с некоторыми партизанскими отрядами ведутся переговоры...

Не обошлось без недоразумений. Двух радистов, заброшенных с «Севером» на Гомельщину, местные партизаны приняли за чужих, грозили расстрелом. «Если вы действительно из главного партизанского штаба,— сказал командир отряда,— передайте на Большую землю

итог наших боевых действий. Услышим их в завтрашней сводке Совинформбюро — поверим...»

Получив такую радиограмму, взволнованный Артемьев примчался из-под Подольска в Москву: «Что делать, ребята могут погибнуть ни за́ что, ни про́ что». И хотя время было позднее, все же в очередную сводку удалось включить вести и с Гомельщины.

Через два-три месяца число партизанских соединений, имевших постоянную связь с Центральным штабом, возросло вдвое. Одним из первых результатов того явились созванные в конце лета 1942 года совещания представителей подпольных партийных органов, командиров и комиссаров крупных партизанских формирований Украины, Белоруссии, Брянщины, Смоленщины, Орловщины. На них был обобщен накопленный опыт, определены основные направления боевой деятельности в тылу врага. Руководителей партизанского движения приняли в ЦК партии. На основе накопленного опыта был издан приказ наркома обороны. «...Развернуть борьбу против врага в его тылу еще шире и глубже,— говорилось, в частности, в этом приказе,— бить фашистских захватчиков непрерывно и беспощадно, не давая им передышки».

Много внимания в Центральном штабе уделялось подготовке квалифицированных специалистов для работы в тылу врага. Для этого были созданы специальные школы как на Большой земле, так и в партизанских районах.

Мы смотрим в опаленные временем лица собравшихся на беседу бывших работников штаба, а за ними как бы встают известные партизанские командиры, тоже посетившие в свое время «Правду»,— А. Ф. Федоров, С. А. Ковпак, А. П. Горшков, А. И. Ижукин, А. Н. Сабуров и другие; нам видятся знакомые авиаторы, с непревзойденной отвагой прокладывавшие опасные маршруты к партизанам; героические подрывники и минеры, связные и подпольщики; вся огромная армия участников всенародной борьбы в тылу врага. Каждый из наших собеседников пришел в Центральный штаб своим путем, каждому запомнились выразительные детали работы в нем.

С. С. Бельченко (бывший пограничник, заместитель начальника Центрального штаба):

— Трудно переоценить значение разведки, которую партизаны вели в тылу противника. Сведения о сосредоточении его крупных сил, в том числе в районе Курской дуги, Ставка получила от партизан. А сколько усилий потребовали контрразведывательная работа, разоблачение вражеской агентуры! В основу своих действий партизаны и подпольщики положили прежний опыт нелегальной работы нашей партии, опыт чекистов, пограничников...

У В. Н. Малина, бывшего начальника политотдела Центрального штаба партизанского движения, сохранилось несколько крупномасштабных карт, густо испещренных разноцветными кружочками, квадратиками, треугольничками — условными обозначениями партизанских соединений, подпольных центров, обширных партизанских краев. Туда, за линию фронта, политотдел направлял агитаторов и лекторов.

В. Н. Малин:

— Только за первые четыре месяца работы штаба мы забросили в тыл врага более шести миллионов листовок и брошюр. Каждую из них читало множество людей. На Витебщине один экземпляр «Правды» с материалами о 25-летии Великого Октября побывал в руках двадцати тысяч человек. Фильм о битве под Москвой просмотрело сто тысяч зрителей партизанских краев...

За каждой цифрой — невидный на первый взгляд, но большой, поистине благородный труд. Уральские мастера по заказу Центрального штаба изготовили портативные типографии. Около сотни комплектов такого полиграфического оборудования было переброшено на Украину, в белорусские леса, на Смоленщину, Брянщину и Орловщину, в Краснодарский край, Ленинградскую область и другие места. Это позволило издавать за линией фронта не только листовки, но и подпольные газеты — их выходило в пору войны до 400.

Партизанская финансовая служба работала четко: тем, кто находился в тылу врага, соответствующие суммы денег начислялись на личные счета; семьи партизан получали пособия через военкоматы...

В партизанские зоны, в подпольные партийные организации систематически направлялись работники Центрального штаба. Помощнику начальника штаба по работе с молодежью в тылу противника А. В. Торицыну не раз доводилось бывать там, где отважно сражались комсомольцы — партизаны и подпольщики. В 1943 году одиннадцати партизанским комсомольским организациям были вручены Красные знамена ЦК ВЛКСМ. А. В. Торицын, в частности, вручил такое знамя ленинградским партизанам, действовавшим в районе Луга — Струги Красные.

Слово берет В. И. Гарбуз. Ему, бывшему командиру артиллерийского полка, была поставлена задача организовать снабжение партизан и подпольщиков оружием, боеприпасами, медикаментами, а когда нужно, то и продовольствием.

На первых порах личное оружие партизаны добывали на месте. Своеобразным пропуском для приема в партизанский отряд являлись добытые патриотом винтовка или автомат. Но все же значительная часть личного оружия, а также пулеметы, минометы, противотанковые ружья и даже пушки перебрасывались с Большой земли по воздуху.

В. И. Гарбуз:

— Ставя задачи боевых операций, наш штаб стремился всячески обеспечить их, перебросив в нужное время в нужные районы нужное количество оружия и боеприпасов. Воздушные мосты действовали бесперебойно — за войну было совершено более 100 000 самолето-вылетов к партизанам. Туда, за линию фронта,— вооружение и боеприпасы, оттуда на Большую землю — раненые, дети, больные — десятки тысяч людей...

Все возраставшая ненависть к врагу, успехи нашей армии на фронте, неколебимая вера в правоту дела партии вдохновляли советских людей, находившихся в тылу противника, на всемерное усиление борьбы с фашистскими захватчиками. К концу 1943 года численность вооруженных партизан, с которыми штаб поддерживал связь, возросла почти вчетверо. С каждым днем совершенствовалось их взаимодействие с войсками Советской Армии. Один из примеров — «рельсовая война».

— Идея внезапного, хорошо скоординированного удара по железнодорожной сети врага на огромном пространстве,— вспоминал **П. К. Пономаренко** — увлекла партизанских командиров и комиссаров. Нашу инициативу одобрила Ставка...

Речь шла о широкомасштабном подрыве железнодорожных рельсов на магистралях противника, находившихся на территории протяженностью около 1000 и глубиной до 750 километров. Для этой цели в массовом количестве изготавливались специальные, облегченные, толовые заряды. В партизанские соединения, в целях скрытности управления, с устным приказом о начале «рельсовой войны» были направлены десятки работников штаба и Центрального Комитета ВЛКСМ.

— В ночь на 3 августа 1943 года последовали одновременные удары по железнодорожной сети врага,— продолжал П. К. Пономаренко. — Следующим утром позвонил Верховный Главнокомандующий: Как дела? Доложил ему: пока итоговых сведений нет, подрывники только возвращаются на базы. А назавтра стало известно: в первый день операции партизаны подорвали десятки тысяч рельсов. Поздним вечером в Москве прозвучал салют в честь советских воинов, освободивших Орел и Белгород. Вслушиваясь в праздничные артиллерийские залпы, мы невольно думали о том, что они раздаются и в честь героев-партизан, активно взаимодействовавших с фронтами.

Подрыв рельсов вел к крушениям воинских эшелонов противника, сопровождался взрывами мостов, станционных сооружений. На этом этапе «рельсовой войны», длившемся до первой половины сентября, действовало около 100 000 партизан. А затем начался ее второй этап — «Концерт»; для участия в нем Центральный штаб дополнительно привлек многие партизанские отряды Прибалтийских республик, Карелии, Крыма. Новое, замечательное подспорье нашим войскам: маневр противника резервами оказался сорванным, снабжение его частей — нарушенным.

...«Рельсовая война», глубокие партизанские рейды, ощутимые удары подпольщиков, непрерывная разведка, активное взаимодействие с фронтами. Множество бое-

вых задач успешно решали в годы войны советские партизаны. Руководимые партийными организациями, они были грозой для гитлеровских захватчиков. Своей отвагой, мужеством, беспредельной верностью Родине они оказали большую помощь воинам-фронтовикам. Никогда в прошлом партизанская борьба не достигала такого размаха и эффективности, не была столь организованной, как в пору Великой Отечественной войны. Впервые она управлялась централизованно и была подчинена задачам, решаемым Советскими Вооруженными Силами. Это придало нашему партизанскому движению небывалую мощь, сделало его важным стратегическим фактором в борьбе с врагом.

Май, 1977 г.

Леонид ЕВТУХОВ,
Петр СТУДЕНИКИН

АДРЕС — СТАВКА

...В годы войны мне приходилось встречаться на фронте с шифровальщиками, сопровождавшими представителей Ставки Верховного Главнокомандования Г. К. Жукова, А. М. Василевского и других военачальников,— Костей Храмцовским и Павлом Пениным. Об офицерах спецсвязи газеты тогда не писали. Даже родные не догадывались о роде их занятий. Так было нужно. Но, возможно, теперь настало время рассказать и о них.

В. Стародубцев,
ветеран войны.

Ваши фронтовые знакомые, Владимир Игнатьевич, живут в Москве, оба — на пенсии. Мы встретились на квартире у Константина Ивановича Храмцовского. На его рабочем столе — книга А. М. Василевского «Дело всей жизни». Первое издание. С автографом: «Константину Ивановичу Храмцовскому с сердечной благодарностью за огромную помощь мне при работе в Генштабе и особенно на фронте. С приветом и самыми добрыми пожеланиями — на долгую память. А. Василевский». Над стареньким диваном на серебряной цепочке висят карманные часы «Омега» — подарок маршала.

Бывшие офицеры спецсвязи встретили нас в орденах. У Павла Александровича Пенина среди многих других — орден Александра Невского. Им, как известно, награждали за заслуги в руководстве боевыми операциями. Но шифровальщики?

— Это было уже в Берлине,— вспоминает Павел Александрович.— Приказали явиться к Жукову. Мар-

шал поздоровался, прошелся по кабинету: «Помнится, товарищ Пенин, говорили мы как-то об отдыхе после войны. Обещал, что дам возможность выспаться. Но вряд ли выспишься — дел не убывает. Зато...— он подошел ко мне,— от имени Президиума Верховного Совета СССР вручаю вам орден Александра Невского. Считаю — правильная награда. Хорошая работа шифровальщиков помогла выиграть не одно сражение!»

...Так сложилось, что П. Пенин постоянно обеспечивал шифросвязью Г. К. Жукова, а К. Храмцовский — в основном А. М. Василевского. Они очень несхожи друг с другом: Пенин — худой, настороженный, готовый, кажется, в любой момент «умчаться по вызову»; Храмцовский — нетороплив, спокоен... Но что-то неуловимое в интонации, мимике, в особой скупости разговора подсказывает — это «братья по цеху».

Судьба свела их еще в начале 30-х годов, когда столяру, члену Киевского горкома комсомола Павлу Пенину и профсоюзному активисту из Ржева Косте Храмцовскому предложили работать в условиях особой секретности.

В школу шифровальщиков отбирали людей, беспредельно преданных Родине. Правда, обучать их приходилось чуть ли не с азбуки — работа шифровальщика требует отличного знания языка.

Первым учителем П. Пенина и К. Храмцовского стал Иван Васильевич Будилев. Строг был «Старик». Иной раз и так поступал:

— Храмцовский! У вас есть сберкнижка? Оденьтесь-ка и сходите на Арбат. Деньги, на которые собирались обедать, положите на книжку и обратите внимание, как пишется слово «гознак». Может, хоть таким образом запомните, что «буква «с» в нем лишняя.

Вот и во время событий на Хасане и Халхин-Голе в Генштаб иногда поступали и такие телеграммы: «Пришлите 100 матологов», или: «Кочующие части орудий требуют следующих доработок...» Будилев сокрушенно поправлял красным карандашом «100 матологов» на «стоматологов», «кочующие части» на «качающиеся части».

Позже, уже в Великую Отечественную, один из молодых лейтенантов допустил при шифровании ошибку в названии станции назначения: эшелоны с войсками и боеприпасами могли оказаться совсем на другом участке фронта. Это уже было «ЧП», за которое по законам военного времени офицер подлежал суду военного трибунала. Начальник Генерального штаба вызвал Будилева и приказал назначить расследование.

— Ошибку допустил я,— ответил Будилев.

Маршал А. М. Василевский помолчал, прошелся по комнате:

— Я сам лучше кинусь под паровоз, чем брошу на рельсы героя... Так, кажется, сказал Михаил Светлов? Но ваш шифровальщик — не герой. То, что он сделал, называется воинским преступлением. А вы, Иван Васильевич, такую элементарную ошибку допустить не могли. Опыт не позволил бы.

— Позволил, товарищ маршал, позволил. Ошибка заключается в том, что парню было еще рано доверять самостоятельную работу. Следовательно, наказывать надо меня.

Полковник И. В. Будилев... Мы были первыми и последними журналистами, с кем говорил о своей работе Иван Васильевич. Воспитав поколение советских шифровальщиков, он оставил заповедь молодым офицерам: «Помните, разведки всего капиталистического мира объединили свои усилия в поисках доступа к нашим государственным и военным тайнам. Вам доверена работа в Генеральном штабе. От вашего умения хранить секреты зависит безопасность Родины».

...В личном деле К. Храмцовского фронтовая биография уместилась в колонке цифр: «15.11.42 г.—15.2.43 г.— Донской фронт; 16.2.43 г. — 14.5.43 г. — Воронежский; 23.7.43 г. — 20.10.43 г. — Воронежский; 21.10.43 г.— 10.4.44 г.— 3-й Украинский; 11.4.44 г.— 11.5.44 г.— 4-й Украинский; 4.6.44 г.— 2.12.44 г. — 2-й Белорусский; 5.12.44 г.— 4.2.45 г.— 2-й Прибалтийский». Это даты выездов на фронт вместе с Маршалом Советского Союза Василевским. Из 34 месяцев войны, которые А. М. Василевский был начальником Генерального штаба, 22 приходится на самые горячие места сражений. Иной

раз по одному дню на участок фронта. Вот они-то и самые тяжелые для шифровальщика.

Вьюжит белая метель телеграмм: донесения, приказы, сводки, директивы — и все срочные. А он, как гребец в лодке, плывущей против течения: отложил весла на минутку, и понесло...

Из воспоминаний К. Храмцовского:

— Осень сорок второго. Позвонили из Ставки: «Срочно Храмцовского!» Это от Жукова. Ставка почти рядом — в метро «Кировская». Ночь. Патрули придирчиво осматривают документы. Холодный синий свет карманных фонариков скользит по лицу. В метро для меня сразу включили эскалатор.

Почему-то вспомнился август сорок первого. Ясный погожий день — район Ельни. Жуков сидит под тенистой яблоней.

— Ознакомьтесь с текстом.

И сейчас почти дословно помню эту телеграмму. «Товарищу Сталину... Еще и еще раз проанализировав общую стратегическую обстановку и характер действий противника, как член Ставки счел себя обязанным еще раз повторить свои прежние предложения о неизбежности ударов немецко-фашистских войск во фланг и тыл Центрального, а затем Юго-Западного фронтов...» И далее — план строительства оборонительных рубежей в глубоком тылу. Вот уже 19 дней, как Жуков не начальник Генерального штаба. Но не твоя это, шифровальщик, забота. А вот страниц-то в телеграмме почти двенадцать. Многовато.

— Все ясно? — смотрит тяжелым взглядом.

— Так точно! Разрешите взять кого-нибудь в помощь? Один могу задержаться до поздней ночи.

— До поздней ночи? — Задумался.— Садитесь, берите яблоки. Ишь какие краснобокие, с росинкой.

— Но... нужно торопиться!

— Садитесь! Ну вот, уважили. Теперь слушайте. Это не тот случай, когда быстрота обработки документа решает судьбу дела. Блицкриг у немцев не вышел, надо готовиться к другому развитию событий. А насчет помощника и сами могли бы догадаться — в передаче та-

ких сведений даже одно звено — много. Умел бы, сам сделал. Идите!

Вот и теперь. Встретил сухо, молча протянул телеграмму. Писал сам, карандашом. Речь идет об операции «Уран», которая станет потом известной миру как начало разгрома фашистов под Сталинградом.

— Вы понимаете важность сохранения тайны написанного?

— Так точно!

— Работайте!

В приемной вложил я телеграмму в пакет. Адъютант Жукова предложил «засургучить» ее. И вдруг на пороге появился Жуков — бледный, губы сжаты:

— Храмцовский! Почему документ в руках моего адъютанта?

— Он не видел телеграммы, только поставил сургучную печать!

— В гражданскую войну комиссары, случалось, придерживались для коммунистов особого дисциплинарного устава. В нем было только три наказания: замечание, предупреждение, расстрел. Вы коммунист? Считайте, предупреждение получили.

Из воспоминаний П. Пенина:

— От шифровальщика требуется предельное внимание и точность.

Я еще носил в петлицах по два красных кубика, когда меня вызвал маршал Шапошников. «Садитесь, лейтенант. Садитесь и почитайте-ка мне вот это, голубчик». «Голубчик» — его любимое слово. Почерк мелкий, но удивительно четкий, будто типографским шрифтом отпечатано.

— Погоди, погоди, лейтенант. Во втором предложении, по-моему, есть разделительное тире. А чуть ниже перечисления идут через точку с запятой...

Да, малейшая ошибка шифровальщика могла привести к тяжелым последствиям.

Требовалось от шифровальщика и умение оценить оперативность поступающих документов. Как-то в три часа ночи пришла директива на имя Жукова. Пометка: «Вручить немедленно!»

Несмотря на возражения адъютанта — маршал спал в те дни по 3—4 часа,— решил его разбудить. Жуков включил настольную лампу, прочел шифровку, сказал: «Зайдите в 10.00 и доложите повторно».

А утром разговор:

— Почему приняли решение разбудить? В Ставке полагают, что вы разбираетесь в обстановке и можете оценить подлинную оперативность документа. В данном случае шифровку следовало доложить утром. И поймите, это не укор за то, что разбудили, а тревога, что в другой обстановке начнете слепо верить грифу, особенно если он поставлен высокой инстанцией.

...У каждой профессии — своя мера времени. Одна у хлеборобов, другая — у летчиков-истребителей... У шифровальщиков — своя. Скажем, от момента подписания документа до вручения его адресату в ту пору отводилось не более 35—40 минут. Много это или мало? Поверьте на слово — это был предел виртуозного владения техникой своего дела. Работать приходилось по 16—18 часов. Чем важнее готовилась операция, тем меньше людей должно было о ней знать.

Каждый из шифровальщиков помнит много шифровок — сжатые в группы цифр приказы, директивы. Но некоторые вошли в жизнь как строчки собственной биографии.

При освобождении Севастополя планом предусматривалось, что перед штурмом города дальняя бомбардировочная авиация нанесет удары по основным укрепленным районам противника. Неожиданно поступило сообщение, что наши части ворвались в город раньше, чем предполагалось. С пометкой «Срочно» А. М. Василевский написал приказ авиационной группе перенести удар с города на море — по удиравшим фашистским кораблям. Храмцовский бежал к узлу связи, когда увидел наши тяжелые бомбардировщики над городом. Радист стучал ключом, а ему представлялось, что самолеты уже ложатся на курс бомбометания. Вот сейчас откроются люки и бомбы посыплются на свои войска. Но, совершив маневр, бомбардировщики удалились в сторону моря. Значит, шифровка принята.

Доложил о случившемся в Москву по радио. Ждал похвалы. Пришел ответ: «Почему не поступило подтверждение проводом?» Сгоряча ответил: «Ваш запрос получил тоже по радио». И результат: «Начальник управления объявляет вам выговор».

За обедом сидел угрюмый. А. М. Василевский, которому доложили о случившемся, тоже ел молча. Потом он достал карманные часы «Омега» и, как бы любуясь циферблатом, спросил:

— Что, Константин Иванович, досталось на орехи? Не огорчайтесь. Вы сегодня выиграли бой у самого грозного командующего — у Времени. Примите от меня часы в подарок...

Нет, им не приходилось ходить в атаки, участвовать в штурме городов. И маршал Г. К. Жуков, и маршал А. М. Василевский, когда выезжали на передовую, часто приказывали: «Пенина (или Храмцовского) не брать!» Им просто запрещалось рисковать своей жизнью.

В других условиях приходилось работать тем шифровальщикам, которые обеспечивали спецсвязью армии, корпуса, дивизии.

...Офицер спецсвязи Л. Транцев вез секретные документы и шифры под охраной трех танков и взвода пехоты. Колонна попала в засаду. Завязался неравный бой: танки и охрана были расстреляны в упор. В автобус с документами попал снаряд — Транцеву перебило обе ноги. Истекая кровью, шифровальщик вскрыл сейфы, зажигательной смесью поджег документы и автобус и отстреливался от наседавших фашистов, пока не сгорел вместе с машиной.

В архивах сохранилось донесение о подвиге радистки Елены Стемпковской: «...фашисты прорвались на КП, где у радиостанции бессменно в течение многих часов дежурила младший сержант Елена Стемпковская. Мужественная девушка бросила две гранаты в набегавших фашистов, троих сразила из винтовки. Но силы были неравные — радистку схватили и подвергли нечеловеческим пыткам, добиваясь от нее кодовой переговорной таблицы со штабом дивизии... Ее били

прикладом, топтали сапогами, рвали волосы, кололи штыками. Ничего не сказала врагам верная дочь Родины. Тогда гитлеровские палачи отрубили ей обе руки и повели на казнь».

Елене Стемпковской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

По инструкции Генерального штаба шифровальщики на фронте обеспечивались усиленной охраной. Но случалось и так, что вместо положенной охраны шифровальщик ставил перед собой канистру бензина, горку гранат и снимал пистолет с предохранителя. За шифрами охотились разведки противника. По вермахту даже был издан такой приказ: «...кто возьмет в плен русского шифровальщика, будет награжден крестом, отпуском на родину и обеспечен работой в Берлине».

...После войны, работая над книгой, А. М. Василевский пригласил к себе К. И. Храмцовского. На столе — груды папок с шифровками.

— Узнаете свою работу, Константин Иванович?

— Как не узнать! Каждую телеграмму сам пронумеровал, разобрал по папкам, прошнуровал и скрепил личной печатью.

— Отличная работа! — маршал положил руку на папки.— Ни одно донесение о готовящихся военно-стратегических операциях нашей армии не стало достоянием фашистских разведок. Вот так-то!

Март, 1979 г.

Сергей СМИРНОВ

СОРОК ПЯТЫЙ

Четыре раза Новый год приходил к нам, одетый в военную шинель. И каждый раз приносил самый заветный в то время подарок — добрые вести с фронта.

Новый, сорок второй год пришел в разгар наступления Красной Армии под Москвой, овеянный славой нашей первой крупной победы. Советские воины шли вперед по снежным полям Подмосковья, тесня гитлеровцев.

Потом опять было безмерно тяжкое время, когда враг оказался на берегах Дона и Волги, на перевалах Главного Кавказского хребта. И все-таки новый, сорок третий год снова рождался в торжественном громе победы — враг был разбит под Сталинградом.

Сорок четвертый год мы встречали с уверенностью в новых успехах на фронтах и в тылу. И год этот оправдал надежды. Мы изгнали врага с советской земли почти на всем ее протяжении, начали освободительный поход в европейские страны.

Наступило 1 января сорок пятого года. Теперь мы уже не только надеялись, а и знали, что этот год будет годом окончательного разгрома фашизма, первым годом мира в Европе. Но мы также понимали, что до полной победы оставались сотни километров боевого пути и их придется оплачивать сотнями тысяч жизней.

На рубеже Вислы и на плацдармах ее западного берега, где стояли войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, царило предгрозовое затишье. Хотя накануне Нового года там шли лишь бои местного значения, к центру всего советско-германского фронта было

приковано внимание людей в нашей стране и за рубежом — все ожидали, что главные, решающие события последнего года войны развернутся именно там.

Еще не смолкло эхо последнего сильного контрудара гитлеровских войск на западе, когда в декабре они неожиданно перешли в наступление в Арденнах и едва не разрезали надвое фронт англо-американских армий. Встревоженные этим внезапным ударом, союзники обратились тогда к нам, прося ускорить наступление на востоке, чтобы помочь ликвидировать угрозу, нависшую над их войсками. Верное союзническому долгу, советское командование откликнулось на этот призыв.

В середине января загремели пушки 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов — началась мощная Висло-Одерская операция Советской Армии. Она была подхвачена нашим наступлением в Восточной Пруссии, на юге в районе Карпат, в Чехословакии, Венгрии, Югославии и Австрии. Небо Москвы то и дело озарялось победными салютами: освобождена Варшава, враг изгнан из Лодзи и древнего Кракова, взят Будапешт, взята Вена, рассечена и уничтожается группировка противника в Восточной Пруссии, начались бои за Кенигсберг... И так вплоть до 16 апреля, когда, снова рванувшись вперед, теперь уже с заодерских плацдармов, наши фронты двинулись на Берлин. Наступил последний акт войны — штурм фашистского логова.

Быть может, в эти дни с особой силой проявились высокая гражданственность советских воинов, присущее им глубокое и самоотверженное чувство долга перед Родиной. Победа, о которой мы мечтали четыре года, во имя которой отдали столько жизней, крови, солдатского и трудового пота, была теперь совсем близка — до нее оставались считанные дни. Но все знали — она не придет сама, ее надо добыть в огне яростного сражения, вырвать из зубов судорожно сопротивлявшегося врага. За нее еще предстояло заплатить дорогой ценой. Однако сознание этого уже не могло омрачить радостного возбуждения, охватившего наступающие войска. В неудержимом боевом порыве, полные счастливого предчувствия близости общего торжества, люди шли в огонь, бросались в атаки и бестрепетно умирали, завещая радость

Победы народу, тем, кто оставался в живых. Они знали: если все захотят дожить до Победы, до нее не доживет никто.

Сама природа, казалось, в эти дни радовалась вместе с нами. В белом цветении яблонь, в фиолетовой пене цветущих сиреневых кустов стояли сады, и зеленые ковры лугов были вытканы весенним разноцветьем. Весна в Европе была пышной и богатой, будто земля впервые проснулась после фашистской зимы и военной вьюги и ожила в предчувствии мира и свободы.

Этот мир добывали советские воины на улицах и площадях Берлина. В последних числах апреля бои достигли центра города. 30 апреля начался штурм рейхстага. В этот день всего в нескольких сотнях метров оттуда в подземелье глубокого «бункера Гитлера», неслышный в разрывах советских снарядов, прозвучал пистолетный выстрел, которым покончил с собой «фюрер» фашистского рейха, унося с собой в могилу проклятие человечества. И вскоре над рейхстагом взвилось алое знамя нашей Победы.

Это знамя было великолепным итогом и красноречивым символом всей нашей четырехлетней борьбы. Алые нити его были как бы окрашены кровью героев, тех, кто пал, защищая Москву и Сталинград, кто сражался на полях Курской битвы и в Белоруссии, кто остался в бесчисленных братских могилах на всем пути войны. Ткань его словно впитала в себя безмерные трудовые усилия миллионов советских тружеников, женщин, подростков, самоотверженно работавших на заводах и на полях и давших фронту все необходимое для Победы — боевую технику и оружие, боеприпасы и продовольствие, одежду и медикаменты. В этом победном знамени были воплощены и великий героизм народа, и поистине титаническая организаторская и воспитательная работа ленинской партии и Советского государства, сумевших в невиданно короткий срок в самых тяжких условиях перестроить нашу экономику для нужд фронта и превратить всю огромную страну в единый военный лагерь.

Еще шло наступление на всех фронтах, еще громыхали, постепенно затихая, бои. Вспыхнуло народное восстание в Праге, и на призыв восставших устремились

от Дрездена на юг советские танки, чтобы спасти чехословацкую столицу от разрушения, помочь изгнать врага и принять потом на свою броню ливень цветов.

Мне в эти дни и часы боев пришлось быть не в Берлине, а на южной окраине нашего победного наступления — в Австрии. Около 10 часов вечера 8 мая передовые батальоны нашей 27-й армии подошли к восточной окраине второго по величине австрийского города Грац. Он лежал перед нами в горной долине с потушенными огнями, невидимый и только угадываемый.

Командиры собрались на совет, в котором участвовал и я — тогда капитан и сотрудник армейской газеты. Обсуждался вопрос: как брать Грац. После недолгих раздумий решили: город не обстреливать и не штурмовать, чтобы избежать разрушений и жертв среди гражданского населения.

Решено было послать в Грац парламентеров. Владевший немецким языком лейтенант, два автоматчика и пленный немецкий солдат с белым флагом ушли в темноту, в расположение врага.

Парламентеры вернулись с полицай-президентом Граца.

Тут же по карте были уточнены важные объекты города — вокзал, почта, телеграф, которые надо было взять под охрану.

Полицай-президент вернулся в город. На нескольких самоходных пушках вслед за ним мы первыми въехали в Грац. И вскоре по приказу нашего командования одна за другой улицы озарились светом фонарей. Праздничное, торжественное чувство охватило всех. Может быть, в этот момент мы особенно остро почувствовали и поняли, что война окончена и отныне городам не придется прятаться в темноте и улицы их по вечерам будут всегда озарены ярким светом.

А на другой день мы узнали, что в берлинском пригороде Карлсхорсте подписана безоговорочная капитуляция Германии. Восторженно встретили это известие люди во всех уголках нашей Родины, и толпы ликующих москвичей затопили Красную площадь. День 9 мая навсегда вошел в наш советский календарь как один из самых дорогих сердцу народа праздников.

Через полтора месяца на Красной площади состоялся Парад Победы, и воины, сломившие злую силу фашизма, бросили к подножию Ленинского Мавзолея штандарты разгромленных гитлеровских полков и дивизий.

Народы Европы пробуждались к мирной жизни, медленно приходя в себя после кошмара войны и фашистского господства.

Но на востоке еще продолжалась война, развязанная японскими империалистами. Выполняя свои союзнические обязательства, желая приблизить день полного мира на земле, Советский Союз 8 августа вступил в войну с Японией. Стремительным маршем пошли вперед наши войска, изгоняя японских захватчиков из оккупированных ими районов Китая. В несколько дней была разгромлена Квантунская армия — краса и цвет японских сухопутных войск.

В эти августовские дни над японскими городами Хиросима и Нагасаки прогремели два атомных взрыва, бессмысленно унесших почти полмиллиона жизней мирных людей. Из чудовищного пламени этих взрывов американских атомных бомб родилась «холодная война», которая на долгие годы омрачила жизнь человечества, только начавшего отогреваться под солнцем Победы.

2 сентября был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война была окончена, и поколения тех военных лет во всех странах земного шара твердо знали, что они обязаны наступившим миром прежде всего советскому народу, принесшему во имя Победы самые большие жертвы и своими героическими усилиями — солдатской доблестью и трудом в тылу — сломившему главную силу мирового империализма — гитлеровский фашизм. В светлых надеждах на мирное будущее человечество провожало уходящий сорок пятый — год Великой Победы. И как предостережение всем любителям военных авантюр звучали речи обвинителей на открывшемся в конце этого года международном Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками фашистской Германии.

Май, 1975 г.

Алексей СМОЛЬНИКОВ

СОЛДАТСКОЕ ПОЛЕ

В начале апреля 1945 года части нашей 3-й ударной армии, управляясь по пути с разбросанными после варшавской встрепки фашистскими частями, подтягивались к Одеру. Нашу 33-ю дважды орденоносную Холмскую (тогда она еще не была Берлинской) стрелковую дивизию бои завели далеко на север, и мы уже несколько ночей, где большаками, а больше лесными, в зябких апрельских лужах просеками, спешили на юг, на юг и все сбочь Одера на какое-то новое направление.

Приказы до времени не объявляют. Мы не знали толком, ни куда идем, ни что именно предстоит нам делать. Но уже по тому, что не разрешалось курить на маршах, жечь костры на привалах, по тому, как лес гудел от обилия хлынувшей техники и людей, догадывались: предстоит наступление. Это потом, позже, когда подходили к рубежам, откуда недалеко было до Берлина, все сразу связалось в сознании с недавними торопливыми нашими учениями по преодолению водных преград, и стало ясно: предстоит форсировать Одер. Да и Берлин брать, наверное, тоже.

Фронтовики знают щемящее чувство ожидания наступления. Мы шли молчаливые, минуя пустующие деревни, нет-нет да и поглядывая туда, где приоткрывался в ночи притихший холодный Одер...

Пожалуй, мне и не вспомнить теперь, где была наша последняя дневка. Знаю только — в лесу. Еще помню — как мы спали в то утро. Насквозь простреливаемый первыми солнечными лучами, пригретый пригорок дымился. Где-то над головой копошились, устраивая

гнезда, птицы, у замызганной батарейской кухоньки хлопотал веселый наш повар Алеша Кретов, так и не дошедший до Берлина.

Я увидел все это, когда на батарею приехал начальник артиллерии полка и нас подняли. Через несколько минут объявили перед строем приказ. Мы были готовы ко всему, только не к тому, что услышали: предписывалось собрать в окрестных деревнях плуги, бороны, сеялки — пахать и сеять.

Мы стояли ошеломленные. Четыре года по выжженным селам и городам шли батарейцы сюда, к Одеру этому, к близкому уже Берлину, и теперь пахать эту землю... Кому? Даже ведь и немцев ни одного нет кругом — поудирали, таких ужасов им про нас наговорили...

Комбат капитан Рожнов тоже, наверное, не ожидал такого приказа. Когда начальник артиллерии уехал, прошелся вдоль строя, сказал:

— Война кончается. Население вернется, а сеять поздно...

Батарее досталась какая-то лощина. Мы запрягли усталых лошаденок в собранные по деревням бесхозные плуги и принялись за дело.

Слева по лощине и за гребнем, на обратном скате холма, работали пехотинцы. Когда солнце поднялось высоко, ребята поснимали гимнастерки и прокладывали борозду за бороздой. Только лошади порой, когда с той стороны стали постреливать, испуганно рвались в стороны.

Уже вспахали добрую половину поля и даже принялись боронить с фланга, когда на батарею опять приехал начальник артиллерии. Не рискну повторить те энергичные выражения, в которых он объяснил нам, какую мы тут развели халтуру. Дело в том, что хлеборобов у нас в батарее не оказалось, и комбат, поразмыслив, приказал заложить первую борозду не вдоль склона, а сверху вниз — дожди пошли бы по нашей пахоте ручьями и все смыли! В общем, пришлось нам заново перепахивать это поле...

Потом обнаружилась еще одна неувязка: опередившая нас пехота забрала все сеялки. Зерна старшина

раздобыл достаточно, а сеялки — ни одной. Не знаю, кто вспомнил, что в батарее должны быть торбы. Лошадей едва ли не всю войну мы кормили соломой, и торбы для овса конечно же лежат где-то целенькие. Сеяли же когда-то деды из лукошек, вручную!

Наверное, это выглядело живописно: развернутой шеренгой с белыми, набитыми зерном торбами через плечо мы вышагивали по склону сверху вниз, а затем, перестроившись, снизу вверх. Старшина командовал: «Левой... левой...» — потому что бросать зерно, чтобы не было проплешин, надо было всем враз.

К вечеру благополучно закончили посевную и пошли к Одеру, к переправам — на той стороне ждал не умолкающий ни днем, ни ночью Кюстринский плацдарм. Уходили и все оглядывались туда, на «наше» поле, на серую — ни дымка, ни огонька — деревеньку, которой, вероятно, поле принадлежало. Растянувшийся обоз медленно поднялся на взгорок, когда старшина тоже оглянулся и вдруг захохотал: «Хлопцы, слухайте, мы же им все их частные владения перепутали! Мы же, как в колхозе, сплошняком пахали, им же не разобраться теперь!»

...Через много лет я снова оказался на Одере. Любезно согласившаяся сопровождать меня немецкая писательница Рита Браун долго объясняла шоферу, куда именно нужно ехать.

Часа через полтора мы прибыли в маленький тихий Лечин. Провожатая моя отправилась искать бургомистра, а я подошел к доске показателей, установленной, как и в наших деревнях, перед правлением кооператива. На разграфленном фанерном щите пестрели цифры: перевыполнен план по продаже свинины, яиц, молока — проценты, центнеры, литры... Прочел все и перевел взгляд на улицу: каменные, под черепичными крышами домики, чуть подалее, за вековыми деревьями, старенькая кирха, а перед ней пирамидка-обелиск. Подошел поближе. На обращенной к улице грани золотом сияли немецкие и русские слова: «Слава и честь 331 павшим советским солдатам! 1945 г.».

Наверное, шофер увидел мое лицо — он подошел и молча встал рядом. Уже желтеющая живая изгородь,

ровные, по три в ряд, шеренги гранитных плит. Перед каждой — цветы. На плитах — золотые звездочки и фамилии. Переходил от плиты к плите — 331 человек!

Сколько же жителей было в самом Лечине? Впрочем, тогда их здесь не было...

Рита Браун остановила какого-то велосипедиста. Пропыленная курточка, хлопчатобумажные брюки — он выглядел комбайнером или шофером, возвращающимся с поля — уборка...

— Франц Бревка,— представился он.— Бургомистр.

Мы заговорили о наших, о погибших. Бревка показал рукой на братское кладбище. «Они что — все здесь, в деревне погибли?» — спросил я. «Нет, останки многих мы перенесли сюда с полей — пашня там...»

Мы выехали на просторную, в золотой щетине стерни приодерскую пойму. Было по-осеннему солнечно, справа струился обмелевший Одер, бойко шла по течению самоходная баржа, впереди на том, противоположном, берегу виднелся сосняк. «Постойте, остановитесь!» — закричал я.

Потом, выйдя из машины, долго разглядывал, пока не убедился: тот самый. Мы укрывались в нем т о г д а. Больше суток мы ждали переправы. Потом, на рассвете второго дня, кинулись, когда подошел черед, на гулкий понтонный мост... Да, вон по т о м у п е с к у — колеса же вязли!.. Ах, как упирались, как таращили глаза лошади — вода вокруг кипела от разрывов. Потом еще снаряд угодил в настил, и пришлось держать их, ждать, пока саперы управятся... А Одер был, точно, шире: весна стояла, паводок...

Через несколько дней уже с этого берега, с плацдарма, мы проломили гитлеровскую оборону. Ошалевшие под шквальным огнем, ослепленные прожекторами, полки первых линий врага серьезного сопротивления не оказали. Настоящие бои начались позже — на Зееловских высотах, в Берлине...

Я разглядывал то Одер, то прихваченную с собой карту, пока не поплыли в глазах и сосняк тот, откуда мы вымахнули на мост, и вода синяя, и золотая августовская пойма с давно запаханными нашими окопчиками... Лечин! Как же не догадался, не вспомнил там час

назад — его же наша дивизия брала. 164-й или 82-й полк, потому что мы, 73-й, наступали чуть правее...

331 человек... Мне вдруг стало душно, захотелось вернуться, упасть на аккуратные холмики, зарыться лицом в цветы и молчать долго-долго, пока не вспомнятся все — все поименно.

Мне не довелось вернуться в Лечин, чтобы поклониться погибшим товарищам. Ни в тот день, в августе 1969-го, ни потом. Но так уж получилось, что, когда вспомнится мне вдруг фронтовая наша дорога, я вижу прежде всего Одер — и переправу нашу, и ставший теперь знаменитым Кюстринский плацдарм, и обелиск в Лечине, и то распаханное и засеянное нами в последние недели этой долгой войны поле.

Не наша вина, что война, которую нам навязали, была жестокой, как, наверное, и не наша заслуга в том, что хлебным колосом встретило вернувшихся крестьян это, на далеком Одере, поле. Мы были солдатами и выполнили, как могли, приказ страны, герб которой украшен хлебными колосьями...

Май, 1976 г.

Михаил БРАГИН

ОФИЦЕРЫ ПОБЕДЫ

В ночь на 1 мая 1945 года начальник генерального штаба германской армии генерал Кребс пришел на КП к командующему 8-й гвардейской армией генералу Чуйкову с письмом Геббельса. В письме сообщалось «первому не немцу», что Гитлер покончил жизнь самоубийством, оставил Геббельсу пост рейхсканцлера, и тот предлагал вступить в переговоры с советским командованием.

О письме доложили в Москву. Кребс остался в штабе Чуйкова ждать ответа. В эти часы он, видимо, не мог не вспомнить, что четыре года назад, в такой же майский день, он, полковник, заместитель военного атташе в Москве, докладывал тогдашнему начальнику немецкого генштаба Гальдеру о состоянии Красной Армии.

5 мая 1941 года Гальдер записал в служебном дневнике: «Полковник Кребс возвратился из Москвы... По отношению к нему там была проявлена большая предупредительность. Россия сделает все, чтобы избежать войны». И далее: «Русский офицерский корпус исключительно плох... России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня».

И вот в мае 1945-го Кребс, теперь генерал-полковник, начальник генштаба, ожидая ответа из Москвы, находится на КП советского генерала, армия которого сокрушает центр Берлина.

Москва передала: только полная, безоговорочная капитуляция. Геббельс приказал Кребсу вернуться в рейхсканцелярию.

Автору этих строк представилась возможность спросить у сдавшегося в плен генерала Вейдлинга, командовавшего войсками обороны Берлина, что сказал Кребс, возвратившись из штаба Чуйкова. Вейдлинг ответил: «Кребс доложил об ультиматуме советского командования, а на вопрос Геббельса, что делать дальше, ответил:

— Стреляться...»

Таким было последнее слово последнего начальника генерального штаба германской армии, которого ворвавшиеся в рейхсканцелярию советские воины нашли мертвым.

На громадном Берлинском театре военных действий завершали наступление войска 1-го Белорусского, 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, руководимые военачальниками, о которых в свое время столь пренебрежительно отозвался Кребс.

Есть глубокая закономерность в том, что фронты привели к Берлину именно те, кто защищал Москву и Сталинград: Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский. От руин Сталинграда к стенам Берлина пришел со своей 8-й гвардейской армией и генерал-полковник В. И. Чуйков, его воля, боевой опыт, его тактика атаки штурмовыми группами в уличных боях, освоенная при защите волжской твердыни, побеждали теперь в Берлине.

В неравных боях 1941 года 27-я армия генерала Н. Э. Берзарина, истекая кровью, сдерживала в Прибалтике моторизованные части группы вражеских армий «Север», а в 1945-м его 5-я ударная армия взламывала оборону между Одером и Берлином.

В кризисные дни битвы за Москву, когда танковая группа противника форсировала канал Москва — Волга, угрожала столице опасным охватом, 1-я ударная армия под командованием генерала В. И. Кузнецова сбросила противника с плацдарма на канале, погнала его на запад. В 1945 году, командуя 3-й ударной армией, генерал-полковник Кузнецов привел эту армию к стенам рейхстага, ее солдаты подняли над ним Знамя Победы.

Четыре гвардейские танковые армии, десять отдельных танковых корпусов и почти сто танковых бригад и полков, действуя на Берлинском направлении, преодо-

лели укрепленные рубежи глубокой обороны, придали наступлению небывалый темп и размах.

Полковник М. Е. Катуков защищал со своей танковой бригадой Москву с юга, под Тулой, потом с севера — под Крюковом. Генерал-полковником он командовал 1-й гвардейской танковой армией, штурмовавшей укрепленные Зееловские высоты и кварталы Берлина.

Полковник С. И. Богданов, сражавшийся в 1941 году на Бородинском поле, став генерал-полковником, командующим 2-й гвардейской танковой армией, был ранен в бою за Люблин, вернулся в строй. Его армия прорвала оборону на Одере, обошла Берлин с севера, северо-запада, рассекла вражеские коммуникации на западе.

3-я гвардейская танковая армия генерал-полковника П. С. Рыбалко освобождала Киев, прославилась в сражениях на Днепре, на Висле, в Польше. Ее части, наступая на Берлин, нанесли удар по городу Цоссен, где находился мозг гитлеровской армии — генеральный штаб. Из Цоссена и перебрался в Берлин генерал Кребс.

4-я танковая армия генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко, наступая на Берлин с юга, ломая оборону, преграждавшую путь на север, одновременно отрезала войска противника, отходившие с востока, а с запада отбивала натиск армии генерала Венка, которому Гитлер приказал прорваться в Берлин. Прорваться Венку не удалось: войска генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко соединились юго-западнее Берлина с 77-м стрелковым корпусом генерала В. Позняка и танковая бригада полковника Д. Драгунского с мехкорпусом генерала С. Кривошеина, замкнув кольцо вокруг Берлина.

В 1941 году войска Д. Д. Лелюшенко прикрывали советскую столицу с юга у Тулы, затем с запада на Можайском направлении, где генерал был ранен, и с севера — у Калинина и Дмитрова.

Здесь названы командующие фронтами и армиями, наступавшие на Берлин от Москвы и Сталинграда. Но, подобно им, победоносно действовал весь советский офицерский корпус от Баренцева моря до Адриатики.

Разные были театры военных действий, горные и равнинные, лесистые, пересеченные крупнейшими в Европе и тысячами малых рек, озер, болотами. Непро-

ходимой, подобно стихиям, бывала распутица, глубокими — снега, неодолимыми считались инженерные рубежи, неприступными — крепости.

Враг был силен, опытен, коварен. Каждый бой, каждое сражение, каждая кампания требовали от наших воинов неимоверных усилий — творческих, нравственных, физических, самоотвержения.

Так было под Москвой, когда до нее оставалось расстояние, равное дальности стрельбы тяжелого орудия; под Сталинградом, где до Волги оставались сотни метров; на Курской дуге, где отборные фашистские войска наносили опасные удары с севера и юга; на Днепре, где возводился «Восточный вал» и Геббельс вещал, что Германия будет вести, если потребуется, и «семилетнюю» и «тридцатилетнюю» войну; так же трудно было в Восточной Пруссии, которая столетиями готовилась как плацдарм агрессии на восток.

В грохоте сражений развивалось, совершенствовалось советское военное искусство. Применялись все виды и формы вооруженной борьбы. Наступления начинались с прорывов обороны, взламывалась ее глубина, наносились рассекающие удары от переднего края до тылов, шли тяжелые сражения с перевернутым фронтом, при атаках и обороне одновременно на запад и на восток, и явлена была миру вершина военного искусства — окружение и разгром стратегических группировок противника. Дерзновенно-смелые, искусные решения советских маршалов, генералов, офицеров опирались на массовый героизм советского солдата, на мощь нашего социалистического государства.

670 советских танков действовало под Москвой. Более 6000 наших танков, самоходных орудий участвовали в Берлинском сражении, взаимодействуя с 41 600 орудиями и 7500 самолетами.

Тяжки, кровопролитны были бои и на улицах Берлина.

На плавающей боевой машине через Тельтов-канал вывезли из боя в расположение 9-го мехкорпуса убитого лейтенанта. Командир корпуса генерал И. Сухов подошел к машине, медсестра сняла простыню, и открылось совсем юное лицо. Смерть еще не наложила на

него свою печать, и потому казалось, что спит большой, усталый ребенок.

Сухов доложил о гибели лейтенанта командарму Рыбалко, и тот сказал, что сам сообщит командиру 7-го танкового корпуса генералу В. Новикову о смерти его сына, 19-летнего разведчика Юры Новикова.

Глубокой ночью встретились Рыбалко, потерявший в 1942 году сына Вилена, и Новиков, теперь, в 1945-м, хоронивший своего Юру. Молча сидели рядом друзья, осиротевшие отцы, сражавшиеся вместе еще в гражданскую и приведшие в 1945-м свои соединения в глубину Европы. Может быть, вспоминали они в эту ночь и своих боевых товарищей, которых наша армия потеряла на долгом пути от Москвы до Берлина: Панфилова, Доватора, Ефремова, Ватутина, Черняховского, многих других командиров, павших рядом со своими солдатами.

И всю эту ночь грозно грохотала тяжелая советская артиллерия.

Когда гитлеровцы шли на Москву, в их распаленном воображении роились изуверские планы уничтожения советской столицы, ее населения. Гитлер дважды отдавал приказы не принимать капитуляции Москвы, хотя никто ему такой капитуляции не собирался предлагать. Он намеревался окружить ее и (неведомо как) затопить водой, чтобы скрылась даже память о ней.

С этим фашисты шли в 1941 году на Москву.

В 1945-м, когда в Берлине еще продолжались бои, из Москвы прибыли туда представители Государственного Комитета Обороны, чтобы срочно упорядочить положение в городе, обеспечить питание населения, в первую очередь детей.

И в тот час, когда дети Берлина все смелей шли к советским воинам за едой — их кормили из полевых кухонь, солдаты подавали детишкам из танков свои пайки хлеба и сахара, радуясь возможности проявить душевное добро,— в этот самый час жена новоявленного рейхсканцлера Магда Геббельс убивала своих шестерых детей ядом. Так еще глубже открылась зловещая суть фашизма.

Магда Геббельс была обыкновенной фашисткой. Убивая детей, она воплощала человеконенавистническую

идею Гитлера, по которой немецкий народ, не обеспечивший победу фюреру, не должен пережить его. Смертный фарс, разыгранный в подземном бункере, был не случаен: так, опасаясь кары за преступления, убивают и сами идут на смерть убийцы и палачи, пытаясь увлечь за собой и народы.

Опасность такой игры судьбами миллионов, непостижимой для разума нормального человека, заключается в том, что империалисты видят не истинный смысл исторических событий, а тот, который хотят видеть, идя при этом на самообман, на военные авантюры.

Германский империализм проиграл первую и вторую мировые войны, в которых земля поливалась кровью десятков миллионов людей. После первой мировой войны немецкий генштабист генерал Гофман написал книгу «Война упущенных возможностей». После второй мировой войны, в ходе которой на советско-германском фронте были разбиты, уничтожены, пленены 607 дивизий фашистского блока, бывший генерал-фельдмаршал фон Манштейн выпустил книгу «Утерянные победы».

Читая эти книги, ясно видишь, что немецкие милитаристы, дважды понесшие глобальные поражения, не хотят усваивать уроки истории.

Но известно, что и такие книги следует читать внимательно. Тогда и из них можно извлечь пользу. В «Войне упущенных возможностей» генерал Гофман, слывший знатоком России, предъявлявший молодой Советской Республике в 1918 году непомерные условия на Брестских переговорах, написал, что большевики разрушили Россию и ее вооруженные силы настолько, что с русскими можно больше не считаться.

Так же думал Гитлер, его генералитет. Из этого исходя, они вероломно напали на Советский Союз, хотя в гитлеровском генеральном штабе 5 мая 1941 года, повторяем, было четко зафиксировано: «Россия сделает все, чтобы избежать войны». Войну нам навязали.

И тогда созданные и руководимые Коммунистической партией Вооруженные Силы Страны Советов разгромили фашизм и утвердили мир на планете.

Май, 1982 г.

Олег МОСКОВСКИЙ,
Петр СТУДЕНИКИН

«МЫ ЖДАЛИ ВАШЕГО ПРИХОДА...»

Город Бостон, 1977 год. По приглашению американских ветеранов второй мировой войны в США побывала делегация Советского комитета ветеранов войны. Во время встреч старых воинов, сражавшихся с общим врагом — фашизмом, как пароль дружбы, произносились слова «Сталинград», «Эльба», «Победа»... И еще — «Шталаг-Люфт 1»...

«2.05.45 г.— ...В районе г. Барт освобожден лагерь военнопленных «Шталаг-Люфт 1», в котором находится свыше 9000 летчиков: 7500 из США и свыше 1500 из Великобритании и ее доминионов. Среди военнопленных два выдающихся аса — полковник Губерт Земке (США) и полковник Уиэр (Канада).

По сообщению полковника К. Т. Уиэра, с 30 апреля по 1 мая в Цингосте (севернее Барта) находился Гиммлер, который якобы вылетел в Копенгаген. Нашей разведкой в окрестностях лагеря обнаружен хорошо замаскированный сводный отряд СС под командованием бригаденфюрера (генерал-майора). Не исключено, что Гиммлер посетил этот отряд».

Подписывая это донесение в штаб 2-го Белорусского фронта, командующий 65-й армией генерал-полковник П. И. Батов не мог, конечно, знать, что оно так стремительно пройдет по инстанциям «штаб фронта — Ставка» и в тот же день превратится в боевой приказ.

— Уже вечером,— рассказывает Павел Иванович Батов,— позвонил командующий фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

— Весьма возможно,— сказал он,— что фашисты планируют провокацию, чтобы вбить клин в доверие друг к другу союзных держав. Случай удобный: в тот момент, когда мы вступим в контакт с военнопленными лагеря, фашисты, переодевшись в нашу форму, могут провести террористическую акцию.

К. К. Рокоссовский передал приказ Ставки немедленно найти и разгромить эсэсовский отряд и принять все меры, чтобы исключить возможность провокации.

Как развивались события в «Шталаг-Люфт 1»?

В архивах 65-й армии сохранился дневник американского военнопленного сержанта Джона Климбса с дарственной надписью «Господину майору Иванову — союзнику и освободителю». Записи ярко воссоздают обстановку тех дней.

«20.2.45 г. Когда же придут русские? Мы ждали освобождения в январе, когда находились в лагере воздушного флота № 4 г. Гросс-Тухе... Но русские не успели — боши перевели нас сюда, в Барт...»

«Мы уже научились о победах на Восточном фронте узнавать по поведению охранников: передали нам посылки шведского Красного Креста — русские где-то крепенько поколотили фашистов; предлагают сыграть в футбол — русские выиграли битву...»

«Сегодня ночью приходили из контрразведки, просили наше обмундирование. Для чего? Чтобы спасти свою шкуру от большевиков? Не дали, конечно. Считаем, это будет предательством по отношению к союзникам. У нас поговаривают, не собираются ли боши в нашей форме встретить русских пулеметами?»

«Приходил в лагерь господин Шмелинг — бывший чемпион мира по боксу. Пугал русскими. Убеждал, что американцев и немцев, как цивилизованные нации, объединяет многое. Гораздо больше, чем с русскими. Его никто не слушал — все мы с нетерпением ждем русских».

«2.5.45 г. Черт возьми! Через Барт проходят русские войска. Мы кричим: «Америка — Россия — вери гут!» По-моему, они простые, славные парни... Русские в лагере — день этот останется в памяти на всю жизнь. Я буду о нем рассказывать детям и внукам...»

Сохранилась и копия докладной полковника Губерта Земке в штаб 8-й воздушной армии США. Вот что он писал: «Когда охрана разбежалась, я, как старший по лагерю, выслал во всех направлениях разведчиков. Нас беспокоит судьба лагеря — дошли сведения, что подразделения СС и гестапо готовят политическую акцию. Предполагаем: в последний момент они могут совершить нападение на лагерь, а во всем затем обвинить русских.

Наши разведчики в окрестностях лагеря обнаружили усиленный отряд СС и гестапо. Другая группа в районе Штральзунда встретилась с Красной Армией. В 5.00 2 мая в лагерь прибыл русский офицер — господин майор Свинцов. Затем мы встретились с полковником Жоваником, который устроил завтрак в честь офицеров союзных войск. Он заверял, что будут приняты все меры, чтобы не допустить провокации СС и гестапо...»

Советское командование срочно предприняло необходимые меры: в ночь на 3 мая части и подразделения дивизии Героя Советского Союза генерал-майора В. А. Борисова, поднятые по тревоге, прочесали леса в окрестностях Барта и уничтожили крупный, хорошо вооруженный эсэсовский отряд. Личная ответственность за безопасность лагеря «Шталаг-Люфт 1» была возложена на командира дивизии, в окрестностях лагеря занял на всякий случай оборону полк под командованием Т. Д. Жованика.

— Когда все необходимые меры по обеспечению безопасности лагеря были приняты,— вспоминал В. А. Борисов,— мы выехали в «Шталаг-Люфт 1». Но не сразу туда попали: пришлось заехать еще в два лагеря — один с советскими военнопленными, а в другом находились политзаключенные из разных стран. Перед нами открылась ужасная картина: во дворе — трупы; в бараках — трупы, больные и изможденные люди... Никогда не забуду: лидер партии радикалов, бывший премьер-министр Франции Эдуард Эррио в тюремном халате, скелет скелетом, припав к плечу молоденького советского сержанта, плакал навзрыд и все повторял: «Спасибо тебе, русский солдат!»

Наших ребят приходилось останавливать: они отдавали узникам все продукты, что имели — это было опасно для здоровья освобожденных. По тревоге бросили сюда медсанбаты, полевые госпитали, кухни. Срочно эвакуировали тяжелобольных...

В «Шталаг-Люфт 1» картина была иной: за две недели до освобождения гитлеровцы резко изменили отношение к военнопленным США и Англии,— тем не верилось, что фашисты могут так быстро перевоплотиться в «добрых парней». Но факт: военнопленным «Шталаг-Люфт 1» в эти последние дни было передано 90 тысяч посылок шведского Красного Креста.

Советские воины сразу же после освобождения лагеря подвели водопровод, пустили электростанцию. Взяли его на снабжение. Вот документы:

«3 мая 1945 г. В лагерь «Шталаг-Люфт 1» отпущено: муки белой — 15 тонн; сахара — 20 тонн; сельдей и свежей рыбы — 7 тонн; капусты — 1 тонна; коров — 67 штук; свиней — 76 штук; печеного хлеба — 2508 кг».

«4 мая 1945 г. Для хозяйственных нужд в лагерь «Шталаг-Люфт 1» отправлено: 7 грузовых автомобилей, 18 — легковых, 13 лошадей, 5 повозок, 4 тонны фуража... Показаны фильмы «Майданек» и «Битва за Севастополь».

Примечание: «Фильм «Майданек» прошел при гробовой тишине, а когда в фильме «Битва за Севастополь» появились кадры, где воины Красной Армии водружают знамя над освобожденным городом, раздались бурные аплодисменты» (из докладной записки майора Данилова).

Очень скоро между вчерашними узниками лагеря и советскими воинами установились теплые, дружеские отношения.

Архивы сохранили для нас автографы, выражающие чувства, в искренности которых сомневаться не приходится. Полковник авиации Хьюз писал в штаб 2-го Белорусского фронта: «Выражаю искреннюю благодарность советскому командованию за ту заботу и внимание, которые нам оказывают в лагере». Летчик ВВС США сержант Джон Ремтс: «Мы ждали вашего при-

хода. С ним мы связывали все наши чаяния на освобождение. Спасибо, что вы пришли!»

А события развивались своим чередом. По поручению Ставки К. К. Рокоссовский связался с Монтгомери и Эйзенхауэром, быстро был разработан план возвращения военнопленных на родину. Наступило 9 мая: в лагере по громкоговорителям было передано сообщение о капитуляции гитлеровской Германии. Началось братание бывших военнопленных с нашими воинами. Вечером генерал-майор В. А. Борисов в штабе дивизии устроил прием для военнопленных.

— Ответный визит в лагерь,— рассказывал В. А. Борисов,— мы нанесли на следующий день. Поднимали тосты за победу, за дружбу, за великий русский народ. Выступающие, все как один, выражали сердечную признательность советскому солдату, спасшему мир от фашизма.

«Шталаг-Люфт 1» доживал последние дни.

14 мая в 14.00 лагерь «Шталаг-Люфт 1» перестал существовать. Последним самолетом улетали Губерт Земке и К. Уиэр. Прощаясь, они в блокноте В. А. Борисова оставили такую запись: «Сэр! Отношения между представителями советских, американских и английских войск были в высшей степени согласованными и сердечными. Пусть эти отношения будут вечными!»

Еще долгое время ко Дню Победы из США, Англии и Канады в адрес советских воинов-освободителей продолжали приходить теплые поздравления от бывших военнопленных лагеря «Шталаг-Люфт 1».

Время не заслонило пережитого. «Чем больше я думаю о нашей встрече на Эльбе,— говорил на встрече в Бостоне бывший командир 82-й парашютно-десантной дивизии Джеймс Гевен,— тем лучше понимаю ее историческое значение и ее поучительный смысл. И чем старше становлюсь, тем лучше понимаю, как важно нашим двум странам поддерживать хорошие отношения. Я считаю необходимым отдать все свои силы делу укрепления дружбы и сотрудничества между нашими странами...»

Декабрь, 1977 г.

Михаил ОДИНЕЦ,
Илья ШАТУНОВСКИЙ

КОМЕНДАНТ РЕЙХСТАГА

Утром 3 мая в рейхстаге появился маршал Жуков. Еще дымились развороченные камни — свидетели только что отгремевшего боя: всего сутки назад последние эсэсовцы и фольксштурмисты, оборонявшие фашистскую цитадель, сдались победителям.

Заметив плотную фигуру командующего фронтом, навстречу поспешил комендант рейхстага Ф. М. Зинченко, отдал рапорт.

— Думали ли вы, полковник, когда-нибудь о том, что будете комендантом рейхстага? — спросил маршал.

— Дойти до Берлина думал,— ответил тот,— а вот быть комендантом рейхстага — нет.

— Вот и я не думал, что буду стоять в этом зале,— раздумчиво произнес Георгий Константинович и после недолгой паузы добавил:— Вот такие-то дела мы сделали...

Маршал пожал коменданту руку.

— Передайте, полковник, мою благодарность всему личному составу вашего полка,— сказал он и быстрым шагом направился к выходу...

А через восемь дней полк уходил из рейхстага к новому месту дислокации, покидал Берлин. Складывал с себя обязанности первого коменданта рейхстага и Ф. М. Зинченко.

«Мы оставляли рейхстаг, площади и улицы, политые нашей кровью,— напишет потом Федор Матвеевич.— Мы оставляли здесь братские могилы с похороненными в них нашими боевыми товарищами, побратимами...»

С той поры прошло уже сорок лет. Где же теперь первый комендант рейхстага, как сложилась его жизнь дальше?

И вот мы приезжаем в Черкассы, идем по тихой Пастеровской улице, припушенной первым снежком. Находим нужный дом, звоним. На пороге сам Федор Матвеевич, подтянутый, стройный. Рядом с ним Зинаида Сергеевна. Трудно поверить, что эта милая, приятная женщина прошагала с мужем всю войну, была минометчицей, снайпером, санинструктором, из оптической винтовки уничтожила шестерых гитлеровцев, в дни ожесточенных боев за рейхстаг вынесла из огня 17 раненых бойцов, вместе с подругами по санроте развернула лазарет в только что захваченной тюрьме Моабит.

Просторная гостиная дышала обаянием мирного домашнего уюта. На столе в изящной вазе — букет ярких осенних цветов, на стенах картины. Из других комнат поглядывает на незнакомых дядей любопытная молодежь.

— Семья у нас не маленькая,— говорит Зинаида Сергеевна.— Сын Федор работает мастером на заводе, дочь Людмила — бухгалтер, Татьяна — воспитательница детского сада, Тамара — инженер. У нас шесть внуков, два правнука и одна правнучка. Так что утро у нас посвящено домашним делам, надо приготовить завтрак, потом проводить одних на работу, других — в институт, третьих — в школу...

Совсем не просто повернуть спокойно начавшуюся беседу о школьных отметках внуков, о последней общесемейной вылазке в лес за грибами к суровым военным дням...

— Мы знаем, Федор Матвеевич, о вашем разговоре с маршалом Жуковым. Он еще спросил у вас, думали ли вы когда-нибудь быть комендантом рейхстага.

— Да, спросил. И я ответил, что никогда не думал,— Федор Матвеевич смолк, мысленно возвращаясь сквозь годы к той памятной встрече с маршалом. Потом добавил: — Вот я в армии отслужил всю жизнь, а ведь быть военным никогда не собирался. Хотел, как мои деды и прадеды, выращивать хлеб. И выращивал бы, если б нам не помешали.

Да, вовсе не потому, что семнадцатилетнему пареньку Федору Зинченко очень уж не терпелось воевать, он взял винтовку в руки. А потому, что в суровом 1919 году пришлось защищать свой дом от озверелых банд колчаковцев.

— Колчаковцев? — нам показалось, что Федор Матвеевич оговорился.

— Да, колчаковцев. Ведь я сам томский. А предки мои с Украины, отсюда, с Черкасщины. Мой дед Прокофий тоже растил хлеб, а вот пришлось ему взять в руки вилы. Уж больно лютовал кровопийца-помещик. Долгое время жандармы не могли дознаться, кто пустил «красного петуха». Но дед дал маху, признался попу на исповеди, думал, останется все между ним и богом. Деда Прокофия забили в колодки и — в Сибирь. С тех пор в нашей семье перестали верить в бога.

И дед, и отец Федора Матвеевича батрачили у сибирских богатеев. Потом стал батрачить и он. В семнадцать вступил в комсомол. По комсомольской путевке был направлен в ЧОН. Вернулся и тут же призвали в регулярную Красную Армию. Служил в Благовещенске. Был кашеваром, ездовым. Стал помощником командира взвода. А командовал взводом Николай Берзарин, решительный, энергичный командир. В 1926 году вместе вступали в партию... Они встретятся через много лет в поверженной столице фашистского рейха: комендант Берлина Герой Советского Союза генерал-полковник Н. Э. Берзарин и комендант рейхстага Герой Советского Союза полковник Ф. М. Зинченко, два коменданта из одного благовещенского взвода.

Помкомвзвода Зинченко собирался поступать в Томский политехнический, а пришлось ему учиться не на инженера, а на красного командира. Потом служил в Уссурийске, окончил высшие командные курсы, стал армейским политработником. Война застала Зинченко в должности заместителя начальника политотдела Ленинградского военного училища воздушного наблюдения, оповещения и связи. В начале 1942 года — на фронте, с 1943 года — командир полка...

— Скажите, Федор Матвеевич, а как вы стали комендантом рейхстага?

— 30 апреля, как только я доложил командиру нашей 150-й Идрицкой дивизии генералу В. М. Шатилову, что мы ворвались в рейхстаг и ведем бой в западном вестибюле, он и назначил меня комендантом.

Федор Матвеевич показывает нам самый первый приказ коменданта рейхстага, ставший теперь историческим:

«Противник занимает оборону в рейхстаге.

Наша задача: в течение светлого времени сегодняшнего дня очистить и захватить 15—20 комнат, чтобы назавтра иметь более широкий фронт наступления...

Командиру 1-й роты старшему сержанту Сьянову через западный вход на второй этаж пробить дорогу на купол рейхстага для водружения на нем знамени, которое несут Егоров и Кантария...

Капитану Логинову со взводом саперов и частью полковых разведчиков обеспечить охрану ценностей, находящихся в рейхстаге...»

Комендант рейхстага сразу начал устанавливать контакты с местным населением. Надо было разъяснить насмерть перепуганным берлинцам, что советский солдат пришел с миром.

Еще шел бой на подступах к рейхстагу, а повара Михаил Уваров и Зоя Мешкова уже раздавали изголодавшимся старикам, женщинам пищу. Рискуя жизнью, санинструктор Марина Диева вместе со связистками Верой Абрамовой и Марией Петренко спасла из горящего здания троих детей, спустив их на связанных простынях со второго этажа.

Во время перестрелки из большой воронки неожиданно выскочил старик с ребенком на руках и побежал в нашу сторону. Ударил фашистский пулемет. Старик как подкошенный упал на землю. Но девчушка лет четырех была жива. Из укрытия выпрыгнул парторг роты сержант Борис Лотошкин и, петляя, помчался к девочке. Пули вокруг него цокали о камни мостовой. Но парторг, прижав ребенка к груди, уже бежал назад...

— Кстати, недавно я получил письмо от Бориса Никоновича Лотошкина. Он жив и здоров, работает в Донбассе...— Федор Матвеевич достал толстую папку с разноцветными конвертами.— Это все письма однополчан.

«Здравствуйте, дорогой мой командир полка!» — так начинает свое письмо из Севастополя бывший командир прославленного батальона Герой Советского Союза подполковник запаса С. А. Неустроев.

Бойцы вспоминают минувшие дни. Шлют письма своему любимому командиру бывшие разведчики Павел Саввич, Иван и Кирилл Криневичи из Ровенской области, радистка Вера Абрамова (ныне Климюк) из Кривого Рога, капитан Александр Прелов из Минска, начальник артиллерии полка И. Крымов, бывший помощник начальника штаба А. Логинов, бывший командир роты Илья Сьянов из Кустаная...

Но еще больше писем радуют Федора Матвеевича встречи с боевыми друзьями. Как-то в Тальновском районе на Черкасщине вдруг повстречал он бывшего солдата 2-й роты Петра Коломийца. Был очень рад рассказать жителям села, что их земляк отличился при взятии «дома Гиммлера» — здания министерства внутренних дел — и первым вместе с сержантом Борисом Лотошкиным ворвался в круглый вестибюль рейхстага.

Надолго запомнились Федору Матвеевичу встречи с комдивом Василием Митрофановичем Шатиловым, с полковым разведчиком Мелитоном Кантария. Полным-полно гостей было на улице Пастеровской, когда Федор Матвеевич отмечал свое восьмидесятилетие. За праздничным столом сидели рядовые и майоры, сержанты и полковники, пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы...

Довелось ветерану побывать на месте былых боев. Стоял в молчании с непокрытой головой у обелиска в Трептов-парке. Вышел к серому зловещему зданию, откуда в 1933 году фашисты начали свой кровавый поход против коммунизма и которое в 1945 году полк Зинченко вместе с другими прославленными полками взял штурмом.

Будь проклята война! Каким горем обернулась она для миллионов советских семей, для семьи Зинченко! За полчаса до начала штурма рейхстага Федор Матвеевич узнал, что здесь, под Берлином, четыре дня назад погиб его младший брат Алексей. А еще раньше, в 1941 году на подступах к Москве был убит Емельян.

В Сталинграде сложил голову третий брат — Владимир. Все шесть его родных сестер получили похоронки на своих мужей. И вот он один дошел до этих стен. Израненный, контуженный, но дошел. Как долог был путь! И вспомнились полковнику Зинченко снега Северо-Западного фронта, торфяные болота за Калинином, холодные ветры Прибалтики, разрушенные польские села, объятый огнем берлинский пригород Каров, сражение за Фербиндунгс-канал, захват моста Мольтке, рукопашные бои в «доме Гиммлера» и, наконец, последний штурм.

Мысли Федора Матвеевича, улетевшие туда, на берега Шпрее, вернулись назад, к днепровским берегам, в мирную квартиру на Пастеровской улице. Он взглянул на часы и заторопился.

— Ничего не поделаешь,— как бы извиняясь перед нами, сказал Федор Матвеевич.— Дела.

А дел у него и в самом деле очень много. Он депутат Черкасского городского Совета, член правления городского общества «Знание». Всегда дорогой гость на комсомольском слете, у пионерского костра...

Когда Федора Матвеевича Зинченко избрали членом обкома партии, он зашел к первому его секретарю.

— Какое мне дадите поручение как члену бюро?

— А вы его уже выполняете,— ответил первый секретарь обкома.— Продолжайте воспитывать молодежь и дальше. Это и есть наиответственнейшее партийное задание.

Недавно к боевым наградам Федора Матвеевича прибавилась еще одна. Он удостоен ордена Дружбы народов за активную и многолетнюю работу по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся.

Вместе с Федором Матвеевичем мы выходим из дому. Отстав на полшага, любуемся его строгой военной выправкой, его твердой походкой. Встречные узнают полковника Зинченко и тепло приветствуют его.

Героя войны, первого коменданта рейхстага.

Человека, в ком воплотилась живая история партии, комсомола, Советского государства, наших славных Вооруженных Сил.

Январь, 1985 г.

Юрий ВОРОНОВ

ИХ ОРУЖИЕМ БЫЛО СЛОВО

Им — спецпропагандистам 7-го отдела — стрелять на войне приходилось в исключительных случаях. И боевыми наградами их отмечали не за сбитые самолеты и сожженные танки. Их личным оружием было слово, которое, перекрывая гул сражений, звучало над вражескими окопами...

С Конрадом Вольфом — известным кинорежиссером Германской Демократической Республики, президентом Академии искусств — мы встретились в Берлине. Сын писателя-антифашиста Фридриха Вольфа, офицер Советской Армии Конрад Вольф в составе 47-й армии прошел от Кавказа до Берлина. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, многими боевыми медалями.

— В Москву,— рассказывал Конрад Вольф,— мы приехали в марте 1934 года из Швейцарии, куда мой отец по указанию ЦК КПГ нелегально переправился сразу же после прихода Гитлера к власти. Учился я в 110-й школе имени Нансена у Никитских ворот: над ней шефствовал Главсевморпути. Никогда не забуду, как к нам в гости приезжали О. Ю. Шмидт, челюскинцы, папанинцы.

— А когда попали в армию?

— В конце 1942-го, когда исполнилось семнадцать. Сначала в штаб Закавказского фронта, потом в политотдел 47-й армии. Работал на МГУ — мощной громкоговорящей установке, кроме того, допрашивал пленных...

Передо мной документы: две небольших книжечки в матерчатых переплетах и блокнот фабрики «Светоч» с крейсером на обложке. Я листаю пожелтевшие страницы, исписанные мелким, но четким полукруглым почерком, какой обычно бывает у людей, только что окончивших школу. Чернила выцвели. Первая запись сделана в Кабардинке под Новороссийском.

«20.3.1943. Примерно в 11 часов слышен приближающийся гул самолетов. Взрыв, один, другой... Над домами облака пыли, дым. Рядом, около недорытой щели, кричит ребенок. Ранен в ногу. Слева от дороги лежит изуродованный снарядом человек. Он мертв. У него из кармана вынимают документы. Начальник, обращаясь ко мне, говорит: «Да, Конрад, это — война».

«30.3.1943. Страшное зрелище — город Шаумян. Сплошные развалины, груды битого кирпича...»

«3.4.1943. Получил четыре письма... В письме от 17.3 сообщили, что папа только что вернулся из Донбасса и награжден орденом Красной Звезды».

«2.6.1943. Ура! Только что зашел майор Гавриков и поздравил меня с присвоением звания младшего лейтенанта...»

«16.8.1943. Юго-восточнее Боромли появились военнопленные, которые прятались в лесах, а теперь голод их выгнал оттуда. Допросил двоих: одного лейтенанта, страшно тупого, который твердил лишь одно: «За нас думает фюрер», «Это должен знать фюрер...»

«23.9.1943. Направляемся на запад к Днепру между Черкассами и Киевом. Неужели мы скоро увидим воды Днепра?!. Сейчас настанут, несомненно, самые решающие дни нашего наступления — мы подходим к знаменитому «Восточному валу», о котором так много говорят фашисты и на который они так надеются. Скоро, уже скоро дойдем до границы!»

«10.8.1944. Пишу уже не в Советском Союзе, а в Польше, под Варшавой. Последние недели заключали в себе сплошное передвижение, уйму работы, так что о дневнике и думать не приходилось. Думаешь лишь о том, как бы вздремнуть часок. Пленные поступают сотнями...»

«25.12.1944. С 12-го по 23-е находился в командировке в дивизии: руководил составлением программ для МГУ и вел передачи от имени Красной Армии. Часов в шесть вечера мы выезжали в какой-либо пункт и вещали там около часа. Уже в начале нашей деятельности добровольно сдался в плен солдат СС. Он дал очень важные показания. Его переправили в штаб фронта. Вскоре на нашу сторону перебежал еще один солдат из той же шестой роты. Он тоже сдался в плен под влиянием наших передач и начал выступать на МГУ, призывая своих товарищей последовать его примеру. Потом к нам перешли еще несколько человек. Так что мы добились успехов. Завтра, очевидно, опять выеду на МГУ работать до 29—30-го».

«16.4.1945. Сегодня начинаем большие дела. Пишу эти строки на НПА в ожидании пленных. Мы начали наступление на Берлин!..»

«18.4.1945. Сижу в машине на берегу Одера в ожидании переправы. Вчера ночью гитлеровцы разбили мост в Целлине с воздуха, и сейчас вся переправа сосредоточивается здесь. Накопилось невероятное количество машин... За два дня наступления мы продвигались довольно медленно. Оборона фашистов здесь очень крепкая, и приходится прогрызать каждый метр...»

Эти строки — последние в дневнике: они обрываются буквально на полуслове.

— Помнится, что писал их в кабине нашей машины с громкоговорителем, недалеко от понтонного моста,— пояснил К. Вольф.— Внезапно началась страшная бомбежка, и мы залегли в придорожных канавах. Некоторые машины загорелись. Вскоре мы попали на ту сторону...

— На окраине Бернау, который накануне был освобожден, случилось так, что машина командующего армией генерал-лейтенанта Перхоровича поравнялась с нашим грузовиком. Завязалась беседа. В ней зашла речь и о моем немецком происхождении, о том, что я родом из Штутгарта. В это время генералу доложили, что в городе беспорядки, а назначенный комендант еще не прибыл. Вот тут-то генерал и отдал приказ. «Назначаю временным комендантом, лейтенант,— сказал он,

быстро оформляя свое распоряжение на листке из блокнота.— Займитесь складом». Уже из машины, видимо, стараясь вывести меня из растерянности, он под смех офицеров крикнул: «Штутгарт я тебе, к сожалению, предложить не могу!..»

— Как сейчас,— продолжал К. Вольф,— слышу вопрос старшины приданного мне взвода: «Ну, что будем делать, комендант?» Действительно, что делать? И тут неожиданно вспомнились фильмы об Октябрьской революции и гражданской войне. «Прежде всего надо занять почту и телеграф»,— твердо сказал я.

— Слушаюсь!

Всего два дня был Конрад Вольф комендантом Бернау. Но с ними связаны многие воспоминания. На окраине города неожиданно обнаруживается действующее управление интендантской службы вермахта: его сотрудники, которые накануне имели выходной и не знали, что город взят Красной Армией, утром приехали автобусом на работу...

— Что еще вспоминается? — размышлял К. Вольф.— Пожалуй, то, как на меня смотрели некоторые мои соотечественники. Несколько антифашистов Бернау, с которыми мы сразу же установили контакт, не в счет. Чтобы помочь людям по-новому видеть и понимать мир, преодолеть и отбросить прошлые представления, потребовались поистине гигантские усилия коммунистов, борцов антифашистского Сопротивления, которые, выйдя из тюрем и вернувшись на родину из эмиграции, немедленно взялись за дело. И, несмотря на то что их было вначале совсем немного, они сумели шаг за шагом создать широкий фронт борьбы за новую жизнь. Да, с тех пор в сознании народа ГДР произошли коренные сдвиги. Сформировался новый человек, новый немец, и это — не слова, а живая реальность. Прошедшие годы научили людей понимать, кто их истинные друзья и кто враги.

Апрель, 1975 г.

Георгий КУБЛИЦКИЙ

СИБИРЬ, ОПОРА ФРОНТОВАЯ

— И подумать только: почти весь правый берег Енисея застроен здесь в войну,— говорил Н. Н. Каминский.— Целый второй Красноярск...

В уличных просветах — тающие над градирнями облачка пара, трубы, корпуса цехов. В сторонке, среди многоэтажья новостроек, спрятались невзрачные бараки.

— Последние. Снесут не сегодня завтра. Это сорок первый год. Вон Дворец культуры, видите? На его месте как раз и был полевой штаб, руководивший разгрузкой нашего «Красного Профинтерна».

На этот крупнейший машиностроительный завод, который находился в Бежице, под Брянском, Николай Николаевич Каминский пришел в 1925 году. Перед войной работал заместителем директора по строительству. Приказ об эвакуации завода был получен после нескольких сильных воздушных налетов.

— Решили вывезти все,— вспоминал Каминский.— Снимали с путей рельсы, выкапывали трубы и кабели. Да что там: бронзовую стружку ночами грузили... В сентябре сорок первого опустевшую заводскую площадку принял у нас фронт. А завод тем временем растянулся на полстраны: почти шесть тысяч вагонов с оборудованием, сотни составов. Последние эшелоны пришли сюда, к маленькой станции Злобино, когда на Енисее был ледостав. Разгружались в степи, впрягались в сани со станками, били ломами мерзлую землю...

В ту зиму не ждали светлые, приспособленные корпуса и тех, кто оседал непосредственно в городах. Иркутск разместил крупное предприятие в горнометаллургическом институте. Запорожский комбайновый завод «Коммунар» Красноярск принял в цехи старого ликеро-водочного завода. Тюмень смогла предоставить одному из заводов только свой крытый рынок и несколько старых лабазов. Но это вовсе не значило, что Сибирь в целом не готовилась заблаговременно к тому, чтобы, подобно Уралу, стать в грозный час могучим арсеналом державы.

Мудро и дальновидно партия добивалась на довоенном Востоке высоких темпов индустриализации. К новой металлургической базе, к гигантам Кузнецка Сибирь успела приплюсовать заводы, дублирующие важные отрасли промышленности западных районов. Предвоенная Сибирь имела уже более тысячи крупных предприятий машиностроения и металлообработки. Именно они начали резко наращивать выпуск военной продукции, пока перебазированные заводы оседали на новом месте.

— Четыре барака да совхозная конюшня — вот все, что было возле станции Злобино,— продолжал рассказ Каминский.— В конюшне поставили станки, начали выпускать минометы. А рядом работали прямо под дощатыми навесами. Это при сибирской-то зиме! Жгли костры, на руки лили горячую воду, чтобы мороз пальцы не прихватил. И вот однажды над нашим табором запел гудок «Красного Профинтерна»! Верите, многие плакали. Значит, живет завод...

В ту первую военную зиму гудки пробовали голос по всей Сибири. На спешно достроенных сибирских заводах и на тех, что только лишь пускали корни в сибирскую землю.

Сибирь жила трудно. Больше половины коммунистов ушли на фронт. Сильно поредевшие кадры партийных и советских руководителей работали с изматывающей нагрузкой. Решать надо было сразу, смело, безошибочно, отвечая по законам военного времени и за формирование сибирских дивизий, и за пуск перебазированных заводов.

Вот некоторые выдержки из сибирской хроники тех лет:

Томск. Заседание бюро горкома партии в ночь на 23 июня 1941 года. Из постановления: «Всякое нарушение и отступление от правильного выполнения мобилизационного задания расценивается как предательство Родины».

Омск. Городской партийный актив 28 августа 1941 года. Главный вопрос: женщины должны всюду заменять фронтовиков. Женские бригады уже работают даже в литейных цехах. Решение актива: немедленно всюду организовать производственное обучение женщин, развернуть соревнование за овладение профессиями.

Новосибирск. Пленум горкома партии, декабрь 1941 года. Итоги социалистического соревнования: 3800 производственников дают 2—3 нормы изо дня в день.

Следом за трехсотниками появились первые тысячники — 10 норм в смену! Сибирь бросила вызов Уралу. Новосибирский тысячник, токарь Павел Ширшов написал нижнетагильцу, тысячнику Дмитрию Босому: «Ты на Урале, я — в Сибири, ты на фрезерном, я — на токарном станках делаем одно общее дело: куем в тылу победу над врагом... Давай соревноваться!» Босой ответил: «Будем работать так, чтобы фронт сказал — спасибо!»

Коммунист Николай Лунин удвоил время пробега своего паровоза без ремонта, что позволило водить дополнительные составы для фронта, и вскоре «лунинцы» появились на всех железных дорогах страны.

Трое изыскателей — Александр Кошурников, Алексей Журавлев и Константин Стофато погибли зимой 1942 года, разведывая трассу будущей железнодорожной магистрали Абакан — Тайшет, и страничку дневника с записями об их предсмертных часах после войны выставили в Музее революции рядом с реликвиями Сталинградской битвы.

Строки хроники — лишь отдельные штрихи картины трудового героизма, на который партия вдохновляла людей. За два года Западная Сибирь увеличила военное производство в 27 раз. С каждым месяцем она на-

правляла фронту все больше эшелонов с танками, пушками, минометами.

«Завод и житница державы, ее рудник и арсенал». Эти слова, посвященные сибирской земле, документально точны. В тяжелейший 1942 год Сибирь дала превращенной в военный лагерь стране почти треть чугуна и стали. Свыше трети угля. Больше четверти проката. Около половины кокса. Четверть всего заготовленного страной хлеба.

Этот хлеб дала сибирская деревня, где осталась треть работоспособных мужчин, а из каждых десяти механизаторов девять ушли на фронт шоферами и танкистами.

...Но вернемся в Красноярск, туда, где на месте выгрузки эшелонов «Красного Профинтерна» высятся теперь корпуса огромного «Сибтяжмаша».

Степь возле станции Злобино была пустынной, но рядом трудился для фронта рабочий Красноярск, готовый помочь, поддержать, и вот что говорил об этом Николай Николаевич Каминский — ветеран «Красного Профинтерна», ставший почетным гражданином Красноярска:

— Да разве могли бы мы уже в сорок втором выпускать на новом месте первые краны для оборонных заводов, если бы не красноярцы? Кварталы тылового Красноярска казались затемненными: город отдавал электроэнергию заводам, в том числе и нашему. Вместе с нами красноярцы прокладывали подъездные пути, строили корпуса. Красноярский паровозовагоноремонтный посылал к нам своих мастеров и монтажников, дал котлы, позднее снабжал буксами, бронзовым литьем. Разве забудешь рабочую солидарность, гостеприимство сибиряков?

Западная и Восточная Сибирь приняли в начале войны свыше трехсот предприятий и за военные годы ввели в строй сотни новых. Социалистическая экономика показала свою гибкость, маневренность, жизнестойкость, за короткий срок резко нарастив военный потенциал Сибири. Один из сибирских авиационных заводов начал выпуск продукции в дни битвы за Москву. К празднику Победы на его счету было 15 тысяч боевых машин. Это равно примерно пятой части самолетов, созданных всей

чудовищной военной машиной гитлеровской Германии. Другой сибирский завод выпускал моторы в количестве, достаточном для оснащения десятой части всех советских танков.

Мощный индустриальный край с колоссальными природными богатствами — таким знает сегодняшнюю Сибирь весь мир. После великой Победы армады ее тракторов, сменивших танки на заводских конвейерах, пошли в наступление на целину. Тюмень, «столица деревень», за военные годы превращенная в индустриальный город, стала опорой разведок нефти и газа, завершившихся открытием века. На сибирских реках поднялись и поднимаются плотины величайших гидростанций планеты. Какой уголок Сибири ни возьми, главная его примета — стройка.

А что теперь там, где в 1941 году оставались полуразрушенные коробки цехов? И я слышу рассказ о Брянском машиностроительном, который восстанавливали вернувшиеся фронтовики. В 1974 году орденом Ленина отметили его столетие, зачтя в трудовой стаж и то время, когда при оккупантах мертвыми стояли корпуса: ведь люди и оборудование и в ту пору работали для Победы. Между прочим, на кранах возрожденного завода есть марка «Сибтяжмаша»: долг платежом красен. От старого корня — два могучих ствола!

...По всей Сибири — мемориальные доски и обелиски в честь бессмертных подвигов прославленных сибирских дивизий. По всей Сибири — Вечные огни в память ее сынов и дочерей, сложивших голову за Отчизну. И по всей Сибири — огни ее гигантских заводов и гидростанций, ее новых железнодорожных магистралей и новых городов, ведущих родословные от грозовых лет.

Послевоенные пятилетки принесли сибирскому краю всемирную славу. Но никогда не затмит она в народной памяти негромкую, но поистине немеркнущую славу тех лет, когда по воле партии тыловые Урал и Сибирь представляли собой единый боевой лагерь с фронтом.

Апрель, 1975 г.

Леонид ЕВТУХОВ

КАПЛЯ КРОВИ

«Дорогая Таня, я вас никогда не встречал, но решился написать это письмо. Вы и ваши подруги стали донорами, чтобы спасать раненых бойцов. Знаете ли, как это дорого для нас? Я был ранен в бою и обречен на смерть, но врачи перелили мне вашу кровь, и я вновь живу.

Спасибо, Таня, не только от себя, но и от других раненых, которым вы и многие другие доноры спасли жизнь...»

(Из фронтового письма ленинградке
Тане Самойловой)

Колонный зал Дома союзов видел много встреч, но эта была, наверное, одной из самых удивительных. Плыл по залу набат фронтовых песен, пламенели полотнища знамен, пылали гвоздики... Ветераны войны, раненные под Смоленском и Орлом, на Волге и на Днепре, освобождавшие Варшаву, Прагу, Белград и Бухарест, встречались с теми, кто в годы войны спасал их жизнь своей кровью.

В руках у меня маленькая донорская книжица — свидетельница народного подвига. В дни войны таких было выдано 5,5 миллиона. На фронты, в полевые медсанбаты и тыловые госпитали был отправлен 1 миллион 700 тысяч литров донорской крови. Сравните это с рекой, найдите другую метафору, но истинная мера человеческой крови всегда была и остается — капля...

В 1926 году в Москве был организован первый в мире Центральный институт переливания крови. К началу войны была уже создана единая государственная система донорства и службы крови. Консервированную кровь

заготавливали в тылу, в институтах и на станциях переливания крови. Затем доставляли ее на фронт. С первых дней войны донорство приняло всенародный размах...

22 июня 1941 года, когда страну облетела весть о вероломном нападении фашистской Германии, у станций переливания крови Москвы, Ленинграда, Горького, Тулы, Орла, сотен других городов выстроились очереди людей, желающих дать свою кровь для бойцов Красной Армии. Были среди них студенты, рабочие, ученые, колхозники и даже дети.

Ученик 10-го класса города Петрозаводска Коля Свиридов писал: «Мне скоро 17 лет, а у меня отказываются принять кровь для раненых бойцов. Но я ведь член ВЛКСМ и считаю своим долгом бороться с фашизмом. Поймите, что вы обязаны принять меня в число доноров».

Письмо К. Н. Милигримова от 27 июня 1941 года: «Мне 70 лет, но я чувствую себя крепким и поэтому прошу взять от меня максимум крови для раненых героев нашей доблестной Красной Армии. Я умру спокойно, когда буду знать, что отдал свою кровь для победы над фашизмом...»

Из письма донора Пчелкиной, адресованного защитникам Сталинграда 1 октября 1942 года: «Родные наши! Бейте врагов беспощадно! Мы посылаем вам снаряды и свою кровь. Мы родные по жизни советской, мы теперь родные и по крови...»

Ветераны-фронтовики и сегодня склоняют головы перед теми, кто, проводив на фронт своих сыновей, мужей, братьев, работая в поле и на заводах по 12—14 часов в сутки, приходил на станцию переливания крови, чтобы помочь фронту не только хлебом, снарядами, танками, «катюшами», но и своей кровью.

Москвичка Мария Жданович, потерявшая во время одного из налетов дочь, явилась в институт для сдачи крови в десятый раз. Врачи не знали: именно в этот день она получила извещение о том, что на фронте погиб ее сын.

За годы войны Москва отправила на фронт 500 тысяч литров донорской крови. Не было такого уголка страны, откуда бы не поступала кровь для фронта.

Вот цифры: в первый же год войны в Грузии было 10 350 доноров, в Азербайджане — 9000, в Армении — 4250, в Таджикистане — 900, в Туркмении — 1800, в Казахстане — 2250, в Узбекистане — 4500, в РСФСР (56 городов) — 217 900 доноров.

Давайте вдумаемся в строчки научного доклада: «Во время Великой Отечественной войны из всех умерших от ран только 1 процент составили погибшие от потери крови. В первую мировую войну по этой причине погибли 65 процентов раненых».

Кровь для спасения раненых давали не только труженики тыла. С первого дня войны донорами становились врачи и медсестры, легкораненые и выздоравливающие воины.

На встрече доноров выступила Галина Сушко. С первого дня войны она была на фронте. В декабре 1941 года, рассказывала Сушко, в медсанбат санитары доставили тяжело раненного бойца. Нужной группы крови не оказалось, и хирург предложил ей лечь на операционный стол для прямого переливания крови солдату.

— На следующее утро меня попросили зайти в палату,— продолжала свой рассказ Сушко.— Навстречу приподнялся молоденький солдат, у которого ампутировали ногу. Он сказал: «Спасибо тебе, сестричка, за кровь. Я в неоплатном долгу перед тобой...»

Годом позже спасали жизнь уже и самой Галине Сушко, раненной в бою. Ей перелили кровь медицинской сестры киевлянки Марии Левитас.

Есть в нашей стране город, в котором донорское движение в годы войны красноречивее всего свидетельствовало о возможностях человека. Когда выступала лауреат Государственной премии, профессор Научно-исследовательского института гематологии и переливания крови в Ленинграде Любовь Григорьевна Богомолова, зал замер.

Институт переливания крови находился в подземелье бывшего монастыря Троицкой общины. Фашисты вели регулярный обстрел института. У его входа были ранены осколками снарядов доноры Ю. Суходольская, В. Брудастова, К. Малинина и многие другие.

14 сентября 1941 года воздушная тревога в Ленинграде длилась без перерыва весь день. Доноры не могли прийти. Тогда кровь дали сотрудники института. Кровь была отправлена на фронт.

Донорство в осажденном городе было столь массовым, что родственники разыскивали друг друга через регистратуру института.

40 000 специальных термоконтейнеров с упакованными в них бутылками крови отправил на фронт блокадный Ленинград. Так чем же, какой мерой можно измерить всю глубину и величие этого подвига?!

За сдачу крови полагалась денежная компенсация. Но многие от нее отказывались. Денежные компенсации доноров обычно поступали в фонд обороны. Так появились истребитель «Карельский донор», эскадрилья «Ленинградский донор»... На средства доноров были куплены и отправлены на фронт десятки танков и орудий, сотни пулеметов.

От первого и до последнего часа войны и каждый ее день на самолетах, в поездах, на автомашинах или просто в сумках курьеров поступала на фронт человеческая кровь. Это был самый срочный, самый важный груз.

— Мы выбрасывали сиденья, термосы с кофе, снимали даже сапоги,— вспоминала бывшая летчица отряда санитарной авиации К. Цабродина,— лишь бы взять с собой еще один ящик с драгоценными ампулами. Отряд наш доставлял кровь и в партизанские отряды, и на передовую в медсанбаты, и в госпитали...

...Поздно вечером, когда закончилась встреча доноров-ветеранов, я спросил у Любови Григорьевны Богомоловой о судьбе Тани Самойловой, письмом к которой начат этот рассказ. Оказалось, после войны она стала женой того самого молодого командира, которому перелили ее кровь, вырастила троих детей. И вспомнились мне хорошие строки:

«Любовь» и «Кровь» —
из века в век
Рифмует человек.
И нет живительней любви,
Скрепленной на крови.

Январь, 1975 г.

Олег СМИРНОВ

ЭШЕЛОНЫ ШЛИ НА ВОСТОК

Лето 45-го. Германия. Солдаты здесь еще жили войной, но уже жили и миром. И прогретый воздух, весенняя земля, солнце и цветы — все звало к мирной жизни, от которой они отвыкли. Всем хотелось домой, к своим близким. Учиться, работать, любить!..

По тревоге нас подняли неожиданно. Построились — и на железнодорожную станцию, где призывно гукали паровозы. Прощай, Германия! Мы пришли сюда, чтобы добить войну и фашизм. Почти на четыре года растянулась эта страда. Мы сдавали и освобождали города и села, теряя друзей. Дорогой ценой мы спасли свою страну, спасли другие страны от фашизма и, сделав свое дело, едем домой. Прощай, Германия, здравствуй, Россия!

Батальоны 192-й дивизии грузились по-скорому, эшелоны в равные промежутки уходили со станции. Всходило солнце, не переставал сыпать дождик, солдаты шутили: слепой дождь — к удаче. Мы стояли у раскрытых дверей теплушки и вдыхали смолистый воздух отбегающих назад сосняков да ельников. Навстречу прогромыхал порожняк, за ним еще один. Проводив глазами встречный эшелон, кто-то сказал задумчиво:

— За нашим братом. Перебрасывают весь корпус. Возможно, всю 39-ю армию... Я на станции встретил друзей из соседнего корпуса.

— Ты думаешь, армию расформируют?

— Не думаю. Едем на восток — война как бы в обратном порядке раскручивается...

А вскоре эшелон уже вез нас по тем краям, где совсем недавно мы поднимались в атаку и где лилась кровь. Где-то неподалеку протекала река Шешупа. Наша дивизия вышла к Шешупе в октябре 44-го и форсировала ее. Тяжелейшие были бои. Пытаясь сбросить нас в реку, гитлеровцы непрерывно контратаковали. Советские воины стояли насмерть. Командир стрелкового взвода моего родного 490-го полка лейтенант Иван Шкатов и двенадцать его бойцов три часа удерживали плацдарм за Шешупой до подхода подкрепления и погибли, так и не пропустив врага. Лейтенанту Шкатову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Отсюда, с плацдарма, наши полки двинулись в январе 45-го на запад. В сражениях на территории Восточной Пруссии воины дивизии проявили массовый героизм, а двое из них — рядовой Александр Логунов и старший сержант Геннадий Барыков — пополнили семью Героев Советского Союза.

...Паровоз усердно дымил, состав извивался, позади текуче сверкали рельсы, и впереди открывались рельсы, рельсы. На нарах теплушек похрапывали ребята (отсыпались за войну), курили, вспоминали бои и своих товарищей.

Польша. Деревни в этих местах уцелели — советские войска гнали тогда фашистов здорово. На остановках вагоны окружают местные жители — с такой же теплотой они встречали нас, когда мы продвигались с востока на запад, неся вместе с польской армией освобождение многострадальной Польше.

Проехав, наконец, границу, поезд останавливается. Белоруссия. На месте спаленного села — землянки...

Вместо Минска — коробки сожженных и взорванных зданий, нагромождение руин. Но город не мертв. Город жив: дымят трубы, по улицам катят трамваи и автобусы, на тротуарах пешеходы. Когда утром 3 июля 44-го года мы ворвались в Минск, он казался уничтоженным: при отступлении немецкие саперы минировали и взрывали сохранившиеся здания. Наши войска помешали гитлеровцам довести черное дело до конца.

В промежутке между боями за Оршу и Минск были еще бои за Борисов, было форсирование Березины. Там

в районе деревни Малые Ухолоды мы потеряли своего комдива полковника Александра Макаровича Ковалевского. Командование принял его заместитель Герой Советского Союза полковник Лука Минович Дудка — он тоже погиб, но уже в Берлине, в уличных боях.

На минском вокзале — кумачовые лозунги: «Горячий привет героям-освободителям!», «Беларусь низко кланяется доблестным советским воинам!», «Слава — отважным сынам народа!» На перроне, на путях — столпотворение: крики, песни, гармошечные переборы. И слезы. Плакали одетые в черное женщины...

Как же долго мы ехали мимо пепелищ, полусгоревших изб! За окном — траншеи, воронки, поржавелые остовы машин, расщепленные деревья. Москва уже рядом, и только теперь, после Берлина, мы, кажется, по-настоящему осознали всю меру опасности, нависшей над столицей в 41-м.

Наш эшелон прибыл на северную окраину Москвы. Долго в тот вечер никто не ложился спать. А когда проснулись засветло, состав громыхал уже по Северной дороге, удаляясь от столицы. В точности еще никто ничего не знал, куда едем. Но громадное количество эшелонов с личным составом и боевой техникой, устремившихся на Дальний Восток, говорило само за себя.

...Есть святое понятие воинского долга, и мы сознавали: коль надо, то будем воевать — на совесть, как научились за четыре года.

Лишь потом, после войны, стало известно, что 192-ю дивизию, как и всю 39-ю армию, как и 5-ю армию (тоже воевавшую в Восточной Пруссии), перебросили на Дальний Восток именно по причине ее большого опыта по прорыву немецких укрепленных оборонительных полос, схожих с укрепленными районами миллионной Квантунской армии на границах Маньчжурии.

Не могли мы тогда знать и того, что на Ялтинской конференции Рузвельт и Черчилль повторно обратились к И. В. Сталину с просьбой о вступлении СССР в войну против Японии. Верное союзническим обязательствам, Советское правительство удовлетворило эту просьбу.

Поскольку сил, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке, могло оказаться недостаточно для быстрейшего

разгрома Квантунской армии, Верховное Главнокомандование приняло решение о крупной перегруппировке советских войск с запада на восток. Перевозились и выгружались десятки тысяч орудий и танков, минометов и автомашин, многие десятки тысяч тонн боеприпасов, горючего, продовольствия. За два месяца на Дальний Восток и в Забайкалье поступило с запада, с расстояния 9—12 тысяч километров, около 136 тысяч железнодорожных вагонов с войсками и грузами.

К августу на Дальнем Востоке было сосредоточено 11 общевойсковых и одна танковая армия, свыше 3800 боевых самолетов.

...Но вернемся в июнь 45-го. Наши эшелоны шли на восток, и встречные поезда уступали дорогу — так когда-то пропускались эшелоны, шедшие на запад, к фронту.

Города и деревни за Уральской грядой, на сибирских просторах, не задеты войной. А люди задеты — это ощущалось сразу. Вряд ли была семья, в которой кто-то не погиб или не ранен. И кормили, и одевали армию эти тыловые районы.

Чем дольше мы в пути, тем явственней убеждение: будем воевать. На политзанятиях и в беседах нам говорят о необходимости потушить второй очаг мировой войны, что до сих пор бушует на Дальнем Востоке... Поставлена задача разбить Квантунскую армию, помочь народам Китая, Кореи и других государств, оккупированных японскими милитаристами,— освободительную миссию Советской Армии, начатую в Европе, завершить в Азии...

В Чите, когда меняли паровоз, запомнилось такое. Осмотрщики лазали под вагонами, проверяли буксы. Один, чумазый, с молотком, вынырнул из-под теплушки, угостился у солдат папиросой и с восторгом сказал:

— Силища прет на восток!

Фронтовики улыбались, кивали согласно: против Советской Армии, победившей гитлеровскую Германию и ее сателлитов, находящейся во всеоружии опыта и могущества, никому не устоять. За вокзалом наигрывали «Синий платочек». Лиственницы вокруг города карабкались по склонам, будто норовя добраться до неба.

А оно, высокое, голубело над сопками с оранжевой радугой — составы проходили под ней, как под торжественной аркой.

Многие эшелоны проследовали через Читу, двигаясь к Хабаровску, к Владивостоку. А наш эшелон свернул отсюда с Транссибирской магистрали на маньчжурскую ветку — к Борзе и Соловьевску.

Мы еще ничего не знали ни о предстоящей выгрузке в Баин-Тумэне, ни о прорыве японской обороны, ни о походе через Хинган. Нас еще ждали впереди восторженные встречи в китайских селах и городах, бои, гибель друзей и 3 сентября — праздник Победы над империалистической Японией. Эшелоны катили по Забайкалью. Колеса отстукивали последние сотни километров. И отсветы багровых закатов на лицах солдат были как отсветы победных боев — и прошедших, и предстоящих. Там, под Халун-Аршаном, Ванемяо, Чанчунем...

Август, 1975 г.

Валерий КАЛИНКИН

«ПОБЕДА» И «СЛАВА»

Пройдя снегами Подмосковья, отгремев на сталинградских, курских и днепровских рубежах, перемахнув свой огневой экватор, в ноябре 1943-го война будто бы дала обеим сторонам короткую паузу для размышлений. В рейхстаге они были неутешительными, это виделось и это слышалось даже за изощренной вязью словес вражеской пропаганды. В Кремле был сделан уверенный вывод: война пошла по московскому времени.

Отметим в хронике Великой Отечественной и эту дату: 8 ноября 1943 года. Два Указа Президиума Верховного Совета СССР в тот день поставили рядом два слова — «Победа» и «Слава», учредив полководческий и солдатский ордена.

Из статута: «Орденом «Победа», как высшим военным орденом, награждаются лица высшего командного состава Советской Армии за успешное проведение таких боевых операций... в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Советской Армии».

Из статистики: «За годы Великой Отечественной войны орденом Славы 3-й степени награждено более 868 тысяч воинов, орденом Славы 2-й степени — около 46 тысяч, более 2500 воинов стали полными кавалерами этого ордена».

Есть символ в том, что ордена «Победа» и Славы трех степеней были учреждены, когда наши победы на всех фронтах положили начало коренному перелому в войне.

Что делали, о чем думали восьмого ноября 1943 года Г. К. Жуков и Т. М. Питенин, А. М. Василевский и К. К. Шевченко — два маршала и два солдата Советского Союза, стоящие под первыми номерами в списках награжденных орденом «Победа» и орденом Славы? О чем думали, вряд ли теперь узнаем. А вот делали они все вместе Победу. Маршалы — у карт с прицельными красными стрелами, которые понесут на своих плечах полки и дивизии, а солдаты... Солдаты шли на острие этих стрел.

В небольшой книге Константина Симонова (она так и называется «Шел солдат...» и посвящена полным кавалерам ордена Славы) обращает на себя внимание одна деталь. Даются фотографии орденоносцев: сегодняшних и военных лет. Так вот, в ряде случаев на месте, где должен бы помещаться фронтовой снимок — прямоугольная рамка, а в ней лаконичная строчка: «Военных фотографий нет». Вроде бы строчка как строчка. Что в ней такого? В ней-то, в общем, и ничего. Но за строчкою — размышления: в грохоте боев так и не щелкнул затвор фотоаппарата. На все нашлось время у кавалеров высшего солдатского ордена — первыми ворваться в окоп, драться в горящем танке, в кромешном дыму выискивать и поражать артогнем цели неприятеля, спасать командиров, устремлять в пике атакующий штурмовик; на все нашлось время — отстоять Москву и Сталинград, выстоять в огне Курской дуги, взять Берлин; на все нашлось время — не нашлось лишь нескольких секунд, чтоб сфотографироваться. Долог был солдатский путь. И порой не короче был путь, на котором награды искали героев. Да что там был! Даже сегодня, десятилетия спустя после того как зачехлены орудия, в наши дни, когда старшие попривыкли к тишине и подзабыли, какой стороны улицы держаться при артобстреле, а младшие того и не знают, нет-нет да и всколыхнет сердце скупая информация газетной строки: вручен орден Славы такому-то...

В моей журналистской практике есть три случая, согретых особым теплом воспоминаний.

Как-то, еще в окружной газете, я не выполнил редакционного задания и получил... благодарность. А была

обычная командировка в Н-ский гарнизон Краснознаменного Приволжского военного округа. Все шло своим чередом, пока, выйдя из вагонного купе, не услышал разговор двух собеседников, оказавшихся служащими одного предприятия:

— Вот едем, а в клубе сейчас музыка гремит, и Молодцова, поди, не узнать.

— Ну уж насчет не узнать ты, брат, загнул. Не таков Пал Игнатьич, чтоб нос кверху. Вон же, почти сорок лет молчал.

То, что услышал потом, заставило спешно надеть шинель, сойти на ближайшей станции, сесть на встречный поезд, а затем на автобус, тронувшийся в глубинку оренбургского края, где и проживал кавалер ордена Славы сержант запаса Павел Игнатьевич Молодцов, чуть ли не на четыре десятилетия разминувшийся с положенной ему наградой. В клубе действительно гремела музыка, и Павла Игнатьевича было действительно не узнать, только неузнаванье это было особого рода. Веселый, по словам знавших его людей, и словоохотливый, он приумолк уже после нескольких фраз, как замолкают обычно люди, не любящие рассказывать о себе. Он несколько сник и как-то заторопился, будто не тогда, осенью сорок третьего, не там, в полосе предстоящего наступления, а сейчас здесь, посреди мирной оренбургской зимы, надо было спешно уйти в поиск, снять вражеский дозор, проползти, яростно отстреливаясь, последние спасительные метры до своего окопа, осторожно перетащить через бруствер, уже тронутый первым морозцем, раненого командира разведгруппы и только потом нырнуть в окоп самому. И упасть прямо в руки поджидавшему их начальнику разведки полка, повторявшему как заклинанье: «К «Славе», к «Славе» тебя, солдат!»

Мог ли он думать, сколь долгим окажется путь от окопа, где прозвучали эти слова, до рабочего клуба, где встретилась награда с героем. Далеко шагнула война, а солдатская слава — еще дальше!

Второй эпизод — с московской пропиской.

Года два назад автору этих строк было поручено подготовить интервью с известным военачальником

фронтовой поры дважды Героем Советского Союза генералом армии А. П. Белобородовым. За час до оговоренной встречи — звонок в редакцию: извините, тут приятная неожиданность — награда отыскала одного из бойцов нашей дивизии. Осторожно интересуемся, может, через час-другой генерал будет свободен?

— Ну, что вы,— отвечают нам, не оставляя надежд,— тут мимоходом нельзя. Тут, понимаете, «Сла-ва»...

Я вот о чем думаю. У нас в стране учреждены самые различные награды и есть внушительный реестр орденов и медалей. Многих из орденов и медалей могут быть удостоены как люди, отличившиеся в боях и труде, так и города, учреждения, предприятия, воинские части и соединения. Но есть среди наград такие, у которых особый статут. Орденом «Победа» и орденом Славы не награждаются города — только люди, смелостью своей бравшие города. Смелостью солдата, дерзостью полководца. Совсем недаром сошлись в пятиконечной рубиновой звезде ордена «Победа» самые светлые наши символы — Кремлевская стена, Ленинский Мавзолей и Спасская башня, олицетворяющие страну, спасенную мужеством солдата и мудростью полководца.

Вот какова вместимость ордена, нареченного светлым именем нашей Победы. Вот какова весомость ордена, если глянуть чуть дальше шестнадцати каратов его бриллиантовых вкрапин...

Люди главного командования вели по дорогам войны ее главного человека — солдата. И то, что на полководческом ордене «Победа» и солдатском ордене Славы есть повторяющиеся символы,— тоже ведь своего рода символ.

Два ордена, учрежденные в один день на изломе войны. Два ордена, которые носят на левой стороне груди. Два ордена одного назначения: воздать должное умножившим Славу и сотворившим Победу. Иначе и быть не может в стране, где еще в далеком, обдуваемом ветрами гражданской войны восемнадцатом году были приняты первые декреты о награждениях особо отличившихся в боях за Советскую власть и где среди первых кавалеров государственных наград

были рабочие и крестьяне. Потомки тех самых крестьян.

Прослеживая историю наград от древности до наших дней, наткнулся на описание одного царского указа. В нем ханжество в помеси с велеречивостью. Предписывалось сим сиятельным указом за участие в Отечественной войне 1812 года наградить: представителей дворянства — бронзовой медалью на владимирской ленте, купечества — медалью на анненской ленте, духовенства — бронзовым крестом. Крестьяне же... Нет, тут процитирую: «Крестьяне же, из среды коих исходит воин на защиту отечества... крестьяне — верный наш народ, да получит мзду свою от бога».

От этого указа до того дня, когда он будет напрочь выметен из народной памяти вихрями Октября, пройдет сто лет и еще три года.

Потомок тех крестьян, коим предписывалось уповать на всевышнего,— парень из рязанского села Березово, старшина запаса Василий Иванович Шаров, ушел на фронт, когда враг упорно рвался к нашей столице. В одном из боев, рискуя жизнью, получив два ранения в голову, он спас-таки самоходное орудие и его расчет. Когда после ранения догнал свой полк, начальник штаба вручил ему сразу два ордена: Отечественной войны 2-й степени и Славы 3-й степени.

К ордену Славы 2-й степени Шаров, по его же словам, опять прикатил на самоходке, подмяв в одном бою два станковых пулемета врага, расчет противотанковой пушки и истребив до роты фашистских солдат и офицеров. В начале победного 1945 года бой за чехословацкий город Моравска Острава принес Василию Шарову звание полного кавалера ордена Славы. А двенадцать лет спустя рядом с боевыми наградами легла на грудь трудовая — «За освоение целинных земель».

Вот другая крестьянская судьба, сына красноармейца гражданской, бойца Великой Отечественной коммуниста Андрея Пуненко из сибирского села Веденкино. Тремя орденами Славы отметила Родина боевые заслуги старшины медицинской службы и орденом Октябрьской Революции — его труд хлебопека.

«Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой». Это — из песни. А вот это уже из жизни. Есть на южном берегу Днепровского лимана село Геройское. Оно дало стране четырех Героев Советского Союза, двух Героев Социалистического Труда, сотни орденоносцев и полного кавалера ордена Славы — бывшего старшину морской пехоты Павла Христофоровича Дубинду.

Более 2500 у нас, повторим эту цифру, кавалеров высшего ордена солдатской доблести. Но честно признаюсь, не знаю, как быть со словом «кавалер», когда речь зайдет об отважной пулеметчице и трех ее сверстницах, чьи боевые профессии воина так и не научились произносить в женском роде: снайпер, санинструктор, стрелок-радист. Четыре дочери страны среди награжденных орденом Славы всех степеней. Мужчины не обидятся — назовем и вспомним героинь поименно. Вот они, наши — не подыщу другого слова — славные: снайпер Н. Петрова, пулеметчица Д. Маркускене (Станилиене), санинструктор М. Ноздрачева (Нечипорчукова), стрелок-радист Н. Киек (Журкина). Обратили внимание на отсутствие скобок при упоминании Н. Петровой? Она погибла, так и не выйдя замуж...

А сколько их, удостоенных Славы,— под курганами Славы! Скольких за годом год и сейчас настигает война, и какая теплая радость обнимет сердце, когда видишь доброе отношение к ветерану вообще и к орденоносцу Славы — в частности.

Тут и пришло время рассказать про третий случай.

Было это в Ереване на слете победителей похода по местам трудовой и ратной славы. Так случилось, что Светлана Савицкая угодила чуть ли не с космического корабля на бал и, естественно, оказалась в центре внимания. Парни и девчата вовсю одаривали ее цветами. Мы не вдруг заметили, как к космической летчице подошел фронтовой солдат с тремя орденами Славы и тоже протянул букет пылающих гвоздик.

— Ой, нет,— смущенно улыбнулась Савицкая,— не вы нам, а мы вам обязаны всю жизнь приносить самые лучшие наши цветы.

И все, кто услышал, зааплодировали.

...Вспомним в хронике Великой Отечественной эту дату: день учреждения двух высших орденов — для маршалов и рядовых. Вспомним эту войну, где победа ковалась доблестью солдата и мудростью полководца. А можно и так: мудростью солдата и доблестью полководца. Два эти качества, в каком сложении их ни поставь, навсегда вписали в исторический формуляр армии нашей Славную Победу и Победную Славу.

Ноябрь, 1983 г.

Валерий ОСИПОВ

СВЯТОЕ

Война часто хоронит своих солдат безвестно. Председатель колхоза имени Ленина Ленинградского района Ферганской области Сотвалды Кучкаров знал об этом. Он был на последней войне почти все полторы тысячи горьких дней и ночей и знал, что ее свинцовый каток иногда вообще не оставляет на поверхности земли памяти о людях, павших на поле брани.

Поэтому, когда на правлении было принято его предложение — соорудить в колхозе памятник воинской славы, он, раис (председатель колхоза), решил прежде всего составить точный поименный список всех погибших на войне односельчан с указанием места захоронения их останков на территории СССР.

Он объездил их могилы на Украине, в Белоруссии, в Молдавии, в Смоленской, Брянской, Тульской, Ленинградской, Ростовской, Псковской, Новгородской, Курской, Орловской и других областях.

И везде брал с места погребения горсть земли.

После уточнений и проверок выяснилось, что на западных территориях СССР, в местах, где проходили военные действия, похоронено триста восемьдесят семь мужчин, ушедших из колхоза на войну.

Все имена и фамилии с подробным указанием места погребения — область, город, район, село — и даты гибели было решено нанести на постамент памятника. Его строили четыре года.

У въезда на центральную усадьбу стоит скульптурная группа: скорбящая коленопреклоненная мать и рядом с ней склонивший голову молодой солдат. И прон-

зительной иглой рвется из земли в небо трехгранный штык высотой метров сорок...

Это семья: отец — павший, мать — скорбящая и сын — дающий клятву. Семья, разлученная и снова соединенная на родной земле.

Его выразительность и подчеркнута тем, что прекрасное скульптурное произведение стоит среди простых и вечных примет народной жизни: поля и сад, деревенские дома, фермы, виноградники...

Солдаты полегли на полях сражений много лет назад, отдав сердца земле и бросив в будущее семена мира. Долгие, бестревожные годы, белые, как хлопок, спокойные облака над головами скорбящей матери и сурового сына — тоже из урожая тех зерен, того посева.

...На открытие колхозного памятника собралось десять тысяч человек: пришли из соседних колхозов и совхозов, приехали из города.

Открывая памятник, председатель колхоза сказал:

— Наши солдаты навсегда останутся лежать там, где они с оружием в руках приняли смерть... Но сегодня все же они вернулись на родную землю вместе с той землей, которая приняла их прах. Они и остались на войне, и вернулись домой...

Ему пришлось прерваться — митинг плакал. Десять тысяч человек вытирали слезы, вспоминая близких, родных, соседей, знакомых. А на следующий день после открытия памятника, когда председатель утром шел в правление, первая встретившаяся по дороге женщина низко поклонилась ему. И вторая женщина тоже поклонилась ему. И третья, и четвертая... И так продолжалось до тех пор, пока он, рассердившись, не стал ругать тех женщин, которые кланялись. Но они все равно продолжали это делать.

К нему стали теперь приходить за советом по делам, не имеющим отношения к работе. Его просили рассудить родственные споры и разрешить конфликты между соседями. Однажды он обмолвился на правлении, что хорошо было бы около памятника разбить виноградник, предложил записать это в план работ по благоустройству центральной усадьбы. Но уже на следующий день утром, когда он сидел в правлении, к нему при-

бежали и сказали, что восьмидесятилетняя Ульжас Хамдамова, у которой на войне погибли два сына, вырыла у себя во дворе виноградный куст и несет его к памятнику. А через два часа вырыли в своих дворах кусты винограда, чтобы посадить их у памятника, еще шестнадцать человек.

Правда, все это случилось спустя много дней после открытия памятника. А сразу после того памятного митинга, буквально через день, началось неожиданное...

В этом колхозе были семьи, в которых ушли на войну и не вернулись с нее по два, по три сына... И вот через день после открытия памятника из ворот дома одной из таких семей вышла траурная процессия. Впереди несли фотографии. Три молодых узбекских парня улыбались с них — родные братья, много лет назад оставшиеся лежать в далекой Прибалтике.

За фотографиями шли старики родители, живые их дети, внуки, дяди, тети, двоюродные братья и сестры, племянники, невестки, соседи, знакомые...

Каждый день на улицу выходило по нескольку таких процессий. Подходили к памятнику, ставили к постаменту фотографию сына, мужа или отца и начинали говорить речи — каким послушным был сын, каким заботливым был муж, каким добрым был отец... Как учился, как в поле выходил родителям помогать, каким храбрым был.

Я услышал эту историю случайно. И сначала не совсем поверил ей. Потом приехал в этот колхоз, познакомился с председателем.

— Да, все это совершенно неожиданно получилось,— сказал председатель.— Никто не думал, что так получится...

На мгновение я увидел эту картину — вереницы женщин, одетых в черное, идущие по центральной улице колхоза день за днем, день за днем — целых два месяца.

Когда-то они, солдатские матери этого кишлака, носили под сердцем теплое начало жизни своих сыновей.

Триста восемьдесят семь. Из одного колхоза...

Но вдруг какая-то другая цифра начала всплывать на горизонте памяти. По дороге сюда, в этот колхоз, секретарь райкома Ханипахон Аскарова сказала мне,

что в последней пятилетке свыше пяти тысяч женщин их района получили звание «Мать-героиня».

Триста восемьдесят семь и пять тысяч. Сопоставимо? Или несопоставимо? Возникает разгадка тайного смысла вечности человеческого бытия из этих двух цифр, стоящих рядом? Рождается правда бытия из этих двух цифр или нет?

И опять на мгновение я увидел картину — триста восемьдесят семь узбекских парней спускаются в долину своего последнего солдатского рубежа... А навстречу им шествие — пятьдесят тысяч мальчишек и девчонок, рожденных женщинами этого района... Вот они, эти мальчишки и девчонки, на ровном, бестревожном, свободном, солнечном земном пространстве — и расходятся, разбегаются (словно светлые ручьи арыков по хлопковым полям) по своим школам, детским садам... А между ними, между суровой колонной и шествием детей,— тысячи солдатских матерей и вдов, каменно замерших на открытии памятника, склонив головы, вокруг сорокаметрового гранитного штыка, рвущегося из земли в небо. Может быть, кто-то из матерей до этого момента вопреки обычной логике, но по особой логике материнского сердца все же ждал, надеялся: а вдруг жив, а вдруг вернется.

...Председатель колхоза привез с полей далекой войны в свой колхоз правду. Горькую и неопровержимую. Председатель выполнил долг вернувшегося солдата перед невернувшимися. Но эта правда лишила надежды тех, кто жил надеждой. Тех, в ком еще теплилось ожидание, кто перебирал старые фотографии, перечитывал фронтовые письма...

Так что же в конце концов нужно человеку, что необходимо ему, что дороже — надежда или правда? Утешение надеждой или безутешность правды?

Раис привез в колхоз горькую правду, но именно после этого, встречая его на улице, начали низко кланяться ему те, кого он лишил надежды.

Почему? В чем разгадка этого противоречия?

Не знаю.

Председатель заботился о постройке для колхозников новых домов, школ, детских садов, яслей, заботился

о том, чтобы пролегли асфальтовые дороги к полевым станам. Так делают многие. Собственно говоря, по-другому и не может быть у хорошего председателя.

Но человек живет не только материальным. Существует еще и духовное, которое никогда не будет отменено, на место которого никогда не встанет никакой практицизм, которое никогда не засыплют никакие метели отрешенности и бездуховности.

Председатель не искал каких-либо особых искусственных путей к душам людей своего колхоза. Он поступал сообразно своим представлениям о завершенности, законченности и единстве полного круга земного человеческого бытия, полного оборота духовных и материальных ценностей жизни.

И он оказался прав.

Может быть, и в этом состоит частичка разгадки тайного смысла человеческого бытия?

Не знаю.

Но если правда и есть наиболее близкое приближение к этой разгадке и к этим ответам, то я бы заменил слово «горькая» на слово «святая». Нет, не заменил, а добавил бы к первому слову второе, а может быть, и поменял бы их местами.

Январь, 1983 г.

В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

2

СЛАВЫ ОТЦОВ — ДОСТОЙНЫ

Виктор БЕЛОУСОВ
Тимур ГАЙДАР
Виктор ВЕРСТАКОВ
Владимир РУДНЫЙ
Леонид ЕВТУХОВ
Виктор КОЖЕМЯКО
Нонна ОРЕШИНА
Анатолий ПОКРОВСКИЙ
Валерий САДОВСКИЙ
Владимир КАРПОВ
Владимир ГУБАРЕВ
Дмитрий АЗОВ
Николай ЧЕРКАШИН
Петр СТУДЕНИКИН
Дмитрий ЗАРАПИН
Александр ПРОХАНОВ
Николай ГОРБАЧЕВ
Михаил НОВИКОВ
Константин ВАНШЕНКИН

Виктор БЕЛОУСОВ

...И ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНУСЬ

Кто не знает армейской звездочки! Но мало кому известно, что впервые ее увидели москвичи в день первомайского торжества в 1918 году. Появление звездочки было связано с двумя важными событиями в жизни молодой Красной Армии: присягой и парадом. 1 Мая на Ходынском поле красные воины клялись на верность Республике Советов. Здесь же состоялся первый военный парад Красной Армии.

На пакете стояло — «В. срочно». Обломав сургуч, командир полка прочитал:

«В субботу, 11 сего мая войсковым частям Замоскворецкого района надлежит принести социалистическую клятву в верности революции и Советской власти. Местом для принесения клятвы является здание завода Михельсона, куда войсковым частям надлежит быть ровно $1^1/_2$ часу дня».

Ниже предписывалось: «По возможности быть одинаково одетыми».

Приказ для комполка не был неожиданностью. Ухо еще не привыкло к слову «красноармеец». Еще спорили, удачно ли назвали красноармейскую звездочку «марсовой». Но уже существовала присяга.

Рабоче-Крестьянской Армии было всего два месяца. Известно, молодая кость мягка и податлива. А народ хочет быть уверенным, что у обретенных им свобод, обретенной земли есть надежный защитник. Где ему не хватит силы, он возьмет стойкостью. Где не хватит знаний, он возьмет дерзостью. Где не хватит всего,

он будет держаться одной преданностью делу революции. Пусть поклянется в том.

И 22 апреля 1918 года газеты сообщили: «По инициативе трудящихся ВЦИК утвердил «Формулу торжественного обещания красноармейца». Текст ее бойцы получили вместе со «служебной книжкой красноармейца». С ее страниц звучало: «Слушай, товарищ! Изучи присягу перед тем, как подписать. На что ты призван, кто тебя призвал? Тебя призвал трудящийся народ, и дело, для которого ты призван, твое собственное дело...»

Построились полки. Варшавский революционный, 4-й Московский, караульная дружина...

Ждали приезда тех, о ком упоминалось в конце приказа: «Народных комиссаров встречать в помещении».

Кто же будет? Пока красноармейцы терялись в догадках, тот, кого ждали, стремительным пером набрасывал «Протест германскому правительству против оккупации Крыма». Затем из-под этого же пера вышло сообщение рабочему Питера: делается все возможное для оказания городу продовольственной помощи. Пора было ехать. Но не мог он отложить еще одно дело: накануне стало известно, что в селе Ризоватово Лукояновского уезда погорели крестьяне. Совнарком принял решение: ассигновать погорельцам 100 тысяч рублей. Пусть же поскорее узнают они об этом, надо ободрить людей. И он — Ульянов (Ленин) — подписывает телеграмму.

Ни собрания сочинений, ни газеты не сохранят той речи, которую произнес в гранатном цехе перед полками Владимир Ильич Ленин. Лишь в памяти бойцов осталось проникновенное слово вождя о новой армии и ее задачах. И вот наступила минута из минут, когда за командиром подхватил строй: «Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь...»

Долгое время в книгах рисовали: с кумачовой трибуны Ленин принимает присягу полков. Это было так. Но лишь в первую минуту. Истинную картину помогли восстановить старые бойцы. Такие, как пулеметчик Георгий Прокофьев.

Ленин почти сразу сошел с трибуны. Он встал в строй с бойцами. И под угластыми фонарями гранатного цеха зазвучал еще один голос: «...и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся».

Перед бывшим заводом Михельсона, ныне трижды орденоносным заводом имени Владимира Ильича, на сером граните стоит бронзовый Ленин. День, по всему, ветреный, руки его глубоко запрятаны в карманы пальто. Так он мог уходить с завода после присяги. Его ждали новые заботы. Декрет о лесе. Кредиты на развитие Сибири. Первые считанные-пересчитанные народные миллионы. Но к тому лесу, к тем миллионам снова тянулись загребущие лапы.

«Я обязуюсь по первому зову»,— поклялись воины.

Они еще не знали, что труба позовет очень скоро. Что, огрызаясь, старый мир с лихвой отпустит огня и металла, голода и тифа. Что в ярости будет он метить пятиконечной звездой живое тело. Что не будет стороны, с которой бы не надвигалась смерть. Но они поклялись: «В борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни». И они показали, что стоит клятва, освященная сознанием правоты дела.

Помню, зимой 1939 года отец, капитан РККА, послал меня за соседом Котиком Макушкиным: «Скажи, пусть приходит с кистями. Будет настоящая работа». Даже стало интересно: что может быть «настоящее» тех писаных роз, которые так удавались Котику и которые он щедро раздаривал соседям?

То была Присяга. Новый текст ее. Но наполнял ее все тот же дух верности Родине, ответственности за ее судьбу.

Черной казенной краской вывел Котик несколько строк на фанерном щите, отошел, посмотрел и исчез. Вернулся он с драгоценными тюбиками, которыми рисовал свои розы. Больше за рисованием роз я его не заставал. Наверное, на щит ушел весь багряно-пунцовый запас.

А через три года в домик Макушкиных пришла тонкая полоска бумаги: «Ваш сын, верный воинской присяге...»

Я так и не видел Котика в военной форме. Но недавно от его школьного товарища узнал: ему и воевать-то почти не пришлось. На марше их накрыли самолеты-стервятники. «И он, понимаешь, с колена. Будто это тир». Он не сбил самолет. Но сдержал слово, то слово, что еще подростком сам вывел багряной краской на военкоматовском щите.

Клятву давали перед строем. Клятву царапали на стенах полуразрушенных домов. Клятвы расходились в солдатских треугольниках.

«Я могу честно смотреть в глаза народу и сказать, что начал воевать в шесть утра 22 июня 41 года. Я видел горечь первых поражений, а теперь испытываю радость наших побед...

Если не будет рук — буду идти вперед и грызть врага зубами. Не будет ног — стану ползти и душить его. Не будет глаз — заставлю вести себя. Но пока враг в России — с фронта не уйду».

Это не из речи на митинге. Это письмо домой. Жене и сестрам. Он не ушел с фронта. Его увезли, чтобы похоронить в отбитом его танкистами городе Василькове. Это был рабочий паренек из рабочего поселка Любохна под Брянском. Молодой полковник Александр Головачев. Один из солдат нашей армии.

Недавно ненароком я обидел старого партизана. Спросил: «Была ли у партизан присяга?» — «А разве мы не воевали?» Не подскажет ли, где можно увидеть текст? И опять тень обиды прошла по его лицу: «Что подсказывать? Ручка готова? Пиши!.. «Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство кровавому фашизму...»

Когда он впервые произносил эти слова, рука его сжимала охотничье ружье. Автомат он добыл позже, в бою.

В партархиве я сличил тексты. Седой партизан ошибся лишь в одном слове: поменял «извергов» на «гадов».

Особая память? Нет! Особый миг. Время высокого Договора между тобой и твоей Родиной. Она — опора

твоя. Ты — защита ее. На сегодня, на завтра, на всю жизнь.

Идут годы. Сменяются бойцы в славных шеренгах защитников Родины. Кто-то, уходя, ставит сегодня в пирамиду автомат. Кто-то завтра возьмет его и, пройдя положенный курс молодого солдата, встанет под знаменем, чтобы сказать: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды...»

Только почему кто-то? На конверте точно указано: Проурзин Леонид и номер войсковой части. А адресовано письмо в Архангельск, Проурзину Ивану Яковлевичу. Родители Лени поделились с редакцией радостью за сына.

«...И вот подходит моя очередь. Я беру в руки красную книгу с текстом присяги и начинаю медленно говорить. В этот день с оружием в руках я заверил своих товарищей, что буду всегда смелым, честным и дисциплинированным воином, а если возникнет необходимость, то выйду на защиту родного Отечества и буду сражаться до последней капли крови. После этого я подписался, и наши росписи ушли навсегда в историю, в архив части...

В этот день у нас был торжественный парад».

Присяга и парад. Они и родились вместе. Во время первого парада войска на Ходынском поле в Москве обходил Ленин.

Михаил Кольцов рисовал такую картину:

«Сегодня на первом большом параде выступает новое войско. Сбежались друзья и враги. Рабочие кепки пришли смотреть свою защиту, шляпы и котелки — хихикать и злорадствовать. Уцелевшие дипломаты с биноклями через плечо испытуют окружающее: полугодовалое правительство демонстрирует свою армию — забавно!»

Хихикать врагов мы давно отучили. И на брусчатке, и в чистом поле. Мы провожаем глазами своих воинов с гордостью: «Красиво идут!» Но главное, главное, во что верим: «Не подведут!»

...А на московском «ЗВИ» — заводе Ильича — скоро опять, как встарь, распахнутся ворота, чтобы пропустить присягающих воинов.

Гранатный давно стал ремонтно-механическим, ушло за стену то место, где стояла трибуна-времянка. Но ни за какую стену забвения не уйдет память о первой клятве: «Все свои действия и помыслы направлять к великой цели...»

Конечно, прекрасный музей ильичевцев не вместит в этот день всех воинов. Но боевой летчик-балтиец, давно уже ильичевец Валентин Георгиевич Буканов, улучив минуту, все же приведет кого-то из них в музей: «А это, ребята, та труба. Из оркестра на первой присяге».

Трубы военного оркестра не стареют. Проверьте: все так же чист и высок их голос.

Май, 1978 г.

Тимур ГАЙДАР

ПРИЗЫВ

В соответствии с Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» приказываю: ...призвать на действительную военную службу в Советскую Армию, Военно-Морской Флот, в пограничные и внутренние войска граждан, которым ко дню призыва исполняется 18 лет...

(Из приказа министра обороны СССР)

К вечеру постепенно затих военкомат. Первыми смешливой стайкой покинули его девушки-учетчицы, которые целый день просидели рядком, беседуя с призывниками, проверяя правильность заполнения личных дел, подшивая недостающие документы. Потом закончили работу врачи, сняли белые халаты, прошли, улыбаясь будущим солдатам, через двор, где распоряжался сотрудник военкомата. Под его взглядом шеренги подравнивались, приобретая некоторую воинскую определенность.

Наконец опустел и двор. С горвоенкомом мы прошли в его кабинет. Было совсем тихо. Но мне чудилось, что стучат, стучат, стучат сапоги.

С первых лет Советской власти этот крепкий двухэтажный дом провожает серпуховчан в армию. Его толстые стены помнят отряды ткачей, уходивших бить Колчака, Деникина, Врангеля, помнят переливы гармоней, заводских ребят со значками «Ворошиловский стрелок» на дешевых пиджачках — будущих бойцов крепнувшей РККА и — месяц за месяцем, год за годом — помнят бесконечные проводы на фронты Великой Отечественной... Возможно, построят в городе

другое здание военкомата, современное, понарядней. Но пока именно отсюда, из этих стен по весне и осенью уходят служить в армию и на флот молодые серпуховчане.

Утром перед началом работы военком как бы между прочим заметил:

— Сохранился любопытный документ. Когда армия Наполеона двинулась на Россию, наш уезд формировал ополчение. Из села Ивановское — 12 человек, из Воздвиженского — 20, из Пущина — 40... В Пущино теперь биологический центр Академии наук, а Ивановское — вокзальный район города.

И потом, когда по ковровой дорожке пошли к столу комиссии призывники, представлялись военкому, я невольно прислушивался, кто из Воздвиженского, кто из Пущина.

Преемственность, традиции, наследство... Иногда мы воспринимаем все это как высокие, но все же отвлеченные понятия. А проявления их конкретны.

В музее города, в той части экспозиции, что посвящена революционной борьбе, лежит под стеклом «Черная книга». Владельцы заводов, полиция заносили в нее имена организаторов забастовок. Вроде уже далекая история. Но еще и поныне работникам музея по просьбе горкома партии приходится вынимать книгу из-под стекла, чтобы подтвердить активное участие кого-либо из серпуховчан в революционной деятельности.

Мне разрешили полистать пожелтевшие страницы. «Василий Ефимович Терешников... Анна Павловна Бакатуева... Василий Петрович Сизов...»

— Товарищ полковник, призывник Сизов на призывную комиссию прибыл!

Высокий паренек. Взгляд серых глаз спокоен, даже весел. И голову держит высоко.

Что ж, призывник пятьдесят восьмого года рождения, комсомолец, судя по характеристикам,— отличный фрезеровщик, может, это твой прадед так насолил царской полиции, что имя его занесли в «Черную книгу» по личному указанию московского генерал-губернатора?

Да, история страны — не только учебники, архивы, многотомные издания. Это прежде всего наши люди, мы

сами. И в этих призывниках, в их облике, характере тоже отразился пройденный народом многовековой путь... И подумалось вдруг о том далеком сентябрьском дне 1380 года, когда полк серпуховчан, так удачно вступив в бой, во многом определил исход Куликовской битвы...

А за окнами рокотали мотоциклы. Уже больше десятка сверкающих никелем машин стояли у ворот военкомата. Подъезжали новые.

— Такой уж город,— улыбаясь, сказал молодой инженер, член призывной комиссии,— все влюблены в моторы.

В комиссию входят пять человек. Все коренные серпуховчане. Трое воевали, двое недавно отслужили срочную. И то̀, что каждому из них в свой час в этой же комнате, перед этим же столом довелось ожидать решения своей военной судьбы, накладывало на всю в общем-то строгую процедуру отпечаток душевности.

Сегодня, внимательно прочитав медицинскую карту призывника с заключениями врачей-специалистов, старший врач раз за разом сообщал комиссии: «Годен».

Члены комиссии задавали вопросы. Сидевшая поодаль женщина в белом халате фиксировала принятые решения. В моем блокноте появлялись записи:

«Кулагин. Из НИИ физики высоких энергий. Слесарь. Служебная характеристика подписана членом-корреспондентом АН СССР Ю. Д. Прокошкиным. «Быстро освоил специальность и внес заметный вклад в изготовление аппаратуры для проведения исследований...»

«Лаптев. Закончил с отличием машиностроительный техникум. Оператор станков с программно-числовым управлением. Предложили авиацию. Просится в пограничники. «С техникой я и так на всю жизнь. А там — простор...»

«Иванов. Каменщик. Пошлите в строительные. Люблю свою работу. Не хотелось бы прерывать...»

«Леоненко. Богатырского сложения. А специальность неожиданно деликатная — техник-птицевод. Разряды по трем видам спорта. Просит направить на корабли. «Служба там три года, знаете?» — «Ну и что же, зато — флот!»

Можно было заметить, что лицо военкома светлеет, когда ребята вот так убежденно настаивали на своем. Еще и еще раз посоветовавшись с врачом, с другими членами комиссии, глянув на свои заметки, он обязательно старался пойти навстречу. И наоборот, такие, казалось бы, достойные заявления, как «Буду служить, где прикажут», «Куда пошлете», заставляли полковника хмуриться.

— Послать-то пошлем. А ты сам? Неужели не выбрал? К чему душа-то лежит?

Впрочем, таких было немного.

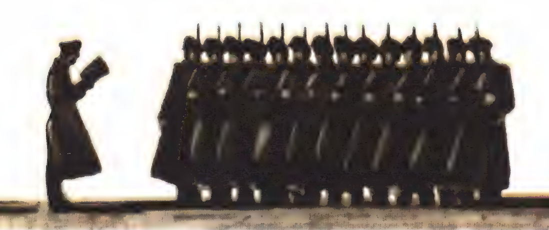
Накануне мне довелось побывать на учебных пунктах некоторых предприятий города, где молодые рабочие без отрыва от производства проходят курс начальной военной подготовки, в прекрасном Серпуховском аэроклубе, в автошколе ДОСААФ, на стрельбище... То, что сейчас у призывников имелись разряды по военно-техническим видам спорта, основы знаний по той или иной военной специальности и желание использовать эти знания в годы армейской службы, лучше всего свидетельствовало о большой работе, которая предшествовала призыву.

Один за другим появились перед комиссией четыре паренька, заявившие, что хотят в артиллерию. Оценки по математике хорошие. Полученная в школе специальность — операторы ЭВМ.

— Пущинцы... У них в школе военрук — бывший артиллерист и ребят в артиллерию подбивает,— пояснил военком, заметив мой интерес к такому единодушию.

У ребят из серпуховской средней школы № 6 склонности оказались разные: авиация, танковые войска, инженерные... Но зато почти половина из них решила посвятить свою жизнь армии, подали заявления в высшие военные училища.

В коридоре военкомата я познакомился с военруком этой школы, майором запаса. Он рассказал о том, как минувшей зимой в каникулы отправились старшеклассники в многодневный лыжный поход по местам боев в Подмосковье, перечислил по памяти училища, из которых идут теперь письма от ее бывших питомцев... О кружке автодела, стрелковом...

Время от времени подходили к нему ребята, докладывали, как прошли медицинскую комиссию, что сказали на призывной... И сразу чувствовалось, что личное обаяние этого человека, его боевая судьба, его убежденность во многом определили армейский путь, который выбирают выпускники школы.

Сейчас даже в дивизиях редко встретишь офицера-фронтовика. Но зато в школах их еще немало. Они, уже немолодые люди, как офицеры связи, посланные через десятилетия, несут сегодняшним мальчишкам слово фронтовиков и уроки боевого братства, святые и суровые законы мужества.

...До утра затих горвоенкомат. Завтра он снова заполнится гулом голосов молодых людей, которым вскоре будет доверено извечное мужское дело — беречь покой Родины.

Май, 1977 г.

Виктор ВЕРСТАКОВ

ПЕРВЫЕ ДНИ

Всю вторую половину апреля и начало мая, проходя по утрам мимо ближайшего к моему дому Кунцевского райвоенкомата Москвы, я видел автобусы у его дверей, а в автобусах — молодых ребят с портфелями и рюкзаками. Один из автобусов отъезжал, его место занимал следующий.

Конечно, я знал, что в эти дни молодежь призывается на действительную срочную службу, понимал и то, что перед моими глазами развертывается лишь один эпизод призыва: отъезд на сборный пункт. Но ведь армейская служба в жизни каждого — не эпизод, и захотелось задержаться у военкомата, познакомиться с призывниками, пройти с ними их путь от прощального объятия матери до первого солдатского строя.

Когда и с чего начинается служба? С момента вручения военных билетов. А что ей предшествует? Об этом рассказал мне в Кунцевском райвоенкомате майор Георгий Кенес:

— Ребят, которых вы увидите завтра на торжественных проводах призывников района, мы знаем уже давно. За три месяца до призыва провели контрольный медосмотр, собрали характеристики. С первого апреля заседала призывная комиссия. За неделю до призыва эти парни получили повестки, а за два дня — пришли к нам на контрольную явку...

На следующее утро я уже был у клуба «Знамя Октября» Московского радиотехнического завода. Пока в зале, готовясь к торжественным проводам, подключали

микрофоны, в сквере у входа собралось несколько сотен человек. Гул голосов, звон гитар — их так много, что в отдельности никакую не слышно, и ощутимо высокий ясный голос баяна. В одних группках — где больше молодежи — поют, в других — где больше взрослых — советуют:

— Сапоги бери посвободней, с запасом: портянка — не носок.

— Матери пиши: переживать будет, а здоровье у нее, сам знаешь...

Потом, в зале, призывников напутствовали ветераны войны, рабочие завода: «Дорогие наши дети! Берегите и защищайте свою Родину!» Последним подошел к микрофону майор Кенес:

— После трехминутного прощания призывники поднимаются на сцену, и мы уезжаем.

Грохот откидных сидений, всплеск движения и голосов, звуки военного марша из динамиков у сцены. На расставание с юностью, на слезу гордости в отцовских глазах, на смущенный поцелуй вчерашней одноклассницы — три минуты.

В автобусе по дороге к сборному пункту ребята задумчиво глядели в окна, изредка улыбались, словно прощаясь со своими особенно памятными уголками Москвы. Без грусти с родным домом не расстанешься — даже в молодости...

Выросший недавно на рабочей окраине столицы, он похож на новую типовую школу, разве что двор пообширней — строевой плац. На него и ступили с подножки автобуса призывники, отнесли вещи к зеленым сотам камеры хранения, пошли на завтрак, затем — на медкомиссию и наконец встретились у стола формирования команд с приехавшими накануне представителями воинских частей. Впрочем, «наши» представители не приехали, а прилетели: служить кунцевским призывникам выпало далеко от Москвы...

Двое памятных суток провели юноши на сборном пункте. Нет, не физическими лишениями запомнились они: распорядок дня был точен, но не суров, в столовой кормили сытно и вкусно, в первый же вечер выступили с концертом самодеятельные артисты одного из пред-

приятий района. Правда, не было привычных пружинных кроватей, и призывники ложились на жесткие топчаны. Но не потому не могли уснуть, ворочались и вздыхали. Простившись с домом, они еще не оторвались от него. И так привычно громыхал и позванивал под окнами родной московский трамвай... Но, собравшись в аэропорт, повеселели.

...Давно ли ушли в историю двухосные товарные вагоны с раздвижными широкими дверями, с железными люками вместо окошек, с дощатыми нарами вдоль стен, с дымоходом для печки — те самые теплушки, рассчитанные на «сорок солдат или восемь лошадей», в которых ехали на службу деды или даже отцы сегодняшних призывников! А им самим — лететь к первому армейскому строю на стремительном серебристом Ил-62.

В полете они сначала поспали, откинув спинки удобных аэрофлотовских кресел, а потом стюардессы принесли подносы с обедом и будили парней, шутливо и сочувствующе гладя их по колючим стриженым головам. Поев, призывники засели за письма — стюардессы собрали конверты, обещая опустить в Москве.

И словно окончательно простившись этими письмами с домом, юноши переключались на будущее. Два капитана — старшие командиры призывников и трое сержантов едва успевали отвечать на расспросы: в лесу или степи гарнизон? есть ли в казарме гиря? скоро ли первая стрельба? когда присяга?.. В хвосте самолета несколько человек расстелили на полу карту, достали карандаши, рисовали и обсуждали маршрут, поглядывая время от времени в иллюминатор. Реки и большие города с десятикилометровой высоты узнавались легко, но скоро внизу до горизонта потемнело — это началась тайга, потом в глаза ударило слепящей белизной — мы перелетали заснеженную горную гряду.

А на аэродроме, когда лайнер устало заруливал на стоянку, призывники совсем забыли про карту, не отрывались от иллюминаторов: какая она, земля, на которой служить? Радостно удивлялись:

— Смотри, как в Подмосковье! Березы!

Ожидая разрешения стюардесс на выход из самолета, заспорили вдруг о танках: чем отличается современ-

ный от «тридцатьчетверки», сколько прицелов у его орудия? Ведь служить парням предстояло в танковых войсках, а боевые машины некоторые из них видели пока только в кино и по телевизору. Военкоматы учитывали, конечно, желания и предварительную подготовку призывников, но знали и строгую необходимость в распределении по военным специальностям. Да и не рождаются танкистами — становятся, послужив.

Кроме возраста, многое — внешность, характер, судьба, вкусы, привычки — не схоже у этих ребят. Служба не сотрет различий. Напротив, именно масштаб личности солдата, его индивидуальное воинское мастерство, готовность и умение нести полноту ответственности — вот что отличает современную армию. Не потерять, сохранить себя в себе, проверить свои возможности перегрузками службы, ее буднями и испытаниями предстоит молодому солдату.

С аэродрома крытые брезентом «Уралы» перевезли нас на железнодорожную станцию. Проведя половину ночи в плацкартном вагоне поезда местного сообщения, мы вновь пересели в грузовики у подножия скупо освещенных луной сопок. Дорога, петляющая в распадках, привела машины к воротам гарнизона, а затем — к десятку просторных, подрагивающих под ветром палаток. Утром юноши позавтракают, пройдут еще один медосмотр, а пока надо досыпать ночь.

В палатках — деревянные нары с матрасами, подушками и одеялами, обдают жаром жестяные печи. Но весна капризна: то пригреет, то приморозит, окатит пронзительным ветром. Вот и сейчас ветер хлопает пологами палаток, задувает в окна, выгибает брезент стен...

— Товарищ командир,— говорит кто-то из темноты майору Анатолию Долгушину.— Холодновато, нет ли еще одеяла?

Долгушин выходит и минут через пять приносит несколько одеял из командирской палатки, укрывает лежащих ребят. Они, притихшие, молчат: на службе надо быть мужчинами, а это в первые дни получается не всегда...

Наутро вместе с кунцевскими призывниками, попавшими служить в один танковый полк, снова едем на

грузовике по трудным, извилистым дорогам. И вот распахиваются ворота со звездой — «наши» ворота, гремят трубы полкового оркестра: часть встречает пополнение. Митинг на плацу, приветствие командира части и замполита, выступления опытных, заканчивающих срочную службу солдат.

— Уважаемые ребята! — после минутного раздумья, как обратиться к ним, по одежде людям еще не военным, говорит старший сержант Анатолий Анисимов.— Кем я был до армии, что я умел? Сейчас понимаю, что не умел ничего...

Простим Анатолию его невольное преувеличение: кое-что он умел, конечно, и до армии, иначе не стал бы уже на первом году службы отличником боевой и политической подготовки. Простим, но и поймем: пока вечный мир не стал еще устоявшейся судьбой Родины, есть период в возмужании юноши, не прожив который многое упустишь в познании себя и жизни,— армейская служба.

После митинга в клубе молодым солдатам рассказали о части — родной теперь для них на два года и, хочется верить, на всю жизнь. Решили и бытовой вопрос: заместитель командира полка по тылу напомнил, что желающие могут бесплатно отправить свою гражданскую одежду домой. А потом юноши пошли в баню, дружно и весело смыли дорожную пыль и через полчаса получили с длинного стола в предбаннике почти два десятка предметов солдатского обмундирования.

Остаток дня и весь вечер, с перерывом на ужин, в казарме шло «большое подшивание» — подворотничков, петлиц, погон... Можно бы так и не спешить, но командир роты сказал, что успевшие подготовить форму вместе со всем полком выйдут завтра на строевой смотр...

Май, 1979 г.

Тимур ГАЙДАР

БОЙЦЫ И КОМАНДИРЫ

Прежде чем отправиться в командировку, я побывал дома у рабочего-обувщика Рубена Амбарцумовича Абрамяна. Подвиг этого человека прост, высок и скромен. В июле 1941 года старший сержант Абрамян был назначен знаменщиком полка. В бою, находясь при знамени, получил ранение в голову, но не оставил пост. Со знаменем, на котором темнела и его кровь, прошагал сквозь сражения до Праги.

Разговор затянулся допоздна. Пришел однополчанин Рубена бывший комбат Николай Николаевич Осипов, положил на стол схему боевого пути дивизии, старые военные карты. Рубен вывалил груду фотографий и начал извлекать из нее пожелтевшие карточки фронтовых друзей.

В комнате будто загрохотали орудия, потянуло порохом, лязгнули гусеницы танков. Послушная воспоминаниям ветеранов, дивизия разворачивалась в боевые порядки, закапывалась в землю, переходила в наступление... Командир орудия Михаил Яхин выкатил пушку на тропу Клухорского перевала и бил по просочившимся автоматчикам «Эдельвейса» картечью... Парторг пулеметной роты Дутов, у которого осколками мины раздробило обе ноги, сжав рукоятки пулемета, кричал: «Ленты давай... ленты!»...

Ветераны расправили плечи, помолодели. Они уже не рассказывали, а просто жили в том незабываемом времени, горячились, грустили, улыбались, и где-то рядом с ними, незримые, выстраивались их боевые товарищи —

бойцы, командиры, политработники, плечом к плечу становились те, кто сложил голову на поле брани, и те, кто после войны уволился в запас, оставив сыновьям в наследство добытое для дивизии в боях новое имя: Краснодарская Краснознаменная, орденов Кутузова и Красной Звезды. В ней проходил свою срочную службу сын знаменщика Карп Абрамян.

Теперь в эту дивизию в журналистскую командировку предстояло отправиться мне.

На прощание Осипов сказал: «Очерк очерком, но вы пришлите нам с Рубеном письмо. Хочется знать, как там дела, какие перемены, кто командует... Конечно, в пределах возможного. И напишите Рубену, как служит его сын. Мы будем ждать».

1.

УВАЖАЕМЫЕ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ И РУБЕН АМБАРЦУМОВИЧ!

Пишу вам из вашей родной дивизии, точнее, из штаба вашего полка. Сейчас вечер. Тихо в танковых и артиллерийских парках, в учебных кабинетах, на стрельбищах и полигонах. Только на главной аллее протянувшегося вдоль реки военного городка перекликаются песни. Под цепочкой фонарей мимо казарм, клуба, столовой, мимо плавательного бассейна проходят солдатские шеренги. Скоро батальоны закончат вечернюю строевую прогулку, и, оберегаемая часовыми, дежурными, дневальными, дивизия погрузится в сон. Судя по тому, что мне довелось видеть, она и сегодня будет спать крепко.

Под вечер устают ребята. Особенно новички. День в дивизии начинается в шесть утра рывком общей побудки и, разом набрав заданную распорядком скорость, движется, как снаряд, не знающий в пути ни остановок, ни опозданий: зарядка, завтрак, боевая и политическая учеба, обед, уход за техникой, самоподготовка, ужин, чистка оружия, островок свободного времени, вечерняя прогулка... К отбою у многих слипаются глаза. Видно, однако, что это не переутомление, а хорошая усталость крепко и честно поработавших людей. Начальник

медсанслужбы дивизии сказал мне, что после нескольких месяцев молодые солдаты втягиваются в ритм, заметно крепнут и, как правило, прибавляют в весе два-три килограмма.

В этом я убедился сам, познакомившись с водителем бронетранспортера рядовым Карпом Абрамяном. По сравнению с фотографией, что я видел, он приметно возмужал, раздался в плечах. А лицо у него по-прежнему мальчишеское, и глаза большие, и ресницы длинные.

Вместе с Карпом мы прошли по кругу его солдатского жилья. Побывали в казарме, где полы сверкают, спинки коек выровнены, будто по шнурку, где царит особый военный уют. Осмотрели ленинскую комнату, где на столиках лежат подшивки газет, журналы, стопочки уставов и наставлений, а в углу — телевизор. Зашли в помещение, которое по традиции зовется «ружейный парк», а хранятся там — автоматы. Автомат Карпа ОК7030. Он хорошо вычищен и правильно, не слишком густо смазан. В столовой дежурный показал меню: «Завтрак — пшенная каша с мясом, сливочное масло, чай, сахар. Обед — суп рассольник, мясное рагу с овощами, компот. Ужин — жареная рыба с картофельным пюре, чай, сахар». На столах лежали горки свежего белого и черного хлеба.

Военный быт устойчив. Регламентированный уставами, освященный традициями, он не подвержен быстрым переменам. Но именно потому легко примечаются даже маленькие штрихи, в которых отразился ход времени. Ну хотя бы то, например, что парадная форма солдата висит теперь отутюженной в шкафу, а не сложена, как бывало, на полке, что перед каждой солдатской койкой — коврик, на нем тапочки... Пост дневального по роте, оборудованный световой и звуковой сигнализацией, громкоговорящей связью, кнопками, управляющими затемнением, еще какими-то приспособлениями, стал похож на боевую рубку... Вместо прежнего «слушаюсь» на приказ теперь отвечают коротким и звонким «есть!». Таких деталей можно привести много.

Помните, при нашей встрече мы говорили, что танкисты в войсках всегда считались романтиками, артиллеристы — «интеллигенцией», а пехоту отличала солид-

ность и основательность? Эта шутливая классификация в какой-то мере остается. Но грани различия между родами сухопутных войск заметны теперь гораздо меньше.

Как вы знаете, за послевоенные годы наши Вооруженные Силы прошли в своем развитии большой путь. Сперва шла модернизация и замена традиционных видов вооружения. Появились новые пулеметы и автоматы. Был создан танк Т-54. В воздух поднялись истребитель МиГ-17 и бомбардировщик Ил-28. Они летали еще на дозвуковых скоростях, но после поршневых машин казались сказочно стремительными... Войска насыщались радиолокационной техникой... Встали на стражу неба зенитно-ракетные комплексы...

Затем наступил год, когда Советский Союз возвестил миру, что монополии империализма в области ядерного оружия пришел конец. Не наша страна была инициатором его создания. Но ответ Советского Союза на этот вызов был логичен, исторически необходим. Начался новый период в развитии наших Армии и Военно-Морского Флота: от водородных бомб к межконтинентальным ракетам, к атомным подводным лодкам, к освоению ядерного оружия, предназначенного решать оперативные и тактические задачи, к созданию Ракетных войск стратегического назначения. Одновременно совершенствовались другие виды оружия — шел бурный процесс военно-технической революции.

Позволяю себе напомнить эти общеизвестные факты, потому что они имеют непосредственное отношение к сегодняшнему дню вашей родной мотострелковой дивизии, определяют ритм ее боевой учебы, заботы командиров и политработников, напряженность труда воинов.

Находясь в дивизии, начинаешь понимать, как многочисленны и велики последствия того, что «царица полей» села на колеса и гусеницы, стала мобильной, оделась в броню.

Насыщение техникой изменило характер ратного труда: повсеместно он стал более сложным, квалифицированным, требующим серьезной технической и общеобразовательной подготовки. Когда наблюдаешь за работой ракетчиков, напоминающих своей слаженностью оркестр, за тем, как оператор противотанковых управляемых

снарядов ведет над складками местности ракету, направляя ее в цель, понимаешь, что для многих военных специалистов труд стал творческим.

Относится это и к профессии мотострелка. Порыв танкиста, педантичность артиллериста, основательность пехотинца сплавляются сейчас воедино в его образе.

Вот он движется на бронетранспортере или в боевой машине пехоты, которая для него и дом, и крепость, и корабль. В руках оружие, на поясе подсумок с гранатами, запасные магазины, саперная лопатка, на голове каска, за спиной защитный комплект. Прикрытый броней, ощущая плечо товарища, преодолевает пространство воин, которому при всем небывалом развитии военной техники, при всей грозной мощи ракетно-ядерного оружия положено самому овладеть территорией, закрепить победу.

Атака! Яростнее взревел мотор, ощетинились бойницы дулами пулемета и автоматов. С первым ближним разрывом снаряда отделение спешивается, пригнувшись, продвигается под прикрытием машины... Разворачивается в цепь... Бежит... Падает на мокрую землю... Снова бежит...

«Та-та-та. По-па-ди!» — поет с вышки стрельбища сигнальная труба, и навстречу отделению поднимаются, всего на мгновение, серые, едва различимые мишени, которые нужно сразить первой очередью, наверняка.

Немало часов провел я на стрельбищах и полигонах. Видел, как солдаты учились вести бой в населенном пункте. Взрыв — и разом вспыхнули руины домов, заборы, загорелась земля, и мотострелки бросились в пылающий лабиринт, порывом, скоростью, прыжком преодолевая пламя... Наблюдал за «школой верховой езды на танке». Командир взвода взмахнул флажком. В считанные секунды все отделения — на броне. На ходу спешились. Снова заняли места. Мчатся машины, ныряя во рвы, кренясь, раскачиваясь, а солдаты словно слились с металлом. Видел, как проводилась «обкатка», когда танк из друга и защитника мотострелка превращался в его грозного противника. Не понарошку, а всерьез, грохоча, чадя, извергая огонь, бронированная громадина надвигалась на солдата. На него одного, живого, настоя-

щего, такого, казалось, беспомощного, припавшего взмокшей гимнастеркой к земле... Здесь, на этих изрытых гусеницами полях, видя, как падает пораженная автоматной очередью мишень, как в окопе, без недолета и перелета, взорвалась брошенная им ручная граната, обретает мотострелок веру в свое оружие, в себя самого, в то, что на поле боя он — самый главный.

Приятно было смотреть, как уверенно сегодня на полигоне руководил старший сержант своим не таким уж малым войском. Под началом командира отделения теперь и «танковые силы» — бронетранспортер, и «минно-артиллерийские подразделения» — ручной противотанковый гранатомет, да еще пулеметчик, автоматчики, снайпер...

Судя по тому, как действовали ребята на полигоне и как потом, когда постепенно уходило напряжение, они разговаривали, перебрасываясь шутками, улыбаясь друг другу, можно заключить, что отделение живет дружно. Люди в нем, естественно, самые разные. По работе до службы: техник с атомной электростанции, журналист областного радио, комбайнер, электросварщик, плотник... По образованию: незаконченное высшее, среднее техническое, несколько человек с десятилеткой... В отделении — кандидат в мастера спорта по вольной борьбе, перворазрядник по плаванию, спортсмен второго разряда по спортивной стрельбе... Призывались из Поволжья, Курска, с Кавказа, из Ярославля...

Все-таки удивительная организация — армия. Одно взятое наугад мотострелковое отделение: младший командир, несколько солдат. И в этом маленьком коллективе четко отразились и простор страны, и масштабы ее преобразований.

После занятий поговорили о планах на будущее. Почти все, кто до службы работал, собираются вернуться к своим прежним специальностям. Старший сержант решил остаться в армии. Наверно, это будет правильно. Про таких говорят: «военная косточка». Карп сказал, что мечту о медицинском институте не оставил — после службы будет поступать обязательно и тогда уж точно выдержит экзамены... А ближайший план для всех вместе — подготовка к занятиям: «Мотострелковый взвод в наступательном бою».

Хочу еще сообщить вам, Николай Николаевич и Рубен Амбарцумович, что в музее боевой славы дивизии среди почетных знамен, старого оружия, документов, грамот увидел я и ваши фотографии. Каждое новое пополнение дивизии начинает службу с того, что приходит в этот музей.

2.

УВАЖАЕМЫЕ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ И РУБЕН АМБАРЦУМОВИЧ!

Не знаю, какая погода прошлую неделю стояла у вас в Пятигорске, но здесь снова подтвердила свою правоту старая армейская примета: начались учения, а значит, похолодало, небо затянулось тучами, пошел дождь.

Дивизию подняли в первом часу ночи. Конечно, мне было бы интересно посмотреть, как слово «тревога», рождая лавину сигналов, ставит «на боевой взвод» этот большой, сложный военный механизм. Но когда я приехал в штаб, незримая граница, отделяющая «до» от «после», была пройдена.

Даже здесь, в штабе, где, казалось, меняться нечему, что-то неуловимо изменилось. Не шторами затемнения на окнах, не военными картами, прижатыми грузиками к столам, даже не полевой, перехваченной ремнями формой, в которую теперь были одеты офицеры... Изменились люди. За плечами штаба стояла изготовившаяся дивизия, и ощущение ее упругой силы накладывало отпечаток на каждого, делая речь лаконичней, жест сдержанней.

Раскладушки, которые расставили по кабинетам, оказались ненужными. Пришел приказ выступать. Вдалеке грохотнул мотор первого танка. Затем, подхватив мелодию и заглушив солиста, разом запел многоголосый стальной хор — полки начали движение.

Командир дивизии снял с руки часы и положил их перед собой на стол. Склонив голову и даже прикрыв глаза, он вслушивался в этот грохот, как композитор слушает исполнение своей музыки — настороженно и ревниво.

Сперва гул нарастал, ширился, заполняя темноту, потом стал опадать, дробиться, и наконец тишина снова сомкнулась над городом.

— Двинули,— сказал полковник и надел часы.

По-видимому, это относилось к ушедшим своими маршрутами полкам и было адресовано главным образом представителю вышестоящего штаба, офицеру-посреднику, который сидел по другую сторону стола, невозмутимый, непроницаемый, держа на коленях папку, где до назначенного часа хранились ожидающие дивизию испытания.

Теперь полковник вовсе не походил на композитора: коренастый, подтянутый, поворотливый, с веселыми, чуть-чуть прищуренными глазами — один из самых молодых командиров дивизий в наших сухопутных войсках.

— Двинули,— повторил он, потянувшись за шинелью и на этот раз обращаясь ко всем находившимся в кабинете: к начподиву, офицеру-посреднику, адъютанту и ко мне.

И вот нас уже качает ночная дорога, изредка, по-озорному присвистывает рация, в стекла машины бьет косой дождь... Сейчас, когда дивизия на марше, впереди большой путь, пожалуй, самое время, Николай Николаевич и Рубен Амбарцумович, выполнить вашу просьбу и рассказать о ее нынешнем командовании.

Комдив — сын рабочего-железнодорожника. К началу войны еще не пошел и в первый класс, а когда окончил десятилетку, сообщил решение: «Только в военное училище и только в танковое». Почему так, не объясняет, даже хмурится: «Ну, что тут непонятного?» Когда понаблюдаешь за тем, как он командует, как проводит занятия или как докладывает начальству принятое решение, начинаешь понимать, что вопрос и в самом деле лишний — это целиком, до глубины души военный человек. Училище окончил с отличием, две академии — с золотой медалью, прослужил без перескоков на всех должностях от комвзвода до комдива, не растеряв на трудном пути ни душевной молодости, ни задора.

Однажды на танкодроме я попросил разрешения сесть за рычаги танка. «Это можно,— сказал полковник.— Сейчас покажу, как заводить и трогать. Какая

машина готова?» Мигом нырнул в люк, сел — как впаялся — в кресло механика-водителя, и мы рванулись по трассе, через завалы, рвы, руины, эскарпы, по кручам, делая «змейку», останавливаясь в «дворике» и снова устремляясь вперед. Было ясно, что дело совсем не в «показе»,— мало ли кто, кроме командира дивизии, мог объяснить корреспонденту элементарные приемы управления — просто случай представился, и, стряхнув на мгновение заботы, он опять один на один с любимой машиной, которой с детства отдано сердце...

Начальник штаба дивизии постарше. Он родился в 1923 году. Быть военным не собирался. В июне 1941 года поступил в Московский геологоразведочный институт. В октябре того же года с комсомольским батальоном лыжников-добровольцев ушел на фронт. В феврале 1942-го у деревни Малые Палатки ранен: пуля в руку, другая — в бедро. После госпиталя направлен в танковое училище. Участвовал в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой. Ранен во второй раз. Снова госпиталь и снова — фронт...

У начштаба мягкий, негромкий голос, он любит живопись и, говорят, пишет стихи.

Как рассказать о начальнике политотдела? Вот он сидит рядом со мной в машине, высокий, ладный, перетянутый ремнями. Светлый чуб выбивается из-под фуражки. Нос с горбинкой. Глаза голубые. Потомственный казак. Кажется, ему бы коня да шашку, песню и простор... Накануне я слушал его выступление на заседании партийного бюро полка. «Мы часто говорим об изучении людей, забывая порой, что человек — не тормоз отката, не стабилизатор и не трансмиссия. Его нельзя «изучать» просто как некий объект. Нужно уважать. Нужно взаимодействовать. Нужно обязательно заслужить доверие. Только тогда раскроются лучшие стороны человеческой души. Находить в людях прекрасное и ставить на пользу общему делу — прямая задача партийного актива...»

Ох как не прост этот казак, на столе которого лежат книги по философии, психологии, экономике, он способен пуститься в жаркий спор о поэзии, умеет спокойно сказать в глаза любому человеку правду.

...Разными дорогами дивизия все глубже уходит в ночь. На штабных машинах покачиваются тростинки антенн. Черный дождь обмывает танковую броню. Изредка ободряюще подмигивает на перекрестке фонарик военного регулировщика.

— Перекур,— сказал начподив.

Свернув на обочину, мы остановились возле штатского грузовичка, пропускавшего колонну бронетранспортеров. Занималось утро. Воздух был холоден, пропитан влагой, и даже стелившийся под колесами дым выхлопных газов не мог заглушить его свежести.

— Воюете? — спросил шофер грузовика.

— Учимся,— не принимая шутки, ответил начподив.

Разбрызгивая грязь, урча, бронетранспортеры зеленым пунктиром проносились мимо. За рулем одной из машин сидел ваш, Рубен Амбарцумович, сын — рядовой Карп Абрамян. Разглядеть его за броней было, конечно, невозможно, но я все же помахал рукой.

— Хорошо идут,— сказал веселый шофер.

— Идут хорошо,— согласился начподив.

Колонна и в самом деле шла красиво. Выдерживая скорость, дистанции, с едва заметными интервалами между взводами и чуть бóльшими — между ротами, рычащая и одновременно молчаливая, она промчалась перед нами, скрылась за пригорком и вновь появилась на дальнем холме — стальная морзянка, впечатанная в извилистую ленту дороги.

Пропустив последнюю машину, начподив убрал секундомер.

Вот, товарищи ветераны, еще одна примета сегодняшнего дня. Повсюду, где идет боевая учеба, вы увидите в руках эти стрекочущие, неумолимо дробящие время кружочки. Секундомер стал неотъемлемой принадлежностью каждого офицера. Можно было бы сказать, что теперь наряду с пистолетом он является его личным оружием. На марше и в учебных кабинетах, на танкодромах и стрельбищах идет упорное сражение со временем и за время.

Теперешние скорости, мощь современного оружия, способного решать крупные боевые задачи почти мгновенно, сделали время фактором величайшего значения.

В военный обиход неумолимо вошли секунды. О них говорят на партийных и комсомольских собраниях. Их отвоевывают на занятиях и тренировках, доводя навыки до автоматизма, слаженность — до гармонии.

...Стрельба на танковой директрисе. Черное изрытое поле. Слева — болотце, камыш. Справа — щеточка редкого леса. У подножия башни, как три рыцаря,— три танка.

— Оцепление?

— Выставлено.

— Красный флаг! Наблюдатели — по местам... К бою!

Щелкнули секундомеры.

— Третий... Второй... Первый... Я — «Вышка», вперед!

Рванулись машины, закачались на выбоинах и ухабах. Сердито грохнули орудийные выстрелы. Цели поднимались навстречу машинам и падали, пронзенные кончиками изогнутых трасс. Заговорили и смолкли пулеметы. Секундомеры остановлены.

— Третий... Второй... Первый... Я — «Вышка», кругом марш!.. Третий, идти правее, через болото... Через болото идти!

— Темп, товарищи, выше темп! — говорит комдив.— Временной норматив выполняется. Но можно вырвать еще немало секунд.

Два дня спустя я присутствовал на командирской учебе. На столе в штабной машине лежали рабочие карты, цветные карандаши «Тактика». Матовый свет ложился на озабоченные лица.

— Ваше решение? — спросил комдив одного из офицеров.

— Вырабатывается, товарищ полковник.

— Долго. Срок определен боевыми возможностями противника. Если штаб дивизии потратит больше времени, чем положено, значит, отнимет его у полков. Полк может взять у батальонов... А дальше?.. Где потом занимать время?.. Неприятель его не одолжит. У вас есть спички?

Все офицеры подняли головы от карт... Крошечное пламя побежало к пальцам комдива. Спичка чернела, превращаясь в вопросительный знак.

— Вот и жжется... Представьте, что это время, отпущенное на подготовку. Правильно использовать можно. Продлить нельзя! Такая у нас работа... Перерыв, товарищи. Возьмите спички, капитан. Разрешаю курить.

На марше все шло без задержек. Устойчиво работала связь. Заданным темпом двигались колонны. В назначенный срок проводилась дозаправка.

Мы увидели остановившихся на короткий отдых танкистов. «Опять про танкистов, не слишком ли часто? Письма-то ведь из мотострелковой!» — возможно, подумаете вы.

Ну, во-первых, танков в нынешней мотострелковой дивизии по сравнению с дивизией 1939 года больше в несколько раз. Во-вторых, с развитием ракетно-ядерного оружия значение танков возросло. Ну а в-третьих, что поделаешь, если душа и в самом деле почему-то неумолимо тянется к этому веселому, умелому, пропахшему соляркой народу.

— По машинам! — пролетело вдоль колонны.

И снова мы на марше, мчимся в дождливую даль, за холмы, за горизонт, туда, где наша головная походная застава вот-вот должна обнаружить «противника».

А вообще-то, конечно, следовало бы поподробнее написать и о мотострелках, и об артиллеристах, и про ракетчиков — разве кто-нибудь не гордится своей военной специальностью, если смысл ее — защита Родины! Нужно было бы написать о молодых офицерах, о прапорщиках. Рассказать о том, как после жаркого боя начподив вручал партийные билеты.

Но обо всем важном и интересном в письме все равно не расскажешь.

Хочу только добавить, что командование дивизии просило передать вам, Николай Николаевич и Рубен Амбарцумович, горячий привет, пожелания здоровья, бодрости и заверить вас и всех ветеранов дивизии, что оставленные вами в наследство боевые традиции берегутся свято и упорным трудом множатся.

Ноябрь, 1973 г.

Виктор ВЕРСТАКОВ

ОФИЦЕРСКИЕ ЗВЕЗДЫ

Поднимать людей в атаку, повелевать солдатскими судьбами, зная, что твоей судьбой повелевает Родина... В службе по призванию, в жизни, всецело подчиненной службе, офицер всегда — человек государственный. Подтверждает это и история: ведь слово «офицер», пришедшее к нам из XVI века, обозначало лиц, занимавших должность государственную...

1.

Самолет шел на снижение. Бездорожье, захлестываемое летом живыми волнами комарья, обложенное, словно ватой, клочьями болотных туманов, прикрытое путаной сеткой сцепившейся ветвями тайги,— сейчас, с высоты в две или три тысячи метров, да еще солнечным и морозным утром, выглядело доступной, проходимой, удобной землей. Но дальневосточная зима жестока. Она выстуживает до несмолкаемого треска и ломает столетние кедры, пронзительным ветром сбивает с тропы изюбров, она, кажется, покрывает инеем само солнце — белый и холодный диск висит над сопками.

Но даже у дальневосточной природы нет такого мороза и ветра, чтобы остановить расписанную по дням, часам и минутам боевую учебу войск.

...В облаке снежной пыли, словно пытаясь вырваться из этой белой преследующей круговерти, проносятся боевые машины пехоты. Резко останавливаются, распластав тонкие, сверкающие автоматным огнем крылья атакующих мотострелков. А с фланга, обходя сопку, грозят

наступающему батальону еще не видимые ему танки. Но и танкисты настороже: где-то рядом разворачивается артиллерия...

В азарте солдаты. Падая и поднимаясь, они захвачены боем, растворяются в нем. Спроси любого спрыгнувшего в «отбитый» окоп, что происходило в момент атаки на той вот покрытой осинником сопке или километром правее, перед теми зарослями пихтача,— ответит?.. Офицер же, ведет ли он в атаку мотострелковый взвод, рвет ли гусеницами своего командирского танка мерзлую звенящую землю, руководит ли боем с командного пункта или торопливо рассчитывает данные артиллерийской стрельбы, должен видеть, учитывать и оценивать все. Он управляет боем и отвечает за победу.

В район учений меня подвез автобус, доставивший офицерам штаба горячий обед. Заведующая столовой военторга, пока ставится на снегу и обогревается походной печкой палатка, уговаривает офицеров зайти в автобус, выпить чаю.

Крепкий, обжигающий чай медленно разглаживает морщины потемневших от мороза лиц. Закончив чаепитие, офицеры снова застегивают пуговицы меховых курток, шагают с подножки автобуса в глубокий сухой снег.

— Всем в палатку, всем на обед, слышите?! — кричит она вслед.

Не слышат, спешат к телефонам, наблюдательным приборам, в батальоны и роты. Учения!

Постепенно пополняется мой дальневосточный блокнот. Судьбы, характеры, суждения. Иногда ответы, формулировки неожиданны.

— Какие проблемы? — переспросил командир танковой роты.— Проблем нет, есть служба. Современную армию могу сравнить с промышленным производством. Наша продукция — боеготовность. Стараюсь, чтобы эта продукция в моей роте была высокого качества.

Но есть у армии и особое производство, нелегко поддающееся сравнениям. Дважды в год на ратную службу приходят молодые ребята на смену тем, кто возвращается, отслужив, в народное хозяйство. Армия — школа воспитания, должна отдавать Родине сыновей еще

лучшими, чем получила. Этим высоким производством тоже руководят офицеры.

...В гарнизонном клубе собрались выпускники военных училищ двух последних лет. Объятия, расспросы, восклицания — среди лейтенантов немало однокашников, попали в одну дивизию, но в разные части, видятся не каждый день. Начальник политотдела дивизии говорит о воспитании подчиненных, о взаимоотношениях офицера и солдата.

Вроде бы просто: офицер объясняет, учит, требует, проверяет исполнение. Если обученный солдат плохо выполнил приказание — офицер должен его наказать, хорошо — поощрить. Но ведь в армии, мы знаем, резко возрос культурный уровень солдат, а значит, вольно или невольно, понизилась та ступенька служебного превосходства, на которой стоят офицеры, управляя своими подчиненными. Служебные отношения необходимо включают в себя тесный духовный контакт.

— Берите отстающих под свою опеку! — неожиданно сказал начальник политотдела.— Двадцать пять лет служу в армии и еще не видел солдата, мечтавшего быть плохим. Физическое, умственное, профессиональное развитие людей может быть разным, но все они люди, надо, уважая сильных, помогать слабым. Солдатская масса, как и вся молодежь, живет эмоциями. Над «слабаками» посмеиваются, отворачиваются от них. Будьте примером добра и понимания. Служба жестка, но не жестока.

Полковник заметно разволновался, а в гулком зале стих даже легкий скрип новеньких лейтенантских портупей. Дивились ли эти молодые ребята, двадцати с небольшим лет, сами еще не подчинившие, быть может, до конца эмоции разуму и долгу, дивились ли они непривычному волнению опытного, строгого в службе и жизни полковника? Догадывались ли, что за волнением начальника политотдела — не только мысль, но и судьба? Ведь его отец, командир роты, погиб в сорок третьем. В том самом году, когда слово «офицер», возрожденное не мечтой о золотых погонах, а суровой военной необходимостью, вновь появилось в приказах и донесениях, в наградных листах и в сводках потерь...

Офицеры — костяк армии. Отслужив два года, меняются солдаты. Офицер остается, воспитывая бойцов — для боя, сыновей — для Родины. И дело это трудное, кропотливое, требующее большой души и большого ума.

— Главное, по-моему, добиться авторитета у подчиненных и не разбазаривать его по мелочам,— сказал мне в мотострелковом полку старший лейтенант Пересыпкин.— Уж поверьте мне, как самому старому офицеру роты.

«Самому старому» — двадцать пять лет. Три года командовал взводом, принял роту недавно. По всеобщему мнению офицеров, два этапа — рота и полк — проверяют истинную цену командира. Первый этап он проходит уверенно. Мне нравится, что лейтенант говорит четко, коротко, без вводных слов. А интересно, нравится ли это солдатам, идет ли в копилку авторитета?

— Если я прихожу в роту, говорю и делаю то же самое, что говорил и делал вчера, не имея за душой ничего нового и даже конкретной цели прихода,— какой же я командир? Стараюсь не мельтешить перед солдатами. Они должны знать: раз офицер пришел, что-то в их службе и жизни должно измениться.

Трудно ли быть инженером в эпоху НТР? Воспитателем в век акселерации? Учителем — в десятилетия информационного взрыва? Конечно, трудно. Офицер по отношению к подчиненным и инженер, помогающий обслуживать, а зачастую и совершенствовать сложную боевую технику, и воспитатель, и учитель, преподающий не один, а до десятка предметов. И все же я не слышал от офицеров поднадоевших жалоб на то, что, мол, время трудное.

— Солдаты приходят хорошие. Мы в их годы были подготовлены гораздо слабее,— говорит начальник штаба дивизии.— Солдат, правда, стал на первый взгляд более загадочным, и не только для командира, но и для себя: вдруг загрустит беспричинно — жизнь не мила. Но в деле, в поле — солдат отличный. Зимой прошлого года провалился у нас на учениях под лед танк. В двадцатиградусный мороз экипаж полез в воду — тросы цеплять. Другие подъехали — тоже помогать стали, не вызывали героев-добровольцев. Кто оказался у полыньи — те и ныряли.

Готовность к подвигу воспитывается в человеке с рождения, умение и способность совершить воинский подвиг — именно в армии. Два года солдатской службы отведены на овладение боевой специальностью. Но они же — время преодоления трудностей, время мужества. Все офицеры, с кем довелось мне встретиться на дальневосточной земле, больше говорили о своих солдатах, чем о себе.

С точки зрения многих офицеров, сегодняшнему солдату приходится на первых порах службы труднее, чем его предшественникам лет десять или двадцать назад. Ведь люди в нашей стране стали жить значительно лучше. Практически все семьи имеют свои дома или благоустроенные квартиры. Проблемы одежды, питания, отдыха потеряли былую остроту. И вот вчерашний десятиклассник, покинув удобную комнату родительской квартиры, не доев приготовленный мамой ужин, попадает в суровую мужскую атмосферу службы, спит на одной из ста казарменных коек, задыхается от горячего пота атак, мерзнет, мокнет, бессонно стоит на посту, роет, набивая мозоли, окопы. А он не привык, не приучен, не подготовлен жизнью. Как много значат для него поддержка, совет, доброе — пусть даже сказанное авансом, впрок,— слово офицера!

Вместе с журналистами многотиражной газеты ездим на «уазике» по разбитым, покрытым крошевом льда полигонным дорогам, сворачиваем у табличек с надписями: «Автодром», «Танкодром», «Стрельбище», «Директриса», примериваемся, ложась в снег, к огневым рубежам, поднимаемся на командные вышки. Мои спутники дотошно выискивают и фотографируют отличившихся солдат, я расспрашиваю офицеров, если, конечно, выпадет у них свободная минута. Встречаются и знакомые лица. Командир взвода лейтенант А. Михнев, с которым мы виделись на собрании выпускников училищ, подводил на стрельбище итоги стрельб молодых солдат своего взвода.

— Будете лучших фотографировать? — подчеркнуто громко переспросил он.— А пленки хватит?

В строю оживились. Михнев назвал несколько имен.

— Остальных тоже сфотографируйте, хоть групповым снимком. У меня плохих нет.

Позже, наедине, он сказал, что справились с упражнением — все же первая стрельба, да еще на морозе, при стонущем ветре,— только те, названные поименно. Но улыбались солдаты — одни радостно, поправляя перед съемкой ремни автоматов, подвязывая шапки, другие — смущенно, но тоже благодарно. И всем, по-моему, стало чуточку теплее.

Руководить в бою, обучать военному делу, воспитывать верными сыновьями Родины — вот главные, пожалуй, обязанности офицера по отношению к подчиненным. Трудны ли эти обязанности? Да, очень трудны. Чтобы справиться с ними, нужны и воля, и ум, и сердце. И еще верность офицерской чести.

2.

Об офицерской чести в старых книгах сказано, что, служа по призванию, добровольно, бессрочно, именно офицеры являются полномочными представителями войска, носителями его чести. Правда, саму честь воинскую не смогли выразить словами даже составители словаря Брокгауза и Ефрона. Так и написали: «Понятие, трудно поддающееся формулировке». Но и без формулировки вроде ясно, о чем шла речь.

Струсил офицер, промедлил в бою — обесчещен. Оскорблен и не вызвал обидчика на дуэль, не сдержал слова, уронил свое достоинство — какая уж тут честь?

Все логично, разве что с дуэлями, на наш современный взгляд,— перебор. Но теперь привожу из блокнота несколько дословных цитат — размышлений об офицерской чести, записанных в мотострелковой дивизии.

«Надо работать по-настоящему, учить солдат тому, что нужно, а не тому, что вдруг может взбрести в твою или чью-то голову, продолжать традиции. Этим и завоевывается честь».

«Честь офицера — достоинство внутреннее, а не внешнее. Как служишь, как работаешь — в этом честь».

«Если рисуешь плохо — не беда. А если ты сам и твои подчиненные стреляют плохо — чести урон».

Да, понятие чести по-прежнему «трудно поддается формулировке», но тенденция его сегодняшнего толкования

ясна. Сплочение армии, резкое повышение нагрузок и служебной занятости офицеров, значимости и ответственности их труда — все это заставило работать офицерскую честь на нужды боеготовности.

Привычным стало говорить, что сложное вооружение, технические усовершенствования боя увеличивают нагрузку на каждого воина, на командира в особенности. Но на первый взгляд здесь вроде противоречие: на то и техника, чтобы облегчать всякий труд.

И все же служба в армии, давно освоившей колесный и гусеничный ход, манипулирующей кнопками и тумблерами электронной аппаратуры, с каждым годом, а может быть, и с каждым днем становится труднее. Психологически — потому что десятиминутная концентрация мужества на рукопашную схватку дается легче, чем постоянная готовность к немедленному бою с невидимым, но уже прицелившимся в тебя противником. Физически — потому что не винтовка, которую почистил после выстрела и поставил в пирамиду, а сложная, умная техника доверена солдатам. Представьте труд прежнего пехотинца, холящего «трехлинейку», и труд сегодняшнего мотострелка, холящего БМП...

Представьте и службу офицера, обучающего подчиненных владеть всеми видами оружия, отвечающего за их исправность, боеготовность, эксплуатацию.

...Еще раз еду на полигон. Отражаясь от заснеженных, покрытых редким осинником сопок, мечутся по равнине гулкие хлопки выстрелов, тяжелые рыки танковых моторов.

Вот крадется по извилистому узкому коридору, очерченному воткнутыми в снег вешками, боевая машина пехоты. Десяток фигур в черных комбинезонах, ребристых танковых шлемах шагают рядом, переговариваясь и заглядывая под гусеницы,— там тоже вешки, совсем маленькие. Нужно пройти трассу, не сбив боковых и не раздавив внутренних. Коридор заканчивается. Из люка механика-водителя в два движения выбирается капитан, зампотех мотострелкового батальона. На каждой учебной точке первый заезд капитан выполняет сам.

За огневым рубежом стрельбища подслушиваю разговор начальника штаба батальона со стрелком-неудачником:

— Вы говорите, что автомат не пристрелян, а я вот сейчас возьму и выбью из него двадцать пять очков.

Начштаба действительно берет автомат, ложится в снег и выбивает двадцать шесть

— Два скидываем на мороз, два — на ветер, что же на непристрелянность остается?..

Офицер должен уметь все, что умеет каждый из подчиненных ему солдат, плюс к тому выполнять свои, чисто командирские обязанности. А это много, так много, что достойно называться честью.

Но и от пришедшего по наследству, освященного традициями толкования офицерской чести отказываться нам нельзя. Правда, оно наполнилось новым, более высоким содержанием. Сознание принадлежности к советскому офицерскому корпусу, неразрывно связанному со своим народом содружеству людей героической профессии накладывает на офицера особые обязанности, поддерживает силы в труде и в бою. Нравственные качества и внутреннее достоинство человека, которому доверено оружие для защиты социалистической Родины и народа, должны быть особенно высоки.

Иногда в разговорах с офицерами дивизии звучало слово «карьера». Правда, поначалу произносил его в основном я. Собеседники либо сразу уточняли: «Продвижение по службе», либо высказывали сомнение: надо ли отдельно об этом говорить — должности и звания не главное, они придут, если хорошо служишь.

Так что же, плох солдат, мечтающий стать генералом?.. Думаю, что нет. Просто для сегодняшнего офицера понятие карьеры не отделено от других понятий службы. И в первую очередь — от офицерской чести. Ведь она, при любом ее толковании и уточнениях, обязательно включает в себя стремление офицера к совершенствованию, а значит, к продвижению по службе. С каждым витком военной карьеры возрастают нагрузки и ответственность командира: сегодня он выполняет более сложные обязанности, чем выполнял вчера. Карьеризм же, неприемлемый всюду, в условиях армии

противопоказан вдвойне. Офицер, всеми силами рвущийся к высокой должности, не имея на то способностей и знаний, роняет свою честь. За его некомпетентность расплачиваться в бою придется, быть может, людской кровью.

О карьеристах, как таковых, среди офицеров дивизии слышать мне не пришлось. А вот людей, чье продвижение по службе не укладывается в поверхностное понимание карьеры, встретил. Один из них — Василий Васильевич, заместитель начальника политотдела дивизии. На эту должность он перешел из политуправления округа, «не выиграв» в звании, потеряв в окладе. А были и гораздо более заманчивые предложения.

— За теорию я спокоен: все-таки академия за плечами. Практика масштабных дел тоже есть — в политуправлении даром хлеб не едят. Но опыта конкретной, непосредственной работы в соединении мне не хватало,— пояснил офицер.

Теперь у Василия Васильевича широта взгляда на службу подкреплена богатством личных наблюдений, способность обобщать — умением найти индивидуальный подход к человеку. Наверное, поэтому именно его формулировки запомнились особо:

— Настоящий офицер — это сложный сплав абсолютной дисциплины и смелой, я бы сказал, порой дерзкой инициативы. Важно реально оценивать успехи — и подчиненных, и свои собственные, никогда их не завышать. Долг и честь требуют докладывать начальнику истинное положение дел. Если вдруг по любым — объективным ли, субъективным — причинам понизилась боеготовность подразделения, рапортовать: «все нормально» — бесчестье. Другое дело, что каждый из вышестоящих командиров должен отличать правдивого офицера от нерадивого и воздавать обоим по справедливости. В армии уважение к старшим — закон, но категорически противоречит и уставу, и чести всякое проявление раболепства перед начальством. Страх подводит не только в бою...

Да, понятие офицерской чести многогранно. Оно объединяет и труд, и стремление к совершенствованию, высокие моральные качества — все стороны жизни чело-

века. Именно поэтому так строга и требовательна офицерская среда. Голос ее — офицерские товарищеские суды чести. Не часто они «судят». Вовремя подсказать, помочь товарищу в трудной служебной или жизненной ситуации — таковы будни выборного органа офицерской общественности. Но к людям, действительно опозорившим честь, такой суд безжалостен.

Перелистываю тоненькую подшивку «дел» суда чести офицеров одного из полков. Невольно останавливает внимание строка: «Ходатайствовать об увольнении...»

Старший лейтенант Александр К., двадцатишестилетний командир роты. С отличием окончил высшее военное училище, блестяще начал службу в полку. В первые же ее месяцы совершил подвиг, или выполнил офицерский долг, эти понятия нередко сливаются: спасая растерявшегося солдата, бросился под гусеницы БМП. Сохранила жизнь Александру бугристая, с кочками через шаг, окаменевшая в морозах дальневосточная земля. Все же получил травму, лежал в госпитале. Год командовал взводом, выдвинули на роту. И вдруг — выход на службу в нетрезвом виде, вообще невыход на службу, происшествие за происшествием в подразделении. Как следствие — взыскания, служебные и партийные.

И все же с какой-то затаенной сочувствующей болью говорил председатель суда чести подполковник Улезко о прежнем К.— младшем товарище по службе, соседе по дому офицерского состава. И почему пожилой майор, заглянувший случайно в тесную комнатушку пропагандиста полка, вдруг перебил его:

— Ты не прав. Служба не мед, но если хороший в прошлом офицер приходит на работу и она не доставляет ему удовольствия — надо искать не только вину, но и причину.

Снова расспрашиваю сослуживцев. Среди многих эпизодов останавливаюсь на давнем. Офицер К. только что принял роту. Очень захотелось ему улучшить отделку казармы, и молодой командир «помодничал»: одну из стен покрыли деревянными панелями, обожженными по лаку паяльной лампой. В ту пору заглянул в роту кто-то из вышестоящих командиров и резко, при всех

отчитал лейтенанта: «Что за безобразие развел? Убрать!» Ну и еще кое-что добавил. Проверяющий ушел, панели сломали, а К. остался служить с личным составом...

Конечно, не это — причина нравственного падения К. Она глубже — в его внутренней неустойчивости. Но ведь человека можно толкнуть, а можно и поддержать, помочь крепче встать на ноги.

...Есть в уставе такая команда: «Товарищи офицеры». При встрече старшего по званию никто не скажет офицерам: «Встать. Смирно!» — просто обратит их внимание уставной командой. Офицеры сами знают, как следует поступить, услышав эти слова. В них высокое уважение к достоинству офицера, к его воинской чести, к его погонам. И это достоинство — тоже слагаемое боеготовности войск.

...Поздним вечером возвращался я из полка в офицерское общежитие. В черном небе горели бесчисленные звезды. А в городке светились окна кирпичных домов, шли по снежным дорожкам офицеры — многие с женами, детьми. И мне вспомнилось вдруг детство, как приезжал отец с полигона или учений, и я шел с ним гулять по военному городку, под его рукой на моем плече, под высокими офицерскими звездами на его погонах.

Январь, 1979 г.

Владимир РУДНЫЙ

ОКЕАНСКАЯ СЛУЖБА

1.

Дважды в 1978 году я побывал на нашем тихоокеанском побережье. Города обращены там к океану окнами жилищ, цехов, аудиторий, стрелами кранов в порту, бушпритами парусных яхт, всей своей сутью. Странное дело: даже башни домов, эти панельные близнецы, даже они, на сопках, на разном уровне над водой приобретают если не индивидуальность, то своеобразие. Идешь с моря ночью, и кажется, будто из теснин бухты плывут навстречу надстройки кораблей.

Каждый день тут кого-то провожают — сухогрузы, рыбзаводы, суда науки, танкеры... В порту, на улицах, в семьях, в кают-компаниях слышишь: Суматра, Маврикий, Гонконг, пролив Дрейка, Сингапур — это быт, но не обыденность. Ветер странствий и сладок, и горек, он опаляет душу трезвостью. Тут все, включая и строку международной хроники, воспринимаешь острее и глубже: пульс действительности стучит, как метроном.

Уходят на месяцы в плавание и корабли Краснознаменного Тихоокеанского флота. Уходят нарядные, поблескивая свежей шаровой краской, задраенные на все бронекрышки. Возвращаются обожженные зноем, белесые от соли, краска ободрана — где-то трепал тайфун. Некоторые наши зарубежные недоброжелатели, бывает, спрашивают с притворной наивностью: «А что, собственно, советским военным кораблям в океане нужно?» А нужно лишь одно — то же, что и нашим воинам на

сухопутье,— обеспечить безопасность Родины. Военный моряк учится воевать. Но я еще не встречал ни одного советского военного моряка, который хотел бы войны. «Для того мы туда и ходим, чтобы ее не было» — так выразил смысл своей службы в океане мичман В. Горловой, плавающий на крейсерах 31 год.

Вице-адмирал Б. Ф. Петров, когда я заговорил на эту тему, сказал: «Может быть, и у нас некоторые еще не понимают, что значит для безопасности нашей Родины океан. Раньше, чтобы защитить страну от нападения с моря, было достаточно иметь флот в базах, а в море разведку. Флот, оповещенный о приближении угрожающего берегу противника, успевал выйти из баз и отразить нападение — оружие нападающих было короткобойным. Но развитие способов борьбы на море в корне изменило представление о дистанциях, о пространстве. Где теперь быть флоту? А быть ему там, откуда возможна агрессия с океанских направлений...»

Какой моряк, особенно в юности, не стремился в океан?! «Чтобы сделаться хорошим моряком, надо подолгу оставаться в море и приобрести привычку быть между небом и землей»,— говорил адмирал С. О. Макаров. Но перед Великой Отечественной войной не было у нашего флота ни сил, ни возможностей плавать далеко и долго.

И в войну наши боевые корабли в основном плавали у берегов — огненная, героическая, но каботажная пора. В океан вышли тихоокеанцы: осенью 1942 года Арктикой за ледоколами пришли на Северный флот эсминцы и лидер, а через Тихий океан, Атлантику, почти вокруг всего земного шара, прошли затем несколько подводных лодок.

Одна из них стоит теперь на набережной Владивостока — гвардейская и краснознаменная «С-56», превращенная в музей. Ее командир Г. И. Щедрин, потом вице-адмирал, Герой Советского Союза, во время этого похода записал: «Океан с нами неласков. Но какая это великолепная школа. Как непохож экипаж на тот, что вышел из Владивостока».

Пережитое и на переходе, и в боях не устрашило людей, не отвратило от моря. Напротив! 6 адмиралов,

13 капитанов 1 ранга, 11 командиров подводных лодок, 20 матросов-сверхсрочников — вот как сложилась впоследствии судьба участников того перехода.

Одно досадно: устанавливая «С-56» на пьедестал, все полученные ею в боях раны зачистили. Заменили и килевую коробку под центральным постом, где были кусочки металла от хвостовой части невзорвавшейся вражеской торпеды. А ведь это тоже знак предыстории выхода нашего современного флота в океан.

Глубокой осенью 1945 года, уже после Потсдама, после Хиросимы, в Москву возвращался с Дальнего Востока нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, срочно вызванный Ставкой. В пути он набрасывал заметки к программе океанского судостроения: линкоры — нет; «Тирпиц», которого в конечном счете прикончила авиация, больше сковывал флот Германии, чем действовал... Подводные лодки перспективны, но без поддержки надводных сил и авиации им нет оперативного простора...

Это еще из предыстории нашего современного океанского флота. История его началась позже. А тогда были споры, заблуждения, прозрения, трудно было вообразить, какой переворот в сознании, в мореплавании произведут атом, его энергетика, оружие.

Но пришло время, и наш флот вышел в океан.

«...Страна построила современный флот,— пишет в книге «Морская мощь государства» Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков,— и направила его в океан для обеспечения своих государственных интересов, чтобы защитить себя от нападения с обширных океанских направлений».

В середине 50-х Адмирал Флота Советского Союза И. С. Исаков записал карандашом, лежа на госпитальной койке и все еще страдая от фронтового увечья: «Надо воспитывать океанское мышление». А в 60-м он же набросал план неосуществленной работы: «Океанское мышление — одна из важнейших современных проблем для всего советского народа». Занимаясь наукой, Исаков видел, сколько людей потребует океан и как важно всем понять, что нам там надо. Строя большой флот, нужно готовить моряков, обладающих качествами, отличными от тех, которых хватало для действий

в прибрежных районах, нужно было преодолеть «каботажную психологию», когда механик мог учитывать расход топлива на глазок — база близка, когда штурман, плавая от мыса к мысу, от маяка к маяку, отвыкал от секстана, утрачивал навыки в быстрых астрономических расчетах...

В одной из бухт я побывал на ракетном крейсере. В каюте командира за столом против корабельных часов с круглосуточным циферблатом сидел капитан-лейтенант Ю. Н. Фурлет, старпом. Командир в академии, старпом исполнял его должность и готовил крейсер к походу.

Жизненный путь старпома не прост, не прямолинеен: прошел по конкурсу в Новочеркасский политехнический, но забрал документы, работал слесарем в депо, помощником машиниста на паровозе, рулевым на пароходе в Приазовье, срочная служба в армии и наконец нашел призвание — военно-морское училище, океан.

Разговор шел под звонки — то извне, то по внутренней связи. Я отметил: Фурлет ровен со всеми, владеет нервами, эмоциями, тоном. Он столько плавал в океанах, что, это очевидно, усвоил, каким офицеру быть. «Удаленность повышает самостоятельность»,— сказал мне опытный мореход-подводник А. М. Гонтаев, вице-адмирал, о командире в океане. «Но и бремя ответственности»,— добавил Фурлет. Он по опыту знает: командир в океане — единственный представитель высшей власти. Он может советоваться, если есть на то время. Но — внезапная встреча, острый момент, запрашивать некого и некогда, командир сам принимает решение и действует.

Теперь военные моряки говорят: ото сна восстав, читай не только устав, но и свежее дополнение к международному праву. Знай обычаи больших и малых, близких и далеких стран. Из уст в уста передают случай, когда радисты находившегося в океане нашего корабля успели принять мелодию гимна и описание флага только что возникшей на карте мира новой независимой страны. в порт которой предстояло зайти с визитом. Флаг сшили, подняли, и гимн в океане разучили. И все было, как нужно...

Мы привыкали к океану. Океан привыкал к Военно-Морскому Флоту СССР. За пределами территориальных вод застопорили ход наши корабли. Подбежал иностранный сторожевик: почему стоите тут? Командир отряда В. Лапенков приказал передать: «Выполняем свою задачу в международных водах». Сторожевик удалился...

Океанская жизнь. О ней с гордостью говорит любой вкусивший ее соленый хлеб матрос, мичман, офицер. Нас уже не спрашивают: зачем пришли? Не испытывают нервы, используя корабли как мишени, имитируя полет на боевом курсе с пикированием до мачт, открывая бомболюки, хотя и без бомб. Не пытаются играть в «кошки-мышки» с одиноким эсминцем — у наших командиров хватает умения, не превышая пределы риска, предпринять правильный маневр и, не испрашивая за тысячи миль указаний, самостоятельно дать семафор, требуя прекратить опасную игру. Одному из наших флагманов пришлось однажды несколько раз повторить такой семафор на иностранный корабль, который маневрировал опасно и неразумно. Год спустя тот же флагман шел на крейсере в Атлантике. То и дело с более крупного иностранного попутчика советский крейсер принимал сигналы: «Флагману. Прошу учесть мою необходимость совершить поворот влево», «Флагману. Прошу принять меры безопасности, намерен выполнять стрельбы левым бортом». Вот это другой разговор: учел, что на флаге над советским крейсером две звезды. Значит, на борту старший. А военно-морской этикет вырабатывался веками...

Уходят в океан наши корабли. И, провожая их, следя, как размываются до условности детского рисунка их силуэты, чувствовал я теплоту, гордость и тревогу. Очень уж тянет в море, с ними, в неведомые шторма, ураганы, знойные штили на тропической сковородке. Но ведь даже из Владивостока на Камчатку летишь самолетом, словно жалеешь время на недельный морской поход. Что же мешает? Что держит на берегу? Возраст, боязнь стать обузой?

Однажды в открытом море мне пришлось ощутить, что такое лишний человек на большом корабле. В час тревоги пришла в движение огромная человеческая

махина. Каждый на своем месте. Только штатскому нет дела. Неопытному глазу могло показаться, что в чрезвычайных обстоятельствах люди двигаются неспешно. Но я помнил походы войны и понимал — именно в этом выучка и надежда. Чем помочь? Одним: не мешать.

Осунувшийся командир, проходя мимо, сказал: «Запишите: Насыров и Козлов точно исполнили долг». И еще одно имя было названо, Виктор Золотарев. Он, не жалея себя и выполнив долг, спас товарища.

Плавание военного корабля — не прогулка. Едва останется позади боновое заграждение базы, все в экипаже строжает, все подтягивается, каждый ощущает государственную важность поставленной перед кораблем задачи и личную ответственность за ее выполнение. Мера ответственности у каждого своя. Но мера долга одна: в любых обстоятельствах, что бы ни произошло, мгновенно и точно выполнить на своем посту то, что предписано службой. В этом сущность жизни моряка-воина, его долг, обостряемый с каждой милей, отделяющей корабль от родных берегов.

2.

Побывал я и в Заполярье. Знакомый лейтенант-инженер, которого видел я еще курсантом, вернулся из своего первого похода на атомной подводной лодке и сказал, что очень доволен назначением. Это — на языке службы. Языком поэзии (лейтенант-инженер пишет стихи) он то же самое выразил так: «Черная подлодка, черная вода, черная пилотка, красная звезда».

Я хотел потолковать с молодым офицером о спорах по поводу психологической совместимости членов экипажа в дальнем плавании: одни считают проблему несуществующей, данью моде, другие, опираясь на опыт и науку, относятся к ней серьезно. Кому, как не новичку, внести тут ясность свежими ощущениями и свежим глазом. «Долгий был поход?» — затеял я доверительный разговор. «Что вы,— краснея, ответил он.— Всего столько-то с хвостиком дней»...

Помню: в тех же широтах «столько-то дней с хвостиком» — это был полноценный автономный поход под-

водных лодок военных лет, боевых «щук», «эсок», «каэрок». У лейтенанта-инженера иные измерения. И мечты у инженера атомохода — другого масштаба: махнуть бы под льдами в другое полушарие! И ничего в этом нет удивительного — ходили, ходят и будут ходить вокруг шарика по меридианам и параллелям под водой!..

Встретив в одной из баз экипаж подводной лодки, я услышал необычную просьбу: назвав фамилии нескольких старшин, командир сообщил, что они вернулись уже не из первого автономного плавания и вскоре заканчивают службу — может, писатели на предстоящем литературном вечере поздравят каждого из них поименно? Поздравить было с чем — вчерашние юнцы из Воронежа и сибирского Кимельтея прошли школу мужества в Мировом океане — это ли не знамение времени для нынешних молодых моряков! «Но они способны слушать?» — спросил я командира и, заметив его изумление, пояснил: несколько лет назад на таком же вечере мы выступали с моим коллегой и оба смутились, приняв вялость аудитории на свой счет — обычно матросы слушают гостей жадно; их старшой встал тогда и успокоил: слушаем, мол, но только что вернулись с моря, еще не адаптировались.

Командир рассмеялся: «Не тревожьтесь. И люди теперь тренированны, и условия обитаемости не те...»

В середине 50-х построили первые подводные лодки, способные уйти в незнакомые районы на тысячи миль, надолго и не всплывая. А. М. Гонтаев, тогда капитан 1 ранга, руководил испытательным походом. Поход был успешным: и все задачи, поставленные перед кораблем, выполнены, и уроки из долгого плавания извлечены. Упомяну один документ, возникший после похода: «Рациональное размещение запаса провизии для плавания на полную автономность корабля».

Перед тем походом механики приволокли столько запчастей, впору строить новый корабль. Интенданты завалили причал бочонками, ящиками и картонками с провизией, банками галет — едва все рассовали по отсекам. На ходу невозможно сортировать, бери, что сверху. Меню на весь поход диктовал хаос размещения. Да еще жестянки с галетами при смене давления то вздувались,

то сжимались, стреляя очередями. К тому же жара. А вода по норме. Зная, что опреснители еще надо «довести до ума», взяли в одну из уравнительных цистерн запас пресной воды, но трюмный во время дифферентовки корабля нажал на клапан и пустил в цистерну немного воды забортной. Пить подсоленную воду не стали.

Ну а как все это переносили люди? По-военному: они были первопроходцами. Через несколько недель плавания руководитель похода стал замечать у некоторых, как говорится, «отсутствие должной взаимности» и тут же без лишних слов разводил людей по разным сменам...

Так познавали то, что потом стало предметом науки, заботой психологов, медиков, политработников — еще на берегу отбирать людей, проверять тренировкой, готовить к длительной службе, улучшая и ее условия, и корабли.

Долгое плавание требует долгого заряда — не только физического, но и душевного. Время так стремительно меняет уровень развития людей, что просто немыслимо со старой меркой оценивать их духовные потребности. С юмором рассказывал один из матросов-подводников, как в трудном походе к нему в отсек трижды заходил молоденький лейтенант и, стараясь быть чутким, спрашивал: «Ну, как дела, как харч?» Первый раз матрос отвечал браво. Второй сдержанно. В третий взял себя в руки, чтобы не надерзить.

В свою «кругосветку» 1942/43 года Г. И. Щедрин, командир «С-56», которая вместе с другими подводными лодками шла из Владивостока через Тихий и Атлантический океаны на Северный флот, захватил набор пластинок классических опер. Думал — для себя. Но ошибся. Когда однажды вдали от Родины он завел патефон, к каюте потянулись все свободные от вахты.

Есть в русском языке такое слово — «досуг»: «На кровле, устланной коврами, сидит невеста меж подруг: средь игр и песен их досуг проходит...» — это Лермонтов. Иногда приобретает это слово и такой смысл — время безделья, девать себя некуда... В службе не о таком досуге речь. Об отдыхе, который включает не только сон. О паузах между вахтами, заполненных и физическими упражнениями, и смехом, и разнообразием впечатлений

для глаз, для слуха, для ума и сердца. Это и общение, и спор, и тихое чтение для себя и про себя, и разговор вдвоем, и молчаливое размышление — об этом насущная забота каждого из офицеров.

Я видел матросов, которые, придя впервые на корабль, теряются в его палубах, кубриках, рубках, среди всевозможной мудреной техники, словно в лабиринте. Долгие плавания преображают их. Матрос становится прекрасным оператором, умеющим самостоятельно обслуживать сложную технику, он привыкает к мысли, что в походе за помощью не побежишь, он сам, его старшина, его офицер найдут выход из любого положения. С корабля он сойдет в гражданскую жизнь, не боясь техники. Но ему надо помочь возместить и те потери, которые связаны с отрывом от берега. Он не должен быть менее эрудирован, чем его сверстник, который по воле обстоятельств не служит в океане. Между тем на корабле, в походе не посмотришь спектаклей, телепередач. Долгие месяцы кругом вода и вода, а если он подводник — даже неба не видит. Ох как хотелось бы читать, читать. А порой хороших книг еще мало.

Вот вышла у нас 200-томная «Библиотека мировой литературы». И на Севере, и на Тихом океане я спрашивал: дошла ли она на корабли? «Что вы, нам дали так мало подписок!» Но и это должно стать элементом океанского сознания любого из тех, кто комплектует библиотеку для корабля — на дополнительный тираж для плавающих у нас всегда должно достать и бумаги, и средств. Формировать походные библиотеки нужно особенно вдумчиво и — щедро!

Какое счастье для страны, если тысячи и тысячи матросов, пройдя в юности необходимую мужскую школу, принесут в штатскую жизнь помимо огромного политического опыта и высокую культуру океанских университетов. Почему на материке юноша может читать «Науку и жизнь», «Техника — молодежи», «Знание — сила», а там, где человек ежеминутно имеет дело с наивысшими достижениями НТР, нет ему иногда такого выбора?

Мы охотно поднимаем тосты «за тех, кто в море». Надо побольше делать «для тех, кто в море»: первым давать им лучшие киноленты, видеофильмы телепередач,

все, что может обогащать ум, душу, напомнить о семье или поможет просто развлечься, улыбнуться. На месяцы они разлучены с близкими, ради нас с вами избрали такую профессию, испытывая в разлуках подлинность любви, крепость семей.

В одном флотском городке на Дальнем Востоке мне с обидой говорили врачи и медсестры, они же матери, что вот построили госпиталь, а детского отделения в нем нет. «Такие городки строим, башни, как в Москве, а из детучреждений только школы. Муж в океане, дети при мне. Ребенок заболеет — куда его везти?..» — «Так мы же не строим при госпиталях детские отделения!» — с удивлением возразил один деятель.

Но мы и в океанах раньше не плавали.

Каждое утро и каждый вечер, будь то полярный день или полярная ночь, в один и тот же час поясного времени, в тропиках или в Арктике, где бы ни отдал якорь наш корабль, экипаж по большому сбору стоит в строгом строю: «На флаг — смирно!» Сколько существует на флоте кораблей, столько взвивается флагов, не спускаемых допоздна. От побудки до отбоя, от подъема флага до спуска тверд распорядок дня. Но стоит кораблю выйти в плавание, вступает в силу иной распорядок. В походе флаг всегда поднят, а это значит, что вся жизнь экипажа делится на отрезки вахт и отдыха, и недолгий отдых может в любой миг быть прерван сигналом тревоги. Служба превращается в нескончаемые сутки — недельные или многомесячные, она подчинена только одному закону — закону долга перед страной. И мой знакомый лейтенант-инженер, который пока ходил на подводном атомоходе «всего столько-то с хвостиком дней», а ныне, я знаю, ходит в походы куда более длительные, хранит родной флаг в своем сердце.

Перед уходом в океан он написал: «Сердце отвыкает от покоя. Я недаром истину постиг: мы встречаем в ожиданье боя каждый новый день и каждый миг. Так, а не иначе. Наше время протрубило строевой припев. Раскалил предутреннюю темень мой будильник, как тревоги нерв. Так судьбе дано распорядиться. Так продиктовал суровый век. У одних — наземная граница. У других — реакторный отсек».

Июль, 1979 г.

Леонид ЕВТУХОВ

СЕРЖАНТЫ

Крепок утренний сон солдата. Строгие, как примкнутые штыки, стрелки часов упруго сбрасывают оставшиеся до подъема минуты. Скрипнула под ногами половица: в синем ночном освещении казармы возникла приземистая фигура сержанта.

— Дежурный по батальону старший сержант Кубако!

Четким движением разогнал складки гимнастерки под ремнем. На лице — строгость. И мне вспомнилось, что когда-то в просторечии звание «сержант» звучало как «сержак» — от слова «сердитый».

Кубако устал, но доволен. Блестят надраенные полы казармы, играют блики на синем кафеле в умывальнике. Выстроились на гладильном столе утюги, ждет своего часа «умытый» электрический чайник — горячая вода для бритья. В готовности нитки, иголки, пуговицы... Нехитрый солдатский быт, налаженный заботой сержантов.

Да, многое в солдатской жизни зависит от сержанта. Еще Петр I писал: «Нужно, чтобы он дослужен был от нижнего чина, дабы знати мог все свои поступки... Ибо сей предмет (сержант) столь великой важности, что вся целость и исправность службы от него зависит». Сержант, сержак или сражант — от слова «сражаться» — честно нес на своих плечах тяжесть русской ратной службы. Но со временем, как сказано у Даля, «из дворян и детей вельмож много было записываемо в сержанты ради одной выслуги». Это были уже не воины, и в 1798 году звание сержанта упразднили.

Через многие годы оно возродилось в Советской Армии. 2 ноября 1940 года приказом наркома обороны введены звания «сержант» и «старшина». Они стали опорой офицеров, их первыми помощниками. На полях Отечественной войны около 2800 младших командиров заслужили звание Героя Советского Союза.

— Разрешите узнать цель вашего прибытия? — спрашивает Кубако. Выслушав, вежливо просит: — Пройдите, пожалуйста, в Ленинскую комнату. Через 10 минут я освобожусь.

Вынужденная пауза пришлась к месту: появилась возможность еще раз перелистать страницы дневника сослуживца Кубако — сержанта А. Костючека. Потому что именно этот дневник стал причиной моего раннего визита в танковый батальон.

Костючек Александр Борисович. Родом из Белоруссии, с обычной школьной биографией и небольшим стажем тракториста. Вот, собственно, и все, что рассказал о себе Саша А когда я начал расспрашивать его о службе, о его первых командирских шагах, он, поколебавшись, дал мне прочитать свой дневник — уже изрядно потертую записную книжку.

«...Прибыли из учебного подразделения. Все ново и непривычно. Комбат познакомил нас с экипажами и распределил танки. Я — командир боевой машины № 137. Это мой танк! Да, мой! Такого еще не испытывал...»

«Вместе с механиком-водителем заменили на машине аккумуляторную батарею. Пожалуй, я лишку суетился.

Вечером еще раз перечитал свои обязанности. Отвечаю за обучение, воспитание, воинскую дисциплину, за внешний вид подчиненных, за использование техники, снаряжения, обмундирования, за их сохранность и исправность... Должен воспитывать... Развивать... Поощрять... Строго взыскивать...

В «учебке» нам говорили: учите подчиненных по принципу «делай, как я». Коля расходует 1—2 секунды, чтобы танк начал двигаться, а я пока что 5—6 секунд. Вот и делай, как я!»

«Это первый Новый год, который я встречаю в армии. Песни, пляски, игры, конкурсы. Мой наводчик получил приз за песню. Коля — тоже. Зажигалку. Он из

положения «сон в койке» быстрее всех оделся, лучше других заправил постель и экипировался по-боевому. Учиться не зазорно, но я, получается, ученик во всем. Вечерами не спится...»

Вечерами не спится... Да, трудно Саше в роли командира. Генерал армии С. М. Штеменко в то время, когда был принят ныне действующий закон о всеобщей воинской обязанности, говорил о трудностях подготовки сержантов, связанных с сокращением срока службы. Он вспоминал, что в 1940 году предполагалось увеличить на год срок службы сержантов по сравнению с рядовыми. Война помешала провести этот эксперимент. А потом... Техника стала вдвое, в десять раз сложнее. Срок обучения офицеров увеличился вдвое, а сержантов — сократился. Можно ли подготовить за этот срок младшего командира? По-видимому, можно. Но мне вместе с тем говорили: армия готовит отличных младших командиров, а воспользоваться результатами затраченного труда не успевает. К моменту боевой зрелости сержанта заканчивается срок его службы.

Вернемся к дневнику.

«Первая стрельба боевыми снарядами. Командир сказал: за три попадания в мишень из трех снарядов поощряю краткосрочным отпуском на родину. Мой танк выполнил поставленные условия. Комбат по рации разрешил выдать отпускной билет. Но командир роты ответил: цель поразил, а трассу прошел с задержкой. Обидно, но справедливо. Действительно, нового механика-водителя я не учил. В общем, отпуск тю-тю!»

«Опять неудача. Проводил строевые занятия. Отстранили. Говорят, не умею подавать команды. Комвзвода продемонстрировал свое мастерство».

Почти наяву представил я, как стоял сержант, краснея за свое неумение. Прав ли был офицер?

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Моя многолетняя практика показывает, что там, где нет доверия младшим командирам, где над ними существует постоянная опека старших офицеров, там никогда не будет настоящего младшего командного состава, а следовательно, не будет и хороших подразделений».

Пожалуй, «болезнь недоверия» к сержантам имеет свои причины. Костючек сам в дневнике признается, что еще не умеет командовать. Но здесь-то и должно проявиться воспитательное мастерство офицера...

«Ребята плохо заправили койки. Хотел разобрать и заставить перестелить. Не решился. Наверное, зря смалодушничал. Весь день думал об этом...»

Помнится, я спросил Сашу, почему он не посоветовался с офицером. «Неудобно было»,— ответил он. А ведь за этими словами целая проблема: как завоевать доверие сержанта, чтобы со своими сомнениями он шел к старшему? И с другой стороны — офицер должен сам предвидеть и замечать эти узловые моменты становления младшего командира. Ведь еще неокрепший характер юноши может и не выдержать испытаний ответственностью. И тогда вряд ли выйдет из него надежный помощник.

Впрочем, подобных проблем в деле воспитания сержантов немало.

«Ждали, и все же учения начались неожиданно. Ночь, а машина, как на грех, на запасной стоянке. Бежали как угорелые, но танк вышел в заданный район на 5 минут раньше срока. Ребята думали, что этим и кончится, а тут погрузка на платформы. Переживал за механика. Ничего. 7 часов мчали куда-то по рельсам. Остановились и с платформы — в бой. К утру замаскировали машину. Дождь. Мокрые ветви плакучей березы свисают прямо в люк. Устал».

«С обязанностями командира танка я справляюсь. Можно бы и похвалить себя. Мой экипаж обогнал многих и прочно занял место где-то в середине. Но надо смотреть вперед. Пример мне — Кубако...»

На этом дневник обрывался. Ведь Саша прошел только полпути, который уже завершает Иван Кубако, ему еще служить и набираться опыта. А хотелось проследить до конца ухабистую дорогу становления сержанта. Вот почему я решил встретиться с Кубако.

Плотный, широкоплечий, стрижен под машинку. Скуластое волевое лицо, глаза строгие и добрые — так бывает.

Старший сержант Кубако тоже командир экипажа.

Еще на танкодроме я обратил внимание: на стволе пушки боевой машины Кубако — четыре звездочки. Не каждый командир танка мог похвалиться таким успехом в недавнем большом учении.

— Как вам удалось столь удачно пройти все этапы учения? — спросил я у старшего сержанта.

— Надо знать свое дело и командовать твердо.

— Возможно, это объясняется еще и тем, что у вас очень хороший экипаж?

— Плохих экипажей не встречал. Плохих командиров — да. Иной командир гнет характеры подчиненных под себя. Так и превращается в кучера.

— Почему же в кучера?

— Только и знает, что погонять. А ты раздели переживания солдата... Конечно, командовать — не угождать. Приказание на голосование не ставь, но характер учитывай.

Говорил он отрывисто. Паузы тянулись так долго, что мне с непривычки казалось: Кубако решил промолчать. Но нет. Бикфордов шнур раздумий догорал, и следовал ответ. Порой неожиданный.

Мне сказали, что во взводе, которым командует Кубако, несмотря на отсутствие офицера, нет ни единого нарушения дисциплины, и я спросил: так ли это?

— Нарушений нет и не будет,— твердо ответил он. И вдруг: — А почему, собственно, они должны быть? Разве то, что мы называем дисциплиной, не для пользы?

— Но бывают же нарушения в других подразделениях?

— Бывают. Тогда это и нарушения самих сержантов. Некоторые чудаки думают, что сержантом, командиром солдат, он становится после того, как пришьет погоны с лычками. Право на старшинство дает не только это. Умей и знай лучше и больше, чем твои подчиненные. Показывай личный пример — тут и весь секрет. Извините, пора будить сержантов, они по уставу должны вставать за 10 минут до сигнала «подъем».

Кубако поднялся, отдал честь и шагнул в синий свет комнаты, где спали танкисты.

Февраль, 1980 г.

Виктор КОЖЕМЯКО

ТОВАРИЩИ ПОЛИТРАБОТНИКИ

1.

В этот раз в дальний поход крейсер выходил из Севастополя.

Прощание с Севастополем — как строка из песни. Хоть впервые это у тебя, а кажется, уже было: люди возле Графской пристани, взмахи рук, уплывающий берег. И когда скрылся за горизонтом маяк Херсонеса, все еще слышатся какие-то давным-давно знакомые слова, что-то вроде: «В туманной дали не видно земли, ушли далеко корабли».

Долго не видеть нам родных берегов. Понятны минуты лирического минора. Впрочем, неправдой было бы лишь к нему свести чувства людей. Они шире, сложнее. И в машинном отделении, и у радиометристов, и в рубке управления — повсюду идет работа.

Есть и еще одна нота в настроении. Перед выходом экипажу вручили снарядную гильзу с землей Малахова кургана. Речь была короткая, а слова — точные и нужные. Но дело даже не в словах. Каждому ясно, что за земля на Малаховом кургане. И торжественный акт вручения гильзы с этой землей словно открыл историческую ретроспективу, сблизив времена и напомнив многое.

С этого эпизода, митинга перед выходом в дальнее плавание, и началось для меня знакомство с политработой на крейсере «Адмирал Ушаков».

Политическая работа... Лишь потом, проведя столько дней и ночей в корабельных условиях, понял я (да и то вполне ли?), как она необъятна здесь, как многообразна, сложна. Первые впечатления человека, попав-

шего в новую обстановку и органически не вжившегося в нее, всегда несколько поверхностны.

Принесли свежий номер многотиражки. Слова на первой странице: «Вышел в море — работай по-боевому!»

В кают-компании — сбор руководителей групп политзанятий.

«Мы проходим сейчас по тем местам, где громил врагов адмирал Сенявин»,— сообщает радио крейсера.

Все это и многое другое — скажем, «Боевой листок» с именами отличившихся на стрельбах, выпуск «Комсомольского прожектора», критикующий нарушителя дисциплины,— мысленно объединяешь под рубрикой «политработа», но, схватывая события, не сразу глубоко постигаешь их взаимосвязь и меру необходимости каждого в специфических условиях дальнего похода.

Быстро начинает чувствоваться отсутствие газет. Они прибудут лишь через несколько дней, с «оказией». Обычная политинформация приобретает поэтому особенный смысл. Или, например, корабельная радиогазета. Видишь, с каким нетерпением ждут матросы очередной ее номер, и понятнее становится волнение ответственного за выпуск...

Но это — опять только детали, штрихи.

Что же это за специальность — политработник корабельного состава ВМФ?: моряк? партийный работник? педагог? или все вместе?

...Никак не удавалось нам спокойно поговорить. С вечера я твердо намеревался зайти на следующий день пораньше, но, когда заглядывал в знакомую каюту, оказывалось, что заместителя командира корабля по политчасти уже нет. Вестовой докладывает: «Капитан 2-го ранга спустился в машинное отделение... Ушел к артиллеристам...» А потом раскручивался день, жестко расписанный им почти поминутно, и допоздна к нему приходили люди или он уходил к ним.

Я попробовал проследить течение одного его дня: утреннее совещание политработников крейсера, семинар агитаторов, подведение итогов социалистического соревнования между боевыми частями, беседа о последних международных событиях — и много еще такого, что

на первый взгляд кажется просто частным разговором, а на самом деле для кого-то очень и очень нужно.

На «Ушаков» капитан 2-го ранга Александр Данилович Хрипливец пришел со «Славы». Этот корабль Черноморского флота — участник Великой Отечественной. Хрипливец в войне не участвовал. Она лишь обожгла самое раннее детство этого поколения (у него, например, на Харьковщине), а дальше было все нормально: школа, спорт, книги, училище.

Вместе с замполитом со «Славы» на новое место службы перешел участник войны мичман Вавило. Еще недавно сколько их было в экипажах и частях — тех, кто воевал. Мы уже привыкли и даже особого внимания не обращали на то, что многие орденские планки на мундирах у этих пожилых людей говорили о наградах, полученных на передовой в самую трудную для Родины пору. Теперь на «Адмирале Ушакове» мичман — единственный, для кого война не только страница истории или воспоминание детства, а главная часть жизни.

Вавило немногословен, выступать ему нелегко. Но Хрипливец просит его обязательно рассказывать о войне каждой группе новичков. Вспоминая первый бой, мичман признается: было страшно. Но победа над страхом — первая победа.

Когда сам Хрипливец беседует с матросами о подвигах «Славы», он тоже, как я заметил, старается не приглаживать события, доносить и их героику, и многотрудность, и смертельную опасность. Так живая история переходит в сознание и чувства молодежи. И дорогим, важным кажется не только то, что эти ребята берут ее себе, но, полагаю, настанет время, передадут с такой же достоверностью тем, кто в свой срок придет им на смену...

Как назвать черту замполита, показавшуюся мне самой главной? Пожалуй, подлинная партийность во всем, что касается работы, отношений с людьми, их обучения и воспитания мужественными защитниками Родины.

Эта черта в ходе повседневных служебных будней передается другим. Капитану второго ранга подчинена группа политработников. Они не похожи характерами

и биографиями, но стремление делать свое дело как можно лучше чувствуется у подавляющего большинства.

Вот все они собрались в каюте замполита корабля. Тесновато, в иллюминатор заглядывает хмурое утро. Лаконичные доклады о том, какая работа проведена во время ночных вахт, что намечено на сегодня. Нечто вроде идеологической планерки.

Докладывает капитан-лейтенант Андрей Полонский, заместитель командира боевой артиллерийской части. Подтянутый, четкий в движениях, с хорошо поставленным голосом. Про таких говорят: создан для воинской службы. Два старших брата погибли в Отечественную, еще трое братьев — тоже офицеры. Отслужил срочную, за политическое училище сдал экстерном. Мне уже не раз говорили, что лучшие политработники получаются из тех, кто отслужил срочную, хорошо знает, чем кубрик живет и почем фунт матросского лиха. Полонский как раз из таких.

За день до похода «Адмирал Ушаков» стрелял на приз Военно-Морского Флота. Времени для подготовки было совсем мало. И все-таки отстрелялись лучше всех представителей других флотов.

Как это? Благодаря чему? Что в этом успехе от влияния политработников? «За кратчайший срок,— сказали в политотделе,— экипаж не только восстановил, но и приумножил боевые качества, которые имел в прошлом году. Удалось мобилизовать артиллеристов, настроить их на успешное решение задач перед ответственной стрельбой».

Звучит несколько общо, но ведь в самом деле — удалось мобилизовать личный состав и приумножить успехи. Если же говорить конкретней, то важнейшую роль сыграло живое, увлеченное, даже азартное соревнование между дивизионами, которое сумел организовать замполит.

На крейсере еще один приз — командования Черноморского флота, завоеван электромеханической боевой частью. Там политработой руководит вот этот улыбчивый, коренастый капитан 3-го ранга Анатолий Митрофанович Губский. Манера поведения у него иная, чем у Полонского, он и по натуре, кажется, мягче,

покладистее. Но оба они принадлежат к костяку самых опытных политработников корабля.

А рядом — совсем юношеское лицо. Комсоргу Сереже Давидовичу нет и двадцати двух, только что окончил военное училище. В первый же день я обратил внимание на стройного лейтенанта с задумчиво-мечтательным взглядом широко раскрытых голубых глаз. К матросам он обращается по имени: «Коля, Ваня...» И они явно тянутся к комсомольскому секретарю. Больше всего, наверное, привлекает в лейтенанте его неподдельная увлеченность работой, уверенность в ее важности, настоящий молодой задор. Искренность и непосредственность этого офицера вызывают ответную доверительность людей.

— Есть село Ульяновка на Житомирщине. Все в садах,— рассказывает он мне.— Там мечты о море начались, так сказать, с картинки в букваре. Там и Галя — будущая моя жена — жила. В пионерах дружили, она на класс моложе. И никого лучше нет, чем она! Теперь там вместе с нею и Оксанка маленькая меня ждет. Конечно, тяжело было расставаться. Говорю замполиту: «Вы-то уже привыкли, Александр Данилович, а я...» «Нет,— отвечает,— к этому, Сережа, не привыкнешь. Но надо работать. Давай иди, мобилизуй комсомольцев, улыбайся». И знаете, без этой работы я бы просто не смог жить...

Существуют проблемы не только новобранцев-матросов, но и начинающих политработников. Прошлой осенью их несколько прибыло на крейсер. Первые шаги в любом деле — проверка. Про одного, например, пожилой командир боевой части, много послуживший и достаточно повидавший на своем веку, отозвался с сомнением: «Вряд ли выйдет из него комиссар». Мне это заключение показалось преждевременным, и я попытался возразить: человек раскрывается не сразу, все еще может обернуться неожиданной стороной. Он кивал, как бы соглашаясь: да, так бывает, но при возвращении к конкретному случаю стоял на своем.

После, наблюдая за этим лейтенантом в работе, которая по сути своей есть общение с людьми, видя, с каким трудом дается ему даже обычный разговор с матро-

сом, я думал, как опасно ошибиться при выборе именно этой профессии, как дорого обходится такая ошибка потом и для дела, и для человека.

Разное довелось услышать о том, как улучшать подготовку политработников. Много раздавалось пожеланий, советов в адрес училищ. Но, видимо, должно быть и призвание у каждого, кто посвящает жизнь трудному делу воспитания моряков. Дальнейшее знакомство с политработниками на кораблях снова и снова убеждало в этом...

2.

Люди на кораблях сменяются каждый год. Одни уходят, отслужив свое, другие приходят. Вот и сейчас, в этом плавании, есть на крейсере новички, и все для них внове.

О чем думает будущий матрос перед встречей с флотом? Чего он ждет и подсознательно ищет, ступая на палубу? Романтика, героика подвига — не это ли прежде всего видится ему в предстоящей службе?..

А встречает строгий и размеренный военный быт. Будни. Может начаться с того, что «вместо ожидаемой романтики — прозаическая чистка картошки на камбузе». Это сказал замполит артиллерийского дивизиона Виктор Емельянов. Жизнь на крейсере объясняет, что он имеет в виду. В одни и те же часы, с точностью до минуты,— монотонный голос в динамиках:

— Очередной смене приготовиться на вахту. Форма одежды — рабочее платье, берет.

— Произвести малую приборку.

— Начать занятия.

— Бачковым построиться — шкафут, правый борт.

И среди этого вдруг — резкий, будоражащий сигнал трубы. Учебная тревога.

...В кают-компании (на эсминце «Отважный», который идет в кильватере крейсера) я обратил внимание на портрет молодого офицера. Прочитал: «Старший лейтенант Скосырский Владимир Иванович. Служил на нашем корабле в должности командира зенитной батареи. Погиб при спасении матроса».

На корабле все знают, как это произошло. За бортом оказался матрос Сагит Шаипов, и офицер, не раздумывая, сбросил шинель, прыгнул в холодную воду. Была ранняя весна, льдины раскачивались на крутых волнах. С трудом добрался Скосырский до матроса и, собрав силы, помог ему выбраться на лед. Но в тот же момент другая льдина накрыла Владимира...

«В благородном поступке офицера,— написали политработники в листовке,— сущность кровного братства командиров и подчиненных, отвага тех, кто впитал традиции наших славных Вооруженных Сил».

Это правда. Но мне показалось вдвойне правильным, что авторы текста, посвященного памяти товарища, постарались не только раскрыть высокий смысл подвига, но и запечатлеть человека таким, каким он запомнился в обыденной совместной жизни. «Еще недавно,— говорится о нем,— он был среди нас, веселый, задорный, любивший в часы досуга шутку, строгий и требовательный к службе, скромный и застенчивый, когда дело касалось его...»

Рядом другой портрет. Паренек в форменке, с прямым, в объектив направленным взглядом. И подпись:

«Это случилось в совхозе «Трехостровский» Иловлинского района Волгоградской области. Вспыхнул пожар на животноводческой ферме. Под угрозой оказались две тысячи голов скота. В числе первых прибыл к месту происшествия Юрий Чуйкин. Он находился в отпуске, который предоставил ему командир корабля за отличное несение службы.

В схватке с огнем Юрий действовал самоотверженно. Моряк не покидал опасного участка, проявляя истинно флотскую стойкость и бесстрашие... Несколько дней и ночей боролись потом врачи за жизнь комсомольца, но тщетно. От многочисленных ожогов Юрий скончался».

Это тоже из листовки, написанной политработником сразу по получении тяжелой вести. Здесь — лишь схема происшедшего. Потом постарались восстановить подробности. Писали в совхоз, ездили туда, чтобы поговорить с очевидцами. Собралась папка материалов, которые знакомят с «огненным старшиной» новых и новых матросов, приходящих на корабль.

А пока еще служат его одногодки, показывают новичкам кубрик, где он жил: «Вот его койка». И рассказывают: «Когда его выносили из огня, мать бросилась со слезами: «Зачем ты это сделал, сынок?» — «А как же иначе, мама?»

В одном экипаже, почти в один срок — два ордена Красной Звезды. Посмертно. По-иному читается теперь плакат: «И в мирное время есть место подвигу».

Несколько раз слушал я беседы политработников с матросами о героизме. Жизнь предлагала все новый материал. Когда лопнула трубка в котле и надо было срочно ее заменить, старшина 1-й статьи Анатолий Лященко, обмотавшись асбестом, полез в обжигающую жару. Когда при швартовке эсминца к крейсеру трос накрутился на винт, старшина Александр Шаруда одиннадцать раз подряд спускался под воду, пока не сделал все как надо. Что это было: работа? подвиг?

...Воспитание человека и воспитание воина. Как они соотносятся?

Если перечислить качества, традиционно чтимые как достоинства воина — мужество, дисциплинированность, развитое чувство долга,— мы увидим, что они непременно входят в круг общечеловеческих достоинств. Вряд ли заведомого труса можно назвать хорошим человеком...

С другой стороны, наверное, стоит подумать о том, как рождается та же воинская храбрость и ее кульминация — самопожертвование. Да, есть устав, присяга. Их требования несомненны. Однако ни в каком уставе напрямую не предписано грудью своей закрыть вражеский дот.

В критических обстоятельствах человек действует часто не по приказу. Перед выбором, как поступить, он остается один на один со своей совестью. Тут «в командование» вступает внутреннее чувство долга. Оно, это нравственное чувство, воплощающее ответственность перед собой, перед людьми, перед обществом, диктует: «Должен!» И человек поступает только так, а не иначе.

Но разве это относится лишь к армейским, флотским условиям? Матрос был в отпуске, когда пошел в огонь, чтобы спасти общественное добро. Можно привести и ситуации, вовсе, казалось бы, иного рода, где жизнью

рисковать не надо, но где опять-таки внутренний голос, нравственная обязанность руководит человеком. Один встанет на собрании и скажет правду, другой промолчит. Один вступит в конфликт, если надо защитить несправедливо обвиняемого, другой отойдет в сторонку...

Есть хорошие слова у знаменитого русского хирурга и педагога Н. И. Пирогова: «Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку... и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное, у вас будут люди и граждане». Вот эта забота о развитии «внутреннего человека», то есть о выработке у каждого воина глубоких нравственных, гражданских основ, и определяет существенную долю труда коллектива политработников.

В корабельной многотиражке я прочитал: «Глядя на умелые действия на посту матроса Василия Паклина, невольно залюбуешься. Быстрота, сноровка, отсутствие лишних движений — во всем этом просматривается почерк отлично подготовленного специалиста, мастера своего дела. До автоматизма отработано каждое движение».

«До автоматизма»... Потом я увидел, как действует матрос, и это в самом деле вызывало восхищение. Но точность слова все равно казалась сомнительной.

— Конечно, тут не автоматизм бездумья,— возразил секретарь парткома.— Речь идет о мастерстве. Вот побывайте-ка вы на политзанятиях да послушайте этого Паклина...

Нестерович первый обратил мое внимание на закономерность устойчивого понятия «отличник боевой и политической подготовки». Как правило, одно сочетается с другим.

Незадолго до этого похода произошел у меня любопытный разговор на заводе. Главный инженер, сетуя, что в коллективе неладно с трудовой дисциплиной, вздохнул: «Насколько проще в армии! Без лишних рассуждений. Раз-два...»

Что ж, дисциплина воспитывает. Но вот как?

На партийном собрании коммунисты крейсера критиковали офицера, который, поставив задачу перед подчиненными, не потрудился разъяснить ее смысл. Секре-

тарь парткома сказал: «Механические матросы нам не нужны». И командир корабля поддержал его.

...Если взять карту и пометить места, откуда прибыли служить молодые парни на «Ушаков», география получится удивительная. Вся страна!

За время плавания матросы видят чужие моря и берега, незнакомые звезды светят им в пути. Но все-таки самым большим открытием становится для них Родина, которая, казалось бы, в такой дальней дали.

Не знаю, в каком из подразделений корабля раньше других появился обычай проводить вечера «С чего начинается Родина». А сказал мне об этой традиции Анатолий Митрофанович Губский, замполит электромеханической боевой части. У него было так. Вечером услышал на юте, как матрос, только что вернувшийся из отпуска, рассказывал товарищу, что повидал он в родных тюменских краях. Интересно рассказывал. Тогда и предложил ему замполит: «А что, если всех матросов собрать и ты перед ними выступишь?»

Парень смутился, ибо оратором себя не чувствовал: само слово «выступать» сковывает. Пришлось разъяснить, что нужна не речь с трибуны — просто рассказ здесь же, на юте, только чтоб побольше людей услышало. И получилось!

Сделали обычаем: возвращается кто из отпуска — выступай, рассказывай. Теперь, в походе, отпусков нет. Но традиция осталась. Собираются вечером и по очереди вспоминают вслух о родных местах, о работе, о товарищах. Вот последняя встреча. Саша Мурванидзе о чае говорил, как его выращивают и обрабатывают. А Гриша Ботнареско рассказал о Молдавии.

...Уютно в клубе. Не верится, что за кормой крепчает ветер, грозя очередным штормом. Слушая рассказы матросов о местах, дорогих сердцу, думаешь: далек поход, а Родина — близко.

3.

Уже много недель бороздим мы средиземноморские волны. Привычными стали и нежные акварели рассветов, и закаты, полыхающие в полнеба.

Многое теперь в корабельной жизни стало привычным и для меня. С некоторыми командирами и политработниками встречаемся, как старые знакомые.

Командиры и политработники... Они всегда рядом: общие заботы, единая цель. Знаю, командир корабля и замполит дружат еще со «Славы», где вместе служили. Большая дружба у артиллеристов — командира Алексея Георгиевича Кирсты и его заместителя по политчасти Полонского. Взаимопонимание, что называется, с полуслова. Бывает так. Скажем, лейтенант Сергей Шаповал, по возрасту в сыновья годится командиру своей части капитану 2-го ранга Виктору Алексеевичу Лукину. Понятно, какая-то «притирка» тут необходима. Но Виктор Алексеевич, член парткома, один из самых уважаемых офицеров крейсера, не только делится опытом с замполитом, но, принимая трудное решение, никогда не забудет посоветоваться с ним: «А как вы считаете?»

Процесс взаимообогащения идет постоянно. Авторитет политработников повышается тем, что почти каждый из них, как я заметил, стремится с помощью офицеров-специалистов в совершенстве овладеть современной техникой. В то же время на крейсере не просто провозглашают, а на деле добиваются, чтобы каждый офицер и мичман, каждый коммунист был воспитателем.

Политзанятиями, которые должны проводить командиры со своими подчиненными, дело не ограничивается. Вот темы некоторых офицерских семинаров: «О методах убеждения в воспитательной работе с личным составом», «Поощрения и дисциплинарные взыскания», «Личный пример как метод воспитания воинов». Тема теоретической конференции: «Морально-политическая и психологическая подготовка личного состава».

Редкое партсобрание обходится без обсуждения какой-либо грани воспитательной работы. Однажды объявили выговор коммунисту — строевому офицеру: именно за недостатки в воспитании подчиненных. Секретарь парткома В. М. Нестерович выступал, как всегда, неторопливо, негромко, но чувствовался в его интонации особый вес.

Высокий, сутуловатый, он показался мне сперва самым штатским среди офицеров. Но начинал как строевой командир — закончил военное училище имени Фрунзе. На политработу перешел потому, что «потянуло». А потянуло, наверное, не случайно. Есть в нем большой интерес к людям. «Лучший друг, лучший наставник»,— отозвался о секретаре парткома комсорг.

Партсобрания бывают острые. Последний раз, например, говорили, как учатся офицеры, что читают. Кое-кому здорово досталось. Сам секретарь парткома взял с собой в поход целую библиотеку. Времени свободного, конечно, мало — для чтения остается фактически только ночь, но он старается и ее использовать.

«Политработник, который не учится, перестает быть политработником» — это не раз доводилось слышать на крейсере.

...Однажды, когда от родных берегов нас отделяли тысячи миль, я стал свидетелем такой сцены. Перед обедом на юте собрались матросы. Один был именинником, его поздравляли. А потом все притихли: над палубой зазвучал женский голос — голос матери.

Сюрприз к дню рождения! Думаю, впечатление описывать излишне. Здесь, среди волн от горизонта до горизонта, после стольких месяцев разлуки с домом, вдруг услышать такие домашние материнские слова, и знакомые интонации родного голоса, и пластинку со своей любимой песней, которую мать прислала на корабль... Это тоже душевная забота политработников.

Неожиданно для меня один из офицеров высказал сомнение по поводу целесообразности таких поздравлений: «Размагничивают. Порой у матроса даже слезы на глазах, когда услышит голос матери. А зачем? Такие сантименты мешают».

Это утверждение заставило задуматься. Может, и в самом деле ни к чему? Вечером в кают-компании разговор на эту тему продолжался. Не буду пересказывать его, лишь суть возражений оппонентов.

Вся полнота лучших человеческих чувств, без изъятия, должна быть присуща нашему воину. Глубокое чувство не размагничивает, а ведет на подвиг. Моряк, рискующий собой во имя спасения товарища, движим,

наверное, и отзывчивостью на чужую беду. Истинный подвиг гуманизма способен совершить человек большой души.

Это учитывают политработники корабля, воспитывающие не только разум, но и чувства. Здесь не считают мелочью, если матрос, например, давно не пишет писем матери или оскорбил новобранца недоброй шуткой. И не только в том видится смысл родительских поздравлений, что по-особому напоминают они морякам дом, покой которого хранят корабли. А чуткость, проявленная замполитом? А общая доброжелательная атмосфера взаимной заботы, дружбы? Разве это не оставит след в душе у моряков?

...Экипаж крейсера — большой коллектив. Когда люди строятся плечом к плечу, подтянутые, собранные, почти физически ощущаешь монолитность этой массы. Но монолит состоит из личностей. И сколько ни описывай большую роль так называемых массовых мероприятий, чувствуешь: что-то важное выпадает.

Речь об индивидуальной работе. Какая она в специфических условиях воинской части, где многое вроде бы сглажено, уравнено, регламентировано требованиями устава? Конечно, устав есть устав. Однако все нюансы возможных отношений заранее не предусмотришь. Да и люди очень разные, хоть форма делает их похожими...

Можно отметить удивительное знание людей, с которого, собственно, все начинается. Понятно, скажем, если речь идет о замполите боевой части — здесь и народу меньше, и все ежедневно на виду. А заместитель командира корабля? Или секретарь парткома? У них же людей сотни! Но стоило мне назвать кого-нибудь из экипажа, и следовала такая подробная характеристика, будто это единственный матрос, окруженный почему-то особым вниманием.

Лучше узнать каждого помогает переписка с родителями матросов, которую ведут политработники. Спрашивают о склонностях, слабостях, интересах ребят. Новый человек на корабле пока себя проявит, а тут — родительские советы. Очень кстати.

Ну а дальше уже следует творчество воспитателя, которое трудно зафиксировать. Не потому ли в беглом

изображении выглядит это зачастую довольно примитивно. Примерно так: был плохой матрос, а побеседовал с ним политработник «по душам» — стал хорошим. Нет, здесь не раз и не два надо побеседовать. И подумать, с кем поселить парня в кубрике, какое дать комсомольское поручение. Поговорить с командиром, мичманом, посоветовать... Педагогика!

Обычно люди меняются незаметно. День за днем, постепенно происходят те сдвиги в характере и сознании, которые потом заставляют сказать: смотрите, совсем другой человек. Мне приводили много таких примеров.

Грубый — это фамилия. Их два брата на корабле. Призвали вместе, попали в одну часть, в команду радиометристов. Но служба пошла у них сразу по-разному. На лицо-то они — как две капли, а вот характеры, взгляды на жизнь... Младший — серьезный, старательный. Со старшим было иначе. «Трудный»,— говорили про него.

А недавно оба получили поощрение за хорошую службу — отпуск для поездки на родину. И про старшего я уже слышал: «Другой человек!»

Что за этим? Как, под действием чего произошла такая перемена? Тут, конечно, многое сказалось. Хотя бы и обстановка, требования дисциплины. Однако, пытаясь поглубже разобраться, как оно было, говоря об этом с разными людьми, я неизменно встречался с одним и тем же именем: Сучков.

Мичман Сучков. Старшина команды радиометристов. Я видел, как четко (хочется даже сказать — виртуозно) работал он за планшетом надводной обстановки на боевом информационном посту крейсера. Одно это не может не повлиять на тех матросов, которые трудятся с ним рядом.

Но это еще не все. Коммунист, делегат XXIV партийного съезда, секретарь парторганизации боевой части, он по праву считает себя политработником, воспитателем по долгу и призванию. Сколько таких, как Грубый, прошло через его школу за четверть века службы на флоте!

При мне во время похода принимали в партию матроса Ивана Вершинина. Электросварщик отлично

справился с флотским правилом: «Первый год службы — второй класс, второй год — первый класс». Успешно выдержал кандидатский стаж, окончил партшколу, хорошо проявил себя как секретарь комсомольской организации радиотехнической службы. Обо всем этом говорили на собрании, отмечая, что «работа с людьми у него получается».

Среди давших рекомендации — Анатолий Иванович Сучков. Он попросил слова для вопроса, но вопрос его оказался понятным лишь им двоим:

— А как насчет того разговора?

— Кажется, решил окончательно.

Только потом узнал, что имелось в виду. Поздно вечером, когда над крейсером зажглись крупные южные звезды и уже заступила ночная вахта, мы стояли с замполитом корабля на ходовом мостике. Подошел Сучков:

— Товарищ капитан 2-го ранга, разрешите обратиться... Хорошая новость: Вершинин остается на флоте. Пойдет в военно-морское училище.

Была понятна радость, звучавшая в его словах. Остается тот, кого он внимательно наставлял все эти годы, за кого поручился перед партией. Воспитатель будущих матросов вырос рядом. Хорошая новость!

...Да, люди меняются, внутренне растут.

Корабль вернется из похода на базу, и можно будет точно доложить, сколько пройдено миль и какие учения проведены. Только нет таких цифр, чтобы выразить перемены, происшедшие в людях. А ведь они сойдут на берег в чем-то иные. Лучше, сознательнее, сильнее. И это, конечно, очень важно. В этом — благодарность командиру и политработнику за их нелегкий и такой нужный труд.

Май, 1974 г.

Нонна ОРЕШИНА

ВЫСОТЫ ДОЛГА

Авиация — многоцелевая, многоликая. Официально ее принято классифицировать по назначению, по радиусу действия, по специфике боевого применения. Но мне вспоминаются не типы самолетов и вертолетов, а летчики, с которыми посчастливилось летать, удивительно сосредоточенная атмосфера аэродромов, эмоциональная насыщенность полетов.

...Бледная синева простегана пушистыми инверсионными дорожками и, наверное, поэтому кажется пределом высоты, хотя стрелка на приборе подкралась лишь к десятикилометровой отметке. Перистые облака внизу, как матовое стекло, и в этом снежно-белом, сужающемся пространстве, в острых бликах на фонаре кабины соринкой должен проскочить самолет «противника».

— Курс... Высота...— наводят на цель наш истребитель с командного пункта.

Энергичный разворот — тело воспринимает его органично, и перегрузка кажется естественной, необходимой: подполковник В. Шишков пилотирует со свойственной ему аккуратностью, и каждый маневр словно выверен по лекалу.

«Выключить высокое».— «Понял».— «Цель наблюдаю».— «Цель ваша, работайте...» — звучат в эфире голоса летчиков и офицеров боевого управления: перехватчики отражают массированный налет авиации «противника».

Перехват — это полет на самых разных высотах, от предельно малых, где поиск «противника» ведется на многоцветном фоне полей, лесов, плоскогорий, где в

воздухозаборник может попасть птица или при резком маневре на околозвуковой скорости в нерасчетной близости вымахнет сопка, до стратосферы, где темно-свинцовое небо напоминает о космосе, а рули самолета малоэффективны, вялы.

Если заглянуть в историю, то первым перехватом можно считать тот воздушный бой штабс-капитана П. Н. Нестерова, в котором он таранил австрийский самолет-разведчик. С перехвата — поиска, обнаружения и атаки — начиналось большинство воздушных боев в небе Испании, и особенно в Великую Отечественную войну.

В 1941 году на Ленинградском фронте, а позже — под Москвой заработали экспериментальные радиолокационные посты обнаружения воздушного противника, к середине войны широкое распространение получили радиофицированные посты целеуказания и наведения. Но настоящим перехватчиком истребитель стал лишь тогда, когда на борту самолета был установлен радиолокационный прицел, давший боевое зрение на десятки километров и в облаках, и ночью.

Ни в одном виде боевого действия не требуется такой собранности, педантичности, внутренней готовности к выполнению команд с земли, такой сработанности штурмана наведения и летчика. Ощутить это можно именно в полете, где все скоротечно, насыщенно, где любая неточность приводит к срыву атаки, которую при современных скоростях и ограниченном запасе топлива повторить порой уже невозможно.

Если аэродром — это сердце, пульсирующее каждым взлетом-посадкой, то командный пункт — мозг сложнейшего многофункционального организма. КП глазаст экранами локаторов, и слух у него отличный, и голос далеко слышен. Здесь, в центре боевого управления, собирается вся информация о движении самолетов — своих и чужих, отсюда наводятся на воздушные цели истребители-перехватчики.

Офицер боевого управления должен в динамике, в движении представлять себе всю воздушную обстановку, а за мерцающими точками на расчерченном сеткой экране чувствовать человека, который управляет перехватчиком.

Сейчас и наш истребитель высвечивается на экране старшего лейтенанта Вовка ясной капелькой света. Всего часа два назад, когда летно-тактические учения только лишь начинались, я стояла за его спиной, поражаясь тому, как быстро и цепко, одним взглядом охватывает он весь экран и говорит быстро, четко, поднося к губам то серый, то черный, то коричневый микрофоны, передавая самолеты другим штурманам наведения или связываясь с руководителем полетами, командиром части. И чем плотнее становился поток истребителей «противника», чем больше пар перехватчиков поднималось в воздух, чем гуще заполнялся экран метками цели, тем напористее звучали команды,— и в движениях, тоне голоса старшего лейтенанта появлялась какая-то щеголеватость, боевой задор мастера...

— Вот она, цель,— голос подполковника Шишкова возникает внезапно, хотя именно этих слов я жду весь полет.— Справа, выходим в заднюю полусферу.

Самолет «противника» словно выпадает из облаков. За ним тянется и тут же тает белый след. Несколько секунд — цель ближе. Еще немного, еще... Где та граница, до которой необходимо дойти, чтобы гарантировать точное попадание, а переступить нельзя? Ведь определяется граница эта не только инструкциями, но и интуицией летчика, основанной на опыте его и мастерстве.

Пуск! Секунда — и самолет «противника» соскальзывает за обод фонаря: в резком отвороте мы отходим от цели.

Боеготовность и безопасность полетов — в сложном сочетании этих понятий чудится противоречие. Как научить летать на предельно малых высотах, если опасна сама близость земли? Как выиграть воздушный бой, не подходя к пределу возможностей машины и человека? Как отработать групповую слетанность, не доверившись выдержке и умению каждого, кто идет в строю? Как поднять молодого до уровня мастера, если мастерство — это не только освоение чужого опыта, но и поиск своих приемов? Высокая степень умения в авиации достигается лишь на грани разумного риска — об этом много раз говорили мне командиры всех рангов и званий.

— 305-й, работу закончил,— доложил на командный пункт подполковник Шишков. Облегчения в тоне голоса нет: работа закончена, но не закончен полет, а значит, нельзя передохнуть, расслабиться. Впереди еще десять насыщенных действиями минут: выйти в зону аэродрома, пробить слой облаков, войти в створ полосы, произвести посадку... Облака низкие, расползшиеся бородой тумана. Отчетливо бетонка просматривается лишь после ближнего привода.

То, что опытные летчики производят посадку в этих условиях по всем правилам летного искусства, закономерно, и, зайдя после полета на командно-диспетчерский пункт, я вижу, как истребители уверенно касаются полосы — прямокрылые, строгой окраски, чем-то напоминающей суровую солдатскую шинель.

Но вот в эфире звучит:

— ...На посадочном. Крыло, шасси, закрылки полностью,— голос молодой, слегка звенящий от напряжения. Всматриваюсь в плановую таблицу — старший лейтенант Жердецкий.

Самолет темным сгустком выскальзывает из белесого месива, мягко коснувшись бетона, проносится по полосе.

— Заход по глиссаде — точно, посадка — отлично,— руководитель полетами подполковник Ю. Трубчанинов отпускает кнопку микрофона, оборачивается ко мне: — Впервые при такой погоде вылетел. Способный летчик и командиром хорошим будет. Боимся только, не захвалить бы...

Опасения не лишни: молодости свойственна переоценка своих сил, а в летном деле это опасно, и нужны постоянный жесткий контроль, повышенная требовательность — со способного и спрос больше. Поэтому неудивительно, что на разборе следующих, уже ночных полетов подполковник Трубчанинов выговаривает старшему лейтенанту жестче, чем остальным:

— На какой высоте положено включать фару?..

Современная техника с ее невероятными скоростями, перегрузками требует от летчика отличной физической подготовки, крепкой нервной системы, волевых качеств. А поэтому, казалось бы, в авиации должны служить

люди неэмоциональные. Практика опровергает такой вывод.

Когда подполковник Шишков, рассказывая о себе, признался, что колебался между карьерой дипломата, институтом иностранных языков и летным училищем, контраст показался разительным. А если прибавить еще музыкальную школу, художественные способности и знание трех языков, выбор летной профессии необъясним. Но вот только вчера на построении был зачитан указ о награждении подполковника орденом Красной Звезды за успешное освоение новой боевой техники.

При всей сложности и рискованности летной работы было бы ошибочно думать, что полет — это лишь разного рода преодоления: машины, ситуаций, себя, лишь удовлетворенность сознанием своего мастерства. Полет — это еще и поразительная красота. Небо воспринимается от кромки горизонта до зенита, в гармонии бесконечности и замкнутости пространства кабины...

Ночь опустилась на аэродром сотнями прильнувших к земле огней: синим пунктиром обозначилась рулежная дорожка, бело-желтым вспыхнула взлетно-посадочная полоса. Заговорщицки замигали карманные фонарики — техники осматривают боевые машины. Голоса людей, урчание моторов заправщиков — все приглушено, даже двигатели самолетов при запуске укрощают рев, переходя в напевный посвист. И выруливают истребители со стоянки, будто крадучись, посвечивая красными и зелеными навигационными огнями.

— Люблю ночной аэродром,— голос подполковника Антонец звучит доверительно и нежно. Это так не свойственно сдержанному, подтянутому командиру, что я невольно замедляю шаги, пытаясь заглянуть в лицо.

— Наша спарка,— останавливается возле истребителя.— Садитесь, присматривайтесь.

Пять ступенек вверх по железной стремянке, обод фонаря нависает над головой, катапультное кресло обнимает жестко и бережно. Панели тлеют цветом остывающего костра, надписи на табло, разноцветные лампочки — самоцветами.

— Словно в пещере Али-Бабы...— улыбается командир. Он стоит на стремянке возле первой кабины, смот-

рит, как техник помогает мне затянуться в упряжь парашютной системы.— Освещение отрегулируйте, чтобы не слепило.

В первый момент после взлета темнота показалась сплошной. Она липла к фонарю кабины, как деготь. Но вот небо засветилось с севера — зеленоватыми тонами и вянущей желтизной, на западе блеснула тонкая оранжевая полоска, только восток остался темен и глух.

— Краски какие... замечаете? — даже переговорное устройство не может скрыть новые оттенки в голосе командира.

При знакомстве с подполковником поначалу уловила его критически-настороженный взгляд. На разборе полетов командир показался мне очень требовательным, порой крутым. На командном пункте, во время летно-тактического учения,— решительным, оперативным. А в нашем первом, тогда дневном полете в каждом движении летчика чувствовалась не только мастерская отточенность, но и внутренняя гармония. Перегрузки делали пилотаж выпуклей — петли, горки, бочки словно обретали своеобразную плоть. Еще тогда мелькнула показавшаяся неуместной мысль: «А ведь он — лирик...»

Значит, могут сочетаться в летчике бойцовские качества и тонкий лиризм. Значит, чувство прекрасного уживается с риском, оттеняя его, становясь потребностью, как передышка глазам и нервам. А может, в этом контрасте чувств, в контрастах обстановки, в напряженной, постоянной работе мысли и формируется личность? Личность человека, овладевшего не просто сложнейшей профессией, а искусством летать. И не просто летать, а выполнять учебно-боевые задания и побеждать в ситуациях, ставящих человека порой на грань его психических и физических возможностей.

В каждом, даже самом регламентированном полете заложены элементы творчества. Летчик творит полет в меру таланта своего и мастерства, как создают музыку, стихи, картины, но только с той разницей, что каждому фальшивому звуку, неточному штриху, пустому слову здесь цена — жизнь.

Август, 1981 г.

Анатолий ПОКРОВСКИЙ

КОГДА ЗАКРЫТЫ ЛЮКИ

Переходя с трапа на трап через небольшие площадки, мы все ниже спускались под землю. Вслед один за другим захлопывались массивные люки, наглухо отделяя от нас и заснеженный лес, и луну над ним, и легкий посвист ветра. Привычный мир с его шумами, запахами, светом сменился иным, изолированным от внешних воздействий.

— Вот и КП,— сказал провожатый...

Старший лейтенант

В комнате, похожей на лабораторию физического института, за пультами сидели двое — капитан и старший лейтенант из боевого расчета современных Ракетных войск стратегического назначения.

Это и впрямь был особый мир со своей удивительной тишиной. Чтобы не спугнуть ее, расчет заступает на дежурство в мягких тапочках, но и эти легкие шаги глушит толстый ковер на полу у пультов.

— Сосредоточенность. Полная, если хотите, отрешенная сосредоточенность на показаниях приборов.

Старший лейтенант Владимир Бойцов сменился с дежурства, и мы с ним пьем чай в комнате отдыха.

— Сосредоточенность, всегда готовая превратиться в осознанное и точное действие,— чувствуется, что Владимир еще не «остыл» от дежурства.— Обязательно точное, потому что в нашем деле осечки быть не может. Такое состояние нужно сохранять в течение нескольких

часов. Конечно, этому помогают внешние условия. Но все-таки главное — в умении подготовить самого себя.

Старший лейтенант высок, широкоплеч. Свободная блуза и без ремня рельефно обтекает ладный торс. И говорит он, как говорят сильные люди,— словно вглядываясь в себя, заботясь о точности слова, а не о впечатлении собеседника.

— Можно сказать, и в свободное время невольно прикидываешь — готов ли к вахте... Трудно? Не знаю, иначе не жил.

Владимир вырос в военных городках — отец был кадровым офицером. Последние годы службы в армии старшего Бойцова прошли в ракетных частях. Первый год службы рядового Владимира Бойцова — тоже. Судьба словно прокладывала ему путь в училище ракетных войск. Но он считает, что дорогу выбрал сам.

— Наслышан был от отца о ракетчиках. А когда начал служить, убедился — здесь мое дело. Я и до призыва собирался поступать в высшее военное училище. Ну а став солдатом, только утвердился в старом решении. И вот после окончания училища, с 1977 года — здесь. Должность обычная для боевого расчета — оператор системы. Но, когда подумаешь, что во время дежурства буквально под руками такая огневая мощь, о которой только мечтать могли командующие фронтами в Великую Отечественную, постигаешь меру ответственности. Во время учебного пуска, в котором я впервые участвовал, мне поручили вести репортаж. Так поверите ли, рука с микрофоном дрожала — пришлось о стойку опереться. За годы службы понял — большая ответственность не может не волновать. Но она же и заставляет работать так, чтобы пришла уверенность.

Наверное, эта мера ответственности и требовательности послужила одной из причин того, что еще в училище Владимир стал членом партии. И теперь, вместе с другим коммунистом капитаном Валентином Яметевым, полностью готов четко провести те действия, что предшествуют любому пуску.

Капитан

— Нет, нет, дежурство наше идет совсем не в изолированном мирке, как может показаться.— Капитан Яметев строен, гибок, быстр в словах и движениях.— Я бы сказал наоборот — особенности ракетного КП как раз и служат тому, чтобы содействовать надежности связи. С кем? С КП командира части. С соседями справа и слева. Ну и конечно, со своими прямыми «подчиненными» — ракетами.

Той же ночью по лесной дороге мы навестили одну из ракет. Собственно, саму ракету так и не видели, да и не могли увидеть. Просто сначала по глазам скользнул луч прожектора с наблюдательной вышки. Провожатый притормозил машину.

Мы вышли к расчищенной площадке, где под слоем свежего снега угадывалась толстая плита.

— Внизу, в шахте, и стоит ракета,— комментирует сопровождающий.— В любую секунду пороховой заряд по команде с КП может сдвинуть крышку и откроет ракете путь. Она всегда в готовности к старту.

— Итак, главное для нас — связь,— продолжает рассказ капитан Яметев.— Связь с ракетами. Связь, чтобы принять и выполнить команду. Связь надежная и — обязательно! — дополненная нашими нервами.

Взгляд у Валентина прямой, твердый, требующий ответа. Не дождавшись его, начинает объяснять сам:

— Вот вы видели, я при вас «опрашивал» ракеты. Ну, чего, казалось бы, особенного? Вспыхивают сигналы на мнемосхеме — все благополучно. А если что-то неблагополучно? Скажем, нарушился температурно-влажностный режим? Тоже появится сигнал, теперь уже тревожный,— и все. Я же сразу должен доложить о неисправности. И не только доложить, а сообщить о необходимых мерах и требуемом для них времени. Ведь исходя из моего доклада, будут принимать такое решение, чтобы, несмотря ни на какие случайности, боеготовность не снизилась. А если сразу найдут возможность дать «добро» на регламентные работы? Значит, мне сразу же надо сформулировать задание на такие операции. Значит, посылая запрос, нужно мысленно пройти

с ним по всем каналам связи и быть внутренне готовым к ответу, который он принесет. Вот и получается, что каждый раз сигнал бежит по твоей нервной системе...

Я начинаю понимать, что кроется за внешним спокойствием, даже монотонностью боевого дежурства. Вот уж действительно, внешность обманчива — всегда, в любой момент у ракетчиков счет идет на секунды. Потому что именно за считанные секунды, что бы ни случилось, баллистическая межконтинентальная ракета должна выйти на предназначенную для нее траекторию. Яметев смотрит на меня и улыбается:

— Медики давно поняли, что значит это внутреннее напряжение. У нас врачебные осмотры и до и после дежурства. Появились в ракетных войсках и психологи, которые, в частности, занимаются вопросами совместимости личного состава боевого расчета. Как в экипажах космонавтов.— И неожиданно добавляет: — Как и для космонавтов, для нас все-таки главное — знания.

Бывают такие совпадения — как раз о том же мы незадолго до визита на КП говорили с другим капитаном — Сергеем Кукушкиным. После окончания высшего училища Сергей служит в этой части, стал автором нескольких изобретений, кандидатом технических наук.

— Вообще-то все началось с мотовоза,— усмехается Кукушкин.— Ездить к месту службы было далеко, вот и стал по дороге обдумывать технические усовершенствования. А если серьезно, то глубоко убежден — современному ракетчику очень важна широкая техническая эрудиция. И это не только мое убеждение. Рационализаторских предложений поступает так много, что понадобились внештатные патентоведы. Я, один из них, в год изучаю до двадцати заявок. Изобретательство становится традицией.

Коли уж речь зашла о традициях, нельзя было не заметить еще одну. Все мои собеседники, прежде чем выбрать училище, проходили солдатскую службу в ракетных войсках. Значит, есть в них какая-то притягательность для молодого человека. Что это, понимание огромной ответственности перед страной, современная сложная техника, особая атмосфера службы или все, вместе взятое, составляющее добрые традиции частей?

Но как они зародились в самом молодом в Советской Армии виде Вооруженных Сил?

Генерал

Под самое утро мы поднимались из КП на поверхность. Снова в свои права вступили время года и время суток, обезличенные там, за плотно запертыми люками. Предрассветный ветер все сильнее закручивал снежные спирали, порошил глаза.

— Подумать только,— вдруг вздохнул командир Яметева и Бойцова, усаживаясь в машину,— кажется, будто еще недавно я ходил сюда по болотной тропке, другой дороги не было. Впрочем, не было и КП, все только начиналось.

Я видел, как это начиналось. В фильме, снятом армейским кинолюбителем. Сквозь непроходимую чащобу пробивались вездеходы, мешали густую осеннюю грязь. Люди под ливнем гатили дороги, тянули провода, везли новую технику. И вдруг на экране мелькнуло залитое дождем, но счастливое знакомое лицо.

— Первый командир части,— шепнул сосед.

А я, оказывается, много уже лет знаю первого их командира, теперь генерала, занимающего другую должность в ракетных войсках. Присматривался к нему в разных ситуациях. Видел накануне ответственных стартов, озабоченного сложностями подготовки. Видел принимающим заключительные доклады. Видел в разговорах с подчиненными. Он мог быть довольным или чем-то расстроенным, но всегда оставался ровным в обращении, точным и четким в приказаниях. В нем ощущались те качества, которые принято обозначать одним словом — интеллигентность.

Нынешний командир части, еще молодой — чуть за сорок — генерал из нового, послевоенного поколения офицеров. И уже в первом разговоре с ним почувствовалось памятное впечатление интеллигентности. Как она передается из поколения в поколение, понял, прочитав такие слова первого главкома Ракетными войсками стратегического назначения главного маршала артиллерии М. И. Неделина о принципах подбора руководящих

кадров для тогда еще только создаваемого вида Вооруженных Сил:

«Для работы на этих должностях мало заслуг в прошлом. Заместитель главкома, как, впрочем, и любой другой военачальник РВСН, должен иметь светлую голову, прочные знания, любить новую технику, уметь разбираться во всех ее тонкостях, быть кристально честным и дисциплинированным человеком».

Не эти ли требования, свято соблюдаемые, стали той притягательной силой, которая и заставляет солдат ракетных войск снова вернуться в них, но уже офицерами?

— Не только солдат,— дополнили в политотделе части.— Каждый год из нашего не очень-то большого городка несколько десятков выпускников школы едут поступать в военные ракетные училища. Идут по дороге отцов и выпускники школ других таких же городков.

Так поддерживаются и развиваются традиции.

... Здесь, в городке, регулярно собираются под знамена боевые расчеты, готовые приступить к очередному дежурству. В любую погоду, зимой и летом, занимают они свои боевые посты. Чтобы прикрыть нашу Родину надежным ракетным щитом.

Ноябрь, 1979 г.

Валерий САДОВСКИЙ

ОКЕАНОМ ПРОВЕРЕННЫЙ

Светило солнце, размягченно блестел асфальт, благоухали ухоженные клумбы — курорт!

— А вот и Кузьмин,— сказала медсестра.

В нашу сторону шел один из отдыхающих военного санатория: средний рост, быстрая, пружинистая походка, джинсы, рубаха в талию...

— Вы с Тихого? — Кузьмин крепко встряхнул мне руку.— Знаю, мне писали...

Да, я там был. И к месту службы Кузьмина добирался по приморским дорогам, которые словно качели: вверх-вниз, вверх-вниз... То бегут по краям обрывов, то жмутся под скалы, теснимые тайгой. На этих-то дорогах мы и разминулись: командир БПК «Петропавловск» капитан 3-го ранга Кузьмин уезжал в отпуск, а наш газик катил и катил к его большому противолодочному.

Такие корабли у берега подолгу не стоят. Сойдет жар с машин, люди отдохнут, подкрасят битые волнами борта, и снова команда: «К бою и походу приготовить!» И снова в океане командир будет управлять этой стальной вооруженной частицей нашего государства. Такое дело поручено Александру Сергеевичу Кузьмину. Да, на корабле я, к сожалению, его не застал, разминулись. Оставалось взглянуть на командира глазами подчиненных, попытаться угадать в экипаже, в самом корабле черты характера Кузьмина.

Над «Петропавловском» витал густой запах краски. Сердитый голос кому-то выговаривал: «Растирать, растирать надо красочку, а не лить как попало...» Стучали

молотки, отбивая на палубе рыжие пятна, скребли броню скребки, щетки с металлическим ворсом, стирая следы штормов, смывая с корабля усталость дальнего похода. Старший помощник капитан-лейтенант Василий Карпенко крупно шагал по палубе, внимательно осматривая фронт работ.

— Хотите совершить командирский обход? — предложил старпом.— Кузьмин ежедневно обходит корабль. Давайте-ка пройдем по его маршруту, чтобы, как говорится, традиции не ржавели.

...Шагать по железной палубе тоже надо уметь: в приборку, когда окатили ее забортной водой, она здорово скользит. Я едва поспевал за старпомом. Мы шли мимо ракетных установок, торпедных аппаратов, мимо многотонных, сейчас неподвижных коробок артиллерийских башен, которые изнутри можно крутануть вокруг оси одним движением руки. Стеной возвышалась броня, то выступая углом, то изгибаясь, охватывая, прикрывая, защищая...

«Петропавловск» по своему назначению — противолодочник. Словно охотник, способен пройти тысячи миль, чутко прослушивая морскую глубину, грозя подводным лодкам торпедами. Но должен он всегда быть готовым и к отражению ударов с воздуха, и к встрече с надводным противником. Для этого на корабле достаточно огневых средств. Подчиняясь воле сотен людей, они рождают мощную боевую единицу флота.

Что на «Петропавловске» замечается сразу — это особое отношение моряков к своему кораблю. Приходилось видеть, как старшина перечеркивал работу матроса: «Для других, может, и хорошо, а для «Петропавловска» — не пойдет». Хотя, честно говоря, я не находил изъянов ни в блеске надраенной меди, ни в глянце свежей покраски.

В одном из кубриков старпом сообщил группе моряков, что их переводят на другой корабль. Кто-то сдержался, а кто и не смог скрыть накативших чувств: уходить не хотелось...

Над головой ожил динамик корабельной трансляции: «Начать занятия по специальности!» Дел с корабельными работами после похода у экипажа по горло, но этот

пункт распорядка дня выполняется неукоснительно. Как мне сказали, за подготовкой людей по специальности командир следит лично, постоянно, и спрос у него жесткий: «Петропавловск» и раньше был в числе лучших кораблей, а сейчас, по словам офицера штаба, «рванулся вперед, как на полном».

Спустились в один из боевых постов.

Старшина команды молод, в речи быстр, о заботах своих говорит охотно.

— К нам командир частенько заходит. Веселый, шутит, но я-то знаю: сейчас достанет секундомер и начнется... Скорости целей сверхзвуковые: моргнул — и считай, проморгал. Командир глядит на секундомер: «Медленно, медленно берете...» Припоздали на секундочку — все с начала. Да разве нас одних так? Акустиков вот спросите...

И акустики, и ракетчики подтвердили: «Не легко».

Остановились у стенда: социалистические обязательства экипажа. Старпом показал на графу «Выполнено».

— Итоги подводили сразу после похода. Эмоций было... Но командир разложил все по полочкам четко. Оказалось, что опять всех обошел Корнеев.

Командир электромеханической боевой части капитан-инженер 3-го ранга Вячеслав Михайлович Корнеев знает «Петропавловск» еще с колыбели, со стапелей. Учил корабль ходить, отлаживал механизмы, учился сам и учил подчиненных. И, когда прошли десяток морей и три океана, когда в шторм заливало так, что оголялись винты и стальное тело ломало на волнах, моряки этой боевой части, как и металл, были надежны в работе.

...Вечера в кают-компании долгие. И это тоже примета корабля. Здесь офицеры любят вместе провести свободное время, рассказать что-то забавное или поучительное.

Ловлю в разговоре все, что касается Кузьмина.

Молодой офицер впервые самостоятельно и вместе с тем умело выполнил на учении маневр по расхождению корабля с «миной». «Молодец,— похвалил командир.— Считайте, что спасли корабль». Сказал серьезно, уважительно.

После трудной вахты в шторм начал называть одного из лейтенантов по имени-отчеству. Признал моряком, коллегой.

«На учениях нервы приходится сворачивать в жгут,— рассказывает другой.— По плану удар авиации — с двух направлений, а Кузьмин увеличит до трех-четырех. Да еще вводные: «Вышел из строя щит питания... Корабль кренится на правый борт... Поступление воды...» Такую модель боя создаст — только поворачивайся. И все это — во время проверок, у начальства на глазах».

— Корабль — оружие коллективное, универсальное,— говорит политработник капитан 3-го ранга Анатолий Гончаров.— Так вот, в Кузьмине заложен весь этот комплекс — электроника, боевые посты... У него с кораблем понимание с полуслова. А то и без слов...

Почти все на корабле и на берегу говорили о командире «Петропавловска» с теплотой. Но мелькнула однажды и нотка ревности: «Удачлив! Служба гладко идет. Старпом, командир эсминца, теперь БПК получил...»

Перед отъездом с «Петропавловска» заглянул в пустующую командирскую каюту. Посидел в тишине, осмотрелся. Стол, фотография жены и дочки, макет парусника, кровать, на которую в походе командир, по словам сослуживцев, не ложился по нескольку дней. Ощущение такое, что хозяин каюты заходит сюда нечасто. Хлопотлива ты, командирская жизнь.

И вот, заехав на обратном пути в военный санаторий, я все же увидел командира «Петропавловска» воочию.

Тридцать три года, крепок, энергичен, весел. Но что же в нем отличное от других, командирское? Должны же быть какие-то особые качества? Еще на корабле попробовал было их определить. Перечитал длинный перечень забот командира, изложенных в Корабельном уставе. «Обязан... отвечает... должен...» Десять, двадцать — сколько же еще пунктов?! Какой — главный?

— Для меня главное — понимать подчиненных, настраивать их на хорошую службу,— ответил на это Кузьмин.— Броня защищает, но она же и разделяет по отсекам, а ведь каждый человек — звено общей победы. Первым делом смотрю на людей, стараюсь добиться от экипажа чистого боевого звучания.

— Александр Сергеевич, служба у моряков напряженная, времени в обрез. Не мешает ли порой бумажная «канцелярия», на кораблях ее бывает достаточно, ваш, слышал, не исключение?..

— Знаю, откуда это,— Кузьмин усмехнулся.— Давняя история. На боевых постах ввел карточки учета выполняемых мероприятий. Берешь карточку, а там вся работа, как на ладони, и подпись офицера — проведено. Или еще — веду персональный учет эффективности работы гидроакустиков: на какой дистанции обнаруживает лодку, как держит контакт... Специалистов пора оценивать на таком уровне...

— У вас в подчинении есть офицеры, которые и возрастом старше, и срок службы у них побольше. Не трудно быть молодым командиром?

— От мудрых людей совет получить — себе ума прибавить. От помощи не отказываюсь. Стараюсь перенимать все лучшее. Многое, например, взял у капитана-инженера 3-го ранга Шершеня Бориса Романовича.

— Мне рассказали, как за пять минут до внезапного шквала, когда и признаков ухудшения погоды не было, вы сыграли тревогу. Корабль вовремя вышел из бухты... Что насторожило тогда?

— Думал о людях, о корабле, росло какое-то беспокойство... А что подтолкнуло — не знаю. Правда, есть такая штука — командирская интуиция.

Когда отдыхают — не торопятся. Вели разговор до позднего вечера. Под конец вспомнил рассказанный на корабле эпизод учения. Обнаружили подводную лодку «противника». И вдруг потеряли контакт. Находившийся на борту старший начальник, видя сложную обстановку, подсказал командиру решение. Но Кузьмин осуществил свой маневр.

— Конечно, риск был,— говорит Кузьмин.— «Противник» тоже не лыком шит, но ошибочку допустил. Посмотри, какую...

И начал чертить схему маневрирования.

Август, 1980 г.

Нонна ОРЕШИНА

ПРАВО НА ПОЛЕТ

Человек и машина — живая плоть и бесстрастный металл. Проблемы в их сложном содружестве существовали всегда: человек упорно искал оптимальные решения, приспосабливая машину к себе и приноравливаясь к ней сам. Наиболее ярко и трудно это проявилось в авиации, причем авиации военной. Для сегодняшнего дня характерна сложная, но закономерная связь: психолог — конструктор — летчик. Наш рассказ — об авиационном психологе.

...Монотонно гудящий полумрак тренажерного зала. На стене серым перламутром светится экран. И, словно рассекая его, несутся плиты взлетно-посадочной полосы и в горизонт вонзается белый пунктир осевой линии...

Идет эксперимент.

Кабина тренажера одноместного самолета без фонаря, в красной подсветке приборов кажется непривычно оголенной. И летчик без защитного шлема, белеют в полумраке на его руках, лице узкие полоски пластыря, прижавшие бляшки чувствительных датчиков невесомо сплетаются провода. Специальные очки, регистрирующие направление взгляда, длительность его фиксации и маршрут перемещения, делают летчика похожим на странного инопланетного жителя — пластмассовое полукружие нависло надо лбом, чуть отсвечивают дымчатые лепестки линз. Тонкая гофрированная трубка светопровода змейкой вливается в кинокамеру, установленную на борту кабины.

Летчик поправляет наушники, трогает прилепившийся к углу рта рожок микрофона: «0-й готов, повторим

заход?» Вслушивается в ответ руководителя эксперимента, который находится в соседней комнате за пультом управления.

Подбородок и скулы твердеют, движения становятся скупыми, четкими: даже в имитированном полете летчик чувствует напряжение, и не только потому, что процесс управления сложен. Движения воспроизводят пеструю гамму реальных неземных ощущений, и на сознание ответственности за эксперимент накладывается привычная, настороженная собранность в полете.

Теперь экран перед лобовым стеклом кабины безучастен, темен — заход на посадку должен производиться по приборам. И только когда самолет «пролетит» ближнюю приводную радиостанцию, экран вспыхнет обнадеживающе ясно, словно отпрянут от фонаря кабины плотные облака, обнажая землю, позволяя оторвать взгляд от стрелок приборов и простым человеческим взглядом определить обстановку.

Летчик и самолет... Как складываются их взаимоотношения? В чем залог безопасности полетов? Почему даже при условии исправной техники и достаточного опыта летчик может ошибаться? В какой степени надо подменять человека, поручая автоматическим системам пилотирование и самолетовождение?.. Эти вопросы и привели меня к доктору медицинских наук Владимиру Александровичу Пономаренко — одному из ведущих специалистов в области авиационной инженерной психологии, науки, в которой еще только определяются направления исследований.

Осторожно, стараясь не отвлекать летчика, выходим из тренажерного зала в соседнюю комнату, где светится экран телевизора и за пультом управления, регистрирующей аппаратурой сидят молодые сотрудники исследовательской группы — инженеры, физиологи, психологи...

— В конструкции должны быть заложены знания о человеке, его психических и физических возможностях,— говорит Владимир Александрович.— Обезопасить полет можно, лишь создав максимальный психологический комфорт, чтобы летчику на рабочем месте не просто легко дышалось, но и легко думалось...

В авиации сложнее, чем где бы то ни было, внести новизну, хотя именно здесь сосредоточивается острие технической мысли и многие научные открытия века находят отзвук в каждой последующей конструкции самолета. Но изменения влекут за собой не просто совершенствование летательного аппарата. Так, на борт современного самолета для снижения погодного минимума, пилотирования по сложным траекториям и других целей были внедрены автоматические системы управления, которые дают выигрыш в точности и видимое облегчение работы.

Но автоматика как бы отдалила человека от машины. Нарушилась сложная связь летчика с самолетом. А ведь в любом, даже самом стандартном полете необходимо тонкое, пока не поддающееся анализу «чувство самолета» — состояние, когда человек ощущает машину в полете как свое тело, когда органы управления кажутся продолжением рук, ритм работающего двигателя становится биением сердца, когда представление о пространственном положении, определение своего места в воздухе неотделимо от сознания.

Так как же найти ту грань, за которой автоматика из союзника летчика становится неуместным опекуном?

— Техника должна подстраховывать человека, не ущемляя, однако, его сильные стороны. Самолет — лишь орудие труда, посредством которого летчик решает поставленные перед ним задачи, и в любой конструкции надо создать условия, достойные личности летчика,— сказал мне В. А. Пономаренко в первую нашу встречу. Это бережное отношение и высокое уважение к личности летчика родились у Владимира Александровича еще в те годы, когда он — выпускник Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, заступил в должность врача авиационной части. И скоро понял, что авиационный врач должен заниматься не только медицинским обеспечением, но и изучать деятельность летчика, которая проходит в условиях постоянного воздействия стресс-факторов. Он стремился понять особенности психических процессов в полете, проникнуть в напряженную работу ума, самой спецификой полета поставленного в условия дефицита времени, сознания постоянного рис-

ка. Но для этого надо было знать, как человек в полете воспринимает поступающую от приборов и от окружающей среды информацию, как функционируют память, мышление. Надо было понять, какие чувства доминируют в полетах на предельно малых высотах и в стратосфере.

Человеку свойственно ошибаться. Но в полете ошибка приобретает слишком высокую цену... Почему действия летчика были неправильны? Где причина — в методике обучения, в конструкции машины или возможностях человека? В. А. Пономаренко и доктор психологических наук Н. Д. Завалова одними из первых доказали, что ошибка нередко возникает из-за недостаточной согласованности технических средств с возможностями человека.

Правильно поставить лабораторный эксперимент, смоделировать его под летный — это искусство. Но даже самый совершенный тренажер не дает совокупности ощущений, которые сопутствуют реальному полету.

Летный эксперимент — самый ответственный этап испытаний. К нему готовятся тщательно и приступают, когда исчерпаны возможности тренажера...

...Въедливая вибрация, скользящая тяжесть ускорений, слитный гул двигателей... Фюзеляж тяжелого самолета, гулкий и грохочущий, загроможден смонтированной на стеллажах и этажерках контрольно-измерительной аппаратурой, а кабина, распахнутая остеклением в синеву, вся в панелях приборов и кажется теснее обычного — между сиденьями пилотов притулился оператор, шланги светопроводов ползут к киноаппарату. Пономаренко в качестве ведущего экспериментатора с коробкой портативного пульта связи в руках стоит за креслом командира самолета, пытаясь видеть показания приборов, лица правого и левого летчиков одновременно. Голос его звучит настойчиво: «Что у вас?.. Двигатели все работают?.. А второй?..»

В ответы командира Владимир Александрович вслушивается настороженно, поглядывая на красный огонек лампочки, сигнализирующей отказ. Почему опытный летчик ее не замечает?

— Падают обороты второго, упало давление,— до-

кладывает тот.— В тоне голоса — напряженность. На энцефалограмме зафиксируется, конечно, учащение пульса, дыхания, движений кисти и пальцев рук... Лишь через двести долгих секунд: «Второй отказал».

— Что помешало быстро распознать отказ?

Летчик смущен:

— По управлению чувствовал — тянет влево, но не ожидал, что выключите без предупреждения... Моя вина, не посмотрел на сигнализацию.

Но если не один, а большинство летчиков в подобном эксперименте не воспринимают сигнализацию с необходимой быстротой, значит, она неэффективна, и, хотя расположена в поле зрения, но не в поле внимания, надо менять ее место, делать мигающей, выносить на табло...

Суммируя, анализируя наблюдения, магнитофонные записи, данные осциллографических лент, педантичные кинокадры, можно понять, как прогнозируются действия в условиях дефицита времени, где кроется ошибка в логике мгновенных рассуждений, какими методическими рекомендациями или конструкторскими решениями можно помочь.

...Всматриваюсь в сосредоточенное лицо Владимира Александровича, и невольно в памяти всплывают его рассказы о летчиках, с которыми много раз поднимался он в воздух на истребителях и тяжелых машинах, с кем проводил сопряженные с риском эксперименты.

Ради безопасности тех, чье рабочее место — безбрежье пятого океана, инженерный психолог, обладая сплавом глубоких медицинских, авиационных знаний, чутьем конструктора, ищет и находит пути внедрения в металл тончайших человеческих качеств. Но, вникая в таинства летного мастерства, исследователю приходится как бы внедряться летчику в душу. И бескровный процесс этот не всегда безболезнен... Как бережны и точны должны быть эти руки, взвешенны и стойки убеждения, каким тактом должен обладать ученый, возложивший на себя право ответственности за полет, который выполняют другие.

Ноябрь, 1979 г.

Владимир КАРПОВ

ИСКУССТВО БЫТЬ КОМАНДИРОМ

Если бы я не видел этот военный городок, а только услыхал о нем — сказал бы, наверное, что таких не бывает. А повидал я за свою долгую службу гарнизонов немало. Хотя на первый взгляд «хозяйство Ковалева» (так в армии иногда называют полки — по фамилии командира) ничем невероятным или сверхъестественным не удивляет. Строгий, удобный городок: казармы, штаб, солдатская столовая, клуб, библиотека, парки вооружения и техники.

Многое досталось по наследству, немало сделано и при нынешнем командире. Да и то, что расположенный здесь гвардейский мотострелковый полк ныне один из лучших в Сухопутных войсках — дела не только сегодняшние.

Вспомнились гарнизоны, в которых довелось служить нам, командирам послевоенных лет... Не хватало казарм, кровати в спальных помещениях стояли тесно, в два яруса. Бывало, жили в землянках, в палатках. Но все же — строили. И главное — из чего! Не хватало цемента, шифера, досок. Страна восстанавливалась после военной разрухи, материалы в первую очередь шли народному хозяйству.

Трудно было учить солдат, ведь не имели полки таких вот хороших стрельбищ, оборудованных полигонов. Получали мы тройки — на инспекторских проверках и радовались: вошли в «государственную оценку». Могли научить и лучше, но опять распыляли роты на строительные и хозяйственные нужды...

Поделился с подполковником Леонидом Илларионовичем Ковалевым этими воспоминаниями и услышал ответ неожиданный:

— Трудно вам было, не спорю. Но в хороших условиях хорошо командовать полком ничуть не легче, чем в плохих.

— Это звучит, мягко говоря, парадоксально.

— Все, чего добивались вы, шло, как говорится, на ваш баланс. А я пришел на готовое — этот прекрасный городок уже существовал, полк по боевой подготовке был одним из лучших. А мне что делать? Хочу идти вперед. Понимаю, что надо развивать, улучшать. Но улучшать хорошее — очень даже не просто.

Подполковник молод, в разговоре порывист. Среднего роста, ладный, крепкий, в густой прическе ни одного седого волоса. Ему тридцать шесть, полк принял в тридцать четыре. Немного, а службу прошел немалую: военную форму надел в двенадцать лет, став суворовцем, затем четыре года — курсант Бакинского высшего общевойскового командного училища. Три года командовал взводом, два — ротой. И не где-нибудь — в Забайкалье. Потом — начальник штаба батальона, комбат, заместитель командира полка. Окончил с золотой медалью академию имени Фрунзе и принял вот этот прославленный, четырежды орденоносный полк.

— Так что устарела пословица, будто от добра добра не ищут. Надо искать! — решительно заявляет Ковалев.

— Но куда же лучше — полк уже имеет отличную оценку!

— Ох и помучила меня эта отличная. Заставила голову поломать. Ведь разве редко бывает: достигнут люди высоких показателей, почивают на лаврах — глянь, а другие обошли, полк уже не первый, не лучший. Ну и достается командиру на орехи! Проморгал, недоглядел! И правильно!.. Стоять на достигнутом — это оборона. А мне любо наступление. Кстати, не одному мне: в полку поняли, поддержали.

Леонид Илларионович рассказал о том, как командование, партийная организация полка искали пути

повышения качества боевой подготовки, сумели увлечь и повести за собой весь личный состав.

— Никаких особых открытий не сделали,— уверенно говорит Ковалев.— Методы и приемы известны, проверены, надо только применять их не формально, а творчески, отнюдь не ради «галочки». Вот, например, социалистическое соревнование. По-разному его можно вести...

Вникая в жизнь полка, я убедился, что соревнование здесь стало повседневным, постоянным стимулятором хорошей службы. В отделениях, взводах, ротах знают передовиков каждого дня боевой учебы, лучшие солдаты, сержанты представлены в «Календарях соревнования» под рубрикой «Сегодня отличились».

Недельные итоги отражены на специальных стендах в ленинских комнатах. Ежемесячно подводятся итоги соревнования между подразделениями. У командира полка в кабинете тоже наглядный экран по всем предметам обучения. Здесь проводятся оперативные совещания командования. Каждый месяц на общем построении зачитывается приказ командира полка о результатах боевой и политической подготовки. Победители соревнования, командир подразделения и секретари партийной и комсомольской организаций поднимают специальный флаг. Поощряются передовики учебы.

И все же соревнование — стимул мощный, но не единственный. Вспомнилось мнение Ковалева о необходимости комплексных, взаимосвязанных мер.

— Вот я и стараюсь уловить эти связи, влияния. Поясню на примере. В бою победу обеспечивает четкое взаимодействие. Это — бесспорная истина. Но почему же на учениях, опять-таки при организации боя, мы отлаживаем взаимодействие, а в повседневной жизни, в организации боевой подготовки — не применяем? Или применяем, но как-то робко, неакцентированно. Еще пример. На фронте перед боем проводились партийные и комсомольские собрания, принимались решения в зависимости от обстановки: «Стоять насмерть», «Первыми идти в атаку»...

— Понимаю вас. Но в мирные дни не только в вашем полку проводятся такие собрания.

— В том и суть: мы не придумали ничего нового,

нет у нас никаких секретов. Просто мы используем весь опыт, все меры, чтобы достичь более высокого качества в работе, вдохнуть энтузиазм и задор в службу каждого воина. Наш полк имеет богатые традиции. Боевое крещение получил под Сталинградом, прошел через множество сражений и завершил путь на Эльбе, за Берлином. После войны участвовал во многих крупных учениях — «Днепр», «Неман», «Двина», «Березина»... Получал высокие оценки. Все это мы тоже включаем в комплекс сегодняшней работы. С первого дня солдат узнает, в какую часть он попал. Умелые пропагандисты вселяют в его сердце гордость, желание продолжить славную историю полка. А командиры, политработники, партийные, комсомольские организации показывают, как осуществить это желание.

Ковалев заговорил о людях. Все у него — необыкновенные!

— Командир первого батальона Виктор Васильевич Волошин... Службу прошел от солдата до комбата, она у него в сердце, знает ее до тонкости. О таких говорят: «Пашет от зари до зари, да еще ночь прихватывает!» За подчиненных — горой. Его можешь корить сколько угодно, а подчиненных не трожь! Когда я полк принял, он был командиром роты. Вижу, силы в нем ну просто играют. Почему же не дать им простор? Выдвинули. И не ошиблись.

Слушая Ковалева, думаю: хорошо, когда в человеке есть такие силы, но не менее важно разглядеть их, как это умеет Ковалев. Ведь бывает: засидится человек — то ли из скромности, то ли сам не знает своих возможностей, и перегорит в нем сила. Чего доброго превратится в середнячка, а то и в неудачника.

— Вторым батальоном у нас командует Шеенко. В этом году поедет поступать в академию. По работоспособности не уступает другим комбатам, весьма требовательный. Его за ошибки журить надо осторожно. Он сам себе ничего не прощает. А если мягко, по-дружески подойти — горы свернет!

— Комбат-три — Валерий Владимирович Юхневич. Спокойный, вдумчивый, уравновешенный, никогда

25 В солдатской шинели

не вспылит, ничего наскоком не делает. Тоже едет в этом году в академию.

Ковалев вздохнул. Может, и пожалел, что сразу два таких комбата уйдут в академию, но тут же оживился, глаза заблестели:

— А вот командир танкового батальона майор Краснов — противоположность Юхневичу. Этот — Чапаев! Его надо сдерживать: напор, натиск! Но — прирожденный танкист. Батальон его — лучший в дивизии. Мы ведь соперничества ни с кем не боимся... А замполит у меня — лучше не бывает! Разве что в романах или повестях. Ответственно говорю: идеальный политработник. Борис Дмитриевич Немерцев.

— А вы не идеализируете? — улыбнулся я.

— Привожу факты. Немерцев стреляет из всех видов оружия и водит боевые машины отлично и даже чуть лучше. Ведь в свое время он с золотой медалью окончил высшее командное училище, был строевым командиром. Армию, службу любит по-настоящему, умеет согреть этим чувством и окружающих. Что говорить, вклад замполита в успехи полка поистине весомый.

Перед отъездом спросил Ковалева о планах на будущее — его личных и вверенного ему полка. Эмоциональный порыв, вдохновение — это хорошо, но можно ли долго удерживать людей в таком «приподнятом» настроении, не устанут ли?

— От радости творчества еще никто не уставал! Утомляет однообразие.

...Возвращаясь в Москву, в самолете, и потом, работая над этим очерком, я размышлял о многом, для меня новом. Подумалось и о том, что военная наука определяет военное искусство как теорию и практику подготовки и ведения военных действий. Да, не только ведения, но и подготовки!

А это значит, что вдохновенный, умелый труд генералов и офицеров, обучающих в мирные дни войска,— тоже военное искусство. И новое поколение командиров им владеет хорошо.

Октябрь, 1980 г.

Тимур ГАЙДАР

ПОВЕЛИТЕЛИ ГЛУБИН

«Справа от фигуры солдата на горизонте моря изображена подводная лодка...»

(Из описания юбилейной медали «60 лет Вооруженных Сил СССР»)

Атомный подводный ракетоносец выходил в море в фиолетовый час несостоявшегося заполярного рассвета. На фоне припорошенных снегом сопок он, черный, горбатый и весь заснеженный, не казался таким уж громадным. Словно был он им родня, этим сопкам,— низкорослый брат в семье великанов...

Но обводы корабля действительно поражали. Все прежние знакомые мне подводные лодки, будь то крошечные «М», элегантные «С» или внушительные по нашим старым представлениям «К», напоминали штык — узкие, длинные, с четкой гранью, с отточенным форштевнем.

Очертания ракетоносца плавны и округлы. Нос — так и тянет сказать «лоб»,— крутой, широкий. Издалека в полутьме проглядывает горой вертикальный руль. В китовой мягкости линий — близость к природе, слитность с глубинами.

Ракетоносец отделился от пирса, дал ход. И море почувствовало, как проснулась мощь его атомных двигателей.

Не возникло ни рокота, ни вибрации. Просто всю водную гладь вдруг разом перечеркнули два косых, бугристых луча волн, которые протянулись от бортов корабля и уперлись в далекие берега. Зарывая крутой

лоб, ракетоносец шел на острие этого клина. Море словно мчалось за нами вслед.

Крепчайший ветер загнал меня за ограждение рубки. Здесь, как и всегда перед погружением, попахивало дымком торопливо докуренных сигарет. Сейчас юркнет вниз боцман. Последним покинет мостик командир. И лично задраит крышку люка. Мысль, что при всех новшествах кое-что осталось неизменным, подбодрила. По вертикальному, показавшемуся бесконечным, трапу я начал спускаться в центральный пост, отсчитывая ступеньки, как годы...

Когда три десятка лет назад мы, тогда молодые лейтенанты, пришли на подводный флот, он был богат славой и небогат кораблями. Рубки наших субмарин украшали ордена и шрамы. Рядом с «С-20», где я был минером, стояла знаменитая «С-13», та самая, что под командованием капитана 3-го ранга А. И. Маринеско потопила подряд вражеский лайнер «Вильгельм Густлов» и транспорт «Генерал Штойбен», на которых находилось около 10 тысяч фашистских солдат и офицеров, в том числе гордость гитлеровского флота — 1300 подводников... Своим «личным врагом» объявил тогда фюрер командира «С-13».

Да, мы любили наши подводные лодки. Несмотря на усталость их натрудившегося, растревоженного взрывами глубинных бомб металла, на вечную суету с ремонтом, они казались нам могучими и прекрасными. А что тесновато, так ведь — не крейсер!

Помню, на «С-20» пришел командир ростом повыше прежнего, и выяснилось, что, ложась, он не может вытянуться в своей похожей на шкаф каюте. Боцман придумал выход: выпилил в каюте на уровне койки квадратное отверстие. А чтобы ноги командира не высовывались в кают-компанию, к отверстию приладили ящичек. Поставили на него вентилятор. И стало еще уютнее.

И все же порой, собираясь в этой кают-компании, где под настилом дышала химией аккумуляторная батарея, а вдоль борта тянулись наши подвесные койки, офицеры обсуждали, мечтали, спорили: какие подводные корабли придут на смену?

...Пятые сутки ракетоносец в походе. Мы то мчимся под водой, и тогда движения не чувствуешь вовсе, то вырываемся на поверхность, в продутую сквозняками черноту полярной ночи. Часто звучат сигналы тревоги, в отсеках на мгновение возникает человеческий вихрь. Затем людей снова не видно — подводники заняли боевые посты.

Все они одеты одинаково: легкие синие рубашки с белыми, как когда-то у школьников, отложными воротничками. Поначалу даже путаешься. Офицеры молоды. Матросы — интеллигентны. Только надписи на нагрудных карманах позволяют определить, кто есть кто.

Впрочем, в первые дни внимание прежде всего привлечено к самому кораблю, к его непривычному, заполненному техникой многопалубному пространству, к устремляющимся ввысь или ныряющим трапам — на прежних лодках все располагалось по горизонтали.

Путешествие из носового отсека в кормовой продолжительно и полно неожиданностей. Только здесь, внутри, начинаешь по-настоящему ощущать величину корабля. Множество совершенно неизвестных приборов. Те, что были на лодках и раньше, неузнаваемо изменились. Открываешь одну из дверей и оказываешься с глазу на глаз с электронно-вычислительной машиной. Вот она получила задачу, задумалась, потом застрекотала озабоченно, выдав решение, удовлетворенно смолкла... Идешь по пустыннейшему, стерильной чистоты отсеку, где творится таинство рождения ядерной энергии, и вдруг замечаешь, что за каждым твоим шагом следит, поворачиваясь, глаз телевизионного объектива...

Уютные каюты офицеров, мичманов, чисто прибранные матросские кубрики. Санчасть. Операционный стол под ярким софитом. Белейшие душевые кабины... И всюду мягкий свет, тишина, свежий воздух.

Конечно, даже самые смелые наши мечты к таким подводным кораблям и не приближались.

Первые десять послевоенных лет советский подводный флот развивался путем традиционным. Лодки новых проектов обладали большей скоростью и глубиной погружения, оснащались более совершенной аппаратурой.

Но принцип оставался неизменным: дизели обеспечивали надводный ход и зарядку аккумуляторной батареи. Батарея давала энергию для хода подводного.

Необходимость перезарядить батарею выжимала лодку из глубины на поверхность. В сущности, это были не подводные, а ныряющие корабли. Только когда в середине 50-х годов на стапелях были заложены наши первые подводные лодки с атомной энергетикой, произошел скачок «из царства необходимости в царство свободы».

Запас топлива? Практически неограничен.

Кислород? Никаких проблем.

Пресная вода? В любое время суток, холодная, горячая, лишь тронь кран в своей каюте.

Климат в отсеках? По желанию.

Со скоростью курьерского поезда, не всплывая, могут мчаться такие подводные лодки вокруг земного шара. Сейчас они существуют двух основных типов. Есть многоцелевые, предназначенные для борьбы с кораблями противника. И есть носители дальнобойных баллистических ракет.

Проходя по отсеку, где, обжатые сталью, обвитые трубопроводами, нацеленные к поверхности моря, стоят эти ракеты, я не удержался, потрогал шахту одной из них. Вахтенный матрос укоризненно покачал головой.

...Вот так, может быть, и ходил бы я по отсекам, изумляясь лишь чудесам техники, если бы однажды не зазвучали в центральном посту знакомые команды учебной торпедной атаки.

Шквал докладов о готовности... Тишина... Потом переброска цифрами: курс, дистанция, пеленг...

И вдруг различимыми стали капельки пота на лице боцмана, который движением рычажка уводил ракетоносец на заданную глубину. Отрешенность акустика, который в забортном зыбком царстве шепотов, шорохов, неясных ритмов вылавливал командиру четкие данные для атаки. И нахмуренность командира в тот особый момент, когда все звучавшие в центральном посту цифры сложились для него в зримую картину надводной обстановки...

Да, новая техника изменила характер труда. Раньше матрос следил за механизмом, маневрировал клапаном.

Теперь перед ним пульт — он управляет процессом. То, что прежде было под силу виртуозу, легко выполняет автомат. И терминология иная. При мне один мичман укорил другого: «Ну что непонятного? Вводишь альфу. Ждешь, пока бета отработает. Потом переходишь на эпсилон...»

Все это так. Но подводник остался подводником, как глубина осталась глубиною.

Лет двадцать назад дизельная лодка, которой командовал наш однокашник по училищу капитан 3-го ранга Ростислав Белозеров, попала в беду. Вода ворвалась в кормовой отсек. Четыре находившихся там моряка мгновенно выполнили закон: изолировали отсек и начали борьбу с водой.

Когда, заделав пробоину, они вынырнули из двери в соседнее помещение, лодка, упершаяся кормой в грунт и устремившая нос к поверхности, представляла собой как бы наклоненную башню. При таком положении помпа откачивать воду из кормы не могла. А лодку необходимо было во что бы то ни стало положить на ровный киль. Тогда решили поднять воду в носовые отсеки вручную.

Прошли сутки. Вторые. Третьи... На поверхности, мешая спасателям, бушевал шторм. В лодке стало не хватать кислорода. Бинты, которыми были обмотаны проволочные дужки самодельных ведер, покраснели от сочившейся из ладоней крови. Но люди, висевшие на стенах башни, продолжали работу... Экипаж и спасательные корабли вырвали лодку из глубины.

Старый случай этот вспомнился на ракетоносце во время учения по борьбе за живучесть. Представитель штаба был похож на громовержца. По мановению его руки в отсеках вспыхивали «пожары», грохотали «взрывы». И, право, любо было наблюдать, как умело руководил заделкой «пробоины», как ловко орудовал тяжелым аварийным инструментом тот самый, не могучего сложения мичман, который недавно толковал товарищу про «бету» и «эпсилон»...

По-разному сложились и сложатся судьбы людей, объединенных понятием «экипаж ракетоносца». Навсегда, прочнее прочного связал жизнь с флотом

командир корабля капитан 1-го ранга Виталий Александрович Люлин. Еще мальчишкой бросался в бурный по весне поток горной речки, готовил себя к флоту... Вовсе не думал оставаться на сверхсрочную мичман Александр Ищук. Распрощался с друзьями, получил благодарность, уехал в родные Черкассы. Но вдруг затосковал, замаялся... И вот руки его опять лежат на рычажках управления горизонтальными рулями. Матрос Кайрат Алтынбеков, тот самый, что строго глянул на меня возле ракет, закончив службу, обязательно вернется работать на горно-обогатительный комбинат. У каждого — свои дороги.

Но сейчас все подводники ракетоносца слиты в единое целое, спаяны с кораблем, судьба которого в удаче и в трудностях — их общая судьба. Так было и осталось в службе подводника.

Есть в ней нечто и совсем новое.

Секретарь партийной организации корабля, вспоминая недавний большой поход, сказал, что соревнование решили тогда организовать по этапам. Сначала неделя «Корабль наш дом». Это чтобы привести в идеальный порядок все отсеки. Потом «Неделя тишины». «Понимаете,— пояснил он,— для нас ведь тишина — оружие». Потом «Неделя рационализатора», «Неделя классности», «Неделя мастерства», «Неделя борьбы за живучесть»...

Все это было очень интересно, но сколько таких недель за один поход он перечислил!

И все же не только в продолжительности плавания дело. Хотя попробуйте представить: месяцы под водой, ни солнца, ни звезд, ни свежего ветра... И не просто в монотонности бесконечной череды вахт, каждая из которых от первой в походе до последней требует от человека всей собранности, всего внимания...

Дело прежде всего в особом роде оружия, которое несет этот корабль. В величайшей ответственности его экипажа перед Родиной.

Ох, как неверно, если читатель вдруг подумает: плавают в океане этакие подводные дворцы... Созданные на ракетоносце достойные человека условия обитания — важный фактор его ежесекундной боеготовности.

А теперь хочется сообщить, что в одном из отсеков ракетоносца, раздвинув широкие стеклянные двери, вы можете попасть в сад: у ног зелень, цветы, травы. Мягко журчит маленький фонтан. Над головой чижи, скворцы, синицы перелетают с ветки на ветку, кувыркаются в воздухе — есть место для разгона. В аквариумах колышут плавниками рыбы. Белая каменная ограда обрамляет сад, и совсем живой кажется уходящая вдаль лесная речушка.

Корабельный орнитолог матрос Михаил Примак рассказал, что птахи чувствуют себя на подводной лодке прекрасно, бывали во многих походах, выводят птенцов.

Со второй половины долгого подводного плавания особенно часто заглядывают сюда моряки. Посидят. Помолчат. Послушают птичий щебет. Облюбуют на берегу нарисованной речки еще одно подходящее место для рыбалки...

Потом — снова на вахту.

Февраль, 1978 г.

Владимир ГУБАРЕВ

ЗВЕЗДЫ НА СТАРТЕ

Земля вспенилась. Встало над степью облако огня и дыма, из которого показалось острие ракеты. Словно она родилась только что... И сразу же потемнело вокруг, и солнце померкло — у него появился соперник: гигантский огненный шар, что уносил в небо ракету.

— Ракета вышла из зоны радиовидимости полигона,— послышалось по громкой связи.

Теперь оставалось ждать.

— Учебный пуск — это венец работы,— говорит командир части.— Отличная оценка — значит, мы несем службу достойно...

Из истории части:

Полковник развернул карту.

— Нам предстоит пробиться в этот район,— показал он.— 15 километров по тайге и болотам. Сроки сжаты до предела. Люди должны понимать важность задачи. Для нас это фронт, для страны — гарантия мира.

Была весна. Наполненная светом и красками, которую так нетерпеливо ждут люди.

Полковник Престенский, жмурясь по утрам от солнца, с сожалением думал, что эта ранняя весна украла у него две недели. Скоро по тайге не пробраться. На болотах заметны черные оконца воды — лед торопливо сходил, и Престенский вспомнил 44-й год, когда весна вот так же нагрянула сразу, единым махом, и военным строителям хлопот добавилось изрядно. Техника утопала в грязи, тылы отстали, а армия рвалась вперед —

к победе. Но война уже в прошлом. А теперь новое назначение. Может быть, самое важное за всю его жизнь — рождался новый вид Вооруженных Сил — Ракетные стратегические. И ему предстояло участвовать в создании одной из первых в стране шахтных пусковых установок...

Вертолет шел над лесами, потом закружился на одном месте. Внизу была все та же глухая тайга.

— Что-нибудь замечаете? — спросил меня летчик.

— Что тут заметишь? Будто нога человека не ступала... Глухомань... Рай для рыбаков и охотников. Долго еще лететь?

Летчик улыбнулся:

— Прибыли...

Нас встречали. А еще через полчаса мы были под землей. Началось знакомство с шахтной пусковой установкой. Наверху — тайга, лес, небольшие озерца, а здесь, под землей, несут службу воины Ракетных войск стратегического назначения.

В галерее шаги звучат гулко. Полумрак, из-за него дорога кажется бесконечной. Мы идем молча, и мною тоже овладевает какая-то удивительная торжественность, словно вместе с этими воинами заступаю на боевое дежурство.

Из истории части:

— Товарищ полковник, вода,— услышал в телефонной трубке Престенский.

— Сейчас выезжаю...

Да, худшее опасение оправдалось. Он вспомнил о споре двух специалистов. Один утверждал, что разведка проведена хорошо, данные надежные; другой сомневался, говорил о грунтовых водах... С ними шутки плохи... «Сразу переходите в другое место»,— предупредил он Престенского. Теперь вода появилась. Ствол шахты затоплен, успели уйти в землю, к счастью, всего на десять метров... Новая, более тщательная разведка? Значит, ждать месяцы? А может быть, воды немного и можно ее откачать? Он еще не знал, какое примет решение.

Впрочем, выбора уже не было. На площадке Престенский в этом убедился сразу. Пять насосов качали воду, но ее зеркало стояло неподвижно.

— Работу прекратить. Вызвать проектировщиков,— приказал Престенский.

Прилетал Д. Ф. Устинов. Он тщательно познакомился с новым планом работ, одобрил его. Но потом добавил:

— А сроки остаются прежние, Петр Захарович. Вы строите, с вас спрос особый

...Ракетчики. Слово, рожденное XX веком с его взлетом науки и техники, с теми качественными изменениями, которые произошли в военном деле. Ракетчики имеют десятки профессий, они переняли лучшее от артиллерии и флота, танковых войск, авиации и мотопехоты. Но ракетчики не растворились в армии. Они ее часть, и они полпреды научно-технического прогресса, без которого невозможно представить наши Вооруженные Силы.

В речи на XXI съезде КПСС Д. Ф. Устинов сказал, что для создания отечественного ракетного вооружения потребовалось комплексно решать труднейшие проблемы и задачи в области конструирования, технологии и организации производства новых материалов, а также многих сложных точных приборов и разнообразного наземного оборудования. В частности, было освоено производство мощных ракетных двигателей, специальных топлив для них, жаропрочных материалов, электронно-вычислительной аппаратуры и других устройств и средств.

Мне доводилось и прежде бывать у ракетчиков. Например, на далеком Севере — у моряков. Шли учения «Океан». Где-то за горизонтом авиация обнаружила эскадру «противника», и ракетчики, охраняющие берег, приготовились к «бою». Из сопки, столь похожей на соседние, внезапно показались острые пики ракет, нацелились вдаль, а затем, когда прозвучала команда «отбой», так же неожиданно исчезли. Не мираж ли? По-прежнему тихо спал берег, набегали на скалы бесконечные волны и вокруг нашего вездехода — ни души.

— Как видите, наша военная профессия незаметная,— сказал командир.— Грозное оружие — ракета. Но, чтобы она была неуязвимой для врага, мы должны хорошо маскироваться.

Ракеты на вооружении у различных родов войск, но основа боевого могущества — это, конечно, Ракетные войска стратегического назначения.

Видел я, как на полигоне готовят к пуску ракету. Как раз проверялся «электронный мозг» ракеты. Молодой солдат внимательно слушал пояснения своего командира, а потом старательно, до капель пота на лбу, следил, как лейтенант подключает к контрольной аппаратуре приборы системы управления.

— Попробуйте сами,— сказал командир.

— Я не смогу,— ответил солдат.

— Не боги горшки обжигают, а ракетчики,— весело и совсем не по-уставному сказал лейтенант.— Не волнуйся, получится.

Ракета ушла в небо, торопясь к своей далекой цели. А мы томились, ожидая сообщения. Я запомнил солдата, для которого пуск был первым. Отражался в его лице калейдоскоп чувств — ожидания, решительности, волнения,— какой, наверное, бывает перед атакой.

Командование поблагодарило боевой расчет за отличную работу. В строю стоял тот солдат, самый молодой из всех, и был он сразу и по-взрослому, и по-мальчишески счастлив.

...Гулко звучат шаги в подземном туннеле. В лицо бьет ветерок, в нем едва уловим запах машинного масла. Как в цехе завода.

Из истории части:

Появился валун. Казалось, это земля делала все, чтобы помешать строителям. Оставалось всего несколько метров до проектной отметки. Престенский радовался. График выполнялся точно. И вот — валун. И не метрами, а сантиметрами стала измеряться теперь проходка шахты. Вгрызались в камень...

Потом появился газ. Престенский стоял на берегу огромного котлована. На его поверхности вырастали «шапки». Надувались и лопались.

И вновь бессонные ночи — вместе с проектировщиками. Приехал Главный конструктор, академик. Посмотрел, как работают люди. Молчал. Вздыхал. Вечером зашел к Престенскому.

— Нам тоже планировать отставание? — спросил он.

— Думаю, что все-таки войдем в график,— ответил полковник.

— Хотя я вам не начальник, но скажите — чем помочь?

Престенский не ожидал таких слов от Главного конструктора. Он сразу же стал перечислять «дефицит», который вот уже два месяца так необходим стройке. Академик ничего не записывал, и, чего греха таить, Престенский подумал, что Главный спросил о «дефиците» из вежливости. Но уже через неделю начали приходить машины и материалы. Академик не забыл ни одной просьбы.

Сохранилось у Петра Захаровича письмо одного из солдат. Когда вспоминает, как строили, вспоминает пережитое, он это письмо перечитывает:

«Работаем день и ночь. Огромное физическое напряжение. Офицерам намного труднее. На них огромная ответственность... Трудно, очень трудно, но мы понимаем, что небо над головой будет мирным, когда эти трудности останутся позади».

...У тех ракетчиков, что несут боевое дежурство, ответственность огромная. И техника у них необычная, и сложность ее велика, да и изменяется постоянно — наука не стоит на месте. Сравнение с цехом завода вырвалось не случайно: обеспечивать работу всей аппаратуры, столь обильно представленной здесь, должны люди, отлично подготовленные. Не случайно у подавляющего большинства — высшее и среднее специальное образование.

«Сердце» подземного сооружения — мощная ракета. За ее «пульсом» постоянно следят всевозможные приборы и датчики, ведь в каждую минуту ракета обязана быть готовой уйти из шахтной пусковой установки — в этом ее предназначение. Стоять на страже мира, на охране Родины — значит всегда быть готовым нанести ответный удар. «Ракетный щит» — название у стратегических, и оно налагает на человека высочайшую ответственность.

Конечно, шахтная пусковая установка удивляет, более того, поражает сложностью, обилием электроники,

своей необычностью. Пожалуй, именно здесь эффектнее всего снимать сюжеты фантастических фильмов. Однако в этом «подземном путешествии» производили впечатление не только могущество и разнообразие техники, но и маленькие алые вымпелы, которые встречались на разных «этажах». «Лучшему подразделению», «Лучшему специалисту» — значилось на них. Ярко-красные треугольнички как бы соединяли могущество техники и мастерство людей.

— Комплексные занятия, работа на тренажерах, изучение материальной части — это лишь подготовка к главному,— говорит командир,— а основная проверка боевой готовности там, на полигоне... За учебный пуск, на котором мы познакомились, получили отличную оценку.

В ракетной части я видел четкую, размеренную жизнь офицеров и солдат, убедился в особой ответственности каждого воина за безупречное выполнение своих обязанностей.

Вечером в клубе части проходила встреча ракетчиков с ветеранами. Выступал Герой Социалистического Труда Петр Захарович Престенский.

— Я приезжаю к вам и молодею,— начал он.— И не только потому, что мы были помоложе, когда строили эту шахтную пусковую установку. Я вижу, что вы свято храните и сами выковываете традиции Ракетных войск...

Январь, 1978 г.

Дмитрий АЗОВ

ЗВЕЗДОЧКИ В ДЕТСКОЙ РУКЕ

Мы еще не знали, сколько дней осталось до Победы. Чувствовали, что немного. Ослепительно светило умытое дождями апрельское солнце, поднимала над бруствером свои зеленые штыки молодая осока. Наша рота, заметно поредевшая в боях на польской земле, обороняла небольшую деревушку. Враг был почти рядом, за Вислой. Выглянешь из окопа — пулеметная очередь. А по ночам над поймой висели осветительные ракеты, огненные пучки трассирующих пуль клевали и без того изрешеченные стены домов.

В апрельский день 45-го прибежал на наблюдательный пункт моего взвода связной из первого отделения.

— Товарищ младший лейтенант, вас сержант просит. Там женщина с мальчонкой. Лопату принесла, огород копать хочет, а он на нейтральной полосе.

Пошел в первое отделение. Женщина умоляюще объясняла: муж погиб, детей кормить нечем. Если не вскопать огород, не посадить хоть чего-нибудь — совсем будет плохо.

— Не можно это, не можно,— пытался я объяснить.— Место открытое. С того берега все видно. Несколько дней подождите.

— Нельзя ждать,— грустно ответила женщина.

Мы молча стояли перед нею. И тут напомнил о себе мальчуган. Был он бледен и худ. И поэтому голубые грустные глаза его, и без того огромные, казались еще больше. Кто-то из наших уже подарил ему пилотку. Она была так велика, что сползала то на глаза, то на затылок. Один из бойцов протянул ему кусок хлеба. Маль-

чуган проглотил слюну, но почему-то отвел в сторону руку солдата, показал на свою пилотку, потом — на звезду, что поблескивала на пилотке стрелка:

— Може, пан-солдат даст это?

Солдат снял звездочку, протянул малышу.

— Ну, а теперь все-таки бери хлеб.

Солдаты хлопотали около паренька, прикололи звездочку, торжественно водрузили пилотку на стриженую головенку и уже учили отдавать честь.

— Товарищ младший лейтенант, есть идея,— сказал сержант.— Мы ночью вскопаем огород, по-пластунски будем лазать. Пехота привыкла под огнем землю копать.

Он так умолял и с таким напором поддерживали его остальные, что устоять было невозможно.

К счастью, все обошлось хорошо, не считая легкого ранения, которое получил связной Саша Тихомиров: огород вскопали, картошку посадили. Саша все сокрушался, что вот, мол, неудачник. Добро бы в атаке, а то на огороде. Но ребята отвечали:

— Не унывай, Сашок. Эта рана — боевая.

...Много детских глаз я видел той весной освобождения — то радостных, то умоляющих, то наполненных слезами.

Под Моравска-Остравой мы хоронили павших бойцов. Белокурая девочка, которая пришла сюда вместе с отцом и бабушкой, плакала навзрыд, будто потеряла самого близкого, родного человека. А потом попросила у нас что-нибудь на память. И мы с моим верным другом из Татарии Зямилем Гильмановым дали ей фотографию. Прошло много лет, и та прежняя девочка, Иринка Урбанкова, а теперь по мужу Еордлова, вырастила троих детей. Сделала десятки копий с фотографии и нашла все-таки нас.

А иногда память — как рана.

По приглашению польских журналистов был я в Быдгоще. Видел, как чтут там память советских бойцов, павших на польской земле. В гостинице ко мне подошел немолодой уже человек.

— Простите, на вас форма советского воина. Сегодня я со своим малышом ходил в магазин игрушек.

И вдруг вспомнил русского солдата, который мне подарил игрушку. Знаете, где это было? В Освенциме. Узников иногда проводили мимо нашего дома. И моя мама вместе с другими женщинами выбегала на улицу, чтобы дать им хлеба или картошки. Конвоиры грозили автоматами, но женщины не отходили... Однажды я был вместе с мамой, и русский солдат тайком передал мне маленькую самодельную игрушку из дерева: курочки на кружочке — снизу веревочкой подергаешь, и курочки начинают клевать...

Собеседник отвернулся. Видно, постеснялся, что замечу слезы.

Да, таков он, советский солдат. Видимый всему миру, поднялся на пьедестал, разрубая фашистскую свастику и держа доверчиво прижавшуюся к его груди девочку.

Еще не было памятника в Трептов-парке, шли суровые бои на немецкой земле. Советская «тридцатьчетверка» ворвалась на улицу одного из немецких городов, и тут из развалин дома выбежала девочка. И механик-водитель остановился. Лейтенант, не видевший ребенка, скомандовал: «Вперед».

— Не могу. У гусениц — ребенок,— ответил танкист.

Под градом пуль и осколков он вылез через нижний люк и, подхватив девочку, понес ее к дому...

Да, это было. И продолжается сегодня, когда в солдатский строй встали сыновья и внуки фронтовиков.

...Семья прапорщика Анатолия Иванова отдыхала у моря. К обеду заштормило. Ивановы уже собирались домой. И вдруг чей-то крик:

— Ребенок тонет!

Десятилетняя девочка, игравшая на волнорезе, поскользнулась и упала в бушующую воду. Анатолий подоспел первым. Подхватил девочку, подтолкнул ее, передал подбежавшим людям. Но уже нависла новая, яростная волна... Воин погиб, спасая ребенка. Он был отцом пятерых детей...

Сержант Ширяев и рядовой Мусаев, патрулируя в пригородном районе, увидели, как около строящейся высоковольтной линии начал быстро натягиваться провод, на котором повис мальчишка. Внизу глубокий овраг, на откосе — острые камни. Устанут ручонки, и ре-

бенок разобьется. Ничего им больше не оставалось, как прикрыть своими телами камни. Расчет оказался точным: малыш остался жив.

Так же стремительно бросился на помощь пятилетней Оле Мельченко политработник капитан Бегун. Девочка, случайно пролив керосин на одежду, побежала играть с подружками на окраину городка, где ребятишки развели костер. На девочке вспыхнуло платье, и она бросилась в лес. Капитан Бегун, проходивший мимо, с трудом поймал перепуганную девочку, сорвал горящую одежду, оказал первую помощь...

Воинов одного из подразделений подняли по тревоге поздней ночью: пришло известие, что ураган обрушился на лес, в котором размещался пионерский лагерь. Ветер бушевал с огромной силой, вырывая деревья. Лагерные постройки были разрушены. Ребятам угрожала смертельная опасность. Хлестал дождь. Шоферы включили фары, чтобы облегчить работу воинов. Все действовали дружно, согласованно, самоотверженно. Ни один ребенок не пострадал.

Не пострадала и внучка Екатерины Григорьевны Хачикян. Девчушка увлеклась игрой, выбежала на проезжую часть дороги и упала. Тут из-за поворота выскочила машина. Мимо проходил солдат. Он метнулся к девочке и выхватил ее чуть ли не из-под колес. Отдал внучку бабушке, а сам, прихрамывая — задело все-таки машиной,— пошел. Екатерина Григорьевна успела лишь крикнуть:

— Как вас зовут, товарищ?

Он ответил:

— Солдат.

...Молодой лейтенант сапер Василий Смоляной не был на фронте, но чуть ли не каждый день видит следы войны. На бывших полях сражений еще и сегодня находят мины, бомбы, снаряды. Опаснее всего они для детей — вездесущих, любознательных. В тот выходной день лейтенант Смоляной отдыхал в парке, когда к нему подошел мальчонка:

— Дяденька военный, а мы что-то нашли...

Неподалеку под деревом в тесном кружке склонились белые, черные, рыжие головенки. У одного из

ребят офицер увидел минный взрыватель. Скрывая волнение, Василий спокойно попросил: «Ну-ка, покажите, что вы тут нашли...» Но мальчишка только крепче зажал взрыватель в кулачке. Потом он хотел перехватить его другой рукой и нечаянно сорвал чеку. И в то же мгновение взрыватель оказался в руках у лейтенанта. Он успел лишь отвести руку от ребят — за спину... Раздался взрыв.

Родина высоко оценила подвиг офицера, наградив его орденом Красной Звезды.

В Военном совете округа вручали саперам боевые награды. Я подошел к одному из них — сержанту Чижикову:

— Расскажите, за что награда.

Карие глаза озорно блеснули:

— За березку. По настоятельной просьбе одной красавицы березку выручили.

— Вызвали нас срочно в один сельский двор,— рассказал сержант.— Вышел хозяин. И показывает на березку: «На бомбе стоит». Как же она туда попала, спрашиваем старика. А очень просто, отвечает. Во время войны шарахнула бомба сюда, аж домик подскочил. Хозяин думал — конец, а она не взорвалась. Ну, он в готовую яму и посадил березку. А она вот какой красавицей выросла. Жаль ее рубить, но прочитал о ваших делах и решил: такой гостинец под боком опасен. Пилите, ребята!

Мы уже взялись за пилу, но тут подошла к нам девчушка лет пяти и говорит: «Не надо пилить березку. Мне ее жалко. Мне и Марусе» — и протягивает куклу.

Пришлось нам подбираться к бомбе со стороны: рыть котлован, траншею. Старались не повредить ни одного корешка. Сколько грунта перекидали! А березку спасли...

На солдатскую любовь дети отвечают любовью. Командир роты гвардии старший лейтенант Березин иногда в выходной заходит в казарму с трехлетней Людочкой и Сашей, которому полтора года. И надо видеть, какая для них это радость! Детишки с готовностью протягивают ручонки навстречу солдатским рукам. Для солдата такие минуты — тоже праздник. Потом будут

марш-броски, учения, стрельбы... И где-то глубоко в душе воины будут осознавать и это: их меткий огонь по мишени преграждает путь огню по нашим детям; прокаляется солдат на морозе, чтобы тепло и уютно было детям; поднимает машина едкую пыль на танкодроме, чтобы не упала на землю смертоносная радиоактивная пыль; устремляется летчик в небо, чтобы чистым оно было, безоблачным и ясным...

Любовь солдата к детям... Замечательный полководец гражданской войны Ян Фабрициус погиб в авиационной катастрофе. А мог бы жить, выйди он из самолета, упавшего на воду, минутой раньше. Но на требование пилота покинуть самолет Фабрициус ответил:

— Первой выходит женщина с ребенком!

Таков и воин сегодняшнего дня. Любимый и любящий. Самые уважаемые вожатые в подшефных школах — солдаты. Они же самые дорогие гости в детских садах. Как-то в День Победы пригласили в детсад молодого офицера Сергея Толстого. Что же прихватить с собой, дать ребятам на память? Кто-то посоветовал: конечно, звездочки! Он рассказывал детворе об армии, о боевом самолете, на котором учился летать... А вечером, когда матери приходили за детьми, те разжимали кулачки и кричали:

— Мама, мама. Посмотри, что у меня!

На детских ладошках поблескивали серебристые пятиконечные звездочки.

Октябрь, 1978 г.

Виктор ВЕРСТАКОВ

ТРУДНЫЕ ПЕРЕВАЛЫ

Ночь, но восточная сторона неба мерцает белым дрожащим огнем. В это зарево поочередно врываются боевые вертолеты, пышут желтоватым пламенем реактивных снарядов, трещат курсовыми пулеметами, резко уходят вправо и вверх — в безопасную темноту. Вертолеты пытаются сделать то, что оказалось пока не под силу мотострелковой роте, с бойцами которой лежу в окопчике на вершине безымянной горы, подсчитывая гроздья осветительных ракет,— пытаются сбросить «противника» с перевала. Смотрим с надеждою и с обидой: хотели справиться сами, но бой в горах подчиняется особым законам.

Общепризнанная формулировка: СССР — страна полноводных медленных рек, бескрайних равнин и степей — в военном отношении требует уточнений. Страна-то равнинная, но ее сухопутная граница, кроме небольшого участка в Европе, прочерчена на картах по коричневому фону. В горах и сопках несут службу наши пограничники, в горах должны уметь сражаться и побеждать, защищать рубежи Родины от любого агрессора воины нашей армии.

Карта, которую увидел в кабинете начальника политуправления Краснознаменного Закавказского военного округа генерал-лейтенанта А. И. Ширинкина, зеленого равнинного цвета не имеет совсем: густо-коричневая, с голубыми пятнами Черного и Каспийского морей в верхних углах. Территория округа — горная.

С Алексеем Ивановичем знаком давно. Знаю, что немало лет до политработы прослужил он на строевых

должностях, что в войну чудом выжил после тяжелого ранения под Витебском, а до тяжелого имел еще два, знаю, что Закавказью посвятил без малого восемнадцать лет службы. И еще знаю, что не в характере Алексея Ивановича выпячивать достижения и умалчивать о проблемах:

— Горная подготовка войск округа за последние годы улучшилась, а все же считаю необходимым сказать: у некоторых наших командиров и политработников военное мышление остается «равнинным». Переучиваем, перевоспитываем, даже наказываем, потому что жизнь порой наказывала еще строже.

Да, история помнит жестокие примеры. В первую мировую войну все турецкие дивизии общей численностью двадцать тысяч человек во время марша из Косора на Саракамыш потеряли, еще не вступив в бой, шестнадцать тысяч солдат: они погибли в буран на крутых заснеженных склонах. Даже суворовским чудо-богатырям дорого давались легендарные горные переходы: в 1799 году из двадцатитысячной суворовской армии, вышедшей в швейцарский поход, свыше четырех тысяч бойцов навечно полегли на альпийских вершинах и перевалах. И все же гениальному полководцу, разработавшему, кстати, для своих войск «Правила войны в горах», удалось вывести армию из-под удара нанеся вчетверо больший урон противнику. За этот поход А. В. Суворову было присвоено звание генералиссимуса, воздвигнут памятник в Санкт-Петербурге, а Ф. Энгельс, спустя десятилетия, назвал высокогорный марш суворовских войск «самым выдающимся из всех совершенных до того времени альпийских переходов».

...После беседы в политуправлении еду с подполковником И. Ф. Стеряковым в один из горных учебных центров округа. Штурмуя очередной заснеженный поворот, наш «уазик» забуксовал, пошел юзом и вдруг начал крениться к обрыву. Не успев испугаться, почувствовал, что машина все-таки устояла. Водитель сгоряча хотел выпрыгнуть, посмотреть, глубоко ли завязли, но Стеряков не пустил:

— Сынок, не торопись. Ты выскочишь, а тебя придавит. Это, сынок, горы, здесь головой надо думать...

Встретил нас капитан Василий Голуб, кандидат в мастера спорта по альпинизму, старший инструктор — начальник горных тактических полей центра. Голуб служит в горном центре восьмой год, всякое видел, в разных переделках бывал. Как-то, спускаясь на веревке с девяностометровой стенки отрицательной крутизны, «отрицаловки», как здесь называют, один из обучаемых солдат неловко дернулся, ременное сиденье соскользнуло с бедер, сдавило грудь. Висит, машет руками и ногами, а дотянуться до схватившего намертво узла не может. Ситуация с виду смешная, а по сути — трагическая: через несколько минут, грудь-то сдавило, начнется отек легких. Голуб поспел на карниз, швырнул оттуда еще одну веревку, без всякой страховки скользнул по ней к неудачнику, отстегнул, распутал узлы и ремни — спас, короче говоря, человека.

— Высшим премудростям мы тут не учим, ведь на сборы приезжают самые обычные солдаты. Наша цель, чтобы они почувствовали горы, перестали бояться их,— говорил он.— А поначалу в горах и впрямь страшновато. Десантники из позапрошлой смены так и заявили: «Лучше с парашютом лишний раз прыгнуть, чем на вашу скалу лезть».

Десантники не преувеличивают, в этом я убедился, когда пошли с офицерами центра к замысловатым конструкциям горной полосы препятствий. Но сперва поднялись на смотровую площадку, и начальник штаба центра капитан В. Попов показал оттуда учебные точки и здешние достопримечательности: каменный кубик командного пункта на центральной горе, заснеженный серпантин автобронедрома, высотное стрельбище, затянутый облаками отдаленный участок скалолазанья, каньон, горную осыпь, поворот к переправе... Окрестности хотелось оглядывать бесконечно, поскольку полусотней метров ниже нашей площадки начальник горноспортивного комплекса прапорщик Валерий Жавороникин упорно перебрасывал через верхнюю перекладину высокой стальной трапеции тоненькую веревку. На этой учебной точке положено отрабатывать прыжок вниз на

«узле пожарника». Веревку Валерий перебрасывал для меня...

Но мои личные переживания пусть останутся личными. Лучше поделюсь обобщениями, которые могу сделать, поездив по гарнизонам и местам учебы войск округа. Когда-то на его территории функционировала единственная школа военного альпинизма и горнолыжного дела, а сейчас создана разветвленная сеть горных и высокогорных учебных центров, высотных стрельбищ и танкодромов. Помимо скалолазанья и преодоления препятствий мотострелки учатся переходить вброд коварные горные реки, переправляться через ущелья и каньоны по навесным мостам, веревкам и тросам, артиллеристы учатся вести огонь со склонов и вверх и вниз, танкисты — управлять многотонными машинами на подъемах и спусках предельной крутизны, на горбатых и многопролетных высотных мостах, стрелять при боковых кренах... Ряд частей и соединений округа уже имеют в своем составе хорошо обученные горному делу, по-особому экипированные мотострелковые подразделения.

Достижения несомненны, и тем неожиданней показалось начало разговора с первым заместителем командующего войсками округа генерал-лейтенантом М. М. Соцковым:

— Сегодня для победы в горах всего этого может и не хватить... Да, мы тренировали и будем тренировать мотострелков, но учитываем при этом, что без артиллерии, саперов, без организованной цепочки обеспечения даже профессионалы-альпинисты победу в горах еще не добудут. Вот почему решаем задачу сближения уровня горной подготовки всех войск с уровнем подготовки мотострелковых подразделений.

Спрашиваю, не дороговато ли будет тренировать всех до единого в горах? Да и физические возможности у людей разные.

— Бытует мнение, что для гор важнейшая подготовка — физическая. А мы вот пришли к выводу, что психологическая. Поясню примером. Недавно вывели еще не занимавшийся в горах батальон на высокогорный учебный центр. Все бы хорошо, но тут ночь, темнота — она в горах внезапно приходит, как падает. Не

высота подавляла людей, а темень, разобщенность мелких подразделений. Еще и снег повалил... Скажу по секрету: психологическую уравновешенность люди обрели намного позже, чем втянулись физически.

— Другой любопытный момент,— продолжает Соцков.— На зимних учениях пустили колонну колесных машин по узенькой дороге между обрывом и отвесной скалой. Доски с бортов отлетали — так водители к скале жались. Назавтра снова пустили колонну, только насыпали по кромке дороги низенький валик. Не удержит он машину, водители понимают, а едут спокойно, не жмутся. Мы это явление назвали психологическим валиком. Горы требуют анализа, мысли.

...С первого взгляда, с первого размышления горы просты: вытолкнула земля из недр огромные камни, потрескались они от холода и ветров, покрылись ледниками и снегом, замерли в многовековой неподвижности. Но есть у альпинистов термин «живой камень» — тот, который качается, за который нельзя браться. Живут, подтаивая и сползая, ледники, живет снег, готовый от малого толчка обрушиться грозной лавиной, живут осыпи и горные реки... И если человек хочет, чтобы горы ему помогали, он должен видеть их такими, какие они есть,— изменчивыми, живыми, должен соединиться с ними.

Майор В. Пасечный с горами «на ты». По долгу службы да и по увлечению альпинист, мастер спорта, Виталий поднимался на все примечательные вершины и все перевалы Главного Кавказского хребта. Он не скрывает трудностей, дорожит памятью минувшей войны.

— Ведь это же наши горы, они должны помогать нам, только нам! А стоишь на каком-нибудь едва проходимом перевале и волей-неволей думаешь: как же случилось, что и его отдавали фашистам?

Да, в войну горнострелковые части гитлеровских войск овладели важнейшими перевалами центральной и западной части Главного Кавказского хребта, потеснив наших бойцов на южные склоны. Казалось, вот-вот, и не на бумаге, а в реальности, сбудется вражеский план «Эдельвейс», останется страна без Кавказа, без нефти. Выручили мужество, беззаветные подвиги советских

воинов, и еще выручили чрезвычайные, спешные меры, предпринятые нашим командованием. Именно в те грозовые дни, когда враг вплотную подступил к Кавказу, приказано было возрождать и формировать заново горнострелковые и горно-вьючные отряды, закладывать вдоль ведущих к перевалам дорог базы снабжения. Вспомнили и об альпинистах, о проводниках, мобилизовали вьюковожатых. К счастью, Закавказье тех времен еще было богато вьючным транспортом — ишаками и лошадьми: без них обеспечивать в горах войска продовольствием и боеприпасами было бы невозможно.

Кстати, один из опытнейших офицеров управления боевой подготовки округа твердо убежден, что и сегодня «морально устаревшие» ишачки и лошади способны перенести в своих вьюках изрядную долю победной ноши горного боя:

— Пушка через гору не стрельнет, а на чем же ее в гору затащишь, если дорог нет? На вертолеты тоже надежда не стопроцентная. Не за старину ратую, не противопоставляю животных могучей сегодняшней технике — ратую за сбалансированное внимание к тому и другому!

...На просторном плацу замерли представители частей и подразделений мотострелковой дивизии, построенные на традиционный митинг в честь начала нового, зимнего периода обучения. Выступает командир, говорит коротко, только о главном:

— Важнейшей задачей ставлю подготовку к ведению активных боевых действий в горах днем и ночью, в любое время года с учетом использования противником любого вида оружия и техники.

Полыхает на фоне заснеженных окрестных вершин вскинутый на флагшток красный вымпел, скрыты шинельным сукном на груди полковника планки трех орденов: знаю, что Евгений Константинович заслужил их в горах.

Декабрь, 1982 г.

Нонна ОРЕШИНА

СОРОК ПЯТЬ СЕКУНД

2 августа 1979 года в «Правде» было опубликовано сообщение о подвиге военного летчика капитана Виктора Кубракова: принудительно катапультировав экипаж из аварийной машины, он сумел отвести ее за пределы раскинувшегося внизу поселка. Летчик погиб, но члены экипажа и жители поселка остались живы.

Сорок пять последних секунд жизни... Пять из них потребовалось для того, чтобы катапультировать экипаж, и двадцать три ушло на то, чтобы предотвратить беду, нависшую над поселком.

«...За мужество и самоотверженность, проявленные при выполнении воинского долга, наградить капитана Кубракова Виктора Владимировича...» — слова командующего авиацией Краснознаменного Черноморского флота звучат скупо и торжественно. Лишь последнее слово — «посмертно» он произносит глуше, понижая голос.

Лицо женщины, стоящей рядом с трибуной, отрешенно. Тонкая рука, принимая коробочку с орденом Красного Знамени, чуть вздрагивает.

— Высокая награда, которой удостоен мой муж...— звучит неестественно высокий от напряжения голос.— Передаю орден в музей Боевой славы части...— Сколько же силы в этой молодой, хрупкой женщине!

Чувствую, как спазмой перехватывает горло. Лица летчиков, шеренгами замерших на плацу, замкнуто строги. Черные шинели седы от измороси, резкий ветер полощет тяжелый шелк полкового знамени, рвет алые

галстуки пионеров, застывших в строю. На столе, покрытом кумачовой скатертью,— белоснежный защитный шлем — подарок командования части пионерской дружине, которой присвоено имя Виктора Кубракова, дружине той школы, на которую падал и все-таки не упал горящий самолет. С фотографии смотрит летчик — сосредоточенно сведенные брови, решительные складки красиво очерченных губ.

«Здесь он мало похож на себя»,— скажет мне позже Татьяна Николаевна и протянет другую фотографию мужа — густые, темные волосы, теплый, чуть застенчивый взгляд и губы, готовые раскрыться в доверчивой улыбке.

Трудно рассказать о человеке, которого никогда не видела, не разговаривала с ним. Еще труднее писать о летчике, с которым никогда не летала, не чувствовала в воздухе его манеры пилотирования — ее так чутко передает спаренное управление, особенности взлетов и посадок.

Как менялся его взгляд, когда он, надев защитный шлем и застегнув ларинги, шел к самолету? Какими движениями отщелкивал тумблеры, нажимал кнопки, переключатели перед запуском двигателя и на предварительном старте? Каким тоном говорил с экипажем в полете?.. Как понять его характер, поступки, его отношение к людям и те, последние, секунды конца его жизни и начала бессмертия?

«Он был обыкновенным, ничем не выделялся. Разве что прямолинейнее других, но в то же время молчалив и скромен. И понадобился случай, чтобы человек проявился во всей красоте своей и силе»,— сказал мне замполит части.

«Застенчив, исполнителен, в спорах сдержан и замечания всегда воспринимал спокойно»,— говорили почти все командиры и товарищи Кубракова.

А врач части отметил: «Тонкая, ранимая натура, очень впечатлителен».

«Виктор остро переживал неудачи. Несправедливость мучила его, выводила из равновесия. Он только со мной делился всем»,— вспоминала Татьяна Николаевна.

Как трудно подчас мы познаем человека...

Тот день был по-майски теплым и ласковым. Щедро искрилось под солнцем море, облака подтаявшими льдинами застыли над землей, отбрасывая на поля и виноградники призрачные тени. Залитая светом кабина самолета деловито поблескивала приборами.

«Влево первый-второй, крен тридцать»,— неторопливо командовал штурман старший лейтенант Перелевченко.

«Выполняют»,— откликался помощник командира корабля старший лейтенант Кузнецов, плавно заваливая штурвал. Кубраков молчал, привычно быстро скользил взглядом по шкалам приборов, телом ощущая, как послушен управлению мощный ракетоносец.

Экипаж — это не просто сумма людей, занятых хотя и нацеленным на полет, но каждый своим делом. Это — как пальцы одной руки, сжатые в кулак...

Уметь чувствовать работу каждого, зависеть от нее постоянно, улавливать по интонации голоса, по коротким, чаще стандартным фразам настроение, самочувствие, привычную сосредоточенность или усталость, понимать с полуслова, предугадывая действия,— это и есть слетанность, которая определяется не только количеством часов, проведенных совместно в небе, но и той психологической атмосферой, которую создает командир, доверяясь мастерству каждого и — отвечая за всех.

...Толчок неожиданный, резкий. Самолет вздернул нос — синевой плеснуло в кабину — и разом свалился на крыло, захлестывая остекление фонаря зелено-коричневой вязью земли с вкрапленными точками домов.

«Проверь неисправность...» — врезался в нарастающий треск и скрежет невозмутимый женский голос речевого информатора. Непривычно безволен стал штурвал...

«Держи высоту, держи!» — чувствуя, как забилась в нарастающей вибрации кабина и, затягиваясь в спираль, начал падать самолет, крикнул командир Кузнецову, еще не понимая непоправимости случившегося, еще надеясь спасти машину.

Краем глаза Кузнецов видел, как рука Кубракова метнулась к рычагу сектора газа двигателя, пытаясь перекрыть стоп-кран. Перегрузки сминали тело, вдавливали в сиденье. «Попытался дотянуться до приводов

катапультирования, но не хватило сил. Мелькнула мысль: конец... Когда меня все же выбросило из самолета, понял, что это принудительно катапультировал командир»,— рассказывал потом проверяющий штурман Каленихин.

«По ощущениям почувствовал, что перевернуло. Потом хлопок и гарь, обожгло руку, лицо. Потянулся к рукояткам катапультирования, в этот момент меня выбросило» — это строчки из рапорта Перелевченко.

Маленький, похожий на восклицательный знак, туго отщелкивающийся тумблер на левой панели... Кубраков сумел включить его. И вряд ли вспомнились в этот момент слова, сказанные несколько месяцев назад, когда, проводя тренаж в кабине, отрабатывали вынужденное покидание самолета:

«Если что — я катапультирую вас, ребята...»

Слова... Как много произносим мы их, порой необязательных, случайных. Но есть такие, цену которым определяет сама жизнь: приходит момент, и действием оборачивается то главное, что составляет натуру человека, что незаметно формировалось в ней с детства до зрелости.

Большая рабочая семья — семь братьев и сестер, работа слесаря-ремонтника на заводе и одновременно — школа. Потом — аэроклуб, строгая романтика полетов, первые проверки и познание себя. Итогом — высшее военное авиационное училище летчиков и выпускная характеристика: «Летать любит, летает смело, в полетах — спокоен, инициативен. В усложнившейся обстановке действует грамотно».

А несколькими годами позже, уже в аттестации командира корабля: «...летает по уровню первого класса. Несколько медлителен в принятии решения, но решения принимает всегда правильные».

«Его отличало удивительное умение слушать и ценить откровение товарища,— вспоминают друзья.— Мы звали его «дружище» — этим все сказано».

«Он очень любил дочь. И мне помогал по хозяйству, уверял, что нет работы женской или мужской, есть только легкая или трудная. А все трудное должен делать мужчина».

Ничто в человеке не бывает случайным, и это чуткое понимание, какое-то подсознательное ощущение другого человека, видимо, и составляло основу натуры Кубракова, заставляя его испытывать постоянное чувство заботы о том, кто рядом, и своей ответственности за него.

«У нас в поселке привыкли к самолетам, к гулу моторов над головой, но тут я сразу понял — случилась беда...»

«...В школе шли уроки... А самолет падал кругами, точно лист. Дым, пламя, обломки, грохот... Было страшно — как война».

«Я закрыл глаза руками: показалось, что самолет рухнет на пятиэтажные дома. А там у меня жена осталась, дети...» — это из рассказов жителей поселка.

Сорок пять секунд... Из них семнадцать ушло на попытку овладеть самолетом, понять происходящее. Пять — чтобы катапультировать экипаж.

Теперь надо только успеть перебросить отяжелевшие руки на бело-красную штриховку рукояток приводов катапультного кресла, нажать их... Но перегрузки незнакомо и грубо расплющивают тело, сгибают голову, плечи.

«Проверь выпуск шасси», «Проверь...» — бесстрастным женским голосом долбит уходящее сознание бесполезный сейчас информатор, отмечая неотвратимость снижения. А в месиве земли и неба, в калейдоскопе голубого и зеленого — светлые квадраты строений.

Сорок пять секунд — мгновение. А может, вся прожитая жизнь, каждое слово, поступок, мысль, убеждение — все проявившееся сейчас в единственно необходимом решении...

На карте местности, где произошла катастрофа, на фоне четко обозначенных линий шоссе, канала, улиц поселка вычерчена приблизительная траектория падения самолета — всего несколько витков. Последний логически завершается над зданием школы... Но неожиданно — резкий разворот в сторону и — черный взрыв кромсает полосу деревьев в полукилометре. То, что могло стать трагедией для сотен семей, обернулось горем одной...

«Самолет упал здесь, на лесополосу. Мы огородили это место,— директор плодопитомнического хозяйства бережно трогает якорную цепь, окольцевавшую обугленное дерево. Единственная ветка — как поднятая к небу рука. По углам квадрата — бетонные кольца, в них сложены небольшие куски металла, обломки.— Мы посадим здесь тополя...»

Вокруг площадки — покореженные, мертвые деревья. Но от их корней дерзко, наперекор всему пробивается сильная молодая поросль. И причесанные бороной поля окрест стелются ровно, опрятно — земля быстро затягивает раны. А в сердце человека навсегда остаются рубцы.

Поднимаю с земли осколок металла. Печальная память... Но надо постоянно видеть на рабочем столе этот тусклый кусочек дюраля и клочок обгоревшей карты из штурманского планшета: радужная патетика, которую ищут подчас в летном деле, должна слезать, как позолота со слитка нержавеющей стали, которой не требуется украшательство.

По настоятельной просьбе жителей похоронен Виктор Владимирович Кубраков рядом со школой. Перед обелиском разбита площадь, в которую вливается центральная улица поселка — улица его имени. Посвящение в пионеры, прием в комсомол, праздники урожая, все митинги и демонстрации теперь проводятся здесь.

Голубые ели, еще маленькие, совсем недавно посаженные, чутко стерегут тишину, на ухоженной могиле не увядают цветы. Их несут по утрам школьники и женщины после работы. Бережно кладут свои букеты невесты — свадебные кортежи останавливаются у обелиска, это становится потребностью, традицией. О летчике коммунисте Кубракове складываются песни, стихи...

«По инициативе тружеников района собраны большие средства для сооружения монумента. Сейчас мы ищем исполнителей — скульпторов, мастерскую,— говорит секретарь районного комитета партии. Добавляет задумчиво: — Надо, чтобы памятник был величествен и естествен, как то, что Кубраков совершил».

Январь, 1980 г.

Виктор ВЕРСТАКОВ

ВЕРТОЛЕТЧИКИ В НЕБЕ И НА ЗЕМЛЕ

В его жизни это повторялось тысячи раз. Пригнувшись, нырнул в кабину, привычно устроился в пилотском кресле, перевел взгляд на приборы, но тут его на несколько секунд отвлек звук за спиной — то ли борттехник поднимал лестницу, то ли просто машина качнулась и что-то в ней скрипнуло, такое в вертолетах еще бывает. Запросив «добро» на запуск двигателей, командир вертолета Ми-8 капитан Виталий Павлович Забиров вылетел в свой очередной полет...

Вертолеты в нашем небе появились сравнительно недавно: первые серийные машины Ми-1 заступили на службу в народном хозяйстве и в Вооруженных Силах страны в 1951 году.

Нелишне напомнить, что отечественные вертолеты, как и любая техника, способная нести вооружение и воинов, не замысливались, не конструировались и не планировались к применению как оружие агрессии. В Америке подошли к делу иначе. К середине второй мировой войны военно-морской флот США уже имел (правда, единственный) вертолет конструкции Сикорского, а в самом начале пятидесятых в ходе агрессивной войны в Корее американцам удавалось высаживать крупные вертолетные десанты за линию береговых укреплений.

Следующая война США — против Вьетнама, и вертолеты агрессора из транспортного средства превратились в оружие уничтожения. В небе Вьетнама их было уже много: к середине 1967 года — более двух тысяч.

Крылатая авиация впервые оказалась в тени винтовой: за восемь лет войны американские самолеты произвели около трех миллионов вылетов, вертолеты — в восемь раз больше!

Интересы защиты Советской страны и наших союзников потребовали создания в армии и на флоте вертолетной авиации, не уступающей ни качественно, ни количественно авиации любого возможного агрессора. Сегодня такая авиация у нас есть.

...Забиров повел свою машину уверенно, даже несколько расслабленно, что в общем-то не грешно профессионалу, для которого этот полет самый что ни на есть рядовой, перегонный: с аэродрома на аэродром без промежуточных заданий. Правда, когда начались горы, Виталий подобрался: ведь над горами и между гор летать много труднее — маневр ограничен, воздух разрежен, ландшафт внизу, как ни странно, кажется однообразней равнинного. Да, он был уже над горами, когда вспомнил короткую заминку перед взлетом, шум за спиной, отвлекший его от привычного осмотра приборов. Был уже над горами — это все, что могу сейчас знать о той ситуации и тех мыслях Забирова. Впрочем, и в других случаях небесные мысли вертолетчика, даже при непосредственном с ним соседстве в полете, узнаются журналистом (если вообще узнаются) только лишь на земле: шум двигателей общению не способствует. Хотя и на земле особо разговорчивых вертолетчиков я пока не встречал.

Впрочем, на неразговорчивости вертолетчиков не настаиваю. Но мгновенные перепады настроения наблюдал очень часто. В дальней авиации, где полеты длятся часами и десятками часов, да и в истребительной, где редко летают больше часа, настрой у людей постабильнее. И объяснение этому, если не мудрствовать, простое: среди авиаторов вертолетчики — самые близкие ко всему земному люди, и, во-вторых, в сегодняшнем небе им приходится порой нелегко.

В горы, где работала мотострелковая рота старшего лейтенанта Богданова, меня доставили вертолетчики. Поскольку утренняя позиция мотострелков проходила по крутому, немыслимому для посадки склону, за дело

взялся сам комэск майор Александр Прокудин — наследник должности, славы, а главное, мастерства служившего здесь Героя Советского Союза Вячеслава Гайнутдинова. Приземлились мы тогда на единственный относительно ровный пятачок...

— Встретимся ночью! — крикнул на прощание Прокудин.— Спите спокойно!

И вот лежу в мелком каменистом окопе уверенный, что встреча отложена, поскольку светящихся целей на земле пока нет.

Но вертолеты все-таки прилетели, порокотали над нашей вершиной моторами, отошли чуть южнее, и вдруг небо над ближней долиной начало разгораться гроздьями до синевы белых, медленно опускающихся огней. Самих вертолетов видно не было: они заходили на боевой курс до и поверх освещенной зоны, отрабатывали упражнение со стрельбой по освещенным теперь целям и резко уходили вверх. Десятки раз наблюдал стрельбу боевых вертолетов на больших и малых учениях, был в винтокрылых машинах, когда они выпускали залпом полные блоки НУРСов (неуправляемых реактивных снарядов) и выплескивали четырехструйный огонь из носового крупнокалиберного пулемета, изумленно ощупывал на земле сквозные дыры, прожженные снарядами вертолетчиков в мишенях, но никогда еще грозное могущество боевых вертолетов не ошеломляло меня так, как ошеломило в ту ночь. Над заревом света беззвучно вспыхивали длинные желтые огни, мгновенно мелькал и вновь становился небом силуэт вертолета, и лишь через несколько секунд, когда реактивные снаряды уже вонзались в долину, доносился грохочущий шелест их полета. Ну а пулеметы и бортовые автоматические гранатометы не умолкали в небе ни на секунду, их выстрелы были для нас, лежащих в окопах, чем-то вроде довеска к рокоту вертолетных движков.

— Хорошая штука «вертушка»,— помнится, сказал тогда лежавший по соседству Богданов.— Что хотят, то и делают...

И все же труд вертолетчиков лучше и глубже понимается не на земле, а в небе, в совместных полетах. Помню, как в начале восьмидесятых мне довелось

лететь в машине Виталия Забирова над тревожными, очень высокими горами, где можно было пробираться лишь по ущельям и где надо было, при любых обстоятельствах надо было работать. И экипаж Забирова работал, работали и те несколько офицеров, кто находился в салоне. А я отошел в хвост вертолета, к распахнутому кормовому иллюминатору и чувствовал себя до крайности неприкаянным, как, впрочем, чувствует себя любой журналист в гуще любой работы, в которой по тем или иным причинам участвовать не должен. Но имеет право и даже обязан видеть больше, чем сами участники. И в одну из минут я увидел во всех иллюминаторах и впереди, за стеклом кабины пилотов, только отвесные скалы. Неба не было, мы летели прямо в небытие. Честно говоря, хотелось кричать, предупредить, вразумить летчиков. Но вдруг вертолет умеет невозможное: мгновенно затормозить в воздухе и полететь назад? Вертолет невозможного не умел, техника вообще не умеет ничего невозможного — только люди. Рискуя опрокинуть машину, Забиров перевел ее на крутой набор высоты. Через десяток секунд вверху приоткрылась полоска неба, еще через несколько мгновений под колесами пронесся гребень горы, и мы очутились выше всех бед. Позже, на аэродроме, возбуждение работы переплавилось в возбуждение воспоминаний, но опять-таки в общем разговоре я не слышал голосов вертолетчиков. Забиров стоял в стороне и на все мои расспросы ответил одной фразой:

— Маленько увлекся.

Но, между прочим, примерно через год я узнал от общих знакомых, что Виталий не раз и не два вспоминал-таки и пересказывал тот полет.

Так что не молчаливостью единой отличен сегодняшний боец-вертолетчик. Молчание и некоторая напряженность — предчувствие или последствие испытаний.

«Здравствуйте, работники редакции! Пишу вам я, Оля. Дело в том, что я очень волнуюсь, так как вам ни разу не писала, а пишу по поводу моего, как бы вам объяснить, очень близкого друга, фамилию которого я увидела у вас в очерке. Он служил в армии, фамилия Давлеталин Касым Хамитович, летчик-штурман. Очень

мало о нем написано, а я хотела бы подробнее знать, как все случилось и как Касым выглядел».

Конечно, я ответил Ольге, как все случилось, но почему-то не решился сразу ответить, как выглядел Касым на своем последнем аэродроме. Дело в том, что он выглядел, как... вертолетчик перед работой. Другой фразы в голову просто не приходило, а такую в письме разъяснить трудно.

Пара «ми-восьмых» прилетела на маленький аэродром возле нашего горного лагеря в шесть утра. Десантники ждали их чуть позже, потому завтрака и зарядки для улетающих работать не было. Улетали немногие, поэтому мне предложили место в любом вертолете. Я выбрал первый, в котором летчиком-штурманом («праваком» на армейском жаргоне, то есть сидящим в правом кресле) летел Касым. В небе времени на знакомство не бывает, поэтому, дождавшись окончания делового разговора авиаторов и десанта, быстренько переписываю состав экипажа «под крылом», то бишь под лопастями. На фамилии и особенно на отчестве летчика-штурмана спотыкаюсь. Командир вертолета капитан Виктор Мокрецов беззлобно и все же чуть резковато шутит:

— Давно летает, но вообще-то иногда еще хамит.

Касым слабо улыбается и... не отшучивается. А меня внезапно пересаживают во второй, ведомый вертолет, и всего через десяток минут гляжу с неба на рухнувшую в узкое ущелье, искореженную машину Мокрецова, вспоминаю последнюю улыбку Касыма и обреченно жду, что упавший предельно заправленный вертолет сейчас вспыхнет, взорвется. Нет, не загорелся. В те считанные мгновения, которые судьба порой выделяет военному летчику, третий член экипажа борттехник Петр Боровков успел отключить двигатели. Топливо не загорелось. Десантники на борту остались живы.

...Как хочется назвать больше и больше фамилий, рассказать о будничных, то есть счастливых, полетах винтокрылых авиаторов! И воспеть технику — она у наших вертолетчиков, пожалуй, лучшая в мире. Или вспомнить подвиги, совершенные без потерь: их знаю много, и героизм пилотов там был столь же высокой пробы.

И вообще, вертолеты — это очень красиво и увлекательно. А порою и очень весело.

В одном из вертолетных полков Белорусского военного округа командир с гордостью показывал мне учебный корпус, но в очередном классе вдруг расстроился:

— Опять кота нарисовали! Ну совсем не умеют кота рисовать! Дети!

Вглядевшись в раскрашенный стенд, я и вправду распознал там изображение черного кота, одетого в летную форму. Оказывается, молодые офицеры-вертолетчики негласно избрали себе символ понеофициальней и время от времени подбрасывают его в самых неожиданных местах, разыгрывая начальство. А начальство в вертолетных частях само молодо и не прочь разыграться.

Однажды во время другого визита к другим вертолетчикам провел вечер в их сборно-щитовом общежитии на краю припустынного аэродрома, наслушался демонстративных сетований на восторженную наивность и техническую безграмотность пишущих об авиации журналистов и в отместку подверг осмеянию «символ» местной экзотики: пойманного прошлой ночью прямо на полу и засаженного теперь в бутыль скорпиона. Вертолетная молодежь разгневанно зашумела, что скорпион настоящий, матерый и пойман именно здесь, но командир эскадрильи вдруг меня поддержал:

— Журналист прав. Скорпион у нас не ахти, и это наша вина, товарищи. Видимо, что-то оставалось в бутылке, животное напилось и потеряло человеческий облик.

Жаль, что в ту эскадрилью я чуть запоздал: в ней служил парень, который сочинял и пел очень хорошие песни о вертолетчиках. Он был бортмехаником, но в песнях называл себя иначе: «я летаю бортстрелком на вертолете...»

А в полку, где молодежь рисовала кота, тоже, конечно, были серьезные встречи и исповеди. Довольно молодой правый летчик сказал мне наедине, что хотел бы уйти из армии, потому что у него двое детей, больная мать и сестра-студентка, а на гражданке с его специальностью в семью можно приносить куда как побольше.

Не противопоставляю военных и невоенных, тем более вертолетчиков — членов одного трудового небесного братства. Но считать защиту страны менее сложным и, простите, менее оплачиваемым делом, по-моему, еще слишком и слишком рано.

Да, не поднимется больше в небо молчаливый парень, воздушный боец, военный вертолетчик Виталий Забиров. Знаю, что его прерванный полет, дело его жизни продолжат тысячи новых героев. И все-таки, все-таки... Нелепая, роковая случайность? Стечение трагических обстоятельств? Пожалуй, второе. И среди обстоятельств было с виду не главное, но зависящее от всех нас, проживающих на отчей земле людей: мы дали вертолетчикам хорошую технику, отправили их летать — работать и защищать страну и, земные, вернулись только к земному. А в небе нужно обязательно знать, что тебя помнят и понимают, любят и ждут.

...В этом очерке сказано не все, что я знаю о последнем полете Виталия Павловича, кое-что поневоле упрощено, есть и домысленные мною детали. Поэтому в последний момент я решил чуть изменить фамилию героя очерка. Думаю, Виталий бы меня понял и простил: его любимым самоопределением было «Я — вертолетчик».

Март, 1984 г.

Николай ЧЕРКАШИН

ПРИЗОВАЯ АТАКА

На свадьбу к сыну Анатолий Алексеевич так и не смог поехать.

За окнами адмиральского кабинета метались ветки, усиливая ощущение беспокойства: шутка ли, на карту поставлена не только честь соединения, но и всего Тихоокеанского флота! Ведь стрельбы-то на приз Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР. В соперниках — и североморцы, и балтийцы, и черноморцы.

Был у контр-адмирала и еще один повод для волнений: проверялась не только выучка подводников — держал экзамен и весь его метод обучения командиров, успешно применявшийся на том флоте, где контр-адмирал служил до недавнего времени. Теперь предстояло утвердить свою школу и здесь, в далекой тихоокеанской базе.

Анатолий Алексеевич поставил себе непростую задачу: взять один из слабых корабельных боевых расчетов (КБР) и вывести его в призеры ВМФ.

Первую атаку капитана 2-го ранга Кийко на тренажере контр-адмирал оценил так:

— Не торпедная атака, а налет гуннов на водокачку!

В учетном журнале кабинета торпедной стрельбы в графе «Замечания проверяющих» написал: «Атака не эффективна. Командир производил поиск цели на завышенных скоростях. От торпед «противника» уклонялся нерешительно».

Через месяц напряженных тренировок КБР Кийко получил «удовлетворительно». И целый лист подробнейшего разбора недочетов.

Таких тренировок заведующий кабинетом торпедной стрельбы мичман Анатолий Николаевич Иванов не видел за все свои долгие годы службы. Адмирал приходил на тренажер сразу же после подъема флага и сам отбирал магнитофонные кассеты с вариантами торпедных атак. Потом прибывали корабельные боевые расчеты: командиры подлодок в свите ближайших при торпедной атаке помощников — старпомов, штурманов, гидроакустиков, торпедных электриков... Все рассаживались согласно боевому расписанию, вооружались номограммами, циркулями, планшетами, гидроакустики надевали наушники и вслушивались во вкрадчивый шепот винтов чужих кораблей. Здесь все было, как в море, то есть никто не знал, как поведет себя в следующую минуту цель; разве что приборные панели отражали настоящее солнце.

Анатолий Алексеевич подробно разбирал достоинства и недостатки каждой атаки, не чураясь при этом куска мела и классной доски.

Лодочные боевые расчеты быстро перекрывали месячные нормы тренировок.

Разноголосо жужжали и пели приборы, нагревались крышки решающих устройств, акустики выскакивали в перекуры из кабинета, растирая затекшие уши...

Анатолий Алексеевич собирал всех «стреляющих» офицеров в класс и читал им лекции. «В море надо ходить не доучиваться, а совершенствоваться»,— частенько повторял он. «Стреляющий адмирал» — называл его теперь про себя Иванов. Войдя во вкус, старый мичман, бывалый торпедный электрик, сам выбирал перед тренировками в своей обширной «шумотеке», где хранятся магнитные ленты различных атак, бобины с самыми невероятными записями.

Так сошлись два великих энтузиаста: контр-адмирал и мичман. Вместе порой подолгу обдумывали, как усложнить атаку, какой еще блок добавить в цепь стрельбы...

Тренажер, которым заведует Иванов, один из лучших на флоте и по содержанию, и по оснащению.

Листаю пухлый журнал тренажера. На предпоследних страницах — размашистый почерк адмирала, оценка учебной атаки корабельного боевого расчета Кийко:

«Маневрировал грамотно. Скрытность действий КБР — хорошая. Позиция стрельбы выбрана и занята своевременно. Ошибки минимальные. Главная цель поражена двумя торпедами. Отлично».

Спрашиваю, почему именно Кийко доверена призовая атака.

— По каким параметрам? — переспрашивает Анатолий Алексеевич и усмехается: — По глазам определил. Слушал меня на занятиях чуть-чуть внимательнее, чем остальные... А если серьезно, у этого командира торпедная хватка, он даровит и настойчив.

И вот ученик в море, а Анатолий Алексеевич меряет шагами кабинет, поглядывает в окно и ждет радиодонесения...

Капитан 2-го ранга Николай Кийко худощав, краснолиц и улыбчив. Улыбался Кийко и тогда, когда старпом доложил «гидрологию» — акустическую характеристику забортных глубин: глуше не бывает... Только улыбка эта была похожа на болезненную гримасу.

— Шум по всему горизонту! — сообщил малоприятную весть мичман А. Кокшаров.

— Акустик, дать главную цель!

— Есть!

Легко сказать «дать», легко ответить «есть», а как ее дать, эту главную цель, если она спрятана в многовымпельном ордере, если корабли одного класса, турбины у всех поют одинаково, да к тому же у всех работают гидролокаторы. На экранчике шумопеленгатора вместо четкой развертки — клубок зеленой кудели. В ушах — слитный хор гребных винтов. Акустик Кокшаров в эти секунды похож на жреца, переводящего оракула на язык смертных.

— Главную цель предполагаю в секторе...

— Скорость по оборотам? Контрольный замер — товсь! Ноль!

Подводная лодка жадно вбирала в гидрофоны шумовой шлейф кораблей, превращая хаос звуков в градусы пеленгов, углов, поворотов...

— Акустик, пеленг на ближайший корабль охранения!

Всего лишь на мгновение полыхнула среди помех зеленая молния развертки. Но Кокшаров — мастер! — успел взять пеленг. И тут экран погас, в наушниках полная тишина. По вводной посредника «сгорело» питание.

— Перейти на резервное...

Перешли. А что толку: цель потеряна. Кокшаров чуть не плакал: все равно что растянуться за метр до финишной ленты. Пеленги «плывут»... Ждет командир, ждут торпедисты, ждет вся лодка. Тщетно.

— Акустик! Пеленг на главную цель!

— Цель не прослушивается.

Мичман прижал наушники: неужели все, неужели уходит из рук главкомовский приз?..

Вдруг в координатном перекрестье возник и задрожал заветный эллипс. Главная цель заработала гидролокатором!

— Центральный! Пеленг на главную цель...

Теперь все зависело от командира, от Кийко. Из-за скверной «гидрологии», из-за «отказа» питания пришлось подойти к цели слишком близко: даже не на «пистолетный выстрел», как говорят подводники, а на «дистанцию кинжального удара». На все про все остались мгновения. Вот когда сказались исступленные — по-другому и не назовешь! — тренировки в кабинете. Щелочками сузились глаза, прикушены губы.

— Третий, четвертый торпедные аппараты — пли!

И победный доклад акустика:

— Пеленги на торпеды и главную цель — совпадают!

Капитан 2-го ранга Кийко потом признавался: «Этот зигзаг у меня до сих пор перед глазами». И слабая улыбка играла на губах.

Призовая комиссия установила: обе торпеды попали в цель. Залп — образцовый.

Получив долгожданное радио: «Атакована главная цель. Предварительная оценка «отлично», Анатолий Алексеевич вызвал матроса-умельца и передал ему три коробочки с наручными часами. Матрос помчался гравировать дарственные надписи: «Капитану 2-го ранга Н. Кийко...», «Мичману А. Иванову...», «Мичману А. Кокшарову...»

Всего за несколько месяцев после прихода контр-адмирала соединение подводных лодок завоевало звание лучшего в Военно-Морском Флоте по торпедной подготовке. Школа Анатолия Алексеевича... Ее прошли десятки командиров и старпомов.

Моряк в третьем поколении, давший флоту и сына-моряка, Анатолий Алексеевич не только «стреляющий адмирал», но и плавающий. Однажды в высокоширотном походе, стоя на мостике, он обледенел так, что в шахту рубочных люков его спустили, как ледяное изваяние. А переход на плавмастерской через штормовую Атлантику, когда он семь суток не покидал ходовую рубку...

Двадцать один год прослужил Анатолий Алексеевич в Заполярье. Он присматривал уже квартиру в Ленинграде, но пришел приказ сменить место службы, и человек не первой молодости с лейтенантской легкостью собрал чемоданы и двинулся через всю Россию — с Крайнего Севера на Дальний Восток.

В наградных планках у контр-адмирала нет черно-оранжевой ленточки «За победу над Германией». Он из поколения мальчишек блокадного Ленинграда. Но огненным знаком войны он отмечен: на кровать восьмилетнему Анатолию упала в ноги зажигательная бомба.

Мне не приходилось выбирать героя для этого очерка. Анатолий Алексеевич первый мой флотский командир, и я сдавал ему когда-то зачеты по торпедному орудию. Случалось — краснел, случалось — радовался скупым баллам.

Не раз и не два выходил он на нашей лодке в море. Вдруг вспомнилось: обед в кают-компании — семь лейтенантов и Анатолий Алексеевич, тогда — капитан 1-го ранга. Поясняя что-то из тактики подводных лодок, каперанг раскладывал на столе сливовые косточки: «Где место командира в бою?» Сам того не замечая, он был похож на Чапаева.

Апрель, 1982 г.

Петр СТУДЕНИКИН

ЧАСОВЫЕ АРКТИКИ

Арктика пробуждалась от полярной ночи: на стойбищах оленеводов, на полярных станциях и пограничных заставах отпраздновали «хейро» — первое появление на горизонте солнца; первая капель увлажнила гранит скал... А еще совсем недавно на плацу пограничного отряда звучала неуставная команда: «Носы и уши потереть!» — спирт в термометре стойко держался за отметкой —40°.

...Самолет словно завис над белыми снегами с ледяными пятнами замерзших озер, темными полыньями, трещинами, разводьями, торосами, простирающимися на многие сотни километров. Как описать этот полет над кромкой Ледовитого океана? Луна сменяла солнце, и вновь из-за полюса выкатывался холодный малиновый шар, а мы все летели над белой пустыней. Кратковременные посадки словно «отстукивали» часовые пояса. В памяти запечатлелось: цветная паутина аэродромных огней, столбы крутящихся снежинок в лучах фар и — вместо приветствия у трапа — доклады: «Без происшествий!» А потом — бег вездеходов в тундре вдоль пунктирной строчки из черных бочек, который неожиданно обрывался у ворот с алой звездой, вооруженным часовым и бьющимся на ветру красным флагом над заставой.

Но это только кажется, что Арктика — белая пустыня.

Мой спутник Владимир Ильич Седых влюблен в Север. Пограничник с 42-го, служил на Дальнем Востоке, Памире, Тянь-Шане, Кавказе, на западной границе... Двух сыновей-офицеров вырастил: старший, Владимир,—

автомобилист, младший, Александр,— начальник заставы. Про холодную Арктику рассказывает по-мальчишески восторженно: «Солнце огромное, чуть ли не над головой, а торосы — серебряные дворцы. Ну, и масштабы, конечно!»

Владимир Ильич улыбается:

— Друзья-южане подначивают при встрече: «Тебе, мол, проще — границу охраняют генералы Полярная Ночь, Пурга, Безлюдье, Мороз, Тундра, Гнус, Бескрайний Простор... Какой нарушитель рискнет?» Но в том-то и дело, что рискуют. Да еще как!

По-военному строг и точен язык исторического формуляра, в котором спрессована жизнь арктических застав:

«Отряд осуществлял пограничный контроль по береговой линии, воздушной и морской. За последние пять лет зафиксировано свыше тысячи разведывательных полетов иностранных самолетов... Оперативная обстановка характеризовалась дальнейшим ростом заинтересованности стран НАТО в получении сведений военного и экономического характера...»

Когда командир атомной подводной лодки ВМС США «Наутилус» Уильям Андерсон радировал о том, что лодка достигла подо льдом Северного полюса, сенатор Л. Джонсон, будущий президент, заявил: «Наши мужественные моряки доказали, что обеспечение безопасности каждого американского очага начинается во льдах Арктики». Уже многие годы перископы субмарин, фотообъективы и радары самолетов-разведчиков и воздушных шаров НАТО постоянно прощупывают советские арктические берега.

...На побережье Ледовитого океана стоят пограничные посты и заставы. Каждая застава — отдельный гарнизон; полярная застава — гарнизон необычный. Здесь не увидишь привычной вышки на дворе, вольера со служебными собаками, следопытского городка и еще много другого, что присуще внешнему виду «материковой родственницы».

ППЗ, как профессионально называют полярную пограничную заставу, это — автономный жилой и служебный комплекс из алюминия. Помещения для личного

состава, офицерские квартиры, баня, гараж, дизельная, спортзал, прачечная, столовая, кухня — все это под одной крышей. Материковое понятие «застава — одна семья» материализовалось и приобрело свое однозначное определение — «семья». И, как в любой семье, тут, случается, детишки игрушку не поделят, жены поссорятся — долгая полярная ночь тоже вносит свои поправки в человеческие взаимоотношения...

Но истинную нравственную атмосферу создает ритм пограничной службы — он здесь столь же строг и непреклонен, как и на материке: поднятый ровно в 20.00 по московскому времени алый флаг над заставами возвещает о наступлении очередных пограничных суток.

— Главное для нас,— говорит начальник политотдела отряда,— в ненормальных условиях создать нормальную жизнь. Чтобы все — и служба, и быт — было как на материке. Помните? Если твои замыслы рассчитаны на год — сей зерно; на десять лет — сажай дерево; на сто — учи людей. Посеяв зерно — уберешь урожай в этом же году; посадив дерево — через десять лет дождешься плодов; обучив людей — будешь пожинать плоды всю жизнь. Мы сюда прибыли надолго...

Торжественно, как всегда, звучат слова приказа на боевом расчете: «Выступить на охрану Государственной границы СССР». Из звездных ворот уходят в белую мглу, как в море, гусеничные вездеходы. Мы провожали их с шестилетним Сережей Ковалевым — сыном начальника заставы капитана В. Ковалева. Сережа родился в Термезе, два года назад приехал с родителями сюда. Первое время боялся полярной ночи: «Папа, поедем лучше в Кушку». Сейчас привык: «Жить можно, была бы сгущенка». Сережа помахал вслед вездеходам рукой, и я заметил в его глазах недетскую тревогу.

Эту историю рассказал старшина заставы:

— Ночью я вернулся из отпуска, а утром меня, Сашу Румянцева и Володю Васильева забросили на шесть дней в тундру. Вскоре вопреки безоблачному прогнозу в тундре закрутило по-черному. Полтора месяца нас искали, но попробуйте найти в темной комнате черную кошку.

Нам повезло: вышли мы на старый рудник. Подлатали бало́к — получился дом, смастерили «буржуйку»: на улице мороз, а у нас — «Ташкент». Кончились продукты, но мы в полуразрушенной штольне отыскали мешок сухофруктов. Ночь, пурга, волки... Но ребята хорошо держались. Каждый день воротнички свежие подшивали, два раза даже банькой побаловались. Потом фортуна от нас отвернулась: случился пожар, дом сгорел, успели спасти только ватники.

Тогда я понял, что такое отчаяние. Нас убивали голод, мороз и полярная ночь. Но еще страшнее были галлюцинации — цветущий ромашковый луг, теплая радуга павлиньих хвостов в пальмовой роще... Покорись этим видениям, и... В поисках пристанища метр за метром прощупали мы рудник. И все-таки нашли разбитую будку, отремонтировали ее, даже печку устроили. Здесь нас и отыскали на 48-е сутки...

С тех пор Сережа Ковалев, если не спит, провожает вездеходы, уходящие в тундру.

...В кабинете начальника заставы во всю стену — карта охраняемого района. Звездами и квадратами, как наносятся столицы республик и государств, обозначены: изба Ивана Горохова, изба «Яр», стойбище Ивана Тимофеева и далее — названия метеорологических постов, охотничьих и рыболовецких бригад, геологоразведочных партий, радио- и телевизионных станций... Над картой — надпись: «На государственной границе — государственный порядок!»

В Арктике пограничным постом является каждая яранга, каждое судно, каждый самолет; пограничником — каждый советский человек, оказавшийся там. Застава — как сердце: незримые каналы связи кровеносными сосудами пронзили огромные просторы. Появится где чужой — судно или человек,— и поднимется в воздух самолет или вертолет, выйдет в море быстроходный корабль, умчатся в тундру вездеходы.

Святая святых заставы — радиостанция. Навстречу нам поднялся невысокий, с косым разрезом глаз крепыш: «Ефрейтор Сергей Борисов». Бывший рабочий молочно-товарной фермы из Якутии, он здесь «бог эфира». «Какие новости на границе?» Получив разрешающий

кивок начальника отряда, с достоинством осведомленного человека докладывает: «На границе — без происшествий! У пастуха-оленевода Ивана Тимофеева в 4.00 дочь родилась; в поселке гости объявились — белые медведи...»

— А с Москвой можно поговорить?

— Пожалуйста. Назовите номер телефона!

Вьюжит тундра белой метелью. Третий час вездеходы с группой пограничников, лавируя среди сопок и снегов, пробиваются строго на норд — в район «приземления» нарушителя. Не знаю, догадываются ли ребята, что и тревога, и нарушитель — учебные. Видимо, догадываются, но хорошо понимают, как нелегко отыскать человека в этом белом безмолвии. И думают сейчас, наверное, об одном: «Хорошо бы метель не обернулась пургой...»

В кабине вездехода не очень удобно, но тепло. Механик-водитель Игорь Дихтяр смело бросает машину с крутых сопок.

— Служба одна — и в Батуми и на Ледовитом,— продолжает он наш разговор.— Морозы, конечно, у нас и под 60 градусов бывают. Ветры, ураганы. Школы закрываются, предприятия не работают, а застава службу несет — для пограничника актированных дней нет. Летом — гнус...

Затяжной обледенелый подъем надолго прерывает наш разговор. Преодолев очередную сопку, Игорь веселеет: «А служится все-таки здесь хорошо. Ни на Сочи, ни на Батуми не променяю. Арктика, она и обыкновенных людей делает необыкновенными. Честное слово! Начальник заставы капитан Мельниченко — донбасский шахтер. Подводник. На севере плавал. Мы его «батей» зовем. По заслугам. Сержант Виктор Прусс — «батин» земляк, с ним в тундру спокойно уходишь. Ну, и другие ребята тоже... Есть у нас на заставе свои моряки. Зимой, а она здесь 9 месяцев, «плаваем» на моем «линкоре» — вездеходе по тундре, летом — они на катере, я — на вездеходе. Десять тысяч километров «наплавал»...

На другой день за тысячу с лишним километров от тех мест, где Игорь Дихтяр вспарывал на своем «линкоре» снежную целину тундры, летели мы с майором Л. Масловым и рядовым И. Ушаковым на остров Вран-

геля. Задание необычное — считать овцебыков, завезенных сюда несколько лет назад для проведения совместного советско-американского эксперимента (и подобную работу приходится выполнять пограничникам).

Пролив Лонга — хранитель тайн гибели многих первопроходцев — блистал торосами, темнел обширными полыньями и разводьями. Далеко впереди взгляду открывалась гряда снежных вершин. Впервые этот остров, названный впоследствии именем русского первопроходца Ф. П. Врангеля, нанес на карту приказчик Анадырского острога Иван Львов в 1714 году. А права России на него официально были закреплены 18 (30) марта 1867 года в договоре о продаже Аляски Соединенным Штатам Америки. Однако в 1921 году отряд под командованием А. Кроуфорда поднял над островом британский флаг. 20 августа 1924 года экипаж канонерской лодки «Красный Октябрь» под командованием Бориса Владимировича Давыдова арестовал непрошеных гостей, и в бухте Роджерса на высокой мачте был поднят советский флаг.

Подлетая к бухте Роджерса, мы еще издали увидели алый стяг.

...Скоро в Арктику придет весна, пограничники сбросят меховые доспехи и обрядятся в накомарники. И забудутся, наверное, треволнения полярной ночи, потому что для них начнется горячая арктическая страда. А я еще долго буду помнить бессонные ночи, когда подчиненные начальника заставы капитана О. Подгорного спасали в пургу братьев-рыбаков Исаевых... Не забудутся и ураганы, и вой волков, окруживших пограничный пост, и словно заледенелые фигуры часовых Арктики.

Март, 1979 г.

Виктор БЕЛОУСОВ

ЩИ ЕФРЕЙТОРСКИЕ

Смотрит с карточки — стриженый, непривычный. Летом ворот обычно нараспашку. А тут застегнут до последней пуговки. Уши почему-то большие. Похудел? Еще и еще вглядывается мать в фотографию и вздыхает. Поди, все там бегом, с утра до ночи. Где поест, где так...

Слышал бы те вздохи фельдшер, посмеялся бы. Перед ним — стопка медицинских книжек. Тех парней, что уедут нынче из гарнизона, как и он сам. Первые записи совпадают с первой солдатской баней. Последние — совсем свежие: рост, вес, объем груди... И говорят они, что грудь у солдата раздалась, кость крепче стала — и не курорт тут, а килограммы набежали. В среднем по шесть кило на брата.

Правда, случается, теряют вес: «Ефрейтор Кучеренко Иван... село Новониколаевка...» Этот потерял. Как раз те шесть. Но у него и одежда рабочая отличается от других. Вместо гимнастерки — белая куртка, вместо пилотки — белая лодочка-плоскодонка. Ефрейтор Иван Кучеренко — повар.

Меньше всего думал совхозный тракторист попасть к котлу. Водителем бы стать — це дило! Но построили их, стриженых. Подошел незнакомый капитан:

— «Теркина» читали? Припомните, кому он особый привет из госпиталя слал? Не вспомнили?

Пришлось капитану цитировать:

Ну и повару привет
От меня двукратный...

Лишь тогда спросил, кто хотел бы послужить поваром? Долго ждать пришлось. Подталкивали юноши друг друга, переминались: повар? А начпрод капитан

Голиков знал: покорми людей недоваренными макаронами, киселем в комках — и пропало настроение, не та боевая работа пойдет. Тут нужен доброволец, чтобы после поварских курсов не просто отбывал свои «щи да кашу», а трудился с огоньком.

Иван Кучеренко не то чтобы осознал важность предлагаемого поста, скорее сердцем внял словам капитана. Офицер сказал, что еще недавно сам батарейцем был, а теперь вот квашеной капустой заниматься приходится. Не всем ведь у ракетных кнопок дежурить...

И решился Кучеренко. Мать, узнав, какой вояка из Ивана будет, подумала: не шибко это по душе сыну. Утешала в письме: «Это тебе в жизни пригодится!»

Выучился солдат. Побежали дни меж котлов, столов разделочных и «амбразуры», куда подаются дымящиеся бачки. Тут и растерял килограммы парубок. Поначалу тревоги одолевали: вдруг ошибется, не хватит всем? А то в тарелке осталось у кого-то. Шеф-повар объясняет: жара, аппетит спадает. А ему, Ивану, недоеденная тарелка — укор: может, невкусно? Опять маневр ищи: как из тех же продуктов лучше сделать? Можно просто порубить мясо. Можно прежде подумать. Там хлопцы с Осетии сядут — жирное мясо не идет у них. А там земляки, днепропетровские,— они с сальцем любят. Значит одни бачки постнее делай, другие пожирней. Или вовсе пустяк — компот... А не прозевай час: чтоб успел натомиться и не перестоять.

Там накатит капусту солить. Земляные хлопоты пойдут. Капитан теплицу развернул. Чтоб и среди зимы зеленый лучок на солдатский стол попадал. Сейчас огурцы подоспели. Свои! Добрые груши обещает сад. Командир хозвзвода готов поспорить, что груши бывают реже на столах в санаториях крымских, чем у них, в солдатской столовой.

Однако за всем уход нужен. С одной рассадой помидорной мороки сколько. Так кто ты, солдат или огородник? Не задает себе таких вопросов Кучеренко. В армии, как и в жизни, не всем первый ряд, не всем главное дело. Только главное без твоего споткнуться может.

Конечно, солдату пристало уметь метко стрелять из автомата. Но вот в казарме под койкой — тапочки.

Хорошо. Однако мало хорошего, если загрузить таким заказом обувные фабрики. Да и зачем вводить в лишний расход государство? Тапочки можно сшить в войсковой мастерской из кирзы и списанных гимнастерок. Значит, солдат должен уметь строчить не только из автомата, но и на швейной машинке. И строчит. И хлеб режет, баню топит. Кто не вышучивал поваров? А пришел час, и записала история, как боец победно вздымал над руинами автомат, а рядом на дымящихся после только что завершившегося боя берлинских улицах другой солдат — с черпаком, и цепочка людей возле него, настороженных, надеющихся — немецких стариков, женщин, детей.

Нет, не сетует Иван Кучеренко на судьбу. Но вдруг тихо замечает:

— А у мамы борщ лучше.

Потом меряет взглядом котлы и усмехается. Мама-то ложкой мешает в чугунке, а он — словно веслом. Такая уж семейка!

Первыми в столовой появляются новобранцы. Вот кто еще не отвык от материнских борщей! Интересно, как им показался первый солдатский обед?

— Нормально!

— А сегодня что?

— Щи ефрейторские!

Смех. Уже успели окрестить. Поглядывает Кучеренко в «амбразуру»: пустехонькие бачки несут, миски до дна опорожнены. Проголодались? Но замечает глаз: поднялись солдаты, а хлеб остается. Добрый, свежий. Вот и оценка обеду. Только врач, пробу снимая, как бы ненароком обронил: «А Хилькевич сегодня зелеными щами кормит».

Так всегда. Добрый обед сготовишь, а все же у Хилькевича еще добрее. Хилькевич и без белого облачения похож на повара с картинки в детской книжке. Трудно с ним тягаться. Еще с войны солдат. Разорила война его гнездо в Белоруссии, и остался в армии. Только винтовку поменял на ножи кухонные. Поваром Хилькевич на первой линии.

Солдатам, которых он кормит, большое дело доверено. Вадим Иванович Хилькевич их больше за столами видит. Мальчишечки вроде. А побывал у них в насторо-

женной полутьме: с командирами плечо в плечо сидят. Каждый с экраном слит.

Смотрит старый солдат: зеленое окошечко с крестовиной, зеленая метель за окошком. Ничего больше на экране. А они видят: «Цель в зоне пуска»... «Первую двумя, вторую одним»... «Пуск!» Где же те мальчишки?!

Выбрался тихонько Вадим Иванович на волю. Постоял под пологом маскировочной сети. Вот, оказывается, что умеют делать его сынки! Пришли в тот день они на обед. А на каждом столе — колокольчики в солдатской кружке. Так и повелись тут цветы. За окнами жара, а в уютной столовой прохлада. Не от белых ли фонтанчиков ландышей?

Хороши ландыши, а все же витаминов не заменят. По весне человеку витамин нужен. Потому и лежит в ящике у входа в столовую морковка — только наклонись. Приберег Вадим Иванович на эту пору. Осенью в совхозе дали. Сверх нормы: какая, прапорщик, накладная! Не обижать же людей — взял. С войны знает это особое народное чувство к армии.

Не остались в долгу ракетчики. Весной на посев передали часть своей «военной» картошки. В совхозе удивлялись: «Где вы ее храните? У хорошей хозяйки сейчас такой не найти». Посмеялся повар: «Что с того, что весна, разве можно солдата дряблой бульбой кормить?»

С бульбой у него сегодня налим. А будущие студни и котлеты пока похрюкивают в траве. Густа она там, неподалеку от позиции. Пропадать такой — будет не по-хозяйски. И растут близ лопушистых локаторов поросята и бычки. Тоже забота. Зато будет и в котел, и государству продать. А на деньги те побаловать сынков: лимонад, печенье выставить на солдатский стол.

А уведут парней учения в иные места — по неостывшему следу уже катит походная кухня. Побулькивает в котле. Минутная остановка, помешать, соли кинуть — и дальше.

Спрыгнет повар. Подставляй тарелки. Может, только капелек у него на лбу побольше, чем у других, появится. Да и кто их считает в армии? Было бы солдатское дело сделано на совесть, добротно...

Июнь, 1973 г.

Дмитрий ЗАРАПИН

В РАЙОНЕ КАМЕННЫХ ЛОСЕЙ

Прежде всего хотелось побывать в первой роте, и накануне сообщили по телефону, что она дома, в училище. Но в полночь курсанты поднялись по тревоге, вскочили на ревущие бронетранспортеры, спешным порядком двинулись к подмосковной деревне К., возле которой высадился десант «противника».

— Журналисту еще интереснее,— успокоил меня начальник политотдела.— Посмотрите наших питомцев в деле, на учениях. Вы сможете их перехватить на тридцать восьмом километре шоссе, у лесной просеки, в районе лосей... Каменных, разумеется.

Езда предстояла кружная, снежная, и мы со старшим лейтенантом Николаем Перекальским тут же отправились в путь. Старший лейтенант — человек молодой, нрава веселого. Совсем недавно был курсантом, потом командовал взводом, а нынче — в хлопотливой должности помощника начальника политотдела по комсомольской работе и, конечно, в курсе всех училищных забот и событий.

Молодой офицер называет училище вторым родным домом, почитая за первый Тамбовское суворовское, куда был отдан одиннадцатилетним мальцом,— отец не вернулся с войны, а мать погибла во время грозы, спасая колхозный урожай. Выходит, что оба мы из-под Тамбова, и беседа потекла еще свободнее. Земляки все же! Офицер рассказал, что происходит из Осинового Гая, где родилась Зоя Космодемьянская, и что в память о ней на сельской улице установлен монумент.

Потом, когда была отдана дань землячеству, мы заговорили об училище, биографию которого Перекальский знает не хуже собственной. Впрочем, мне она тоже знакома, я не раз писал о многих его питомцах, однако слушаю земляка с интересом, будто заново перечитываю полюбившуюся книгу.

Московское высшее общевойсковое командное ордена Ленина Краснознаменное училище имени Верховного Совета РСФСР — такое у него гордое название! — широко известно в стране. И все же радостно напомнить, что создана эта старейшая кузница советского офицерства по указанию Владимира Ильича Ленина, поведя свою родословную от первых пулеметных курсов, организованных 21 декабря 1917 года. Молодые пулеметчики охраняли Советское правительство, несли почетную вахту у кабинета и квартиры Владимира Ильича, работали с ним рядом на коммунистическом субботнике по очистке кремлевского двора. Курсанты жили и учились в Кремле. Ильич бывал гостем у них в казарме, принимал на плацу парады, беседовал о житье-бытье, рассказывал о внутреннем и международном положении молодой Советской республики. Выражая любовь к вождю, кремлевцы избрали его почетным курсантом первой роты, той самой, с которой предстоит нам встреча у каменных лосей.

Начполитотдела не ошибся, порекомендовав стать у просеки, напротив скульптуры лесных красавцев. Больше тут машинам появиться неоткуда: по обочинам шумит густой еловый лес. Именно по узкому лесному коридору, неизвестно кем и когда прорубленному, в назначенный срок вышли бронетранспортеры. Курсанты, слегка потеснившись, приняли нас на «броники» — так ласково они называют свои стальные вездеходы — и первым проселком направились в сторону деревни К.

Моим соседом оказался командир первого отделения Александр Кондратьев. На обожженном стужей лице сержанта читалась озабоченность. В предрассветной тьме взвод наскочил на боевое охранение «противника», и в короткой схватке «выбыл из строя» взводный. Командование перешло к сержанту, и ему вести в атаку не отделение, а целый взвод. Подумать есть над чем!

Сосредоточенность нового взводного передалась бойцам. Хорошо бы порасспросить Кондратьева, откуда, мол,— другого случая может и не представиться,— однако нарушить серьезность момента не осмеливаюсь, молчаливо разглядываю прижатые к груди автоматы. Они не те, что запомнились с войны,— куда мощней и скорострельней.

Авторитетное оружие!

Сам ли сержант придумал такое определение или, возможно, слышал от старших, только сказано метко. Авторитет советского оружия непререкаем, он не раз охлаждал не в меру пылкие головы, мечтавшие о легких победах...

К деревне подошли скрытно, со стороны леска, мелким кустарником сбегающего в лощину. «Броники» опустели за несколько секунд. Первый взвод по сигналу ракеты грозной цепью пошел на «противника» с правого фланга. Слева наступал второй взвод. Картина впечатляющая. Заговорили автоматные очереди, внушительно клекотали гранатометы, реально стлался по белоснежью поля чад дымовых завес, особенно убедительно прогремело на морозе раскатистое «ура!».

И все, что происходило тут, на снежном поле, очень напоминало декабрь сорок первого, когда под пулями курсантов навечно падали фашистские захватчики, угрожавшие столице. Тогда курсантский полк во главе с полковником Младенцевым стоял насмерть на Волоколамском шоссе, бок о бок с бесстрашными панфиловцами.

Эту страницу истории напомнил сержант Кондратьев. Он оказался не так уж скуп на слова, как подумалось вначале. Умело выиграв со взводом бой, он вернулся к привычным обязанностям отделенного. И командир, и его подчиненные заметно приустали, но полны бодрого азарта, обрадованы похвалой старшего офицера. Мне они тоже показались молодцами, и Кондратьев с нескрываемой гордостью ответил, что другого ожидать нельзя от воспитанников училища, где почетным курсантом был Владимир Ильич.

На следующий день я снова приехал в училище. Увидел Кондратьева и его друзей в классе. Сержант как

раз стоял у доски, вычерчивая замысловатую кривую распределения сил взрывных газов в стволе того самого «авторитетного оружия», которым столь решительно действовал в районе каменных лосей. По лицу преподавателя можно было понять — недавний суворовец вполне владеет предметом.

— Теперь без аттестата зрелости у нас и не показывайся! — говорит земляк Перекальский.— Не примут в училище и без серьезного экзамена по иностранному языку. Больше того, не примут без спортивного разряда — офицер не только знаток военного дела, но и закаленный физически человек.

Об образовательном цензе земляк мой вспомнил потому, что на кремлевские пулеметные курсы в былые времена принимали «детей рабочих и крестьян, умеющих читать, писать, знающих четыре действия арифметики». Ну а о необходимости физической подготовки будущего командира он рассказывал, когда мы очутились на стадионе, где наблюдали захватывающую игру хоккеистов. В спортивных залах сражались любители ручного мяча, а на коврах и матах бросали друг друга через себя те, кто отрабатывал приемы самообороны при неожиданном нападении. Залитый светом бассейн — краса и гордость всего спортивного комплекса — порадовал прыжками с вышки, азартным состязанием пловцов на голубых дорожках.

Идеальный порядок в курсантских спальнях. В них входят лишь в мягких тапочках, потому что полы паркетные блестят, как во дворце. Тапочки, конечно, тапочками, а с сапогами не расставайся, ставь возле кровати, знай, что тревога раздается непредвиденно, как, например, в ту ночь, что предшествовала вчерашним учениям.

В гардеробной, будто на параде, одна к одной, висят добротные шинели с эмблемой училища, с золотыми треугольниками шевронов. По их числу легко определить, какого курсант года обучения.

И снова не обойтись без экскурса в минувшее. После боев под Ореховом, который с пением «Интернационала» был взят летом двадцатого года, многие из будущих краскомов не могли продолжать преследование врангелевских войск потому, что оказались без обуви, и смены

на месте не нашлось. Разутых вернули в Москву. Они два дня сидели в вагонах, пока раздобыли для них обувку, чтобы вернуться в Кремль, на курсы.

Все это позади. Перекальский, как заправский экскурсовод, показывает мне рабочие, выходные, тренировочные и парадные костюмы — училище два раза в году проходит по Красной площади, восхищая стройностью рядов, твердостью солдатского шага.

Историю училища хранят реликвии, собранные в собственном музее. Их множество, и за каждой — боевая слава его воспитанников. Они, как говорил еще Михаил Васильевич Фрунзе, «кровью запечатлели свою преданность делу пролетарской революции». Мы уже упоминали о подвиге курсантов под Ореховом в гражданскую войну и на полях Подмосковья осенью и зимой сорок первого. Воспитанники училища на всех фронтах командовали ротами, батальонами, полками, дивизиями, армиями. Больше трехсот из них — генералы и маршалы, тысячи награждены орденами, а семьдесят удостоены звания Героя Советского Союза! И само училище дважды орденоносное, отмечено орденами Ленина и Красного Знамени...

Покидая главный корпус училища, невольно замедляешь шаг у знамени. Вверху, у древка, прикреплены ордена, и на одном из них — силуэт того, кто стоял у колыбели старейшего военного учебного заведения наших Вооруженных Сил, кто напутственным отеческим словом провожал первых его питомцев — красных командиров на защиту завоеваний Великого Октября.

Декабрь, 1973 г.

Александр ПРОХАНОВ

ЮЖНЫЙ ЗНАК

Кушка, маленький городок в пустыне, охваченный желтым пеклом предгорий. Южнее Кушки нет у нас городов и сел, веют над ней горячие афганские ветры, от которых слезятся глаза, иссушается кожа и первые думы — о глотке воды, об оставшихся где-то благодатных северных реках, о падающих в рожь дождях.

Но ветры и пекло — в пустыне. А Кушка зелена и прохладна. Журчит в бетонном желобе блестящий поток. Шелестят фонтаны, сыплют радуги на цветы. Идешь по асфальтированной улице мимо красивых домов, к которым прикоснулась любовная рука, оставила то цветную мозаику, то каменную резную штору, то граненый, из серебристого металла, карниз, и думаешь — хороша Кушка.

По утрам сквозь воркование горлинок вдруг услышишь гром оркестра, маршевую песню проходящих рот. Днем же катятся в тени детские коляски, зеркальный шкаф проплывает в открытом грузовике, из магазина несут виноград и дыни, и туркменские алые одеяния вдруг возникают на балконе высотной гостиницы.

Хороша Кушка. Скорей не припустынный, а прибалтийский город. И трудно поверить, что когда-то пехотные офицеры, сосланные бог весть за что в дальний, на краю империи гарнизон, сходили здесь с ума от тоски, от безлюдья, безводья, проклиная и эту горькую степь, и царскую службу.

Иду по вечерней Кушке. Голубеют окна экранами телевизоров. В кафе, не без умысла названном «Аркти-

кой», играет музыка. Начался фильм в открытом кинотеатре, чуть светится на горе памятник — фигура автоматчика в каске.

Кушка — город мирный, давно переставший быть пограничной крепостью. Но, как встарь, несут здесь свою службу солдаты самого южного нашего гарнизона.

Сижу на ребристой броне транспортера. За крышку люка больно держаться — раскаленная сковорода. Ротный в танковом шлеме, с пыльными белыми бровями.

— Я — Янтарь!.. Алмаз-один, Алмаз-два,— вперед! Больше скорость!

Невидимая в белых песках, зарождается атака. Будто подожгли далекую степь, и она бесшумно дымится. И чуть слышный, словно стрекот кузнечика, звук. Металлический скрежет. Крохотные ромбики на буграх. И мгновенное увеличение размеров, качание пушек и башен, сотрясение земли. Машины, прогибая пустыню, разворачиваясь в боевые порядки, штурмуют рубеж обороны. Прорываются сквозь лопающиеся взрывы огня, сбрасывая с железных грив потоки песка и дыма. Проходят, качая антеннами, неся на башнях тусклые отсветы. Исчезли. Горячие ребристые колеи, разорванный воздух...

— Я — Янтарь!.. Алмаз-один, Алмаз-два, держите темп наступления!

Лейтенант Александр Брынцев, тот, что командовал атакующей ротой очень молод. Родился в Кушке, знает ее до последнего камешка, до последней убегающей в горы тропки. Его воронежская прабабка явилась сюда на верблюде с переселенческим тягучим потоком, выбрав пустыню как прибежище от бедности, безземелья. Его бабка и мать, уже коренные кушкинцы, сажали здесь сады, обводняли пески, учились выращивать овощи. Его отец, офицер кушкинского гарнизона, прожил здесь жизнь, скончался, похоронен в сухой, прокаленной земле. Так как же лейтенанту, волею армейской судьбы возвращенному в родной городок, не любить эти улицы, эти сопки, эти коричневые от солнца лица и линялые солдатские панамы!

Он учит молодых, явившихся сюда северян — солдат своей роты — не только вождению машин, приемам боя в пустыне. Он учит их умению не пить в жару, спасаться от пыли, от воспаления глаз, целебным свойствам верблюжьей колючки, бережению от ядовитых тварей, всей хитрой «гигиене пустыни» — навыкам, накопленным многими поколениями солдат-туркестанцев, добытым у чабанов.

Ротный знает: пустыня может испугать, обжечь, отшатнуть. Показаться подобной смерти. И он, уроженец пустыни, прерывая занятия в роте, как бы ненароком расскажет новобранцам про крепость, оставленную древними воинами Александра Македонского, или покажет каменные, истертые ветром руины — здесь, на бывшей заставе, пограничники дали неравный бой басмачам. Снимает у солдат боязнь пустыни: тут всегда текла, продолжает течь наполненная, сложная жизнь, и сами они — ее носители.

Лейтенанту, получившему роту всего через полтора года после училища, нелегко. Потоки военной информации колоссальны, и затемно, уйдя из казармы, где отдыхают солдаты, он садится за чтение. Благо жена, работающая в библиотеке, приготовила ему очередную стопку книг и журналов. Как знать, не лежит ли путь молодого офицера в академию, и, пройдя по военным кочевьям, сменив пустыню на Арктику, а ту на Дальний Восток, возмужалый, не вернется ли он когда-нибудь в кушкинский родной гарнизон? Все может быть. Ротный сидит над книгой. Наутро — машины, пески...

С прапорщиком Андреем Андреевичем Мищенко я познакомился в парковом хозяйстве, среди стальных, глыбообразных машин, пахнущих прохладным железом, сладковатым духом горючего. Он объяснял молодым солдатам устройство двигателя, и крупные руки его были черны от смазки. Они, эти руки, на своем веку перебрали такое количество двигателей, что поставь эти машины рядом...

На «тридцатьчетверке» Мищенко прошел сквозь горящий Минск, участвовал в операции «Багратион», освобождал Гданьск, ворвался в Берлин. В 1948 году

прибыл он служить в Кушку, и с тех пор менялись марки боевых машин, приходили и уходили командиры, а прапорщик оставался на южной оконечности державы, сохраняя в себе высокий настрой былых походов, передавая его молодым.

Он рассказывает о старой Кушке, какой увидел ее впервые, исчезнувшей бесследно, совсем не похожей на этот комфортабельный город. Гнездилась на холмах крепость с угловатыми башнями, амбразурами, площадками для орудий, длинной сплошной стеной, окружавшей казармы из саманного кирпича да маленькие, похожие на теремки домики.

Сурова была Кушка, воинственна, с дубовыми, окованными железом воротами, запиравшимися на ночь. Веяло осадами, подкопами, вылазками, памятью о тех днях, когда почти сто лет назад смешанный русско-туркменский отряд наголову разгромил войско шаха, вооруженное англичанами. Так и возникла Кушка, охранявшая караванные пути, притягивавшая к себе скотоводов, крестьян и ремесленников. Когда в семнадцатом солдаты кушкинского гарнизона узнали о революции, они приняли ее без колебаний.

Кушка, крохотная Кушка, как бы далеко она ни была, всегда оставалась частью державы, и отсюда в лихие времена из горячих песков шли бойцы в снега Подмосковья, в Сталинград, на Курскую дугу.

Прапорщик знает, как трудно водить машины в песках. Но он знает также, как трудно здесь вырастить дерево, выходить привезенные издалека куски дерна, превратив их в изумрудные газоны.

Мне кажется, Кушку любят и холят все — от командующего округом до рядового. И в том, что она хороша, много трудов и заслуг пожилого прапорщика с перепачканными солягкой руками.

Командир части в горячке дел не часто вспоминает о родном подмосковном Дмитрове, разве что когда пришлют ему с оказией гостинчик: тугой, сладко пахнущий березовый веник.

Сложное хозяйство вверенной ему части напоминает завод, а сам он в чем-то директора. Хотя индустрия современного боя, насыщенного моторами, электроникой,

инженерными навыками, высочайшим чувством техники, остается поприщем воли и мужества, личного и коллективного. О единстве этих двух компонентов — радения командира.

Какой период переживает сегодня армия, питаемая знаниями, изделиями труда и ума народа, а главное — цветущей своей молодежью, ее энергией, духом и совестью? Что думает об этом полковник?

Он считает, что повышение уровня образования, сложности задач, вызванные наличием новейшей техники, сближают сегодняшних солдат и офицеров. Изучая эту технику, сообща ее применяя, они во многом похожи — солдат, окончивший десятилетку, тонко чувствующий, много знающий, и молодой офицер, явившийся в армию из той же среды, с теми же усвоенными с детства привычками, вкусами. Эта близость, не подтачивая основы командирской власти, создает отношения, которые держатся не на голом приказе, не на слепом подчинении воле, а на разумном следовании здравому смыслу, заложенному в командирский приказ. Армия становится духовно богаче, монолитней, и это — лишь проявление того, что происходит во всем нашем обществе.

Палаточная романтика прошла, как прошла она и за пределами армии. Это в поле, во время учений — палатка, а то и просто земля, вместо постели — броневой отсек боевой машины пехоты. Но в местах постоянного жительства — удобства, современный комфорт. Об этом я думал, наблюдая жизнь Кушки.

Сегодня это районный центр, богатые, густонаселенные совхозы, отличные дороги, мосты — в их строительстве участвовали и воины. А загорится вдруг степь, побежит огонь по сухим драгоценным пастбищам — и первыми приходят на помощь солдаты. Или зимний буран засыплет в степи отары, грозя скосить с трудом увеличенное поголовье,— военные вездеходы рвутся в метель, груженные брикетами сена.

Я познакомился с рядовым Салахутдином Закировым. Армейский призыв застал его в момент подготовки к кандидатской защите. Он приехал в Кушку, а когда пришел срок защищать диссертацию, армия отпустила

его, и он вернулся в часть кандидатом наук. Вот какова сегодня армия.

Стою на самой границе, на последней кромке родной земли, у полосатого, самого южного пограничного знака. Афганский грузовик, разукрашенный наклейками, зеркальцами, бумажными цветами, везет цистерну советской нефти. Шофер-афганец улыбается пограничникам. Тяжелый «КрАЗ» потащил платформу с диковинным агрегатом — СССР строит в дружественном Афганистане цементный завод.

Где-то на севере шелестят влажные после ливня дубравы, зреют хлеба, шумят огромные города. Из маленькой Кушки все это видно. Проходят солдаты в выгоревших гимнастерках, с автоматами. Вспыхнули из-под панамы голубые глаза. Воины возвращаются в самый южный, ставший родным гарнизон.

Июль, 1978 г.

Валерий САДОВСКИЙ

ОБИТАЕМЫЕ ОСТРОВА

Катер подошел вплотную к скалам, и открылся узкий проход в скрытую между утесами бухту. Такова особенность северных бухт: рядом пройдешь — и то не всегда заметишь. У самого входа вода будто кипела: сталкивались силы неведомых течений. Командир катера мичман Роман Кубишин с трудом удерживал корабль на фарватере.

...Первая стоянка. Остров обычный, каких много. Они обжиты — эти каменные глыбы, прочно впаянные в Баренцево море. На них в крепких строениях останавливаются на сезон рыбаки, наездами бывает ученый люд, а постоянную прописку имеют военные. Без этих парней, которые машут нам с берега, без их радиотехнического поста разорвалось бы звено, связывающее корабли с командованием флота. Отвечают они и за свой маленький кусочек суши, за море, которое вокруг. Как редуты, они выдвинуты вперед. С них и начинается Большая земля.

Наш катер — его называют «хозяйкой» — должен посетить несколько таких островов. Груз в трюме — мануфактура, бетон, доски, инструменты, консервы, овощи... А с мелочами — универсальный магазин открыть можно.

Шлюпку спустили на воду, в ней два баллона для газосварки, кое-что для быта, почта. Баллоны тяжелые, килограммов до ста. На берегу каменистая тропка ведет к гребню скалы. По ней уже спешили черные фигурки матросов — один, два... шесть человек. Моряки быстро разгрузили шлюпку, стащили все под валун и несколько в стороне собрались в кружок. Курили, говорили о чем-

то, смеялись. Роман Кубишин смотрел то на часы, то на тяжелые, готовые разразиться снежным зарядом тучи, но ждал терпеливо. Дефицит общения — это понимать надо.

...Островок остался позади, катер снова зарывается в морскую волну. Пассажиры — молодые матросы, отпускники, командированные — собрались на палубе. Беседа обычная: о житье-бытье. Группа моряков — замена уходящим в запас — прислушивалась к старожилам: разговор о местах, где им служить. Капитан 2-го ранга Николай Степанович Попов подтолкнул: это интересно. «Накат в последнее время большой — к острову на шлюпке добираться трудно»... «Дрова кончаются — хватило бы до нового завоза»... Услышал историю и про лошадь, которая ужасно не любит, когда приходит катер: наступила пора работы.

— Мы уже просим: на якорь потихонечку становитесь, не гремите цепью, ведь не поймаешь коняку — кусается...— под общий смех рассказывал матрос.

Конечный пункт — один из больших островов. Из вечерней дымки он вырастал огромной каменной массой, высоко поднявшейся над морем.

— Пост вон там,— показал Попов на отдаленный утес.

Были видны коробочка-домик да иголки антенн. Далековато... Добирались на машине по каменистой дороге.

Стоит только оглянуться окрест, и видится, что добрый хозяин живет здесь: работящий, сметливый. Дом прочный, на фундаменте, банька с обязательной парной, большой дровяник, гараж (вот только ворота железные должны катером привезти). Из маленького озерка, что под горой, моторчик качает воду. Показывает нам все это мичман Владимир Кривоносов: круглолицый, с доброй улыбкой. Он управляется здесь шесть лет. Семейный — две дочери. Старшая живет у бабушки, пошла в школу, а маленькая при родителях. Не трудно ли жене здесь? Кривоносов как-то смущенно оглянулся на домик и сказал: «Наверное, трудно. Но мы ведь вместе...»

Идем на пост. Он рядом, чуть больше двухсот метров. Крутая лестница наверх — ее называют по-флотски

трапом — и мы в помещении сигнальщиков. В полстены — окно, за ним на деревянном балкончике притоптывает на ветру вахтенный — следит за обстановкой на море. Повернулся, доложил:

— МПК изменил курс — пошел на норд.

Старшина 2-й статьи Владимир Неверов сделал запись в журнале. На «гражданском» языке она звучит примерно так: малый противолодочный корабль, проходивший неподалеку от острова, в такое-то время повернул на север.

С «голубятни» сигнальщиков спускаемся к радиометристам. Из двух слов сложилось название специальности. Радио — значит с помощью электромагнитных волн, метрист — измеряющий расстояние. Посланный в море сигнал отражается от корабля и на экране локатора светится маленькой белой точкой. В любую погоду локаторы «видят» морские цели. Главное в работе матросов — не пропустить даже легкий катерок. Ведь морем прийти могут не только друзья...

В помещении сумрак, тихо, мерцают экраны. Вахтенные следят за движением целей.

— Командир отделения у них — старшина 2-й статьи Сергей Горяинов,— вполголоса говорит мичман Кривоносов.— Недавно цель углядел: появится на экране — и тут же исчезнет. Катером едва нашли. Бревно, оказалось: покажется на волне — и снова под воду. Это не каждый заметит. Ребята шутят: стройматериалы мы в любом виде узнаем. Ведь они сами баньку отстроили, дровяник...

Да, на такой службе матросы должны управляться и с паяльником, и с топором, разбираться в аппаратуре и замесе теста на хлеб. Моряк освоит любую работу. Здесь в этом убеждены. И курсы обучения самые простые — бери да делай. Разные парни приходят сюда служить: кто привычный к труду, а кто, как говорят, иголки не держал в руках. Для всех условия общие: хотите зимовать тепло — все разгружают дрова, уютно хотите жить — штукатурят стены. В баталерке — помещении для хранения вещей — на видном месте стоит швейная машина. Заказы принимает Сергей Горяинов.

В казарме тепло: горячи батареи парового отопления. В доме размещен весь гарнизон: спальное помещение, столовая, клуб, склады, спортивный зал, мастерские и даже строевой плац. Слышен негромкий говор, кто-то перебирает струны гитары, диктор телевидения сообщает новости. На камбузе (кухне) домывают посуду, готовят продукты на завтра. Время после ужина — самое уютное для беседы.

В небольшой столовой мы сидим со старшим матросом Геннадием Кузнецовым. Он среднего роста, с фигурой спортсмена, лицо худощавое, спокойное. С Геннадием мы познакомились еще на посту: он устанавливал связь с проходившим мимо острова кораблем — передавал условные позывные, проверял данные по таблицам, записи в журнале — так со стороны виделась работа моряка.

— Знаете, с кем держал связь? — спрашивает Геннадий.— С земляком! В который раз встречаемся в эфире — его голос. Призывались вместе. Хочу спросить: это ты, Володя? Но нельзя — радиодисциплина... Когда в городе жил — развлекайся, ходи везде — не знал, куда себя деть. А тут и вахта, и новичкам объясни да покажи, и по хозяйству работы... К вечеру оглянешься — неужели день прошел?

Наш катер уходил утром. Встали пораньше, казарма еще спала, и только несколько матросов были одеты: срочное дело на посту. Мы вышли, и я застыл, пораженный: матово светился лишайник, осевший стальным налетом на россыпях камней. Один из матросов сказал понимающе:

— И не верится, что на Земле стоишь... Луна да и только! Мне мама пишет: «Прочитаю строчки «На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна...» и заплачу — как там тебе служить...» Я уж не говорю ей, что сосны растут где-то южнее нас, а на острове — вот она...

Между камнями выстлала свой узловатый ствол березка. Почки уже завязались. Скоро на остров придет весна.

Март, 1981 г.

Леонид ЕВТУХОВ

ТОПОГРАФЫ

Строители дорог и трубопроводов, геологи, гидрологи, энергетики — те, кого называют «первопроходцами», работают там, где уже побывал до них топограф. Дороги начинаются с карты...

У полковника Александра Васильевича Триполева судьба обычная для военного топографа. Путь Зея — Золотая гора — Тында — Становой хребет прошел он с теодолитом, когда здесь и троп-то еще не было; мерз на побережье Северного Ледовитого океана; шагал по хребтам Сихотэ-Алиня; переправлялся через Гилюй, Обь, Амур... Если сложить все вместе, десять лет прожил в палатке.

Бывает, тундра, горы или тайга навсегда пресекут путь топографа...

Тогда появляются на карте новые имена: мыс капитана А. Калашникова (офицер погиб при исполнении служебных обязанностей); скала старшего лейтенанта В. Морозова (Владимир погиб от удара льдины, спасая местного жителя на реке Шаманке,— успел только выбросить на берег пистолет и полевой оригинал карты...). Имена первопроходцев прошлого генерал-майора Н. Пржевальского и капитана В. Арсеньева носят города, вершины и ледники...

Много ли мы знаем о топографах? Служба неприметная, неброская... А ее масштабы?

В Кронштадте есть не всем известная металлическая плита — футшток. На ней отметка — нулевая высота над уровнем моря. Чтобы измерить и нанести на карту глубину впадин, уровень морей, рек и озер, высоту

холмов и гор, топографы со штативом, нивелиром и трехметровой рейкой, делая замеры через 100 метров, пешком прошли всю страну от кронштадтского эталона до Тихого океана. Это топографы и геодезисты установили, что Черное море ниже Балтийского на 35 сантиметров, Каспийское — на 27,3 метра, Байкал — выше на 459 метров...

Но ведь это еще не главная работа топографов и геодезистов. Известно, например, что центр круглого зала Пулковской обсерватории является исходным всех геодезических сетей. В 1946 году, покорив пик Победы и пик Коммунизма, геодезисты и топографы завершили картографирование Советского Союза. И значительная часть этой работы выпала на долю военных топографов. Их трудом созданы точные карты, на которых каждый холм, овраг, каждая река, мост, озеро жестко привязаны к Пулковской обсерватории.

— Чтобы выдать координаты какой-либо точки,— продолжал свой рассказ Александр Васильевич,— приходилось порой идти неделями через тундру, тайгу, топи...

Выполненная в семи цветах радуги, карта по праву относится к произведениям искусства. Ее авторство охраняется законом, как творения композиторов, скульпторов, поэтов, художников. В годы войны карта приравнивалась к оружию.

— Расскажите о работе топографов в годы Великой Отечественной.

— В сорок первом многие военно-топографические отряды работали в приграничных зонах. И они приняли первый бой вместе с пограничниками.

Сейчас кажется невероятным, что теми инструментами, которыми располагали геодезисты и топографы, с июля по декабрь 1941 года они выполнили съемки на площади более 500 000 квадратных километров, составили и отпечатали около 2000 оригиналов карт — более 200 миллионов листов. Их выпускала Военно-топографическая служба, а также печатали фабрика «Гознак», типография газеты «Правда»...

Еще «теплые» карты поступали на передовую, командные пункты, в штабы. Только для проведения

такой крупной операции, как «Кольцо» под Сталинградом, или в битве на Курской дуге потребовалось около 10 миллионов карт. Всего за годы войны топографы дали фронту миллионы топографических карт, обеспечили привязку 90 тысяч позиций и 70 тысяч огневых сооружений, обработали сотни тысяч аэрофотоснимков.

Шла осень 1943 года, на Дворцовой площади рвались вражеские снаряды, когда в один из топографических отрядов Ленинградского фронта поступила директива, подписанная генерал-лейтенантом технических войск М. Кудрявцевым. Вот ее содержание: «Силами топографической части, дислоцированной в городе, приступить к составлению плана Берлина. Масштаб 1 : 5000».

Исхудалые, с запавшими глазами люди, получавшие к скудному пайку один стакан «киселя», сваренного из технического крахмала (богатство, оставленное бывшей картографической фабрикой), и кружку напитка из еловой хвои, создали этот теперь уже исторический документ — план Берлина. Координаты главных объектов — № 105 и № 106 — имперская канцелярия и рейхстаг — были определены с высокой точностью...

У меня в руках отпечатанный на папиросной бумаге приказ по моторизованному топографическому отряду 3-го Украинского фронта от 23.05.1945 года № 153: «Для участия в Параде Победы направить старшего лейтенанта Козина, ефрейтора Солдатенкова, красноармейцев Прошникова, Выхрест, Понежа, Ишкознева, Головенко, Колюшина...» Военные топографы дошли до Берлина.

— После войны карты вновь обрели свои мирные профессии. Какие?

— Без карт невозможна работа по прокладке нефтепроводов и газопроводов, строительство электростанций, городов или таких гигантов, как БАМ и КамАЗ. Карты нужны для охраны окружающей среды, работникам сельского хозяйства и экономистам, метеорологам и почвоведам, этнографам и железнодорожникам, геофизикам и лимнологам, космонавтам и вулканологам. Ни одна отрасль науки и промышленности сегодня не может обойтись без карты. В нашей стране издаются более

1000 тематических карт ежегодно — политические, метеорологические, сейсмические и т. д., сотни атласов.

Да, у современной карты много профессий, но об одной из них никогда не забывает топограф — без карты немыслима надежная оборона рубежей нашей Родины.

— Как изменилась техника топографа, геодезиста, картографа?

— Сегодня, не выходя из здания, можно с помощью аэрофотоснимков создать карту любого района нашей страны. Стереокомпараторы, гиротеодолиты, радиометрические приборы, различные дальномеры, кварцевые хронометры — все это позволяет достигать высокой точности при составлении карты, если понадобится, хранить ее на магнитных дисках. Топогеодезические подразделения обеспечиваются современными средствами радиосвязи и аэрофотосъемки, вездеходами, самолетами различных типов, вертолетами. Но «чудо-техника» — та, что вмещается в обычном кармане, и та, что требует для перевозки трехосных грузовых автомобилей, никогда не заменит топографа — вечного путешественника и землемера.

Земля живет, дышит, изменяется. Значит, у всякой карты недолгий срок жизни: появляются новые города, мосты, дороги... И вновь начинают свою работу военные топографы.

— С чем приходится встречаться на своем пути военному топографу?

— Топографические и геодезические работы в малонаселенной местности, а тем более в пустыне или заснеженных горных цепях, конечно, связаны с определенными трудностями, я бы сказал, даже с долей риска. Но мы должны всегда помнить цену каждого штриха на карте. Наш известный топограф, человек огромного опыта Герой Советского Союза полковник М. Мордвяников как-то рассказал мне такой случай.

Под Ленинградом просочившаяся рота фашистских автоматчиков отрезала артдивизион от штаба полка. Телефонистка охрипшим голосом повторяла позывной артиллеристов, а залпы их батарей тем временем ложились далеко от заданных целей. Топографу лейтенанту

И. Ушакову сказали: «Пробирайся на позицию дивизиона».

Ушаков ползком, под пулеметным огнем успел добраться до кустарника, но... потерял ориентировку. Беснуется пурга, а рядом гитлеровцы. Ушаков шел по какой-то канаве, пока не заметил характерный изгиб. И на карте тоже был еле заметный голубой штрих с таким же углом изгиба. Ориентир! Через двадцать минут топограф уже был на батарее, внес коррективы. Залпы накрыли противника.

А ведь тот, кто работал над картой, мог и не «нарисовать» этого голубого штришка.

...Полевой сезон у топографов длится с мая по октябрь. Но еще не набухнут почки на деревьях, еще только-только заслезятся с гор тонкие ручейки, и они вскинут на плечи рюкзаки, пойдут своими нелегкими тропами. Пойдут навстречу трудным переправам на зыбких плотах, навстречу топи, мошкаре, слепням, вездесущему гнусу. Хотя теперь верной помощницей топографов стала современная техника — вертолеты, самолеты, вездеходы, природа есть природа, первопроходцам не приходится рассчитывать на домашний уют.

И высятся, словно обелиски их самоотверженному труду, пик Триангуляторов и пик Топографов в Саянах, пик Военных топографов, что в заоблачных далях Тянь-Шаня...

Март, 1977 г.

Владимир КАРПОВ

КОМАНДОВАЛ РОТОЙ...

От клинка до ракеты стратегического назначения — таков путь наших Вооруженных Сил.

Мотострелки, ракетчики, истребители-перехватчики, моряки подводных атомных ракетоносцев... Прямые наследники тех, кто завоевал Советскую власть, отстаивал ее в битвах гражданской войны, кто покрыл неувядаемой славой знамена Советской Армии в Великой Отечественной. Свято оберегая традиции дедов и отцов, они достойно продолжают их дело.

...Темно-зеленые боевые машины пехоты стояли напротив распахнутых боксов парка. Был день обслуживания техники. Командир роты старший лейтенант В. В. Шиян подходил к машинам, прислушивался к работе моторов. И шел дальше — стройный, баскетбольного роста, а под черными бровями неожиданная голубизна глаз. Сегодня голубизна строгая — Шиян озабочен.

Мне есть с кем сравнить Виктора Викторовича, его работу, силу роты, которой он командует. Вспоминаю своих ротных, у которых служил в 1939—1941 годах,— капитанов Смирнова и Зайковского. Это были люди в возрасте, с сединой на висках. Командовали ротами по шесть — восемь лет. Мудрость их была несомненной, авторитет непререкаемым. Я был тогда курсантом и как о трудно достижимом мечтал стать таким, как мой ротный командир. Но довелось потом и самому командовать ротой, и в подчинении иметь немало ротных командиров.

Каков же он, сегодняшний командир роты? Чем отличается от нас? Ученики, говорят, должны превосходить своих учителей. Однако превзойти наше поколение не так-то просто! Мои ротные — мастера обучения в мирные дни — в боях показали себя прекрасными офицерами. Зайковский, командуя полком при форсировании Днепра, совершил подвиг и посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Смирнова я встретил после войны — четыре ряда орденских ленточек украшали его грудь. Да и мы, их воспитанники, били врага умело, многие, защищая Родину, отдали жизнь.

В военном училище Шиян изучал общую физику, общую химию, высшую математику, теоретическую механику, начертательную геометрию и машиностроительное черчение, сопротивление материалов, электротехнику, техническую термодинамику, гидравлику и гидравлические машины, двигатели и их системы, автомобили, танки...

Как много нам, офицерам, ушедшим в запас, говорит простой перечень дисциплин. Ведь это — целая эпоха в развитии и становлении Советских Вооруженных Сил!

Знакомясь с огневой мощью мотострелковой роты, я вспомнил оборону под Смоленском — в полку (не в роте!) не было ни одного танка, ни одного бронетранспортера, ни одного автомобиля, и не потому, что мы потеряли их в боях,— по штату не полагалось.

Помню, мой командир полка майор Алексей Кириллович Кортунов, впоследствии Герой Советского Союза, занимавший после войны долгие годы пост министра газовой промышленности, метался на командном пункте при очередной атаке фашистов, с ненавистью шептал:

— Хоть бы пяток пушек, хоть бы парочку танков, мы бы вам показали!

Ну, как не радоваться, когда видишь сегодня старшего лейтенанта, у которого столько броневых единиц, да каких: они могут плыть по рекам и озерам, они мчатся так, что у инспектора ГАИ дух бы перехватило! А современные пушки, установки с управляемыми противотанковыми реактивными снарядами... Ныне рота своими средствами в состоянии остановить и разгромить полсотни вражеских танков. Вот бы нам все это в полк тогда, под Смоленск!

Виктор Викторович сам мастерски владеет оружием и техникой роты, ниже отличной оценки на стрельбище и полигоне он не получал. Такое умение делать все своими руками, несомненно, укрепляет его авторитет. А заслужить уважение у нынешних солдат не так-то просто, многие из них еще до призыва в армию были, как говорится, с техникой «на ты»: комбайнеры, рабочие от современных станков, и даже недавние школьники — кто водил автомобиль, кто в кружках мастерил радиоприемники, модели самолетов, роботов.

Виктор Викторович сказал:

— С такими людьми работать и легче, и труднее. Легче потому, что они понимают с нескольких слов. Труднее потому, что за этими словами должны быть более высокие знания.

Вот служил у нас в роте отличный механик-водитель Е. Новак. В технике — «профессор». О международных отношениях, как политический обозреватель, мог говорить. О литературе — заслушаешься! Когда такой подчиненный — сам невольно подтягиваешься!

...Из парка Виктор Викторович пошел в казарму. В ней было светло и солнечно, ровные ряды подушек белели на кроватях. Комроты коротко бросил дежурному:

— Окна приоткройте, душно...

В спальном помещении совсем не было душно, форточки распахнуты, но дежурный тут же побежал к окнам и откинул несколько створок. Спешил он к окнам, мягко ступая,— так ходят, если в доме больной или стряслась беда. Ни того, ни другого в роте не было, но эти мягкие шаги и какой-то настороженно-грустный взгляд дежурного имели свой смысл. Сегодня командир прощался с дорогой его сердцу ротой, а рота прощалась с любимым командиром. Он получил повышение.

Продолжая мысленно сравнивать Виктора Викторовича с офицерами моей молодости, я увидел не только различия, но и приятное сходство с ними. Вот хотя бы эта взаимная привязанность командира и подчиненных, любовь солдат к Шияну.

Такая преданность и любовь всегда была характерной для Советских Вооруженных Сил, наши офицеры

заслужили ее отеческой заботливостью, справедливой требовательностью, высокой культурой, глубоким знанием дела.

Не скрывая восхищения, сказал я Шияну:

— Много и хорошо вы потрудились. Нелегко далось звание лучшей роты соединения. Не зря вас повышают!

А он заговорил о своем заместителе по политчасти:

— Наша с ним дружная работа — главный залог успеха. Никогда мы не делили работу на строевую и политическую. Прежде всего нужно воспитывать политически сознательного воина.

Одна из отличительных черт советских командиров всех поколений — высокая политическая активность, безграничная преданность ленинской партии, народу. Причем эта коммунистическая убежденность растет качественно от поколения к поколению. Мои командиры, участники гражданской войны, чаще руководствовались классовым чутьем, их социальные, политические убеждения формировались практикой жизни и революционной борьбы. Поколение офицеров, к которому принадлежит Шиян, имеет прочный научный фундамент в своих политических убеждениях. Здесь я с удовольствием продолжу перечень дисциплин, которые изучаются ныне в военных училищах: марксистско-ленинская философия, научный коммунизм, история КПСС, партийно-политическая работа, основы военной подготовки и психологии...

И еще у Шияна — весь наш военный огромный опыт, зафиксированный в уставах, в литературе, в традициях. Но, как и для многих офицеров его поколения, в его жизнь война вошла не только через литературу.

Его отец, Виктор Григорьевич, фронтовик, с первого до последнего дня войны прошагал в пехоте, закончил бои старшим сержантом, не раз награжден и ранен. В настоящее время — майор запаса. Мать, Надежда Митрофановна,— тоже фронтовичка. Сам Шиян родился на немецкой земле, куда в свое время пришли с победой его родители. Дед, Григорий Васильевич, служил в Красной Армии еще в гражданскую. А в годы Отечественной был партизаном...

Теперь у Виктора Викторовича уже своя семья, растет голубоглазый — вылитый отец! — сын Дмитрий.

Жена, Татьяна Юрьевна,— дочь офицера. Военная жизнь для обоих — родная, близкая сердцу среда. Но хочется здесь отметить: и в делах, и в быту отразилось веяние времени, и одна из его особенностей — более высокая культура. Что любит Виктор Шиян? Музыку — окончил музыкальную школу. Спорт — кандидат в мастера по баскетболу и плаванию. А жена — преподаватель музыки.

Да, прежние ротные были отличными командирами, моя любовь, моя сердечная близость к ним никогда не остынет. Но не могу сказать, что в чем-то молодое поколение офицеров им уступает. А точнее, они — это мы, только впитавшие больше знаний, шагнувшие на более высокий технический уровень. И любим мы их не меньше, потому что и мы, «старики», не были сторонними наблюдателями при формировании этого нового поколения, а жизнью своей, трудом ратным, победами на полях сражений добывали то, что приняли, как эстафету, они, наши благодарные наследники. Итог у нас общий. И он еще не окончательный. Жизнь, служба продолжаются, мы еще потрудимся вместе на благо Отечества!

И пусть торжествует истина: ученики должны превзойти учителей!

Февраль, 1977 г.

Александр ПРОХАНОВ

НА СЕВЕРЕ ТЕПЛОМ...

Военный корабль — серая стальная гора на тусклом пространстве воды, увенчанная штырями колючих, уходящих в поднебесье антенн. Взошло холодное солнце, нанесло позолоту на надстройки корабля, и он стал похож на золоченый град в сиянии куполов и колоколен, всплывший из водных пучин.

Корабль вернулся в базу после долгого рейда. Пронес свое грозное тело сквозь льды и полярные радуги, сквозь палящее солнце экватора. Обшивка чуть слышно гудит, неся в себе память о штормах, о рокоте мощных машин, о накале учебных будней. Экипаж отдыхает, коснувшись северного берега, такого желанного, несмотря на гранит и снег.

Матрос Уахит Сисенов — в недавнем прошлом чабан, хозяин казахстанской степи, медленным кружением отар, облаков напоминающей море. Бороздил ее на двугорбом, мерно плывущем верблюде. Попав на Баренцево, в первый момент был оглушен бурей, громом невиданных механизмов, скоростными, ударными ритмами. И казалось ему, что сквозь стальную оболочку трюма не разглядеть, чем обернулась для него матросская служба на Севере.

В походе, выйдя в полярную ночь, вместе со всеми кидался на штормовую палубу и ломом, лопатой откалывал лед, очищая корабль, замерзал так, словно в в теле не осталось ни единой горячей кровинки. А в тропиках, у раскаленных машин, мокрый от пота, думал: неужели где-то есть снег, прохладный воздух...

Так познавал он силу стихий и свои, мужавшие в схватке со стихиями силы.

Матросы, товарищи по работе и службе, выглядели вначале чужими. Казалось, некому слова сказать. Но в первую неделю похода, когда на вахте мутило от качки и становилось непомерным страдание, к нему подошел матрос, уже побывавший в море, легонько коснулся плеча: «Отдохни...» И сквозь муку почувствовал к нему братскую благодарность.

Так познавал он счастье морского братства.

Вначале техника, оружие, электронный пульс корабля не укладывались в голове, даже пугали. Трудно было понять, как слагается в единое целое это скопище систем и приборов, щупающее океанское дно, шарящее по небесам, толкающее корабль в безбрежных пространствах. Потом, через познание, бесчисленные тревоги, учения, корабль становился своим. И матрос, отделенный от суши, травы, невесты, с детства любимых лиц, переносил свою любовь на оружие, и оно тоже становилось не просто понятным... Вместе со всеми он красил, холил, доводил до блеска машины и вверенное ему оружие. Так, должно быть, прежний воин холил коня, украшал самоцветами сбрую, клинок — серебряной насечкой.

Техника открывалась матросу, как осмысленная красота и движение.

Когда они совершали деловые заходы в чужеземные порты, его изумляли неведомые земли, города и люди, деревья, птицы. Огромность земли, ее красота и богатство становились созвучными его юной, казавшейся бесконечной жизни.

Так из тесного трюма открывались ему горизонты.

И потом, на обратном пути, когда замполит предложил им всем написать, что они думают о Родине, как чувствуют ее в отдалении, он сидел над листком бумаги и думал, что Родина для него — это и конь в степи, и смеющийся отец на пороге, и родной корабль в сиянии вод, и друг, сменивший его на вахте, и вся шестая, необъятная часть земли с ее прошлым и будущим, и он готов принести ей свои самые высокие дары, самые высокие жертвы.

Так Север, каменный, ледяной, полярный, отодвинутый, казалось бы, в самый дальний край планеты, раскрыл моряку истинные ценности жизни, поставил его в самый центр прекрасного и тревожного мира.

И вот он сошел на берег, и северный город, построенный для него и таких же, как он, моряков, раскрыл перед ним свои улицы, свои блестящие в свете реклам проспекты.

Главный архитектор этого города Анатолий Алексеевич Шашков много лет назад приехал сюда, сам не веря, что на этом буранном тундровом берегу, где невозможно укрыться от жестокой природы, от тоски долгой полярной ночи, воя ветра в камнях, можно выстроить город. Но ведь за тем и приехал. И все эти годы возводил свое детище. Складывал его по малым драгоценным кусочкам, словно мозаику, пока в этих трудах, промелькнувших, как день единый, не вознесся северный град, устремленный к полярным сияниям.

И вот голова седая, и если спросить, что видел за жизнь, что любил, что дороже всего, то будет ответом: город. И это, право, немало.

Какими видит впервые эти места матрос, прибывший служить в северную, как кажется ему, глухомань? Как представляет себе их машинист Уахит Сисенов? Город-корабль остриями своих улиц вонзается в море, упирает гранитные шпангоуты в тундру, плывет среди бурь, полярных сияний, негасимых летних ночей.

Идем среди белых уступчатых башен. Нырнули в подземный, сияющий кафелем переход, пропуская над головой автомобильный поток, вышли наружу, и — море качает на себе корабли. Центральная площадь — это палуба, где всегда толпится народ. То любуются на низкое, такое редкое здесь солнце. То встречают приходящий корабль.

Он хорош, этот город, принимающий в свой уют и тепло усталых мореходов. Открывает им свои кинотеатры, кафе, светом залитые улицы. И никто не думает, что этот многоэтажный дом привинчен к скале железными болтами и балками, а под ними на бывшем болоте — тонны ушедшего в хляби бетона. Прекрасен пригородный парк, быть может, самый северный

в мире, с его тропами, ручьями и речками. Создавали его всем миром, всем городом.

И если выпадет моряку служебный перевод, пусть даже в солнечный Севастополь, будет он вспоминать добрым словом свой теплый северный город, его удобства, неповторимость, красу.

Так человек, будь он из шумной столицы или казахского степного аула, если выпала ему доля служить на кромке ледового моря, начинает дорожить этим рукотворным миром, к которому сам приложил умение и душу, сделал его своим. Есть признак, по которому социологи судят, в какой стадии находится людское сообщество, населяющее город: разветвленность, полнота внутригородских интересов и связей. Людям, если они прижились, если они хорошо устроены, если у них есть досуг и комфорт, свойственно образовывать пестрый, живой орнамент дружб, союзов, дающих им чувство наполненности, полноценности.

В этом городе вы можете увидеть картины местного художника-прапорщика: воздушные баталии, морские десанты, исполненные такой экспрессии, чувства пространства и цвета, такого знания технологии боя и живописи, что и профессионал позавидует. Вы познакомитесь с отлитыми из бетона местным скульптором портретами, искренними, очень живыми. Вам покажут домашние тысячетомные библиотеки и коллекции экслибрисов.

Офицер Юрий Андреевич Чичкарев — один из основателей местного географического общества, организатор и участник дальних туристических походов. Конечно, он и его друзья не собираются конкурировать с научными экспедициями, действующими сегодня на Севере. Но совместное хождение под парусом после океанских плаваний, изучение озер и речушек после океанских лоций — все это служит делу товарищества, сближения, создает тот умственный и духовный фон, когда человеку хорошо.

И чему бы ни посвящалось очередное заседание общества: нашли еще один погибший в боях корабль, и теперь, проплывая над ним, моряки станут приспускать флаги, салютовать гудками. Или вернулся из тро-

пиков экипаж, и в программе — фильмы и слайды. Или на острове нашли плиту из гранита, где поморы оставили свои письмена: «...здесь горевал Гришка Прокопов с Двинского берега...» Чему бы ни посвящалась их встреча, ее вклад в городскую жизнь плодотворен. И вы уже не удивитесь, увидев в кают-компании военного корабля, посыпаемого мокрым снегом, цветущие кактусы, рожденные под иными небесами, приплывшие вместе с горсткой заморской земли на Север. Или, войдя в квартиру военного строителя, погруженного, казалось бы, в одну свою инженерию, обнаружите драгоценную коллекцию бабочек, известную собирателям Москвы и Сибири.

...Стою вместе с машинистом Уахитом Сисеновым на ночных камнях у памятника береговым батарейцам. Ствол пушки пахнет дождем. У этого стального щита сражались, погибали, отстаивали рубежи державы моряки-северяне. Море, как черная бесконечность, дышит злым и колючим ветром. Далекое мерцание сигнала. Там проходит корабль. Неизвестно, какой: то ли огромный и грозный, то ли малый катерок. Не знаю, что «пишет» в ночи неведомый мне сигнальщик. Но мне чудится, что его длинное световое письмо — к далеким родным и близким. О том, что служба морская идет. Что сам он жив и здоров. Что к Северу он привык, и пусть они будут спокойны, пекут свой хлеб, или косят траву, или строят дом — Родина под надежной защитой, и скоро он сам вернется и подробно об этом расскажет.

Плещутся ленточки бескозырки. Матрос касается рукой орудия. Город в огнях, как корабль. Плывет в океан...

Ноябрь, 1978 г.

Виктор ВЕРСТАКОВ

ЭСКАДРОНЫ ИДУТ К ВЕРЕЕ

Дождь гнался за нами шестнадцать часов и настиг уже на последнем подъеме, в двух километрах от лагеря. Из сизой тучи выпала молния, в голове колонны закричали: «Повод!.. Рысью марш!»,— но через минуту одежда все равно уже промокла насквозь. А тут еще под одинокой вековой березой на холме что-то вдруг блеснуло и загремело: мы и не поняли сначала, что это, укрывшись от ливня, играет полковой оркестр. В ста метрах левее березы стоял под дождем с группой офицеров командир полка полковник М. К. Барило. Всадники встрепенулись при виде начальства, лошади — при виде конюшен, даже Иртыш подо мной пошел игривым галопом, чего я от него не ожидал совершенно.

Отдельный кавалерийский полк недавно отпраздновал свой юбилей: построился, выслушал приказ командира, прошел торжественным маршем. Но час спустя в полковом манеже вместо современных воинов загарцевали драгуны, гусары, мушкетеры, буденновцы. Праздничный финал повествовал, как ни странно, о буднях — полк, сформированный на базе нескольких горно-вьючных батарей в период съемок киноэпопеи «Война и мир», в кино снимается часто. Под Верею эскадроны пошли тоже в интересах кинематографа, однако переход стал испытанием без условностей и без дублей: «длительный марш в сложных условиях» — так скажет потом командир, благодаря участников перехода.

В ночь перед маршем солдаты спали немного, офицеры еще меньше, а некоторые — в их числе оба командира эскадронов майор И. Проценко и капитан Г. Сме-

танин — не ложились совсем. И немудрено, поскольку выход был назначен на четыре утра. В половине четвертого мы со старшим тренером полка по конной подготовке подполковником А. Дородных пошли на конюшни. По-утреннему тускло горели на столбах фонари, звякали железные цепи, которыми привязывают лошадей,— чумбуры, цокали по влажному асфальту копыта, судорожно вскидывали головы заводные кони — то есть те, которые пойдут без всадников, в заводе.

Моим соседом в строю оказался худощавый общительный паренек — рядовой Олег Суходоев. В армии он полгода, все вокруг ему кажется интересным, но хочется узнать еще больше:

— А вы что-нибудь необычное в армии или на флоте видели?

Невольно улыбаюсь: дымят от горизонта до горизонта на учениях танки, крылом к крылу летят при дозаправке над облаками гигантские самолеты, всплывают у родных баз побуревшие после месяцев глубинной жизни атомные подводные лодки, грохочут учебно-боевые пуски межконтинентальных ракет — этим сегодня уже никого не удивишь. А вот кавалерией...

Она и есть в современных войсках «самое необычное», но существует, конечно, не для экзотики и не только во имя кино. После одной из командировок на южную границу беседовал в Москве с начальником штаба погранвойск КГБ СССР генерал-лейтенантом Ю. А. Нешумовым. «Как ни относись в наш технический век к использованию лошадей для охраны границы, но расчеты и опыт показывают: во многих, очень многих обстоятельствах конные дозоры оказываются оперативнее не только пеших, но и механизированных. Машина за нарушителем с дороги в песок или в ущелье не съедет...» — сказал тогда генерал.

Верховые кони помогают и воинам Сухопутных войск, особенно в горных районах.

С кавалерийским полком работаю не впервые. Знаю, что служить в нем трудно — по крайней мере не легче, чем в танковом или мотострелковом. А вот расстроенных или обиженных лиц в казарме, на плацу, в манеже как-то не видел. Люди здесь общаются между собой

по-военному четко и одновременно с достоинством, взаимоуважением. Заслуга командира? Вполне вероятно: полковник Михаил Константинович Барило прослужил в полку двадцать лет — замполитом эскадрона, секретарем партийной организации, начальником артвооружения, заместителем командира; полком он командует тоже давно, знает служебные обязанности до тонкости, ощущает полк, как семью, и каждого солдата — как равноправного члена этой семьи, как сына. Заместитель командира подполковник Чернов, комэск-1 Проценко прослужили в полку не меньше командира, а начальник штаба подполковник Муллов начинал здесь еще сержантом. И все же, думаю, не только этим редким для современных войск постоянством командного состава определяется особенный дух, высокий настрой полковой службы. Реальной силой в полку стали вековые воинские традиции, унаследованные и хранимые кавалеристами. Первейшая из традиций — забота о молодых солдатах,- добрая опека над ними, братская помощь еще неопытным сослуживцам.

С десяток километров шли по безлюдным местам и шли энергично, стараясь не выбиться уже в начале пути из графика. Не стали даже обходить железный листовой мост над оврагом — некогда. Грянули о металл кованые копыта, шарахнулись, заплясали кони. Вижу, как впереди встала на дыбы, рвет привязной ремень одна из заводных лошадей — молодая кобыла Единица. Крутится посреди остановившегося строя, успокаивает заводную рядовой М. Шандбагомедов — он служит в полку седьмой месяц, и хотя характер у парня отчаянный, не все еще получается. Ударила-таки солдата Единица очумелой головой по лицу. Миновав мост, Шандбагомедов вытирает под носом кровь, но в санитарный, ползущий за колонной «уазик» садиться отказывается. К неудачнику подрысил командир отделения младший сержант Параваев, отдал в завод свою более спокойную лошадь, сам сел на Единицу — перевоспитывать.

Через километр-другой опять незадача: не идет лошадь у рядового Мамедова. Впрочем, лошадь понять можно — солдат служит в полку считанные дни, до армии коней лишь издали видел. Остановились, разре-

шили всаднику пересесть в машину сопровождения, но на этот раз в выражениях не сдержались: все-таки не в традициях полка раньше времени спешиваться. Самое интересное, что горячие слова обидными не стали — после первого же привала Мамедов снова попросился в седло, остаток пути его добровольно страховал, направлял и поддерживал младший сержант Охрименко.

...Для всадников переход представляется чередованием разнообразных незначительных событий: то чумбур провис, то проволока на земле опасно топорщится, то трактор навстречу ползет с таким грохотом, что еле лошадь удержишь. Для мирного населения кавалерийский марш — сплошная экзотика.

— Скорее, а то уйдут! — тревожно и восторженно взвизгнула в очередной деревеньке девочка лет семи.— Да скорее же, мамочка, ведь ухо-о-дют!..

Мама замешкалась, пропустила редкое зрелище, зато старушки повсюду словно бы ждали нас еще с ночи. Запомнилась бабушка из Больших Горок с плачущими глазами на счастливом лице: стояла, опершись на длинную оструганную палку, смотрела на всадников, а видела, кажется, свою молодость. Ради одной такой встречи согласен не откладывая повторить все трудные километры марша.

Кстати, почему и зачем они были трудными? Ведь никто не мешал кавалеристам увеличить время привалов или устроить суточный отдых посредине пути. Вместо этого люди и кони изнывали от жажды, но проходили мимо колодцев, болели онемевшие колени у всадников, роняли изо рта хлопья пены лошади. После таких переходов кони теряют в среднем по пятнадцать килограммов веса, всадники — от трех до пяти. Но ведь эскадроны пошли не гулять, эскадроны вышли в поход. Военная служба не должна быть легкой, иначе она не принесет пользы ни стране, ни самим солдатам.

С Иртышом я сдружился быстро. Правда, поначалу он резковато мотал головой, то ли стряхивая слепней, то ли пытаясь еще раз глянуть на незнакомого всадника. Но часа через три на недолгой пешей проводке он вдруг ткнулся мне мордой в плечо и наши глаза оказались рядом. Кажется, мы поняли и даже простили

576

друг друга: он меня — за недостаточную кавалерийскую умелость, а я его — за мелкую и, честно говоря, болезненную для всадника рысь, на которую он частенько переходил, догоняя более широко шагающих лошадей.

Обедали эскадроны в шестом часу вечера, съехав с дороги в поросшую травой низину.

— Не делайте из еды культа! — тщетно агитировал офицеров подполковник Дородных.— Завтрак съешь сам, обед раздели с конем.

— Поели уже твои кони,— успокаивал его заместитель командира полка по тылу подполковник Сермягин.— Ты, Анатолий Егорыч, сам поешь.

Лошади тем временем допивали воду, низко наклоняя ведра мордами, но не проливая ни капли. К бивaку подъехал на «Волге» командир полка; выйдя из машины, включил на полную громкость автомобильный приемник. Веселенькая мелодия затрепетала над жадно пьющими конями, над поднявшимися с травы офицерами и солдатами.

— Нет, танцевать мы не будем,— устало пошутил комэск-2 капитан Сметанин.— Вот перехватить бы сейчас пару часиков, дело другое...

Ни сейчас, ни в предстоящую ночь Сметанин не «перехватит» даже минуты: прибыв в лагерь, заступит дежурным, будет расставлять, инструктировать и проверять часовых, отпускать овес для лошадей, пересчитывать конскую амуницию, дипломатично отваживать от лагеря излишне рисковое местное женское население... Дневальным по эскадрону заступит мой сосед на марше Суходоев, рабочим по столовой будет назначен его друг рядовой Тихоненко, срочно займется «Боевым листком» еще один из нашей «маршевой компании» рядовой Липовцев — сын художников, сам художник и уже отец, как он говорит, будущего художника. А утром они и десятки их товарищей-кавалеристов соберутся возле одной из палаток, и майор Проценко отдаст не предусмотренную в уставах команду:

— Эскадрон, переодеться в съемочную форму!

Июль, 1983 г.

Николай ЧЕРКАШИН

ЕСТЬ В РУССКОМ ОФИЦЕРЕ...

У них даже фамилии созвучны: Бахтин и Баутин. Бахтин — это командир той самой легендарной «Пантеры», русской подводной лодки, которая в 1919 году, защищая морские подступы к Петрограду, торпедировала английский эсминец «Виттория» (атакой этой был открыт боевой счет советского подводного флота).

Баутин — старший помощник командира нашей подводной лодки, капитан-лейтенант.

Эти два столь разделенных временем человека сопоставились у меня сами собой, едва я увидел в старом журнале фотографию — у носового орудия субмарины стоял широколобый парень в черной непромокаемой куртке. «Старший офицер подводной лодки «Волкъ» А. Бахтин» — гласила подпись. Сначала поразило внешнее сходство. У Георгия Баутина тот же бурлацкий разворот плеч, такое же открытое, ясное лицо.

В 24 года Бахтин стал командиром подлодки — редкий случай на флоте.

В 24 года Баутин получил допуск к управлению современным подводным кораблем.

— Он не вылезал из отсеков сутками,— вспоминает первый командир Баутина Альберт Викторович Пакканен,— своими руками прощупал все трубопроводы и кабельные трассы. А их — километры... Я до сих пор ставлю его в пример начинающим лейтенантам.

Но было бы не столь уж интересно рассказывать о Баутине, если бы вся его суть состояла лишь в стремлении к рукояткам машинного телеграфа.

«Ночной океан дышал мерной зыбью, переваливая с борта на борт веретенообразное тело корабля. Подводная лодка, преодолев очередной гребень, тяжело вздыхала шпигатами, как человек, возвращающийся домой после трудной работы...» Это начало репортажа о нашей боевой учебе, написанного старпомом и опубликованного в «Красной звезде». Корреспонденции за подписью «капитан-лейтенант Г. Баутин, старший помощник командира подводной лодки» часто появляются и на страницах флотской газеты, Баутину есть чем поделиться с товарищами по оружию.

Среди добрых знакомых Баутина — кинорежиссер Алексей Салтыков, с которым у них всякий раз при встрече завязываются оживленные дискуссии о фильмах, об искусстве. И надо сказать, что мастеру экрана вовсе небезынтересны суждения подводника.

«Должность старпома несовместима с частым пребыванием на берегу»,— отмечалось в старых корабельных уставах. Кто-кто, а жена Баутина, Наталья, может подтвердить, что так оно и есть. И подтвердит со вздохом — дома подрастают два сына, Станислав и Георгий, почаще бы им видеть отца. Но зато авторитет его для сыновей непререкаем. Именем отца, его примером вершится воспитание и тогда, когда он в море. За многие уже годы службы привыкла Наташа провожать мужа в дальние походы, каждый из которых длится не месяц, не два — ощутимую часть человеческой жизни. Но даже если его подлодка стоит у пирса и ее видно из окна гостиной, это вовсе не значит, что ужинать они будут вместе.

— Живем по закону Бернулли,— шутит старпом,— в шесть пришел, в семь вернули!

Одиннадцать статей Корабельного устава занимает перечисление обязанностей старпома. До буквы «л» простираются подпункты. Но никто еще не подсчитал всего, чем приходится заниматься старпому в действительности.

Один день на берегу...

...— Экипаж, равняйся! Смирно! Равнение на средину! Товарищ капитан 3-го ранга, экипаж подводной лодки

построен на подъем флага. Доложил старший помощник капитан-лейтенант Баутин.

Через несколько минут на проворачивании оружия и механизмов трансляция разносит по отсекам его голос:

— Слушаю корму-нос! Есть первый... Есть второй...— щелкая тумблерами, принимает доклады о готовности к проворачиванию...

— Курс цели — сто градусов. Скорость...— это уже в кабинете торпедной стрельбы на тренировке.

Потом надо успеть проверить, как идут занятия по специальности в боевых частях. Боевая подготовка экипажа — это в конечном счете главное, за что он отвечает.

— Дорогой друг,— распекает у себя в каюте Баутин лейтенанта.— Вы живете по принципу: нас толкнули — мы упали, нас подняли — мы пошли. Так не годится...

А еще проверить: как поставили привезенные из ремонта перископы, наточены ли в отсеках аварийные топоры, узнать, получил ли баталер новые швартовые жилеты, провести смотр формы одежды экипажа, отправить в отпуск моториста, у которого тяжело заболел отец, поставить печать на корабельные бумаги и — суточный план на завтра...

После обеда — тренировка в прочном корпусе старой подводной лодки, превращенной в полигон «пожар — вода». Натянув маску индивидуального дыхательного аппарата, старпом под яростные трели аварийных звонков ведет четверку матросов в лаз огнедышащего отсека, жутковатый, как пылающая топка паровоза.

Китель его еще пахнет пожарным дымком, а он уже на трибуне партийного собрания. Кому, как не ему, выступать с докладом «Задачи коммунистов по дальнейшему укреплению уставного порядка на корабле».

Домой — к полуночи.

Но не успел вскипеть чайник на электроплитке — в дверях посыльный: идти в море старшим на торпедолове...

Почему старпомы никогда не болеют? Мне кажется, что в их нервном напряжении бациллы сгорают, как мотыльки в пламени.

День в море...

Утром сменил командира в центральном посту, приняв глубину, курс, скорость, крен, дифферент... Обошел вахтенные посты, провел приборку, сыграл учебно-аварийную тревогу, обеспечил сеанс связи, собрал офицеров в кают-компании на тактический семинар, заглянул на камбуз — отчитал вахтенного кока, проверял с инженером-механиком аккумуляторные ямы, на ночном всплытии стоял на мостике вместе с командиром, затем брал секстантом высоту звезд и решал астрономические задачи, заполнял журнал учета событий и уже далеко за полночь, лежа в своей шкафоподобной каюте, читал... Давнее баутинское правило: каким бы трудным ни был день — минимум один час на художественную литературу.

Есть в русском офицере обаянье,
Увидишься — и ты готов за ним
На самое большое испытанье...

Это строки фронтового поэта. Они и о Баутине. Обаяние офицера Баутина во многом скрасило и для меня тяготы автономного плавания.

...После надводного перехода под палящим солнцем корпус лодки накалился. Ночью началась зарядка аккумуляторной батареи, и потеплевший электролит еще сильнее нагрел воздух в отсеках. Механизмы истекали маслом, дерево — смолой, люди — потом. Утром из облаков вынырнул самолет «противника». Срочное погружение! Кондиционеры из-за режима «тишина» выключены, и вскоре пот полил со всех ручьями, хотя форма одежды — трусы да часы. Правда, штурману пришлось навертеть чалму, чтобы капли пота со лба не срывались на карту.

Хуже всего в пятом отсеке: раскаленные дизели пылали жаром.

— Идем, Андреич, моральный дух поднимать! — окликнул меня старпом. Был он в плавках; через плечо полотенце, в руках мочалка... Я не сразу догадался, зачем все это, пока старпом не возлег на дизельную крышку, как на каменную плиту восточной бани. Я охаживал его мочалкой, и старпом на виду у молодых матросов постанывал от блаженства. Я понял, чего ему это

стоило, когда сам лег на его место... Замысел — перебить стрессовую ситуацию самой что ни на есть житейской — оказался верным. Мотористы приободрились, повеселели. А старпом потом старался отдышаться в трюме, где было чуть посвежее, и охлаждал на забортном трубопроводе ладони...

Бахтин и Баутин... Как ни далека от нас ныне гражданская война, все же «Пантера» вошла и в жизнь Баутина. Последний ее командир И. Быховский выступал однажды в училище, где в тесных рядах курсантов сидел и Баутин. Не просто слушал — внимал Георгий рассказу о потоплении «Виттории», о судьбе «Пантеры», которая пережила три войны, закончив свой век в 50-х годах учебно-тренировочной станцией, и конечно же о жизни самого Бахтина.

Видимо, с того вечера ходовые огни героической «Пантеры» и светят Баутину путеводными звездами...

...Когда писались эти строки, пришло сообщение, что капитан-лейтенант Г. Баутин награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени. Орден адмирал вручил ему на пирсе — подводная лодка уходила в море...

Июль, 1981 г.

Виктор ВЕРСТАКОВ

НОЧЬ У НЕЧИСТОГО ЯРА

...Флотская диверсионная группа взорвала фашистский танкер, расстреляла из захваченного орудия береговую батарею, вот уже моряки с трофейными авиабомбами на плечах бегут к плотине. Сшитый из простыней экран полыхает взрывами и пожарами. Зрители замерли... И в эту неподходящую минуту включилась громкая связь:

— Малым катерам готовиться к выходу на службу!

С экипажем «моего» катера — старшиной 1-й статьи Владимиром Чернышовым и старшим матросом Сергеем Полубояриновым — выхожу в сгущающиеся, но еще жаркие сумерки.

Сюда, на заставу имени Героя Советского Союза А. Я. Онопко, ехал много часов по раскаленной, безжизненной, пыльной земле. Странно было, выбравшись из «уазика», встретить посреди пустыни настоящих, одетых по всей форме военных моряков. Где же они плавают?

Командир группы катеров мичман Василий Павлович Васильев глядит вдаль, где клубятся синюшные облака:

— Река под обрывом, за камышами не видно. Сейчас она покажется.

Переспрашивать неудобно, но не по небу же она потечет? Потекла по небу: облака сомкнулись с землей и сужающимся потоком рванулись к заставе — это полетел над руслом клубящийся серый песок.

Наконец увидел и саму воду. Идем сквозь высоченные камыши, листья которых похожи на сабли. Блес-

нула чуть ли не у самых ног змея, бесшумно пронеслась над головой цапля, тяжело взлетели с воды, суматошно забив крыльями, гуси. Моряки — наш экипаж и экипаж второго катера старший матрос Борис Дубровин и матрос Кайрат Смагулов — одеты в черные нейлоновые куртки с меховыми капюшонами. Бескозырки ребята оставили на заставе: в них на ветру неудобно. Хотя, между прочим, до последней секунды были в бескозырках.

Флотские традиции моряки пустыни берегут до трогательности свято. И в терминологии: угол в спальном помещении, где стоят их койки, зовут только кубриком, табуретки — банками... И в службе, и в ритуалах: на День ВМФ, в лютую июльскую жару, вышли на пирс, выстроились под военно-морским флагом кораблей пограничных войск.

На занятиях по морской подготовке отвечают лихо, с традиционной флотской любовью к точности: «В форпике, расположенном от форштевня до третьего шпангоута, хранится инвентарное имущество, а также якорное устройство, состоящее из якоря Матросова весом десять килограммов и капронового троса окружностью пятьдесят миллиметров...»

Впрочем, на здешней реке якорное устройство ни к чему — слишком быстрое течение, слишком ненадежное песчаное дно... Да и вообще река эта в пограничной действительности необычная. Десятки тысяч километров границы СССР проходят по суше, по прибрежным морским водам, по рекам и озерам, а здесь иной вариант: река приходит к нам с сопредельной стороны, пересекая линию границы. На реке, конечно, никакая линия не прочерчена, и столбы не стоят, но граница есть, охранять ее надо. Для этого и уходят в ночь малые катера.

Пока Полубояринов отдает швартовы, Чернышов спрыгнул на палубу, пробрался между ходовой рубкой и леерами к машинному отделению, поднял крышку люка и принялся, как фокусник, извлекать снизу парусиновые чехлы: ими здесь укутывают двигатель от всепроникающего песка.

— Сережа, антикомарин взяли?

— В каюте должен быть пузырек, надо глянуть,— откликнулся с берега Полубояринов.

Глянуть доверили мне. Пригнувшись, ныряю из «легкой ходовой рубки, открытой с кормы», в низкую каюту. Тумбочка с выдвижным столиком, подвесной шкафчик, огнетушитель, пирамида на два автомата, радиостанция, коврик и два роскошных, хоть в рост вытягивайся, обитых дерматином дивана — жаль, наслышан уже, что у Нечистого Яра в каюте находиться нельзя.

Пока отдавали швартовы и раскутывали двигатель, снова подул ветер. Река вспухла белой, срывающейся с гребней волн пеной, заскрипел на зубах песок, отдалились, изменили тембр человеческие голоса. Но нам-то что: мы уже на фарватере, грохочет за спиной многосильный двигатель, проплывает справа крутой берег, а слева — пологий, на скорости проскакиваем перекаты.

Чернышов сидит на высоком креслице слева, крутит рулевое колесо, временами передвигает рукоятку управления подачи топлива. Полубояринов — справа, за штурманским столиком; ни карты, ни лоций на столе нет, они и не помогли бы: утренняя глубина может здесь к вечеру обернуться мелью.

Отстал, пропал во тьме второй катер. Кричу об этом Чернышову, он показывает рукой в сторону левобережного кустарника:

— Там их пост, а мы направо, к Нечистому Яру!

В ту же секунду садимся на мель. Нечистый Яр, нечистая сила, черт попутал, вечно на воде что-нибудь со мной приключится... Моряки тоже озадачены: вчера мели здесь не было, быстро же песок нанесло. Полубояринов перебирается с опорным крюком на крышку люка машинного отделения, крюк вязнет в донном песке, катер ни с места. Короткое совещание в рубке, Сергей скидывает с себя нейлоновую куртку и все прочее, спрыгивает в черную, быструю, противную на вид воду. Главное — чуть высвободить винт и вовремя качнуть тяжелый корпус. Долго ли, коротко ли, но сделать это удалось, вот уже подходим к обрывистому вогнутому берегу, под ветви старой, склонившейся к воде ивы.

До чего же счастливая служба у тех, кто плавает в океанах! Или в морях. Или даже на реках, где гра-

ница проходит по-человечески — вдоль. А тут — поперек! Вот уже полчаса стоим. Отмели прямо на глазах становятся белее, коряги и торцы топляков — чернее. Кусты на противоположном берегу различимы до веточки. Вода теперь кажется светло-серой, она несется от границы со скоростью одиннадцать километров в час, вспотела, даже парок от нее.

Стоим в секрете. Спасибо прожектору: ударит с береговой вышки, обшарит реку, приободрит. Тихо. По борту журчит вода, а на фарватере чисто, ничто не плывет. Комары обнаглели: раньше пикировали, а теперь с лица и рук попросту не взлетают. Наверное, биологически приспособились; по-моему, антикомарин для них лакомство.

Чернышову хорошо — он спокойный. Вырос под Воронежем, в селе Первое Садовое, на реке Битюг, о которой песня есть и которую поэт Егор Исаев прославил в поэме. Летом Володя работал на току и на комбайне, в свободное время немножко слесарил и шоферил. Между делом собирал кое-что из технических обломков, и перед службой оказалось у него ни много ни мало — три мотоцикла и моторная лодка. Недавно любимая девушка написала, что выходит замуж, Чернышов пережил с пониманием: «Долго ведь ждать — мы, флотские, три года служим».

Еще час прошел. Дунул ветер, зашуршали листочки над рубкой, и вдруг где-то рядом затрубило, загрохало. Знаю, что львы здесь не водятся, и слышал их прежде лишь в зоопарке, но это, конечно, лев. Полубояринов успокоил — елик. Елика я живого не видел; наверное, побольше льва. Сергей шепчет: «Маленький, на косулю похож...» Не верится что-то.

Сергею было труднее привыкать к службе в секретах, он человек городской, из Наро-Фоминска. Правда, до призыва приобщился и к сельской жизни — год возил на «уазике» главного агронома совхоза «Птичное». Поступал в Московский автомеханический институт, не прошел по конкурсу, после службы снова будет поступать. Здесь окунался не только в августовскую воду, но и в ноябрьскую, когда катера плавают средь шуги.

Какой ты по происхождению ни будь, а привыкнуть на границе к службе в секретах обязан. Борис Дубровин — старший моторист второго катера — тоже городской, из города Ершова Саратовской области. В одной из характеристик прочел о Борисе: «Любопытен, порой чересчур». Сам он считает, что у него единственный недостаток — излишняя скромность. И он привык, даже награжден на днях знаком «Отличник ВМФ».

И Кайрат Смагулов — моторист второго, мечтающий о беспокойной судьбе геолога, бывший левый край нападения районной футбольной команды — тоже привык к многочасовой неподвижности, к нервотрепке ожиданием.

...Продребезжал зуммер — вызвала на связь застава. Нечего доложить; а в иные ночи катерники то корзину поймают (под нею может нарушитель с дыхательной трубочкой прятаться), то лодку полузатопленную или плот камышовый...

Снова, в который раз, полыхнул, обшарил воду прожектор.

— Сергей, видел? — Чернышов тревожно привстал, наклонился к борту.

— Не должен бы так нагло...

— Слушай!..

Прислушиваемся: кто-то живой плывет по реке, тяжело, с хрипом дышит. Вот уже отчетливо видим в мелких волнах черную точку.

— Отдавай швартовы! Перехватываем!

Кончилась тишина. Грохнули по надстройке ботинки Полубояринова, взревел заведенный Чернышовым с полуоборота двигатель; пловец круче повернул к противоположному берегу.

— Скорее, Серега! В кусты ведь уйдет!

Куда подевались мели и отмели? Правда, теперь катеру помогает течение, но все равно кажется, что он стал летучим, с разбегу перескакивает гиблые в другую пору места. На вышке заметили, поняли, спешно включили прожектор. Нет добра без худа: на несколько секунд ослепли и мы — близок пловец, а едва видим. Берег тоже близок, можем не успеть перехватить или дать волну, чтобы не вылез. Полубояринов хватает автомат, бежит по вздыбленному ревущему катеру на самый нос:

если пловец скроется в кустах — врежемся в берег, и Сергей спрыгнет первым. Наконец-то прожектористы нащупали цель, на самом срезе воды, вот уже и туловище видно — кабан, самый обыкновенный кабан.

Чернышов рвет на себя рукоятку управления реверс-редуктором, форштевень клюет вниз, Полубояринов инстинктивно валится назад, на рубку, кабан с визгом раздирает загривком кусты, остановленный катер пристыженно тычется носом в береговую отмель.

...Ничего не случилось; доложили на заставу и вернулись в секрет, к Нечистому Яру, в котором нет никакой чертовщины и который можно писать с маленьких букв: яром называется обрывистый пойменный берег, а нечистым его зовут, если есть возле него препятствия для судоходства.

Если неспокойна граница, все яры на ней — нечистые...

Август, 1982 г.

Николай ГОРБАЧЕВ

НА ВСЕМ ПРОСТРАНСТВЕ

1.

Привычны и естественны для нас, живущих в XX веке, воздушные трассы, которые пролегают над всем пространством нашей страны. Бороздят небесные дали лайнеры Туполева и Ильюшина, юркие «яки», неторопливые «антоновы», работяги вертолеты. А случись, попробует вторгнуться в наше воздушное пространство чужая машина, в мгновение, с электронной скоростью разнесется соответствующая информация.

Она поступит в штабы, на командные пункты: по отметкам на экранах радиолокаторов нацелятся в небо зенитные ракеты, на аэродромах взревут турбины дежурных истребителей-перехватчиков. А у экранов операторы в солдатских гимнастерках будут все так же считывать данные: «Азимут... дальность... высота...»

Люди с черными петлицами, которые управляют этими локаторами, объединенные в подразделения, части, называются радиотехническими войсками (РТВ) противовоздушной обороны страны.

Как самостоятельный род войск РТВ, уже надежно и прочно занявшие свое место в противовоздушной обороне страны, еще молоды. Но на плечи их сразу легли задачи ответственнейшие. Причем сложность и значимость этих задач росли не по дням, а по часам.

Обо всем этом и шел у нас разговор с начальником войск генералом Михаилом Тимофеевичем Береговым.

— Теперь поле обозрения наших войск представляет собой всю совокупность воздушного пространства над страной. Обнаружив любую цель, радиолокаторы, подвластные воинам — мастерам своего дела, способны

«прочитать» цель, то есть до малейших тонкостей выявить, что она собой представляет. Это крайне важно для принятия решения.

В условиях резко возросших скоростей полета стратегических бомбардировщиков значительно сократилось время боевой работы перехватчиков и зенитных ракетных комплексов. Значит, воздушные цели нужно обнаруживать на предельных дальностях, а оповещение о них должно выдаваться практически мгновенно. Но на этом функции радиотехнических войск не заканчиваются. Они дают целеуказания зенитным ракетным комплексам, участвуют в наведении истребителей-перехватчиков.

...Мы в радиолокационной роте. Это, пожалуй, основная боевая единица радиотехнических войск. Разбросаны такие роты и друг от друга и от штаба воинской части на большие расстояния, ведут самостоятельный образ жизни, внося свою лепту в деятельность радиотехнических войск.

Обычный день. Обычное дежурство. Овальная, будто сдавленная с боков антенна высотомера раз за разом неутомимо описывает круги. У локаторов антенны замысловатые, в несколько этажей, ажурные, насквозь просматриваемые. Станции мощны, они излучают в импульсе большую энергию и, значит, способны видеть воздушную цель за сотни километров. В кабинах локаторов тесно от электронной аппаратуры. Немало в роте энергетики: могучие дизель-генераторы, многокилометровое кабельное хозяйство...

Пункт управления — своего рода нервный центр, откуда командир роты капитан Кириллов Александр Николаевич руководит работой боевых расчетов. Отсюда первые данные о целях передаются на вышестоящий КП.

Капитан Кириллов — высокого роста, русоволосый, в словах и движениях спокойствие. То ли от природы дарованы ему эти качества, то ли неторопливость и раннюю, не по годам, сдержанность вылепил и отшлифовал Север. Ведь сюда, на эту точку, капитан прибыл, прослужив за Полярным кругом не один год.

На точках много строят, и зачастую собственными силами: немалые расстояния приучили командиров к самостоятельности, к умению найти и использовать ме-

стные ресурсы. Пора для строительства — короткое, как вспышка, лето. А после — полярная ночь, непогода, крепкие, до 50 градусов, морозы, свирепые ветры...

Такие крохотные городки разбросаны в лесотундре, в Арктике. Вот, например, подразделение связистов.

Аппаратурное помещение, дизельная, спальный корпус, летняя столовая для солдат, напоминающая красивую застекленную беседку теплица с гроздьями свежих помидоров, чистая, ухоженная территория, над которой возносятся стальные стрелы с паутиной антенн. Вижу самого вдохновителя и главного устроителя «хозяйства» прапорщика Литвина Николая Ивановича, начальника смены.

Прапорщик — мастер на все руки: армейские университеты научили. Награжден медалью «За боевые заслуги». Это — за достигнутые успехи в боевой и политической подготовке, поддержание высокой боевой готовности и освоение новой сложной техники, как гласит выписка в личном деле Литвина.

Есть в этих городках свои особые радости. Прибудет ли новый человек, приедут ли машины, доставив груз, опустится ли вертолет с долгожданной почтой — высыпают встречать всем «наличным составом»: солдаты, офицеры, жены, дети... Случившемуся гостю рады бесконечно.

И еще одна примета здешней службы — молодость. Семьи — молодые. Существует правило: на отдаленные точки не назначаются те офицеры и прапорщики, в семьях которых есть школьники. Дети на точках — малышня, дошколята. Их обычно немного, но это всегда подлинные любимцы подразделения.

Для Заполярья существует еще одно непреложное правило — по истечении определенного срока офицеры перемещаются на Большую землю. Однако многие, отслужив в более мягких широтах, снова просятся сюда.

...События развивались напряженно: разведывательные полеты «противника», отвлекающие удары и наконец — массированный налет его главных сил.

В боевых расчетах радиолокаторов и здесь, на КП, крепко-накрепко забыли, что это лишь учения. Ведь если для истребителей-перехватчиков их атаки завер-

шались беззвучными очередями фотокинопулеметов, то для радиотехнических войск — ни малейших отклонений от реальной боевой работы.

На планшете, подсвеченном лампами дневного света, пролегли курсы самолетов «противника». Их было много, они постепенно сходились в узкий пучок, и подполковнику Варицкому Анатолию Леонтьевичу, сидевшему на возвышении перед планшетом, стало ясно, что они сольются вот там, в межгорье, где на первый взгляд труднее обеспечить обзор пространства локатором. Видимо, «противник» не знал, что локаторщики заранее приняли нужные меры.

Со стороны колонна могла показаться странной: разномастные машины — бензовоз с прицепом, трехосный «ЗИЛ» с лебедкой, подвижная автомастерская, трактор с санным прицепом, на нем громоздится тяжелый куб — аппаратурная кабина радиолокатора. Передислоцировался на новое место полный комплект радиолокационной станции. Двигалась колонна медленно — все в белом инее: машины, прицепы, кабины, узлы разобранной антенны в сказочном колдовском убранстве.

Старший команды, выскакивая из кабины головной машины, чтоб оценить состояние колонны, через считанные минуты и сам оказывался в белоснежном одеянии. На градуснике — минус сорок три. А впереди — множество километров пути по бездорожью, лесотундре. Машины буксовали, увязали в снежном месиве. Километры доставались с трудом. В авральных ситуациях поднимались все — и отдыхающая смена водителей, и старший со своим помощником.

На третьи сутки колонна прибыла на «точку». Усталость валила людей с ног. Но станцию смонтировали и в срок доложили о готовности. И вот теперь, на учениях, она вносила свой весомый вклад.

На КП звучали доклады, переговаривались телефонисты, попискивала морзянка за стеклянной переборкой. От перегретой, работавшей многие часы аппаратуры, ламп, горевших в полный накал, было жарко.

Правильно ли предугадан замысел «противоборствующей стороны»? Каким будет ее маневр, как и по каким объектам предполагает она наносить удар?

Цели приближались и к квадратам, включавшим район межгорья. Все ясно.

Срочное донесение передано в эфир, его приняли, и тотчас пошли приказы. Несмотря на то что «противник» начал применять помехи, он был встречен своевременно, еще до вероятного пуска ракет «воздух — земля».

Ни одной цели, ни одного своего истребителя-перехватчика в этой сложной обстановке не потеряли из поля зрения локаторщики: сработано было четко, оценка обстановки оказалась точной.

2.

Может быть, оглядев безлесые сопки арктической тундры, свинцовые тучи, еще минуту назад высокие и вдруг опустившиеся серыми космами на поселок, оглядев все это, вы скажете, что служить тут нелегко. Вам с улыбкой ответят: «Нормально! Мы ведь на южном берегу Северного Ледовитого океана».

...Городок прижат к берегу рыжими сопками. Дома и казармы оранжевые, красные, синие... Веселое разноцветье скрашивает однообразие тундры, а в непогоду помогает ориентировке. У входов в дома и казармы — яркие лампы, их включают в полярные ночи, в пургу, когда боевые расчеты пробиваются на тягачах, с трудом преодолевая километры.

Лучи радиолокаторов здесь непрерывно прощупывают небо. Необходимость особой бдительности диктует сама жизнь. Иногда случалось, что чужие самолеты-разведчики оказывались в непозволительной близости к границам СССР.

...В тот день на командном пункте все начиналось спокойно. Капитан Евгений Миронович Васильченко, заступая на дежурство, внимательно слушал доклад товарища: смена — передача эстафеты. Важно уяснить все сильные и слабые стороны деятельности расчета за предыдущие сутки.

Но вот во время доклада по громкоговорящей связи прозвучало:

— Внимание — цель!

Тотчас подсветился планшет, легла первая засечка на прозрачном плексигласе, и, пока рядом выводился присвоенный цели номер, капитан доложил:

— Товарищ командир! Иностранный самолет!

Велика ответственность дежурного расчета, каждого его звена: оперативного дежурного, операторов, планшетистов, радиотелеграфистов... Но, как всегда, особая ответственность ложится на плечи командира.

Подполковнику Владимиру Николаевичу Бубенчикову присуще оперативное чутье, то самое тонкое и острое предощущение, которое позволяет «прочитать» и оценить обстановку.

Бубенчиков в мгновение понял: да, это незваный «гость». Напичкан разведаппаратурой — выявляет частоты, радиолокационные поля, ищет слабинку в радиолокационной обороне...

Он шел строго с севера, с океана.

Командир сразу представил себе дальний пост, береговую каменистую кромку с наползшими ледяными глыбами-торосами, вращающиеся антенны над группой заснеженных домиков... Там располагалась передовая рота, обнаружившая цель.

Полтора часа разведчик петлял над нейтральными водами, так и не рискнув зайти в прибрежную зону. И все это время локаторщики контролировали каждый метр его пути, малейший маневр.

В приказе была объявлена благодарность старшему лейтенанту Петру Рожнову, ефрейтору Виктору Резникову, другим воинам роты. Оператора Павла Мусакаева ждала особая награда — в штабе ему вручили отпускной билет в родные края, в Башкирию.

...На плацу между казармой и штабом замер строй. Закончен инструктаж боевого расчета, проверены задания и обязанности каждого, и вслед за командой «смирно!», прозвучавшей в морозном воздухе, майор-инженер Анатолий Дмитриевич Чурилов, вскинув руку к козырьку фуражки, чеканно произносит:

— Боевому расчету на боевое дежурство по охране воздушных рубежей нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик заступить!

Позднее на командном пункте оперативный дежурный у планшета воздушной обстановки сдавал смену.

— За истекшие сутки нарушений воздушной границы, появления иностранных самолетов-разведчиков не было.

Дальше — разбор действий дежурных расчетов, оценка состояния технических средств. Политработник майор Станислав Александрович Окружко вносит свои дополнения: за последнее время накоплен интересный опыт, выявились некоторые недостатки. Надо собрать партийный и комсомольский актив — обсудить, заострить внимание... Словом, смена проходила привычно и размеренно, согласно выработанному порядку. Торжественный и вместе с тем деловитый, он заряжает людей энергией, четкостью на предстоящие сутки напряженной воинской работы.

Часть эта многоопытная, с хорошими традициями, обретенными уже в мирное время. Среди ее воинов подавляющее большинство — специалисты второго, первого классов и мастера. Почти три четверти ее личного состава владеют двумя, а то и тремя смежными специальностями. Памятное Красное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, которым часть награждена в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции, стоит в штабе. Рядом переходящее Красное знамя Военного совета.

Воины сохраняют прочные связи с ветеранами, в комнате боевой славы — письма, книги с дарственными надписями от видных военачальников, писателей, деятелей культуры.

Шефствуют над частью комсомольцы одного из областных центров Сибири, и в дни моего пребывания в части локаторщики готовились к сердечной встрече с ними.

Воины РТВ не только охраняют небо Крайнего Севера, но и вносят свой вклад в развитие этих районов.

...Медленно и упорно идет во льдах караван судов. Ледокол пробивает путь. Каждые сутки, каждый час ему нужно знать ледовую обстановку не только вблизи

по трассе, но и на значительном удалении: скопление льда, его передвижка, толща ледяной массы.

С прибрежных аэродромов взлетают для этой цели ледовые разведчики — неприхотливые «ил-четырнадцатые», хорошо зарекомендовавшие себя в полярных условиях. Рука об руку с ледовыми разведчиками действуют военные локаторщики, помогая им ориентироваться, уточнять место, выходить на курс. Бывает и так... Удаляется самолет в белое безбрежье и попадает в «мертвую» для радиосвязи зону. А данные по ледовой обстановке требуются немедленно. Службы Главсевморпути обращаются к военным локаторщикам за помощью, и те сообщают: «Там-то ледовый разведчик делал такие-то маневры, повернул назад после того, как поутюжил над океаном. Значит, обнаружил ледовый затор...»

Богат этот край, несметны его кладовые. Потому многочисленны и экспедиции — научные, изыскательские, опытно-производственные. Снабдить их всем необходимым зачастую можно только по воздуху.

Но погода здесь меняется внезапно и резко: вылетит самолет при ясном дне, и вдруг сюрприз — затянуло все сплошными, непроницаемыми тучами. А то ударит снежный заряд — стена белого упругого потока...

Вот и помогают по просьбе служб гражданской авиации военные локаторщики проводить сложные челночные перелеты самолетов с людьми, оборудованием...

Когда мне приспела пора улетать, Арктика уже дышала зимой. Все чаще промозглые туманы затягивали желтые, как бы обгоревшие сопки, снег покрывал каменистую землю, от ледяных капель, когда они скатывались за воротник, бросало в дрожь. Но навигация тогда еще продолжалась, был самый пик страды перед долгим зимним затишьем. Горячая пора и у хозяйственников части: на пристани выгружались запасные части и агрегаты к локаторам, тюки обмундирования, ящики с продуктами, овощи. От причалов уходили последние транспорты, торопились туда, где круглый год бдительно и неустанно несут службу подразделения радиотехнических войск противовоздушной обороны страны.

Декабрь, 1976 г.

Петр СТУДЕНИКИН

ТЕПЛЫЕ РУКИ СОЛДАТА

В Центральном клубе имени Ф. Э. Дзержинского проходило Всесоюзное совещание секретарей партийных организаций пограничных войск. Шел большой разговор о дальнейшем повышении бдительности и боеготовности пограничников. Немало было сказано и о прочной дружбе, связывающей войска с жителями приграничья. В перерывах можно было услышать: «Спасли больную женщину и ребенка...», «Наши ребята отличились при тушении пожара...», «Наводнение грозило снести школу — не дали...»

И в памяти вставали события — далекие и недавние.

...Гудел асфальт под колесами, но казалось, гудят набатом колокола: колонна военных машин спешила, рвалась через горы в Пржевальск — на помощь населению, пострадавшему от жестокого землетрясения.

Груды развалин под холодным лунным светом, плач женщин, мелькание зеленых фуражек пограничников, первыми появившихся здесь после землетрясения. Так встретили нашу колонну пострадавшие села. Время от времени еще накатывались волнами подземные толчки, и тогда рушились устоявшие стены.

В блокнотах сохранились записи, сделанные наспех в палатках при свечах.

«...Меня вот этот дядя-солдат спас. Я помню, камни посыпались и стена упала. Темно стало, как ночью. А потом снова день пришел, а меня быстро-быстро дядя-солдат на руках нес». (Бекболот Орозобеков, 8 лет).

«...Кто-то вспомнил: в правлении колхоза осталось переходящее Красное знамя. Солдаты побежали туда.

Тут вновь колыхнулась земля. Подняв столб пыли, упала еще одна стена и часть крыши. «Назад!» — крикнул старший лейтенант Н. Чуйков. Но один из воинов уже скрылся в развалинах, а через минуту вынес знамя. Это был кандидат в члены КПСС рядовой А. Чесняк».

«...Работали с рассвета до поздней ночи. Пограничники установили 1050 палаток, восстановили линии связи и электропередач, оборудовали школьный городок и детский садик».

«На второй день спасательных работ, когда поздно вечером солдаты, едва добравшись до палаток, свалились от усталости, кто-то сказал, что большая семья инвалида Отечественной войны К. Соронбаева осталась под открытым небом. Этого допустить воины не могли. Всю ночь при свете автомобильных фар рядовые С. Бекжанов, М. Штейн и другие пограничники трудились, забыв об усталости. К утру семья инвалида вселилась в утепленное жилище.

— Сынок,— говорит К. Соронбаев,— я потерял на фронте обе ноги. Вынес меня с поля боя незнакомый солдат, и я остался жив. Мне радостно видеть, что воины-сыновья унаследовали солдатскую доброту и решительность» (поселок Шопак).

Сохранился в памяти и такой случай. В Отрадном или Раздольном, не помню точно, нас, журналистов и пограничников, пригласили в только что построенный воинами детский садик. Надо было видеть, с какой радостью малыши пошли к солдатам на руки, когда те понесли их в дом, как крепко обнимали их, а затем, не выпуская теплых солдатских рук, засыпали с безмятежными улыбками.

Руки солдата! Крепкие. Более привычные к автомату и саперной лопатке. Пропахшие порохом и табаком. Но я и сейчас еще ощущаю из полузабытого военного детства их теплоту. 112 семей из моего села потеряли в войну отцов. Для большинства из нас, мальчишек-«безотцовщины», не очень-то радостными были дни, когда возвращались домой фронтовики. Так и врезалось в память: твердой ладонью солдат утирает мне слезы, а сам говорит доброе, ласковое. Кто он, этот солдат,

сберегший мне что-то очень важное, не помню, но тепло его рук, его доброе сердце запомнил на всю жизнь.

...Здесь, в Центральном клубе имени Ф. Э. Дзержинского, я встретил знакомого — старшего лейтенанта Ивана Тимофеевича Брусенцева. Случай свел нас годом раньше.

Дождь лил три дня и три ночи. То чаще, то гуще, то срываясь в тропический ливень, но не переставая ни на минуту. Реки, даже захудалые речушки разгулялись в «буйном похмелье» — вышли из берегов: одна сыграла грустную шутку с автотуристами из Ленинграда, заночевавшими вблизи от реки,— подхватила и унесла новенькие «Жигули», пострадавших пришлось снимать с дерева вертолетом; другая показала свой своенравный характер — слизнула несколько мостов. Улицы селений превратились в протоки, дворы — в гаваньки. Вода грозила жилым домам, пионерским лагерям...

Директор детской дачи Северо-Кавказской железной дороги А. П. Щеглов отдал приказ поднять на второй этаж 297 пяти-шестилетних детишек. На помощь к ним спешили пограничники. Лейтенант Брусенцев — обычно сдержанный, осмотрительный — все поторапливал водителя:

— Быстрее, быстрее, дружок! Ребятки в беде...

Воспитатели, дети, сгрудившись у окон на втором этаже, с тревогой смотрели, как все выше и выше поднималась вода. Из разбитых окон столовой и спальных помещений выплывали миски, синеглазые куклы... На дачу, напоминавшую потерпевшее кораблекрушение судно, наступало и море: почти у самых ее стен с грохотом разбивались волны. В глазах у мальчишек — одновременно и страх и восторг; у взрослых — тщательно скрываемая тревога. Но все 297 пар глазенок засветились радостью, когда в дальнем конце двора, разрезая воду, показались военные машины.

Действовали пограничники споро: высыпали из машин — цепочка стриженых голов над водой протянулась к даче. И поплыли ребятишки на крепких солдатских руках над совсем нестрашной теперь стихией... Более трех часов продолжалась эвакуация. Все это время спасатели простояли в холодной воде. А когда

детей и имущество вывезли в безопасное место, младший сержант А. Пономарев, ефрейтор Н. Дворядкин, рядовые П. Софронов, В. Фирсов и другие, те, кому подошло время, переодевшись в сухое, ушли на охрану государственной границы. Кроме автоматов и подсумков с боевыми патронами несли они в себе тепло ребячьих сердец и нежные слова: «Спасибо вам, товарищи пограничники!»

— Воин границы всегда уверен: рядом с ним, плечом к плечу, стоит советский труженик,— отмечал в докладе на совещании секретарей партийных организаций начальник Пограничных войск СССР генерал-полковник Вадим Александрович Матросов.— В свою очередь пограничникам приходится не только задерживать нарушителей. Они помогают местному населению в решении многих хозяйственных вопросов. Пожары ли, наводнения, землетрясения — первыми на помощь населению приходят воины. Так всегда...

Да, так всегда.

Не забыли пограничники и жители Закавказья тревожные события зимы 1977 года. В горах тогда выпали обильные снегопады — снежный покров достиг 5—9 метров. Многие селения и погранзаставы оказались в трудном положении. Метели и бури замели дороги, вывели из строя линии связи и электропередач. Стало трудно доставлять питание, топливо, корм для скота.

Я тогда выехал на место события. В политотделе Краснознаменного Закавказского пограничного округа мне показали радиодонесения с отрезанных застав.

«...Пограничники А. Татаринцев, А. Лялюк, Н. Салтыков, А. Бережной, Ю. Мищенко, Ю. Дубинин, возглавляемые офицером А. Ершовым, спасли пассажиров автобуса, застигнутых непогодой. Пострадавшие — 36 человек — доставлены на заставу...»

«Рядовые Белый А. И. и Шевцов Н. А., работая под ураганным ветром более 18 часов, обеспечивали бесперебойную связь...»

Ни в одном из множества подобных донесений не встретишь слова «подвиг». Но как назвать действия вертолетчика Матвеева, который в непогоду, чтобы забрать с высокогорной заставы и доставить в госпиталь

тяжелобольную жену офицера, посадил-таки машину на крохотный пятачок среди скал?

— В такой момент разве о себе думаешь? — говорил майор Матвеев.— Человек в беде — надо помогать, как же иначе?

Люди доброго не забывают. С политработником майором В. Остапенко побывал я во многих горных селениях, и к скупым радиодонесениям добавились живые рассказы о том, как спасательные отряды под командованием подполковника Г. Метревели и капитана А. Черненко трое суток пробивались в буран в отрезанный от живого мира аул, чтобы доставить туда продукты; как пограничный наряд сержанта Ю. Дубинина вышел в пургу на поиски и спас заблудившихся в горах; как пограничники заставы офицера А. Черныша помогли колхозу «Заря» предотвратить падеж скота — трое суток они выносили на себе сено, засыпанное снегом высоко в горах...

...После встречи со старыми знакомыми я побывал в кабинете оперативного дежурного по Главному управлению Пограничных войск СССР. Москва уже засыпала. С площади Дзержинского доносился шелест редких машин, а здесь остро ощущалось дыхание «дозорной тропы» Родины... С нетерпением и тревогой ждали вестей из штаба Северо-Западного пограничного округа. В Заполярье ярились штормы. Ураганные ветры, обильные снегопады выводили из строя линии связи. И, как всегда, первыми приходили на помощь местным жителям пограничники. Донесения из штаба округа были по-военному скупы и немногословны: «Спасли заблудившихся...», «Оказали помощь...», «Восстановили связь...»

Март, 1978 г.

Виктор ВЕРСТАКОВ

РОТА БОГДАНОВА

Мотострелковый батальон шел по горам; техника, кухни, палатки — все осталось в долине, сообщение с базой поддерживалось только вертолетами. Кто бывал в горах, знает, как трудно идти по кратчайшей через гребни, ущелья, россыпи гигантских камней. Пропылились до белизны хлопчатобумажные полевые куртки, не выдерживают, рвутся горные ботинки. Направление движения — к лагерю. Обратный путь в горах всегда сложен: люди устали, могут ослабить внимание...

Прошлую ночь мотострелки ночевали километром выше, где во флягах замерзала вода. Не было дров, спали вповалку, прижимаясь друг к другу, и все равно до костей промерзли.

— Приготовиться к движению,— командует майор Валерий Нестеров.— Замыкает рота Богданова.

— Вот отличная команда! — восклицает краснолицый старший сержант, расправляя на плечах лямки тяжелой рации.

Роты одна за другой спускаются с гребня, пылящими цепочками уходят в море холмов. Последними начинают движение подчиненные старшего лейтенанта Владимира Богданова. Замыкают строй два старших сержанта: тот, что несет рацию,— Николай Михнов и его друг — смуглый, тонкий Юрий Никитин.

Многое удивляет в Афганистане. Экзотическая природа, бедная жизнь горцев и кочевников, пыль, которая порой сама собой поднимается и висит в воздухе, стародавние, разрушенные еще Чингисханом крепости, ка-

менные будды Бамиана, мечети Герата и Мазари-Шарифа... Но всего значительней для меня, невоевавшего военного журналиста, увидеть доблесть советских воинов. Им выпали тяжелые испытания, и они оказались нашим ребятам по силам.

Помню, как «жаловался» замполит разведподразделения: «Проблема — оставить суточный наряд в лагере, когда в горы идем». После его рассказа я расспросил одного такого «строптивца» — рядового Николая Оношу. Он смутился, ответил уклончиво: «Так ведь скучно без ребят оставаться в лагере»... Да, в Афганистане наши офицеры и солдаты без показного пафоса выполняют долг перед страной, перед всей армией, перед друзьями-однополчанами.

Почти два трудных года достойно выполняют этот долг и Михнов с Никитиным, свидетельством тому — награды на их груди.

Вверх-вниз, с гребня во впадину и снова на гребень — так час за часом, километр за километром идет батальон. К полудню поднялись на очередную горушку, привал. Михнов и Никитин сразу заспорили: деревце, под которым вместе сидят, это боярышник или дулана? Не особо прислушиваясь к их спору, пытаюсь понять, чем же столь похожи эти ребята. Михнов на год моложе, общительней, любит шутку. Кто-то неподалеку бросил на землю вещмешок, Михнов уже скосил глаза: «Миш, дорогой, пыли и без тебя много, мешков мало». Вырос Михнов в Симферополе, там окончил профессионально-техническое училище, поработал до армии слесарем-монтажником.

Никитин скупее на слова, свое мнение отстаивает сдержанно: если, мол, дулана, объясни, чем по науке она должна отличаться от боярышника. Впрочем, на долгую паузу друга улыбается без торжества. А похожи сержанты уверенностью в себе, свободой бывалых людей, выправкой видавших виды солдат.

Когда солнце поднялось в зенит и тень под неведомым деревом сократилась до диаметра кроны, вдруг налетел ветер, закрутился пылевой смерч. Михнов махнул рукой на свою дулану и ушел к наблюдателям. Через пару минут смерч умчался к другой вершине,

стало ясно и тихо, и в этой тишине засвистели пули. Команда «укрыться» и доклад Михнова прозвучали одновременно:

— Шесть человек у отдельно стоящих деревьев, расстояние полтора километра.

Доклад выслушали с пониманием: раз полтора километра, то стреляют на авось, неприцельно.

...Нет ничего хуже в горах, чем спускаться по крутому каменистому склону: скользят и разъезжаются ноги, дрожат одеревеневшие мускулы — уговариваешь их не дурить, подчиниться, изобретаешь всякие хитрости — где на пятках проедешься, где обопрешься локтем. Временами кто-нибудь падает, поднимается торопливо, всем своим видом показывая, что произошла случайность. Возле долины сошлись на параллельных курсах с цепочкой афганских воинов — они двигались по нижнему, более удобному уровню. Снаряжение у афганцев походное, но есть у них транзисторный приемник. Из добрых чувств афганцы нашли в эфире московский «Маяк», включили погромче. «Это не важно, не так это важно, важно, что кто-то был рядом с тобой»,— убеждала певица. Михнов смущенно улыбнулся.

— Даже не верится, что где-то могут так радостно петь. Кажется, весь мир по горам сейчас идет.

Немилосердно жжет белое солнце, болтаются на ремнях давно опустевшие фляги, катятся вниз камни, зависает мельчайшая невесомая пыль. Зато в долине награда — крохотная, в пару метров шириной, а все же настоящая речка. Солдаты сбросили вещмешки, легли на камни, потянулись губами к воде — к первой живой воде за время пути. Михнов и Никитин сохранили достоинство ветеранов, неторопливо, аккуратно умылись, потом наполнили фляги и попили из фляг.

Спустя час рота одолела долину, вышла к подножию очередного крутого холма. Надо было собрать остатки сил, с ходу одолеть вершину и там ждать вертолета. Без привала пошли змейкой вверх. Минут через пятнадцать на площадке, справа замкнутой скалой, слева — обрывом, зашатался, рукою прикрыл глаза шедший впереди нас высокий, худой солдат. Никитин рванулся к нему, схватил за плечи:

— Держись, Гасан, уже близко. Дай пушку, я донесу.

Солдат остановился, отрицающе повел головой, перевесил автомат с плеча на шею, снова занял место в цепи. Никитин силой отнял у него вещмешок.

На вершине все минут пять сидели молча, восстанавливали дыхание. Никитин расстелил на земле две куртки — свою и Михнова, достал из кармана какую-то таблетку, заставил Гасана лечь и проглотить лекарство. Михнов устало, через плечо спросил:

— Что с Амировым?

— Озноб, высокая температура,— ответил Никитин.

— Сходи к командиру. Гасана отправлять надо.

— Ребята, не надо. Я отлежусь и пойду, правда,— простонал из-под куртки Амиров.

— Не торопи жизнь, Гасан, тебе еще долго по земле ходить...

Никитин повторил то, что почти два года назад ему, тоже в ту пору молодому, необстрелянному солдату, говорили опытные однополчане. Случилось так, что в час пересечения афганской границы в роте было лишь двое солдат нового призыва — Никитин и Леонид Сергеев (Михнов прибыл чуть позже, из учебного подразделения). И с тех дней по традиции ветераны роты берегут молодых больше, чем самих себя.

...Горушка, которую отвели роте Богданова, оказалась не самой удачной для вертолета, он приземлился на соседнюю, расположенную метрах в пятистах. Богданов не приказал — попросил, у кого остались силы, сходить туда за бачками с едой, отвести больного Амирова. Вызвались Михнов, Никитин, рядовой Виктор Теличко... Мы, оставшиеся, смотрели, как над пропастью, грудью против ветра висела, часто и бесполезно махая крыльями, какая-то большая черная птица; она так и не сумела одолеть воздушный поток, косо бросилась вниз. А по узкому гребню сквозь тот же ветер спускались четверо советских солдат — пригнувшись, спотыкаясь, едва переставляя усталые ноги.

Амирова забрал вертолет, а батальон провел в горах еще много часов. Но долго ли, коротко ли, а добрался и он до лагеря, и я ненадолго расстался с мотострел-

ками: всем надо было вымыться, переодеться. После обеда встретились снова. Амиров лежал в палатке, на своей угловой койке второго яруса — у него оказалась нередкая здесь лихорадка, в медсанбат идти не захотел. И Михнов выглядел простуженным, лицо покрылось мелкими каплями пота, но он продолжал шутить:

— В горах человек человеком, а внизу на мухоловную ленту похож.

Никитин курил в беседке, перелистывал свой альбом. Рядом был замполит роты старший лейтенант Владимир Толстов и тоже с интересом рассматривал альбом. Переписываю себе в блокнот первую страничку, вот эта запись: «Даже через много лет перед человеком, который прикоснется к этим листам, откроется то, что я прошел. Оживут бессонные ночи, подъемы, тревоги, тоска о матери, о доме и друзьях... Все это заключает в себе слово «Армия». Суровая школа жизни — Армия».

А заканчивался альбом словами: «Слава советскому солдату, который оставил частицу своей юности на этой земле».

Чуть раньше Толстов задержал руку Никитина, готовую перелистнуть очередную страницу с записью: «Минск — встреча 1982».

— Юра, это Кухарчик писал?..

— Да, мы поклялись в Союзе встретиться. Золотой парень, да, Владимир Алексеевич?

Старший сержант Михаил Кухарчик — секретарь комсомольской организации роты, командир отделения — несколько месяцев назад, преодолев многие испытания, вернулся домой, успешно сдал экзамены в институт, вступил в партию. Никитин рассказал еще о родителях своего недавнего однополчанина: Михаил, как и положено солдату, писал им спокойные и бодрые письма, и только увидев сына, они поняли, что он пережил. Под рассказ Никитина о Кухарчике мне вдруг вспомнилось прекрасное стихотворение Ярослава Смелякова — о матери, которая «в тонкие пеленки пеленала, в теплые сапожки обувала» своих детей и до самой войны не догадывалась, что «героев Времени растила».

К беседке подходили все новые и новые ребята, просили подробней рассказать, как жизнь в Союзе, что говорят и что знают о них — воинах, несущих здесь службу. Но скоро из штабной батальонной палатки вышел командир роты Владимир Богданов, объявил построение.

— Готовимся к выходу,— начал Богданов.— Больные или кто по другим причинам не может идти — есть?

После паузы прозвучал один голос:

— В БМП смогу, пешком — нет: ногу подвернул, распухла.

— Понял. Еще кто?

Остальные молчали. Они были готовы к новому маршу.

Декабрь, 1981 г.

Тимур ГАЙДАР

В ОСОБЫХ СЛУЧАЯХ

«Бывают особые случаи, когда по приказанию командования военно-морской флаг... вообще не спускается».

(Военно-морской протокол
и церемониал)

1.

Они бороздят Средиземное море то группами, то порознь, каждый своим курсом, решая каждый свои задачи. Иногда, выбрав подходящие глубины и грунт, становятся на якорь.

Если корабль на якоре, военно-морской флаг поднимают в 8.00. К этому времени корабельный день отмеряет немалую часть своего пути: подъем, зарядка, приборка, завтрак, осмотр и проворачивание механизмов. Солнце стоит высоко, и вода, ночью черная, потом, перед рассветом, цвета нержавеющей стали уже обретает обычную и всегда невероятную для глаз голубизну.

Случается, что и днем корабль остается на якоре. Но чаще грохочет шпиль, тяжелая якорь-цепь лениво ползет по палубе, и ноги ощущают нетерпеливую дрожь разбуженных турбин. Встречный ветер ударяет в лицо.

«Бортовой 127. Вы выглядите прекрасно»,— просемафорили на советский военный корабль с прошедшего мимо английского крейсера.

«Благодарим, Вы тоже смотритесь красиво»,— последовал ответ.

В Средиземном море встречи с кораблями НАТО — обычная вещь. Недавно лондонская газета «Таймс» вспомнила, что лет двадцать назад море это считалось

«натовским прудом». Здесь давно обосновался 6-й флот США с его авианосцами и атомными подводными лодками, здесь крейсируют эскадры королевского флота Великобритании. Поэтому постоянное плавание в средиземноморских водах кораблей нашего ВМФ, обеспечивающих безопасность СССР, естественно и необходимо.

Они приходят сюда надолго. Периодически получают почту, газеты. Заместитель командира по политчасти плавбазы «Дмитрий Галкин» рассказал: «Если с очередной почтой кто-нибудь из личного состава не получил письма, к такому до следующей почты все на корабле относятся с особым вниманием». Хочется, чтобы супруги и невесты военморов, которым попадутся на глаза эти строки, учли слова замполита.

Но в сущности все, что довелось увидеть и услышать на наших военных кораблях, находящихся в Средиземном море, убеждает: советские моряки длительное плавание переносят стойко, важность возложенной на них миссии понимают, хорошо втягиваются в ритм морской походной жизни.

При всем внешнем однообразии она не монотонна. Не бывает двух одинаковых швартовок на волне, двух одинаковых учебных стрельб, как не бывает в море двух одинаковых закатов. Особенно довольны длительным плаванием командиры кораблей. Берег с его соблазнами и отвлечениями далеко, все внимание экипажа отдано кораблю, службе, боевой учебе.

Учебная тревога!

Синей дробью — в коротких синих шортах, в синих рубахах с короткими рукавами — проносятся по палубам, трапам загорелые матросы. Мгновение — люки и двери задраены, на верхней палубе ни души. Покачивая стреловидными ракетами, раскручивая антенны своих радиолокационных станций, корабль режет волну. Потом тренировки на боевых постах, учения по борьбе за живучесть.

К вечеру море, словно по команде с мостика, снова меняет свой наряд, вспыхивает закатным пожаром, затем, выгорев, надевает белую робу и становится наконец иссиня-черным. Сабельный шрам лунной дорожки рассекает его на две половины.

«Товсь. Ноль! Товсь. Ноль!», На крыльях ходового мостика тренируются вахтенные офицеры, вылавливают секстантами в звездном крошеве альфу Орла, альфу Пегаса, сгоняют звезды с небосклона к почти неразличимому горизонту. В век спутников и электроники древний, по звездам, способ определения места корабля не должен терять своего значения.

А на корме, на вертолетной площадке — своя галактика. Разобщенные днем стальными переборками и палубами, сходятся сюда в вечерний тихий час артиллеристы и сигнальщики, корабельные машинисты и матросы боцманской команды, приятели, земляки, одногодки... Все темнее небо и все ярче огоньки последних перед сном или ночной вахтой сигарет.

Да, служба в Средиземном море, хотя она и нелегка, стала привычной для советских военных моряков. Привычны его летний зной, его — с октября по март — штормы, привычно принимать в открытом море с танкеров пресную воду и топливо, взлетать на пляшущем баркасе под небеса и, прицелившись, мгновенно перескочить на корабельный трап, различать с первого взгляда все типы натовских кораблей и самолетов и даже знать, где, на какой якорной стоянке какую можно выловить рыбу, опустив с кормы за борт толстую нейлоновую леску с грузилом, похожим на гирьку от старых «ходиков».

Но однажды в это однообразное разнообразие приходит весть, которая мгновенно облетает корабль от мостика до котельных и машинных отделений: вскоре предстоит заход в иностранный порт.

С командиром артиллерийского дивизиона крейсера «Жданов» капитаном 3-го ранга Евгением Николаевичем Глущенко мы сидим в его каюте. Солнце клонится к горизонту, и через круглый иллюминатор бьет в каюту прожекторный сноп его лучей. Отразившись в зеркале умывальника, лучи солнца падают на лицо артиллерийского командира. Капитан 3-го ранга щурится, отчего лицо приобретает озабоченное и даже несколько обиженное выражение.

— Ну, хорошо,— говорит он.— С нападением ясно. Но защита?

Крейсер «Жданов» и сторожевой корабль «Пылкий» идут в греческий порт Пирей, и Глущенко получил приказ: сформировать из матросов, старшин и офицеров корабля футбольную команду на случай, если греческие военные моряки предложат провести товарищеский матч. Вот капитан 3-го ранга и хмурится, поводит плечами, на которые легло бремя этой ответственности.

— В прошлый раз за рубежом играли во Франции. Так ведь с тех пор все матросы ушли в запас...

Эх, Евгений Николаевич! Хмурься ты или не хмурься, все равно, хоть теперь и погоны с двумя просветами, все равно виден еще в тебе, проглядывает тот десятилетний мальчишка из шахтерского поселка, отчаянный футболист, которого отец взял когда-то с собой в отпуск в Крым и, не ведая, что этим решает судьбу сына, повез его на экскурсию в Севастополь.

С той первой встречи с флотом у Евгения Глущенко в школе — только пятерки, в спорте — до первого разряда, чтобы потом уверенно пройти сквозь жесткий конкурс в высшее военно-морское училище и десяток лет назад лейтенантом, командиром батареи подняться на палубу крейсера.

Как известно, корабли нашего Военно-Морского Флота могут появляться в иностранных портах с визитами, официальными и неофициальными, или совершать заходы, деловые и вынужденные.

За десять лет, которые Глущенко служит на крейсере, вынужденно — укрыться от шторма, исправить повреждения или по другим чрезвычайным обстоятельствам — войти в иностранный порт не приходилось. Деловых заходов было немало. А официальный визит в его жизни четвертый: Сплит, Мессина, Тулон, теперь — Пирей.

Официальный визит — событие особое.

Над «Ждановым» трепещет маленький, с тремя звездами флаг, оповещая о присутствии на борту командующего Краснознаменным Черноморским флотом адмирала А. М. Калинина. «Пылкий» идет впереди, выворачивает своими винтами из голубизны белую пену, и кажется, что наш корабль мчит вдоль снежных сугробов.

На крейсере отбушевала большая приборка Свер-

кают медь поручней и медная обшивка палубы под башнями универсального калибра, сверкают медные рынды — корабельные колокола. Деревянный настил, просыхая, начинает отсвечивать теплой желтизной.

Свободные от вахты заняты подготовкой к визиту. В матросских кубриках шипят электрические утюги. Замполит крейсера капитан 3-го ранга Гялуев осматривает сделанные корабельными художниками стенды о жизни СССР. На рострах возле баркасов майор Романов разыскал укромный уголок. Укрывшись от постороннего глаза, сосредоточенный, отрешенный, с секундомером в руке дирижирует мелодией, которая слышна сейчас лишь ему одному. Когда завтра грянет салют наций — 21 выстрел с интервалами по 10 секунд, оркестр заиграет сначала Государственный гимн Греции. С 21-м выстрелом, ни на секунду позже и ни на секунду раньше, должен отзвучать исполняемый вслед Гимн Советского Союза.

В книге «Военно-морской протокол и церемониал» сказано: «Официальные визиты организуются в соответствии с заранее согласованной между заинтересованными государствами программой, включающей оказание определенных почестей должностным лицам и выполнение официальных церемоний». Но к наименованию «официальный» обычно прибавляют еще и слово «дружественный».

Зачем же ходить друг к другу в гости без дружбы?!

С того дня, как стало известно о визите в Грецию, все книги в корабельной библиотеке об этой стране, начиная с «Мифов Древней Греции», нарасхват. Спроси сейчас любого матроса, доложит: население около 10 миллионов человек, примерно $^2/_3$ городское, дипломатические отношения с СССР установлены в 1924 году... В разговорах моряков звучат имена адмиралов Спиридова, Ушакова, Сенявина, кто-то подробно, со знанием деталей повествует о ночной атаке брандеров в Чесменской бухте, о Наваринском сражении — в высвобождении Греции от владычества Османской империи эскадры российского флота сыграли особую роль.

Политработники, выступая по корабельной трансляции, больший упор делают на современность. Приводят

данные об успешном развитии экономических отношений между Грецией и СССР.

Интересно: две трети троллейбусного парка Афин составляют троллейбусы советского производства, 90 процентов выпускаемых в Греции черно-белых телевизоров снабжены советскими кинескопами...

Свою долю злободневности в эти исторические, географические и экономические сведения вносят доклады, поступающие с радиолокационных постов крейсера. Они регулярно сообщают о появлении воздушных целей. В восточной части Средиземного моря идут маневры НАТО «Дисплей детерминейшен», в которых Греция отказалась принять участие. Радио передало о протесте Греции правительству США по поводу нарушения американскими военными самолетами ее воздушного пространства над островами Эгейского моря.

Вечером из динамиков в каютах и кубриках льются мелодии Теодоракиса. Удивительное дело: задор и задумчивость, веселье и грусть звучат в его музыке, не споря между собой, а дополняя друг друга.

2.

Берега Греции открылись ранним утром. Розоватая, еще зыбкая суша поднялась над морем, потемнела, затвердела, и стал различим порт Пирей.

Кого теперь удивишь зарубежными впечатлениями? Но ни самолет, ни поезд, ни автомашина не позволят испытать то, что чувствует военный моряк, когда на своем корабле входит в иностранный порт.

Он по-прежнему у себя дома, где его орудия или турбины, каюта или кубрик, друзья-товарищи, где проведены годы жизни. И вдруг разом этот привычный и немалый мир со своими мостиками, башнями, котельными и машинными отделениями, артиллерийскими погребами окружен чужим шумным городом, и сам стал частью этого города, вписался в силуэт набережной, спорит высотой своих мачт и надстроек с многоэтажными зданиями банков, судоходных и судостроительных компаний, охвативших полукольцом гавань Пирея.

Спустившись на причал, смешавшись с толпой, смот-

рю на крейсер «Жданов» и сторожевой корабль «Пылкий» как бы со стороны, глазами докеров, горожан, туристов с пассажирских теплоходов.

Крейсер не молод. Двадцать семь лет назад дважды довелось мне обогнуть на нем Европу. Но на самый придирчивый взгляд он все так же красив и грозен, так же просторна открытая волнам и ветру носовая часть, так же могучи артиллерийские башни главного калибра, и лишь замысловатее стало кружевное плетение антенн. Знать, немало мастерства и таланта было внесено кораблестроителями в эти артиллерийские крейсеры, если «Жданов» до сих пор с честью несет военную службу.

Ну а «Пылкий» он и есть «Пылкий»! По сравнению с крейсером маленький и как бы поджарый, весь устремленный вперед, готовый в любое мгновение, лишь тронь, к ракетному залпу.

На причал вкатила колонна серых автобусов. «Полемико наутико» написано на каждом. Наутико... Пожалуй, понять можно: арго-навты, космо-навты, нави-гация... Плавание, флот. Но что такое полемико? Автобусы заполняются советскими моряками, греческий офицер связи смотрит на часы, вот-вот тронемся в путь, когда, наконец, приходит мысль, что знакомое слово «полемико» может означать и войну, спор, решаемый силой оружия.

Автобусы греческого военно-морского флота — это он, «полемико наутико»,— мчат к Афинам. Командир отделения корабельных машинистов старшина 2-й статьи Кирилл Болдунов прижался лбом к стеклу. Фотоаппарат наготове.

— Акрополь! — воскликнул его сосед, комендор Менгиз Рахимов, указывая на взметнувшуюся над городом вершину.

— Лековитос,— поправил Кирилл. И добавил сурово: — Знать надо!

Конечно, любой человек из любой страны, которому довелось побывать в Греции, вправе считать, что ему повезло. Не случайно и сейчас, в октябре, когда завершается туристский сезон, гавань забита пассажирскими теплоходами.

На горе Лековитос звучит многоязыкая речь: английский, французский, русский, немецкий, испанский... Отсюда виден весь большой, светло-серый, как бы стекающий с холмов к далекому, но различимому морю город, с пробками автомашин на магистралях, с двориками, в которых сушится белье, с громадами новых отелей и маленькими тавернами на плоских крышах домов. Отсюда можно разглядеть и развалины храма Зевса, и холм Нимф, и дорогу к Лицею, и сады Академии, по которым когда-то прогуливался Платон с учениками.

Группа наших моряков стояла в Акрополе возле Парфенона. Вокруг теснились другие группы, к тем, кто оказался позади, слова нашего гида, милой молодой гречанки, почти не долетали, и в задних рядах пояснения давал капитан 3-го ранга Анатолий Владимирович Сильвестров.

В гранях мраморных колонн играла светотень. Казалось, что они излучают тепло и добрую силу.

— Видите,— говорил Сильвестров,— колонны чуть-чуть, почти неразличимо наклонены внутрь. Это придает ощущение устойчивости...

Негромко и неспешно он рассказывал, что Парфенон простоял на земле уже почти две с половиной тысячи лет, был и храмом Афины, и православным собором, и мусульманской мечетью, и пороховым складом, который и взорвался от попадания ядра, когда в 1687 году венецианцы шли на приступ, но и сейчас, разрушенный, он остается тем, чем и являлся по сути своей с самого начала — проявлением вечного стремления человека к красоте, к гармонии, а значит, и к счастью...

Не знаю, может быть, гречанка рассказывала полнее, интереснее, но был какой-то свой, особый смысл в том, что все это говорил матросам офицер крейсера, которого на корабле отлично знают, которого недавно поздравили с медалью «За боевые заслуги».

Группа уже покидала Акрополь, когда кто-то из моряков замахал руками: «Ребята, сюда!» И с тем же вниманием и уважением, с каким мы только что смотрели вниз на скалу Ареопага, каждый остановился перед желтыми венчиками «мать-и-мачехи», пробившейся из-под мраморной глыбы.

Все дни пребывания советских кораблей в Пирее расписаны по минутам, программа выполняется неуклонно, и интересно наблюдать, как с каждым ее пунктом, будь то протокольные визиты командования отряда к местным военным и гражданским властям, или обед, который дают мичманы крейсера в своей кают-компании унтер-офицерам греческого флота, или просто увольнение на берег, с каждым днем и даже часом программа эта наполняется теплом простого, непротокольного, человеческого общения.

Так, впрочем, бывало всегда. Листаю старые записные книжки, и перед глазами встает окутанный дождями Берген, о жителях которого говорят, что они рождаются сразу в дождевом плаще или с зонтиком. Норвежцы вообще не слишком склонны проявлять свои чувства. А тут еще как раз незадолго до того, как в октябре 1958 года крейсер «Октябрьская революция» и эсминец «Отчаянный» пришли в Берген с официальным визитом, в городе произошла беда — крупный пожар уничтожил много старинных построек. Короче, бергенцы встретили советских моряков вежливо, но сдержанно. Но через несколько дней сколько было цветов и улыбок, флагов и факелов! Каким радостным гулом и овациями откликался городской стадион на выступление матросской самодеятельности! И начальник местной полиции, толстяк и ворчун, потребовавший перед приходом советских кораблей, чтобы из ближайших округов в его распоряжение были присланы подкрепления, говорил, попыхивая сигарой, на прощальном приеме, что он и не воображал, что бывает такое, когда сотни иностранных военных моряков сходят на берег, и оказывается, можно вообще обойтись без полиции.

Во Франции в маленьком городке Булонь-сюр-Мер присутствие 120 матросов и курсантов, приехавших в сентябре 1977 года на экскурсию из Шербура, где стояли эсминец «Жгучий» и учебный корабль «Смольный», сразу стало событием. Прощаясь с моряками, мэр города сказал: «Сегодня Булонь принимала не просто советских матросов. Мы считаем, что видели сто двадцать послов, достойно представлявших свою великую страну».

...Вечереет. Кое-где над городом зажглись огни реклам. Но темнота еще не подступила к Пирею, его силуэт, как бывает в такой час, особенно четок. На улицах, спускающихся от центра к гавани, видны группы советских старшин и матросов. Ветер треплет ленточки бескозырок, озорничает, забрасывая на затылки синие форменные воротнички.

Греческих денег, драхм, получено немного. Вряд ли увольнение советских моряков на берег вызвало особое оживление в торговле Пирея. Однако скромный подарок родным или себе что-то на память купил каждый. Идут, помахивая пластиковыми пакетами.

Возвращаются не одни. Многих до ворот порта, а то и до самого причала провожают новые знакомые: молодежь и степенные, пожилые люди, вездесущие мальчишки и, конечно, девушки.

У борта последние — диафрагма на максимум, экспозиция подольше — фотоснимки. Забавные очереди. С белокурым богатырем старшиной Сергеем Гусевым хотят сфотографироваться все гречанки. С красивой девушкой гречанкой — все матросы.

Затем бегом по трапу, с первым шагом на борт — рука к бескозырке, глаза — на военно-морской флаг.

На следующий день тысячи жителей Пирея, Афин, а многие приехали для этого и издалека, заполняют палубы «Жданова» и «Пылкого». Вахта направляет людской поток по кораблю. Старшину 2-й статьи Розе Эйнариса пришлось подменить уже через полчаса. Он по маршруту один из первых, в «узкости» между трапом и башней универсального калибра, каждый поднявшийся по трапу пожимает ему руку. Подержав руку в холодной воде, Эйнарис возвращается на свой пост.

Люди идут и идут бесконечной, оживленной, говорливой чередой, уважительно проводят ладонями по броне, улыбаются своему отражению в полированной меди корабельного колокола, разговаривают с моряками. Слово, жест, фотография, извлеченная из бумажника, значок на груди, серп и молот перед названием греческой газеты — все пущено в дело взаимного общения.

К столу, на котором лежит Книга отзывов, выстроилась очередь.

Поздним вечером, вернувшись с площади Кораи, где Ансамбль песни и пляски Краснознаменного Черноморского флота давал прощальный концерт, я взял к себе в каюту эти книги, с двух кораблей — шесть толстых томов.

В них много прекрасных записей: пожелания счастья советскому народу, поддержка его мирной политики, выражения уверенности, что дружба и сотрудничество между СССР и Грецией будут крепнуть и развиваться... Немного, две или три записи,— враждебных. Очень редко, но встречаются сдержанные.

«Мы надеемся, что ваши пушки никогда не выстрелят»,— записал кто-то.

Что ж... И советские моряки надеются, что их пушки и ракеты будут вести только учебные стрельбы. И для этого наша страна делает все возможное. Но пусть не надеется никто, что на вражеский удар наши орудия и ракеты не смогут ответить метким накрывающим залпом.

Из книг ясно — на кораблях побывали не только жители этой страны. «Может быть, ваш визит в Грецию будет способствовать улучшению взаимопонимания между всеми европейскими странами»,— записал капитан королевских военно-воздушных сил Великобритании. «Приходите, пожалуйста, в гости и к нам»,— написал аргентинец Хосе Мендоса.

Закрыв книги, я поднялся на верхнюю палубу, прошел на корму, где, подсвеченный прожекторами, бился на крепчавшем ветру бело-голубой советский военно-морской флаг. Во время пребывания корабля в иностранном порту он остается на флагштоке круглые сутки.

Огни Пирея, сливаясь с огнями Афин, уходили ввысь, к небесам, превращались в светящуюся пыль, и вдруг захотелось разглядеть окошко неведомой мне Такиди Афракис, написавшей в книге впечатлений простые слова:

«Корабли у вас хорошие, и сразу видно, что все вы хорошие, добрые люди!»

Ноябрь, 1983 г.

Михаил НОВИКОВ

РАБОТА В ПОРТУ ЧИТТАГОНГ

Их провожали цветами. Букеты летели на палубу «Хабаровска», падали в воду и, уносимые быстрым течением, сопровождали отходивший от причала теплоход. А на берегу полуторатысячная толпа скандировала слова добрых напутствий.

Так прощались бангладешцы с моряками советской экспедиции, которая в течение 27 месяцев работала в порту Читтагонг, расчищая акваторию порта и подходы к нему от затонувших судов и мин.

...2 апреля 1972 г. К порту Читтагонг подошла плавмастерская «ПМ-40» под командованием капитана 3-го ранга Э. Климова — первое судно советской экспедиции.

В марте правительство Народной Республики Бангладеш обратилось к Советскому правительству с просьбой оказать помощь в расчистке акватории читтагонгского порта. Просьба была удовлетворена. Безвозмездно. В состав срочно созданной экспедиции включили тральщики (базовые и рейдовые), плавмастерские, водолазные боты, специальные и вспомогательные суда Военно-Морского Флота СССР и Министерства морского флота. Возглавил экспедицию контр-адмирал С. Зуенко.

...К устью реки Карнапхули, на берегах которой раскинулся Читтагонг, плавмастерская прошла через минное поле по узкому фарватеру, пробитому индийскими тральщиками. Из воды то тут, то там торчали ржавые остовы полузатопленных судов. Немало их — люди знали это — скрывалось под водой. Хмурились офицеры,

прикидывали: с чего начать до подхода буксиров, чтобы выполнить главную задачу тех дней.

Главная задача: три поврежденных судна, стоящих у причалов, как можно скорее подготовить и вывести в безопасные места. Работы на акватории, вывод судов покажут торговым партнерам Бангладеш, что читтагонгский порт использовать можно. А для экономики молодой республики совершенно необходимо, чтобы ее главные морские ворота снова стали воротами, а не узкой калиткой...

За дело взялись не мешкая. На подходе уже были и другие суда экспедиции.

2 мая 1972 г. «Первая ласточка! В порт вошел «Прекрасный Гонконг» (кажется, под либерийским флагом). Танкер водоизмещением 16 000 тонн. Выходит, месяц трудов наших не пропал даром — крупнотоннажные суда начали заходить в Читтагонг» (из записной книжки капитана 1-го ранга С. Кокоткина).

«Первомайский праздник у нас ознаменован началом боевого траления и уничтожением первой мины. Закончить тральные работы в срок необычайно важно. Помните, товарищи, что «Ллойд» до сих пор на 25 процентов увеличивает сумму страховых взносов для судов, идущих в Читтагонг, считая его районом повышенной минной опасности...» (из выступления политработника отряда тральщиков Р. Насырова на подведении итогов дня).

6 мая 1972 г. «Сегодня, товарищи, спасатель «Атлас» под командованием капитана Альберта Андреевича Знотина и другие суда приступили к работам на объекте номер один» (из выступления контр-адмирала С. Зуенко на совещании офицеров).

«Объект номер один» — транспорт «Сонартари», затопленный у самой кромки речного фарватера, там, где он изгибается коленом. «Топляк» мешал заходу в порт крупных судов.

Судоподъем — работа главным образом водолазная. Первым на грунт с водолазного бота «ВМ-74» спустился старшина 2-й статьи Николай Ламухин. Передал на поверхность: «Видимость — ноль, не разглядеть пальцев, поднесенных к иллюминатору скафандра». Температу-

ра — 34. Человеку в скафандре такая вода кажется горячей. Слой ила — несколько метров. Илом забиты все помещения судна. Никакой документации, говорящей о расположении машинных отделений, трюмов, кают. Да еще вдобавок ко всему приливо-отливные течения скоростью до 6 узлов. А это значит: работать можно только на «стоп-воде» — по 40—45 минут четыре раза в сутки, в промежутках между приливами и отливами.

Но ведь надо! И работы начались. Не только на «Сонартари», еще на шести других затопленных судах.

20 июня 1972 г. «В порту теперь ежедневно находится по 25—27 судов под разными флагами. Это в первую очередь заслуга отряда траления. Фарватер в минном поле расширен до трех миль. Особенно отличаются на тралении коммунисты: капитан 2 ранга Е. Хорошун, командиры тральщиков капитан-лейтенант В. Антонов, Н. Завадский, В. Лебедев, мичман М. Нагерняк... А трудности остаются!» (из записной книжки С. Кокоткина).

Трудности оставались. Хотя уже и не лезли под тралы рыболовецкие и мелкие каботажные суда, владельцы которых не понимали, чем это занимаются в заливе военные корабли. И уже превосходно действовали тралы, реконструированные капитаном 2 ранга Хорошуном для малых глубин. Но по-прежнему мешало течение, скорость которого превышала 4 узла. Налетали штормовые ветры. Тралить можно было только на средней и полной воде — при отливе тралы цеплялись за грунт. Не стало меньше мелей, банок и лежащих на дне «топляков». Температура в машинных отделениях достигала 70 градусов.

«Отлично несет трудные вахты командир отделения рулевых, старшина 2-й статьи И. Джаломанов. Передовой моряк недавно подал заявление в партию. Первичная парторганизация приняла его кандидатом в члены КПСС» (из «Боевого листка»).

«Обычно период адаптации человеческого организма к новым климатическим условиям длится около месяца. Здесь он оказался растянутым до 3,5 месяца. Потеря веса у водолазов, несмотря на высококалорийный суточный рацион, к концу второго месяца иногда составляла 12 кг. С учетом местных условий разработан специаль-

ный распорядок дня. Для личного состава экспедиции создан дом отдыха» (из медицинского отчета).

15 августа 1972 г. Корпус «Сонартари» поднят четырьмя понтонами и отведен за дамбу. С начала работ прошли 71 сутки. Но если перевести в сутки часы, когда можно работать под водой, то их, этих суток, набирается всего 12. А в обычных условиях подобная работа занимала 2—2,5 месяца.

«Уже в июле порт работал на полную мощность и перерабатывал грузов больше, чем за этот же месяц до войны. Ворота жизни — порт Читтагонг,— как писали газеты,— были открыты» (из служебного отчета).

22 октября 1972 г. «Товарищи матросы, старшины, мичманы и офицеры! Поздравляю вас с выполнением важного правительственного задания. Вчера на два месяца и десять дней раньше обусловленного срока закончено боевое траление на площади 1069 квадратных миль...» (из выступления контр-адмирала С. Зуенко на собрании личного состава).

Из иностранной прессы: «Русские превратили помещение склада в зал отдыха членов экспедиции, но нет никаких признаков подготовки к истинно военному присутствию в Читтагонге — ни одного укрытия для подводных лодок, ни одного огневого сооружения — ничего, что непосредственно не относится к спасательным работам» («Лос-Анджелес таймс», 26 декабря).

10 января 1973 г. «Объектом номер один» теперь стал сухогруз «Сурма» водоизмещением 14 000 тонн. Большие повреждения. Крайне неудобное расположение на грунте. Из помещений надо выкачать 25 000 тонн ила, заделать свыше 300 пробоин. Деревянные пластыри для заделки не годятся — древоточцы прогрызают их за месяц. Кстати, прогрызают и шлюпки.

Был случай: моряки сели в шлюпку, а она тут же наполнилась водой и опустилась на дно. Все деревянные шлюпки заменены пластмассовыми.

1 апреля 1973 г. Поднят танкер «Махтаб Джавед-2». Работа выполнена необычная. Судно затонуло около двух зерновых причалов. Подготовка к его подъему не должна была мешать разгрузке приходящих в порт зерновозов — республика остро нуждалась в хлебе.

Обеспечивающие суда поставили поодаль, чтобы зерновозы могли швартоваться без помех. Танкер перевернули вверх килем. К горловинам уцелевших отсеков приварили штуцера, подсоединили шланги и подали воздух высокого давления. Корпус всплыл без помощи понтонов.

Но это легко сказать, а сделать...

«Слава нашим водолазам-«тысячникам» — мичманам А. Великанову, В. Мидяному, Г. Парфенову, И. Пасечнику, В. Сотникову! Кто был в Читтагонге, тот знает, что значит проработать здесь под водой тысячу часов...» (из выступления радиогазеты «Орбита»).

29 декабря 1973 г. За два дня до установленного срока задание по судоподъему выполнено. Мало того, сверх 14 судов, обусловленных соглашением, поднято еще 2. С помощью специально закупленных для этого плавкранов (они прибыли в ноябре) досрочно поднят, перевернут и оттянут к берегу корпус «Сурмы».

Так что ж, пора возвращаться домой?

Нет! 20 декабря 1973 г. было заключено новое соглашение. Оно предусматривало: 31 мая 1974 г. произвести разделку корпуса «Сурмы» на части и доставить их на берег, поднять еще 6 судов, затопленных на акватории порта, подготовить 44 бенгальских специалиста-спасателя, в том числе 12 водолазов, 12 такелажников и 3 судоводителей.

«Дело еще и в том, что нашу работу было с чем сравнивать. В порту Чална занимался подъемом семи судов консорциум, созданный из четырех частных фирм. Занимался отнюдь не бесплатно. Суда они разрезали, части корпусов убрали, но фарватер так и не сделали полностью судоходным. Видимо, это и побудило правительство Бангладеш, высоко оценившее квалификацию наших специалистов, просить, чтобы дополнительные работы в порту Читтагонг выполнили именно мы.

Опыт у нас уже имелся. Были краны, облегчавшие работы. Но сроки...» (из рассказа контр-адмирала С. Зуенко).

3 марта 1974 г. «Агентство БПИ сообщает: вчера вечером поднята баржа «Бэтти-10» водоизмещением 2000 тонн. Перед этим советская спасательная экспеди-

ция выгрузила и подняла из трюма баржи 944 пакета стального листа общим весом 1400 тонн. Экспедиции осталось поднять всего лишь 2 затонувших судна» («Бангладеш обсервер»).

«Хороший пример упорной работы показывает экипаж 800-тонного крана «Судоподъем-1», возглавляемый капитаном Николаевым, и экипаж буксира «Изыльметьев» под руководством капитана Щербакова. Общее руководство работами по разделке «Сурмы» осуществляется капитаном 2-го ранга А. Еренковым, который хорошо использует малые и большие краны, применяет передовые методы судоподъема» («Пиплз вью», 13 апреля).

21 мая 1974 г. «Сегодня, на 10 дней раньше срока, советской экспедицией поднята и закреплена на берегу последняя, шестнадцатая часть сухогруза «Сурма» («Пипл», 22 мая).

«Председатель порт-треста г-н Г. Кибрия сказал, что трудно представить, каково было бы положение народа Бангладеш, если бы советская спасательная экспедиция не расчистила порт Читтагонг от затонувших судов. Из-за этого были бы прекращены или задержаны поставки зерна, транспорта, строительных материалов, промышленных товаров, запасных частей и других предметов крайней необходимости» («Пиплз вью», 26 мая).

А теперь пора подвести итог. Всего за 27 месяцев экспедиция подняла и отбуксировала в безопасные места 26 судов (из них 6 — сверх плана) общим водоизмещением свыше 100 000 тонн. 4 судна были направлены для восстановления, и одно из них уже плавает под флагом Бангладеш. Подготовлено 44 бенгальских специалиста-спасателя.

7 июня 1974 г. На вечере Общества бангладешско-советской дружбы в Читтагонге президент общества профессор Абдул Фазал сказал: «Друзья познаются в беде. Советский Союз первым протянул нам руку дружбы в самые трудные для Бангладеш дни. Никто другой не сделал для нас столько, сколько сделал советский народ».

Июль, 1974 г.

Петр СТУДЕНИКИН

ТРЕВОЖНЫЕ ГАЛСЫ

14 июля 1974 года отряд советских военных кораблей под командованием капитана 1-го ранга А. Аполлонова, завершив переход из Владивостока в Красное море, приступил к выполнению важного правительственного задания. В сложных условиях нашим морякам предстояло ликвидировать последствия израильской агрессии в Суэцком заливе — очистить его от мин, чтобы открыть для международного судоходства Суэцкий канал.

Трудная, опасная работа советских моряков завершается. Как она проходила?

...Пусть об этом расскажут те, кто пережил все сам.

Капитан 2-го ранга Ю. Блинов:

— Немало испытаний выпало морякам во время перехода. Пройдено более 5000 миль. Попадали в пути и в штормы и в тайфуны... А прибыли — столько проблем навалилось: в порту не оказалось кранов — с рейда вручную пришлось перегрузить около тысячи тонн крупногабаритных грузов. Надо было создать базу снабжения...

Моряки трудились на обжигающих ветрах по 12—14 часов.

Старшина 2-й статьи М. Караульных (Михаил — командир отделения минеров. Из Пржевальска. Ему надо было увольняться в запас, поступать в МЭИ, а он упросил, чтобы его взяли на траление):

— Первое время было невмоготу: и день и ночь — на юте, на адской жаре. Стоишь и думаешь: «Все! Больше не выдержу». Выдержали. Помню, первую мину

ребята с «Махалинца» затралили — в 15 метрах от кормы всплыла. Все, конечно, с юта — представляете, если бы взорвалась... Страшновато. Но особенно опостылели ветры — хамсин и самум называются.

Из записной книжки капитана 1-го ранга А. Аполлонова:

«25 июля. Плохо с водой. Руки моем по общей команде. Мытье личного состава в бане напоминает торпедную атаку: так стремительно оно проходит.

...Прибыл с водой из Адена танкер «Дунай». Здесь, в Хургане, нам предложили за тонну воды платить 2,5 фунта, в Адене — фунт. Да, дорого стоит обыкновенная вода на Ближнем Востоке».

«27 июля. Еще одна новость: лоция Красного моря врет безбожно. Острова и маяки находятся не там, где они указаны. Не соответствуют описанию глубины, не указаны затонувшие суда. Появились неизвестные коралловые рифы, банки... Как в таких условиях проводить боевое траление? Ставим трал в уверенности, что под килем не менее 100 метров, а трал вдруг намертво застревает в кораллах...»

«21 августа. Обезврежено семь мин — семь кораблей спасено. Сколько труда потребовалось, чтобы их обнаружить! Местные и зарубежные газеты взахлеб рассказывают о работе французов, англичан и американцев в Суэцком канале. Немножко обидно. Нет слов, работа и у них опасная. Но разве можно сравнить условия на канале с условиями в заливе? Там ровное, чистое дно; глубина небольшая — 15—18 метров; отличная видимость — прекрасные, почти идеальные условия. А здесь...»

«25 августа. Какие у нас замечательные люди! Командир дивизиона Владислав Леонидович Колобов — минер со стажем. Он участвовал в боевом тралении на Балтике с 1952 по 1965 год. Прошел с тралами сотни тысяч миль. Минер Виктор Корнилов попал на Красное море сразу после учебного отряда. Но их обоих роднит исключительное трудолюбие.

Лейтенанты Анатолий Гафиатулин и Вячеслав Бобровский, старший лейтенант Владимир Пошибайло, старший матрос Станислав Тимофеев, старшина 1-й статьи

Александр Келеберда, матрос Валерий Будаев, мичман Геннадий Гороедский — это замечательные моряки».

«15 сентября. ...Кажется, я поседел за несколько минут: поступило сообщение — подорвался на мине тральщик, которым командует капитан 3-го ранга Свиридов. К счастью, мина взорвалась рядом — корабль получил серьезные повреждения, но никто не пострадал...»

...Наступил 89-й день боевого траления. С корреспондентом ТАСС Б. Тугушевым выходим в рабочий район на корабле, которым командует капитан 3-го ранга В. Медведев. Поднимаюсь на мостик: белое солнце зависло над Аравийской пустыней, вода горит расплавленным металлом. Четко проступает береговая линия Синайского полуострова, оккупированного Израилем в 1967 году.

— Боевая тревога! — привычный здесь тревожный сигнал выбросил моряков на ют.

Молча, сосредоточенно работают матросы: в действие вводят все новые и новые механизмы, приборы и устройства... И наконец:

— Трал поставлен!

Момент волнующий: на постах, в рубках, на мостике и на юте по доброй флотской традиции устанавливается строгая тишина — память моряков бережно хранит имена и тех, кто погиб на тральщиках в войну, и тех, кто ушел на боевое траление и не вернулся назад в мирное время.

Боевое траление — трудная, опасная работа. Мины — оружие грозное. Только во второй мировой войне человечество на минах потеряло более 2000 боевых кораблей и около 3000 судов. При обезвреживании мин погибли сотни тральщиков.

В штабе отряда капитан 1-го ранга А. Аполлонов показал крупномасштабную карту Суэцкого залива, полностью испещренную заштрихованными квадратами.

— Это означает,— пояснил он,— что почти вся площадь залива (около 10 тысяч квадратных миль) уже протралена. Но работы продолжаются: на минах могут быть установлены коварные ловушки.

Чтобы трагедия либерийского танкера «Сириус», рискнувшего пройти по Суэцкому заливу еще до начала

траления и подорвавшегося на двух минах, не повторилась, советские корабли производят многократное боевое траление. Таким образом, кораблям, по существу, надо протралить несколько Суэцких заливов.

...И день прошел, и ночь отступила, а тральщик все утюжил и утюжил водную гладь залива.

— Траление,— говорил лейтенант **В. Бобровский,**— это нудное до изнурения занятие, когда все идет хорошо и тральщик, как работяга-трактор, борозда за бороздой поднимает целину. Но траление — это и трудная работа, как здесь, в Суэцком заливе, когда жара, обрывы тралов о рифы доводят людей до полного изнеможения...

— О минерах хоть пишут много,— говорил мне позднее Александр Николаевич Аполлонов.— И совсем не вспоминают о тех, кто обеспечивает их работу. На боевом тралении, например, нужна исключительная точность, чтобы не подорваться на мине. Для координирования работы кораблей в море мы высадили на крохотный островок одиннадцать моряков-гидрографов. Если мне доведется писать представления, первым в наградном списке будут ребята с Губаль-Сагиры.

Губаль-Сагира — безжизненный коралловый островок, похожий издали на голову аллигатора. На нем мы пробыли час: нестерпимый зной.

«Высаживались сюда в темноте. Было страшновато — нас предупредили, что остров, возможно, заминирован израильтянами» (**старший лейтенант Ю. Цуркин, начальник поста).**

«Мы занимаемся точной проводкой тральщиков по минному полю. Круглосуточно дежурим у теодолитов. Посмотрите на слепящее море хоть с минуту! Больно? У нас же дежурных, как детей, с ложки кормят — им нельзя оторваться даже на минуту» **(лейтенант А. Гафиатулин).**

«...Несколько дней бушевал песчаный буран. Пробиться к нам нельзя было ни на шлюпке, ни на вертолете. У нас кончились продукты, воды оставалось 8 литров, когда на пост пришли изнывающие от жажды арабские пограничники Мухамед, Анвар и Садек. Мы им отдали 4 литра...» (**прапорщик Ю. Миронов**).

В Хургаду, где базируются наши корабли, мы возвращались на катере, которым командует мичман Г. Гороедский. В районе боевого траления сняли с одного из тральщиков арабских офицеров — стажеров по минному делу. Вот какие отзывы они оставили о своем пребывании на советских кораблях.

Подполковник Ахмет Тольба: «Арабской республике трудно — страна на военном положении. Нам не хватает продуктов первой необходимости — продуктов питания, мыла, спичек... С открытием Суэцкого канала станет легче. Мы благодарны от души советским друзьям за ту самоотверженность, с какой они трудятся здесь...»

Майор Ахаб Бахтими: «Мы многому научились у советских моряков: познакомились с прекрасной техникой, узнали, как ее лучше использовать, а главное — убедились, какое доброе сердце у советских людей».

...Перелистываю блокноты — записанные наспех разговоры, выписки из стенгазет и «Боевых листков», объявления, рапорты. «...Омар Ахмед Гилагзи — ювелир из Каира: «Я — сапер, ветеран двух войн. Знаю, нелегко сейчас вашим ребятам, но я знаю также, русские — это такие парни, которые с честью выйдут из любого положения». Здесь же: «Матрос (назовем его Петровым) во время дежурства на камбузе допустил перерасход воды на 30 литров. Бюро ВЛКСМ поступок этот считает позорным для комсомольца». «Старшина 2 статьи М. Караульных получил письмо от матери. Анна Григорьевна пишет: «Из газет узнали, где вы... Помни, сынок, твой отец — фронтовик...» Мы клянемся не уронить славы отцов наших...»

Объявления. «Завтра на корабль доставят овощи и фрукты. Перед употреблением их надо выдержать 50 минут в марганцовке, а затем тщательно промыть в хлорном растворе...»

...Аравийская пустыня дымилась от зноя. Сколько мужества и самоотверженности потребовалось от каждого из тех, кто выполнял благородную, гуманную миссию в далеком Красном море, пока их не встретили на родном пирсе друзья, знакомые и любимые!

Октябрь, 1974 г.

Тимур ГАЙДАР
Виктор ВЕРСТАКОВ

«ЗАПАД-81»

В сентябре 1981 года прошли крупные учения войск и сил флота «Запад-81».

В официальном сообщении сказано: «Учения проводятся с целью совершенствования боевой слаженности, взаимодействия соединений и частей видов и родов войск». Даже из этой строгой и лаконичной фразы можно понять, как велики и ответственны задачи, стоящие перед командирами, политработниками, штабами.

Мотострелковые и танковые дивизии, грозная современная артиллерия, стремительная авиация, силы флота... Их действия должны быть увязаны, их удары — согласованны и неотразимы. Сегодня ведется разведка, работают штабы. Замыслы командиров воплощаются в боевые документы, вычерчиваются стрелами на военных картах. Но, как сказал нам один генерал, стрелы эти на своих плечах понесут солдаты. Да, солдатский труд был и остается делом нелегким. Его напряженность мы видели, встречая в заболоченных лесах дымные танковые колонны, видя, как готовят огневые позиции артиллеристы, как до блеска отполированы белорусской землей саперные лопатки мотострелков...

В лесных гарнизонах

Здесь, в северо-западной части Белоруссии, много лесов. Сейчас над ними низко плывут облака, изредка проглядывает солнце, чаще идет дождь. Привычная сентябрьская погода, да и жизнь вокруг привычная, спокойная. Уже нет на дорогах длинных автомобильных колонн, не доносится тяжелый гул танковых моторов. Воинские части и подразделения пришли в исходные

районы, укрылись в лесах, замаскировали технику, поставили и обжили лагерные палатки.

Войска — участники учений разделены, как и обычно, на две противоборствующие стороны: «Северные» и «Южные». Их составляют части и соединения Белорусского и Прибалтийского военных округов. Силы дважды Краснознаменного Балтийского флота помогают и тем, и другим. На море, как и на суше, воины знают, что в эти сентябрьские дни они будут совершенствовать свое боевое мастерство во имя мира, дальнейшего укрепления обороноспособности страны.

Всегда тяжелый солдатский труд в дни учений тяжел вдвойне. И втройне. Впрочем, на трудности воину жаловаться не пристало. В палаточных лагерях, где мы успели побывать, приезжего человека встречает энергичная, отлаженная, а по настроению — задорная, кипучая жизнь.

Вот один из лагерей «северных», раскинувшийся по обе стороны изъезженной дороги на поросших соснами и березами пригорках... Все это — лагерь мотострелкового полка одной из дивизий Белорусского военного округа, а место, где мы сейчас стоим,— расположение первого его батальона, которым командует капитан Ю. Герасимов, еще точнее — расположение первой мотострелковой роты капитана В. Гаврилова.

Палаток у Гаврилова не так уж много: три большие, в которых без тесноты и даже с некоторым комфортом помещаются все три взвода. Если учесть, что подразделение Гаврилова в батальоне зовут «молодая рота», то порядок и строгий уют особенно радуют. Впрочем, и без скидок на молодость рота — одна из лучших в полку.

Орденоносец, замполит роты старший лейтенант В. Ананьев в свои 26 лет повидал в жизни и службе многое. С особым чувством говорит он о своих недавних сослуживцах по Афганистану, где пробыл полтора года. Так что его суждениям о сослуживцах новых, сегодняшних можно доверять. Если уж он назвал рядового Василия Белитченко «тринадцатым сержантом в роте» — так оно и есть. Молодой солдат исполняет обязанности старшего техника роты, а в роте около десятка сложнейших машин.

...Истекают последние часы перед постановкой войскам боевых задач. Бои будут учебные, но все-таки бои. Учения — испытание, учения — школа. Большие учения можно назвать и полевой академией, экзамены в которой сдают все: рядовые и маршалы.

В двух шагах за туманом

Ночь была звездной: уже увереннее, попривыкнув к дорогам, зная хоть какие-то ориентиры, кружили мы по расположению «северных». Останавливались, чтобы предъявить пропуска, мчали дальше.

Пожалуй, ночью внушительнее всего выглядит инженерная техника: гигантские КрАЗы со звеньями понтонных мостов, землеройные машины, взметнувшие, словно древние палицы, свои ковши, скреперы на высоких ребристых колесах, грозно поблескивающие стальными ножами...

«Северные» готовятся к наступлению. «Южные» создают прочную оборону. Тем и другим нужны дороги, проходы, укрытия, мосты. Ставятся минные поля и подтягиваются к передовой современные средства разминирования. Устраиваются заграждения — и сосредоточивается по другую линию фронта техника разграждения. В современной маневренной войне инженерные войска — поистине могучая сила. И на учениях это ощущается сразу.

Перед рассветом загустел туман, будто проснулись подпитанные вчерашними дождями лесные болота. На пригорках было яснее, а местами молочно-белый слой на метр-полтора отрывался от земли. Казалось, едем под полотняной крышей.

Из-за тумана проскочили поворот к штабу танковой дивизии. И мотались бы туда и обратно, если бы не остановил нас фонарик патруля.

...Мокрые зеленые борта штабных машин, длинная палатка с кольцами сухого брезента вокруг двух труб, рукомойник на стволе сосны — подробнее в темноте да тумане ничего не рассмотришь.

Командир дивизии полковник Г. Аношин навис над плечом начальника штаба. Оба вглядываются в карту,

занявшую половину просторного раскладного стола. Крупная надпись: «Решение командира...»

Начальник штаба полковник Владимир Иванович Острик поясняет:

— Предварительная прикидка. Будет уточняться по мере получения указаний вышестоящего штаба и, конечно,— результатов разведки.

Карта офицера разведки подполковника Ю. Губаря лежит рядом, на нее наносятся все новые данные, поступающие от авиации, с наблюдательных постов и пунктов, где притаились начиненные сложнейшей техникой боевые разведывательные машины.

Сейчас на связи старший лейтенант Юрий Александров — командир разведроты. Он сообщает о неожиданном передвижении противника. Данные надежные, их собрали лучшие наблюдатели рядовые Николай Любека, Владимир Солодкий, Нормунд Томсонс.

В эти дни нам довелось побывать в штабах различного ранга. От батальонного до высокого. Различия в специфике штабной работы на разных уровнях очевидны. Но суть одна — штаб конструирует победу. И даже внешние приметы напоминают обстановку конструкторского бюро: чертежи, схемы, кальки, таблицы... Суровая математика войны.

Вот за одним из столиков работает подполковник Иван Андреевич Короневский. На карте — десятки возможных маршрутов. Нужно выбрать из них именно тот, который лучше других обеспечит выполнение замысла командиров.

Не меньше забот, по-видимому, у начальника тыла дивизии. Полковник Владимир Иосифович Исерлис говорит неожиданно:

— Самое сложное — чтоб все было просто. Разве у нас не так?

Приходится согласиться: ездили по частям, видели. Питание? При батальонах развернуты продовольственные пункты, пищу везде готовят из свежих продуктов (консервы входят лишь в сухие пайки — боевые рационы, как их называют на учениях). Разве что на самую малость вкуснее и чуть поуютнее было за столами продпункта, который возглавил с выходом в поле прапорщик

Григорий Прокопенко. Так и до учений его хозяйственный взвод считался лучшим: опять все просто и четко. Баня? Есть, работает все дни, кроме воскресений и понедельников. Разумеется, если не ожидается боя: тогда моются все — это в дивизии строгий закон. Медицина? Больных нет, но медицинский пункт развернут, обеспечен всем необходимым.

Отдельно начальник тыла выделил службу подвоза горючего: из нескольких тысяч тонн материальных средств, которые нужны дивизии для наступления, на эту службу выпадает львиная доля перевозок.

В полдень уехали от танкистов. Путь лежал окружной, неблизкий, скрашивала его негромкая прелесть белорусской земли. Серенькие озера, рыжий песок откосов, леса, уже тронутые осенним багрянцем, проседь березовых рощ...

Дождь, то мелкий, то тяжелый, кропит крыши деревень, где полыхают в палисадниках последние осенние цветы и гнутся за оградами ветви яблонь, отягощенные плодами.

Снова свернули на танковые лесные дороги, миновали несколько удаленных палаточных городков и в самом неожиданном месте встретили тяжело выезжающую из сущего болота автолавку: фургон на шасси автомобиля ГАЗ-53, в кабине рядом с водителем — молоденькая девчушка в белом платочке. Остановились, познакомились. Надя Сергачева оказалась для своих двадцати с небольшим лет человеком ответственным: продавец военторга. Вместе с Анатолием Веригой, шофером, проехала сегодня по десятку войсковых адресов. Ассортимент ее автолавки самый что ни на есть необходимый: эмблемы, пуговицы, подворотнички, бритвенные принадлежности. Конечно же, конверты. Еще — лимонад, конфеты, чтоб можно порадовать солдата...

Единство

В течение 7 сентября войска и силы флота осуществляли предусмотренные планами мероприятия по подготовке к ведению боевых действий.

«Северные» завершали перегруппировку войск и перебазирование авиации. «Южные» продолжали инженерное оборудование занимаемых рубежей, районов и позиций. Флоты «северных» и «южных» наращивали силы — осуществляли все виды боевого, технического и тылового обеспечения.

Велись бои местного значения по улучшению занимаемых позиций, а также боевые действия в воздухе и на море.

...Учение не парад. Чем меньше видны войска, чем тщательнее маскировка, чем скрытнее марши, тем лучше для сражения.

Тихо сейчас на дорогах. Если и пробежит машина, то штабная.

Но если войска можно скрыть от «противника», то от своего народа их не скроешь. Стоит боевой технике, любому подразделению хоть на миг выглянуть из леска, только лишь появиться на окраине деревни, как уже бегут мальчишки, девчата несут корзины с яблоками и ветераны выходят за околицу, торопливо накинув на плечи пиджаки с медалями и орденами. В каждом населенном пункте, большом или малом, алеют плакаты: «Слава родной Советской Армии!», «Отстоим мир на земле!», «Народ и Армия — едины!»

Душевно и торжественно встретил участников учения древний город-воин Полоцк. Во время Ливонской войны Иван Грозный приказал построить здесь земляной вал. Петр I бывал в Полоцке во время войны со шведами. В 1812 году русские войска громили под стенами города корпус маршала Удино. Как раз по Красному мосту, перила которого украшены саблями и киверами чугунного литья, по тому мосту, где в октябре 1812 года была жаркая сеча, прошла в Полоцк колонна боевых машин одной из мотострелковых частей, занятых в учениях.

На главной площади рядом с памятником воинам, освободившим Полоцк от фашистов, состоялся митинг.

Пятнистые маскировочные комбинезоны мотострелков, черные — танкистов растворились в штатской пестроте полочан, от края до края заполнивших площадь.

А зеленая броня скрылась под вскарабкавшимися на машины ребятишками.

— Дорогие наши воины! Мы любим нашу родную армию, верим в нее. А сегодня мы, полочане, жители нашего края, может быть, немного больше, чем другие, имеем возможность убедиться в ее грозной, несокрушимой силе, в ее способности отбросить любого агрессора,— молодой, звонкий голос работницы Полоцкого мясокомбината, делегата XXVI съезда партии Валентины Маркияновой, усиленный репродукторами, летит над городом.

Внимательно слушают офицеры и солдаты, сжимая в руках букеты цветов. Перестал поглядывать на часы командир колонны. Задумчиво кивают головой ветераны. Их много на площади. Есть из 174-й стрелковой дивизии, которая в 1941 году обороняла город, есть из 4-й ударной армии, которая в 1944 году его освободила. Есть партизаны прославленных бригад Прудникова, Марченко.

Кончился митинг. Ушла колонна. Но до вечера звучали над Полоцком песни военных лет.

Посредник интервью не дает

...Эта штабная машина похожа на бабочку. Словно отогрелась на маленькой лесной полянке при первом теплом дне после долгих мытарств по лесам учений, расправила крылья-отсеки... Сходство только внешнее, поскольку жизнь, бурлящая внутри машины, строга и серьезна.

В машину заглядывают посыльные, поднимаются офицеры связи. Хрустят расправляемые и складываемые карты, коротко вызванивают полевые телефоны.

Пристроились на диванчике рядом с майором Валерием Александровичем Самсоновым. Несколько минут назад, когда вышли по лесной тропинке к пятачку вытоптанной перед машиной травы и объяснили, зачем пришли, мрачноватый генерал — главный посредник при дивизии на наши расспросы ответил:

— Посредник интервью не дает.

Но когда договорились, что не будем спрашивать о планируемых вводных, которые, к слову сказать, известны пока только высшему руководству и посредникам, он подобрел.

Его помощник майор Самсонов берет со стола черный, зашнурованный, с пластилиновой печатью портфель, достает мягкий альбом, но показывает только обложку:

— Вся обстановка изменяется и усложняется — военные говорят «наращивается» — в соответствии с этим документом. Сообщаем вводную, потом контроль и оценка действий. Реально увидите ровно через,— смотрит на часы, понижает голос,— через две с половиной минуты. Давайте подождем.

Под нарочито равнодушными, будто совсем случайными взглядами офицеров штаба дивизии майор убирает альбом.

Ожидание — даже телефоны внезапно замолкли...

...Долго же, однако, могут тянуться две с половиной минуты, когда не властен замедлить или ускорить ход событий! Даже майору Самсонову в непривычной неподвижности явно не по себе. Вдруг спохватывается:

— Вы могли бы рассказать в газете об одном человеке? Для меня, для моих однокашников он... ну, я не знаю: как отец. Про таких говорят «наставник». Так вот он — настоящий наставник. Людей, офицеров из нас сделал. Служит на кафедре разведки в академии Фрунзе, полковник Алкснис...

— Хорошо сидишь, Самсонов,— роняет, пробираясь между диванчиком и столом, поднявшийся в салон заместитель начальника штаба.— Ты бы портфельчик куда-нибудь подальше убрал, страшно глядеть, честное слово.

Самсонов не отвечает, смотрит на часы: остались секунды.

Показалось знаменательным, что майор вспомнил своего учителя сейчас, в поле. Трудное дело — воспитать солдата в любые времена. Подготовить и воспитать настоящего офицера еще сложнее. Особенно в наше время. Об этом прошлой ночью говорили и даже поначалу между собой спорили в нашем присутствии два моло-

дых умных генерала, в гости к которым мы попали уже поздно — в первом, сравнительно спокойном часу ночи. Сравнительно...

Генерал-лейтенант Л. и генерал-майор Н. Спор завязался с тезиса, что инициатива для современного офицера — самое главное.

— Самое ли? — усомнился генерал-майор.— Оружие сейчас коллективное, согласны? Чтобы оно сработало, выстрелило, попало, должна замкнуться цепочка действий многих исполнителей. Главное — точность выполнения служебных обязанностей и приказов: делай свое дело в свое время и на своем месте.

— А обстановка, которая при нынешних скоростях и возможностях массового поражения будет меняться в бою едва ли поминутно? А мощь оружия? Ведь, скажем, командир полка, если пустит в дело все, что у него есть, он судьбу сражения решит, не то что боя! Оцени обстановку — и действуй!

— Подошли к сути,— почти согласился генерал Н.— Сколько мы с вами сегодня анализировали снимков воздушной разведки. Да каких снимков! Вспомните, смеялись: знакомых офицеров по фигурам с воздуха узнаем. Вся ли эта информация поминутно доходит до командира полка? А оружие у него и вправду мощное, и обстановка меняется быстро: где только что был противник, уже наш десант поработал. У хорошего поэта-фронтовика Александра Межирова есть в стихах: «Артиллерия бьет по своим...» По личному опыту, между прочим, он это знает. А современный поэт после такого опыта вряд ли уж стихи напишет...

И в разрядившейся, уже улыбчивой атмосфере подытожил:

— С разных сторон шли, пришли к одному, значит, оба правы. Формулирую: инициатива и сегодня — главное качество, но базироваться она должна на отваге, преданности и — очень важно — на оперативном мышлении офицерских кадров. Подчеркиваю: на оперативном. Уже не только свой бой должен видеть офицер, а всю операцию. Воспитать такого офицера — огромная задача. На этих учениях мы ее тоже должны решать.

Потом генералы заговорили о солдатах, и нам вспомнились виденные в дни учений звездочки, флажки, вымпелы на стволах орудий, башнях танков и боевых машин пехоты, на броне бронетранспортеров, над ветровыми стеклами автомобилей — отличительные знаки победителей соревнования. Да вот хотя бы нынешним утром встретили колонну мотострелков: боевые машины еще остывали после марша, а на БМП сержанта Михаила Масюка уже пламенел красный треугольник с белыми буквами: «Лучшему экипажу».

...Истекли последние секунды, майор Самсонов открыл портфель, еще раз сверился с планом наращивания обстановки и будничным, но отчетливо прозвучавшим в мгновенно наступившей тишине голосом произнес:

— Вводная по тылу: авиацией противника уничтожен суточный запас продовольствия.

— Сообщить на ТПУ (тыловой пункт управления)! Вызвать начальника продовольственной службы! — приказал начальник штаба.

Самсонов сделал пометку в рабочей, тут же прошнурованной тетради и больше ее уже не закрывал, как, впрочем, и посредник по тылу подполковник Николай Климович Кульчук — человек спокойный, радушный и даже, пожалуй, разговорчивый, но только не в эти минуты, когда от внимания, знаний и объективности посредника зависит оценка эпизода больших учений. Эпизода, который, наверное, сегодня-завтра будет заглушен огнем батарей и гулом штурмующей реальные цели авиации и все же останется маленьким наращенным кристаллом в монолите силы и жизнеспособности наших Вооруженных Сил.

Прорыв

Совершив подготовку операции, «северные» перешли в наступление. Мы — на участке прорыва. Впереди — холмистое поле, лощины, озерца. Здесь начинаются и уходят на большую глубину позиции подготовленной обороны «южных». Наверное, скоро заговорит артиллерия «северных», прикрывая выдвижение

наступающих войск — танковых колонн, боевых машин пехоты...

Далеко за нашей спиной у дальнобойных пушек уже выверены прицелы, получены целеуказания, и командиры орудий, возможно, уже взметнули вверх красные флажки. Пройдет несколько мгновений, командиры батарей скомандуют: «Огонь!» — и тяжелые снаряды полетят над наблюдательными вышками, над нашими головами и разорвутся в глубине обороны «южных» — на их КП и НП, на огневых позициях их батарей, поражая цели, которые так напряженно и тщательно выявляла разведка...

Но сейчас уместно вернуться к тому, что происходило несколько недель назад.

Бригадир строительной бригады колхоза «Восход» В. Кохинок получил повестку из военкомата вечером, вернувшись домой чуть позже обычного, потому что бригада подводила под крышу новенький колхозный амбар. Его жена Людмила, бухгалтер колхоза, молча протянула Василию синий листок. Маленький сынишка Валерий уже спал.

Евгению Евгеньевичу Богдану, инструктору райкома партии, жена принесла повестку на работу. Шли горячие, завершающие дни уборки, и он мог вообще дома не появиться.

Два друга, слесари машиностроительного завода Константин Бортный и Борис Рудой расстались у подъезда своего дома, попрощались до утра, а через несколько минут встретились снова, у обоих в руках было по повестке...

Автобусы с надписью «Заказной» начали съезжаться к воротам военного городка. Свеженькие — из города, запыленные — из сельских районов. Их пассажиры — веселые и молчаливые, шумные и притихшие, прихватив рюкзаки, чемоданчики, шли ватажками за прапорщиком или сержантом к зеленому полю плаца, уставленному темно-зелеными палатками. Преображение начиналось у столика, возле которого стоял подтянутый артиллерийский капитан.

— Рядовой Демчук... Ефрейтор Бортный... Рядовой Рудой... Младший сержант Протопович...

— Я! Я! Я! — откликается строй с редким перерывом на флотское «Есть!».

Собраны красные книжечки — военные билеты. Их уносят в просторную палатку, где за столами сидят писари и быстро сортируют билеты стопками по ВУС — военно-учетным специальностям. А путь их хозяев — в комнату получения противогазов, к палатке медосмотра, к столикам, где становятся на партийный, комсомольский учет, и дальше, туда, где в четыре потока выдают гимнастерки, сапоги, шинели, вещмешки, фляги, а сержантам — еще полевые сумки. Потом — в палатку, в которой парикмахеры, пощелкивая ножницами, приводят в достойный воинский вид разнообразие причесок.

На следующее утро все палатки с плаца исчезли.

— К торжественному маршу!

Голос командира артиллерийского полка взлетел над шеренгами, и по кромке плаца почти бегом, но в ногу, покалывая жаркое августовское небо штыками, рванулась коротенькая строчка линейных. Оркестр грянул «Прощание славянки». Казалось, не слова команд, а сама мелодия, торжественная и тревожная, повела, обняла артиллерийский полк. Пополненный для участия в учениях «Запад-81» призванными из запаса приписниками, он шел побатарейно, имея управление во главе колонны. Язычком пламени билось на ветру украшенное орденскими лентами знамя. На парадной прямой командиры батарей бросали через плечо быстрый взгляд на своих артиллеристов, а затем, поднеся ладонь к козырьку фуражки, печатали шаг, уже чувствуя батарею только плечами.

— Хорошо! — сказал стоявший рядом с нами полковник из вышестоящего штаба. Нахмурил брови, видимо, недовольный своим волнением. Поправился: — Неплохо.

А нам казалось, не только хорошо, а просто — чудо! Перед трибуной проходила словно литая воинская часть.

Вечером, лязгнув сцеплениями, без гудков и свистков ушел со станции военный эшелон.

— Пожалуй, все же хорошо! — сказал тот же полковник, провожавший вместе с нами полк.— Но «чу-

до» — слово неточное, не военное и ничего не объясняет. Суть в том, что все, кто вчера был призван, уже прошли действительную военную службу. А навыки ее прочны, не забываются. Кроме того, почти все проходили регулярные военные сборы. Каждый знает свое место в расчете. В той слаженности, которую мы видели, большая работа военкоматов, партийных, советских органов, хозяйственных руководителей, комсомола.

Полковник был прав. Дело не в чудесах. Особенно ясно это стало, когда мы снова, теперь уже на учениях, побывали в этом полку.

...Быстро отулыбалось солнце, и опять на лес, на поле, на позиции артиллерийского полка опустился тяжелый туман. Присев на сошник одной из пушек, беседуем с рядовым Николаем Шпендиком. Он высокий, спокойный, рассудительный, хотя усы все же придают ему некоторую артиллерийскую лихость. Как и некоторые другие в полку, он всего несколько недель назад призван из запаса. По гражданской специальности — мастер-электронщик, в огневом расчете — наводчик. Учится заочно на пятом курсе математического факультета пединститута.

— Трудно ли было в такое короткое время снова овладеть артиллерийским мастерством? — спрашиваем Николая.

— Ну как ответить? Скажу легко — не поверите. А если сказать, что тяжело, неверно будет. С большим азартом, увлечением все работали. И в нашем огневом расчете, и во всем дивизионе. Каждый понимает, и какая задача, и какая обстановка. Так что за эти недели и свои специальности вспомнили, смежными овладели, и расчеты сколочены. Поступит приказ — услышите нашу музыку.

...Нет, мы ее не услышали. Точнее — не различили. Все сверкало и грохотало на поле боя. Обеспечивая выдвижение своих танков, которые в батальонных колоннах уже двигались к переднему краю «южных», реактивные войска, артиллерия и авиация сделали свое дело. Насколько мог охватить глаз, земля дыбилась, не успевала упасть, вновь и вновь взметенная в воздух могучими разрывами. Будто протянулся над полем черно-

бурый лохматый занавес, переливающийся брызгами огня. Даже здесь, в бетонированных блиндажах, бьет по ушам эхо взрывов, которые сливаются в сплошной, непрерывный гул канонады. Как уж тут было распознать — где артиллерия, где авиация? И угадать: когда бьет ствольная, когда реактивная, когда дивизионная, когда полковая? Но в штабах знали, управляли, командовали.

Рванулись, пересекая поле, огненные змеи — сработал инженерный заряд, уничтожил минные заграждения, открыл танкам проходы. Прямо в пламенное крошево, как в свою стихию, влилась рожденная в пламени броня — части Н-ской танковой и гвардейской мотострелковой Рогачевской дивизий. Наступление «северных» развивается успешно.

Значит, уверенной, точной была и та басовитая мелодия, которую вливал в грохочущую симфонию прорыва знакомый нам артиллерийский полк. Значит, хорошо, надежно сработали и командир первого огневого взвода одной из его батарей младший лейтенант Кохинок, он же бригадир колхоза «Восход», и заместитель командира дивизиона по политчасти лейтенант Богдан, он же — инструктор райкома партии, и командир орудия сержант Бортный, он же слесарь,— все они, вчерашние белорусские слесари, комбайнеры, учителя, строители, которые сегодня снова встали к орудиям, чтобы, подтвердив свое ратное мастерство, свою готовность к защите Родины, завтра снова вернуться к мирному труду.

Броневая волна двигалась вперед, углубляя прорыв...

На земле и в небе

...В этот мотострелковый полк мы впервые попали за сутки с небольшим до главных событий. Произошло это по чистой случайности: ехали смотреть Западную Двину — наслышались о ее дурном (разумеется, с практически-военной точки зрения) характере,— свернули в незнакомый лес, едва не заблудились и очень обрадовались встреченному грузовику ГАЗ-66. Выпрыгнувший из кабины майор обрадовался нам еще больше.

— Давно журналистов ждем. Добраться к нам непросто. Дороги какие, видите? А лес! Да, не представился: замполит мотострелкового полка майор В. Лагунов. Так что, едем?

Все же мы не поехали, зная, что должны встретиться с полком завтра, на переправе.

— Вы это, наверное, потому, что полк не гвардейский,— помрачнел Лагунов.— Зато два первых вымпела министра обороны — наши. Показатели — иным гвардейцам во сне не снились. А люди какие!.. Но про подшефных наших, уж пожалуйста, напишите: сегодня вот телеграмму от них получили, прочтите.

Прочли. «Коллектив ГПТУ 117 Минска желает дорогим шефам отличной работы на учениях, успехов в укреплении обороноспособности страны. От имени и по поручению будущих металлистов, фрезеровщиков, токарей, лекальщиков директор училища В. Козлов».

— Напишите, что мы ребят не подведем, пусть хорошо учатся,— прощаясь, сказал Лагунов.

...Мы встретились на переправе.

Грохотало воздушными боями небо, рвали землю фугасы. Между небом и землей словно бы прямо из вершин леса на мгновение появлялись пятнисто-зеленые боевые вертолеты, выбрасывали огненные стрелы и снова скрывались: вертолетная засада «южных». Боевые машины и пехота — вот он, звездный час полка Лагунова! — захлестнули правобережный луг между лесом и откосом берега. Знакомые незнакомцы: на боевых машинах дыбятся волноотражающие щитки, подняты воздухозаборные трубы, поблескивают перископы, под башнями сцеплены «восьмерками» тяжелые буксирные тросы — готовы к форсированию. И все равно жутковато было видеть, как стальные громадины спускались с 10-метровой кручи к реке, в борьбе с течением чуть ли не боком подплывали к левому берегу и вдруг, пыхнув дымом, яростно заревев, рвались напролом вверх по крутому откосу.

Самый трудный участок выпал батальону капитана В. Садырина: река за дамбой убыстряет течение, накатила сюда множество валунов, берег в оползнях. Ударь навстречу «противник», как знать, сколько машин

не пойдет уже в следующую атаку... Но «противник» не ударил: его сковал боем выброшенный с вертолетов тактический воздушный десант, который возглавил начальник штаба соседнего батальона капитан Л. Жаров. С воздуха беда тоже не придет: там уже царят авиаторы подлинного аса, летчика 1 класса майора Н. Новикова. Первая группа боевых машин вымахнула на берег «южных», к воде мчится вторая группа, третья... Идут по дну танки, плывут на самоходных гусеничных транспортерах колесные машины, переправляются зенитные комплексы. Поблизости стыкуют последние звенья моста воины понтонного батальона, замполит которого старший лейтенант Г. Беляков уже назначен комендантом переправы. А справа и слева вышел к реке второй эшелон.

Дело было вечером, а на следующее утро за многие километры от Западной Двины в глубоком тылу «южных» «северные» выбросили воздушный десант.

...Кто знает, когда родилась пехота? Какое поле впервые протоптала копытами коней боевая конница? Время и место рождения советских воздушно-десантных войск установлены точно — 2 августа 1930 года. В тот день на войсковых учениях Московского военного округа под Воронежем впервые десантники были выброшены для выполнения тактической задачи. (Первый посадочный десант осуществлен весной 1929 года в Таджикистане, когда в осажденный басмачами Гарм была высажена с воздуха группа красноармейцев.)

По нашим временам с такими силами в глубине обороны противника делать нечего. Хотя как сказать: десантник — и один в поле воин. Просто в современной войне воздушный десант должен решать уже не только тактические, но и оперативные задачи. Вчера, 10 сентября, мы видели именно такой десант.

Неба вверху не было — только самолеты и купола парашютов. Вспыхивало пламя пороховых тормозных установок под платформами боевых машин десанта, а к земле летели гроздья перкалевых куполов: десантировались орудия, зенитные установки, минометы, танки... Рядом со своей техникой с неба на землю спускались люди — отважные люди воздушно-десантных войск.

Удар с моря

...Переменчива осенняя Балтика. То разгуляется шторм, то тусклой сталью отсвечивает прибойное море. Но все эти дни на ее просторах продолжалось противоборство «южных» и «северных», их надводных и подводных кораблей, морской авиации. И хотя учения продолжают грохотать на широких пространствах, сегодня главное внимание приковано сравнительно к небольшому участку побережья Балтийского моря. Развивая наступление, «северные» на отдельных направлениях прорвали оборону «противника», наметился оперативный успех. Сейчас многое может решить высаженный в глубину обороны «южных» морской десант.

Уже несколько дней десантные средства флота «северных», приняв на борт морскую пехоту, танки, самоходную артиллерию, находились в море в ожидании приказа. И вот он поступил.

Загрохотали орудия кораблей огневой поддержки. Она подавляла артиллерийские батареи, опорные пункты береговой обороны. Отлично стреляет крейсер «Октябрьская революция», метко бьют артиллеристы и ракетчики других кораблей, развернувшихся далеко на горизонте в боевой порядок. Морская авиация штурмует побережье.

На исходной линии большие десантные корабли «Красная Пресня», «Донецкий шахтер», их собратья по трудной задаче — атаковать сушу с моря.

Чуть припадая то на один, то на другой борт, устремляются они к берегу.

Авиация обеих сторон завязывает воздушные бои. Напряжение столь велико, что внимание на время отвлекается от моря, а оно исчерчено бурунами ракетных катеров и тральщиков: одни ведут огонь по берегу, другие расчищают дорогу десантам.

«Южные» определили место высадки десанта, его силы, они подтягивают резервы, укрепляют оборону этого участка побережья. «Северные» принимают решение высадить воздушный десант.

Взаимодействие! Без него немыслим современный бой. Сегодня взаимодействие пространственно, можно

сказать, трехмерно: небо, землю или водную гладь, глубины моря одновременно охватывает стихия сражения. Вот и сейчас где-то в глубинах Балтики, прикрывая корабли десанта, чутко вслушиваются в шорохи морских глубин гидроакустики подводных лодок «Псковский комсомолец», «Ульяновский комсомолец»... Морские мили и толща воды отделяют их от кораблей десанта, десятки метров воды и неба — от вертолетов и авиации. Но делают они единое дело.

...Ждали все, но проглядели многие: фронт десантных кораблей выбросил остро рванувшиеся к берегу клинья — окутанные водяной пылью, летят корабли на воздушной подушке.

Желтая полоска берега надвигается стремительно. Томительные секунды — руки инстинктивно упираются в поручни, так и ждешь удара,— и корабль плюхается (для плавной посадки нет лишних секунд) на земную твердь.

— Опустить аппарель!..

Пошел десант! Первая волна. Здесь лучшие из лучших: самые умелые, самые отважные. Но даже опытнейшие из них, такие, как старший прапорщик Иван Кривенко — командир саперного взвода, волновались перед высадкой. Почти двадцать лет служит Кривенко в морской пехоте.

Русская морская пехота... Она родилась в ходе Северной войны по повелению Петра I, когда на галерах и парусниках пехотинцы смело брали на абордаж шведские военные корабли. Русский гвардейский флотский экипаж проявил исключительную храбрость и упорство в Бородинском сражении 1812 года. Вместе с армией он с боями дошел до Парижа и был награжден георгиевским знаменем. Первые отряды революционных моряков, штурмовавших Зимний дворец в 1917-м, заложили прочный фундамент мужества и отваги советской морской пехоты.

...У морской пехоты «отчей» палубы нет, сегодня выходят в море на транспорте, завтра — на большом десантном корабле.

Привычное дело саперы прапорщика И. Кривенко сделали хорошо. По расчищенным минным полям, про-

ходам десантники, поддерживаемые танками и бронетранспортерами, ринулись на позиции «южных».

К берегу подходят главные силы, раскрываются люки, опускаются аппарели. Плавающие танки один за другим соскальзывают в воду и, открыв на плаву огонь, устремляются к берегу. Поверхность моря расцветилась красными вспышками.

Волна за волной морской десант вступает в бой — отважные, прекрасные ребята. Где-то среди них и братья-близнецы Сергей и Василий Андриенко. Первый, что родился на полчаса раньше,— заместитель командира взвода, а тот, что помоложе,— командир отделения...

...Конечно, вполне можно было бы сказать: военный парад. Построенные побатальонно, идут перед трибуной войска. Равнение безукоризненно. Алеют знамена, ветер перебирает на них ленты боевых орденов. Но называется это иначе: полевой смотр войск, заключительный этап напряженных учений «Запад-81». Выведенные на смотр части проходят там, где еще недавно грохотали взрывы «сражения», где свежи следы танков, боевых машин пехоты,— на одном из ратных полей.

Обветренные, чуть усталые лица: большие учения — большой труд. Но настроение приподнятое. Еще будут проведены разборы, даны оценки, строгие и объективные. Но солдаты, офицеры и генералы за минувшие десять боевых, бессонных суток еще раз убедились — с поставленными задачами войска справились, к защите Родины готовы, воевать умеют, да еще как!

Сейчас с трибуны трудно, невозможно различить тех бойцов, командиров, политработников, с которыми сводили нас дороги учений. А ведь где-то здесь находится полковник Василий Васильевич Бураков. Как раз накануне сокрушительного огневого удара Ракетных войск и артиллерии по позициям «южных» однополчане поздравляли его с сорокалетием службы в артиллерии. Где-то здесь сейчас среди однополчан капитан Александр Романенко — внук и сын фронтовиков, артиллерист в третьем поколении.

А вот там, в колонне десантных машин, едут сейчас рядовой Леонид Маноха и младший сержант Алексей Упоров. Когда выбрасывался воздушный десант и все

небо покрылось белыми куполами, когда в воздухе стало тесно, схлестнулись стропы парашютов этих двух пареньков. Но оба не растерялись. Леонид Маноха подхватил, обнял своего товарища, раскрыл запасной парашют. В бой они пошли рядом.

Наблюдавший этот случай министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов вызвал на свой пункт управления рядового Леонида Маноху, младшего сержанта Алексея Упорова и их командира гвардии лейтенанта Генриха Наливайко, пожал им руки, поблагодарил солдат за мужество, офицера — за воспитание мужества и мастерства.

Мы спросили Леонида Маноху, о чем он думал там, в воздухе, когда погас парашют. «Думал о том, чтобы действовать, как учили!»

...Многодневные учения закончены, ратный труд воинов Вооруженных Сил СССР продолжается.

Сентябрь, 1981 г.

Тимур ГАЙДАР

В ДОЛИНЕ ПЯТИ ЛЬВОВ

...Чтобы лучше видеть ущелье, пришлось пересесть в кабину к афганским вертолетчикам, устроиться за спиной бортмеханика. Он сидит между пилотами в зеленом бронежилете, в защитном шлеме, поводит дулом пулемета, выискивая пещеру, из которой вдруг может ударить очередь. Слева на переборке горит красный глазок: «Внимание! Цепь вооружения под током!»

1.

Ровно два года я не был в Афганистане. В Кабуле воздух так же сух и пылен, так же катят по городу оранжевые такси, будто кто-то высыпал на площадь сумку апельсинов. Между машинами неспешно шагает верблюжий караван. На тротуаре мальчишка крошит на огромной терке лед, сверкают стеклянные банки с разноцветными прохладительными напитками.

Однако в облике Кабула даже с ходу можно различить некоторые перемены: новые кварталы крупнопанельных домов, медный купол новой мечети, красную ажурную башню на вершине горы Асмаи — приемную станцию цветных телевизионных программ из Советского Союза. На торговых улицах кое-где строятся или уже открыты новые магазинчики — дуканы. Два года назад некоторые торговцы свои дуканы закрывали.

Шумит базар Чар-Чата. Кажется, что тысячи и тысячи людей, заполнивших площадь, все разом говорят, спорят, торгуются, воздевают руки к небу и прижимают

их к сердцу. Только продавцы тканей — сикхи молча сидят, поджав ноги, рядом с цветастыми горами шелка, перебирают четки и лишь покачиванием тюрбанов принимают или отвергают цену за свой товар.

Притормозили у другого базара, где груды арбузов, сверкание влажной редиски, мешки риса... Узнали, что мясо подорожало, а цены на хлеб, рис, растительное масло — прежние.

Сообщаю об этих мимолетных наблюдениях потому, что задержаться в Кабуле не довелось. В министерстве национальной обороны узнал, что началась панджшерская операция.

В последних сообщениях западных телеграфных агентств Панджшер неоднократно назывался «валлей» — «долина». Но можно сказать, что это — ущелье. Ширина не достигает и двух километров, а местами сужается метров до трехсот.

Но военное значение Панджшера определяется не площадью. Узкий, длинный — почти на сотню километров,— обрамленный неприступными горами Панджшер тянется с востока на запад, как коридор, от границы с Пакистаном к перевалу Саланг, к зеленой зоне провинции Каписа, откуда и до Кабула — рукой подать.

Крупное бандитское формирование во главе с Ахмед Шахом, тридцатидвухлетним отпрыском семьи известных в Афганистане феодалов, пришло в Панджшер из Пакистана. Подавив отряды крестьянской самообороны и небольшие подразделения царандоя — милиции, Ахмед Шах начал укрепляться в долине. Сюда из Пакистана потянулись караваны с оружием.

Как известно, между главарями многочисленных группировок афганской контрреволюции не утихает междоусобная грызня. Ахмед Шах поставил целью, опираясь на базу в Панджшере, сплотить вокруг себя все банды на севере страны, а затем и в других ее регионах. Его радиостанция ежедневно с 8 до 9 утра вела передачи на языках дари и пушту.

Вот документ на бланке «исламского общества Афганистана», подписанный Ахмед Шахом и адресованный главарям других бандитских групп и формирований: «Учитывая недоступность Панджшера, мы создали здесь

крупную центральную базу для районов северного направления... Она может служить основой для отдыха отрядов, их пополнения, перевооружения и обучения. Мы можем оказывать помощь предоставлением военных инструкторов, советников, других военных специалистов... Мы желаем установить связи с Саманганом, Мазари-Шарифом, Бадахшаном, Кундузом...»

Месяца за четыре до нашего приезда выяснилось, что командование вооруженными силами ДРА упустило время для проведения операции в Панджшере: открылись перевалы, легче будет получать оружие и боеприпасы из Пакистана, легче маневрировать. В разгар весны он сам перешел к активным действиям, высылая подвижные отряды к перевалу Саланг, стремясь затруднить движение по основной автомагистрали, соединяющей юг и север страны, Афганистан с Советским Союзом.

Подготовка к панджшерской операции велась в секрете. Но, видимо, какие-то сведения все же просочились, потому что еще до ее начала банды, угрожая оружием, угнали население из кишлаков в горы, а подразделения афганских войск встретила многослойная, заранее подготовленная система огня.

Впрочем, о том, что схватка в Панджшере предстоит нелегкая, командование вооруженных сил ДРА знало и к этому готовилось.

...Повторяя изгибы ущелья, летим все дальше. Кое-где видны белые облачка разрывов, дымки пожаров. Левый пилот плавно сдвигает рукоятку. Вторя его движению, успокаивающе пощелкивает триммер: все в порядке, все в порядке...

В салоне вертолета ящики с патронами, пулеметные ленты, белые пачки листовок. Подполковник афганской армии Абдель Баки время от времени распечатывает очередную пачку, сдвигает дверь, в салон врывается прохладный ветер, и листовки летят вниз, туда, где пенится горная речка, где вьется возле нее дорога и, окруженные зелеными осколочками пшеничных полей, стоят пустынные кишлаки.

«Благородные жители Панджшера! — говорится в листовках.— В вашем районе активизировалась дея-

тельность банд мятежников. Для освобождения населения от их гнета и притеснений правительство Демократической Республики Афганистан вынуждено направить в ваши уезды свои войска. Главная цель войск — обеспечение безопасности мирных жителей, создание условий для мирного труда. Оказывайте поддержку в деле выявления банд».

Ущелье чуть раздвинулось, показались зеленые кроны деревьев. Наш вертолет идет на посадку. Второй, охраняя, кружит в воздухе.

...Штаб одного из полков афганской армии расположился неподалеку от кишлака под чинарами на берегу реки. Ее узенькие, быстрые протоки почти лижут колеса штабных машин. Белеет брезент выгоревших на солнце палаток.

С начальником штаба подполковником Есин Ханом мы обнялись, расцеловались. А разговаривать ему некогда. Он снова склонился над расстеленной на раскладном столике картой, прижал к уху трубку рации.

— В лоб не ходить! Берегите людей, подтягивайте артиллерию. Орудия на вьюки и — вперед! Проводник есть? Действуйте!

Виски у него поседели, морщинок прибавилось. Последний раз мы виделись два года назад в деревушке Кяджа уезда Хугани неподалеку от пакистанской границы. Тогда завершилась операция против банды Адамхана, сам главарь был уже убит, его тело выставили для опознания в Сурхруде. Мы переночевали в каком-то замке, Есин Хан был капитаном, начальником штаба батальона, только что вступил в партию, и его тогда легко ранило — осколок мины рассек кожу на лбу. А месяц был тот же — хамаль, и так же, как сегодня, рядом с опаленным сражением кишлаком зеленели поля, и если налетал ветер, то они отливали серебром.

Пока Есин Хан занят, мы вместе с подполковником Абдель Баки и выделенными для сопровождения двумя солдатами из взвода охраны штаба пошли в дом, где еще вчера размещался один из «военных комитетов» Ахмед Шаха. Дом, просторный, двухэтажный, принадлежал кому-то из местных богатеев. Мягкие кресла, низкие столики. Тяжелые ставни, прикрывавшие арочные

окна, сбиты взрывом. За окнами бурлит река. В углу одной из комнат сейф с распахнутыми дверцами. Пол усыпан бумагами.

Подполковник начал перебирать листочки.

— Наверняка ничего интересного,— сказал он, как бы готовя себя к предстоящему разочарованию.— Все важное унесли или уничтожили. Впрочем, глядите-ка...

Абдель Баки расправил листок.

«Тем, кто имеет радиоприемники! Исламский комитет еще раз доводит до сведения, чтобы знали, помнили и исполняли: слушать передачи из Кабула великий грех. Впредь это деяние будет наказываться штрафом в 10 тысяч афганей или отсечением головы».

По военной специальности Абдель Баки — связист. Командовал взводом связи, был начальником штаба батальона. Сейчас работает в отделе агитации и пропаганды политуправления. Невысок, худощав, по-юношески улыбчив. Только временами проглянет в глазах горечь и боль.

...Горы доносят эхо отдаленных взрывов. Где-то там, впереди, в одном из поперечных ущелий закрепились бандиты, отбиваясь из пещер крупнокалиберными пулеметами. Операция развивается по плану. Высаженные вертолетами афганские подразделения движутся по отрогам и навстречу друг другу, окружая врага. По хребтам, чтобы прикрыть моторизованные колонны, идут пехотные подразделения.

— Не следует думать, что в бандах, даже в той,— Абдул Баки указал рукой туда, откуда доносилась стрельба,— все одинаковые. Очень даже разные. Столько их перевидел... Есть яростные враги, фанатики. Есть просто наемники. Им платят — они убивают. Есть запуганные. Есть темные, обманутые... В прошлом году в Чарикаре захватили мы банду, пятнадцать человек. Главарь с помощником бежали. А эти — местные. Неделю с ними разговаривал. О земле, о воде, об исламе, про собственность, про налоги... Потом пошел к командованию: «Давайте отпустим. Думаю, не будут они больше против нас воевать. И старики ручаются». Начальство против: «Как так, отпустим? Пятнадцать бандитов. Ведь взяты с оружием!» А я говорю: «Ну и что

же, что пятнадцать? Пятнадцать больше, пятнадцать меньше, какая разница? Нужно попробовать!» Уговорил. Год они в своем кишлаке крестьянствовали. А недавно попросили оружие, чтобы организовать отряд самообороны.

Бой угасал вместе с вечерней зарей. Взрывы доносились реже, потом прекратились совсем. Подъехали два запыленных афганских бронетранспортера. Один из них привез раненых. Кто-то из штабных офицеров вызывал по радио вертолеты, чтобы отправить раненых в тыл. Затем начал передавать итоги дня: свои потери, потери противника, количество пленных, взятое у бандитов оружие...

Запылали костры. Появились чайники. Возле одной из палаток я увидел кружок солдат. Они что-то повторяли хором гортанно и певуче, положив на колени белые книжечки.

— Молитва?

— Нет,— улыбнулся Абдель Баки.

Он взял у солдата книжечку. На обложке изображено солнце, солдат с автоматом, крестьянин с плугом. Крупный шрифт. Текста мало. В основном рисунки — то пулемет, то трактор, то плотина, то окоп...

— Букварь,— сказал подполковник.— Издан политуправлением. У нас там специальный отдел по ликвидации неграмотности. Возглавляет его подполковник Али Ахмад. Вам, пожалуй, стоит познакомиться с ним, когда будете в Кабуле. Мы считаем этот отдел одним из важнейших. Занятия по обучению солдат грамоте проводятся ежедневно. Даже в боевых условиях.

Подошел Есин Хан, усталый, словно перегоревший в напряжении дня.

— Помните Кяджу? Мы ведь тогда сразу попали в засаду, как только вы уехали в Джелалабад.

За чаем он повеселел, оживился.

— Перемен в армии много. Сами увидите. Офицеры научились воевать. Солдаты лучше владеют техникой. Роты стали полнокровнее.

Заговорили о Панджшере — долине Пяти львов; по преданиям, в давние времена жили в этой долине пять

братьев, которые за одну ночь построили могучую плотину, чтобы напоить поля...

Население здесь небогатое, земли мало, очень многие отправлялись на заработки в Кабул, Кандагар, Газни. Из этой долины вышли знаменитые в Афганистане ученые, поэты...

Заря погасла. На какие-то мгновения над нами разлилось ровное, бесцветное, чуть серебристое сияние, резко высветив силуэт гор. Потом разом навалилась тьма и прикрыла позиции афганских войск, пещеры бандитов, притихшие кишлаки, нашу палатку.

Есин Хан приказал гасить костры: они хорошие ориентиры для снайперов, вооруженых дальнобойными винтовками.

...Утро. Погрохатывает пушка, и над одной из зубастых вершин вспыхивают облачка разрывов. В окулярах полевого бинокля видны крошечные зеленые фигурки; афганский взвод то залегает, то снова карабкается по склону...

2.

Не нужно быть военным человеком, чтобы понять, что в горах гораздо легче наладить оборону, чем вести наступление. Заняв выгодную позицию, даже несколько человек могут задержать роту, а то и батальон. Но операция, которую части афганской армии ведут в ущелье Панджшер против Ахмед Шаха, развивается успешно. Очаги сопротивления окружаются, банды, если не сложат оружия,— ликвидируются.

Штабная машина генерала Мухамеда Авзара еще не прокалена солнцем. На маленьком столике поблескивает графин с напитком из верблюжьей колючки. На большом — расстелена свежая карта нового дня боевых действий.

Поступают донесения:

«Занято здание, которое бандиты использовали как тюрьму. Пленные показывают, что в ней содержалось более ста человек. По приказанию Ахмед Шаха они уведены в горы. Возможно, убиты. Начали преследование».

«Обнаружен склад боеприпасов...»

«Неподалеку от кишлака Астана найдена машина, в которой, как показывают пленные, ездил Ахмед Шах. Стекло пробито пулей. Следов крови нет...»

«Вступил в боевое соприкосновение с противником. Квадрат... Высота...»

Генерал Авзар берет командирскую линейку, острием карандаша находит на карте нужный пункт, отдает распоряжение.

Привезли захваченные у противника документы. Их сортируют разведчики и сотрудники ХАД — органов государственной безопасности ДРА. Среди груды бумаг, списков, бланков неожиданно проглянула акварель: горы, два вертолета в небе, красная точка в ущелье, линии и стрелки.

— Наглядное пособие,— пояснил разведчик.— Видите, первый вертолет они пропускают. Бьют по второму, на развороте, чтобы труднее было заметить, откуда ведется огонь. Такие рисуночки нам уже попадались.

Рассматриваю акварель-инструкцию с особым любопытством. Вспоминается, как недавно на паре вертолетов мы попытались сесть в одном из пунктов. Военный инженер Валентин Валентинович Келпш, с которым мы летели, уже разглядел лагерь наших воинов, зажелтели внизу сигнальные дымы, пилот уже наметил для посадки крошечный островок между двумя протоками, начал снижение и вдруг резко бросил машину вверх.

— Огневая точка противника,— сказал он.— Обстрелян второй вертолет.

...Ночью после полета мы лежали с Келпшем в палатке, долго не могли уснуть, разговаривали. Горы размыла тьма, казалось, что лежим на дне глубокой черной кастрюли. Время от времени, не разгоняя тьмы, поднимались к небу гибкие стебельки ракет.

Валентину Валентиновичу сорок пять. Выглядит он моложе.

Его отец, зоотехник, охотник и рыболов, погиб в октябре 1941 года под Москвой. Валентин после войны работал комбайнером, затем окончил военно-инженерное училище. Долгое время был на политработе. Но все время рвался к своей специальности. После того, как

завершил — заочно — учебу в военно-инженерной академии, вернулся к саперной работе.

Два года назад здесь, в Афганистане, мы могли встретиться, были совсем рядом, но — не получилось. Фамилия Келпша была тогда уже широко известна и в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане, и в афганской армии. Особенно часто повторялась она в провинции Бадахшан. Вместе с советским инженерно-саперным подразделением Валентин Валентинович шел от Кишима к Файзабаду, восстанавливая подорванные мосты.

Столица Бадахшана — маленький, живописный Файзабад с огородиками на плоских крышах, обрамленный соснами и тополями, был отрезан: крупная банда Вазира блокировала город. Снабжение населения легло на плечи наших вертолетчиков.

Помню, как на крошечном аэродроме усаживались вокруг майора Вячеслава Гайнутдинова старики афганцы, держали совет: кого и что везти в первую очередь. Поодаль толпились жители с тюками, коваными сундуками, связками мотыг.

Файзабад и весь Бадахшан и даже Кабул с надеждой следили за продвижением саперов. Дорога пролегала по узкому ущелью реки Кокча через семь ее мостов. Мосты — внизу. Банды — наверху, на окрестных вершинах. Грохот отбойных молотков часто сопровождался пулеметными очередями.

— Самым трудным был, пожалуй, третий мост. Ставили тяжелые, многотонные фермы. А банды наседали пуще прежнего... Зато видели бы вы, как встретили саперов в Файзабаде, какой был праздник!

Заснули мы под утро, твердо решив, что к саперам отправимся при первом же удобном случае.

...Три афганских БТР, раскачиваясь, грохоча, поднимая облака пыли, мчат по извивам горной дороги. Пыль скрипит на зубах, слепит глаза. Дульца пулеметов прикрыты от пыли целлофановыми мешочками. Лежащие на броне солдаты зацепились кто за что — тряска отчаянная. Дорога бросается вниз, взмывает вверх, от речных брызг к раскаленным скалам и снова — из жары в прохладу. С нашего БТР видно, как колеса головной

машины повисают над обрывом, его бортовая броня царапает скалу. Через мгновение и мы ощущаем толчок, слышим скрежет. Но скорости не сбавляем.

— Красивое место,— говорю я подполковнику Афизуле Мушару, стараясь сбросить невольное напряжение.

— Плохое,— отвечает подполковник.— Удобно для засады.

Он сидит в левом люке, одной рукой держится за бронированную крышку, в другой зажал микрофон, монотонно повторяет: «Хазрат... хазрат шираз... хазрат...»

Радиосвязь со штабом работает нормально.

Валентин Валентинович едет на первом БТР, машет оттуда рукой, указывая на взорванные валуны, на свежий срез в горном склоне, на торчащие из-под насыпи стебли.

Дорога к саперам — это уже встреча с саперами.

Чтобы быстрее открыть путь, они работают здесь «перекатом». Первым идет инженерно-разведывательный дозор. Встретился завал или скала направленным взрывом обрушена на дорогу — стой! Выдвигается инженерная машина разграждения. Проделала проход для себя и вместе с дозором уходит дальше. Остальные продолжают работу. Слой за слоем снимают завал. Дробят взрывчаткой крупные осколки. Сваливают их в реку. Нарезают на склоне продольные ступени. Потом выкладка: слой земли, слой стволов, веток и еще — для прочности — ящики из-под боезапаса, наполненные речной галькой. Исправлен поврежденный участок — снова все вперед, туда, где инженерно-разградительная машина уже пробилась через очередную преграду.

...Дорога пошла глаже, рывков поменьше, казалось — утихает шторм. Проехали по улице кишлака мимо сложенных из нетесаного камня домиков, спустились к реке. Механики-водители заглушили моторы, и мы услышали пение цикад, и стал различим запах клевера.

Лагерь расположился на поляне. Палатки, полевая кухня, штабель зеленых ящиков, маленький красный плакат: «Учиться военному делу настоящим образом!»

Возле арыка в тени шелковицы на брезентовом чехле спят четыре молоденьких наших солдата, раски-

нули руки. Видно, что крепкая усталость прижала их к земле.

Техника стоит ниже, у самой реки, под отвесной скалой между валунами. Машины запылены, помяты взрывами, лишь ослепительно сверкают отполированные работой огромные ножи-отвалы. Особенно лихой вид у танка-бульдозера. Его башня и лобовая броня обмотаны запасными стальными траками, и потому он похож на матроса с пулеметной лентой через плечо. Только что отремонтировали ИМР — инженерную машину разграждения. Теперь стальное чудище разминается перед работой. Берет клешней огромный валун, поднимает его над своей башней, бросает в реку; поводит стальным отвалом: ставит горизонтально, наклоняет, потом нож как бы складывается, превращаясь в форштевень... Сердито поблескивают узенькие прорези броневых стекол.

Поднялась крышка люка, и из машины вылез ее механик-водитель рядовой Николай Мельник, недавний десятиклассник из Ростовской области. Невысокого роста, худенький. Улыбнулся смущенно, дескать, извините, но этой громадой действительно управлять доверено мне...

Келпш собрал офицеров, заслушивает доклады, сверяет данные: подрывом сверху было завалено 80 метров дороги, второй завал — через 200 метров, высота 2,5 метра, третий — высота до 8 метров; обрушена скала — осколки диаметром до 10 метров. За первый день прошли 2,5 километра. За второй — 15 километров... На участке протяженностью 58 километров снято 196 мин и 18 фугасов. Наверняка в бандах есть иностранные инструкторы.

Устроившись на дувале, разговариваю с командиром саперного взвода старшим лейтенантом Владимиром Борисовичем Гладковым. Он секретарь партийной организации роты. Времени на беседу немного. Саперы скоро снова пойдут вперед.

Первые мины взвод встретил сразу при входе в ущелье. На дороге. Заграждение старое — установлено несколько месяцев назад. Свежие минные поля начали попадаться позже. На миноискатели здесь особенно

надеяться нельзя. Порода неоднородная, частые вкрапления железной руды. Работали в основном щупами.

— Знаете, как он выглядит? Кушнеренко! Неси щуп!

В руках у старшего лейтенанта появилась длинная деревянная трость с тонким металлическим наконечником. Легкими быстрыми ударами он несколько раз уколол грунт.

— Нужно чувствовать упругость породы, замечать изменение звука. Если придется двигаться ползком, металлический наконечник переставляют перпендикулярно... Мины в основном итальянские «ТС-6,5» и английские «МК-7».

— Можно взглянуть?

— Земляницын! Неси мины.

Смотрю на Гладкова: молод, ну совсем еще молод! Но голос, взгляд, жест — вся повадка бывалого офицера подсказывает, что этот старший лейтенант повидал уже немало, уже взвесил свой фунт военного лиха, умеет командовать, не растеряется в сложной обстановке, уважает старших, но и себе цену знает. А еще чувствуется, что его — любят.

Рядовой Сергей Земляницын аккуратненько выложил у наших ног две большие круглые коробки. Итальянская нарядна. Ее пластмассовый, цвета кофе с молоком ребристый корпус напоминает крышку ультрасовременного пылесоса. Корпус английской — из металла, она скорее похожа на видавшую виды сковороду.

— Английские появились у банд с осени прошлого года. Может, и совпадение, но как раз вскоре после того, как госпожа Тэтчер посетила Пакистан. Первую такую мину нашла собака Форд. В Кунаре. Как полагается, уселась рядом с миной, тявкнула и стала ждать награду.

— А сейчас собаки использовались?

— Зайцев! Веди Ольгерда.

Огромную поджарую овчарку привели на коротком поводке. Ольгерд уселся, укоризненно глянул на своего проводника и презрительно отвернулся от нас.

— Хорошо работают. Правда, когда нет особой жары.

— Ольгерд и в жару работает, товарищ старший лейтенант,— возразил Зайцев.

— И когда грохота нет,— продолжал Гладков, не принимая возражения.

— Ольгерд и под огнем работает, товарищ старший лейтенант. Ну что вы сегодня, право...

Теперь и проводник, и собака не смотрят на командира, разобиженные окончательно.

Сигнал — и эта команда взметнула лагерь. Быстро свертывались палатки, зашипели под струями воды костры, снизу от реки донесся гул моторов.

Прощаясь, старший лейтенант уточнил:

— Если будете про нас писать, не забудьте, пожалуйста, младший сержант Анатолий Зайцев. Храбрый и умелый боец. На днях принят в партию. Еще приняты рядовой Сергей Земляницын, Александр Кушнеренко, Ходжапес Ходжапесов... Младший сержант Сергей Шаповалов снял четыре мины, рядовой Маджид Абдурахимов — пять мин и два фугаса...

— Можно с ними потолковать?

Впервые за наш разговор Гладков отрицательно покачал головой:

— К сожалению... Хотя стоило бы. Но Шаповалов впереди — в дозоре, Абдурахимов позади — в медсанбате. Такое дело... Разрешите?

Он откозырял и пошел к своей уже строящейся роте, по-прежнему держа в руке саперный щуп, который похож разом на посох, на копье и на волшебную палочку.

Август, 1982 г.

Виктор БЕЛОУСОВ

ИЗ ЗВЕЗДНЫХ ВОРОТ

Солдат вышел за ворота и не оглянулся назад. Он знал: провожающих нет, они после торжественного построения остались там, в казарме. Когда-то таким же маем он вступил в новый для себя мир. Теперь это позади. Домой едет. Все! Конец бесчисленным построениям, нарядам, тревогам. Конец отрезка жизни, разлинованного от подъема до отбоя.

Солдат уходил, а вслед ему смотрели две алые звезды на вечнозеленых воротах. Их лучистый взгляд провожал солдата до поворота.

Потом будет родной двор. Окружат мальчишки: «Дядя Петя, а звездочку дашь? А ремень?»

Отдаст. Но в последнюю минуту задержит в руке. Вдруг почувствует: расставаться жаль. Когда-то за эту пряжку попало: «Не начищена». Но это ли главное, что было?

Вот и мама так смотрит, точно все открывает в сыне что-то незнакомое, неожиданное.

Правда, Анна Георгиевна Соловьева впервые заметила это раньше, из писем, когда Валерий еще служил на подлодке. В одном из них он сообщал, что писем теперь долго не будет, но что волноваться не надо, а нужно обязательно прислать ему справку («разрешили сдавать экстерном за среднюю школу, готовлюсь»).

Вот в это-то и не верилось. Ведь сколько было бесконечных разговоров. «Валера, учись». Нет, остался на второй год. Потом решили с отцом: пусть на завод

идет, может, повзрослеет. Перевелся в вечернюю. И — на тебе! — вдруг объявляет: «Повестка в армию».

— Со школой-то как? — всполошилась мать.

— А я бросил.

— Постой, а вечером ты где?..

Да что спрашивать! Ненадежный парень. А ведь отцовский пример перед глазами. Знатный рабочий-строгальщик, орден Ленина... Просьбу о справке Анна Георгиевна встретила с сомнением.

Но отец сказал: «Завтра пойду в школу». Фронтовой авиамеханик знал, как может поправить человека армия.

Осенью Валерий приехал в отпуск. И сразу показал матери аттестат.

Потом опять шли письма, и Анна Георгиевна уже верила, что Валерия избрали комсоргом, что в морском многоборье выполнил норму кандидата в мастера спорта, что с отличием окончил партшколу. Начинались письма строчкой: «У меня все нормально». Любимым словечком у него стало это «нормально». И в отпуске на расспросы о службе так отвечал. Лишь раз прорвалось: «Страшно, когда горит соседний отсек, а ты не можешь броситься туда: ребятам нельзя разгерметизироваться». Правда, поспешил успокоить — это учения. Но Анна Георгиевна о многом догадалась. Откуда приходит разительное повзросление, уже не было такой загадкой. Особенно после того, как увидела портрет сверстника Валерия, флотского лейтенанта Вячеслава Хрычикова и орден, которым он награжден. Вячеслав тоже подводник.

Анна Георгиевна еще поволнуется. Во второй отпуск Валерий вдруг объявил: собирается жениться. Кто она? Люда, электрослесарь, специальность прямо для нашего завода.

— Погоди, ты жену ищешь или слесаря для завода?

Снова Анне Георгиевне покажется: нет, остался мальчишкой, разве можно так в серьезных вопросах? И знакомы-то, оказывается, недавно. «Так я же гидроакустик,—улыбнется он,— сразу вижу: хорошая она». «Где это ты так научился разбираться в людях?» Твердо ответит: «На лодке». Под конец Анна Георгиевна услышит:

«Ты — как маленькая. Девчонка в детдоме росла, теперь в общежитии. Знаешь, что для нее семья?»

В прошлый отпуск Валерий делился планами: после службы поступит в институт на заочное. Мать подумала: теперь вся учеба прахом пойдет.

— А пошло все как по-писаному. Невестку привез, а вышло — дочку. Пошел в сборочный слесарем и сразу же сдал в институт транспортного машиностроения. В морском клубе ребята за ним хороводом, набрал целую группу аквалангистов,— Анна Георгиевна припоминает, не упустила ли что.— Да, чемпионом города по стрельбе стал.

Бывает, командиры пишут благодарственные письма родителям. А ей хотелось послать родительскую благодарность флоту. Валерий улыбался: «Знаешь, сколько надо писать? В «учебку», на лодку, начфизу лейтенанту Алексееву, в партшколу, мичману Лошманову...»

Каждый вспоминает своих и свое.

Слесарь-лекальщик Петр Андропов — майора Матвеева. При нем осваивали новый мостоукладчик. Норматив тогда показался саперам просто фантастическим. А Матвеев сказал: «Это нормативчик. Норматив мы установим свой». И началось. Было ощущение: выкладываются на пределе. Дружок Николай Миронов еще нашел силы шутить: «Гимнастерку бы выжать, да страшно — речка из берегов выйдет». А Матвеев смотрел на часы: «Хорошо. Но танки не могут ждать столько». Не по стихам Блока — по таким переправам уверовали: «и невозможное возможно».

Как-то попросили Андропова выступить на заводе перед призывниками. Он тогда высказал мысль: все производственные рекорды поставлены бывшими солдатами. Ему вопрос: «А как же с ткачихами?» Засмеялся. Но остался при твердом убеждении: армия — вот школа!

Мы беседуем в красном уголке. Именно сюда позвал однажды парторг цеха Виктор Михайлович Поздняков отслужившего сержанта Андропова. На всех четырех столах змеились доминошные составы. «Видишь: вот он, весь наш спорт. Подорвем это дело, сапер?» Доминошники засмеялись.

Теперь на стенке висела таблица шахматно-шашечного турнира, алели грамоты за волейбол, плавание. В шкафу поблескивали спортивные кубки...

После сапера я спрашивал связиста. Токарь Саша Кузин вспомнил свой первый день в армии. Как отчужденно, разбившись кучками, сидели по землячествам. И день последний, когда ехали до Москвы вместе, все друг другу больше, чем родные. В Москве Александр бегал по книжным магазинам, хотел до отхода поезда на Баку найти для Алахвердиева «Войну и мир». А этот парень из азербайджанского села на первых порах службы слабо понимал по-русски.

На Людиновском тепловозостроительном мне везло на токарей. Голубоглазый торпедист Володя Старнов после флота вернулся к своему станку. Было это минувшей осенью, но станок тот я уже не увидел. На проводах мастер И. И. Фролов сказал: «Смотри, в цех возвращайся, мы тебе новый станок припасем». На проводах все мы добреем. А тут случилось, вернулся Старнов, и вскорости цеху выделили новый полуавтомат. Достойных претендентов на него было много. Как тут быть? Старые кадровые рабочие могут обидеться. Собрал мастер участок и такую речь держал: «Все вы помните, обещал я станок Старнову. Думал я тогда, к тому времени мы их побольше получать станем. А видите как... Так что решайте сами». Решили единогласно: отдать матросу.

Но станочная проблема осталась острой. На участке к мастеру подошел кудреватый молодой рабочий:

«Послушайте, в третью смену выходит у нас пятнадцать станочников, а обслуги надо держать семнадцать человек. Это по-государственному? А какая производительность в ночную? Вон мой наставник Козлов уходить собрался. Я говорю: «Ты что, дед, сдаешь позиции?» А он ответил: «Из-за третьей смены». А он же токарь-художник! Это по-государственному — такие кадры терять?»

Заместитель секретаря парткома Лев Дмитриевич Арсеев поддерживающе кивал: вопрос ставится правильно. К сожалению, возможности завода пока не позволяют отказаться от третьей.

— Хорошо, а если перераспределить станки между цехами? Я тут присматриваюсь к одному: у них во второй не все задействованы.

Глазастого токаря с государственными заботами зовут Григорий Яшкин, недавний пограничник. Когда начальнику цеха сообщили, что после службы возвращается Яшкин, он никак не мог его вспомнить. «Такой неприметный был»,— подсказал мастер. Неприметность оказалась тогда самой яркой приметой доармейской биографии паренька.

И все-таки оставалась мысль — не преувеличивают ли ребята роль армии в своей жизни? Говорят: повзрослели, закалили волю, много узнали, появился вкус к общественной работе. А если бы не повестка, разве здесь, на заводе, не ушло бы с годами мальчишество, не окреп характер, не расширился кругозор?

— Правильно,— соглашается Григорий Яшкин.— Только тут я за эти годы вырос бы вот на сколько,— он отмерил треть замасленного пальца.— А в армии,— он посмотрел на этот палец, отогнул еще один и наконец решительно показал всю пятерню.— Вот.

Начальник отдела кадров завода А. А. Фомин, человек с многоэтажьем боевых наград, делился: «После армии начальники цехов нарасхват берут себе пополнение, только давай. Говорю одному: слушай, это тот самый Парначев, который блажил у тебя и, помнишь, за три месяца так и не сдал техминимум. Отвечает: тот да не тот. Не вздумай в другой цех направить. Поругаемся».

Одна Антонина Петровна Сныткина сказала, что ее Петя нисколечко там не изменился. Потом пояснила: думала, армия сделает его суровее. А он вон весну ей принес,— она показала на веточки в молочной бутылке. Она больна, давно не выходит из квартиры. Вот за этим столом и прочитала в газете: «...наградить орденом «Трудовая слава» III степени... Сныткина Петра Александровича, фрезеровщика Людиновского тепловозостроительного завода».

— Петя, знаешь, о чем я вчера думала? Ты, наверное, в нашей области самый молодой орденоносец?

— Мама, ну о чем ты! — сухощавый, вихрастый орденоносец спешит перевести разговор.— Знаете, наш завод каждый день дает два тепловоза.

Я так и не видел Петра Сныткина за его фрезерным станком. Когда подошли, место его там пустовало. Мастер улыбнулся: «Знай, у кого-то застопорилось. Молодняка много. Сныткин тут свое бросит, летит. Я уже прозвал его Палочка-выручалочка. Вон он!»

Станок сыпал искры. У щитка почти касались друг друга две головы в одинаковых зеленых кепочках. Может, подражание старшему и началось с кепочки.

От Сныткина я ушел поздно. Петр вызвался проводить.

С озера Ломпадь — украшения Людинова — тянул ветер. В аллее, что ведет к заводу, среди черных лип светлел памятник. Скоро ветер заиграет в зеленой кроне, и тогда, может, почудится, что это не листва над головой, а шелестит на ветру знамя в руке юноши-подпольщика.

Петр взглянул на часы и вдруг сказал:

— А там уже третий час ночи.

Не забывается.

Там остались его командиры-наставники. Там осталась прекрасная пора юности.

Многое взято там, за звездными воротами. Взято на всю жизнь. Пусть снята армейская звездочка. Свет ее пройдет через годы.

Май, 1976 г.

Константин ВАНШЕНКИН

ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Одно из необыкновенно ранних, почти нереальных воспоминаний: иду с матерью по яркой весенней улице, вернее, мама ведет меня за руку, и вдруг навстречу он — громадный, в длинной шинели, в шлеме-буденовке со звездой.

— Кто это? — а сам уже догадываюсь, знаю, видел в книжке на картинке. Но с замиранием жду подтверждения: — Красноармеец! — И чувство восторга от его громадности, его вида, самого этого слова.

Потом, я уже учился во втором классе, были маневры, и к нам во двор зашел боец. Не снимая фуражки с малиновым околышем, он сидел на скамеечке, разговаривал со взрослыми, курил папироску-гвоздик и придерживал рукой длинную красивую винтовку с почти совершенно синим, сужающимся кверху четырехгранным штыком.

Старший брат моего соседа был курсантом военно-морского училища. Я испытывал потрясение, когда он приезжал в отпуск и гулял с девушкой,— он был в черных клешах, с бляхой на ремне, в бескозырке с мерцающими золотыми буквами на ленточке. А потом, в сорок первом, курсанты шли в атаку, зажав кончики лент в зубах,— чтобы не сорвало встречным ветром или пулей.

Обожание Красной Армии было в крови поколения. Ворошилов на коне, у коня белые чулки. Помните цокот копыт по брусчатке? Его слушала вся страна.

Где сейчас увидишь обычный воинский строй? На параде, в военном городке, в гарнизоне... А прежде, до

войны, строй то и дело появлялся на улице, слитный, подтянутый, с песней. Лицо армии, ее голос. Он безотчетно притягивал к себе.

Изобрел это здорово кто-то,
Видно, крепко солдата
любя,—
Чтоб ходила бы с песнею
рота,
Веселила сама же себя.
Прочный сплав содержанья
и формы,
Обладающий силой бойка,
Но в границах положенной
нормы,
Предусмотренной нормы пайка.
Старой песни весомое
слово —
Бой, раненье, дорога домой.
А солдатская служба сурова,
Даже праздник армейский —
зимой.
Грозно песня звучит
строевая,
Дружно рота поет ее вся,
От печалей себя прикрывая,
Будто щит над собою неся.

Существует выражение, которого вы не найдете ни в одном уставе и которое тем не менее известно всем служившим в армии и воспринимается ими почти как уставное: строй — святое место.

Но одно дело восхищаться, любоваться воинским строем со стороны и совсем другое — стоять в шеренге на своем месте, на своем номере. Порой это нелегко.

Но зато как прекрасен момент, когда ты ощущаешь себя своим в этой новой жизни, замечаешь красоту воинской службы, силу боевого товарищества. Без преувеличения можно сказать, что служба в армии — приобщение к народной жизни, к самой ее гуще, постижение разнообразнейшего опыта. Со мной во взводе служил парень из глубоких закамских лесов — Коля Кудряшов,— только когда его призвали, увидел он впервые железную дорогу. Но не только он у меня — я у него многому научился. Может быть, даже очень важному.

Мы были сыновьями тех, кто прошел гражданскую. Наши сыновья призывались в начале семидесятых. Юность или ранняя молодость нашего поколения совпали с годами великой и страшной войны. Оно сильно повыбито, мое поколение.

Это правда, нас осталось
мало.
Но еще и нынче нас
не счесть.
Как нас ни крутило,
ни ломало,
Но на свете все-таки
мы есть.
Это правда, нас осталось
мало —
По сравненью с силой той
живой,
Что когда-то, молодая,
встала
Над густою летнею травой...

И может быть, в силу своей крайней молодости поразительную смелость выказывали мои товарищи, все прошли, что выпало на их долю. Я служил в воздушно-десантных войсках. При тогдашней краткой, форсированной подготовке не каждый мог и умел преодолеть себя во время прыжков. Старались, мучились, но добивались своего. Вспоминаю всего лишь два случая отказа от прыжка заранее, то есть сознательной трусости.

Армия — это всегда молодость,— и я имею в виду не только действительную срочную службу. Армия всегда молода по духу.

Знал и знаю высоких военачальников, которые прыгали с парашютом в мирное время, в весьма почтенном возрасте. Но зато как это приближало их к солдату и солдата к ним.

В армии, как вряд ли в какой-либо другой сфере нашей жизни, исключительно отработана естественная передача традиций, опыта — от одного поколения к другому. Это налажено ясно и четко. Но даже здесь редкостный случай — после всех послевоенных переформирований сохранилась часть, где я служил, на полевую

почту которой писали мне мои родители в конце войны в Венгрию и Чехословакию. Более десяти лет назад я приехал летом в свою часть, спал в маленьком домике вместе со старшиной-сверхсрочником А. И. Мелиховым, которого хорошо помнил. И когда на рассвете, сквозь сон, услышал сигнал трубы, показалось мне, что я в пионерском лагере. Тоже не случайная ниточка нашей жизни.

Понравились мне мои новые однополчане, сегодняшние десантники, молодые, отлично тренированные, уверенные, лихие ребята. Все они знали и умели такое, что нам и не снилось. Они были мне близки — мои младшие братья или сыновья. И меня они тоже принимали как своего.

При воспоминании и размышлении в зрелые годы — не только о молодости — служба в армии оказывается одной из самых ярких, важных, значительных полос жизни. Удивительна с годами настойчивая тяга человека к себе давнему, юному, к суровым и прекрасным временам и дорогам. Встречаются бывшие соученики, выпускники, но никто не встречается так, как люди, служившие вместе в армии, воевавшие вместе. Какой это не только не ослабевающей, но все возрастающей остроты встречи!

9 мая 1977 года поехал в Центральный парк культуры и отдыха на встречу ветеранов нашего воздушно-десантного корпуса. По Крымскому мосту валом валила толпа. Гремели оркестры. Тут и там пестрели щиты с надписями: «1-й Украинский фронт», «2-й Белорусский» и — бессчетно — наименования армий, корпусов, дивизий. Рябило в глазах. С трудом протолкался к своим,— не нашел бы, если бы место не было оговорено заранее. Вокруг нашего голубого щита с нарисованными парашютиками, рядом со старыми десантниками, стояли ребята — учащиеся ПТУ, с которыми дружат ветераны нашей части. Они тяготеют к этому виду войск, готовятся служить в ВДВ.

Председатель комитета ветеранов корпуса инженер Ф. И. Каменский, энтузиазму и энергии которого мы во многом обязаны тем, что встречаемся сейчас друг с другом, здороваясь, сказал:

— А тут один был из вашего полка. Зайцев. Не знаете? У него фотографий целая пачка. И командира вашего снимок.

— Киреева? — Я и еще несколько человек заинтересовались. Но Зайцев этот куда-то подевался.

А вокруг бурлил и гудел праздничный парк. Снимали кино. Не спрашивая фамилий, обращались к бывшим солдатам и офицерам, протягивали листок с одними и теми же вопросами — о начале войны, о боевых товарищах, о Дне Победы. И люди раскованно, свободно отвечали.

Встречались друзья. Не узнавали, потом ахали: «Ты?!» И стояли или бродили одинокие, молчаливые фигуры с табличками, с транспарантами: «Ищу однополчан!» — и номер части. «Ищу однополчан мужа» — номер части и маленькая солдатская фотография. Подошел молодой человек с женой, стал расспрашивать. Он искал однополчан отца. Многие были с детьми.

И тут объявился этот самый Зайцев. У него действительно оказалась фотография нашего командира, всеобщего любимца, «бати» — полковника Сергея Николаевича Киреева, которого уже нет с нами. Затем Зайцев начал показывать остальные снимки, объясняя, кто на них изображен, а мы, сблизив головы, их рассматривали. И вдруг на фотографии я увидел здорового, статного парня, явно знакомого мне.

— А вот этого знаю,— сказал я.

— Так это же я,— ответил Зайцев.

Выяснилось, что мы короткое время, уже после войны, даже были с ним в одной роте.

А вокруг шумел праздничный парк, гремели оркестры, встречались, обнимались, смеялись и плакали старые люди, пришедшие сюда из далекой своей молодости, наперекор всему — огню, времени, смерти. Они спасли эту землю — с ее городами и селами, полянами и перелесками, с отдаленной, но такой близкой, перехватывающей горло, звонкой и грозной строевой песней среди снежной зимы.

Январь, 1978 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛАВЫ ОТЦОВ — ДОСТОЙНЫ

В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *А. Т. Шаповалова*
Младший редактор *В. В. Шабалкин*
Художник *Л. В. Козлов*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 4599

Сдано в набор 10.08.84. Подписано в печать 15.03.85. А 00046. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Условн. печ. л. 30,24. Условн. кр.-отт. 89,04. Учетно-изд. л. 28,12. Тираж 100 000 экз. Заказ № 510. Цена 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

СЛАВА СОВЕТ

СКОЙ АРМИИ!

1р. 60 к.

В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

ПОЛИТИЗДАТ
1985